АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

ВТОРАЯ ТРИЛОГИЯ
1937–1938 ГОДЫ

ЭКСМО

ОКО СИЛЫ
АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

То, что во второй трилогии эпопеи "Око Силы", рассказывающей о событиях столь трагических и страшных лет, автор сумел удержаться на некой невидимой грани, не сдавая все карты в руки одной из сторон, можно назвать одним из главных достижений А. Валентинова. Несмотря на вполне законное искушение выставить палачами и подонками всех "бойцов невидимого фронта", герои Валентинова остаются в равной степени реалистичными, а их поступки — вполне психологически достоверными.

Василий Владимирский

ОКО СИЛЫ

ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ. 1920-1921 годы

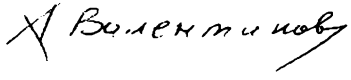
Книга первая. ВОЛОНТЕРЫ ЧЕЛКЕЛЯ
Книга вторая. СТРАЖ РАНЫ
Книга третья. НЕСУЩИЙ СВЕТ

ВТОРАЯ ТРИЛОГИЯ. 1937-1938 годы

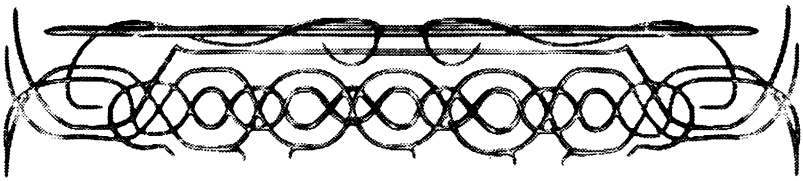
Книга четвертая. ТЫ, УСТАВШИЙ НЕНАВИДЕТЬ
Книга пятая. МНЕ НЕ БОЛЬНО
Книга шестая. ОРФЕЙ И НИКА

ТРЕТЬЯ ТРИЛОГИЯ. 1991-1992 годы

Книга седьмая. ПРЕСТУПИВШИЕ
Книга восьмая. ВЫЗОВ
Книга девятая. КОГОРТА



Адрес страницы А. Валентинова в Интернете:
http://sff.kharkov.com:8080



АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

ВТОРАЯ ТРИЛОГИЯ
1937-1938 ГОДЫ

ЭКСМО-ПРЕСС
2001

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 15

Разработка серийного оформления
художников *Anry* и *Николая Симкина*

Валентинов А.

В 15 Око Силы: Роман-эпопея. Вторая трилогия.: — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.— 640 с. (Серия «Нить времен»).

ISBN 5-04-008325-4

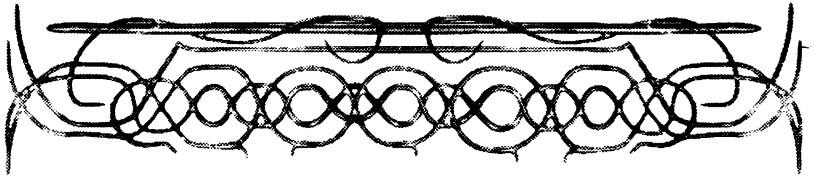
Незабываемый 1937-й... Смерть, царящая в стране победившего социализма, не щадит никого — ни специалиста по загадочному древнему народу, ни работников НКВД, слишком близко приблизившихся к Тайне. Трудная задача выпала сотрудникам разведгруппы, прибывшей с далекой планеты Тускула, чтобы спасти тех, кого еще можно. А всесильный Некто, правящий растерзанной страной, посылает войска к маленькому китайскому городу Пачанг, начиная Небесную Битву...

Вторая трилогия знаменитого романа Андрея Валентинова впервые выходит в авторской редакции. «Око Силы» — тайная, спрятанная от нас история XX века.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

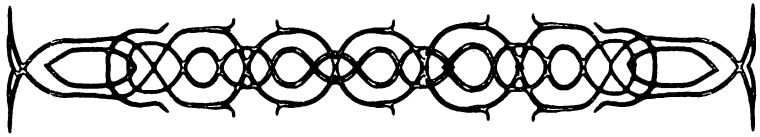
© Валентинов А., 2001
© Оформление. ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2001

ISBN 5-04-008325-4



КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ТЫ, УСТАВШИЙ НЕНАВИДЕТЬ



Погожим сентябрьским днем на коктебельском пляже, как раз напротив знаменитого дома Волошина, два гражданина принимали солнечные ванны. Накануне шел дождь, и это распугало отдыхающих — почти никто не пришел на берег насладиться прелестями «бархатного» сезона. Лишь неподалеку от пустынного в этот час пирса какие-то дамы играли огромным надувным мячом да несколько чудаков из съехавшихся в Коктебель литераторов восседали в шезлонгах, лениво поглядывая на черную глыбу Карадага. Итак, вокруг никого не было, и эти двое могли без всяких помех с удобством расположиться на большой подстилке под лучами крымского солнца. Точнее, на подстилке сидел один — высокий, необыкновенно тощий мужчина лет пятидесяти, совершенный альбинос, скрывавшийся от солнца под большой белой панамой, накинув для верности на плечи махровое полотенце. Второй, среднего роста крепыш, сидел прямо на гальке, подставляя горячим лучам загорелые почти дочерна плечи. Альбинос дымил «Казбеком», его молодой спутник, похоже, напротив, не переносил табачного дыма, стараясь отодвинуться подальше от медленно поднимавшихся в безоблачное небо сизых никотиновых колец.

Они беседовали. Тот, что постарше, говорил быстро, горячо, сосед же его отвечал не торопясь, взвешивая слова и делая перед каждой репликой паузу. Будь рядом кто-либо посторонний, он неизбежно обратил бы внимание на некую странность. Крепыш, явный славянин с сильными, немного грубоватыми чертами широкого русского лица, отчего-то отзывался на имя Арвид. Альбинос, говоривший с заметным акцентом, да и по виду весьма напоминавший эстонца или финна, в свою очередь, не возражал, когда собеседник именовал его Василием Ксенофонтовичем. Впрочем, это была не единственная странность беседы, которую двое отдыхающих вели в погожий сентябрьский день года от Рождества Христова 1937-го, от начала же Великой Смуты — 20-го.

— ...Вижу, Арвид, вам не нравится Коктебель!

Альбинос подкрепил свое умозаключение мощной затяжкой, на миг окутавшись целым облаком табачного дыма. Тот, кого называ-

ли Арвидом, медлил с ответом, лениво подбрасывая на ладони мелкие камешки.

— Уверен, вы предпочитаете Ниццу...

Сделав такой вывод, альбинос отчего-то дернулся, сбросив махровое полотенце на подстилку. Впрочем, он тут же поспешил восстановить порядок, водворив его на розовые, не принимавшие загара плечи.

— Ницца? — Крепыш медленно поднял голову и оглядел окрестности так, словно видел их в первый раз. — В Ницце неплохо, Василий Ксенофонтович.

Он вновь замолчал, затем неожиданно добавил:

— Но здесь тоже хорошо.

Альбинос вновь дернулся, поддержал спадавшее с плеч полотенце и тщательно загасил окурок.

— А мне показалось, что вам здесь скучно. Вы даже на Карадаг не смотрите.

— Я туда смотрю, — Арвид повел крепким подбородком в сторону противоположного конца бухты, где тянулась цепь невысоких гор, закрывавшая вид на близкую Феодосию. Василий Ксенофонтович поглядел в указанном направлении и пожал плечами, вновь чуть было не лишившись полотенца.

— Ну, я вас не понимаю! По сравнению с Карадагом...

— По-моему, это очевидно, — на этот раз крепыш не замедлил с ответом. — Карадаг, он слишком... лакированный. А там, в этих серых холмах, что-то есть. Тускула...

Странное слово прервало на минуту беззаботный разговор. Альбинос покачал головой и ответил совсем другим тоном — серьезным, даже суровым:

— Да, похоже. Во всяком случае, если верить фотографиям. Только там холмы черные.

— Черные...

Арвид еще раз взглянул на далекие горы, и по его бесстрастному лицу скользнула легкая, еле заметная усмешка. Его собеседник тоже усмехнулся, но уже широко и беззаботно.

— И все-таки вы не правы. Карадаг — не лакированная картинка. Недаром гражданин Волошин не мог без него жить. А у покойного, я вам скажу, было чутье!..

Арвид наконец соизволил бросить беглый взгляд на Черную гору.

— Может быть... Вы с ним, с Волошиным, здесь познакомились?

Василий Ксенофонтович охотно кивнул и вновь улыбнулся, словно это воспоминание доставило ему явное удовольствие.

— Как раз десять лет назад. Я пришел к нему с тетрадкой стихов. Так сказать, к мэтру.

— Сами писали?

Вопрос, явно не очень почтительный, заставил альбиноса возму-

щенно взмахнуть рукой, но тон, которым он отреагировал, был совсем иным — спокойным и наставительным:

— Естественно, сам... Арвид, дорогой, такие, как Волошин, — это вам не одуревшие от ненависти беглые врангелевцы. Поймите, это был интеллектуал, умница, с такими можно работать только в полную силу! Я писал эти стихи два месяца. Он же должен был мне поверить. Такие мастера чувствуют неискренность за версту!

— Тогда не понимаю, — крепыш чуть дернул щекой и недобро сощурился. — Чтоб Волошин вам поверил, вы должны были оплакивать матушку-Россию и ругать большевиков...

— Да нет же!

Василий Ксенофонтович даже привстал. От волнения акцент в его речи стал более заметен, и даже вновь упавшее с плеч полотенце оставило альбиноса равнодушным.

— Если бы я, дорогой Арвид, написал нечто подобное, он бы понял, что я лгу. Я писал о том, во что верил...

— О мировой коммуне? О Красной Армии?

— Да! Таким, как он, важно не содержание, а искренность, поймите!.. Арвид, там, где вы бываете, вам придется беседовать с такими, как Волошин. Не ошибитесь! Их не провести, это вам не генерал Тургул и не атаман Семенов. Волошину понравились мои стихи, он даже предложил кое-что отправить в какой-то журнал...

— Но это не входило в план операции, — вновь криво усмехнулся крепыш.

— ...Да, это не входило в план операции. Но главное — он мне поверил. А дальше все было достаточно просто.

— Почему же его не взяли?

— Из оперативных соображений, — Василий Ксенофонтович наконец-то вспомнил об упавшем полотенце и заботливо водрузил его на место. — Сам он был уже не опасен. А вот вокруг него увивались некоторые весьма любопытные личности. Впрочем, проживи Волошин еще годик, ему бы вспомнили кое-что. Хотя бы стихи о крымской чистке.

Усмешка исчезла с лица Арвида, губы сжались в узкую полоску.

— Да, помню... Но ведь он писал правду? Ведь это было?

— Было... — Ответ прозвучал глухо, словно отдаленное эхо.

— Говорят, тогда погибло больше сотни тысяч... Или это было нужно революции?

— Это было нужно революции... — вновь отозвалось эхо.

Разговор опять прервался. Арвид по-прежнему смотрел на пологие склоны серых холмов. Василий Ксенофонтович курил, то и дело бросая на своего молодого собеседника короткий внимательный взгляд.

— Как вам японцы?

Вопрос прозвучал неожиданно, но крепыш даже не стал отвечать, ограничившись легким движением плеч.

— Но все-таки... — Альбинос не отставал и даже подсел поближе. — Какие-нибудь сложности? Неувязки?

— Нет...

— Значит, мы вас готовили правильно, — Василий Ксенофонтович оживился и даже потер ладони. — Не зря я вас заставлял писать хокку! Не разучились?

И вновь ответа не последовало. Альбинос хмыкнул:

— Ну-ка, прошу вас, Арвид. Тряхните стариной!..

— На какую тему? — Вопрос прозвучал так, словно собеседнику предложили решить математическую задачу.

— О Карадаге. — Альбинос вновь усмехнулся и поудобнее откинулся на покрывало.

Арвид неторопливо оглянулся, окинув спокойным взглядом громаду Черной горы, вновь отвернулся. Несколько секунд длилось молчание, наконец крепыш медленно проговорил, почти без всякого выражения, равнодушно:

Старый тигр застыл
Возле недвижной глади...
Очень хочется пить.

Альбинос даже зажмурился, словно услышанное доставило ему неизреченное удовольствие, но затем задумался.

— И все-таки японец никогда не написал бы так прямо — в лоб...

Он помолчал, затем с силой ткнул окурок в гальку.

— За стих — оценка «хорошо», за выдержку — «отлично» с плюсом. Можете задавать вопросы...

— Я?! — в голосе Арвида звучала легкая ирония. Его собеседник понял.

— Все-таки обиделись на руководство! Ладно, сформулирую сам... Почему меня, то есть вас, срывают с задания, когда вы уже на полпути к цели, вызывают в Столицу, три дня там маринуют, а затем, не сказав ни слова, привозят сюда. Так?

— Вроде. И можете добавить — даже не выслушав.

— Даже не выслушав, — альбинос кивнул. — И вам остается либо ждать ареста за неведомые грехи, либо считать, что начальство спятило... Или запаниковало, так?

Крепыш не ответил и даже не повернулся, но было ясно, что его спокойствие — напускное.

— Начальство не спятило, — продолжал альбинос, уже в манере собеседника — неторопливо, делая паузы между фразами. — Но вот по поводу паники... Ну, если не паники, то чего-то подобного... В Столицу вас вообще нельзя было вызывать. Вы пробыли там три

дня — и, увы, вас там увидели те, кто не должен был. Пришлось везти вас сюда, в Коктебель, чтобы спокойно поговорить...

Василий Ксенофонтович вновь улыбнулся.

— Начну издалека. После того, как вы приехали из Японии и получили орден, в Столице случилось одно презабавное происшествие. Изучив ваш отчет, некто, назовем его товарищ Иванов...

При эти словах Арвид резко обернулся. Альбинос с удовлетворением хмыкнул и повторил:

— Да, товарищ Иванов... Так вот, он собрал у себя наших ведущих авиаконструкторов. И, представьте себе, отдал любопытный приказ. Знаете, какой?

Крепыш не ответил, но с нескрываемым уже удивлением и даже волнением замер, ожидая продолжения.

— Товарищ Иванов приказал свернуть все, слышите, все работы ведущих КБ! И вместо плановой продукции сосредоточить силы на подготовке самолета нового типа. Догадываетесь, какого?

— «Накадзима»... — ответ прозвучал глухо и как-то хрипло.

— Да, «Накадзима». За документацию, привезенную вами, вы получили свой орден, а вот товарищам авиаконструкторам пришлось ломать головы. Представьте — у Поликарпова на выходе истребитель, у Петлякова — высотный бомбардировщик, а им велят делать нашу советскую «Накадзиму»... Ну вот, а сейчас другой сотрудник вернулся с задания, и пришлось собирать новое совещание. Только на этот раз свои планы придется менять не авиаконструкторам, а вам.

— Но... постойте! — Крепыш настолько удивился, что его напускное спокойствие сгинуло без следа. — Василий Ксенофонтович! Я же привез заключение экспертов. «Накадзима» — слабый самолет! Он может действовать только в условиях чистого неба. Любой нормальный истребитель...

— Я передам ваши соображения командованию.

Несмотря на строгий тон, это была, по всей вероятности, шутка, поскольку оба улыбались.

— Вот-с! Так что теперь ваша очередь.

— Я уже собирался ехать в Абердин.

— Знаю. Очень жаль, но придется отложить. И вот что...

Альбинос быстро оглянулся, словно кто-то незамеченный мог подобраться к ним, а затем заговорил очень быстро, шепотом, причем акцент его стал таким сильным, что распознать некоторые слова было почти невозможно:

— Арвид, дорогой! Вы давно не были дома. Сейчас трудная пора. Эта чистка должна спаять страну и армию перед тем, что нам предстоит. Но могут быть эксцессы... Поэтому — будьте осторожны! За ваших родственников не волнуйтесь — они защищены надежно...

— Да, спасибо... — Арвид потер подбородок, нахмурился. — Но... Василий Ксенофонтович! За родственников — спасибо, но у меня здесь есть друзья. Я не хотел бы... Дело в том, что они, как и я... С точки зрения наших коллег, они могут показаться... подозрительными...

Взгляд альбиноса внезапно стал жестким, даже акцент куда-то исчез.

— Товарищ майор! У сотрудника Иностранного отдела НКВД не может быть подозрительных знакомых. Повторите!

— Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности. — Голос Арвида прозвучал глухо и безнадежно. — У сотрудника нашего отдела не может быть подозрительных знакомых.

— Вот так... — Альбинос помолчал, а затем добавил совсем другим тоном: — Вечером назовете мне фамилии. Если их возьмут, может быть, сумею что-нибудь сделать. Повторяю — может быть...

— Спасибо... — крепыш кивнул и отвернулся.

— А теперь, Арвид, слушайте внимательно!

Альбинос привстал и заговорил резко и четко, тщательно отделяя одну фразу от другой:

— Наши сотрудники в Париже и Харбине получили достоверные сведения, что на территории СССР действует нелегальная террористическая организация под названием «Вандея»...

ГЛАВА 1

ПОРАЖАЮЩИЙ ЗМИЯ

В переулке было безлюдно. Юрий Орловский быстро оглянулся. За ним никто не шел. Ни к чему — преследователи прекрасно знали, что переулок кончался глухим тупиком. Юрий на миг закрыл глаза и прислонился к теплой, прогретой солнцем стене. Сразу стало легче. Страх, смертельный страх, вот уже несколько часов гнавший его бессмысленным долгим маршрутом по улицам Столицы, куда-то отступил.

...Под закрытыми веками плавали оранжевые пятна, прохладный бодрящий сентябрьский воздух обжигал легкие, но на какой-то миг ему стало хорошо и даже уютно. Он жив, он может просто стоять у стены, закрыв глаза, следить, как яркими медузами плавают пятна под веками...

Но страх вернулся. Он стал более осмысленным, четким. То, что еще вчера вечером казалось лишь опасностью, хотя и весьма близкой, теперь подступило вплотную, захлестнуло, вцепилось в горло...

Этим утром Орловский проснулся рано и первым делом решил немедленно позвонить Терапевту. Ближайший телефон-автомат был в двух кварталах. Юрий быстро оделся, хлебнул воды из старого чайника и вышел во двор, где стоял маленький флигелек, вот уже два года служивший ему жильем. Надо было спешить. Орловский машинально, по давней привычке поправил галстук и уже шагнул к воротам, но внезапно вздрогнул и застыл на месте.

Эти двое стояли на улице, у самого выезда из дворика. Стояли, лениво привалившись к стене, словно им было не жалко дорогих, совершенно одинаковых костюмов, сидевших на них както криво и нелепо. Они не смотрели в его сторону, даже не повернули головы, но Юрий понял все — и тут же накатил страх.

Страх швырнул его назад, в полумрак передней, но здесь он не выдержал и минуты. Представилось, как эти двое неторопливо входят в дверь, первый лениво роется в кармане, чтобы ткнуть ему в лицо бордовую корочку удостоверения... Юрий подождал несколько секунд, сжал зубы и вышел во двор. Те, в одинаковых костюмах, стояли на прежнем месте, не двигаясь, и каким-то краешком сознания Орловский сообразил, что это еще не арест. К нему приставили пару «топтунов». Обычная практика — преследуемый теряется, начинает метаться. День-другой слежки настолько выводит человека из равновесия, что после ареста часто не требуется никакого давления. Жертва охотно рассказывает все сама, чтобы избавиться от кошмара...

Юрий понимал это, но страх оказался сильнее. Правильнее всего было остаться дома, еще раз просмотреть уцелевшие бумаги и, раз уж ничего не удастся избежать, сложить самые необходимые вещи, которые понадобятся *там*. Но Юрий представил, как он сидит в пустой маленькой комнатушке, а эти двое час за часом маячат у ворот, потом их сменяют другие, такие же одинаковые, в дорогих костюмах... Страх вновь захлестнул, закружил и бросил его прочь, в никуда, по улицам и переулкам Столицы. Скрыться Орловский не пытался, просто шел вперед, то оживленными улицами, то полупустыми переулками, постоянно оглядываясь и заранее зная, кого он увидит сзади.

Да, Юрий опоздал. Вчера поздно вечером он, убедившись, что за ним еще не идут, позвонил из автомата на улице Герцена Терапевту. Тот сообразил все сразу и велел немедленно, не теряя ни секунды, ехать к центральному входу в ЦПКО. Но Юрий подумал о бумагах, которые следовало пересмотреть, и ответил, что перезвонит через пару часов, в крайнем случае — утром. Но он солгал — и себе, и Терапевту. Все, что касалось его книги, было

давно уничтожено или передано по назначению. Оставался совершенной безопасный хлам — студенческие конспекты, черновики того, что Юрий писал, работая в Институте народов Востока, и его незаконченная старая рукопись. Конечно, и это стоило просмотреть еще раз, а лучше — уничтожить вместе с дюжиной чьих-то писем, все еще хранившихся в маленькой коробке из-под папиросных гильз. Но не в бумагах было дело. Просто этим вечером они договорились встретиться с Никой. Конечно, следовало набрать ее номер, не смущаясь тем, что к телефону могла подойти прислуга или даже муж, — и все отменить. Но это значило, что им скорее всего больше не придется увидеться, по крайней мере, в этом страшном и бессмысленном мире...

...А потом, после их разговора, сил уже не оставалось ни на что. Юрий уснул мертвым сном, а утром стало ясно, что он опоздал — непоправимо и навсегда.

Орловский оглядел переулок и только сейчас сообразил, куда занесло его бессмысленное блуждание по Столице. Да, там, за углом, он когда-то жил, а здесь, в самом конце переулка, находился маленький храм — их семейная церковь. В последний раз он заходил сюда два месяца назад.

Юрий оглянулся. Преследователи не спешили. Да и зачем им спешить?

...Два месяца назад Юрий хотел повидать отца Александра. Весной этого страшного года после очередного выступления Емельяна Ярославского в Столице вновь стали закрывать уцелевшие храмы, и Орловский опасался, что маленькую церковь в переулке уничтожат в числе первых. Храм уцелел, но отца Александра в нем уже не было. Старого священника, тридцать три года назад крестившего маленького Юрия, арестовали как раз накануне...

Юрий оглянулся еще раз и медленно двинулся в глубь переулка. В церковь он решил не заходить, но хотелось напоследок просто постоять у входа. Орловский не считал себя верующим, но этот маленький храм оставался тем, что еще связывало его с давно оборвавшейся прежней жизнью. Отец, мама, брат...

Страх отступал, оставаясь позади, на людной улице. Собственно, чего было бояться? Еще после первого ареста весной двадцать седьмого Юрий понял, что такие, как он, «бывшие», не выживут в отечестве мирового пролетариата. Им не простят отцов и братьев, защищавших Родину на фронтах мировой и гражданской. А четыре года назад, летом 33-го, когда были написаны первые строчки будущей книги, все стало ясно окончательно. Он, Юрий Петрович Орловский, — смертник. Помнится, Тера-

певт, с которым они познакомились как раз накануне, намекнул на это, а Юрий ответил, что все понимает, но не боится.

Конечно, это была неправда. Он боялся, но страх был абстрактным, далеким. А когда книга была наконец написана и Терапевт сообщил, что рукопись уже за границей, стало и вовсе легко. Он сделал все, что мог, значит, и бояться нечего. По крайней мере, так ему казалось — до сегодняшнего утра...

На ступеньках у входа в храм, где когда-то непременно сидели старушки-нищенки, теперь было пусто. Дверь оказалась приоткрыта. Юрий мельком взглянул на часы — до службы еще далеко. Он перекрестился на икону над входом, помедлил секунду, а затем, неожиданно для самого себя, шагнул на старые потертые ступени.

...В полутьме сиротливо горели лампадки у старых икон, тускло светились золоченые алтарные створки. Юрий привычно шагнул влево, к иконе «Моление о чаше», где он обычно стоял во время службы. Мать говорила, что эту икона подарил храму его прадед. Здесь крестили деда, отца, самого Юрия, тут венчался отец. Восемь лет назад здесь отпевали мать...

Юрий стал возле иконы, запоздало подумав, что надо было купить несколько свечей. Он оглянулся, но за столиком у входа, где обычно сидела одна из старушек, на этот раз было пусто. Орловский решил подождать. Спешить было совершенно некуда.

...Его могли арестовать здесь, прямо в церкви, несколькими минутами раньше в переулке, ночью, вечером. Его могли взять вчера, сразу же после собрания, где выступил Аверх и где выступал он сам. Тогда его не тронули, хотя после голосования стало ясно, что на следующий день на работу можно не идти. Но «там» не торопились. В конце концов, Орловский в их глазах был всего лишь одним из «бывших» — сыном генерала и братом офицера Марковской дивизии. В эти месяцы, когда летели головы членов Политбюро и наркомов, с неосторожным сотрудником Государственного Исторического музея, заступившимся за своих коллег, можно было и не особо спешить. О книге, о его книге, в Большом Доме еще не знали...

Орловский глядел на потемневший лик Христа, знакомый ему с самого детства, и наконец-то, впервые в этот страшный день, почувствовал, что может спокойно рассуждать.

...Ему не уйти, но он не подвел Терапевта и сделал все, чтобы Ника забыла его навсегда. Это правильно, поскольку она все равно не удержалась бы и пришла — не сейчас, так через несколько дней. Пришла, увидела бы на двери сургучные печати, догадалась, принялась бы его искать... Пусть все случившееся покажется ей нелепой ссорой — или даже припадком болезни. Юрий вспомнил — Ника, уже уходя, твердила одно и то же: «Ты болен,

ты болен...» Да, лучше так. Лучше ссора, разрыв — но о ней не должны узнать те, что сторожат у входа в переулок...

Старушка вынырнула откуда-то из темной глубины храма и привычно села за маленький столик у входа. Орловский нащупал в кармане пиджака мелочь. Гривенников и меди хватило ровно на три свечи — тонкие, восковые. Три... Юрий почему-то решил, что это — хорошая примета.

Итак, Ника не будет его искать — по крайней мере в ближайшее время. А там должен помочь Терапевт. Хорошо бы ему позвонить, поговорить напоследок... Орловский подумал, есть ли в церкви телефон, но тут же одернул себя. Нельзя — те, что ждали его, могут предусмотреть и это. Терапевт предупреждал не зря...

...Это было в Нескучном саду, они сидели на старой лавочке у давно заглохшего фонтана и договаривались о том, когда и как Терапевт передаст ему первую папку с материалами. Тогда Юрий впервые услыхал о человеке, которого позже его друг стал называть Флавием. Тот обещал передать ему сведения об операции «Юго-Восток» — депортации корейцев в Среднюю Азию... Пора было расходиться, но Терапевт внезапно заговорил о неизбежности ареста. Им не продержаться долго, а значит, надо быть готовым. И главное — не считать врагов только подлецами и идиотами. Многие в Большом Доме на Лубянке именно таковы, но есть и другие. Терапевт вспомнил Ростов осенью 17-го, когда офицеры, сходившиеся под знамена Корнилова и Алексеева, считали большевиков всего лишь платными агентами Вильгельма. Напрасно... Врагов, особенно таких, недооценивать нельзя.

Итак, никуда звонить не следовало, как и суетиться, бегать по городу, заходить в церковь. Он сделал свое дело, а то, что все люди смертны, Юрий успел слишком хорошо усвоить за свою недолгую жизнь. Теперь, когда книга будет издана, когда остаются Терапевт, Флавий и тот, неизвестный, которого Терапевт, называл Марком, смерть Юрия Петровича Орловского будет лишь маленьким эпизодом в их безнадежной борьбе. Юрий давно уже все решил для себя. Он, не успевший взять винтовку в годину Смуты, не хотел пропадать ни за грош, утешаясь, как тысячи его сограждан, мыслью, что он «не виновен». Нет, Юрий Орловский виновен перед этой каиновой властью, а значит, и погибать будет легче. Оставались, в общем-то, пустяки — биология, нормальный человеческий страх...

Юрий стоял у иконы. Пора было поставить свечи и уходить. Орловский не считал себя искренне верующим. Детская вера давно ушла, и он давно уже решил, что Создателю просто нет дела до ползающих во прахе тварей, называющих себя людьми. Это в лучшем случае...

Орловский отогнал неуместные мысли: он все-таки был в

храме и вдруг подумал, что, случись все как-то иначе, лучше, то именно здесь ему довелось бы венчаться с Никой. Юрий даже как-то, не сдержавшись, спросил, обвенчана ли она со своим мужем. Ника удивилась — ее муж, убежденный боец ленинско-сталинской партии, и не думал венчаться. То, что теперь называлось «браком», стоило лишь трех рублей гербового сбора в заведении с почти неприличным названием «ЗАГС»... Все эти два года Юрий чувствовал себя грешником, ведь Ника была чужой женой! Оставалось надеяться, что Создатель, если Он и в самом деле интересуется делами земными, покарает лишь его одного. Ибо — «mea culpa, mea maxima culpa!». Орловский произнес это по-латыни и чуть заметно усмехнулся: Бог Православный наверняка обидится. Да, его грех, его величайший грех...

— Могу ли я вам помочь, сын мой?

Юрий вздрогнул. Он даже не заметил, когда священник успел подойти. Орловский узнал его, хотя видел лишь однажды, два месяца назад. Он вспомнил, что нового настоятеля зовут отцом Леонидом...

— Я... Нет, спасибо... отец Леонид...

Слова выговаривались бездумно, сами собой. Священник кивнул, хотел было отойти, но помедлил:

— Извините, сын мой. Просто я узнал вас. Вы ведь Орловский Юрий Петрович?

На миг вернулся страх. Откуда? Может, и этот, сменивший отца Александра, из тех, что обкладывают его, словно волка, по столичным улицам?

Священник, кажется, понял. Понял — и удивился.

— Да вы же заходили сюда, сын мой. Помните, как раз на день Сергия Радонежского?

Да, тогда, два месяца назад, был какой-то праздник...

— Так что чему дивиться, сын мой? Вы-то, вижу, меня не забыли.

— Но вы же священник! — на этот раз пришлось удивиться Орловскому.

Отец Леонид покачал большой лохматой головой:

— Отчего же так? Долг мой помнить всех. Да и немного прихожан ныне. А мы с вами еще и беседовали...

Юрий кивнул. Все верно, он спрашивал об отце Александре.

— Тогда вы представились. Как же я мог запамятовать-то? Вы ведь Орловский, ваш прадед и дед ваш были здешними ктиторами.

Этого Юрий не знал. Мать не рассказала ему — не успела. А может, просто опасалась.

— В самом деле? — Он удивленно оглядел церковь, словно увидел ее в первый раз. — Я помню, что наша семья что-то дарила... Вот эту икону...

— Не только эту. Давеча прочитал, что иконостас был дедом вашим заказан. Из самого Киева мастеров приглашал.

Орловский невольно улыбнулся. Сейчас это казалось сказкой — давней и невероятной. Интересно, что сказали бы в парткоме музея, узнай они это?

— Пойдемте побеседуем, сын мой!..

Юрий хотел возразить, но почему-то смолчал и послушно прошел вслед за священником в небольшую боковую дверь. Очевидно, это была ризница, но в таких тонкостях Орловский не разбирался. Войдя, священник привычно перекрестился на большую икону в дорогом серебряном окладе. Юрий поспешил сделать то же — и вдруг замер.

— Это... это же наша икона! Святой Георгий, правда?

...Лицо всадника было сурово и спокойно. Казалось, он не испытывает радости от победы над корчившимся под золочеными копытами коня чудовищем. Воин исполнил долг — и чувствовал лишь холодную брезгливость к мерзости, только что поверженной наземь. Он слишком устал, как солдат, у которого за спиной бесчисленный ряд смертельных схваток, и еще столько же — впереди, до самой смерти...

— Эта икона висела у нас в доме, — волнуясь, заговорил Орловский. — Потом я болел, у меня была корь... или скарлатина... Мама подарила ее церкви, в благодарность за то, что я выздоровел. Я еще потом удивлялся, почему ее там нет?..

— Сие очевидно, — вздохнул отец Леонид. — Икона древняя, да и оклад серебряный. Висела бы на виду — давно пришлось бы расстаться. Не пожалели бы!.. Что ж, раз это ваш святой... Поставьте свечу, Юрий Петрович!

Орловский вновь послушался, но, когда он уже подносил кончик тонкой желтой свечки к лампадке, священник остановил его:

— Не зажигайте. Просто поставьте — и все...

Юрий даже не удивился. Мало ли какие неведомые правила существуют по поводу возжигания свечей? Он сел на предложенный священником стул, рука потянулась к карману, где лежала пачка «Нашей марки», но он сдержал себя: не время и не место.

— Курить тянет? — понял его отец Леонид. — Вижу. Сам грешен. Пускаю дым, аки змий на вашей иконе. Грех, конечно...

Юрий вновь усмехнулся. Конечно, и это грех. Если б все грехи, переполнившие землю, были столь же незамысловаты...

И вновь священник его понял:

— Вы ведь человек не церковный, сын мой?

— В каком смысле? — не понял Орловский. — Да, в церкви бываю редко, грешен...

— Я не только об этом, — покачал головой отец Леонид. — Людям мирским иногда странной позиция Церкви кажется. Особенно в такие времена, как ныне. Все заняты политикой, а священники толкуют о крепости брака, вреде винопития, о том же курении. Иные удивляются, иные соблазняются даже...

— А вы считаете, что Церковь должна быть вне политики?

Он тут же пожалел о своих словах. Вступать в спор не было ни сил, ни желания.

— Увы, сие тоже невозможно. Но я о другом. С точки зрения Церкви, такие вроде бы мелочи порой важнее мировых катаклизмов. Догадываетесь почему, Юрий Петрович?

— Да, — об этом Юрию уже приходилось беседовать с отцом Александром. — Церковь считает своей главной задачей спасать души. А для каждой отдельно взятой души эти мелкие проблемы порой важнее...

— Очень зло формулируете, сын мой...

Сказано было без всякого осуждения, просто как признание факта. Юрий почему-то ощутил что-то, напоминающее легкую обиду. Внезапно — терять все равно было нечего — он решился:

— Отец Леонид, вы не скажете, что с отцом Александром?

Отец Леонид медленно перекрестился, ничего не сказав, но Юрий понял.

— Но почему? — вновь не выдержал он. — Ведь он же просто священник!

— Увы, и этого вполне достаточно, — на широком лице отца Леонида на миг промелькнула горькая улыбка. — Статья 58-я — как врата адовы... Отец Александр получил десять лет, но доехал лишь до Читы. Сердце...

Юрий закусил до боли губу. Вспомнился давний разговор с Терапевтом о целесообразности террора. Тогда оба они согласились с бессмысленностью подобного, но в эту минуту Орловский подумал иначе. Может, лучше было делать так, как подсказывала горячая кровь его рода: стрелять, взрывать, вызывать на поганых большевистских рожах гримасу ужаса...

— Вот и вы ожесточились, — вздохнул священник. — И вы желаете воздавать злом за зло...

— Злом за зло... — Юрий уже не думал об осторожности. — Моего отца убила солдатня в 17-м, брат погиб в армии Врангеля в 20-м, мать не выдержала — умерла, ей еще и пятидесяти не было!.. Мои друзья, одноклассники...

Он захлебнулся словами — и умолк.

— И вы хотите быть судьей? — негромко поинтересовался

священник. — Чем же вы отличаетесь, сын мой, от тех, кто судил ваших близких? Ведь они наверняка тоже считали, что правы!

— Ну хорошо, — все-таки этот священник заставил его спорить. — Не судите, да не судимы будете — это я помню. Учил в детстве! Но скажите, отец Леонид, что делать мне? Меня должны арестовать! Так что мне — простить врагов моих? Или, может, даже помолиться за них, за большевиков, за власть нашу родную, предержащую? Они... Эти!..

— И вы считаете себя мудрее Всевышнего? — грустно улыбнулся отец Леонид. — Думаете, что лучше Его знаете, какую историю должно иметь России? Между прочим, апостолу Павлу тоже была не по душе власть кесаря Тиверия. Но он все же сказал, что нет власти аще не от Бога. Нет — понимаете? А между тем, сей апостол был не смирен духом...

— Тиверий... — вздохнул Орловский. — Извините, батюшка, я по образованию историк. Разве это сравнимо? Тиберий казнил десяток сенаторов, а коммунисты...

— Разве дело в арифметике? — Голос священника внезапно стал суровым. — Ежели одна власть убила десять невинных, другая же — десять миллионов, значит, первая лучше?

— Нет... наверное, нет...

Юрий пожалел, что затеял этот бессмысленный спор. Священник мог принять его за обыкновенного провокатора. Ничего себе тема для беседы на двадцатом году Великой Октябрьской социалистической революции!

— Извините, — он покачал головой и встал. — Вы правы... Я пойду.

— Я вас не убедил, сын мой, — священник тоже встал и вновь невесело усмехнулся. — Вы уходите ожесточенным, полным ненависти. А этот груз нести опасно, особенно туда...

Юрий понял. Нет, отец Леонид не убедил его. Любить врагов... Даже в наивные евангельские времена это было уделом немногих, а сейчас, после Армагеддона...

— Погодите, — остановил его священник. — Свеча...

Орловский кивнул и шагнул к иконе и вдруг замер. Свечи не было. На том самом месте стояла какая-то другая, горящая, уже успевшая уменьшиться почти на треть...

— Моя свеча, — растерялся он. — Она куда-то...

Отец Леонид неторопливо подошел к иконе, перекрестился:

— Иных свечей тут не было. Это — ваша.

— Но... я не зажигал ее!..

Орловский растерялся. На ум пришел давний рассказ, слышанный еще на первом курсе, о том, что в средние века свечи натирали фосфором — для самовозгорания. Но он ведь купил эту грошовую свечку совершенно случайно!..

— Я не зажигал... — повторил он, чувствуя себя обманщиком.

— Да, не зажигали, — все так же спокойно подтвердил священник. — Но сие не важно. Она горит.

Юрий помотал головой. В мистику он не верил, а к церковным чудесам с плачущими иконами привык относиться более чем скептически.

— Но как это? Почему?

— Не ведаю, сын мой. — Отец Леонид внимательно поглядел на икону, затем на своего собеседника. — Вам должно быть виднее, Юрий Петрович. Это — ваша икона. Это — ваша свеча...

Орловский был сбит с толку. Заговори священник о чуде или о чем-либо подобном, он был готов по привычке опровергать, спорить. Но ведь он видел своими глазами!..

— Но... что это должно значить, батюшка?

Отец Леонид пожал плечами:

— Считайте это знаком. Или, ежели хотите, итогом нашего достаточно бестолкового диспута... Юрий Петрович, не знаю, даст ли еще Бог свидеться... Прошу вас, что бы ни случилось, забудьте о ненависти! Не берите греха на душу. Вы устанете ненавидеть, а сил на любовь уже не будет... Прошу вас!..

Орловский не ответил — слова не шли на ум. Взгляд вновь упал на икону. Лик Георгия в неярком сверкании серебряной ризы на этот раз показался чужим и далеким, словно бывший младший командир римской армии на какой-то миг забыл о своем непутевом тезке... Юрий склонил голову под благословение, невнятно попрощался и быстро прошел через полутемный храм к выходу.

На душе было тяжело. На смену уже привычному страху пришел стыд. Орловский понял, что вел себя попросту безобразно. Он пришел в церковь, священник, почувствовав, что случайному гостю нужна помощь, обратился к нему, а он, всегда считавший себя воспитанным человеком, обрушился на отца Леонида чуть ли не с руганью! Смелым же он оказался в разговоре с беззащитным священником!

Хотелось немедленно вернуться, извиниться. Нет, он не был согласен с отцом Леонидом. Юрий считал, что имеет полное право на ненависть к врагу, но ведь он говорил со священником! У церкви своя правда, поэтому священнослужителей не посылают в бой...

Орловский уже был готов повернуть назад, но, опомнившись, поднял взгляд — и вздрогнул. Двое, о которых он успел забыть, стояли прямо перед ним, у входа в переулок. Тот, что помоложе и пониже ростом, беззаботно дымил папироской, и на лице его плавала блаженная ухмылка давно не курившего человека. Второй, постарше и повыше, тоже держал папиросу в пальцах, но не

курил, а раздраженно вертел ее, словно что-то его в этой папиросе не устраивало.

Юрий сделал несколько шагов вперед, остановился, а затем заставил себя вновь идти дальше. Сейчас эти двое уступят дорогу, затем вновь потащатся следом...

Они действительно расступились, но внезапно, когда Орловский оказался как раз между «топтунами», тот, что постарше, хмыкнул, сунул не понравившуюся ему папиросу в карман и повернулся к Юрию:

— Слышь, Орловский, ты ведь «Нашу марку» куришь? Кинь одну!

На миг стало холодно. Ни о чем не думая, Юрий сунул руку в карман пиджака, выхватил пачку и не глядя отдал ее типу в дорогом костюме. Тот извлек одну папиросу, аккуратно закрыл коробку, вернул.

— Благодарствую. Никакого сравнения!

Он прикурил, с наслаждением пустив в небо струю дыма. Юрий все еще стоял, машинально поправляя пиджак. Тот, что был помоложе, продолжал как ни в чем не бывало блаженно ухмыляться.

— Да ты чего? — удивился старший «топтун». — Гуляй дальше, Орловский! Тем более, в храме побывал, душу облегчил...

Не дослушав, Юрий шагнул прочь. Через мгновение сзади неторопливо зашлепали по мостовой две пары туфель. Орловский заставил себя не оглядываться и резко ускорил шаг. Его вновь охватил гнев, но уже не на себя, а на тех, кто неторопливо и тщательно готовил расправу. «Нельзя их недооценивать», — вновь вспомнились слова Терапевта. Да, в него вцепились мертвой хваткой. Пока еще только здесь, на улице, чтобы не отпускать ни на шаг, заставив почувствовать свое вездесущее всесилие. А скоро — и там, в лабиринтах Большого Дома, где за него возьмутся по-настоящему...

Юрий не выдержал и все-таки оглянулся. «Топтуны» шли медленно, как бы нехотя, прогуливаясь. На мгновение его охватило жуткое чувство бессилия. Захотелось что-то сделать, чтоб согнать наглые ухмылки с лиц этих уверенных в себе типов. Взгляд скользнул по улице, по высоким пятиэтажным домам...

Орловский невольно усмехнулся. Значит, «гуляй дальше»? Что ж, они знают даже сорт его любимых папирос. Наверное, знают и то, что сейчас он, Юрий, идет по знакомой с детства улице, по которой мог бы бродить даже с завязанными глазами. Чуть дальше стоит шестиэтажный дом, где они жили, покуда десять лет назад не пришлось переехать на Ордынку...

Мысль показалась мальчишеской, совершенно несерьезной для тридцатитрехлетнего интеллигента накануне неизбежного ареста. Убегать и скрываться Орловский не собирался хотя бы

потому, что прятаться в Столице без помощи Терапевта негде, а за черту вокзалов его не выпустят. Но захотелось что-то сделать — просто, чтобы выплеснуть злобу, чуток потешиться перед неизбежным. Юрий замедлил ход, мысленно прикидывая знакомые маршруты. Первая, нужная ему подворотня, как раз справа...

Юрий нырнул в темноту и побежал. Через секунду он уже был в маленьком глухом колодце двора перед черневшими дверями двух мрачных подъездов. Тот, что слева, проходной, именно здесь они любили играть в индейцев и ковбоев. Подъезд был «Ущельем Смерти», которое вело прямо в волшебную страну «Зарем».

...По подъезду он бежал с закрытыми глазами, как бегал в детстве. Сейчас налево... Нога нащупала ступеньку, секунда — и Юрий был уже в «стране Зарем», то есть в другом дворе, таком же глухом и тихом. Какая-то дама, несшая корзину с бельем, удивленно замерла и уступила дорогу. Здесь было целых три подъезда, проходной — средний...

Вновь очутившись в темноте, Юрий вдруг представил, что он не бежит дальше, а прячется здесь, и, когда первый «топтун» все-таки находит дорогу, хватает его мертвой хваткой за горло, отбирает оружие и документы... Орловский грустно усмехнулся — драться не приходилось с самого детства, а враги были не «по игре», а настоящие. Он бросился дальше и вновь оказался во дворе, но уже большом, шумном, где играли дети и стояла серая, чуть скособоченная от времени голубятня.

Юрий перешел на шаг, не желая привлекать лишнего внимания. Влево, к сараям... Возле одного из них росло дерево — высокий тополь с изогнутым кривым стволом. Орловский улыбнулся: какой-то карапуз как раз пытался забраться по стволу наверх...

Орловский расстегнул пиджак — и через секунду был уже на крыше сарая. Гулко отозвалась потревоженная жесть. Когда-то на шум выбегал хозяин — татарин, местный дворник. Жив ли он еще?.. Пять шагов — и Юрий был уже на противоположном краю крыши. Здесь надо прыгать.

...Орловский мягко опустился на землю, привычно согнув ноги в коленях. Какой-то мужчина с негромкой руганью шарахнулся в сторону, но Юрий даже не оглянулся. Впереди был еще один двор, на этот раз совсем маленький. Правда, единственный подъезд не имел сквозного прохода, но рядом — калитка, которая вела через небольшой палисадник на улицу.

Калитка оказалась наглухо заколоченной, но забор был невысок, мгновение — и Орловский очутился в знакомом палисаднике. Мелкая собачонка, похожая на крысу, успела пару раз недоуменно тявкнуть, но Юрий был уже у другой калитки, выходившей на улицу. Он прошел квартал насквозь. Чтобы обойти по улицам, даже зная, куда направляешься, потребуется ровно втрое больше времени. Последнее было много раз проверено во время

лихих погонь еще в детские годы. Орловский удовлетворенно улыбнулся и достал папиросы. Рука уже тянулась к спичкам...

...Тот, что был постарше и повыше, стоял рядом с калиткой, с ленивым любопытством разглядывая каменные пасти львов на фасаде соседнего дома. Юрий глотнул воздух, машинально сделал шаг вперед, словно кролик, увидевший удава.

— Чего, Орловский, набегался? — «Топтун» ухмыльнулся и пожал плечами. — Ну давай, бегай!..

Сзади послышались неторопливые шаги. Второй «топтун» выходил из палисадника, поправляя сбившийся на сторону галстук.

— Че, спекся? — вопрос прозвучал так же спокойно и лениво.

Первый вновь скривил губы:

— Слышь, Орловский, пошли лучше пивка выпьем. Тут, за углом, пивнуха, там не разбавляют...

За углом действительно была пивная. Тогда, много лет назад, ее держал какой-то грек-нэпман.

— Я не хочу пива... Не пью...

Нелепые слова вырвались сами собой. Юрий почувствовал себя раздавленным и бессильным. Он попытался дать бой на знакомой территории и проиграл — быстро и бесповоротно. Родные стены не помогли. А если бы он и вправду попытался бежать?

— Да, знаю, — вздохнул «топтун». — Коньяк предпочитаешь! Где только деньги берешь, Орловский?.. А может, пошли? Там буфетчица знакомая, устроимся в кладовочке, хряпнем по кружке.,.

Юрий представил себя в тесной кладовке, что находилась сразу же за стойкой, рядом с этими двумя типами, поглощающими пиво. Зрелище походило на дурной сон, но он прекрасно понимал, что и такое вполне возможно. Этим двоим, видать, действительно надоело бегать за ним. А может, и не в пиве дело. Просто таков метод: загонщики постепенно приближаются к жертве. Сначала просто идут сзади, затем просят закурить, потом вместе идут в пивную...

— А то пошли в зоосад, — внезапно предложил молодой. — Зверюшек посмотришь...

— Там клетки — не разбежишься, — хмыкнул первый. — Ладно, Орловский, гуляй, коли охота. Можешь таксомотор взять — для разнообразия. А лучше ступай домой — бельишко собери, папирос... Пригодится! А то у нас наряд только на сегодня...

Они ничего не скрывали. Значит, этот день — последний. Придут за ним скорее всего под утро, чтобы вытащить одуревшим и сонным из постели, поставить в одних кальсонах посреди комнаты и начать обыск — неторопливый, основательный...

Орловский отвернулся и, не обращая внимания на ухмыляющуюся «свиту», не спеша пошел к трамвайной остановке. Выходит, он поступил верно, что не пошел вчера на встречу с Терапев-

том! Ведь за ним могли начать слежку сразу. Правда, это означало, что *они* могли увидеть Нику!.. Впрочем, думать об этом уже поздно. Они оба выбрали этот путь. Он — взявшись писать книгу, она — связавшись со смертником. Не раз и не два он просил ее уйти, намекал, даже пытался объясниться. В ответ Ника шутила, уверяя, что с ее фамилией можно не бояться Большого Дома.

Отчасти это было правдой. Кроме того, Терапевт твердо обещал помочь — и даже намекнул, что можно сделать в такой ситуации. Именно тогда Юрий узнал кое-что о человеке, которого они решили назвать Флавием. Странный псевдоним казался тогда очередной выдумкой Терапевта, и лишь значительно позже Орловский узнал, что Флавий окрестил себя сам. Юрий поинтересовался, кого из трех императоров этой римской династии имел в виду их неизвестный товарищ. Терапевт засмеялся, предположив, что тот имел в виду четвертого Флавия — Иосифа, перешедшего на сторону победителей-римлян, но в душе оставшегося верным своему народу. Впрочем, как пояснил его друг, Флавий по характеру скорее не еврей, а китаец.

Да, Терапевт и Флавий могли помочь Нике. Это успокаивало, тем более она сама едва ли могла всерьез заинтересовать хозяев Большого Дома. Собственно, кто такая Ника, если взглянуть со стороны? Очень красивая женщина, супруга человека, о работе которого не положено говорить вслух, дама, привыкшая отдыхать в Сочи и одеваться у Ламановой, бывавшая на правительственных приемах, сидевшая пару раз за одним столом с самим товарищем Сталиным. Конечно (кто без греха?), у нее имелся любовник — крайне сомнительная с точки зрения советской власти личность, а посему эту случайную личность можно и нужно поскорее забыть...

Не так давно он сказал об этом ей прямо, уже без намеков. Ника слушала молча, сжимая в зубах папиросу — курить она никогда не курила, но в минуты волнения часто закусывала зубами папиросный мундштук, уверяя, что это ее успокаивает. А затем назвала Юрия дураком и спокойно, без своей обычной улыбки спросила: неужто он считает, что она дорожит хоть чем-нибудь из всего этого? И что не бросит все к черту, если он позовет ее в свой холодный флигель? В тот момент Юрий понял, что Ника действительно не шутит, что она сделает это; ему стало радостно и, одновременно, — страшно. Будь Орловский просто рядовым полунищим интеллигентом, кто знает, что бы он ответил. Но книга была уже почти закончена... Любовницу могут и не тронуть, супругу же врага народа Юрия Орловского ждал только один исход.

Тогда он отшутился, переведя разговор на свою неказистую внешность, заметив, что им будет невозможно даже показаться у

приличных знакомых. Это была его любимая тема — подшучивать над своим невысоким ростом, сутулостью и ранними залысинами. В конце концов Ника рассмеялась, назвала его, как обычно в подобных случаях, «ушастым ежом» и «редким эндемиком», и опасный разговор удалось оборвать.

...Домой он добрался часа через два. Преследователи не отставали, но держались теперь в отдалении. Очевидно, они поняли, что жертва решила забиться в нору, значит, можно не тратить силы, а просто ждать, пока не придут охотники и не выкурят ее оттуда...

Юрий разделся и рухнул на диван. Хотелось просто лежать, глядя в покрытый паутиной потолок. Ника часто грозилась устроить у него уборку, и каждый раз Юрий отбивался, уверяя, что приберет все сам. Он и в самом деле регулярно наводил порядок в своем холостяцком жилище, но до потолка руки не доходили, и Ника то и дело спрашивала его, каков настриг паутины и выполняют ли его подопечные пятилетний план. Теперь уже незачем было разрушать хитрые невесомые витражи. Орловский хотел еще раз обдумать то неизбежное, что стояло уже у порога, но мысли не шли на ум, и внезапно для самого себя он заснул, провалившись в темный омут без сновидений и раздумий.

Когда он проснулся, был уже вечер. Стемнело, в окно падал свет горевшего во дворе фонаря. Юрий вышел на крыльцо и поглядел в сторону ворот. Там по-прежнему стояли двое — правда, другие. Очевидно, дневная парочка уже успела честно отработать свой нелегкий хлеб.

Внезапно Юрий понял, почему многие, о чем приходилось неоднократно слышать, воспринимают арест с облегчением. Вначале это представилось диким, но теперь причина была очевидна. Никто, ни виновный, ни безвинный, не выдержит нескольких дней такой слежки. Лично с него хватило и суток. Лучше уж сразу, чтобы не ждать, не прислушиваться к шуму мотора на улице, к тяжелым шагам на крыльце...

Юрий крепко запер замок, навесил щеколду и даже подпер дверь валявшимся с зимы поленом. Потом, вспомнив свой первый арест, когда за ним тоже пришли ночью, он наполнил ведро водой, поставив его прямо посреди темного коридора. Сделанное его порадовало, как и то, что удалось выспаться. Теперь можно всю ночь бодрствовать, и доблестные чекисты не застанут его спросонья и в одних кальсонах. А дверь... Орловский усмехнулся и прошел в комнату.

Он еще раз внимательно проверил стол, подоконник и полки. Вчера он поработал на совесть — ничего опасного не осталось. Хотя... На полке он заметил маленький томик Теннисона. Ну ко-

нечно, его принесла вчера Ника, вручив ему сразу, еще на пороге, а потом заметила дым от горящих бумаг... Юрий взял томик и быстро его перелистал. Так и есть! На форзаце карандашом была написана фамилия Ники — еще девичья. Юрий на миг задумался, затем, мысленно пожалев прекрасное издание, вырвал форзацный лист и аккуратно сжег его в пепельнице.

Оставалось подумать, как убить ночь. Пустая комната пугала, и Юрий зажег вторую лампу. Стало светлее, и он невольно улыбнулся. Вот и все! То, чем он жил все эти годы, заканчивается. А что впереди? Орловский вновь вспомнил, что говорил ему Терапевт, когда они беседовали о неизбежном провале. «Поймите, Юрий! — его друг сделал тогда паузу и посмотрел прямо в глаза, что бывало крайне редко. — Вы не нужны мертвый! Вы нужны живой, Юрий. Постарайтесь выжить! Если будут заставлять признаться в какой-нибудь ерунде — соглашайтесь! Если поймете, что *они* знают все, — подписывайте! Но помните — там есть только три правила: никому не верить, ничего не бояться и ни о чем не просить...»

Тогда Юрий не стал спорить, но дал себе твердый зарок. Он никогда не расскажет *им* ни о Терапевте, ни о Флавии, ни о Марке. Но Орловский понимал и другое. Для тех, кого сейчас косит страшная коса, кого по ночам забирают «маруси» и «столыпины», арест означает конец, чаще всего — безвозвратный. Невиновным, кого брали тысячами и тысячами, следовало думать только об одном — как уцелеть. Но он, Юрий Орловский, не случайная жертва. Он — враг, настоящий враг тех, кто погубил его Родину. А значит, и после ареста его сражение не закончено. Правда, теперь бой будет вестись в абсолютно неравных условиях, песчинка попадает в жернова, мелющие все и вся... Но если песчинка тверда, то оставит на камне царапину. Нет, еще ничего не кончено! Юрий вспомнил отца Леонида и покачал головой. Священник ошибся. Ненависть к врагу — это то, что поддержит, не даст пропасть напрасно. Ненависть — и любовь к друзьям, к тем, кого уже нет и кто еще жив, чья жизнь зависит от него, Юрия Орловского...

Он достал из папки свою незаконченную рукопись и грустно улыбнулся, перечитав заголовок: «Героический эпос дхарского народа». Когда-то Родион Геннадиевич, добрейшая душа, уверял, что это готовая кандидатская, а значит, Юрию надо поскорее заканчивать работу. Но с тех пор спешить стало некуда, он начал писать другую — главную — книгу, а рукопись так и осталась незавершенной. Что ж, теперь время было... Орловский заставил себя сосредоточиться, взял ручку и стал писать своим ровным красивым почерком как раз с недописанной три года назад строчки.

...Он работал всю ночь, дважды заваривая чай и докуривая коробку «Нашей марки». Глава была уже почти закончена, когда он услыхал, что в дверь постучали. Наверное, стучали уже не в первый раз, поскольку стук был громким и нетерпеливым. Юрий улыбнулся и аккуратно закрыл ручку колпачком. Стук продолжался несколько минут, чьи-то голоса требовали открыть и открыть немедленно, но Орловский по-прежнему сидел за столом, глядя на исписанный только наполовину лист бумаги. Что ж, главу ему уже не завершить... Стук сменился грохотом — те, на крыльце, уже потеряли терпение. Впрочем, дверь оказалась добротной, и Юрий успел докурить последнюю папиросу, прежде чем в прихожей послышался треск. Тогда он выключил свет. В коридоре затопали ножищи, вдруг послышался грохот, звон и громкие ругательства. Нехитрая выдумка сработала — кто-то из ночных гостей угодил-таки ногой в ведро...

Юрий рассмеялся, встал и накинул на плечи пиджак.

ГЛАВА 2

НОВОЕ МЕСТО СЛУЖБЫ

— Значит, Пустельга Сергей Павлович...

— Пустельга, товарищ полковник. Ударение на последнем слоге...

Поправлять старшего по званию, да еще в кадровом отделе Центрального Управления НКВД, в общем-то, не следовало, но Сергея всегда раздражало, когда его фамилию коверкают. На Украине, откуда он родом, никому не нужно объяснять, что «пустельга» — название маленькой сильной птицы, степного сокола.

Впрочем, пожилой полковник-кадровик, полный лысый мужчина, был настроен вполне благодушно.

— Ну-с, я вас слушаю, товарищ Пустельга...

Вызов в Столицу был для Сергея полной и неприятной неожиданностью. Сюда его не тянуло. В Ташкенте, где он служил уже пятый год, работа ему нравилась. Пустельга, несмотря на свой возраст, был на хорошем счету и считался первым кандидатом на вакантную должность начальника Иностранного отдела Среднеазиатского управления. Оставалось лишь получить чин капитана, однако нежданно-негаданно, в самый разгар давно задуманной им операции по внедрению агентуры в Восточный Синьцзян, он получил приказ немедленно сдать дела и ехать в Большой Дом.

О причинах Сергей догадывался. После ликвидации банды врага народа Ягоды в Столичном управлении образовалось немало вакансий. Мысль служить в Столице не вызывала энтузиазма.

Сергей уже работал там полгода, после окончания училища, и служба в огромном городе, под самым оком высшего начальства, оставила неприятные воспоминания. Ташкент нравился больше, но мечтой оставалась служба на родине — на Украине, лучше всего — в знакомом с детства Харькове. Увы, выбирать ему не приходилось.

— Я вас слушаю, — повторил толстяк-полковник и поднял на Сергея удивленный взгляд. Надо было отвечать. Командировочное предписание он уже успел вручить, поэтому оставалось повторить уже известное. Он, старший лейтенант Сергей Павлович Пустельга, украинец, 1913 года рождения, из рабочих, член ВКП(б), до недавнего времени заместитель начальника Иностранного отдела Среднеазиатского управления, прибыл по вызову...

Кадровик удовлетворенно кивнул и начал неторопливо рыться в горе папок, загромождавших огромный стол. Сергей еле заметно поморщился: людей из отдела кадров он всегда недолюбливал. Даже в бумагах не могут навести лад, будто это не их работа! Оставалось ждать — и, заодно, рассматривать кабинет. Ничего в нем особенного не было: непременные шторы, закрывавшие окна, высокая ажурная лампа синего стекла, громоздкие стулья, шкаф с нечитанными белыми томиками сочинений Ленина. И полковник-кадровик тоже был самым обычным. Но вот некто, сидевший в углу и внимательно читавший бумаги из старой пожелтевшей папки...

Этого человека Сергей заметил с порога. Неудивительно — на неизвестном были петлицы комбрига. Однако тот сразу махнул рукой, приглашая не обращать на него внимания. Несмотря на то что гость почти утонул в огромном кресле, можно было понять, что он очень высокого роста, худ и широк в плечах. Лицо — красивое, хотя уже немолодое, вначале показалось Сергею загорелым дочерна, но затем он сообразил, что оно пунцово-красное, точно от ожога. Глаза же были странными, какими-то бесцветными.

Имелась во всем этом еще одна странность. На комбриге была гимнастерка, но не с привычными эмблемами, а почему-то с саперными топориками. Понять, что делает краснолицый комбриг-сапер в кабинете Центрального Управления НКВД, было достаточно сложно.

— Ну-с, — заметил кадровик, — кажется, нашел!

Зашелестели бумаги.

— Пустельга Сергей Павлович... Тэк-с, тэк-с...

Он углубился в чтение. Очевидно, это было личное дело Сергея — папка, в которую он давно мечтал заглянуть.

— Тэк-с, тэк-с... Учились в колонии имени Дзержинского...

Похвально, похвально, товарищ старший лейтенант!.. Это у Макаренко?..

— Так точно!

Пустельга невольно улыбнулся. Колония имени Дзержинского — высшая аттестация для молодого чекиста.

— Отец — член партии с 1915-го. Погиб под Орлом... Вы, стало быть, бывший беспризорник...

Кадровик не спрашивал, а просто проговаривал вслух то, что записано в бумагах. Сергей вновь усмехнулся: несколько лет голодной, но бесшабашной жизни на околицах Харькова теперь воспринимались как странный, хотя и увлекательный сон. А ведь было! И скажи тогда кто, что Сережка Крест станет через несколько лет сотрудником ВЧК!..

— Училище, стажировка в Столице... У Фриневского стажировались?

— Так точно!

Фриневский, как уже успел узнать Сергей, был теперь крупной фигурой — заместителем самого товарища Ежова.

— Ташкент... Сами попросились. Хорошо, хорошо!.. Узбекский выучили, уйгурский... Но вы же, извините, на узбека не похожи!..

Сергей лишь вздохнул. Очевидно, кадровик прочитал, что его, тогда еще лейтенанта, внедряли в эмигрантскую военную организацию.

— Это было в Яркенде, там много русских. Белогвардейцев... Я занимался ими. Националистическим подпольем ведал другой отдел, товарищ полковник. Я же из Иностранного...

— Знаю, знаю!

Толстяк махнул рукой, и Сергей вновь сдержал усмешку, подумав, скольких шпионов удалось тому раскрыть за свою жизнь. Сам же старший лейтенант мог гордиться — и было чем. Две медали — не шутка, а за агента БШ-13, он же курбаши Шо, его благодарил лично нарком...

— ...Смел, инициативен, особо успешно работает при планировании и проведении сложных, неординарных операций...

Очевидно, это было из его последней, еще неизвестной Сергею характеристики. Слова были обычными, казенными, но все-таки слышать такое было приятно.

— Обладает особыми природными способностями, помогающими в работе...

Полковник пробежал глазами только что прочитанную фразу и удивленно поднял глаза на Сергея. Тот замялся.

— Ну, понимаете... Я почти всегда чувствую, если люди говорят неправду. Когда ведешь допрос, очень помогает. И я иногда могу угадывать, что человек думает. Не всегда, конечно...

— А-а-а, — протянул кадровик. — Это понятно, это правильно!..

Пустельга облегченно вздохнул. Хорошо, что толстяк не стал расспрашивать дальше, иначе Сергею пришлось бы продемонстрировать сеанс угадывания мыслей на самом полковнике. Сделать это было крайне нетрудно.

— Но здесь написано... — пухлый палец ткнулся в бумагу, а в голосе вновь прорезалось удивление, — «...особенно успешно работает с фотографиями...»

Значит, написали и об этом. Пришлось пояснять, хотя сделать это в двух словах было крайне нелегко:

— Это... это у меня с детства, товарищ полковник. Если я взгляну на фотографию, то почти всегда могу сказать, жив человек или нет. А иногда — далеко или близко.

...Впервые он понял это в шесть лет, когда посмотрел на отцовскую фотографию и вдруг понял, что его бати, Павла Ивановича, командовавшего батальоном на Юго-Западном фронте, нет в живых...

— И вы можете сказать, где находится этот человек?

Старший лейтенант удивленно повернул голову. На этот раз спрашивал не полковник, а неизвестный сапер.

Сергей несколько растерялся. Странный комбриг старше по званию, но отвечать ли ему — чужаку в Центральном Управлении?

— Да-да, отвечайте! — понял его кадровик, и по тому, как заторопился полковник, Сергей сообразил, что краснолицый — никакой не чужак, а саперные петлицы скорее всего обычный маскарад.

— Нет, не могу, товарищ комбриг, — Пустельга на всякий случай встал, хотя оставался в положении «вольно». — Я лишь могу понять — далеко ли он.

— Интересно... — По пунцовому лицу пробежала короткая, жесткая улыбка. — Вы смотрите или подносите руку?

По тому, как был задан вопрос, Сергей вдруг понял, что неизвестный комбриг понимает, о чем идет речь.

— Смотрю. Пробовал рукой, но не всегда получается.

— Вот как?.. — Неизвестный тоже встал и внимательно поглядел на полковника. Тот внезапно вскочил и неуверенно проговорил, что ему срочно надо в хозяйственное управление. Краснолицый нетерпеливо кивнул, и Сергей окончательно понял, кто здесь главный. Хлопнула дверь. Комбриг усмехнулся, на этот раз весело и добродушно, и протянул широкую сильную ладонь:

— Волков Всеслав Игоревич...

...Рука краснолицего была отчего-то холодной, как лед.

— Садитесь, Сергей, поговорим.

— Так точно, товарищ комбриг!

Сапер покачал головой:

— Мы не в строю. Зовите по имени.

Это было уже чересчур, и Сергей решил называть комбрига по имени и отчеству, тем более произносить «Всеслав Игоревич» было приятно.

— Значит, смотрите на фотографию, глядите прямо в глаза, затем начинаете чувствовать глубину...

— Да, — не удержавшись, перебил Сергей. — Если он жив, то я слышу что-то похожее на эхо. А если нет — то только пустоту...

— Понял, — кивнул краснолицый. — Сами выучились? Неплохо! Экзамен желаете?

Слово «экзамен» всегда вызывало у Сергея зубную боль.

— Ну, тогда зачет... — На красном лице вновь мелькнула улыбка, и Сергей поневоле улыбнулся в ответ.

Всеслав Игоревич раскрыл папку и достал оттуда десяток фотографий. Сергей, сообразив, что «зачета» не избежать, сел на стул, собираясь с силами. Надо закрыть глаза, подождать несколько секунд, выровнять дыхание...

Комбриг не торопил. Наконец, когда Сергей почувствовал, что готов, Всеслав Игоревич кивнул и положил на стол первое фото.

Задание оказалось несложным. Сергей, вглядываясь в незнакомые лица, откладывал снимки налево и направо. Большая часть тех, чьи лица он рассматривал, были давно мертвы, а немногие живые находились очень далеко от Столицы.

Наконец он положил направо последнюю фотографию, произнес: «Жив. Очень далеко», — и выжидательно поглядел на Волкова. Тот покачал головой:

— Здорово, Сергей! Зачет принят. Поздравляю. Почти все правильно!..

— Почти?

Сергей невольно огорчился и даже обиделся. Ошибался он редко, особенно в таких простых случаях.

— Последний, — кивнул краснолицый.

Пустельга взял фотографию и вновь всмотрелся, на этот раз очень внимательно. Молодой симпатичный парень в красноармейской форме весело улыбался в объектив. На шинели темнел орден, на рукаве — широкая треугольная нашивка. Сергей еще раз попытался проверить: взгляд в глаза, затем ощущение пустоты, но следом — эхо, легкое, еле заметное...

— Он жив, Всеслав Игоревич! Только такое впечатление, что он либо болен, либо очень далеко.

— Дайте сюда!

Широкая красная ладонь на несколько секунд задержалась над снимком. Волков задумался, покачал головой:

— И все же он мертв, Сергей. То, что вы называете эхом, говорит о другом. Просто люди могут умереть по-разному.

Спорить было неразумно, но Сергей понимал, что эти фотографии — не случайный набор для импровизированного «зачета». Дело есть дело!

— Всеслав Игоревич, извините, — Сергей встал, разложив снимки живых веером по столу. — Здесь три фотографии, у которых одинаковое эхо. Эти люди находятся в одном месте или, по крайней мере, на одинаковом расстоянии от нас...

— Покажите!

Пустельга легко нашел нужные снимки: молодой девушки в нелепых железных очках и юноши, тоже очкарика.

— Берг и Богораз... — негромко проговорил комбриг и скривился. Лицо его внезапно потемнело, став почти бордовым. — Черт... Заходите!

Последнее относилось к полковнику, который приоткрыл дверь и мялся на пороге. Волков быстро сложил фотографии в папку и завязал тесемки. Сергей, не зная, что ему делать, продолжал стоять у стола.

— Товарища Пустельгу никуда не отпускать! Я буду здесь в одиннадцать вечера.

Кадровик послушно кивнул.

— В последний раз, товарищ старший лейтенант... Вы уверены в том, что говорили?

Пустельга не колебался. Он привык отвечать за свои слова.

— Хорошо. Тогда отдыхайте. И учтите: о нашем разговоре — никому. Ни сейчас, ни через десять лет!

Можно было и не предупреждать. О том, где он находится, старший лейтенант Пустельга имел полное представление. Комбриг пожал руку Сергею, и тот ощутил внезапный холод, словно Волков держал все это время пальцы на льду...

Дальнейшее было еще более странным. Кадровик велел подождать за дверью, но через минуту вышел, сообщив, что старшему лейтенанту надлежит пройти в комнату № 318 и находиться там впредь до дальнейших распоряжений. Спорить не приходилось. Вскоре явился молчаливый сержант из внутренней охраны и, кивнув, предложил следовать за ним. Комната № 318 оказалась этажом ниже. Там было пусто, у стены стоял диван, в углу поблескивал умывальник, а на маленькой тумбочке выстроились бутылки «Боржоми». Оставалось одно — точно выполнить приказ, то есть отдыхать и ждать вечера.

Волков зашел за ним в начале двенадцатого. На этот раз комбриг был хмур и неразговорчив. Он коротко бросил: «Пошли!» — и быстро зашагал по пустынному в этот поздний час коридору. Во дворе ждал автомобиль — огромный черный «Паккард» с зашто-

ренными окнами. Молчаливый шофер завел мотор, и машина нырнула в подземный тоннель, выводящий на улицу...

Столицу Сергей помнил плохо и сообразил лишь, что они миновали центр и направлялись куда-то к югу, переехав через один из огромных широких мостов с мощным чугунным парапетом. Комбриг молчал и смотрел прямо перед собой. Молчал и Пустельга. Он попытался «прислушаться» к своему спутнику. Ощущение было странным: Волков явно взволнован и, как показалось, напуган. Но больше всего Пустельгу поразил холод, исходивший от краснолицего. Такое Сергею не приходилось чувствовать ни разу, и он тут же вспомнил ледяную руку, протянутую для рукопожатия. Казалось, тело комбрига не излучает тепло, а жадно поглощает его, замораживая все вокруг...

Машина, вынырнув из лабиринта улиц, помчалась вдоль высокого мрачного забора, за которым проглядывали верхушки недвижных в безветренную ночь деревьев. «Паккард» свернул в широкие ворота, за которыми в свете фар проступили мрачные силуэты каменных крестов. Сергей вспомнил, что уже бывал в этом невеселом месте, но, конечно же, не ночью. Донской монастырь. Кладбище...

У ворот какие-то личности в штатском загородили проход, но комбриг выглянул из машины, и путь тут же стал свободен. «Паккард» проехал еще сотню метров мимо молчаливых тихих оград и затормозил.

— Выходим, — коротко распорядился Волков.

Он подождал, покуда Сергей выйдет из машины, с силой хлопнул дверцей и кивнул на боковую аллею. Идти пришлось недалеко. Впереди показались какие-то темные силуэты, Волков вгляделся и, бросив: «Стойте здесь!» — заспешил навстречу.

...Сергей уже начал догадываться, что именно можно искать здесь ночью, и почти не удивился, когда различил, что стоявшие неподалеку фигуры в штатском держат в руках лопаты...

Волков вернулся скоро, причем не один. Его сопровождал крепкий широкоплечий человек в плаще с капюшоном, зачем-то наброшенным на голову, хотя ни дождя, ни ветра не было и в помине.

— Вот он, — комбриг кивнул на ставшего по стойке «смирно» Сергея. Неизвестный подождал мгновение, затем протянул Пустельге короткую сильную ладонь.

— Иванов.

Сергей попытался представиться по всей форме, но человек в капюшоне нетерпеливо кивнул:

— Подробности после... Сергей Павлович, вы настаиваете, что человек на фотографии — жив?

— Да. Так точно! — Отступать было некуда.

Незнакомец вновь кивнул и задумался.

— Товарищ Иванов, но вы же помните... — подал голос комбриг. — Я был на похоронах... Я видел тело!..

— Знаю... — Голос прозвучало равнодушно и тускло. — Я читал заключение экспертизы.

— Дело не в экспертизе! — Волков повысил голос, и Сергей вдруг сообразил, что комбригу действительно страшно. — Я лично всадил ему две пули — в затылок и сердце! Разрывные! В морге, после вскрытия...

— Вы писали об этом в рапорте. Ладно, если товарищ Пустельга настаивает...

Сергей не знал, что сказать. Кажется, история с погибшим красным командиром не так и проста. Впрочем, ответа от него и не ждали.

— Пойдемте! — Иванов повернулся и зашагал по аллее. Через минуту они оказались возле небольшой ограды, которую окружал десяток крепких парней с лопатами и ломами. Тьма скрывала лица, но Пустельге почему-то показалось, что все они какие-то одинаковые: высокий рост, широкие плечи, ленивые, словно нарочито замедленные движения. И вновь повеяло холодом...

— Вот!

Луч фонарика скользнул по серому камню. Сергей тут же узнал фотографию — та же самая, только обведенная потемневшим от времени золоченым ободком. Ниже проступала полустертая надпись:

Комполка Косухин
Степан Иванович
1897—1921
Погиб за дело мирового пролетариата.

Теперь многое стало понятнее. Многое — но не все. Например, две разрывные пули...

Товарищ Иванов коротко бросил: «Начинайте!» Одинаковые парни с лопатами с неожиданной ловкостью начали перелезать через ограду, даже не подумав о запертой калитке. Волков потянул Сергея за рукав, и они отошли в сторону. Краснолицый достал пачку папирос, нервно щелкнул зажигалкой, затем протянул пачку Пустельге. Сергей, бросивший курить еще в колонии, вежливо поблагодарил. Комбриг дернул плечами и отвернулся.

Старшему лейтенанту приходилось бывать на ночных эксгумациях. Правда, сейчас речь шла не о бандите или покончившем с собою шпионе. К тому же его весьма удивил его новый знакомец. Чего боится этот странный комбриг с саперными петлицами?

Волков и вправду нервничал. Недокуренная папироса упала на землю. Краснолицый тут же закурил новую и нервно хмыкнул:

— Чушь! Его хоронили на глазах у сотен людей, Сергей. Мы держали пост у могилы два года!

Пустельга чуть было не спросил: «Почему?», но вовремя прикусил язык.

— Говорил я им! — Волков затянулся и вновь бросил папиросу. — Говорил я им, что его трогать нельзя!..

Теперь все стало ясно. Товарищ Косухин, командир полка и орденоносец, погиб не от вражеской руки. Вот только две разрывные пули по-прежнему выпадали из расклада.

Внезапно послышался негромкий свист. Волков дернулся и быстро подошел к могиле.

— Сюда! — позвал он через секунду. — Скорее!

Подойдя к разрытой яме, Пустельга первым делом заметил вывороченный из земли памятник. Затем черные спины расступились, на дно упал луч фонаря. Сергей невольно вздрогнул: из земли выступала темная крышка гроба.

Волков, стоявший рядом, сунул руку в карман, и через мгновение луч фонаря упал на тускло блеснувший черный ствол. Пустельга только вздохнул. Интересно, в кого краснолицый собрался стрелять?

Лопаты сбросили землю с крышки. Снова послышался свист, на этот раз полный удивления. Волков чертыхнулся, а Сергей лишь покачал головой — по дереву змеилась широкая трещина.

— Доставайте! — комбриг дернул револьвером. Пустельга постарался незаметно отодвинуться в сторону — от греха подальше. Мертвецов он не боялся, а вот от сумасшедших, особенно с оружием, старался держаться подальше.

Пространство за оградой было узким, мешая развернуться. Наконец удалось поддеть веревки, и гроб медленно выполз наружу. Кто-то притоптал землю. Мрачную находку поставили рядом с ямой, впритык к ограде.

— Двоим остаться, остальные — прочь!

По этой команде парни один за другим стали выбираться на дорожку. На Сергея вновь повеяло холодом, и вдруг он ощутил странную вещь — молчаливые землекопы тоже боялись...

Двое оставшихся взялись за крышку.

— Открывайте! — выдохнул Волков. Голос его звучал странно, словно он уже знал, что он увидит через секунду.

...Расколотые доски упали на землю, луч фонаря скользнул по истлевшим клочьям ткани, присыпанным комьями глины, затем дернулся в сторону и вновь вернулся, неуверенно дрогнул...

— Значит, все-таки правда... — Товарищ Иванов стоял рядом и смотрел на пустой гроб. — Не думал...

— Я же предупреждал! — повторил Волков. — Его нельзя было трогать, он же видел Большой Рубин!

— Отставить! — Голос человека в плаще прозвучал словно удар бича. Комбриг вздрогнул и отвернулся.

— Не паниковать! Прикажите осмотреть гроб...

Один из парней нагнулся, светя фонарем, и вдруг, вскрикнув, отскочил в сторону. Второй тоже наклонился, но, не удержав равновесия, сполз в вырытую яму. Иванов покачал головой.

— Сергей Павлович, прошу вас!

На миг старшему лейтенанту стало холодно, затем — жарко. Он на всякий случай расстегнул кобуру и быстро перелез через ограду.

От гроба пахло гнилым деревом и мокрой землей. Кто-то подал фонарь. Сергей склонился, осторожно отбрасывая рукой засохшие куски глины, лежавшие на истлевшей обложке. Ничего... Но вот тут рука коснулась чего-то холодного, прямоугольной формы.

Сергей быстро счистил налипшую глину. Кристалл — правильная призма, тщательно отшлифованная и ограненная. Свет фонаря приблизился, камень заиграл темно-красным светом. Пустельга внезапно заметил, что боковые грани покрыты небольшими странными значками. Буквы, не русские, не латинские, но все-таки знакомые...

— Что у вас? — Голос Иванова вывел его из задумчивости. Сергей быстро закончил осмотр, убедившись, что больше в гробу ничего нет, зажал кристалл в руке и перелез обратно через ограду.

— Вот, товарищ Иванов... Больше ничего.

Человек в плаще осторожно взял темно-красный кристалл и поднес к самому лицу. Волков подвинулся поближе и вдруг, охнув, отшатнулся.

— Не ожидали? — понял Иванов и негромко хмыкнул. — Я тоже... Прикажите навести здесь полный порядок. Составите рапорт и перешлете ко мне. Все!

Волков козырнул и повернулся, чтобы отдать приказ парням с лопатами. Товарищ Иванов отошел в глубь аллеи и кивнул Сергею. Тот понял и, подойдя поближе, стал по стойке «смирно».

— Что ж, Сергей Павлович... Ваши подозрения оправдались. От имени правительства выражаю благодарность. Все, что видели сегодня, — забыть. Вопросы?

— Что мне делать, если я его встречу? — ляпнул Сергей, тут же сообразив, что сморозил что-то не то.

В ответ послышался легкий, необидный смех.

— Кого? Косухина Степана Ивановича? Не думаю, что у вас появится такая возможность, товарищ старший лейтенант... Впрочем, ежели встретите, передайте ему от меня привет. Еще вопросы?

Сергей на миг замялся, но затем все же решился.

— Товарищ Иванов! Я по поводу этого камня... рубина. Там

есть надпись. Это какой-то восточный язык, буквы похожи на уйгурские...

— Вы специалист? — Иванов явно удивился. — Ах да, вы же служили в Туркестане! В таком случае спасибо за консультацию...

Он кивнул, прощаясь. Сергей поспешил подбросить ладонь к фуражке. Иванов повернулся, но, внезапно остановившись, заговорил, не оборачиваясь:

— Чтоб вас не мучило любопытство, товарищ старший лейтенант... Это не рубин. Это вообще не камень. А оказался он здесь, потому что тот, кто провернул это дельце, хотел оставить нечто вроде визитной карточки. Надпись действительно на восточном языке. Это бхотский, одно из тибетских наречий. Все ясно?

— Т-так... — сказать «точно» Сергей не успел. Темная фигура, стоявшая перед ним, исчезла, словно осенняя ночь поглотила странного незнакомца в плаще...

Через час Пустельга вновь оказался в комнате № 317, правда, на этот раз без караула у дверей. Он повалился на диван и мгновенно заснул, решив начисто забыть об этом неприятном деле. Одно было плохо. Сергей понимал, что краснолицый комбриг и таинственный товарищ Иванов едва ли забудут его самого — излишне бдительного старшего лейтенанта из Ташкента.

Второй визит к кадровику прошел совсем иначе. Тот, ни о чем не спрашивая, сразу же направил Сергея к одному из заместителей наркома. Фамилия не была названа, и Пустельга почувствовал себя неуверенно. Приятно, что обыкновенного старшего лейтенанта принимает столь высокий чин, но лучше бы обойтись без этого.

Впрочем, на этот раз Сергею повезло. Заместителем наркома оказался не кто иной, как сам товарищ Фриневский — давний знакомый, когда-то руководивший его стажировкой в Столице. Фриневский, теперь уже комиссар госбезопасности, не только узнал Пустельгу, но, казалось, даже обрадовался. Во всяком случае, в его привычном: «Чего стал? Садись!» — звучал тот максимум радушия, который был возможен для руководителей такого ранга.

— Все еще старший лейтенант? — покачал он головой, бегло просмотрев документы Сергея. — Ты чего там, проштрафился? Да тебе уже пора майором быть!

Пустельга искренне удивился. Его карьера шла вполне нормально, без всяких сбоев. Правда, он сам неоднократно был свидетелем внезапных «взлетов», но хорошо знал им цену, а главное — последствия.

— Ну что, много басмачей поймал?

Фриневский улыбался. Можно было не отвечать. Заместитель наркома, конечно, представлял, чем занимается Иностранный отдел НКВД.

— Ладно... — продолжал замнаркома. — Небось на Украину тянет, домой?

Сергей поспешно кивнул. Сердце екнуло и замерло. Неужели? И в самом деле, зачем он тут нужен, в Главном Управлении?

— Нет, дорогой, не выйдет! Послужишь в Столице. Комнату дадим, паек. По театрам походишь... Не робей, Пустельга, привыкнешь!

Он постучал карандашом по крышке стола, помолчал минуту.

— Для начала направляешься в группу майора Айзенберга. Пока рядовым сотрудником. Вопросы?

Сергей растерялся. Уж чего-чего, а подобного он не ожидал. Было ясно, что здесь он не получит высокой должности, но идти рядовым сотрудником в группу какого-то майора! Ему, в одиночку занимавшемуся всей иностранной агентурой в Туркестане!.. Пустельга понял, что не зря его не тянуло в Столицу.

— Обиделся! — понял замнаркома. — В Ташкенте ты был кум королю, а тут — чуть ли не рядовым «наружником»? Эх ты, провинция! Ладно, слушай...

Фриневский закурил и начал говорить — негромко, почти шепотом. Сергею приходилось напрягаться, чтобы расслышать слова, гаснувшие в пустоте огромного кабинета.

— Про твои подвиги в Туркестане все знаю и зря бы тебя с места не сдергивал. Группа Айзенберга — одна из самых ключевых в Главном Управлении. Айзенберг занимается только одним делом, но таким, что тебе еще и не снилось. Месяц поработаешь с ним, а потом...

Он замолчал, словно не решаясь закончить. Наконец заговорил вновь, но еще тише:

— Потом ты его заменишь. Кинем тебе «шпалу», возглавишь группу. А за месяц ты должен полностью войти в курс дела. Учти, Айзенберг ничего не знает и знать не должен. Все понял?

— Так точно! — выдохнул Сергей. Хотелось расспросить про саму группу, но он чувствовал: сейчас не время.

— Все! — подытожил замнаркома. — Беги к Айзенбергу, он в 542-й комнате. Приказ на тебя уже есть. Действуй, дзержинец!

Очутившись в коридоре, Пустельга перевел дух. Хотелось посидеть где-нибудь в укромном уголке, выпить зеленого кок-чая, к которому успел привыкнуть в Ташкенте, и не спеша все обдумать. Но времени не было, и Сергей поспешил в загадочную 542-ю комнату.

Дверь была приоткрыта, оттуда слышался гул голосов. Тянуло табачным дымом, да так, что отвыкший от этого зелья Пустельга затосковал. Он неуверенно тронул дверь рукой и заглянул внутрь.

Здесь действительно курили. Пятеро крепких мужчин сидели вокруг стола, уставленного стаканами с чаем. При виде Сергея разговор смолк, и старший лейтенант поспешил отрекомендоваться по всей форме.

— А, товарищ Пустельга! — Высокий здоровяк с майорскими петлицами неторопливо вышел из-за стола. Фамилию он произнес правильно, и старший лейтенант сразу же почувствовал себя увереннее.

— Майор Айзенберг, — представился здоровяк. — В курс дела вас ввели?

— Никак нет! — выдохнул Сергей. — Мне товарищ Фриневский... То есть, он сразу послал меня сюда...

— Ага!

Пустельгу усадили за стол и угостили чаем. Начало ему понравилось.

— Ладно, перерыв! — решил майор. — Ну вот, товарищ старший лейтенант, вы теперь полноправный сотрудник группы «Вандея». Поздравляю!

Странное название резануло слух. В памяти забродили полузабытые с училищной скамьи имена и названия: Робеспьер, Марат, федераты и почему-то герцог де Шуазель...

— Группа занимается поисками антисоветской террористической организации, действующей как в Столице, так и в ряде районов СССР, — продолжал Айзенберг. — По агентурным данным, эта организация носит название «Вандея», по имени французской провинции... Пояснять не нужно?

— Н-нет, насчет Вандеи я помню, — поспешно подтвердил Сергей.

— Как видите, наши отечественные вредители и террористы решили подражать своим давним коллегам... Ну, группа у нас молодая, существуем недолго, так что вы, товарищ старший лейтенант, не опоздали...

Айзенберг говорил уверенно, твердо и, одновременно, доброжелательно. Его тон понравился Сергею, да и сам майор пришелся по душе. И тут он вспомнил, что руководить группой товарищу Айзенбергу остался лишь месяц. И хорошо, если после этого майора пошлют куда-нибудь «на укрепление», хотя бы в тот же Ташкент...

— После поговорим подробнее, а пока — в самых общих чертах... «Вандея» действует в трех направлениях. Первое — диверсии и террор на оборонных и народно-хозяйственных объектах. Второе — распространение за пределами СССР порочащей ин-

формации о положении в стране. И третье — агентурная разведка. Работают скрытно, грамотно и очень профессионально. По мнению руководства, «Вандея» сейчас представляет наиболее серьезную опасность из всех подпольных организаций на территории СССР...

Сергей ждал продолжения, но Айзенберг явно не спешил, занявшись чаем и с удовольствием затягиваясь «Казбеком».

— Товарищ майор, а если проглядеть кадры Наркомата путей сообщения? Я имею в виду сибирские отделения, а также все командировки туда за последние полгода, — вмешался один из сотрудников, коротко стриженный щекастый лейтенант.

— Почему путей сообщения? — оживился Айзенберг, похоже, забыв о новичке.

— Они же должны как-то добираться до места диверсий! Я бы на их месте действовал через железные дороги.

— Уже, — покачал головой майор. — Этим занимаются, товарищ Каганович создал специальную комиссию. Если что-то будет, нам сообщат. Какие еще соображения?

— Так перерыв же, Аркадий Иосифович! — заметил один из любителей чая.

— Верно, — спохватился майор. — Вот видите, товарищ Пустельга...

Похоже, майор собирался пошутить, но оценить начальственный юмор Сергею не пришлось. Дверь — внутренняя, ведущая, очевидно, в другую комнату, — отворилась, и на пороге вырос невысокий чернявый парень с мрачным нахмуренным видом.

— Товарищ майор!.. — крикнул он. — Товарищ...

— Что с вами, Карабаев? — удивился Айзенберг. — Чай стынет!

— Корф в Столице! — выдохнул чернявый Карабаев. — Звонили... Только что...

— Как?

Майор вскочил, вслед за ним — все остальные. Кто-то опрокинул стул, послышалась негромкая ругань. Сергей остался сидеть, ничего, естественно, не понимая.

— Звонил Лихачев... только что... — продолжал чернявый. — Корф собирается уезжать... Мещанская, 8, пятнадцатая квартира... Лихачев говорит, что через час Корф...

— Едем! Сватов, машину!

Майор уже пришел в себя и теперь деловито пристегивал к поясу кобуру. Кто-то, очевидно, упомянутый Сватов, уже снял телефонную трубку и кричал в нее: «Алло, алло? Коростылев, ты?»

В комнате закипел водоворот. Сергей поспешил отступить к стене, чтобы не мешать. Впрочем, все было готово за несколько секунд. Сотрудники проверили оружие, Сватов докричался до Коростылева, потребовав у него не один, а целых два автомобиля, и Айзенберг уверенно бросил: «Пошли!»

Сергей втиснулся во вторую машину. Рядом с ним оказался тот самый невысокий чернявый парень. Сергей поспешил представиться.

— Лейтенант Карабаев, — с достоинством ответил чернявый и, подумав, добавил: — Прохор Иванович...

Сказано это было с нескрываемым самоуважением. Сергей безошибочно определил, что молодой лейтенант явно из деревни, в город попал недавно, вдобавок, судя по выговору, сибиряк.

— Прохор Иванович... — Пустельга не удержался, чтобы не назвать парня по имени-отчеству, даже скопировав его интонацию. — А кто этот... Корф?

— Ну... в розыске он, — нахмурившись, пояснил лейтенант. — Во всесоюзном... В общем, вражина.

Он помолчал, давая Пустельге время оценить, какой вражиной является этот самый Корф.

— Есть мнение, — еще более веско добавил он, — Корф в «Вандее» — первый человек. Мы по его связям прошли. Лихачев вот позвонил — сосед его бывший... Проявил сознательность...

Кое-что прояснилось. Итак, группа собирается задержать предполагаемого руководителя террористической организации «Вандея» Корфа, которого, как уточнил Карабаев, звали Владимиром Михайловичем.

Автомобили мчались, не обращая внимания на светофоры. Постовые на перекрестках спешили пропустить авто с приметными номерами. И вот наконец за окнами замелькали оживленные тротуары большой, наполненной людьми улицы.

— Туточки он, — неодобрительно заметил Карабаев. — И название какое — Мещанская! Чистый капитализм!..

Сергей уважительно поглядел на молодого лейтенанта. Сам он в значительной мере уже утратил подобную непосредственность.

Первая машина пристала к обочине, следом за ней затормозила вторая. Сотрудники уже выскакивали наружу, на ходу доставая оружие.

— Этот подъезд?

— Нет, этот!..

Нужный подъезд был найден быстро. Квартира номер 15 оказалась на четвертом этаже.

— Карабаев, на пятый! Никого не пропускать! Но только тихо, тихо... — распорядился майор. Лейтенант откозырял и пропал в темноте подъезда. Айзенберг оглянулся:

— Пустельга! Останетесь у подъезда. Никого не пускать! Будет стрельба — оставайтесь на месте. Ясно?

— Есть!

Кажется, Сергея принимали здесь за желторотого стажера. Но

не спорить же в подобной ситуации! Тем временем майор собрал у входа четверых оставшихся сотрудников.

— В дверь звонить не будем. Сразу же выбиваем и врываемся. Берем всех — живыми! Алексеенко, готов?

Алексеенко — румяный здоровяк метра два ростом повел могучими плечами и кивнул. Очевидно, вышибание дверей входило в его обязанности.

— Повторяю: всех — живыми! Поняли? Ну, вперед!

Группа исчезла в подъезде. Пустельга вздохнул и на всякий случай проверил револьвер. Он не обижался на майора. В конце концов, кто-то должен стоять у подъезда, и вполне логично поручить это сотруднику, который числится в группе меньше часа. Но все равно, такое начало было не по душе старшему лейтенанту. Ему, лично пробравшемуся в Яркенд, завербовавшему самого атамана Юровского, создателю агентурной сети в китайской Кашгарии, стоять «на стреме» и вежливо просить бабушек не входить в подъезд, объясняя, что идут газосварочные работы!.. Что ни говори, положение не из завидных. Правда, Сергею нечего было и думать, чтобы высадить дверь, подобно розовощекому Алексеенко. Но как врываться под выстрелами в квартиры и брать ополоумевших врагов живьем, Пустельга знал и умел не хуже прочих.

Минуту-другую наверху было тихо. Затем послышался грохот и треск — вероятно, товарищ Алексеенко приступил к выполнению своих прямых обязанностей. Сергей поморщился. Будь он на месте майора, то предпочел бы обойтись без излишнего шума. Дверь следовало открыть тихо и аккуратно, а еще лучше — обойтись без вторжения и проследить за квартирой, пока таинственный Корф пожелает выйти. Пустельга проводил бы Корфа до вокзала, подождал, пока тот сядет в поезд, и даже тут не спешил бы арестовывать...

Грохот наверху усилился. Сергей машинально отметил, что дверь, вероятно, попалась с характером. Он с тревогой ожидал выстрелов, но, кроме грохота и треска, ничего пока было не слыхать. Пустельга отошел на пару шагов, попытавшись определить, какие из окон — те, нужные. Он заметил пожарную лестницу, прикинув, что надо проследить, дабы Корф не попытался уйти подобным романтическим, но порой достаточно эффективным способом. В практике Сергея такие случаи бывали. Однажды самому пришлось удирать — правда, не по лестнице, а по старой, распадающейся под руками веревке. И уходил он не из окна четвертого этажа, а с верхней площадки старинной, сложенной из серого камня башни...

...Удар пришелся по глазам. Сергей зажмурился — и тут же ударило по ушам, беспощадно, страшно. Пустельга, едва устояв

на ногах, поспешил разлепить веки. Из окон проклятого дома медленно-медленно, словно в неудачной киносъемке, выпадали стекла, а там, где был четвертый этаж, не спеша вздувался огромный черно-оранжевый волдырь, разбрасывая во все стороны бесформенные ошметки и клочья. Из подъезда ударил зловонный дым, земля дрогнула, откуда-то раздался первый, еще неуверенный крик...

Пустельга прислонился к стене и несколько секунд просто ждал, пока отзвенят выбитые окна, перестанет трястись тротуар, пока не станет ясно главное: устоял ли дом и не поглотит ли его потревоженная земная твердь.

...Пахло́ гарью. Где-то наверху уже горело, вокруг кричали люди, а Сергей медленно, сжимая в руке совершенно бесполезный револьвер, поднимался по лестнице. Он дошел лишь до третьего этажа и остановился. Дальше дым стоял сплошняком, слышался треск огня, что-то шипело, булькало. Внезапно мутная стена дыма на миг разошлась, и сквозь нее рухнул кто-то в знакомой светлой форме, покрытой грязными черными пятнами.

— Лейтенант?

Узнать в этом задымленном, чуть живом человеке Прохора Ивановича Карабаева было мудрено. Тот замотал головой, прислонился к стене, прохрипел:

— Они... все... там! Командуйте, товарищ старший...

И тут Пустельга понял все. Ни майора Айзенберга, ни его группы больше нет. Остался лишь этот серьезный не по годам лейтенант, контуженный, но все же живой — и он сам. И теперь именно он, старший по званию, должен расхлебывать это адское варево.

— Телефон... — негромко проговорил Сергей, а затем закричал, обращаясь к обгорелым мрачным стенам: — Телефон! Товарищи, у кого есть телефон?!

В квартиру номер 15 удалось зайти только через два часа, когда пожарные уже собирали свои шланги, а эвакуация жильцов разоренного подъезда подходила к концу. Первым в пролом, оставшийся на месте двери, вошел мрачный Фриневский, приехавший почти сразу же и неотлучно находившийся возле дома все это время. Пустельга шел следом, остальные, в том числе вызванные эксперты, — за ними.

Под ногами дыбился обгорелый кирпич, поперек прохода лежала рухнувшая балка. Люди, которые совсем недавно врывались в эту квартиру, полные сил и уверенности в себе, сгинули. Лишь через несколько минут кто-то наткнулся на высунувшуюся из-под обломков почерневшую руку...

— Адская машина... — Пожилой эксперт быстро огляделся и дернул щекой. — Хитро придумали, сволочи! Стояла не у входа, а в конце коридора. Чтобы всех сразу...

Фриневский велел разбирать руины. Надо было определить хотя бы основное — был ли в квартире кто-нибудь в тот момент, когда силач Алексеенко принялся взламывать дверь.

— Ну, вот вам и боевое крещение, — замнаркома невесело усмехнулся, протянув Пустельге пачку «Казбека». Тот помотал головой, хотя курить захотелось сильно — впервые за несколько лет. — Что, старший лейтенант, в такое дерьмо еще не вляпывались?

— Нет, не вляпывался... Как же это?

— А вот так! — жестко отрезал Фриневский. — Товарищ Айзенберг не справился с заданием. Теперь придется справляться вам.

Сергей удивленно взглянул на замнаркома.

— Что? Забыли? — удивился тот. — Наша договоренность остается в силе. Теперь, товарищ Пустельга, вы — руководитель группы «Вандея». Насколько я понял, с обстановкой вы уже ознакомились?

— Да, — кивнул Сергей, бросив взгляд на черный провал в стене, откуда еще шел дым. — Ознакомился...

ГЛАВА 3

КОНВЕЙЕР

Кабинет следователя походил на обыкновенную камеру. Стены белели свежей известью, деревянный некрашеный стол стоял как-то косо, единственный табурет, намертво привинченный к полу, был густо заляпан чем-то темным. Даже лампочка под потолком была без абажура, свисая на длинном перекрученном проводе. В углу белел умывальник, рядом с которым на обыкновенном гвозде висело несвежее вафельное полотенце. Сам следователь, молодой парень в сером пиджаке с плохо выбритой физиономией, сидел за столом и, чуть скривившись, листал толстую папку.

Шел третий день ареста. Юрий Орловский уже успел немного прийти в себя. Такое приходилось переживать — десять лет назад, когда его, еще студента, так же бросили в черное авто с завешанными окошками и отвезли в Большой Дом. Тогда его держали в маленькой камере вместе с пожилым нэпманом, постоянно жаловавшимся на происки районного фининспектора и скверный тюремный паек. В тот раз Орловского продержали недолго, всего четыре дня, а затем столь же неожиданно выпустили.

Теперь все было не так. Камера оказалась огромной, переполненной людьми. Юрию досталось место на «втором этаже», на

узких деревянных нарах размером с вагонную полку. В камере стоял постоянный полумрак и, что было неожиданно, почти полная тишина. В основном там собралась интеллигентная публика — люди в мятых пиджаках с белыми, без кровинки, лицами. Но были и военные, в форме, но со споротыми петлицами. Вид у всех был, естественно, невеселый, но, к своему облегчению, Орловский не заметил ни у кого неизбежных в подобном месте синяков, ссадин и прочих следов проведения следствия. То ли жертвы успевали признаться заранее, то ли в этой камере держали тех, кого предпочитали «обрабатывать» без излишнего рукоприкладства. Впрочем, Юрий не обольщался.

Людей постоянно вызывали — одного за другим. Уходили молча и так же молча возвращались, правда, далеко не все. Конвейер работал, и Юрий окончательно понял то, о чем ему неоднократно говорил Терапевт: отсюда, из Большого Дома, не выходят. Огромная отлаженная машина не спеша, основательно, перемалывала всех, попадавших в ее жернова.

Итак, ему не выйти. На это Орловский и не рассчитывал. Вопрос был в другом: что здесь знают о нем? Если *они* пронюхали о его книге, то выбора не было: придется умирать — и умирать молча. Но если Терапевт и его неведомые друзья не ошиблись и он просто очередная жертва неостановимых жерновов, то речь, очевидно, пойдет о чем-то ином: то ли о вредительстве в Историческом музее, то ли о рассказанном пару лет назад анекдоте. А в этом случае еще можно было побарахтаться, признаться в какой-нибудь полной ерунде, покаяться. Плохо одно — в любом случае от него потребуют имена. А тут начиналась стена, через которую Юрий перешагнуть не мог, даже спасая себя и тех, кто с ним связан.

Его вызвали на третий день, но, похоже, и теперь следователю было не до него. Он листал бумаги, морщился и вздыхал. Наконец негромко ругнулся и поднял глаза на Юрия:

— Че, Орловский? Ладно, садись...

Из папки был извлечен относительно чистый лист бумаги. Следователь отвинтил колпачок ручки и, вновь скривившись, поглядел на Юрия.

— Слышь, Орловский, может, сам напишешь?

— Я... — удивился Юрий. — О чем?

— Ну, понеслось! — Следователь дернул подбородком. — Знаешь, Орловский, я об тебя руки марать не буду. Я тебя засуну в карцер дней на пять — и ты, проблядь троцкистская, мне целый роман напишешь. В стихах, бля!

— Но о чем? — поразился Юрий, ожидавший все-таки чего-то другого.

— О своей антисоветской вражеской деятельности в составе нелегальной троцкистской организации, гражданин Орловский! Напоминаю, что чистосердечное признание... Ну и так далее...

Слово «троцкистская», произнесенное уже второй раз, удивило. Троцкого, как и прочих «героев Октября», Юрий искренне ненавидел.

— Ладно, — следователь обреченно вздохнул. — Не хочешь по-хорошему, значит?.. Фамилия?

Оставалось сообщить очевидное — что он, Орловский Юрий Петрович, 1904 года рождения, русский, из дворян, образование высшее, беспартийный, привлекался, последнее место работы...

— А теперь сообщите о своей антисоветской деятельности в Государственном Историческом музее, — предложил следователь и вновь скривился.

Можно было вновь переспросить, можно — возразить и протестовать, но Юрий решился:

— Признаюсь, гражданин следователь. Готов дать подробные показания по сути предъявленных мне обвинений.

— Как? — вскинулся тот. — По сути? Ну и словечки подбираешь, Орловский! Ладно, признаешься, значит. Хоть это хорошо... Ну, давай, колись, контра!

— Прошу предъявить мне конкретные обвинения, — негромко, но твердо произнес Юрий.

— Чего? — вскинулся следователь. — Ишь чего захотел, сволота дворянская! Да твои дружки — Иноземцев и Кацман — давно уже про тебя, гада, рассказали!..

Юрий похолодел. Вася Иноземцев и Сережа Кацман — именно этих молодых ребят он защищал несколько дней назад на том последнем собрании, когда мерзавец Аверх обвинил их во вредительстве...

— Признаюсь... — кивнул Юрий. — Я участвовал в деятельности нелегальной контрреволюционной... троцкистской группы...

— Ага... — энкавэдист принялся водить ручкой по бумаге. — Ну, и в чем заключалась эта ваша... деятельность?

— Я... я подготовил вредительскую экспозицию...

— Чего?

Юрий с трудом сдержал усмешку. Этот бред он услыхал от все того же Аверха пару месяцев назад.

— Я заведовал фондом № 15. Мы готовили новую экспозицию по созданию русского централизованного государства. Я подобрал экспонаты таким образом, чтобы преувеличить роль эксплуататорских классов в создании Московской Руси и преуменьшить роль трудового народа. В экспозицию я сознательно включил книгу троцкистского историка Глузского, использовав ее в качестве пропагандистского материала...

Именно в подобных выражениях изъяснялся тогда товарищ Аверх.

— Так... — Следователь оглядел написанное и почесал затылок.

— Какие указания вы, гражданин Орловский, давали вашим сообщникам Иноземцеву и Кацману?

— Я... не давал никаких указаний Иноземцеву и Кацману. Они работали в музее всего месяц...

— Угу, угу, — покивал энкавэдист. — А почему же ты, проблядь, защищал их на собрании? Из доброты, бля, душевной? Ох, Орловский, отправлю я тебя все-таки в карцер. Там и не такие, как ты, мягчали... Может, ты скажешь, что и профессор Орешин, бля, не в вашей кодле?

...Этого Юрий не ожидал. Александр Васильевич Орешин, блестящий знаток нумизматики, каким-то чудом уцелевший в горниле «чисток», всегда вызывал у него восхищение. Еще в студенческие годы Орловский читал статьи профессора, а позже часто беседовал со стариком в его тихом кабинете, где со стендов тускло отсвечивали древние монеты — молчаливые свидетели прошлого...

— Я ничего не знаю про антисоветскую деятельность профессора Орешина, — Юрий посмотрел следователю в глаза. — Антисоветскую работу в музее я вел сам.

Внезапно энкавэдист хихикнул и даже подмигнул:

— Ну, нет сил на тебя сердиться! Юморист, бля! Только что признал, интеллигент паршивый, что состоял в организации — а работал один!..

Юрий мысленно согласился — получалось нескладно. Но не «отдавать» же *им* ребят и Орешина!

— Я тебя, конечно, понимаю, — продолжал следователь. — Ты, бля, умный, кодекс читал. Хочешь по тихому получить свои 58 через 10, срубить «червонец» — и тю-тю! Нет, хрен тебе! Ты у меня, проблядь, получишь для начала 58 через 11, а если и дальше будешь тянуть, то и КРТД — на полную катушку!

Кодекс Юрий знал плохо. Статья 58, пункт 10, осуждала за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Пункт 11-й, вероятно, еще хуже. Что касается «КРТД», то предположить можно было что угодно. «КР» — «контрреволюционер», «Т» — «троцкист» или «террорист», «Д» — «диверсант»...

Следователь ждал. Наконец он покачал головой и хмыкнул:

— Колись; колись, Орловский! Тебя ведь эти контрики на первом же допросе заложили. И Орешин, как возьмем его, тоже враз расколется. А так — помощь следствию, туда-сюда. Глядишь, отделаешься «четвертаком»...

Орловскому на миг стало легче. Значит, Орешин еще на свободе?

— Ведь что самое обидное, Орловский, — голос энкавэдиста внезапно стал тихим, почти что задушевным. — Главным ты там не был: кишка у тебя, интеллигента, тонка. А на полную катушку получишь именно ты. И знаешь почему? Ну так я тебе скажу. Они тебя, бля, использовали. Понял? И сейчас используют. Ты что, думаешь, мы твой тайник не нашли? На, читай!

Он ловко выхватил из недр папки какой-то листок и швырнул через стол. Юрий, успев поймать документ, осторожно заглянул в него. В глаза бросилось: «Протокол обыска». Число памятное — то, когда состоялось проклятое собрание. И обыскивали не что-нибудь, а фонд № 15, которым он заведовал. Не иначе, Аверх расстарался — пригласил, показал...

Первые же строчки заставили похолодеть. Юрий читал долго, затем стал перечитывать, не веря своим глазам.

— Понял? — вновь хихикнул следователь. — Так что это уже тебе не 58-я через 10! Тут, бля, другим пахнет!

Орловский помотал головой и проговорил медленно, словно произнося заклинание от нечистой силы:

— У меня в фонде... Ни в ящике стола... ни в другом месте... не хранилось никакой троцкистской литературы.

— Ага! Значит, бля, мы тебе ее подбросили! Или ее хранили без твоего ведома, так, что ли?

Кроме Юрия, в фонде работали еще двое — пожилые женщины, абсолютно не интересовавшиеся политикой. Нет, это какая-то ерунда, чушь!

— Желаешь взглянуть? — Следователь отодвинул ящик стола. — Чтоб не подумал, что мы, бля, блефуем!..

— Да, — кивнул Орловский. — Желаю.

Через мгновение в его руках был большой конверт из скверной оберточной бумаги. Внутри находилось что-то четырехугольное, плоское... Протокол не лгал. Небольшие, аккуратно отпечатанные брошюрки: Троцкий Л.Д. «Уроки Октября». Семь штук, как и указано в документе...

Брошюры были старые, изданные еще в 24-м. Да, такого хватит за глаза для любого приговора... Юрий бегло осмотрел конверт — самый обычный, без надписей, с небольшим браком — зубчиком на верхнем краю. Конверт внезапно показался знакомым, но мало ли ему приходилось встречать подобной канцелярской мелочи?

— И чего получается? — продолжал следователь. — Если будешь молчать, то, выходит, конвертик твой. В общем, колись, Орловский, в последний раз тебе говорю! Кто тебе передал его? Для кого? Ну?

Мысли мелькали, цепляясь одна за другую. Подбросили при обыске? Но зачем? Чтоб засадить его, дворянина, из «бывших», можно было поступить куда проще. Значит?

— Гражданин следователь... — Юрий постарался, чтобы голос звучал как можно увереннее и тверже. — Прошу дать мне время — до завтра. Завтра утром я все расскажу...

— Завтра, завтра, — скривился энкавэдист. — Ты чего думаешь, ночью к тебе ангел небесный явится и спасет? Хрен тебе, не явится!

Следователь спрятал улику обратно в ящик стола и быстро перелистал бумаги:

— Работы еще, бля... А я с тобой вожусь, проблядью троцкистской... Ладно, хрен с тобой, Орловский, поверю. Но завтра — учти! — вилять не дам! Будут тебе цветочки, а опосля — и ягодки. Понял?

— Да, — кивнул Юрий, думая уже совсем о другом. — Понял...

Этой ночью в камере было неожиданно шумно. Привели нескольких новичков, которые, еще не остыв и не придя в себя, громко возмущались, требуя освобождения и желая немедленно, сию же секунду, писать письма товарищу Ежову и товарищу Сталину. Впрочем, шум не мешал. Наконец-то можно было подумать спокойно, не торопясь...

...«Они» не знали главное — кем был действительно хранитель фонда № 15 Юрий Петрович Орловский. Не знали о книге, о тех, кто помогал собирать материал, о неизвестной машинистке, перепечатывавшей текст... Юрия арестовали «просто так», вместе с десятками и сотнями других «врагов». Значит, следовало признаться, получить неизбежный «червонец» или «четвертак»...

Это было просто. Достаточно подписать любую глупость, и адский конвейер для Юрия закончится в тот же день. Но это значит оговорить двоих ребят, которых он сам же защищал несколько дней назад! Сергея и Василия не спасти, но, может, его показания станут решающей каплей, когда суд будет выбирать между «червонцем» и «четвертаком». И был еще профессор Орешин...

Орловский понимал, что у следователя уже есть готовая схема троцкистской организации в музее. Орешину отводится роль руководителя, Юрий — хранитель «почтового ящика», а молодые ребята — исполнители «вредительских» поручений. Схема, очевидно, подсказана тем же Аверхом. Ни следователя, ни парторга не смущало, что никто из арестованных и подозреваемых никогда не был троцкистом и не состоял в ВКП(б). Достаточно к слову «троцкист» добавить определение «тайный».

А главное — конверт. Семь брошюрок с ненавистной фами-

лией на обложке. Самое жуткое, что Орловский ничего не мог возразить. Это его фонд, его кабинет и его стол...

Он еще раз вспомнил брошюрки, отпечатанные на скверной тусклой бумаге, чуть пожелтевшие от времени, но чистые, вероятно, нечитанные. Затем конверт — грубо склеенный, с заметным рубчиком в верхней части. Не отвертеться! И одновременно, это был единственный шанс что-то изменить. Ни профессор Орешин, ни Иноземцев с Кацманом, ни две его помощницы из фонда не имели к конверту никакого отношения. Значит... Значит, следовало найти того, кто очень хотел видеть Юрия в составе «антисоветской троцкистской группы»!

Орловский прикрыл глаза и начал вспоминать — неторопливо, обдумывая каждую подробность. Итак, музей...

...Он попал туда в сентябре 1935-го. В мае, как раз перед летним отпуском, в Институте народов Востока заговорили о реорганизации. Ни сам Юрий, ни руководитель сектора истории и культуры дхарского народа Родион Геннадьевич Соломатин не придали этому никакого значения. Но в начале июня внезапно вышел приказ. Секторы объединились — и вскоре выяснилось, что для сотрудников дхарского сектора места не предусмотрены. А еще через неделю Родион Геннадьевич исчез. Вскоре были арестованы и остальные сотрудники. Позже Юрий узнал, что одновременно были распущены Дхарское культурное общество и все пять дхарских школ.

Юрий ждал ареста. Тогда он уже работал над книгой и поэтому поспешил отдать все материалы Терапевту. Клава — его жена, с которой он расписался еще в 32-м, не выдержала безденежья и страха. Они развелись, Юрий оставил ей комнату на Ордынке, а сам поселился у «тетки» — двоюродной бабушки — в ее маленьком флигельке...

Тогда все обошлось. К сентябрю Юрий немного успокоился и вновь начал работу над книгой. Жизнь стала налаживаться. Каким-то чудом он сумел прописаться в «теткином» флигеле, с деньгами помог Терапевт, а в сентябре он сумел вновь устроиться на работу. Уже позже он узнал, что в этом ему поспособствовал Флавий — негласно, через верных знакомых. К этому времени Орловского уже знали, его статьи были достаточно известны, поэтому дирекция без особых возражений доверила ему один из фондов.

В музее было спокойно и тихо. Можно было даже игнорировать собрания, не интересоваться «общественной жизнью» и заниматься делом. Но вскоре все изменилось. В музее появился новый парторг — Соломон Исаевич Аверх. Никто не знал его

раньше, но Аверх гордо именовал себя профессором и даже ссылался на какие-то свои исследования, напечатанные еще в 20-е. Однажды Орловский ради интереса перелистал старые журналы: Аверх печатал статьи о «мировом революционном процессе» и «беспощадной борьбе» с разного рода «уклонами». Впрочем, научные изыскания были для «красного профессора» уже в прошлом. Сейчас его интересовало другое.

Через неделю после избрания Аверх созвал общее собрание. Парторг обвинил руководство музея в «мягкотелости», «потакании врагу» и, естественно, в «тайном троцкизме». На следующий день директор музея был арестован, вскоре взяли — одного за другим — его заместителей, а затем коса пошла по рядовым сотрудникам. Юрия не тронули, но месяца через два его вызвал начальник 1-го отдела Духошин. Этот маленький, лысый и очкастый тип появился в музее одновременно с Аверхом. Поговаривали, что они знакомы еще с гражданской. Во всяком случае, скоро уже никто не сомневался, что именно Духошин собирает столь необходимые Аверху для его «обличений» данные.

Начальник 1-го отдела предложил Юрию подписать бумагу о сотрудничестве и регулярно информировать о поступках и высказываниях коллег. Отказ удивил, но уговаривать Духошин не стал, отпустив Орловского с миром. А вскоре произошел эпизод с новой экспозицией. Аверх со вкусом разобрал по косточкам все мелкобуржуазно-дворянско-троцкистские уклоны, в которые впал «гражданин Орловский».

Через несколько месяцев Духошин вызвал Юрия и вновь предложил сотрудничать. Это случилось накануне очередного «разоблачительного» собрания. Орловский опять не согласился; начальник 1-го отдела сочувственно покачал головой, но ничего не сказал.

Сережа Кацман и Вася Иноземцев, недавние выпускники университета, работали в отделе, которым руководил сам Аверх. Что-то там произошло, поговаривали, что они возмутились какой-то очередной глупостью, которую изрек Соломон Исаевич. За два дня до собрания Аверх столкнулся с Юрием в коридоре, поинтересовался его делами, чего не случалось еще ни разу, и внезапно предложил выступить против «некоторых научно некомпетентных сотрудников», которые, по его мнению, ведут в музее вредительскую работу. Орловский тогда ничего не понял и предпочел побыстрее закончить неприятный разговор.

Все стало ясно на самом собрании. Аверх выступил с докладом, обрушившись на «банду вредителей-троцкистов», которые «свили гнездо» в стенах музея. Когда он назвал фамилии, в зале повисло тяжелое безнадежное молчание. Кацман и Иноземцев сидели белые; вокруг них уже начал образовываться вакуум —

стулья пустели, словно ребята внезапно заразились чумой. И тогда Юрий не выдержал...

...Его речь, конечно, ничего не изменила. Аверх вновь оседлал трибуну, тут же возведя в «троцкисты» самого Орловского. Затем, как и полагалось, на голосование был поставлен вопрос о возможности пребывания «банды вредителей» в числе сотрудников музея. Руки взметнулись единогласно — впрочем, за одним исключением. Профессор Орешин, все собрание, казалось, дремавший, голосовал против...

Дальнейшее было очевидно. Аверх или Духошин позвонили в Большой Дом, последовал обыск, затем во дворе появились парни в одинаковых костюмах. Итак?

Итак! «Qui prodest» — римское право давно нашло верную формулу. Единственным человеком, которому было выгодно разоблачение «троцкиста» Орловского, был товарищ Аверх...

Юрий еще раз вспомнил содержимое конверта. Будь он действительно троцкистским нелегалом, то хранил бы не старые брошюры, а кое-что поновее — хотя бы экземпляры «Бюллетеня оппозиции», издававшиеся изгнанником в Париже, или его нашумевшую книгу о сталинской школе фальсификации. Но те, кто спешил «подставить» Орловского, очевидно, сами не имели подобной литературы. Зато у них было кое-что из старого троцкистского хлама.

И тут Юрий вспомнил случайный разговор, слышанный еще год назад. Один из его коллег с горькой усмешкой заметил, что Аверх старается, дабы замолить собственные грехи. В 20-е годы будущий «красный профессор» сам был активным троцкистом. Если это так, то понятно, откуда взялись нечитаные экземпляры «Уроков Октября»! Однако это не доказательство, Юрия просто обвинят в клевете. Брошюрки перевешивали любые умозаключения. Так сказать, «corpus delicti». Брошюрки... Семь книжечек в сером, неважно склеенном, к тому же бракованном конверте. Да, конечно!..

...Конвертов в мире много, но этот имел характерный рубчик — и этот рубчик не выходил из головы. Юрий уже видел конверт с таким точно браком, причем совсем недавно. Оставалось вспомнить — где.

Дома... Нет, в его флигеле таких больших конвертов вообще не было. К Терапевту он не заходил больше трех месяцев. В гостях? Нет, он давно не бывал в гостях...

Оставалась работа — его музей. Юрий начал тщательно вспоминать. Фонд... У него лежал запас больших конвертов, но они были другие — из белой бумаги, без всякого брака. Соседний фонд... Канцелярия... Не то!..

Перед глазами вставали одинаковые столы, груды папок, вы-

сокие шкафы у стен... Нет, не получалось. Конвертов с рубчиком не было ни у его коллег, ни в дирекции, ни в канцелярии.

Орловский закусил губу, стараясь сообразить, в чем ошибка. Может, стоило не вспоминать чужие столы, а представить себе сам конверт. Вернее, конверты — он вдруг понял, что видел не один такой, а целую груду. Они лежали в беспорядке, и Юрий еще подумал, что в подобном заведении такой брак, наверное, недопустим...

«В подобном заведении»... Он вспомнил!

Орловский по-прежнему лежал, закрыв глаза и не двигаясь. На душе было легко, словно все беды остались позади. Теперь ему есть что сказать следователю. Завтра же он расскажет правду...

И тут Юрий оборвал себя. Правду? Ну уж нет! Не он поднял первым меч! И теперь пусть те, кто решил поплясать на его костях, получат сполна. Вспомнилось лицо следователя — типичного недоумка с трехклассным образованием. Ему нужна группа врагов народа? Он ее получит!..

Мелькнула запоздалая мысль о том, что так поступать все же нельзя. Ведь он все-таки интеллигент, дворянин, есть какой-то предел... Но Юрий тут же представил себе наглую, щекастую физиономию Аверха и зло усмехнулся. Нет, хватит бесполезной болтовни! Иного оружия не будет, а его бой не закончен. Песчинка попала в жернова — что ж, и от нее останется царапина...

Юрий заснул крепко, без сновидений, и надзирателю пришлось тряхнуть его за плечо, когда пришло время идти на допрос.

— Че так долго?

От следователя несло дешевым одеколоном и чем-то, напоминающим карболку.

— Заспался, что ли? — энкавэдист открыл папку, перелистал бумаги и выжидательно поглядел на Юрия. Пора начинать.

— Я... Да... Заснул лишь под утро...

— Думал? — Усмешка была снисходительной, ленивой.

— Да... Я думал... Понимаете, гражданин следователь... Это трудно...

— Вот еще, трудно! — возмутился тот. — Как, бля, против власти рабочих и крестьян шкодить — так не трудно, да? Ладно, колись, Орловский, колись...

— Гражданин следователь, — Юрий вздохнул, стараясь не глядеть врагу в лицо: глаза могли выдать. — Мне... Мне страшно, понимаете? Они... они сказали, что достанут меня везде, даже тут. У них всюду свои люди...

— Это у кого же? — В голосе промелькнула настороженность. — У Кацмана твоего, что ли?

— Нет, не у него... У главного.

— Ну-ну, — подзадорил следователь. — И кто это там у вас главный?

Тут следовало сделать небольшую паузу. Юрий еще раз вспомнил подготовленную байку. Самое забавное — если что либо могло быть забавным в этом адском месте, что все в ней — или почти все — правда...

— Дайте, пожалуйста, конверт.

Через секунду конверт был у него в руках. Орловский еще раз поглядел на зубчик и даже коснулся его пальцем...

— Этот конверт положил мне в стол гражданин Духошин.

— Кто?! — Вопрос был быстрый, словно молния.

— Духошин... Я не помню его имя и отчество. Он начальник 1-го отдела музея. Я понимаю, вы мне не поверите. Я докажу... Вот, смотрите: этот конверт — бракованный...

...Именно такие конверты Юрий заметил на столе у Духошина. Начальник 1-го отдела уговаривал Орловского начать сотрудничество, а Юрий, чтоб не смотреть ему в глаза, глядел в сторону — на бумаги, громоздившиеся на столе...

Следователь не перебивал. Перо летало по бумаге. Да, похоже, клюнуло, надо жать дальше...

— Духошин давно хотел меня завербовать. Он грозил мне, гражданин следователь! Говорил, что я дворянин, меня будет легко уволить при первой же чистке...

...Чистая правда! Именно так изъяснялся Духошин.

— Пока это все слова, гражданин Орловский. — Следователь оторвался от протокола и с сомнением взглянул на Юрия. — Все-таки начальник 1-го отдела...

— Так в том-то и дело! Понимаете? — Юрий даже вскочил, а затем, словно обессилев, рухнул на стул. — У них там целая банда! Они вербуют сотрудников — и все боятся!..

— Стоп! Ты вот что, успокойся! Ты их не бойся, Орловский. Ты, бля, нас бойся!

— Да, да, конечно... Извините, мне действительно страшно... — Юрий перевел дух, решив, что пора выдавать главное. — В музее действительно есть группа врагов народа... троцкистов. Они имеют задание истреблять честных сотрудников, коммунистов и беспартийных, чтобы ставить на их место своих людей. Ведь музей находится рядом с Главной Крепостью, оттуда простреливается вся площадь. Если они сумеют контролировать здание музея...

— Е-мое! А ведь правда!

Кажется, мысль о стратегическом положении главного столичного музея пока не приходила в голову следователя. Орловский закусил губу, чтобы не улыбнуться.

— Они действуют в музее уже около года. За это время им удалось скомпрометировать очень многих. Всех тех, кто не желал сотрудничать, они обвиняли во вредительстве. Им все верили...

...И это — тоже правда.

— Меня завербовали... Но Кацман и Иноземцев вызвали почему-то подозрения, и их решили убрать...

— А чего ты выступал в их защиту?

Это был действительно опасный вопрос. Но не слишком.

— Мне приказали. Я должен был выступить, а собрание — меня поддержать. Якобы для того, чтобы этих ребят просто напугать, сделать податливыми для вербовки. Мне так обещали, гражданин следователь! Только сейчас я понял, что меня тоже решили убрать. Но я не мог отказаться, понимаете? Они сказали, что меня найдут даже здесь. Еще им мешал профессор Орешин, его тоже решили скомпрометировать.

— Постой, Орловский, — следователь дописал строчку и стукнул ребром ладони по столу. — Что ты заладил: «они, они»! Ты фамилии называй!..

— Я... всех не знаю... Это же тайная группа, гражданин следователь! Но я знаю главного... самого главного... Это бывший троцкист — еще с 20-х...

— Фамилия!

Юрий молчал. Интересно все же, поверил или нет? Наверное, еще нет. Во всяком случае, не до конца...

— Фамилию говори! Ну? Чего молчишь, проблядь?

...Удар был короткий, почти без размаха. Юрий упал на пол, боль затопила голову...

— Вставай, вставай!..

Орловский медленно встал. Энкавэдист был рядом, придерживая его за ворот окровавленной рубашки. Юрий заметил, что пальцы следователя тоже в крови. Он набрал в грудь воздуха. Пора!..

— Аверх... Профессор Аверх, парторг музея...

Окровавленная рука отпустила ворот, и Юрий медленно опустился на стул. Голова гудела, кровь текла по лицу, но это было сущей ерундой по сравнению с главным. Поверил?

— Аверх, Аверх... — энкавэдист закусил костяшки пальцев, о чем-то размышляя. — Слушай, Орловский, а ты не врешь? Учти, если врешь — я тебя, суку, сгною!

— Проверьте... — Юрий вздохнул и заговорил тихо, словно лишившись последних сил. — У меня лишь два доказательства: конверты и то, что Аверх был троцкистом...

Следователь, схватив трубку внутреннего телефона, скользнул пальцем по диску.

— Фарафонов? На месте? Хорошо... А ну-ка, взгляни, что там у нас по одному типу... Фамилия Аверх, зовут...

— Соломон Исаевич, — подсказал Орловский.

— Соломон Исаевич... Что там он поделывал лет десять назад? Да, еще взгляни-ка на фамилию Духошин... Да не знаю, как его зовут, проверь!

Юрий ждал. Даже если все сорвется, он должен держаться этой версии до конца — иного выхода не было...

— Что?! — Следователь вскочил, ручка покатилась по полу. — В поезде Троцкого? Оба? Не может быть, черт! Да как же мы прошляпили? Ага, ага... Ну дела!.. Все, спасибо!

Он бросил трубку, наклонился за ручкой, а затем весело взглянул на Орловского:

— Че такой мрачный? Да иди умойся, смотреть противно.

Теперь Юрий понял, зачем в кабинете умывальник...

— Так, — энкавэдист неодобрительно взглянул на испачканные в крови костяшки пальцев. — Зубы целы, интеллигент?..

— Да, — Юрий невольно усмехнулся. — Это из носа...

— А чего кобенился? Говорил бы сразу! Ты, бля, любого из терпенья выведешь. Курить будешь?

Юрий не возражал — курить хотелось отчаянно. Следователь бросил на стол пачку «Герцеговины» и спички.

— Сам не курю, — пояснил он, не отрываясь от протокола. — Для таких, как ты, держу. Цени, Орловский!..

Папироса окончательно успокоила. Интересно, одобрил бы его поведение Терапевт? Наверно, все же нет. Его друг по-своему брезглив и не стал бы пачкаться о таких, как щекастый «профессор». Но у Юрия нет выхода. На весах — не только его жизнь...

— Ладно, вали обратно! — Следователь встал и возбужденно потер ладоши. — Поеду к твоему Аверху. Поручкаемся, бля!..

Орловского не трогали три дня. Все это время он пролежал на нарах, почти не вставая. Лежать в дневное время запрещалось, но у Юрия был достаточно веский предлог. Кровь из разбитого носа продолжала то и дело сочиться, и «вертухаям» в конце концов пришлось оставить его в покое.

О будущем он старался не думать. Оставалось прошлое. Вначале Юрий вспоминал Нику, все их знакомство, день за днем. Затем воспоминания унесли его дальше, куда он редко возвращался прежде, — в страну Детства. Здесь, среди душного полумрака, приятно было представить их большую светлую квартиру, молодую маму — в нарядном платье, всегда с цветком, заколотым у воротника, отца, такого доброго, уютного, когда он приходил к Юрию в детскую, и строгого, резкого — в парадной генеральской

форме. Блестящие отцовские эполеты почему-то всегда пугали маленького Юру, и отец то и дело посмеивался, утверждая, что такому трусишке никогда не стать офицером...

...Орловский-младший так и не стал офицером. Офицером был Андрей, старший брат, успевший закончить юнкерское училище как раз накануне Великой войны. Юрий хорошо помнил брата в блестящей новенькой форме. Мать плакала, Андрей смущенно утешал ее, хотя утешить было нечем — молодой поручик уходил на фронт...

Юрий учился в четвертом классе гимназии, мечтая поступить на юридический, когда грянула невероятная новость об отречении Государя, а еще через неделю пришла телеграмма о смерти отца. Генерал Орловский был растерзан озверевшей солдатней на Юго-Западном фронте.

Брат вернулся домой в ноябре, злой, небритый, в солдатской шинели без погон. Мать снова плакала, но капитан Орловский был тверд: он уезжал на Дон. Юрий помнил, как они прощались — брат и их сосед, давний знакомый отца, служивший в дивизии Орловского-старшего. Соседа звали дядя Миша, он был тоже в шинели без погон, но не солдатской, а офицерской. Оба уезжали в Ростов; мать, проводив друзей, без сил опустилась на стул и проговорила, ни к кому не обращаясь: «Не увижу...» Юрий запомнил ее слова, хотя тогда, в ноябре проклятого года, твердо верил, что и брат, и дядя Миша обязательно вернутся, и вернутся с победой.

...Андрей Орловский умер от тифа в полевом лазарете где-то на Южном фронте в 20-м. Об этом семья узнала через год, когда в Столицу вернулся врач, бывший офицер врангелевской армии, который и похоронил Андрея. Терапевт, тогда еще совсем молодой и бледный от перенесенной болезни — тиф не пощадил и его, — передал Юрию золотой портсигар, который отец когда-то подарил старшему сыну. Портсигар продали позже, когда стало нечего есть и мать тяжело заболела...

Дядя Миша тоже не вернулся. Его жена, тетя Саша, долго ездила в поисках мужа, но узнала лишь, что бывший гвардейский офицер Михаил Модестович Корф пропал без вести летом 19-го.

Детство кончилось. Мать все время болела, пришлось искать работу. Юрию повезло: его приняли в университет, правда, не на юридический, а на историко-филологический факультет, и даже дали стипендию, позволявшую сводить концы с концами. Орловский учился отлично, но летом 1927-го последовал арест, после чего пребывание «классово чуждого» студента в пролетарском вузе стало невозможным.

Тогда же, в 27-м, арестовали сына дяди Миши — Володю, которому не исполнилось и шестнадцати. Орловский пытался уз-

нать, что случилось с парнем, но тщетно. Лишь через три года он узнал, что Корф-младший бежал из страшной «Девятки» — Соликамского лагеря и пропал без вести посреди бескрайней зимней тайги...

Мать умерла в 29-м. Год назад скончалась «тетка» — двоюродная бабушка, которая приютила Юрия в своем флигельке. Больше на этой земле Орловских не осталось. Юрий был последний — не добитый победившей властью рабочих и крестьян. И теперь, в темной мертвой камере, он еще раз почувствовал, что прав. Он не успел на фронт в 20-м. Что ж, у него есть свой фронт! И никто не сможет убедить его отказаться от единственного права — права на ненависть. Он боролся и будет бороться. До конца!

Знакомый следователь на этот раз встретил Юрия почти как товарища по борьбе. Он даже подмигнул, сунул открытую пачку «Герцеговины» и кивнул на стол:

— Узнаешь?

...Знакомые конверты — с приметным зубчиком по верхнему краю...

— Так... — физиономия энкавэдиста стала серьезной, он извлек несколько отпечатанных на машинке страничек, пододвинул ближе. — Читай и подписывай!

Это был протокол. Следователь записал все точно, разве что добавил от себя эпитеты, среди которых преобладали «злобный», «закоренелый» и «лютый». Все это относилось, естественно, к врагам родной советской власти.

— Все верно? — Энкавэдист нетерпеливо поглядывал на Орловского, держа наготове ручку.

— Да, — вполне искренне признался Юрий. — Правильно.

Он вздохнул и подписал. Все было кончено...

— Во! — улыбнулся следователь. — Теперь, бля, порядок! Ну чего, Орловский, я написал все чин-чином: помощь следствию, искреннее раскаяние — глядишь, разберутся...

— А когда суд? — не удержался Юрий. Следователь удивленно поглядел на него и покачал головой:

— Ну ты даешь... Какой суд? У тебя же 58-11 — пойдешь в ОСО!

Ну конечно! Терапевт рассказывал об этом адском порядке: Особое Совещание, суд без адвоката, а часто и без подсудимого. Согласно Указу Верховного Совета декабря года от Рождества Христова 1934-го...

— Слыхал? — понял следователь. — «ОСО — две ручки одно колесо». Ладно, авось не пропадешь! Этим гадам, Аверху твоему и

Духошину, похуже будет. Еле расколол! Ничего, признались, суки...

Новость оставила равнодушным. «Красный профессор» и его прихвостень попали в тот самый котел, куда отправляли других. И столкнул их туда он, Юрий Орловский. Он отомстил — за себя, за остальных. И тут Юрий понял, что его враги — тоже, как и он, из «бывших». Наверное, все эти годы они изо всех сил скрывали свою связь с Троцким, старались, не жалели чужой крови... Бог им всем судья!..

— А что будет Кацману и Иноземцеву?

Следователь почесал в затылке:

— Им-то что, получат по «червонцу». Ты лучше о себе подумай. Будут спрашивать — кайся, плачь. Авось повезет. Понял?

— Понял...

Тон следователя не внушал оптимизма. Юрий почувствовал, что «червонцем» не отделаться. И, может быть, даже «четвертаком»...

— Твоего Орешина видел, — внезапно хмыкнул следователь. — Ну, забойный старикан! У него, похоже, шарики за ролики еще лет тридцать тому заехали! Хорошо, что с ним разобрались, а то жалко б было. Он, оказывается, из сочувствующих, политссыльным помогал...

...Значит, получилось и это. Александра Васильевича оставили в покое. Иное дело — надолго ли...

— Ну все, — подытожил следователь. — Дня три — и в ОСО. Ну чего, Орловский, нос болит?

— Нет, — боль действительно прошла, остался лишь небольшой синяк.

— Ты не обижайся. Погорячился. Потом сам спасибо скажешь! Так что записать: жалоб на следствие нет?

— Нет! — Юрий взглянул прямо в глаза врагу, заставив себя улыбнуться. — Ни малейших...

Следователь ошибся. Прошло три дня, затем еще три, но Орловского никуда не вызывали. Спросить было не у кого. Вертухаи, естественно, ничего не знали, да и не собирались беседовать с заключенными. Люди в камере приходили, исчезали, на смену им появлялись новые, а о Юрии словно забыли. Наступало странное оцепенение. Все, даже собственная жизнь, даже Ника, начинали казаться чем-то далеким, ненужным, неинтересным.

...Юрия подняли ночью. Вертухай буркнул: «На выход!», — толкнул в спину. И тут же откуда-то вновь появился страх. То, что ожидает его, — рядом...

В коридоре уже толпился десяток таких, как он, — сонных,

небритых, растерянно озирающихся в беспощадном свете голых ламп. Их погнали по коридору, затем вниз по лестнице. В небольшом четырехугольном помещении тип с кубарями в малиновых петлицах проверил всех по списку — их оказалось двенадцать — и указал вперед, в прохладную темноту двора.

Там ждал грузовик — большой, крытый. Охрана заняла место у бортов, оттолкнув особо любопытных, чья-то рука в гимнастерке задернула полог, мотор заревел и машина тронулась с места.

Вначале все молчали, очевидно, еще не придя в себя, но затем кто-то не выдержал:

— Товарищи! Товарищи! Кто знает, куда нас? Куда нас?..

— Молчать! — рявкнул один из конвоиров.

— Товарищи! Скажите! — не умолкал голос, но тут же сменился стоном: один из охранников двинул наугад прикладом.

Вначале Юрий подумал, что их везут на суд, в это самое ОСО. Но была ночь. Даже большевистский суд едва ли заседает в это время. Он склонился к невидимому в темноте соседу и прошептал:

— Вас судили?

— Да. «Червонец» без права переписки...

Этого человека судили, его, Орловского, — нет. И всех их везут куда-то ночью, не оформив документы, не дав даже взять вещи. Страх вновь сжал горло — Юрий начал понимать. Он слыхал об этом: «десять лет без права переписки», вызов ночью — и все. В висках стучало, по рукам прошла холодная дрожь...

— Товарищи, у кого ВМН? — негромко спросил кто-то, и словно эхо отозвалось в темноте: «У меня... у меня... у меня...»

Вначале Юрий не понял, но память подсказала. ВМН — высшая мера наказания, она же «высшая мера социальной защиты». Значит... Юрий до крови закусил губу. ВМН, «без права переписки» — все это означало одно и то же. То, что произойдет со всеми ими этой холодной сентябрьской ночью...

— Нет! — крикнул тот же голос, что спрашивал вначале. — Нет, не хочу! Не хочу!..

— Молчать! Молчать, сука!

Снова удар прикладом, стон — и вновь тишина, только ровный шум мотора, уносящий грузовик куда-то в ночь...

— ...Вылезай! — Команда последовала неожиданно, когда грузовик еще не успел остановиться. Очевидно, сопровождающие спешили. Спрыгнув вниз на асфальт, Юрий невольно оглянулся, но заметил лишь темный двор и еще более темный провал, возле которого стояли двое с винтовками.

— Становись!..

Неровная шеренга замерла возле черного входа. Один из кон-

воиров, вероятно, старший, наскоро пересчитал их и кивнул в сторону подземелья:

— Пошел!

Юрий шагнул в темноту и невольно зажмурил глаза. Под ногами были ступени, затем они кончились, и дальше пришлось идти длинным темным коридором. Где-то капала вода, воздух пропитался сыростью, вокруг стояла полная тьма. Конвоиры негромко чертыхались, но света никто не включал.

— Стой! — Они замерли прямо посреди неглубокой лужи, и тут вспыхнул луч фонаря.

Орловский постарался сбросить мертвое оцепенение. Все еще неубитое чувство любопытства заставило осмотреться. Они были уже не в коридоре, а в небольшом помещении с высокими стенами, по которым сочилась вода. Кроме конвоиров, здесь находился кто-то еще — тот, что держал фонарь. Юрий успел заметить, что этот «кто-то» одет не в форму, а в черную кожаную куртку. Лица было не разглядеть, но поразили широкие плечи и огромные кисти рук с широко расставленными пальцами...

— Сколько? — Голос был хриплым, в нем звучало нетерпение. Конвоир что-то негромко ответил.

— Ладно! Давай подпишу...

Свет фонаря упал на бумагу, конвоир козырнул и кивнул остальным. Те быстро вскинули винтовки на плечи и шагнули в темноту. Широкоплечий в куртке свистнул, и тут же в проходе появились еще трое таких же, широкоплечих и широколицых, с короткими кавалерийскими карабинами.

Теперь все стало окончательно ясно. Юрий прижался к холодной мокрой стене и закрыл глаза...

...Вот, значит, и все.

Мысль почему-то не испугала, словно то, что было вокруг: темное мокрое подземелье, замершие у стены смертники и равнодушные палачи в черных куртках, больше не имело к нему никакого отношения...

ГЛАВА 4

ГРУППА «ВАНДЕЯ»

Сергей стоял посреди большого кабинета, прямо под портретом товарища Сталина, раскуривавшего известную всему миру трубку. Остальные, десятка два мужчин в светлых гимнастерках, сидели за огромным столом, покрытым зеленым сукном. Почти ни с кем из присутствующих, кроме хорошо известного ему Фриневского, старший лейтенант еще не успел познакомиться и оттого чувствовал себя не слишком уверенно. Нарком сидел во

главе стола, маленький, сутулый, совсем непохожий на свои портреты. Лицо товарища Ежова было хмурым, острые скулы, казалось, вот-вот порвут пергаментную кожу, серо-голубые глаза смотрели куда-то вдаль. За те полчаса, пока Пустельга делал доклад, Николай Иванович ни разу не показал, что он как-то заинтересован происходящим.

— У вас все, товарищ Пустельга? — Голос наркома был тих и невыразителен.

— Так точно, — как можно тверже ответил Сергей, стараясь не показать волнения. Докладывать на коллегии НКВД ему еще не приходилось.

— Прошу вопросы... — Нарком устало прикрыл глаза.

— Так что ж это выходит? — тут же вскочил плотный мужчина с петлицами комбрига. — Никто, значит, не виноват? Четверо сотрудников погибли, враг народа скрылся...

Пустельга понял, что придется отбиваться, и отбиваться всерьез.

— Я не утверждал, что никто не виноват. Я лишь хотел подчеркнуть, что мы все недооценили врага...

— Кто — все? Я? Товарищ Ежов? Извольте уточнить, старший лейтенант!

Слово «товарищ» было пропущено — случайно или преднамеренно.

— Виноваты многие, — Сергей тряхнул головой, словно пытался отогнать невидимую муху. — Товарищ Айзенберг не имел всей необходимой информации по «Вандее», а значит, был в какой-то мере дезориентирован. В частности, он не знал о предупреждении сотрудника Иностранного отдела Арвида о подготовке терактов в самой Столице...

Пустельга перевел дух. Критиковать покойного майора не хотелось, но от него требовали правды.

— Товарищ Айзенберг не перепроверил информацию, полученную якобы от соседа Корфа Василия Лихачева, которого на самом деле не было в Столице. Кроме того, нельзя было так, нахрапом, врываться в квартиру...

— Достаточно. — Голос Ежова был по-прежнему скучен и невыразителен. — Значит, никаких следов?

— Не совсем так...

Найти удалось мало. Квартира № 15 принадлежала арестованному месяц назад инженеру; тот, кто готовил засаду, попросту снял с дверей печати. В самой квартире никого не было.

— Следов почти нет. Однако неизвестный позвонил нам по телефону. По внешнему номеру — не через коммутатор. Этот номер знали только здесь, в Главном Управлении. При беседе со свидетелями сотрудники группы давали справочный...

— То есть... — не выдержал товарищ Фриневский, — значит, у Корфа есть агент в Главном Управлении?

— Не обязательно у Корфа, — уточнил Пустельга. — Мы вообще не знаем, был ли Корф в тот день в Столице. Но те, что готовили засаду, явно имели какую-то информацию...

По кабинету пронесся гул, и Сергей почувствовал себя крайне неуютно. Еще бы! Он, без году неделя сотрудник Управления, обвиняет коллег в том, что среди них имеется вражеский агент!

— А может, все было проще, товарищ Пустельга? — осторожно поинтересовался Фриневский. — В конце концов, мог проболтаться кто-то из группы Айзенберга. Девушке своей рассказать, например...

— Да, конечно, — тут же согласился Пустельга, внезапно сообразив, что зря разоткровенничался. Ведь вражеский агент мог преспокойно присутствовать в данный момент в этом самом кабинете! — Я просто предположил...

— Предположил! — буркнул кто-то. — Думать надо, прежде чем языком чесать...

— Товарищ Пустельга абсолютно прав, — негромко произнес нарком, и шум разом стих. — Очищение аппарата от троцкистско-зиновьевских и прочих двурушников — наша важнейшая задача, товарищи! Что еще не ясно?

Больше Сергея ни о чем не спрашивали, и через пару минут он уже покидал кабинет наркома. Все кончилось относительно удачно. Расследование ему было велено продолжить, но уже в новом качестве — руководителя того, что осталось от группы «Вандея».

В кабинете № 542 Пустельгу ждали его новые подчиненные. Группа «Вандея» состояла теперь из самого Сергея и тех, кто уцелел от старой. Лейтенант Карабаев уже вышел из больницы, где пролежал три дня с легкой контузией, вторым же был срочно отозванный из отпуска старший лейтенант Михаил Александрович Ахилло.

Все дни, пока шло следствие, Сергей внимательно присматривался к своим сотрудникам. Карабаев стал понятен практически сразу. Таких молодых лейтенантов Пустельге часто приходилось встречать и на Украине, и в Ташкенте. Семья Прохора жила в маленькой деревеньке где-то под Омском. Отец был убит семеновцами, шестерых детей выхаживала мать, работавшая в батрачках у местного мироеда. Ничего удивительного, что Прохор в четырнадцать лет стал селькором, в пятнадцать стал служить в местной милиции, а еще через год попал в Омское училище Наркомата внутренних дел. Карабаев был серьезен, неулыбчив и не-

обыкновенно старателен. В характеристике из личного дела особо подчеркивались его «классовая непримиримость» и «бескомпромиссная ненависть к врагу».

Второй член группы, старший лейтенант Ахилло в день гибели Айзенберга был в Сочи, в ведомственном санатории. Заглянув в его личное дело, Пустельга удивился — и было от чего.

...Ахилло звали вовсе не Михаилом, а Микаэлем. Странные имя и фамилия объяснялись просто: старший лейтенант происходил из артистической семьи, его родители были актерами одного из разъездных театров. В первые же месяцы службы в органах Ахилло удостоился двух благодарностей наркома. После училища был оставлен в Главном Управлении, к двум благодарностям прибавились еще три, а год назад Микаэль был награжден орденом боевого Красного Знамени.

Сергей был немного смущен — предстояло командовать едва ли не героем. Он ждал, что увидит чудо-богатыря, но, когда на третий день старший лейтенант Ахилло изволил прибыть, Пустельга удивился еще более. В дверях стоял невысокий смуглый парень совершенно штатского и даже какого-то несерьезного вида. Стоял как-то странно, широко расставив ноги, левая рука в кармане, в правой — дымящаяся папироса. И взгляд был соответствующим — рассеянным, чуть снисходительным, а по красивому горбоносому лицу блуждала праздная улыбка.

Сергей не стал призывать подчиненного к порядку. Он встал, внимательно поглядел на развязного старшего лейтенанта — и тоже усмехнулся. Несколько секунд они глядели друг на друга, затем Ахилло улыбнулся еще шире, мгновение — и папироса куда-то исчезла. Щелкнули каблуки, последовал рапорт по всей форме. Впрочем, при неизбежной процедуре знакомства Ахилло сразу же назвал его по имени. Пустельга не возражал, и сам Ахилло отныне стал для него просто Михаилом.

Вскоре выяснилось, что смуглый старший лейтенант умен, начитан, знает всю столичную «публику», а также является завсегдатаем местных театров. При этом он, к удивлению Пустельги, прекрасно ладил с Карабаевым, который обращался к нему уважительно, причем исключительно по званию.

Сейчас оба они — лейтенант из Омска и блестящий Ахилло — ждали Сергея в кабинете. Прохор Иванович Карабаев сидел за столом, положив перед собой листок бумаги и ручку. При виде начальника он с достоинством поднялся, приняв стойку «смирно». Ахилло, удобно устроившийся в большом кресле, дымил папиросой и даже не сдвинулся с места. Впрочем, его левая рука взметнулась в ленивом салюте, что должно было означать приветствие.

— Прошу садиться...

Эти слова относились, естественно, только к Карабаеву. Сергей улыбнулся молодому лейтенанту, покосился на безмятежного Ахилло и сел сам — во главу стола, где когда-то сидел покойный Айзенберг.

— Товарищи... — Начало вышло слишком официальным, и Сергей невольно поморщился. — Товарищи... Коллегия наркомата одобрила проведенное нами расследование. Мы получили приказ продолжить разработку «Вандеи»...

— Гм-м... — донеслось из кресла. Орденоносец Ахилло блаженствовал, прикрыв глаза и выпуская кольца сизого дыма.

— А у вас есть какие-то соображения, товарищ старший лейтенант?

Кресло безмолвствовало. Наконец последовал долгий вздох:

— Соображения? Понимаете, Сергей, я думал, что соображения будут у начальства... Или вы из деликатности кое-что предпочли оставить при себе?

Деликатностью Пустельга не отличался, но понял, о чем идет речь.

— Вы, естественно, не утаили от наших отцов-командиров, что внутри группы, возможно, был вражеский агент...

Пустельга вздрогнул. Свои мысли он ни разу не излагал вслух перед подчиненными. Он поглядел на Карабаева — тот держал наготове автоматическую ручку. В левом верхнем углу листка было уже проставлено сегодняшнее число.

— Я уже, признаться, вещички собирать начал... — Ахилло наконец соизволил открыть глаза.

Опасный разговор следовало немедленно прекратить, но Сергею было интересно проверить собственные выводы.

— Желаете высказаться, Михаил?

— Я? Да что вы! Вот товарищ лейтенант...

Сергей бросил удивленный взгляд на Карабаева. Тот чуть покраснел и встал:

— Разрешите...

Пустельга кивнул. Лейтенант неловко повел головой, точно его душил воротник:

— Ну, это... Телефонный звонок — не через коммутатор. Это раз... Во-вторых, ну... Знали эти вражины товарища майора! Другой бы в квартиру врываться не стал, проверил бы вначале... И в-третьих, значит... Накануне товарищ майор сказал, что беседовал с каким-то человеком, узнал много нового... А что — рассказать не успел...

Изложено все было точно. Сергей понял, что его подозрения более чем основательны.

— Вообще-то враг мог быть и на стороне... — Ахилло потянул-

ся и метко забросил окурок в пепельницу. — Но самое простое — самое вероятное. Агент был в группе.

— И кто же он?

Спрашивать, конечно, не стоило. Все, кто уцелел от группы, сидели здесь, в этом кабинете.

— А кто угодно, — пожал плечами Михаил. — Хотя бы я: находился в отпуске, чистое алиби. Никто даже не проверил, был ли я на самом деле в Сочи...

— А вы были в Сочи? — улыбнулся Сергей.

— В Сочи-то я был, но как раз за день до взрыва уехал с экскурсией на Ахун-гору. Теоретически мог махнуть в Столицу, позвонить по телефону... Или проще: дать команду тому же Корфу прямо из Сочи. Товарищ лейтенант тоже под подозрением...

— Так точно, — кивнул Карабаев. — Звонили-то мне! И я один уцелел...

— Постойте... — Сергею вдруг пришла в голову нелепая мысль, что его подчиненные попросту разыгрывают нового начальника. — Но если так смотреть, то и я под подозрением! Первый день в группе — и как раз...

— Ага... — блаженно улыбнулся Ахилло. — Понятливый у нас начальник. Правда, товарищ лейтенант?

Пустельга не знал, что и думать. Получалось действительно нечто нелепое.

— А могло быть и по-другому, — как ни в чем не бывало продолжал Ахилло. — Корф завербовал кого-то из технического персонала, телефонистку, например....

— Телефонистку... — Сергей помолчал и наконец не выдержал: — Ребята, давайте серьезно! Я ведь еще ни черта не понимаю! Помогите!..

— Да мы здесь тоже ни черта не понимаем! — Ахилло вскочил, его напускное равнодушие как ветром сдуло. — Сергей, тут что-то не так. Не верю я в этого Корфа! И в эту самую «Вандею», честно говоря, — не очень. По-моему, нам дали тухлый след!

— Вы тоже так думаете, товарищ лейтенант?

Карабаев подумал и неторопливо кивнул:

— Ну... в общем, как будто кто-то нарочно подкидывает нам улики. Корф этот... Его ведь никто не видел уже много лет!..

— Как? — поразился Пустельга. — Две недели назад он был в Столице!

— Говорят, что был, — вздохнул Ахилло. — Вроде видели его в гостинице «Националь». Вроде шел по коридору. Вроде сидел в ресторане...

— Вроде наживки, — вставил Прохор. — Мы кидаемся, ищем этого Корфа — и вот группы нет. Товарищ старший лейтенант!

Я просмотрел его дело. В тридцатом Корф бежал из Соликамлага — из «Девятки»...

— Она же «Белый Лебедь», — хмыкнул Михаил.

— ...Зимой, через тайгу, один. У него не было шансов, товарищ старший лейтенант! Я тайгу знаю...

На эту деталь Сергей тоже обратил внимание и даже подумал, что Корф — вероятно, какой-то сверхчеловек.

— Ему тогда было всего восемнадцать, — продолжал лейтенант. — Он же городской, ему в тайге и трех дней не прожить...

— Но... товарищи... — совсем растерялся Сергей. — У нас есть документы, донесения!..

— Угу, — кивнул Ахилло. — А еще есть такое слово — дезинформация, товарищ старший лейтенант. Если по-простому — липа!

Пустельга заставил себя успокоиться. Даже если это и так...

— Давайте разберемся... Если нас кто-то дезинформирует, значит, этот «кто-то» существует?

Ахилло кивнул. Карабаев, чуть подумав, тоже.

— Этот «кто-то» устроил засаду и погубил наших товарищей. Значит, мы будем его искать. А «Вандея» это или нет — разберемся. Согласны?

На этот раз никто не возражал.

— Нам приказано еще раз изучить всю информацию и высказать соображения. Этим мы и займемся. Что вы можете еще добавить?

И вновь наступило молчание. Наконец заговорил Ахилло:

— Прежде всего тот, кого мы ищем, из Столицы. Дальше. Он — или они — из «бывших». Иначе не было бы такого названия...

Сергей тоже думал об этом. «Вандея» — в названии чувствовался вызов, хорошо продуманный и дерзкий.

— И кроме того, возможности у него — или у них — совершенно невероятные...

Спорить не приходилось. Пустельга понял, что ему следует еще раз пересмотреть материалы по «Вандее». В предыдущие дни он несколько раз перечитал их, но тогда все мысли были о другом — о гибели майора и его сотрудников...

Он отправил Ахилло к экспертам, надеясь узнать что-нибудь новое по поводу взрыва, а Карабаеву велел еще раз наведаться по адресам, где жили свидетели, видевшие Корфа. Сделал он это без особой нужды, на всякий случай. Оставшись один, Сергей плотно прикрыл дверь и достал из сейфа несколько тяжелых папок, на каждой из которых крупным почерком покойного Айзенберга было выведено «Вандея» №...». Предстояло изучить проклятое дело с самого начала, с того самого дня, когда чуть больше года назад, 26 июля 1936-го...

...26 июля 1936-го сотрудник Иностранного отдела Зеленый сообщил о странном случае в редакции эмигрантской газеты «Дозорный», выходящей в Париже. Один из ее сотрудников, вернувшись из Китая, напечатал пять небольших очерков. Последний — шестой — был изъят из уже готовой корректуры. Дотошный агент сумел достать забракованную газетную страницу. Она была тут же в папке, смятая, а затем вновь аккуратно разглаженная утюгом, отчего страница немного пожелтела.

Очерк назывался «Вандея». Речь в нем шла о бегстве нескольких белогвардейцев-подпольщиков из большевистского концлагеря. Все они были названы не по именам, а по кличкам, взятым из истории Французской революции. Точнее, контрреволюции — беглецов звали Батц, Рошжаклен, Кадудаль, Прижан и Фротто. Пробравшись через границу в Харбин, они встретились с автором очерка. Их командир, имевший кличку Лантенак, сообщил о существовании в СССР крупной нелегальной организации, связанной с высшими структурами — с аппаратом ЦК, Наркоматом обороны и НКВД. Организация называлась «Вандея».

Очерк был типичной эмигрантской агиткой, и совершенно непонятным казалось решение редакции снять его с полосы. Объяснение могло быть одно — корреспондент ненароком рассказал правду...

Сергей еще раз перечитал корректуру и обратил внимание на одну странность. Все герои очерка были названы именами подлинных исторических деятелей. Лишь Лантенак носил фамилию литературного персонажа.

Примерно через месяц, в сентябре 36-го, тот же Зеленый сообщил об услышанном им разговоре. Бывшие врангелевские генералы — Тургул, руководитель военной секции РОВСа, и его давний сослуживец Манштейн упомянули о существовании в СССР террористической организации.

Следующая информация пришла с Дальнего Востока. Некто Онегин информировал, что в окружении атамана Семенова стали поговаривать о подготовке крупного рейда на территорию СССР. Ожидался эмиссар нелегального тайного центра. Следующее донесение Онегина подтверждало: эмиссар прибыл в Харбин. Удалось также выяснить, что представителя подполья звали Владимиром. Онегину были показаны несколько десятков фотографий находившихся в особом розыске, и он без особого труда опознал в эмиссаре подполья Владимира Михайловича Корфа, разыскиваемого с 1930-го года после побега из Соликамского лагеря.

Далее следовали материалы по Корфу. Сын белогвардейского полковника, он был арестован еще в 27-м, отправлен в лагерь, где создал тайную организацию, готовившую побег. После разоблачения бежал сам, исчезнув в заснеженной пустой тайге.

Несмотря на принятые меры, рейд семеновцев все-таки состоялся. Следовал перечень взорванных мостов, разоренных колхозов и совхозов, уничтоженных бойцов и командиров Красной Армии. Отряд проник далеко на север, сумев освободить заключенных из двух лагерей, причем семеновцы действовали в форме бойцов НКВД и имели подлинные документы. Владимир Корф лично участвовал в нападении на один из лагерей.

Еще через два месяца пришло донесение из Франции. Корфа видели в Париже в компании с генералом Тургулом. Он также контактировал с депутатом парламента Карно и с известным ученым профессором Луи Робером.

Далее, как понял Сергей, Иностранному отделу улыбнулась удача. Сотрудник Баян сумел устроиться секретарем к генералу Тургулу, жившему в маленькой деревне под Парижем. Баян снял копии с нескольких писем, пришедших на имя генерала. Депеши были шифрованные, но после некоторых усилий эксперты сумели их прочитать. Писем было шесть. Все они адресованы «Людовику», то есть, очевидно, Тургулу, и подписаны «Лантенак».

Первое письмо сообщало об успешных действиях диверсионной группы Фротто на Южном Урале. В деле имелась справка, из которой следовало, что на заводах Южного Урала в это время случился ряд аварий, взрывов и крупных поломок, которые поначалу отнесли за счет обычной халатности. Тут же последовали оргвыводы — были сняты с должности несколько руководителей областных управлений НКВД. Впрочем, делу это помогло мало.

Во втором донесении говорилось о том, что в Париж доставлены антисоветские материалы для распространения во французской печати. Действительно, вскоре генерал Тургул передал в ряд газет статьи о репрессиях в СССР. В отличие от обычной эмигрантской макулатуры, материал был составлен с точным знанием фактов. Очевидно, люди Лантенака обладали доступом к самой секретной информации.

Третье донесение информировало об успешном проведении операции «Ковчег». Речь шла о спасении «врагов народа», которые с помощью людей Лантенака ушли от ареста и скрылись за границей. Судя по прилагаемой справке, за 36-й и начало 37-го года в Столице сумели уйти от ареста и исчезнуть около трех десятков человек, в том числе двое видных военных и один заместитель наркома. Всех их, часто вместе с семьями, успевали предупредить и вывезти. Поиски беглецов ничего не дали.

Четвертое донесение, датированное январем 37-го, сообщало о действиях группы Фротто, на этот раз на Средней Волге. В вновь следовала справка: аварии на оборонных заводах, крушения поездов, поджоги. Каждый раз местные работники оформляли до-

кументы о «халатности» или «несчастном случае». Последовали оргвыводы, естественно, совершенно запоздалые.

В пятом донесении Лантенака говорилось об успешной работе агентов Рошжаклена и Кадудаля, чьи донесения должны были пересылаться по какому-то «резервному каналу».

И, наконец, письмо шестое, последнее. В нем сообщалось, что операция «Ковчег» идет по плану, группа Фротто направлена в Тамбовскую область, а очередные материалы для парижской прессы будут посланы тем же «резервным каналом». Лантенак также утверждал, что агент Кадудаль имеет информацию о подготовке НКВД похищения Людовика, которому рекомендовалось немедленно сменить место жительства.

В прилагаемой справке действительно упоминалось о планах похищения Тургула. Становилось очевидным, что Кадудаль имеет доступ к секретным материалам Большого Дома. Тургул внял совету и вскоре покинул Францию, переехав в Лиссабон. Попытки внедрить нового сотрудника в его окружение не увенчались успехом.

Донесения Лантенака стали недоступны, но разработка «Вандеи» продолжилась. Вскоре выяснилось, что за последние два месяца исчезло еще два десятка человек из тех, кому грозил арест. Как удалось узнать, каждому звонили по телефону, после чего к дому подъезжал автомобиль с фальшивыми номерами. Однако ни один из беглецов не объявился ни за границей, ни за пределами Столицы.

Весной 1937 года в Главном Управлении была создана группа «Вандея» во главе с опытным работником — майором Айзенбергом. Особых успехов группа не имела, пока в начале сентября информаторы не сообщили о том, что Владимира Корфа видели в Столице. А затем последовал звонок того, кто назвался Василием Лихачевым, бывшим соседом семьи Корфов...

Имелись в деле и свежие сообщения. Одно из них, так и не попавшее на стол к Айзенбергу, было от какого-то Арвида, сообщавшего, что в руководстве РОВСа прошел слух о готовящихся «Вандеей» террористических актах в самой Столице. В другом, от все того же Онегина говорилось о тайном визите в Харбин генерала Доихары, главы японской разведки. Японцы, как выяснилось, возлагали на «Вандею» большие надежды...

...Пустельга перевел дух. Получалось что-то странное. Фактов хватало, их более чем достаточно. Вот уже год Главное Управление вело поиск, используя все свои возможности. Несколько человек из числа арестованных в Столице признались в принадлежности к организации, но каждый раз выяснялось, что сделали они это под давлением следствия. «Вандея» оставалась призра-

ком, неуловимым и страшным. Слабой зацепкой был таинственный Корф, единственное лицо, если не считать исчезнувшего Тургула, непосредственно связанное с «Вандеей».

Пустельга положил перед собой старую, десятилетней давности, фотографию Владимира Корфа — молодого паренька с неулыбчивым лицом и упорным взглядом темных глаз. Сергей внимательно всмотрелся в фото и решил попробовать. Если Корф действительно погиб в уральской тайге...

...Взгляд в глаза, знакомое чувство пустоты... Но вот отзвук, дальнее, негромкое эхо... Прохор Карабаев ошибся — Корф был жив, хоть и находился где-то очень далеко.

Вскоре вернулся Ахилло, сообщив, что эксперты уверяют, будто взрывчатка, которой была начинена «адская машина», не производится серийно на заводах СССР, равно как в странах Европы. Зато кое-что прояснилось со взрывателем. Подобные взрыватели, предназначавшиеся для диверсионных групп ОСНАЗа, изготовлялись небольшими партиями на одном из пороховых заводов в Тамбове.

— Тамбов... — Ахилло постучал костяшками пальцев по крышке стола. Сергей понял: именно в Тамбовской области, если верить донесениям Лантенака, действовала террористическая группа Фротто.

— А вы не верили! — усмехнулся Сергей. Ахилло пожал плечами:

— Черт его ведает, отец командир! В спецшколе меня учили: больше всего на свете бойся совпадений...

Пустельга хотел возразить неверующему Фоме, но тут дверь растворилась, и появился запыхавшийся Карабаев. Сергей решил отложить спор с орденоносцем на более удобное время и выслушать лейтенанта.

— Да ничего толком! — сразу же разочаровал Пустельгу Прохор и, глотнув холодного чаю, приступил к рассказу.

Толку было действительно мало. Корфа видели трое, причем один из свидетелей утверждал, что заметил беглого зэка возле входа в гостиницу «Националь». Однако в регистрационной книге ни Корфа, ни кого-либо похожего не значилось. Столь же безрезультатными оказались допросы прислуги.

— Говорил я со всеми, — Карабаев вздохнул. — Один вроде видел Корфа с кем-то, но не уверен...

— Негусто, — резюмировал Ахилло. Пустельга, впрочем, не был разочарован. Иного он, признаться, и не ожидал. Старший лейтенант уже был готов высказать свои соображения по поводу взрывателя, но вдруг заметил, что Карабаев чем-то смущен. Кажется, он рассказал далеко не все.

— Прохор, вы что-то узнали еще?

— Ну... Это, в общем, не про Корфа, — сибиряк был явно в затруднении.

— Давайте! — подбодрил Пустельга.

— Ну, это, в общем, глупо как-то...

...Одним из свидетелей был некто Лапшин, известный театральный критик и первый столичный сплетник. Беседу с работником НКВД он воспринял как прекрасный повод поделиться последними новостями.

— И что? — Сергею внезапно показалось, что лейтенант попросту желает пересказать свежий анекдот.

— Ну... В общем, дом пропал...

— К-как?! — Пустельга решил, что ослышался. — Дом?!

— Дом полярников, — Прохор вздохнул и насупился.

Услыхав это, Ахилло произнес нечто вроде «а-а-а-а!» и махнул рукой. Но Карабаев мотнул головой.

— Товарищ старший лейтенант! В донесениях Лантенака говорится, что они прячут куда-то врагов народа...

— И что? — Сергей мгновенно стал серьезен.

— Ну... Лапшин сказал, что ходят слухи... Будто эти... беглецы... украли Дом полярников и теперь там живут...

Послышался хохот — орденоносец Ахилло покачивался из стороны в сторону. Сергей не знал, следовать ли ему этому недостойному примеру или дослушать подчиненного до конца.

— И напрасно смеетесь! — обиделся Прохор. — Я выяснял! Дом полярников... Он того... Взаправду пропал!..

Ахилло то ли пискнул, то ли взвизгнул — смеяться уже не было сил.

— В Главпроекте я был, — упрямо продолжал лейтенант. — Дом этот, для героев-полярников, строился в Хамовниках. Как раз к возвращению Папанина хотели успеть. Только построили — и пропал. Я ездил — один фундамент остался...

— А еще говорят, что в Столице нечистая сила завелась! — Ахилло наконец обрел способность разговаривать. — И не где-нибудь, а в Теплом Стане. По всем кладбищам мертвецов крадут и в Теплый Стан отправляют — для оживления и использования в качестве упырей!

— Товарищ старший лейтенант!.. — Байка про упырей стала последней каплей, добившей бывшего селькора.

— Постойте, постойте! — Сергей внезапно заинтересовался. — Но ведь если дом действительно... Ну... пропал, должно было быть следствие! Это ведь хищение социалистической собственности...

— В особо крупных размерах, — охотно согласился Михаил. — Вы бы, товарищ лейтенант, заглянули в отдел экономических преступлений...

— А я только что оттуда, — вздохнул Прохор.

— И что?

Сергею внезапно стало не до смеха. Он почувствовал, что шутки кончились.

— Расследование вела группа капитана Овцына, все данные засекречены...

Пустельга не знал, что и думать. Выходило и вправду что-то бредовое: бежавшие враги народа похищают дом, чтобы жить со всеми удобствами! Но ведь дом действительно пропал?

— Сергей! — Ахилло тоже стал серьезен, только в глазах еще мелькали последние искорки смеха. — Да бог с вами, вы что?

— Но... как же следствие?

Пустельга в очередной раз пожалел, что в нелегкий час его вызвали из Ташкента.

Ахилло хмыкнул:

— Я эту историю уже слыхал дней десять тому. Все просто, Сергей! Там строили вовсе не Дом полярников. Там вообще ничего не строили — настоящая стройка была неподалеку. Это был камуфляж, ложное строительство. Потом это все, естественно, разобрали. А капитан Овцын занимался крупной растратой — кто-то на этой ложной стройке сумел вполне по-серьезному поживиться...

На лейтенанта Карабаева было жалко смотреть. Впрочем, и сам Сергей ощущал себя немногим лучше. Ведь он чуть было не поверил! И вправду — почему бы «Вандее» не украсть Дом полярников?

— Михаил, а в Теплом Стане...

Он не стал договаривать, но Ахилло понял.

— Там строится сверхсекретный научный центр. Вампиров, конечно, не воспитывают, но краем уха я слыхал, что туда направили самого Тернема. Знаете такого?

— Тернем? — странная фамилия показалась знакомой. — Это ученый?

— Угу.

— По процессу «Промпартии» проходил, — вспомнил Карабаев. — Десять лет и пять ссылки.

— Именно. Если туда направили самого Тернема...

— А что... Ну, что он может? — заинтересовался Пустельга, чувствуя, что разговор, вошедший было в нормальное русло, вновь сворачивает не туда.

— Да все, — пожал плечами Ахилло. — В 24-м он предложил воскресить товарища Ленина...

Сергей в упор взглянул на собеседника. Нет, старший лейтенант и не думал шутить.

— А вообще-то он физик, занимается элементарными части-

цами. Говорят, сам товарищ Иванов распорядился послать его в Теплый Стан...

...Эта фамилия была тоже знакомой. Товарищ Иванов — тот, с кем он беседовал на кладбище Донского монастыря! Следовало молчать, но Сергей не выдержал:

— Кто? Товарищ Иванов?

— Да. Он самый!

Ответ прозвучал столь веско, что Пустельга не решился больше переспрашивать. Тем более, давно пора было заняться делом.

— Итак, что у нас есть, товарищи? Прежде всего взрыватель...

Взрывателем было поручено заниматься Карабаеву. Сергей рассудил, что бывшему селькору это будет проще, чем беседовать со столичными сплетниками. Оставалась еще одна зацепка, но ее Пустельга решил приберечь напоследок.

— Вы помните наш разговор? — как бы невзначай поинтересовался он. — Об агенте?

— А-а, — хмыкнул Ахилло. — Товарищ лейтенант, нам с вами, кажется, пора чистосердечно признаваться.

— Михаил, прекратите! — Шутовство Ахилло начинало уже надоедать. — В донесении Лантенака говорится об агенте по кличке Кадудаль. Именно Кадудаль предупредил о подготовке похищения генерала Тургула. Я не думаю, что «Вандея» имеет в Большом Доме двух агентов...

— Постойте... Это донесение от мая 37-го... — вспомнил Ахилло.

— Да, от мая 37-го. Очевидно, Кадудаль тогда уже работал в Большом Доме...

Прохор и Ахилло переглянулись. Оба они вполне подходили под эти сроки.

— ...равно как и то, что Кадудаль был информирован о делах Иностранного отдела, — закончил Сергей. — Вот от этого и будем плясать.

— Постойте, постойте! — Ахилло на миг задумался и покачал головой. — Насколько я знаю, тогда перешерстили весь Иностранный отдел. К тому же, в наши дела мы их не посвящали.

Он поглядел на Прохора, словно в поисках поддержки. Тот кивнул.

— Значит, искали не там, — усмехнулся Сергей. — Вы же сами, Михаил, говорили о телефонистке. Или буфетчице...

— Это, товарищ старший лейтенант, внутреннее расследование, — недоверчиво заметил Прохор. — Нам не разрешат. Тут санкция самого наркома нужна.

— Будет, — твердо пообещал Сергей. — Я добьюсь.

...Расходились в этот хлопотный день поздно, когда на Столицу уже опустилась прохладная осенняя ночь. Прохор отправился к остановке троллейбуса, а Сергей и Ахилло спустились в метро — им было по дороге.

— Михаил... Кто такой товарищ Иванов?

Теперь, когда они остались вдвоем, Пустельга решил задать этот давно интересовавший вопрос. Ахилло удивленно поднял брови:

— То есть как это — кто? Иванов — псевдоним товарища Сталина. Он использует его, когда подписывает документы по военным вопросам, да и по нашему ведомству. У нас его так часто называют. А что?

...На тебе! В памяти промелькнула ночь на Донском кладбище. Сергей не видел лица Иванова, но слышал его голос. Да и фигура, возраст... И вообще, какое дело товарищу Сталину, вождю партии и страны, до похороненного много лет назад молодого красного командира?

— Михаил... А может... Вы не знаете, в руководстве нет другого Иванова?

Ахилло пожал плечами:

— В каждом наркомате есть десяток Ивановых! Но если взять Политбюро, Секретариат ЦК, Совнарком...

— Знаю... — Список вождей Сергей, естественно, изучил досконально. — Но, может, кто-то еще пользуется этим псевдонимом?

— Нет, я бы слыхал, — усмехнулся Ахилло. — Правда, упоминавшийся уже сегодня гражданин Лапшин пересказал бы вам, Сергей, очередную байку, что существует некто товарищ Иванов, который на самом деле и правит страной, а товарищ Сталин — это либо его псевдоним, либо один из помощников.

— А что, так говорят? — Сергей вновь почувствовал себя скверно. Что бы там ни болтали, но таинственного Иванова он видел собственными глазами!

— Говорят — пока языки не отрежут. Сергей! Товарищ старший лейтенант! Отец-командир! Извините, если сгрублю. Вы — в Столице, и сплетни здесь тоже столичные... Привыкайте!

— Постараюсь. — Сергей и не думал обижаться. Тем более у него был еще один вопрос: — Тут... в Главном Управлении... Я встречал какого-то комбрига. У него петлицы сапера. Лицо такое красное...

Михаил долго молчал. Они спустись по эскалатору, и только в самом конце бегущей лестницы Ахилло словно очнулся:

— Вы мне ничего не говорили, Сергей, а я ничего не слышал — ни о комбриге, ни о его петлицах. Да и вы его не видели. Договорились?

— Договорились...

...Странно, Михаил-Микаэль явно испугался. А ведь он вовсе не казался трусом!

На следующий день Пустельга отправил Прохора в Тамбов, на пороховой завод, а сам сел за докладную наркому с предложением возобновить расследование по делу Кадудаля. Ахилло, чтобы тот не бездельничал, он посадил за длинный список подозреваемых, составленный еще покойным Айзенбергом. Туда входили те, кто по своему положению мог поставлять «Вандее» информацию или оказывать иное содействие. Затея почти безнадежная — агенты подполья могли занимать должности как в многочисленных наркоматах, включая и Большой Дом, так и в ЦК, а также в Столичном горкоме. Кроме того, список приходилось то и дело обновлять. За последний месяц бесследно сгинуло двое наркомов, несколько завотделами ЦК, не говоря уже о работниках помельче. Сергей вспомнил замечание Ахилло о телефонистках и был вынужден признать, что в этом случае список вообще не имеет смысла.

Внезапно Михаил, что-то черкавший карандашом на одной из страниц, хмыкнул. Пустельга, оторвавшись от докладной, вопросительно поглядел на орденоносца.

— Ничего, — покачал головой Ахилло. — Просто вспомнил, что нам в спецшколе рассказывали...

— Про шпионов?

— Про них, родимых. Во времена Французской революции существовал Комитет Общественного Спасения. Нечто вроде Совета Труда и Обороны...

— Помню. Это мы учили.

Историю Французской революции Сергей и в самом деле знал неплохо.

— Ну вот, и там, представьте, завелся шпион. Не где-нибудь — при самом Робеспьере!

— Вандейский? — невольно вырвалось у Пустельги.

— Шут его знает! Скорее всего работал на Кобленц, на эмигрантов. Начали его, естественно, искать. Выбирать почти что не из кого: двенадцать человек, минус, естественно, сам Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон — эти были фанатиками. Остается девять...

Сергей отложил в сторону недописанный лист бумаги. Давняя история вдруг почему-то показалась очень важной.

— И что? — не выдержал он. — Нашли?

— Ага. Некоего Эро де Сешеля. Шпиона судили, отправили на гильотину... А информация продолжала поступать, причем

первоклассная. Прошло сто пятьдесят лет, архивы открыли, мемуары напечатали...

— Не нашли?

— Представьте себе, товарищ командир, нет. А ведь тогда разведка еще не имела такого опыта прикрытия агентуры. Нет, я не в целях нагнетания пессимизма, я так...

— Как это — так?

Сергей внезапно подумал, что Ахилло знает нечто важное — или о чем-то важном догадывается.

— Наиболее трезвые историки считают, что шпиона там вообще не было. Подполье специально дезориентировало своих хозяев в Кобленце, чтоб получить больше денег. А, может, эта игра предназначалась для якобинцев: снесли же голову де Сешелю! Впрочем, мог быть еще один вариант...

Ахилло помолчал и проговорил тихо, словно раскрывал опасную тайну:

— Информацию мог поставлять сам Робеспьер — из каких-то известных ему соображений. Ну а товарищи историки теряются в догадках...

Пустельга помрачнел. Ахилло явно на что-то намекал, но понимать его намеки или даже думать о них не хотелось. Некоторое время оба работали молча. Сергей тщательно подбирал выражения докладной, по опыту зная, как важно не написать лишнего — особенно в такой бумаге. Выходило пока не особо убедительно.

— А ну его! — Ахилло отбросил в сторону машинописные страницы и лениво потянулся. — Отец-командир, а не устроить ли нам поход в театр, а? А то одичаем. Мы ведь все-таки в Столице!

Мысль сразу пришлась по душе. И в самом деле! За эти дни Пустельга видел лишь кабинеты Большого Дома да комнатку в общежитии, где его покуда поселили.

— А что? — Докладная была вновь отложена, Сергей повернулся на стуле и поскреб подбородок. — Это мысль! Когда я тут стажировался, то почти каждый вечер где-либо бывал. Помню, попал на премьеру к Мейерхольду...

Он умолк, сообразив, что сболтнул лишнее. Театра Мейерхольда уже не было... Михаил, однако, сделал вид, что не услышал:

— Во МХАТе скоро будет премьера. У нас есть театральная касса. Мы ведь, так сказать, шефы.

— Вам нравится МХАТ?

Сергей вспомнил, что Ахилло — из театральной семьи. Михаил усмехнулся и покачал головой:

— Мне? Нет, не нравится. Мой батюшка просился туда на работу, а господин Станиславский дал ему от ворот поворот. А если

серьезно — нельзя сейчас играть так, как сорок лет назад, и вдобавок спекулировать на прошлой славе...

Сергей вновь вспомнил Мейерхольда. Странно, отчего-то закрыли именно Революционный театр, а не какой-либо из старых, совсем не революционных!

— А можно и в Большой, — продолжал Ахилло. — Там кое-кто славно поет. Давыдову слыхали?

— Это в Ташкенте-то? — улыбнулся Сергей. — Все! Идея одобряется, но подождем возвращения Прохора Ивановича. Вместе и сходим...

— Годится, — невозмутимо согласился Ахилло. — Кажется, в Театре юного зрителя идет мощная пьеса — «Кулак и батрак»...

Пустельга обиделся за юного лейтенанта и хотел было достойно возразить зазнавшемуся столичному обывателю, как внезапно звякнул стоявший на столе внутренний телефон. Ахилло лениво снял трубку.

— Группа старшего лейтенанта Пустельги. Да... Так точно!

Тон его изменился, старший лейтенант вскочил и сунул трубку Сергею, шепнув: «Нарком!» Еще не совсем осознав происходящее, Пустельга бросил взгляд на недописанную докладную и осторожно проговорил в мембрану:

— Старший лейтенант Пустельга... Здравия желаю, товарищ...

— Вы не один? — послышался негромкий взволнованный голос Ежова. — Попросите своих сотрудников выйти...

Ахилло, явно обладавший сверхъестественным чутьем, был уже у дверей. Сергей кивнул, и старший лейтенант исчез, плотно прикрыв за собою массивные створки.

— Я один, товарищ народный комиссар... — начал Сергей, но Ежов его тут же оборвал:

— Хорошо! Сейчас с вами будут говорить. Выслушайте — и выполните все точно!

В трубке послышался щелчок. В эту долю секунды Пустельга сообразил, *кто* мог отдавать ему приказ помимо наркома и вместо наркома, — и похолодел. Он был почти уверен, что сейчас услышит знакомый всей стране глуховатый голос с еле заметным акцентом...

— Сергей Павлович? Это Иванов говорит. Помните?

Трубка чуть не выпала из рук. Голос был знаком, но это, конечно, не голос любимого Вождя... Впрочем, думать некогда. Вспомнилось лишь прощальное: «Забудьте!»

— Никак нет, товарищ Иванов. Не помню. Забыл!

— А-а-а! — В трубке послышался смешок. — Похвально, товарищ руководитель группы. В деле разобрались?

— Нет еще... — Пустельга сам ужаснулся своему ответу, но отступать было некуда: — Очень сложное дело, товарищ Иванов.

— Да ну? — В трубке вновь послышался смех. — А я думал, вы уже изловили всех супостатов! С чего думаете начинать?

— С диверсии. Тут остались следы. И потом, надо продолжить поиск Кадудаля... Это...

— Помню. — Голос того, кто называл себя Ивановым, стал серьезен. — Значит, думаете, им в Большом Доме помогает кто-то повыше рядового сотрудника?

— Так точно! — рубанул Сергей, хотя полной уверенности у него, естественно, не было, да и быть не могло. — Мне нужна санкция наркома на внутреннее расследование...

— Получите... Сергей Павлович, а вас не смущает то, что поиск «Вандеи» ведете лишь вы трое?

Вопрос был неожиданным. Конечно, в группе покойного Айзенберга было шестеро, но все равно для такой задачи требовались куда большие силы.

— Боитесь жаловаться на руководство? — В тоне невидимого собеседника скользнула неприкрытая ирония. — Слушайте, Сергей Павлович, и слушайте внимательно. В Америке на заводах держат специального сотрудника — «думающего инженера». Его задача — только думать и время от времени выдавать новые идеи. Следует заимствовать, как учил товарищ Ленин, опыт американских империалистов. Вы и ваши товарищи будете нашими «думающими инженерами». «Вандею» ищет весь наркомат, но ваша задача — идеи. Если будут нужны люди — получите. Столько, сколько надо, — роту, батальон, полк. Это ясно?.. Теперь второе...

Трубка на миг умолкла, и Сергей смахнул со лба пот.

— Начните с психологического портрета нашего врага — этого Лантенака. Подумайте, кто это может быть, чего он хочет, во что верит. Вам надо его представить, тогда будет легче. И третье...

...Вновь секундный перерыв.

— Не ищите Корфа. Забудьте о нем! Считайте, что такой никогда не проходил по делу «Вандеи». Но учтите — на мои слова вы ссылаться не имеете права. Как поняли?

— Я... понял... — с трудом выговорил Пустельга. — Корфа искать не надо...

— Все! Желаю успеха. Квартиру получили?

— Что? — Такого оборота Сергей не ожидал. — Нет еще, но...

— Понял. Ай-яй-яй... В театре еще не были? Во МХАТе скоро премьера, сходите...

Из мембраны послышались короткие гудки. Пустельга постоял несколько секунд, выдохнул и аккуратно положил трубку на место. В голове было пусто, лишь последняя фраза почему-то вновь и вновь прокручивалась в памяти: «Во МХАТе скоро премьера...» Только что Михаил упоминал об этом — и вот такое

дикое совпадение... Впрочем, не это было главным. Хорошо, что ему доверяют! Должность «думающего инженера» тоже понравилась, но остальное... И главное, кто беседовал с ним, кто отдавал приказы? Псевдоним? Тот, кого не существовало?

— Неприятности? — Ахилло осторожно заглянул в кабинет и тихо кашлянул.

— Нет, — заставил себя улыбнуться Пустельга. — Так какая, вы говорите, премьера во МХАТе?

ГЛАВА 5

ЗЭК СО ЗНАНИЕМ ДХАРСКОГО

...Шестерых увели в глухую тьму. Неровные шаги затихли вдалеке, и тишину нарушали только мерно падающие капли.

Орловский по-прежнему стоял, прижавшись спиной к холодному камню. Рядом сгрудились еще пятеро — те, кого оставили напоследок.

— Господи... Господи... Господи... — Чей-то шепот нарушил тишину. Стоявший в черном проходе конвоир покосился — и голос смолк. Вновь тишина, нарушаемая лишь короткими ударами воды о камень. Кап... кап... кап...

Юрий ждал выстрелов. Вот сейчас ударит залп, затем два-три одиночных... Но темнота по-прежнему молчала, минуты шли, и страшная неизвестность становилась невыносимой. Издалека слабым эхом донесся далекий крик...

Надо было помолиться, и Орловский начал лихорадочно вспоминать полузабытые слова. Не получалось... И вдруг давнее ожесточение охватило душу. Он сейчас умрет. Они все умрут — и навсегда останутся в этом черном аду. А Тот, на Которого они надеются, в лучшем случае вычеркнет их имена из очередного тома Книги Судеб. Он, Кому так верили, оставил его, народ, страну, отдав этим нетопырям... А если нет, то Он... То почему ТЫ видишь и молчишь?

Вдали вновь послышался крик. Настороженный слух уловил странные звуки: топот, треск и тихое бульканье, как будто где-то лопнул водопровод... Страх исчез, сменившись ненавистью. Юрий быстро осмотрелся. Охранник в кожаной куртке был один. Орловский осторожно смерил расстояние до неподвижно застывшего стража, их глаза встретились...

Юрий шатнулся, как от удара, сжатые кулаки безвольно опустились. Это не взгляд человека, у людей не бывает таких глаз!.. Холод затопил тело, казалось, исчезло все, кроме все еще бьющегося сердца. Нет, бороться бессмысленно. Те, что пришли за

ними, были страшнее самой смерти, и Орловский вдруг понял, что упасть под пулями — еще не худший исход...

...Тяжелые шаги — палачи возвращались. Они шли неторопливо, вразвалку, лица, красные, квадратные, довольно ухмылялись. Первый, очевидно, старший, хлопнул того, что стоял в проходе, по плечу, и оба радостно загоготали.

— Господи... Господи... — вновь послышался шепот, но приклады карабинов уже привычно ткнулись в тела, подгоняя их к темному проходу. Кто-то дернулся — сильный удар швырнул его вперед, чуть не сбив с ног.

«Значит, так и умру — как скотина, даже не замычав?» Орловский оглянулся и понял, что именно так и будет. Никто не бросится на палачей, не закричит перед смертью...

— Орловский? — Ледяная рука легла на плечо. Горло внезапно пересохло, но Юрий все же выдохнул:

— Я... Орловский...

— Поскучай пока!..

Толчок... Юрий упал на пол, не ощутив даже боли от удара о камень. Погас свет. Фонарь выключили, звук шагов стал медленно затихать вдали...

Орловский встал и вновь прижался к холодной влажной стене. Значит, вновь придется ждать — и умирать каждую минуту. Он вдруг понял, что палачи ушли, рядом никого нет, он может броситься в темноту, забиться в какой-нибудь тупик... Но остаток рассудка тут же ответил — бежать некуда...

Вдали вновь послышались слабые крики — и снова хруст, бульканье, какая-то непонятная возня... Сознание медленно начинало угасать. Заклубились странные, бесформенные клочья тумана, и Юрию вдруг почудилось, что сквозь тьму коридора медленно двигается вереница белых силуэтов — долгая, беззвучная, чуть колеблющаяся от порывов холодного неземного ветра. И сам он — такая же тень, призрак, готовый занять место в этом бесконечном строю...

...В лицо ударил свет. Голос, удивленный и одновременно радостный:

— Юрий Петрович? Что вы тут делаете?

Чья-то ладонь легко коснулась плеча. Рука была обыкновенной — теплой, человеческой. Орловский понял, что не стоит, а сидит возле стены, и тут же почувствовал что-то похожее на стыд. Все-таки свалился...

— Вставайте, Юрий Петрович! Этак и простудиться можно!

Ему помогли встать. Ярко светил фонарик, рядом с Юрием

стоял человек в светлой гимнастерке с малиновыми петлицами. Человек улыбался.

— Вот вы где, оказывается! Ну, пойдемте...

— Куда?

Слово далось с трудом, хотя главное он уже понял — поведут не на смерть. Чашу, которую выпили его спутники, на этот раз пронесли мимо.

— Как — куда? — Человек в светлой гимнастерке был явно удивлен. — Отбывать, стало быть. Нагрешили перед родиной, Юрий Петрович, пора искупать!

— Так меня судили?

Вместе с жизнью возвращалось сознание. Его не убили. Наверное, и не собирались, лишь показали вход в преисподнюю...

— Судили, судили! — охотно, почти весело подтвердил неизвестный. — Правую руку будьте добры, Юрий Петрович...

Щелчок — запястье сжала сталь.

— Не очень давит? — Неизвестный защелкнул другой «браслет» на своем левом запястье. — Полагается. Вдруг у вас нервы разгулялись: броситесь куда-нибудь, еще ногу подвернете... Да что это с вами? Не заболели? А ну-ка, ну-ка...

Фляжка... Юрий послушно глотнул — рот опалило, по телу пробежал огонь, на мгновение перехватило дыхание.

— Лучше?

Тьма отступила. Освещенное фонариком подземное помещение уже не казалось преддверием смерти. Просто подвал, разве что излишне сырой...

— Ну, пойдемте, пойдемте...

Сопровождающий заботливо светил под ноги — дабы не угодить в лужу или не споткнуться о случайный камень. Шли долго, и каждый шаг удалял от страшного коридора, в котором исчезли остальные. Орловский понял, что зря роптал на Творца — ему повезло. Впрочем, повезло ли? Он идет не на волю, еще ничего не кончено...

Во дворике ждала машина — на этот раз легковая, обыкновенная «эмка». Сопровождающий предупредительно распахнул дверцу. Юрий шагнул и остановился — наручники мешали.

— Ах да, извините...

Через секунду рука была свободна. Юрий сел на заднее сиденье, вдохнул приятный запах кожи и прикрыл глаза, даже не почувствовав, как машина тронулась с места. Внезапно захотелось спать...

— Юрий Петрович, вы, кажется, интересовались?

Орловский заставил себя очнуться. Перед глазами был конверт из плотной белой бумаги. Юрий недоуменно повертел его в руке.

— Открывайте! Не бойтесь! — Тон был такой, будто внутри подарок к Первомаю или к отмененному Рождеству.

...Маленький листок бумаги — плотной, мелованной. «СССР. Особое Совещание при Народном комиссариате...» Буквы путались, неяркий свет лампочки в салоне не давал всмотреться. Выходит, его действительно судили? Невольно проснулось любопытство, но проклятые буквы продолжали плясать...

— Вы не скажете... сколько? Я плохо вижу.

— Да сколько же, Юрий Петрович? Статья 58, пункты 10 и 11. Стало быть, двадцать пять.

— Двадцать пять лет!..

Срок, давно ожидаемый и, в общем, не такой страшный по сравнению с тем, что чуть было с ним не случилось, внезапно предстал перед Юрием со всей ясностью... Двадцать пять лет — «четвертак». Ему сейчас тридцать три, значит, он выйдет в пятьдесят восемь, и это будет год 1962-й... Считай, до конца жизни...

— Двадцать пять лет! — повторил он, все еще не веря.

— Именно двадцать пять лет, и пять лет поражения в правах, — охотно подтвердил энкавэдист. — Ежели по-простому, четвертак — в зубы и пятак — по рогам...

Орловский не стал отвечать. «Поражение в правах»! Значит, на свободе у него имелись права? Хотя, конечно, он имел право свободно выйти из дому и даже съездить к Черному морю — в законный отпуск, согласно Сталинской Конституции...

— Простите, как мне к вам обращаться? — поинтересовался он. Вопрос, может быть, и лишний, но все-таки чекист называл его не «проблядью», а «Юрием Петровичем».

— Ну, сразу видно, что вы человек неопытный! Обращаться следует просто — «гражданин начальник»... Шучу, Юрий Петрович, зовите Костей...

От неожиданности Орловский не удержался и хмыкнул. «Костя» усмехнулся в ответ, и Юрий стал исподтишка разглядывать своего спутника. Лет двадцать семь — двадцать восемь, приятное лицо, ямочки на щеках, глаза веселые... Костя!

— Извините... Константин... Как вас по отчеству? Я не привык...

— Так и я не привык, — развел руками «Костя». — Я, Юрий Петрович, чего к вам по имени-отчеству обращаюсь? Потому что вы, можно сказать, интеллигент, человек к подобному обращению привычный. Нас в училище так наставляли: для контакта и полного доверия надо обращаться к человеку, чтоб ему было приятно. А мой батя — столяр, я к этим отчествам и не привык. Как слышу — так сразу чувствую, что попал к начальству на ковер. Так что уважьте.

— Хорошо... Константин, — кивнул Орловский. — Меня куда, в лагерь?

«Костя» весело засмеялся, словно его подконвойный удачно пошутил.

— Помилуйте, Юрий Петрович! В лагерь иначе направляют. Да и нечего вам там делать. С вашей статьей вам там даже «придурком» не стать. Вы понимаете, о чем я?

Юрий кивнул. «Придурки» — кажется, лагерная обслуга. О великий могучий советский язык!..

— А мы с вами совсем в другое место едем. Да вы не горюйте! Нам теперь, можно сказать, вместе срок отбывать.

— Вас-то за что? — не удержался Орловский.

— Служба такая! — рассмеялся энкавэдист. — Прикажут — и срок отбывать буду, и лес на Печоре рубить...

Юрий решил больше ни о чем не расспрашивать. Когда будет надо — скажут. Возможно, в Большом Доме ему не поверили. Не поверили — и устроили спектакль в черном подземелье с упырями в кожаных куртках. А теперь, когда он «размяк», этот разговорчивый весело и ненавязчиво начнет задавать вопросы... Жернова продолжали вращаться. Он не выскользнул — и выскользнуть ему не дадут...

Юрий быстро взглянул на удобно устроившегося рядом «Костю». Да, этот поумнее и потолковее прежнего следователя! Значит, придется иметь дело с ним, улыбчивым. Песчинка в жерновах... Без надежды на победу, на жизнь, но придется...

Как ни краток был его взгляд, энкавэдист все же успел заметить:

— Может, курить хотите, Юрий Петрович? Вон, в дверце пепельница. Вы ведь «Нашу марку» предпочитаете?

Похоже, весь Большой Дом знал сорт его любимых папирос. Юрий невольно усмехнулся:

— Знаете, Константин, я бы предпочел «Казбек»...

— Прошу. И я с вами — за компанию... — «Костя» сунул руку в лежавший на сиденье портфель и, покопавшись, достал коробку с черным всадником.

Орловский вдруг почувствовал себя так же, как тогда, на улице, когда не удалось убежать от слежки. Что они, сволочи, всевидящие? Или у этого, улыбчивого, в портфеле папиросы всех сортов?

— Спасибо...

Первая же затяжка ударила в голову, все-таки он не курил уже несколько дней. Юрий вновь прикрыл глаза и вновь затянулся — на этот раз глубоко, долго. Как хорошо вдохнуть папиросный дым, ехать в машине по ночной Столице, как хорошо чувствовать себя живым!.. Да, кажется, он действительно размяк...

Авто мчалось дальше, и Юрий уже начал подумывать, что его везут за пределы города, когда шофер внезапно снизил скорость.

— Ага, — выглянув, заметил Костя.— Прибыли. Ну, Юрий Петрович, вы оформляйтесь, а я к вам потом загляну. Хорошо?

— А где мы?

— Как это где? — удивился Константин. — Где и положено — в тюрьме. Да не горюйте — в тюрьме тоже жить можно. Вот увидите.

Машина затормозила. В открытую дверцу заглянули типы в фуражках, последовало: «На выход!» — и Орловский медленно, не торопясь, вышел из «эмки».

То, что «Костя» назвал оформлением, тянулось очень долго. Пришлось отвечать на бесконечные вопросы, раздеваться, вновь одеваться, выслушивать целую лекцию о правилах внутреннего распорядка, из которой Юрий не запомнил ни слова. После всех формальностей его отправили в душ, что несколько удивило. Вдобавок, выдали все свежее — белье, рубашку, костюм. Юрий подумал было о странной филантропии, но тут же сообразил, что вещи — его собственные. Те, что оставались в его флигеле после ареста.

Камера после узилища в Большом Доме показалась неожиданно большой. Здесь были откидная койка, умывальник, привинченный к полу табурет и — совершенно неожиданно — стол с книгами и даже вешалка. Надзиратель буркнул: «Если чего — стучи», — и оставил Орловского одного.

Юрий первым делом подошел к столу. Он не ошибся — книги, его собственные, все из того же флигеля. Не все, конечно. Тот, кто отбирал их, взял почему-то лишь научные издания. История, фольклор, этнография... Уже без всякого удивления Юрий обнаружил на вешалке собственный выходной костюм, он лишь однажды надел его, когда они с Никой выбрались в Большой, на «Трубадура»...

— Осваиваетесь, Юрий Петрович? — «Костя» появился незаметно, словно просочившись через железную дверь. — Не «Метрополь», конечно...

— Я... я здесь буду один? — Вопрос возник сам собой, хотя единственная койка не давала обмануться.

— Ну как же, один! Я к вам в гости захаживать стану, не возражаете?

Орловский пожал плечами. Даже если бы и возражал... Константин понял:

— Да не горюйте, мы с вами еще сойдемся. Оно понятно — я работник карательных органов, вы — заключенный, но к чему нам, как кошка с собакой? Так что сработаемся! У меня характер легкий...

— А у меня — тяжелый! — не выдержал Юрий.

— Клевещете, клевещете на себя, Юрий Петрович! Все о вас хорошо отзываются. Коллеги ваши, соседи... Вот, с супругой вашей бывшей говорил. Даже Ермашев, следователь ваш, и то говорит, что вы человек приятный, можно сказать, обходительный...

Вот оно как! Значит, всех взяли в оборот — даже Клавдию...

— Книги... Можно читать?

— Ну конечно! — взмахнул руками «Костя». — Для того и доставлены. Там и ручка есть, а бумаги я вам завтра подкину. Рубашки меняйте, здесь стирать можно. Опять же, парикмахер каждое утро. Или вы бороду желаете оставить?

— Нет, ни в коем случае... — Орловский провел рукой по заросшему подбородку и брезгливо поморщился. Вид у него, наверное, разбойничий.

— Ну, как хотите. А вам бы пошла! Да, вот коечка... Здесь на ней только ночью лежать можно, но если хотите днем — не смущайтесь, лежите. Я попросил — вам разрешили.

Орловский имел слабое представление о тюремном режиме, но кое-что понял. Душ, свежие рубашки, парикмахер... Выходит, тюрьмы бывают разные...

— Ну, не буду мешать, Юрий Петрович. Завтра увидимся.

Орловский остался один. Он нерешительно прошелся по камере, словно в ожидании какого-нибудь подвоха. В чем все-таки дело? Если бы узнали о его книге, то не стали привозить сюда, скорее оставили там, в черном подземелье, а затем предложили выбор... Или нет?

Юрий лег на узкую койку, накрылся серым, пахнущим дезинфекцией одеялом и мгновенно уснул. Пришло забвение — милосердное забвение, дающее короткий, неверный покой...

...«Костя» появился в начале двенадцатого — об этом Орловскому сообщили его собственные часы, которые он нашел в кармане выходного костюма. Они шли — кто-то заботливый не забыл завести.

— Ну, совсем другое дело! — улыбнулся энкавэдист. — Свежи, выбриты, порозовели даже! Завтракали? Курили?

— Завтракал. Но не курил.

— Ай-яй-яй, забыл! Держите!

Из портфеля появились полдюжины пачек «Нашей марки» и три коробка спичек.

— Простите, Константин. У меня нет денег...

— Как это нет? — удивился тот. — У вас же на книжке сберегательной была тысчонка с небольшим? Так ее на ваш счет перене-

ли, сюда. Покупки можете делать — пятьдесят рублей в месяц. Вам же правила объясняли?

Да, что-то такое ему говорили — вчера Юрий не обратил внимания. Интересно, что там еще в этих правилах?

— Так что курите. — «Костя» кивнул на папиросы. — Вы, Юрий Петрович, как, в настроении беседовать?

Орловский усмехнулся:

— В наилучшем.

— Вот и прекрасно, вот и ладненько...

Энкавэдист, устроившись за столом, вынул из портфеля несколько листов бумаги. Юрий сел на койку. «Побеседовать» — значит, следствие не закончено? Ему не поверили. Все-таки не поверили...

— Юрий Петрович, вы русский по национальности?

Вопрос был настолько неожиданным, что Орловский растерялся. Они что, считают его японцем? Штабс-капитаном Рыбниковым?

— Д-да. Конечно, русский. Мать у меня из Малороссии, то есть, извините, с Украины, но она тоже русская...

«Костя» невозмутимо водил ручкой по бумаге.

— Кажется, прадед был вепсом. Это такая народность...

— Я не об этом, Юрий Петрович. Вот вы, русский, каким образом оказались в Институте народов Востока? Да еще в дхарском секторе?

Ага, вот он о чем! Да, об этом его еще не спрашивали. Ну что ж, это не опасно. Во всяком случае, пока...

— Это длинная история, Константин.

— А вы расскажите. Времени-то у нас — вагон, с позволения сказать...

Да, история была длинной. Она началась еще на первом курсе университета. Юрий хотел писать курсовую по Древней Греции, но его группу закрепили за кафедрой истории России. Юрий вспомнил тонкий лист бумаги, ходивший по рукам, — список тем курсовых работ. Первокурсники робко ставили свои фамилии напротив названий. Орловский пропустил модные «социально-экономические» темы и внезапно заметил нечто любопытное, именовавшееся «Походы С. Курбского и борьба народов Севера против русской экспансии».

Почему-то зеленый первокурсник решил, что машинистка ошиблась и речь идет о знаменитом Андрее Курбском. Кто знает, может, будущий враг Ивана Грозного в молодости завоевывал не только Казань, но и Север? Юрий решился — и написал свою фамилию.

Очень скоро он понял, что влип. Машинистка не ошиблась — речь шла именно о С. Курбском — князе Семене Ивановиче, жившем лет за семьдесят до Андрея. К тому же руководителем курсовой был не сотрудник кафедры, а почасовик, читавший спецкурс в университете. Звали его Родионом Геннадиевичем Соломатиным. Он работал в Институте народов Востока и руководил сектором истории и культуры дхаров. Настоящее его имя было Рох — Рох, сын Гхела, из рода Фроата племени Серых дхаров...

Курсовую Юрий все-таки написал. Помогли упорство и пробудившийся интерес к совершенно неизвестной ему истории небольшого народа, в далеком XV веке защищавшего свою свободу от войск Покорителя Севера князя Семена Курбского, носившего у дхаров странное прозвище Владыки Молний. Оказалось, что главным источником, кроме коротких строчек летописи, является дхарский эпос — «Гэгхэну-цорху». Эпос был не только не переведен на русский, но даже и не издан. Дхарский Юрий, конечно, не выучил, но читать эпос со словарем он все-таки смог. Словарь был тоже рукописный, составленный лично Родионом Геннадиевичем.

Курсовая была защищена блестяще. Никто из первокурсников не работал с неопубликованными источниками. На защите Юрий не удержался, продекламировав отрывок из эпоса о поединке Сумх-гэгхэна — князя Семена с дхарским вождем Гхелом Храбрым — сначала на дхарском, а потом на русском в переводе Родиона Геннадиевича. Члены комиссии покачали головой — и поставили «отлично».

На втором курсе Юрий наконец-то смог заняться Древней Грецией. Правда, в Институт народов Востока он продолжал наведываться. Ему приятно было встречаться с Родионом Геннадиевичем и его учениками. Они пили чай, травяной, заваренный по старинному дхарскому рецепту, и беседовали. За импровизированным столом говорили в основном по-дхарски (некоторые плохо знали русский), и понемногу Юрий смог овладеть разговорной речью. Работа в секторе шла медленно. Не хватало людей с образованием, дхарские школы только создавались, студенты заканчивали русские, и то, как правило, начальные. Родион Геннадиевич, глава дхарского культурного центра, смог в свое время прослушать три курса в Петербургском Императорском университете. Учиться дальше помешали арест и многолетняя ссылка. Нужны были люди с настоящей научной подготовкой, но столичные ученые не интересовались историей и культурой маленького народа.

...Юрий должен был писать диплом по истории Этолийского союза. Тема увлекла. Этолийский союз — свободная федерация

греков, воевавшая с всесильной Македонией, а после — с непобедимым Римом. Юрий разбирал сложные периоды Полибия, думая о тех, кто дрался с «непобедимой и легендарной», защищая свободу родной земли. *«Без похорон и без слез, о прохожий, на этом кургане мы, этолийцы, лежим, три мириады бойцов...»* Где-то в таврийской степи лежали его брат, дядя Миша, их друзья и товарищи. *«Без похорон и без слез...»* Третий Рим, ставшим Третьим Интернационалом, не позволял даже оплакивать героев. Но Юрий мог писать об этолийцах, много веков назад защищавших свободу...

Полибия дочитать не удалось. Лето 27-го, арест. Бывший студент Орловский бродил по Столице растерянный, убитый, потерявший всякую надежду. Как-то по привычке он завернул к Родиону Геннадиевичу, в гостеприимный кабинет на втором этаже Института...

С сентября он снова учился. Родион Геннадиевич сумел оформить перевод Юрия из университета на третий курс дхарского отделения Института. Свою первую статью Юрий напечатал на пятом курсе. Он написал о последних боях дружины Гхела Храброго с войсками «мосхотов» — так дхары по традиции называли русских. Одновременно Орловский начал помогать Соломатину готовить к изданию «Гэгхэну-цорху»: появилась возможность напечатать его во «Всемирной литературе»...

...Юрий умолк и с силой провел ладонью по лицу. Он слишком увлекся, «Косте» незачем знать все подробности. Впрочем, энкавэдист продолжал невозмутимо черкать перышком, на лице его по-прежнему блуждала благодушная улыбка.

— Значит, решили способствовать ленинской национальной политике, Юрий Петрович? Поднимать культуру малых народов, угнетенных царизмом? Похвально, похвально... Скажите, а почему вы в 1931 году, а точнее, 11 марта, на заседании сектора обвинили гражданина Соломатина в научном вредительстве?

— Что?! — Юрий даже отшатнулся. «Костя», пожав плечами, извлек из портфеля очередную бумагу:

— Ну как же, Юрий Петрович? Вот, извольте видеть, протокол. Вы тогда выступили против вредительского издания упомянутого вами эпоса, точнее его части, которая называлась «Ранхай-гэгхэну-цорху».

«Песнь о князе Ранхае»... — вспомнил Юрий. Вот он о чем!

— Нет... Конечно, нет! Я никогда не обвинял Родиона Геннадиевича в чем-то подобном! Речь шла о научной проблеме...

«Костя» вновь улыбнулся, и эта улыбка окончательно разозлила. Однако Орловский сдержался.

— Мы готовили к изданию эпос, и Родион Геннадиевич предложил напечатать вначале его часть — для нужд дхарских школ. Но не сам текст эпоса, а его пересказ — в стихах. Записи эпоса «Гэгхэну-цорху» делались прозой, настоящий размер только угадывался. Я считал, что этим мы исказим подлинное звучание — в подлиннике эпос куда более... ну, серьезен...

— Ну вот, я же и говорю — научное вредительство! — удовлетворенно кивнул энкавэдист. — И позже, через год, вы обвиняли гражданина Соломатина...

— Я не обвинял! Мы спорили. Понимаете, спорили!

...Юрий хотел, чтобы издания сектора были ничуть не слабее, чем в Академии наук. Нельзя было позволить, чтобы к ним относились снисходительно — как к «младшим братьям»...

— Спорили?.. — «Костя» недоуменно пожал плечами. — А между прочим, компетентные органы регулярно получали сигналы: товарищ Орловский защищает научную линию против вредительской политики руководства Института. Которая, между прочим, привела к тому, что гражданин Соломатин и его подельщики оказались замешаны в феодально-байском заговоре... Юрий Петрович, а вас не удивило, что вас не арестовали вместе с ними?

Еще бы! Тогда он ждал ареста, но что-то спасло. То ли его национальность, то ли невидимая помощь Флавия...

— Не удивило? А ведь вопрос стоял! Стоял вопрос, Юрий Петрович! Но мы рассудили, что человек вы правильный, с вредительством боролись — открыто, не скрываясь. Вот и не тронули вас тогда, как гражданина, можно сказать, проверенного...

Неужели правда? Его сочли «своим»? Может, проклятые протоколы использовались на следствии, когда арестовали Родиона Геннадиевича, Ваню Лукина, Андрея Крапивина?.. Нет, врет! Все врет этот сладкоголосый! Хитро придумано — сначала напугали смертью, теперь выжигают память об учителе и друзьях...

— Может быть... — произнес он как можно равнодушнее. — Я всегда защищал интересы науки. Я ведь ученый!..

— Скажите, а почему вы взяли темой диссертации дхарский эпос? Ведь им все годы занимался гражданин Соломатин.

...Юрий не хотел брать эту тему, но Родион Геннадиевич все же настоял. Сам он хотел закончить книгу о дхарской мифологии, которую писал уже несколько лет. К тому же учитель догадывался, что дни сектора сочтены. Он надеялся, что Орловский, русский по национальности, уцелеет и сможет завершить работу...

— А почему же не защитились, Юрий Петрович?

Он что, этот сладкоголосый, издевается? Дхарский сектор Института разогнан, распущен культурный центр, арестованы все сотрудники, началось массовое переселение дхаров из верхо-

вьев Печоры, где они жили веками. Национальность «дхар» исчезла из паспортов...

— Да вроде тема стала неактуальной, Константин. Или я ошибаюсь?

— Ошибаетесь, ошибаетесь, Юрий Петрович! — «Костя» протестующе махнул рукой. — Как же такое быть-то может?

...Юрий пытался узнать, что случилось с Родионом Геннадиевичем и его учениками. Помог Флавий. Все получили «десять лет без права переписки»...

— Власть рабочих и крестьян, — внушительно заметил энкавэдист, — не враждует с представителями отдельных национальностей. Речь идет о борьбе с остатками недобитых классов. К сожалению, к руководству дхарского движения примазались феодальные и жреческие элементы. А гражданин Соломатин был их главным шаманом, разве нет? И книгу он писал не о чем-нибудь, а о всяком колдовстве и прочей антинаучной мистике...

Родион Геннадиевич был потомком одного из семейств «дхармэ» — дхарских жрецов, служителей Эрво Мвэри — Высокого Неба. Сам он упоминал об этом с нескрываемой иронией: старик воспитывался на Добролюбове и Писареве. Его монография о дхарской мифологии обещала быть необыкновенно интересной...

...Но не объяснять же всего этого «Косте»! Кажется, в его глазах он, Орловский, — склочник-мизантроп и чуть ли не патологический доносчик. Сначала «обличал» учителя, затем «разоблачил» товарища Аверха... Юрий еле сдержался, чтобы не усмехнуться. Думай, не запрещено!

— Юрий Петрович! Не в службу, а в дружбу. Напишите, будьте добры, краткое содержание ваших статей. Странички на три...

— Аннотацию? — поразился Орловский.

— Да, да, именно аннотацию... Забыл слово-то, Юрий Петрович!

— Пожалуйста, — Юрий пожал плечами. — Но я не помню все выходные данные. Я печатался в журналах. Номер помню, а страницы...

«Костя» замахал руками:

— Да ну, что вы! Мы же не формалисты! Да, если можно... Знаете, очень интересно... Опишите дхарскую историю — очень коротко.

— Что?!

...Курса дхарской истории еще не существовало. Над учебником работал Андрей Крапивин, высокий молчаливый парень, земляк и дальний родственник Родиона Геннадиевича. Был обсужден и одобрен план-конспект — но больше ничего Крапивин не успел...

— Ну, историю, — удивленно повторил энкавэдист. — Страничек на двадцать — двадцать пять. А что, трудно? Вам книжки какие-нибудь нужны?

...Интересно, сохранился ли в архиве этой адской кухни план-конспект Крапивина?

— Нет, книг не надо. Да и книг-то нет, Константин! Просто... неожиданно как-то...

— Ну отчего же? — вновь удивился «Костя». — С какой это стати — неожиданно?

Впрочем, пояснять он не стал, и Юрий внезапно подумал, что этих опричников действительно интересует не он, Орловский, а дхары. Но зачем?

— Значит, напишете? Вот и прекрасно, вот и превосходно. Работайте! Хотите днем, хотите ночью. Мешать вам не будут. Да, вам и прогулки положены на свежем воздухе, для здоровья. А если чего не так — говорите сразу мне...

«Костя» порылся в портфеле и достал толстую пачку бумаги, Орловский понял, что затея с «кратким курсом» не была импровизацией. Что ж, можно и попробовать. Пусть читают!..

Между тем «Костя» уже собирался.

— Так я послезавтра загляну, Юрий Петрович. Ну, всего вам!

— Амрот, эд-эрх. Рхастан!

Энкавэдист удивленно моргнул и медленно, чуть запинаясь проговорил:

— Асгум, эд-эрх... Рхах, Юрий Петрович...

Орловский замер, не веря своим ушам. Этот тип знает дхарский! Но ведь в Столице, кроме немногих дхаров, этот язык изучали пятеро: сам Юрий и еще четверо русских студентов дхарского факультета. А тут какой-то «Костя»! Вспомнилась дурацкая фраза о том, что ради «службы» тот готов рубить лес на Печоре. Но ведь именно там, в верховьях реки, называемой дхарами Пехра, когда-то жили соплеменники Родиона Геннадиевича!

Нет, ради него, Орловского, будь он даже врагом из врагов, энкавэдист не стал бы заучивать дхарские слова! Значит? Значит — что?..

Аннотацию он написал быстро. Не так уж много успел напечатать — несколько статей да тот самый злополучный «Ранхайгэгхэну-цорху». Юрий вспомнил о недописанной работе по дхарскому эпосу, мельком пожалев, что так и не успел ее завершить. Впрочем, что жалеть об этом! Дхарский эпос, уже полностью готовый к печати, бесследно исчез после ареста Родиона Геннадиевича.

Отложив в сторону исписанные страницы, Орловский взял

чистый лист бумаги и задумался. История дхаров... Об этом они когда-то много спорили в секторе. Юрий был скептик, как и требовала его профессия, и мало верил в древние легенды. А вот фактов было до обидного мало. Впрочем...

...Впрочем, насколько можно судить на основании этих самых немногочисленных фактов, дхары, народ финно-угорской языковой семьи, являлся автохтоном Севера России. Несколько сот лет назад дхары жили на Среднем Урале, в Коми и в бассейне Камы. По некоторым данным, дхарские поселения находились даже в районе нынешней Столицы. Неудивительно, что дхары подверглись сильному влиянию соседей. В их языке чувствовались следы заимствований из других финских языков, а также из татарского и, естественно, русского. В древности, как полагают, дхары имели свою письменность, близкую к иероглифической...

Юрий вспомнил, как Родион Геннадиевич показал ему небольшую бронзовую пластинку, покрытую непонятными знаками. Да, это могла быть письменность, но с тем же успехом — и обыкновенный орнамент. Учитель также рассказал, что в 1921 году какие-то его знакомые привезли несколько деревянных дощечек с такими же знаками, найденных в Таврии, в заброшенном имении барона Вейсбаха. Увы, следы этой находки затерялись.

До XV века дхары были язычниками, поклоняясь многочисленным божкам и идолам, и жили тремя племенами, называвшимися по-дхарски «дхэнэ». Самым сильным было «Серое» племя, ему подчинялись два других — «Белое» и «Черное». Болгары, а позже русские и татары, постепенно вытеснили или ассимилировали дхарское население везде, кроме верховьев Печоры. Казалось, народ исчезнет без следа, но в середине XV века произошли неожиданные и резкие перемены.

О том, что случилось пять столетий назад, они тоже спорили. Орловский считал, что дело было в естественном процессе развития дхарского общества, ускоренном иноземной угрозой. Но его коллеги-дхары видели в тех событиях другое — результат деятельности необыкновенной личности, великого героя. Странно, но Родион Геннадиевич тоже разделял эти взгляды.

Героя звали Фроат кна Астфани. Впрочем, русская летопись называла его куда привычнее — Фролкой Афанасьевым. Он прибыл издалека — из Великого Княжества Литовского или даже из Германии. За несколько лет Фроат сплотил три племени, создав первое дхарское государство и провозгласив себя дхарским «гэгхэном» — владыкой. Он также провел религиозную реформу, запретив поклоняться божкам и идолам. Единственным богом стало Эрво Мвэри — Высокое Небо. В верховьях Печоры Фроат воздвиг Дхори Арх, каменное святилище, где проходили ежегодные обряды и праздники.

...Родион Геннадиевич рассказывал, что Дхори Арх — «Дхарский Камень», сохранился до наших дней. Судя по фотографиям, святилище чем-то напоминало знаменитый Стоунхэдж...

После смерти реформатора его сыновья рассорились. Старший, Гхел, остался верен традициям отца, но младший, Ранхай, дружил со старыми жрецами и вскоре покинул страну, перейдя на службу к одному из татарских ханов. Ослабленное княжество не смогло противостоять русским дружинам, давно уже подбиравшимся к богатым землям Печоры.

Войска Гхела, получившего прозвище Храбрый, сопротивлялись десять лет, пока Завоеватель Севера, князь Семен Курбский, вместе с Петром Ушатовым и воеводою Заболоцким-Бражником не привел новое войско, вооруженное огнестрельным оружием. Это случилось в 1499 году. Дхарская дружина была разбита, Гхел погиб в бою. По русской летописи, это случилось зимой, дхары же отмечали день гибели Гхела летом, в конце июня. Через несколько месяцев подоспел Ранхай с татарской конницей. Он отомстил за брата, убив князя Семена в поединке. Но русские не ушли...

Пять сотен лет потомки уцелевших жили тихо, занимаясь охотой и ремеслом и продолжая тайно поклоняться прадедовским идолам. Патриархи, а позже Синод, жестоко преследовали жрецов-дхармэ. Последние процессы над «язычниками» состоялись уже в начале XX века, незадолго до Первой революции. По иронии судьбы, молодой учитель Родион Геннадиевич Соломатин, примыкавший в молодости к анархистам, был сослан в Восточную Сибирь как адепт тайного языческого культа. Кто-то донес, что Рох кна Гхели, как звали Соломатина дхары, происходил из рода Фроата и был потомственным жрецом-дхармэ.

О ссылке Соломатин рассказывал мало. Он учительствовал в небольшом сибирском селе неподалеку от Иркутска и вернулся в Столицу лишь в начале 1921 года.

В 20-е судьба, казалось, начала улыбаться дхарам. Появились первые школы, в Столице был организован Дхарский культурный центр. На основе кириллицы возник новый дхарский алфавит, начали издаваться книги. Но это продолжалось только до лета 35-го. Теперь, в 37-м, дхаров официально не существовало. Народ исчез, стертый с географических карт и страниц истории...

...Орловский писал быстро и легко. Здесь, в тюрьме, он мог уже не бояться всевидящей цензуры. Какая уж теперь цензура! Можно не сдерживаться, не подбирать слова, называя депортации — депортациями, а репрессии — репрессиями. Это могло не понравиться улыбчивому «Косте» и его неулыбчивому начальству, но что можно ожидать от врага народа, получившего от родной власти «четвертак» в зубы да еще «пятерку» по рогам?

Исписанные страницы ложились одна на другую. Оставался неописанным последний, сегодняшний этап горькой дхарской истории. Правда, тут сам Орловский не очень отличал правду от легенды. Говорили, что еще в 30-м, когда начались первые депортации из района Печоры, несколько сот дхаров ушли в недоступный лес в районе деревеньки Якша. Даже сам Родион Геннадиевич не знал, правда ли это: район был закрыт, там шло какое-то важное строительство. А совсем недавно Юрий узнал, что ретивые «борцы с мракобесием» разрушили Дхори Арх, великое святилище, возле которого находились могилы Фроата Великого и Гхела Храброго...

«Костя» не пришел через два дня, не пришел и через три. Юрий смог спокойно дописать свою импровизированную статью, перечитал и остался доволен. Конечно, местами написанное походило больше на памфлет, чем на научную работу, но ничего менять не хотелось. Решив оставить все как есть, Юрий сложил листки стопкой и принялся за книги.

Его не трогали. Надзиратели были молчаливы, но достаточно вежливы. Еда, естественно, оказалась вполне тюремной, зато ему позволили гулять. Почему-то Орловский представлял тюремные прогулки как хождение по кругу в огромном дворе, окруженном высокими стенами. Вышло же все совершенно по-другому.

Перед первой прогулкой вертухай объяснил несложные правила. По хлопку надлежало повернуться к стене и ждать, пока последует другой хлопок. Разъяснений не было, но после первого же случая Юрий успел заметить, что по коридору идет кто-то другой в сопровождении конвоира. Очевидно, здесь хотели оградить зэков даже от мимолетного знакомства. Итак, хлопок — лицом к стене, снова хлопок — иди дальше...

Его повели почему-то не вниз, во двор, а наверх. Пахнуло свежим ветром, и Юрий оказался в небольшом пустом дворике, действительно окруженном стенами, по периметру которых была натянута густая «колючка». Осмотревшись, он сообразил, что находится на крыше, а рядом, за стеной, размещены такие же дворики. Никто не требовал ходить по кругу. Можно было просто стоять у стены, дышать холодным осенним воздухом или курить, поглядывая на затянутое тучами сентябрьское небо.

На обратном пути, после очередного хлопка, Юрий постарался стать так, чтобы заметить того, кого должны были провести мимо. Удалось разглядеть военную форму со споротыми петлицами, бледное, небритое лицо. Этого человека Орловский не знал. Да и чему удивляться? Среди сотен тысяч зэков у Юрия, ко-

нечно, были знакомые, но едва ли они окажутся в этой странной тюрьме...

Итак, Орловский взялся за книги, сразу же пожалев, что его «опекун», вероятно в приступе служебного усердия, принес лишь научные издания. Юрий много дал бы за то, чтобы здесь оказалось старое, еще дореволюционное издание Овидиевых «Метаморфоз» или хотя бы читанная в детстве нравоучительная повесть про маленького лорда Фонтлероя.

На четвертый день он не выдержал и обратился к надзирателю. Тот удивился: оказалось, в тюрьме существовала библиотека. Через полчаса худой молчаливый зэк принес три книги — выбирать здесь, очевидно, не полагалось.

Юрию не повезло. Первой книгой оказался «Цемент» товарища Гладкова, которую он даже не стал раскрывать. Другая была столь же идейно выдержанной — «Падение Даира» бывшего красноармейца Малышкина. Третья же, сборник повестей мадам Чарской, заставила Орловского вздрогнуть — от подобного чтива его воротило еще в детстве. Юрий решил выбрать наименьшее зло и засел за Малышкина.

«Костя» появился на пятый день, волоча раздувшийся от бумаг портфель.

— Эннах, Юрий Петрович! — улыбнулся он с порога, с облегчением ставя портфель в угол.

— Энна, эд-эрх, Константин, — хмыкнул в ответ Орловский. — Решили перейти на дхарский?

— Ну... Вы же сами, Юрий Петрович... Произношение у меня как?

— Скверное произношение, — не без удовольствия сообщил Орловский. — Впрочем, у меня не лучше. Дхарская фонетика совсем не похожа на русскую. Гортанные звуки...

— Ну да, ну да... Малышкиным увлеклись, Юрий Петрович? И как вам?

Орловский поразился: «Падение Даира» лежало на столе вниз обложкой. Не иначе, этот тип предварительно наведался в библиотеку.

— Любопытно. Два мира... Товарищ Малышкин очень неплохо сумел показать и белых, и большевиков. Культура, эстетство, нервы — и тупая тьма...

— Эк вы! — крякнул «Костя». — Вас послушать, так вы сами у Врангеля воевали!..

...В 20-м Юрию было шестнадцать. Он хотел уехать на фронт, надеясь добраться до Крыма, но заболела мать. А в ноябре, когда

над Столицей падал первый мелкий снежок, газеты сообщили, что красные уже в Севастополе...

— Написали? — Зоркие глаза энкавэдиста разглядели аккуратную стопку исписанных страниц. — Вот и хорошо, Юрий Петрович, вот и замечательно! А я вам кое-что принес...

«Костя» раскрыл портфель, долго в нем копался и достал оттуда серую папку.

— Узнаете?

Юрий узнал сразу. Его незаконченная работа по дхарскому эпосу!

— Вот, прошу. Будет время — допишите. Я, признаться, не утерпел — прочел...

— По долгу службы? — не удержался Орловский.

— Ну конечно! Именно по долгу службы, — улыбка «опекуна» свидетельствовала о том, что пронять его трудно. — Но прочел с интересом. С огромным интересом, Юрий Петрович! Жаль, не издано.

— Так эпос тоже не издан, — пожал плечами Орловский.

— Вот-вот. Это плохо...

— То есть? — «Костя» не уставал удивлять. — Он же феодально-байский и вообще классово чуждый!

Энкавэдист вновь улыбнулся — весело и немного снисходительно:

— Юрий Петрович, эпос — голос народа. Он не может быть классово чуждым. Другое дело, в процессе записи и редактирования в него были внесены искажения. Ведь «Гэгхэну-цорху» был сильно обработан в XV веке, может, даже полностью изменен, ведь так?

Вот это да! Это была мысль, которую в свое время поддерживал сам Орловский. Но об этом говорилось лишь на заседании сектора, среди своих!

— Но ведь эти изменения, — не выдержал Юрий, — касались не роли трудового народа, а идеологических мотивов. Те, кто редактировал эпос при Фроате и Гхеле, могли убрать разделы, где говорилось о роли старого жречества, о старых богах...

— Но, Юрий Петрович! — Улыбка сменилась откровенным недоумением. — Ведь тогда складывалось дхарское государство, и тот же Фроат мог приказать убрать все, что касалось жизни племен до объединения, ну и, естественно, народной борьбы против новой власти!

...Нокаут. Это был его собственный аргумент, который Орловский высказал тогда же на дискуссии в секторе. Высказал — но нигде не записал. Да, Терапевт прав: в Большом Доме работают не только дураки и фанатики...

«Костя» вновь усмехнулся, как бы подведя черту в научном споре, и торжественно извлек из портфеля огромную пачку бумаг.

— А это узнаете?

Вначале Орловский ничего не понял. Написано по-дхарски. Мелкий, неразборчивый почерк, знакомый, неоднократно виденный. Юрий быстро перевернул первый листок...

— Это... книга Родиона Геннадиевича! «Дхарская мифология»!

— Она самая, Юрий Петрович.

Сказано это было без всякой усмешки — холодно и твердо.

— Я думал, она пропала!..

— У нас ничего не пропадает. Как видите, пригодилась. Я ее для чего вам принес? Чтоб вы прочитали, подумали. А там и побеседуем. Не возражаете?

— Нет... конечно, нет!..

На минуту Юрий забыл, где он и что с ним. Работа учителя, которую он считал сгинувшей навеки! Книга, которую еще никто не читал — если не считать «дхароведов» из Большого Дома... Юрий стал быстро перелистывать страницы. Родион Геннадиевич собирал эти материалы всю жизнь. Он много успел, сведя воедино не только немногочисленные публикации и архивные записи, но и набрав огромный устный материал, который теперь не восстановить и не продублировать.

— Вижу, вижу, уже увлеклись, — «Костя», похоже, был доволен. — Ну, читайте, мешать не буду. А я пока ваше творение, так сказать, осилю. Кстати, Юрий Петрович...

— Да? — Орловский еле заставил себя оторваться от рукописи.

— Не для службы, а так — ради любопытства. Почему вас Орфеем величали? Вы ведь вроде не музыкант?

Сердце дернулось, к горлу подступил комок, кончики пальцев мгновенно оледенели. Удар был не только неожиданным. Он был точным — точнее некуда.

...Орфеем звала его Ника — иногда, в шутку. Но так называл его и Терапевт. «Орфей» — это была кличка Орловского в той маленькой нелегальной группе, которая уже несколько лет существовала в Столице, под самым носом вездесущего НКВД...

ГЛАВА 6

ПРЕМЬЕРА

На премьеру пришлось идти вдвоем. Прохор Карабаев прислал из Тамбова телеграмму, прося продлить командировку: лейтенант собирался зачем-то в Минск. Пустельга повертел в руке

бланк, велел отстучать «добро», рассудив, что Прохор — человек серьезный и не будет зря транжирить государственные деньги.

Ахилло сходил в театральную кассу, которая, как выяснилось, находилась на втором этаже Главного Управления, и вскоре вернулся с билетами.

— Пятый ряд, в середине, — торжественно сообщил он. — Цените, отец-командир!

Сергей в очередной раз разглядывал размашистую резолюцию наркома на своей докладной. «Разрешаю. Н. Ежов». Похоже, если бы он попросил батальон ОСНАЗа, ему тоже не отказали бы. Таинственный человек в капюшоне отвечал за свои слова...

— Что? — Пустельга взглянул на билеты и улыбнулся: — Пятый ряд? Михаил, да вам цены нет!

— Вот именно, — усмехнулся Ахилло. — Ладно, брюки гладить? В штатском пойдем?

Приличного костюма у Сергея не было, но признаваться в подобном не хотелось.

— Ну... в штатском так в штатском. А какая пьеса-то?

Михаил воздел руки вверх с выражением полного недоумения:

— Отец-командир, ну вы и заработались! Вся Столица только об этом и говорит. В «Правде» же написано!

Увы, дни были настолько горячие, что даже в «Правду» Сергей не заглядывал.

— Пьеса в трех действиях, именуемая «Кутаис», сочинение известного драматурга Афанасия Михайловича Бертяева. Посвящена молодым годам и началу революционной деятельности товарища Сталина.

— Бертяев? — Сергей вспомнил свой недолгий театральный опыт и удивленно переспросил: — Бертяев Афанасий Михайлович? Про товарища Сталина? Это который «Время Никулиных» написал, да?

Во время короткой стажировки в Столице Сергею удалось попасть на этот нашумевший спектакль. «Время Никулиных» рассказывало о злоключениях семьи белогвардейского полковника и нескольких его друзей в охваченном смутами Киеве. Сергей тогда весьма удивился, отчего, несмотря на резкие отзывы критиков, спектакль продолжал идти.

— Смотрели? — понял Ахилло. — Да, любопытная история. Спектакль хотели прикрыть, но заступился сам товарищ Сталин.

— Что?! — Пустельга удивленно моргнул.

— Ну да. Он заявил, что даже если такие люди, как эти Никулины в пьесе, капитулируют перед советской властью, то зритель неизбежно убедится в закономерности нашей победы. Долг платежом красен. Вот и «Кутаис»...

— Он что, долги отдает? — Пустельга внезапно почувствовал смутную неприязнь к незнакомому ему драматургу.

— Все может быть, Сергей. Но Бертяев не конъюнктурщик. Он умница, блестящий человек, талант. Если он написал «Кутаис», значит, так надо...

Пустельга так и не понял — кому, собственно, надо? Бертяеву? Товарищу Сталину? Советской власти?

Ближе к концу дня Сергею пришлось завернуть в канцелярию с очередной стопкой бумаг, которые требовалось завизировать. Пришлось, однако, подождать. Коридор второго этажа, обычно людный в начале дня, теперь был пуст. Пустельга стоял напротив двери канцелярии, рассматривая красочный плакат с поучительной надписью: «Товарищ, стой! В такие дни подслушивают стены. Недалеко от болтовни и сплетни — до измены!» Старший лейтенант перечитывал эти строчки, наверное, в десятый раз, когда совсем рядом, за углом, услышал странные звуки. Кажется, кто-то плакал... Он не успел даже удивиться, когда резкий, визгливый мужской голос произнес:

— Немедленно прекратите! И не смейте больше приходить сюда!

— Но товарищ... гражданин Рыскуль... Я вас прошу... умоляю... товарищ...

Судя по голосу, женщина была молодой и очень несчастной.

— Но... я не могу... Я лучше умру!

— Дело ваше, — отрезал мужской голос. — Умереть мы вам не дадим. Послезавтра я вам позвоню...

Вновь послышался плач и тихие удаляющиеся шаги. Тут наконец дверь канцелярии открылась, на пороге появился полковник из Столичного управления, и Пустельга с облегчением шагнул вперед.

— Извини, старший лейтенант. Бумаги, черт их! — вздохнул полковник. Сергей понимающе кивнул и уже шагнул в открытую дверь, но, не удержавшись, посмотрел назад.

...Из-за угла выходил невысокий полный мужчина с мясистыми отвисшими щеками и приплюснутым носом, на котором болталось пенсне. Товарищ Рыскуль оказался комиссаром госбезопасности третьего ранга...

Вечером, прощаясь с Михаилом, Пустельга не удержался и спросил о Рыскуле. Тот пожал плечами:

— Заместитель начальника Столичного управления. Редкая сволочь, связываться не советую...

Дальнейшие расспросы отпали, и Сергей невольно пожалел неизвестную ему женщину. Что-то в этом деле ему чрезвычайно не понравилось.

На премьеру Сергей надел свой единственный костюм, потратив часа два на приведение его в порядок. Костюм был старый, сшитый три года назад в Ташкенте. Сергей повязал узкий темный галстук и без всякого энтузиазма взглянул на себя в маленькое зеркальце. Когда же они встретились с Михаилом, настроение и вовсе испортилось — тот оказался одет не в пример своему начальнику. В штатском Ахилло смотрелся куда лучше, чем в привычной форме, и Пустельга подавил вспыхнувшую внезапно зависть.

Впрочем, дело было не только в манере одеваться. Среди шумной публики, собравшейся в фойе театра, Ахилло чувствовал себя словно рыба в воде: раскланивался, пожимал руки, шутил и несколько раз знакомил Сергея с какими-то весьма представительными гражданами. Пустельга по профессиональной привычке запоминал фамилии, но радости это не доставляло. Здесь он был чужаком.

Очутившись в зале, Сергей с облегчением нашел пятый ряд и забрался в кресло. Ахилло не спешил и появился минуты за три до начала, держа в руках две программки.

— Вся Столица тут, — сообщил он довольным тоном. — Охрану заметили? Говорят, Ворошилов здесь... Ага, вон и Бертяев!

Он кивнул в сторону одной из лож. Сергей с интересом обернулся.

...Знаменитый драматург стоял у низенького барьерчика. Большие белые руки недвижно лежали на перилах, красивое холодное лицо казалось бесстрастным, словно окаменевшим...

— Фрак видели? — усмехнулся Михаил. — Он, наверное, единственный в Столице фрак носит.

Ахилло не ошибся. На Бертяеве был фрак — одежда из давно сгинувшего прошлого. Да, Афанасий Михайлович был необычной личностью. И не только из-за фрака. Сергей вдруг понял, что каменное спокойствие этого человека — напускное. И еще он ощутил силу, неожиданную, мощную, идущую от неподвижной фигуры.

— Хорош, — констатировал Ахилло. —Делает вид, что ему все равно...

Сергей кивнул и вдруг заметил, что лицо Бертяева на миг изменилось. Бледные губы улыбнулись, Афанасий Михайлович приветливо кивнул — и лицо вновь застыло.

Те, с кем он поздоровался, как раз проходили к своим местам. Мужчина, высокий, широкоплечий, в прекрасно сшитом дорогом костюме с орденом Ленина на муаровой ленте, и женщина в темном платье. Сергей привычно отметил, что она шатенка, высокого, как раз в пару со своим спутником, роста, одета дорого, но не крикливо. Он уже собирался отвести взгляд, когда женщи-

на внезапно обернулась, и глаза их встретились. Сергей невольно открыл рот, сглотнул, зачем-то поправил галстук. На лице у женщины появилась улыбка...

...Это было ужасно! Он, в старом костюме, со стрижкой «полубокс», в немодном узком галстуке — да еще с разинутым ртом... Господи, какой позор! Знал бы, хоть форму бы надел, все-таки две медали... Пустельга невольно зажмурился, представив ее улыбку, и ощутил свою никчемность. Нет, лучше было идти в ТЮЗ, на спектакль «Кулак и батрак»!..

— Мужика видели? — Ахилло явно не обратил внимание на то, что обрушилось на его командира. — С орденом Ленина?

— Ага... — слабо отозвался Пустельга. — А... кто он?

— Артамонов. Личный пилот товарища Сталина. Самолет «Сталинский маршрут». Только чур — я ничего не говорил...

— Это... он с женой? — не удержался раздавленный случившимся Сергей.

— Конечно. С чужими женами во МХАТ на премьеры не ходят!

Пустельга почувствовал себя совсем кисло. Жена личного пилота самого товарища Сталина, «Сталинский маршрут»... И он сам — так сказать, в калашном ряду.

К счастью, свет в зале медленно начал меркнуть, прозвучал третий звонок, и можно было наконец сосредоточиться на спектакле. Удалось это не сразу. Сергей чувствовал себя глубоко несчастным. Нет, такая женщина даже не станет разговаривать с глухим провинциалом, родившимся на окраине Харькова, выучившимся читать только в девять лет, всю жизнь служившим где-то в Тмутараканях. То, что служил он в НКВД, лишь усугубляло дело. Люди реагировали на это учреждение весьма неоднозначно...

...Вначале Сергей не понял, о чем ведут речь герои на сцене. Молодая женщина что-то говорит мрачному насупленному парню. Кажется, это брат и сестра... Пустельга заставил себя вслушаться. Все верно, брат и сестра, его зовут Артем, ее — Нино. Ага, ясно: парня уволили из мастерской, и он разругался с хозяином, дело дошло до рукоприкладства... Актеры играли превосходно — чувствовалась знаменитая мхатовская школа. Даже тихий шепот был слышен в задних рядах...

...Резкий стук — и в комнату врываются трое в знакомых по книжкам мундирах. Хозяин мастерской все-таки пожаловался в полицию. Артема хватают и, несмотря на мольбы и просьбы сестры, уводят в глухую ночь...

Выглядело впечатляюще — Сергей даже поежился. Удивила одна странность. Парень поругался с хозяином, ударил его — мелкое хулиганство, не больше. А за ним, насколько следовало из увиденного, пришли не полицейские, а жандармы...

Теперь на сцене был кабинет Кутаисского жандармского управления. Пожилой полковник беседует с молодым, но явно из «ранних», офицером. В местном подполье появился ОН, тот, кто организует рабочих и готовит всеобщую забастовку. Полковник негодует. Молодой, но ранний обещает решить вопрос.

Пустельга невольно прикинул, как бы он сам поступил на месте этого царского сатрапа? Наверняка попытался бы внедрить в подполье своего агента...

Словно в ответ, на сцене появляется арестованный Артем. Полковник исчезает, а молодой офицер приступает к допросу. Сергей вновь удивился — допрос выглядел более чем убедительно, он бы и сам не смог провести его лучше. Ай да драматург!..

Допрос между тем переходит в вербовку. Жандарм грозит многолетней каторгой, говорит об остающейся без помощи сестре и аккуратно подводит к главному. Парень должен найти ЕГО, тайного вождя рабочих. Найти — и убить!

Сергей поморщился — грубо работают! Но с другой стороны...

Артем колеблется. Офицер грозит, но арестованный пока не поддается. Его отправляют в камеру...

Пустельга внезапно понял — парень не выдержит. Еще чуть-чуть нажать... Сергей и сам проделывал подобное, причем не один раз...

Между тем Нино пытается узнать о судьбе брата. И тут появляется офицер. Тон его становится другим, он то сочувствует девушке, то грозит — и внезапно обещает отпустить брата, если она будет не столь неприступной. Девушка плачет, падает на колени... Жандарм усмехается и дает на раздумье два дня...

Сергей вспомнил разговор, невольно подслушанный в коридоре. «Умереть мы вам не дадим. Послезавтра я вам позвоню...» Выходило что-то очень плохое, скверное. Ведь то, что слышал, — уже не пьеса...

В антракте публика устремилась в буфет, но Пустельга с Михаилом предпочли прогуляться в фойе. Сергей молчал, увиденное задело его за живое.

— Зря это Бертяев! — Ахилло, похоже, подумал о том же. — И не жалко ему головы!

— То есть? — Сергей удивился. — Он ведь жандармов обличает!

— Угу... Есть такое понятие, товарищ старший лейтенант, «неконтролируемый контекст»... Статья 58 через 10 и 11...

Выражение было мудреное, но Сергей понял. Антисоветская пропаганда и агитация с использованием государственных средств информации. Театр — тоже средство информации...

Ахилло вздохнул:

— Ну его! Все настроение испортил... Вы Рыскуля помните?

Сергей кивнул. На душе внезапно стало мерзко.

— Находит, сволочь, девочку посимпатичнее — и собирает на нее материал. А потом — все по сюжету...

— Но ведь это же преступление! — Пустельга невольно повысил голос, и какой-то важный гражданин, стоявший поблизости, поспешил отойти в сторону. — Я... Я тоже узнал... Случайно услышал!... Мы не имеем права молчать! Надо...

И тут он умолк. Надо — что? Доложить наркому? Написать жалобу в ЦК? Сообщить товарищу Сталину?

— Этот гад при хорошей должности, — понял его Ахилло. — Значит, вы тоже узнали? Меня просили помочь — я не смог... Ее зовут Вера Анатольевна Лапина. Актриса, играет в Камерном. Он ее довел почти до самоубийства, подлец. Грозит, что если она покончит с собой, арестуют ее родителей...

Продолжать Михаил не стал. Впрочем, все и так было ясно. Прозвенел звонок, и Сергей молча поплелся к своему месту. Неожиданно он вновь увидел женщину в темном платье. Она стояла совсем рядом — одна, без мужа. Будь все немного иначе, Сергей, вероятно, вновь бы застыл с раскрытым ртом, но теперь лишь поспешно отвел глаза. Хорошо, что он не в форме! Она тоже смотрела пьесу...

В зале вновь стало темно. Лампы высветили сцену — это опять был кабинет жандармского полковника. В нем бушует гроза. Забастовка становится неизбежной, полковник кричит на подчиненных, требуя действий. Найти! Найти ЕГО, того, кто смеет противостоять ему, полковнику, жандармскому управлению, всей Империи! Найти — и убить! Среди подчиненных царит паника, и лишь молодой жандарм спокоен. Он обещает выполнить приказ. Очень скоро. Завтра...

...На свидании в тюрьме Нино со слезами просит брата помочь. Артем бросается на решетки, отбивается от навалившихся на него надзирателей — тщетно, его скручивают, волокут в камеру...

Сергей уже понял, что произойдет дальше. Стандартная процедура — «размягчить» вербуемого, затем поговорить по душам и лепить из него агента.

...В камере вновь появляется молодой жандарм. Он сочувствует, обещает выпустить парня, помочь Нино, но за это Артем должен выполнить приказ — убить ЕГО, неуловимого... Артем кричит, бросается на мучителя — и соглашается. Ему дают револьвер и направляют куда-то на окраину, где собираются подпольщики...

Пустельга вновь поморщился. Спешат, спешат! Артем доведен до крайности, он — на грани истерики, не способен нормаль-

но соображать. Такие часто срываются, бросают оружие, плачут. Сам бы он на месте этого жандарма... Сергей вздохнул: ничего себе мыслишки!

...Темная комната. Руководители забастовки негромко совещаются. Артема встречают радостно, даже не спрашивают, как ему удалось выбраться из тюрьмы. Не до этого — очень много проблем, идут аресты, забастовка вот-вот сорвется. Ожидание нарастает, Артем нервничает, постоянно оглядывается, он не может ждать, он вот-вот не выдержит...

...Падает луч света — неожиданный, яркий. И из темноты неслышно появляется ОН, неожиданно высокий, в старом пальто, с памятным по фотографиям шарфом вокруг шеи...

Актер был, конечно, не похож на товарища Сталина, но в том, КТО появился из мрачной ночи, чувствовалась сила, молчаливая, грозная, необоримая...

ОН заговорил — медленно, не торопясь. Актер не форсировал акцент, лишь чуть-чуть намекая на известную всей стране сталинскую манеру речи. ОН не ведает сомнений. Спокойно, с легкой брезгливостью говорит о врагах — ОН не боится умереть, ибо Революция сильнее Смерти. ОН и его товарищи победят — живые или мертвые...

И тут Артем не выдерживает — бросает на пол револьвер, кричит. Да, именно так у людей не выдерживают нервы, Сергей видел подобное неоднократно. Парень просит, умоляет о смерти, ему, предателю, нет места среди товарищей...

Снова говорит ОН. Ни слова о предательстве! ОН кладет руку на плечо Артему и спокойно замечает, что люди проверяются не смертью, а жизнью. Подполье поможет Артему и его сестре. Им надо скрыться — а потом вновь вернуться к работе.

Теперь ОН уже обращается к залу. Впереди долгая борьба. Сила, с которой предстоит сразиться, страшнее, чем кажется. Но ОН верит в победу. Нет, просто знает, что победа неизбежна. Революция придет — и никакие силы не способны остановить ее. Они, революционеры, не отступят. И ОН тоже не отступит — никогда!..

Зал взорвался аплодисментами — долгими, громкими. Пустельга хлопал вместе с другими, краем глаза заметив, что Ахилло почему-то не аплодирует...

А на сцене дело близится к финалу. Артем спешит домой забрать сестру, чтобы успеть уехать до рассвета. Он вбегает в комнату и видит, что опоздал. Там полно жандармов: полковник, молодой офицер, целая куча других — крепких, мордатых, с револьверами наготове. Артем выхватывает оружие. Поздно! Выстрел, другой, отчаянный крик Нино — молодой парень падает на пол, и полковник небрежно тычет в мертвое тело сапогом.

Жандармы гогочут, офицер подходит к девушке и развязно треплет ее по плечу. Теперь она в его власти, спасения нет. Нино стоит не двигаясь, слушая мерзкую болтовню подлецов в мундирах. Все кончено. Жандармы начинают собираться, офицер вновь подходит к девушке, глумливо ухмыляется... Все, конец?..

...Нет! Нино выхватывает из мертвой руки брата револьвер. Стреляет — раз, другой, третий, четвертый... С воплем падает офицер, в ужасе пятится полковник — поздно! Кто-то из жандармов выхватывает оружие — тоже поздно! Еще выстрел — и все мертвы, кроме девушки. Она стоит неподвижно и вдруг начинает напевать грустную тихую песню. Что с ней? Но Сергей уже понимает — Нино не выдержала. Ее тоже добили: она отомстила за брата, за всех, но кровь ничего не может вернуть...

...Занавес упал, затем вновь взвился, гремели аплодисменты, улыбающиеся актеры принимали роскошные букеты, а Сергей неподвижно сидел в кресле, не решаясь шевельнуться. Ему было страшно. Конечно, тогда, в начале века, ничего подобного в Кутаиси не было. Это — просто сказка, хорошо написанная и хорошо поставленная. Но Пустельга понял, что Михаил прав: дело не в покрое мундиров...

— Сергей, взгляните! — Ахилло кивнул в сторону ложи Бертяева. Пустельга оглянулся. Драматург вновь стоял, все так же ровно, каменно, не улыбаясь. Ему несли цветы, он спокойно брал букеты, жал руки — но на красивом холодном лице не отражалось ничего.

— Сфинкс! — хмыкнул Михаил. — А сам-то рад!

Пустельга тоже видел, что это спокойствие — всего лишь маска. Но маска была великолепна. Творец спокойно, невозмутимо дарил зрителям свое детище. Им понравилось — хорошо. А если не пришлось по душе, он переживет. Он сильнее...

Каменное спокойствие Бертяева исчезло лишь на миг, когда рядом оказались знакомый мужчина с орденом и та, в темном платье. Пустельга вздохнул — и отвернулся...

В гардеробной выстроилась очередь, и Ахилло бессовестно исчез, оставив Сергея скучать в тесном окружении спешащих домой зрителей. Наглец Михаил появился, лишь когда Пустельга оказался возле самого окошка. Виновато улыбнувшись, он ловко выхватил свое пальто — и был таков, успев лишь пробормотать что-то о случайно встреченном приятеле. Пустельга покачал головой и профессиональным взглядом вычислил упомянутого «приятеля» — рыжеволосую девицу в модной шляпке и светлом

плаще. Оставалось одно — желчно позавидовать везунчику Микаэлю...

У тротуара стояли машины, публика рекой выливалась из театра, и Пустельга вновь почувствовал себя чужим и лишним. Эти люди возвращались домой, в уютные квартиры, чтобы беседовать с такими же умными и воспитанными, как они сами, о литературе, о музыке. А ему ехать в общежитие, чтобы с утра вновь начинать бесконечную охоту за неуловимыми врагами. Сергей вдруг вспомнил полное, одутловатое лицо Рыскуля, и ему впервые не захотелось возвращаться на службу.

— Гражданин! Здесь стоять нельзя!

Рядом были двое — странно знакомые, в темных кожаных куртках с холодными, немигающими глазами.

— Почему? — Сергей удивился. — Я никому не мешаю...

— Документы!

Это было настолько неожиданно, что Пустельга послушно сунул руку во внутренний карман пиджака. Движение вышло слишком резким. Один из неизвестных быстро перехватил кисть, второй полез в карман сам. Тело пронзило холодом — рука незнакомца казалась высеченной из куска льда.

— В чем дело?

Сергей оглянулся и понял, что рядом появился третий, но не в темной куртке, а в обыкновенной шинели. Знакомой шинели с саперными петлицами...

— Сергей Павлович? — Волков тоже узнал его и сделал знак своим парням. Ледяная хватка разжалась.

— Идите!

Парни недобро глянули на Сергея, но послушно отошли в сторону. Пустельга вспомнил, где видел их — там же, на кладбище Донского монастыря, возле разрытой могилы.

— Вы в наружной охране? — Волков улыбнулся, и Сергей подумал, что всезнающий Ахилло не прав. Конечно, комбриг — человек странный, но по-своему приятный. Бояться его, во всяком случае, ни к чему.

— Нет, Всеслав Игоревич. Просто на спектакле был.

— А-а, замечтались! Да, спектакль сильный... Нам с вами повезло: видели первое представление — и последнее.

Вот оно, значит, как! Впрочем, Сергей не очень удивился.

— Думаете, запретят?

— Да, — кивнул Волков. — Прошляпила цензура! Бертяев — еще тот тип. То ли наивный, то ли очень умный... Ладно, не будем стоять на ветру. У меня машина — вас подбросить?

Пустельга хотел отказаться, но до общежития было далеко, и он, чуть подумав, кивнул. Машина оказалась знакомой, он уже ехал в ней в первую ночь после приезда в Столицу.

— Хорошо играют! — закуривая, усмехнулся комбриг. — Одно слово — МХАТ!.. Что так грустны, Сергей Павлович? Спектакль расстроил?

Да, спектакль расстроил. Проклятая история с толстощеким типом в пенсне не выходила из головы. Там, на сцене, герои брали в руки оружие...

И Сергей решился. Странный комбриг многое может и многое знает.

— Всеслав Игоревич, я слыхал одну историю. Почти как в пьесе. Один работник... Очень высокопоставленный... Принуждает женщин... Он собирает материалы...

Пустельга нерешительно умолк.

— Очень высокопоставленный? — В голосе Волкова звучала ирония.

— Очень...

Волков хмыкнул:

— Будем считать, что я вас понял. Фамилия?

Отступать было некуда. Сергей вспомнил мерзкое пенсне...

— Рыскуль. Он начальник...

— Знаю! Редкий мерзавец. Кого он выбрал на этот раз?

Говорить не хотелось. Эту тайну доверил ему Михаил, но ведь Ахилло ничем не смог помочь девушке!

— Она актриса Камерного театра. Вера Анатольевна Лапина....

— Ясно.

Больше не было сказано ни слова.

Наутро Сергей почти забыл странный разговор. Стало не до этого. Из командировки вернулся Карабаев, привезя с собой несколько толстых папок с документами и какой-то увесистый сверток.

— Я, товарищ старший лейтенант... Вот, написал! — сообщил он, отрапортовав о прибытии.

Перед Пустельгой легла стопка исписанных страниц.

— Хорошо, — кивнул Сергей. — А теперь, Прохор, пожалуйста, рассказывайте...

Тот, вздохнув, неуверенно посмотрел на свою докладную.

— Рассказывать... А может, товарищ старший лейтенант, прочитаете?

Карабаев обернулся в сторону удобно устроившегося в кресле Ахилло, словно взывая о помощи, но понял, что от судьбы не уйти.

— Ну, приехал я в Тамбов, значит, — неуверенно начал он. — Там завод... Очень большой...

Лейтенант вновь поглядел на свою докладную, но Пустельга

был неумолим. Он давно уже поставил себе правилом обязательно выслушать сотрудника. Часто самое важное всплывало именно во время устного доклада.

— Большой завод, — безнадежно повторил Прохор. — Мужики там неплохие. Помогли...

Он вновь вздохнул и принялся разворачивать сверток:

— Вот! СЧН — 14 Э...

На столе появился небольшой, странной формы предмет. Ахилло присвистнул:

— Взрыватель!

— Так точно! — кивнул лейтенант. — Взрыватель экспериментальный, потому и буква Э. Разработан лабораторией полковника Руднева Никиты Федоровича. Выпустили их две партии по сорок штук. На самом заводе хищений не обнаружено, я проверял.

— Точно? На заводе все в порядке? — поторопил его Сергей.

— Так проверял же! — удивился Прохор. — Не было там хищений. Первая партия отправлена в Минск, в школу ОСНАЗа. Поехал я туда...

Пустельга кивнул. В Минске была лучшая школа ОСНАЗа в Союзе.

— Там тоже мужики хорошие, подсобили малость... В партии было сорок штук. Двадцать три оприходовано, остальные в наличие на складе...

— А вторая партия?

Пустельга почувствовал удачу. Им повезло — враг использовал экспериментальный взрыватель, значит, круг поисков резко сужается.

— Это здесь искать нужно, — невозмутимо сообщил лейтенант. — Партия отправлена в распоряжение Главного Управления. Два месяца назад — тоже сорок штук...

— Что?! — Пустельга и Михаил одновременно вскочили с мест.

— К нам отправлена... — подтвердил лейтенант. — По распоряжению товарища Фриневского...

— Черт! Сергей, вы понимаете? — невозмутимость Ахилло исчезла без следа. Пустельга кивнул — ситуация складывалась более чем любопытная.

— Прохор! Ну, вы молодец!

— Я? — лейтенант недоуменно почесал затылок. — Я ж только съездил... Но это еще не все. Вот...

Из свертка последовали новые сюрпризы — на этот раз небольшие аккуратные пакетики...

— Вот, — повторил Прохор. — Взрывчатка...

Пустельга поежился и отодвинул пепельницу подальше.

— Не взорвется, — Карабаев впервые улыбнулся. — Она без

детонаторов мертвая, можно в огонь кидать — гореть будет, как антрацит...

Ахилло осторожно подошел и присмотрелся:

— Я такую впервые вижу!

— Так точно! — подтвердил Прохор. — Эксперты говорят, что взрывчатка незнакомая. Вот я и подумал среди той, что еще в серию не пошла, поискать.

— Хорошо подумали, — кивнул Пустельга.

— Тут ведь как получилось. По распоряжению товарища Фриневского к нам направлены не только взрыватели, но и десять килограммов этой самой «Кама-3 ОС»...

Карабаев секунду подумал, а затем указал на один из пакетиков.

— Так... — Пустельга потер руки. — Это хозяйство — к экспертам! Только осторожнее, а то разнесем все тут!..

После того как опасный груз был сдан в лабораторию, было решено выпить по этому поводу чаю. Ахилло сбегал в буфет и принес пирожных. Невозмутимый Прохор лаконично и точно отвечал на вопросы. Было видно, что сибиряк поработал на совесть.

— А все-таки странно, — заметил Ахилло. — Лаборатория у нас первоклассная, должны были определить!

Сергей задумался. Если человек из «Вандеи» — в Главном Управлении, то лаборатория — не худшее из прикрытий.

— Потом, — решил он. — Займемся чаем...

За пирожными Прохору рассказали о премьере во МХАТе. Тот явно расстроился, и Сергей почувствовал угрызения совести.

— Так давайте снова сходим! Прохор, вы куда желаете?

Карабаев долго думал и наконец вздохнул:

— В Большой... Там красиво!..

— Решено! — обрадовался Пустельга. — Сегодня же сходите в нашу кассу и возьмите билеты на субботу или воскресенье.

Лейтенант кивнул, несколько успокоенный. Сергей с аппетитом уминал пирожное, впервые за много дней чувствуя себя уверенно. Дело пошло! И тут вспомнился разговор с таинственным Ивановым. Образ врага — неуловимого Лантенака, вождя «Вандеи»...

— Михаил, вы говорили, что руководитель «Вандеи» — из Столицы, что он из «бывших». А почему все-таки Вандея? Может, в этом ключ? Он назвал себя Лантенаком...

— Литературным героем, — вставил Ахилло.

— Вот именно! Значит...

— Значит, он читал роман Виктора Гюго «93-й год», — согласился Михаил. — И что это нам дает?

— Что?.. — Пустельга на миг задумался. — Знаете что? Надо нам перечитать роман! Ведь не зря же...

— Хорошо! — пожал плечами Ахилло. — Сегодня же приступлю...

Сергей поглядел на Карабаева. Тот выглядел немного смущенным.

— Товарищ лейтенант, если вы не читали роман — прочтите.

— Так точно, — вздохнул тот. — Как автора зовут?

Прохор тщательно записал фамилию французского романиста в блокнот. Пустельга усмехнулся — странно происходило приобщение к культуре бывшего селькора! Он хотел посоветовать ему прочитать и «Шуанов» Бальзака, как внезапно в дверь постучали.

— Получим выговор, — констатировал Ахилло. — За чаепитие в Мытищах.

— Почему — в Мытищах? — не понял Карабаев, но объясняться было некогда. Дверь отворилась.

— Здравствуйте, товарищи!

Сергей невольно вздрогнул. Перед ним стоял Волков.

Ладонь краснолицего была, как всегда, ледяной. Впрочем, Сергей успел уже к этому привыкнуть. Возможно, у Всеслава Игоревича шалило сердце...

— Добрый день, Сергей Павлович!.. Михаил? Рад вас видеть!

Волков улыбнулся, но Ахилло внезапно стал белым как полотно.

— Товарищ лейтенант? — Волков остановился перед вытянувшимся по стойке «смирно» Прохором.

— Лейтенант Карабаев, товарищ комбриг!

— Карабаев? Постойте, вы служили у Гуляева? В Омске?

— Так точно!

Кажется, комбриг действительно знал всех и вся. Сергей перевел дух и уже подумывал предложить гостю чаю, но Волков вновь повернулся к нему:

— Пойдемте, Сергей Павлович!

Возражать не имело смысла. Уже в коридоре, шагая вслед за краснолицым, Пустельга все же осмелился спросить:

— Мы... Мы куда, товарищ комбриг?

— К вашему Рыскулю! — По красному лицу мелькнула злая усмешка. Пустельга почувствовал, как в горле внезапно возник ком, в ушах застучало...

— В чем дело? Боитесь?

— Да... — Сергей с трудом сглотнул. — Боюсь. То есть не боюсь...

— Не надо, — холодная ладонь на миг коснулась плеча. — Пусть такие, как этот мерзавец, боятся!

Страх быстро прошел. В конце концов, Сергей сам заварил эту кашу. Значит, придется расхлебывать...

В приемной Рыскуля за большим столом дремал секретарь. При виде незваных гостей он вскочил, пытаясь преградить дорогу, но Волков отодвинул его плечом и ткнул сапогом в высокую, обитую кожей дверь.

...Товарищ Рыскуль успел встать из-за стола. Пенсне было на месте — как раз посреди пухлого, покрытого ранними морщинами лица.

— В чем дело? Почему без доклада...

— Заткнись!

Голос Волкова был негромок и полон презрения.

— Т-товарищи...

Кажется, хозяин кабинета узнал комбрига.

— Рыскуль, ты нам надоел. Тебя предупреждали?

— Но, товарищ Волков! Вы... позволяете себе...

Краснолицый лениво махнул рукой, словно отгоняя назойливую осеннюю муху, и Рыскуль, стоявший за столом в нескольких метрах от незваных гостей, упал, ткнувшись лицом в зеленое сукно. Пенсне отлетело в сторону, из разбитой губы заструилась кровь.

— Встать, падла!

Рыскуль дернулся, всхлипнул и начал медленно подниматься.

— Документы на Лапину. Живо!

Сергею вдруг показалось, что он спит — или вновь присутствует на мхатовском спектакле. Всесильный чиновник, почти что хозяин Столицы, угодливо улыбнулся, лизнул разбитую губу и, бормоча: «Так точно... так точно, товарищи!», стал рыться в ящике стола, достал тяжелую связку ключей и поплелся к вделанному в стену сейфу.

Волков стоял недвижно, на лице его играла легкая усмешка. Сергей замер ни жив ни мертв. Такого он еще не видел...

Тяжелая дверца сейфа отъехала в сторону.

— Вот... Вот...

Рыскуль осторожно положил на стол большой пакет, запечатанный сургучом.

— Открой!

Волков подождал, пока хозяин кабинета выполнит приказ, затем неторопливо подошел к столу. Красная ладонь небрежно раскрыла пакет. Сергей успел заметить толстую связку писем, стопку фотографий...

— Все?

Рыскуль угодливо закивал, но Волков лишь дернул плечом.

— Врешь! Она подписку о сотрудничестве давала? Доставай!

Тот замялся. Краснолицый вновь улыбнулся и поднял руку.

— Нет! Не надо! — визг ударил в уши. — Вот... Вот!..

На стол легла какая-то бумага.

— Сожги. В пепельнице, — комбриг отвернулся в сторону и достал папиросу.

Рыскуль нервно щелкнул зажигалкой. Бумага горела не в пепельнице, а прямо на столе. Запахло паленым сукном, посреди зеленой поверхности медленно расползлось дымящееся пятно.

— Сергей Павлович, возьмите пакет!

Пустельга медленно, словно шагая по минному полю, подошел к столу. Рыскуль взглянул на него — в глазах заместителя начальника Столичного управления плавал страх, нечеловеческий, лишающий рассудка...

— А теперь слушай внимательно, Рыскуль. Сегодня же напишешь заявление на имя Николая о переводе в какое-нибудь областное управление. Ближе Сибири не просись — не пустим!

Рыскуль затравленно кивнул. Сергей же не верил своим ушам, походя заметив, что комбриг назвал наркома просто по имени.

— И учти: дернешься — не пощадим. Товарищ Пустельга за тобой присмотрит. Все! Пошли, Сергей Павлович...

— Не надо! Только не говорите ему! Не говорите ему!..

Крик ударил в спину. Волков никак не прореагировал, а Сергею оставалось догадываться, кого имеет в виду владелец пенсне. Наркома? Товарища Сталина? Или... не известного никому товарища Иванова?

Оказавшись в коридоре, Пустельга с трудом перевел дух.

— Вот и все дела, товарищ старший лейтенант, — хмыкнул краснолицый. — Документы, те, что в пакете, отдайте Лапиной. Если, конечно, не захотите использовать их как-то иначе.

В эту минуту Пустельга даже не задумался над этими словами...

— Товарищ комбриг... — Он набрал в грудь побольше воздуха и выпалил: — Кто... кто вы?

Волков улыбнулся:

— Я же вам представился. Волков Всеслав Игоревич, командир отдельного отряда ОСНАЗа «Подольск». Ну, счастливо! Мне пора.

Холодная ладонь сжала руку — и высокая фигура в серой шинели исчезла за поворотом. Сергей медленно пошел наверх, к себе в 542-ю. Отряд ОСНАЗа «Подольск»... О таком Пустельга не слыхал. Не те ли странные парни в кожаных куртках? Неудивительно, что краснолицего так боятся!

— Сергей! С вами все в порядке? — При виде Пустельги Ахилло вскочил, уронив папиросу в пепельницу. — Что ему было от вас нужно?

Пустельга не знал, что и ответить, затем подумал и покосился на молчаливо сидевшего за столом Прохора. Тот понял.

— Разрешите выйти?

Сергей кивнул, подождал, пока дверь за лейтенантом закроется, а затем положил пакет на стол.

— Вот! Документы, которыми Рыскуль шантажировал Лапину. Ее обязательство сотрудничать он сжег...

Пустельга коротко пересказал всю историю начиная с того момента, когда они с Михаилом расстались в фойе. Ахилло слушал, не перебивая, и наконец вздохнул:

— Что же вы наделали, Сергей? Господи, что же вы наделали! Этот Волков... С ним нельзя иметь никаких дел!

— Не понимаю! — удивился Пустельга. — Он ведь помог! Что в этом плохого?

— Нельзя изгонять бесов силою Вельзевула, князя бесовского. Я ничего не могу рассказать вам, Сергей. Такие, как Волков, ничего не делают просто так. Теперь он знает о Лапиной, знает о вас. Думаете, это все случайно?

— Документы... Вы сами ей отдадите?

Пустельга поспешил перевести разговор на другое, решив, что Михаил реагирует слишком уж неадекватно.

— Передам... Надо посоветовать ей уехать. Хотя нет, поздно... Скажите, он вам больше ничего не говорил? Ничего не предлагал?

— Да нет же! — вздохнул Пустельга. — Почему вы так против него настроены? Вы что, хорошо его знаете?

— Хорошо? — грустно улыбнулся Ахилло. — Можно сказать и так...

ГЛАВА 7

КНИГА УЧИТЕЛЯ

Юрий долго не понимал, зачем им с Терапевтом требуются псевдонимы. О том, что бывший военный врач действует не один, он даже не подозревал. Про группу Орловский узнал только через год, после того, как была начата его книга.

Идея зрела давно. Вначале Юрий не делился ею ни с кем, но затем все же решил посоветоваться с Терапевтом. Больше в Столице советоваться было не с кем. Его друг ничуть не удивился, но не спешил с одобрением. Спокойно, трезво, будто беседуя с коллегой у постели тяжелобольного, он обрисовал возможные трудности — и неизбежные последствия. Уже сейчас работать сложно и опасно, но еще труднее станет через два-три года, когда работа будет близка к завершению. А ведь рукопись еще следует переправить за границу...

Юрий не спорил, но сдаваться не собирался. Они встретились

с Терапевтом через несколько дней, и тот внезапно сообщил, что сможет помочь. Но Юрий должен быть осторожен, иначе опасность будет грозить не только им двоим. Орловский понял намек, но не стал расспрашивать. Только когда первые главы были уже закончены и Терапевт стал передавать Юрию новые материалы, они поговорили всерьез. Было названо имя Флавия, неизвестного друга, который достаточно влиятелен, чтобы доставить нужные документы, — и достаточно силен, чтобы защитить в случае беды. Тогда-то Орловский и стал Орфеем. Терапевт пояснил, что его, Юрия, надо как-то называть в разговорах с тем же Флавием. Так же, как и сам Флавий именует своего неведомого помощника Марком.

Орловский предпочел бы что-либо более банальное: Сидоров или Петров, но уж, во всяком случае, не Орфей. Вот уж с кем у него нет ни малейшего сходства, так это с легендарным певцом! Но Терапевт напомнил, что певцом Орфей стал лишь у поздних античных мифографов, любивших эстетизировать древние предания.

— Заодно выдумали Эвридику — на радость оперным либреттистам будущих веков, — усмехнувшись, добавил он. — А действительность была проще и страшнее. Веке в девятом до Христа в Греции началась психическая эпидемия. Вакханалии — люди сходили с ума, убивали друг друга, превращались в зверей. Кровью такое не погасить, но Орфей сумел усмирить безумцев, без насилия, только словом. Вам предстоит сделать то же самое, Юрий. И может... И может, вам тоже придется спуститься в ад...

Орловский не стал спорить и лишь поинтересовался, отчего его друг стал именно Терапевтом, ведь по образованию он хирург. Но тот покачал головой и предложил догадаться самому. Вскоре Юрий вспомнил: в древности существовала секта «терапевтов» — наиболее истовых и наиболее стойких.

О Марке, помощнике Флавия, Орловский так ничего и не узнал. А вот о самом Флавии Терапевт кое-что рассказал. Тот, кто взял себе это прозвище, убежденный большевик, в начале 30-х входил в антисталинскую группу Рютина, чудом уцелел и теперь продолжал борьбу.

Были, конечно, и другие: те, кто перепечатывал его книгу, переправлял ее во Францию, доставал документы. Но о них Терапевт молчал.

Вскоре кличка пригодилась. Когда Орловский звонил Терапевту, он представлялся «Орфей». На этом настоял его друг. Меньше риска, если аппарат будет взят на прослушивание.

...Как-то они гуляли с Никой по набережной возле огромного серого дома, построенного знаменитым Иофаном для семей членов ЦК и сотрудников Совнаркома. Настроение в тот день было

превосходным, да и день выпал яркий, не по-осеннему теплый. Юрий пересказывал услышанные им на службе байки про невероятное сооружение Иофана, Ника смеялась, и тут совершенно неожиданно Орловский вспомнил, что должен позвонить Терапевту. Телефон-автомат оказался рядом. Он набрал номер и начал, как обычно: «Это Орфей...»

Он понял свою ошибку лишь тогда, когда услышал удивленное: «Юра, так ты, оказывается, Орфей? А почему — Орфей?..»

И вот теперь придется вновь отвечать. Ну что ж...

— Я — Орфей? Ах да...

Орловский потер лоб, усмехнулся:

— Студенческая кличка, Константин. На втором курсе я занимался Древней Грецией, увлекся орфиками. Было такое учение — про переселение душ. Вот и прозвали...

Где-то таким же образом он пояснил это Нике. Юрий просил забыть странное прозвище, но она время от времени все же называла его так.

— А что, души переселяются? — «Костя» удивленно заморгал. — Выдумают же! А то я смотрю...

Из портфеля появилась небольшая потертая книжка. Энкавэдист раскрыл форзацный лист. «Камень» — первое издание Мандельштама. Эту книгу Ника нашла где-то в букинистической лавке и подарила Юрию на день рождения в прошлом году. А вот и надпись: «Орфею в день рождения — от персонажа совершенно не мифологического». К счастью, вместо подписи стояло стилизованное Н.

— Вы же видите — шутка!

Орловский указал на надпись. «Костя» закивал и передал книгу Юрию. Поверил? Кто знает...

— В общем, вы прочитаете? — «Костя» кивнул на рукопись. — Дней пять хватит?

— Постойте, Константин, — не выдержал Орловский. — Вы же сами говорили, что Родион Геннадиевич... То есть гражданин Соломатин, писал о всякой мистике, о суевериях... Зачем же это читать?

— Как это зачем? — искренне удивился «Костя». — В любом явлении, даже в мистике, имеется рациональное зерно. Мы ведь даже из змеиного яда лекарства добываем! Так что читайте!..

Читать было трудно. Родион Геннадиевич писал по-дхарски, но не привычным алфавитом, изобретенным в 20-е, а смесью кириллицы и самодельных букв, которой пользовались образован-

ные дхары в начале века. Разница невелика, всего в несколько знаков, но к этому следовало привыкнуть.

Вначале работа показалась скучной. Учитель подробно перечислял источники, упоминал неведомые Юрию имена земляков, поделившихся с ним рассказами о дхарской старине, тщательно характеризовал особенности дхарских преданий. Любопытное началось где-то с тридцатой страницы...

...Дхары не были людьми. Люди — «асхары» — сотворены позже, когда появилась Земля. Дхары же существовали всегда, с того самого момента, когда в незапамятные времена возникло Высокое Небо. Мира, нашей Земли, еще не было, и дхары существовали в Свободном Свете и сами были, как свет. Тысячи лет они были любимцами Высокого Неба, не зная груза плоти и страха смерти...

Слова «были как свет» учитель несколько раз подчеркнул и попытался прокомментировать, ссылаясь на мифы некоторых народов Севера. Комментарий Юрия не убедил. Да, эскимосы считали себя «иннуитами» — людьми, а остальных — зверями. Но себя-то они считали все-таки людьми! У дхаров же все наоборот.

...Люди-«асхары» появились по воле Высокого Неба на сотворенной из огненного вихря Земле. Юная земля была столь прекрасна, что многие дхары стали принимать людской облик и селились вместе с людьми, часто становясь царями и жрецами. Люди же считали их чародеями или даже богами...

Орловский вспомнил апокрифическую Книгу Еноха, где говорилось об ангелах, спустившихся на землю и породивших племя исполинов. Родион Геннадиевич тоже ссылался на этот источник, а также на восьмую главу Книги Бытия. Дхары могли услышать это предание во время своих странствий.

Дальше пересказывалась легенда о Западной земле, где правили дхарские вожди, уничтоженной гневом богов. Сохранился небольшой поэтический отрывок, получивший условное название «Песнь о погибели дворца». В свое время Юрий сам переводил его на русский. Его коллега Андрей Крапивин в шутку сравнил легенду с преданием о погибшей Атлантиде. Конечно, общего с рассказом Платона было мало, но сравнение неожиданно запомнилось. Великая страна, уничтоженная богами за грехи ее народа...

Следующая глава была посвящена легендарным «дэргам», о которых упоминалось в некоторых ранних версиях мифа об Артуре. Родион Геннадиевич считал, что около тысячи лет назад дхары и в самом деле жили в Западной Европе, ссылаясь на исследования американца Валюженича в Бретани и в Корнуэлле. Сам Фроат Великий скорее всего был западным рыцарем, дэргом

по происхождению, приехавшим к своим родичам, жившим на Пехре.

...Гнев Неба на дхаров был велик. Многие ушли в леса и приняли звериный облик, получив презрительное прозвище «чугов»...

Юрий вспомнил, что в свое время он рассказал учителю про лесных людей — «чугайстров». Эта карпатская легенда очень заинтересовала Родиона Геннадиевича. Упоминалось о ней и в рукописи, причем с непременной ссылкой: «Любезно сообщено Ю. П. Орловским». Учитель считал, что карпатские «чугайстры» — тоже потомки дэргов-дхаров, в чем сам Юрий весьма и весьма сомневался.

...Дхары потеряли право вернуться в Свободный Свет. Некоторые еще могли менять облик, превращаясь то в «асхаров», то в лесных оборотней — «чугов». Коллеги Юрия дружно уверяли его, что лично видели этих оборотней, принимавших то, что именовалось почему-то «Истинным Ликом». Орловский посмеялся и предложил нарисовать такого «чуга». Ваня Лукин согласился, изобразив нечто, напоминающее доисторического гигантопитека. Рисунок позабавил еще больше, и Юрий долго хранил его, уничтожив лишь накануне ареста, в тот вечер, когда к нему в последний раз зашла Ника.

Следующая глава опять удивила. Родион Геннадиевич писал о легенде про приход спасителя дхаров Эннор-гэгхэна — Князя Вечноживущего. Предание основывалось на предсмертном откровении Гхела Храброго, обещавшего, что спаситель придет через пять веков и будет прямым потомком Великого Фроата, носящим его имя. Родион Геннадиевич блестяще проанализировал легенду, привлекая не только известный материал об эсхатологических представлениях древности и средневековья, но и новейшие данные о «кризисных культах», в том числе о знаменитом индонезийском культе «карго»...

Орловский отложил рукопись и долго сидел за столом, докуривая папиросы из последней пачки. Жаль, что книга не издана, что рукопись — такой же бесправный зэк, как он сам. Зачем она понадобилась Большому Дому? Какой-нибудь начальник решил напечатать ее под своим именем?

Вторую половину рукописи Юрий решил просто проглядеть. Там были систематизированы дхарские заклинания, приметы и обряды. Многое из этого Орловский знал, на четвертом курсе дхарского отделения читался спецкурс по дхарским народным обычаям.

Дни тянулись спокойно, без малейших перемен. Стриженый зэк принес новые книги, Орловскому разрешили купить в тюремной лавке папирос, один раз заходила комиссия, интересовавшаяся санитарным состоянием камер. Каждый день Юрия во-

дили на прогулки. Похолодало, и надзиратель выдал Орловскому грубый, но теплый бушлат. То и дело срывался дождь, но Юрий с наслаждением стоял на крыше, глядя в низкие серые тучи. Там не было стен...

Однажды, поворачиваясь после очередного хлопка надзирателя, Орловский заметил лицо своего очередного соседа. Оно показалось знакомым, но человек, о котором Юрий подумал, известный всей стране партийный деятель, был около года назад приговорен к высшей мере. Выходит, и этот приговор — такая же фикция, как и лагерь, который обещан ему, Орловскому?

...И еще одна встреча запомнилась. Юрий возвращался с прогулки. Поворачиваясь по хлопку, он привычно задержал взгляд. Снова знакомый... Высокий сутулый старик с большой бородой, маленькие железные очки, тяжелая трость... Этот человек почти не изменился с тех пор, как они с Юрием в последний раз виделись. Тогда Юрий был сотрудником дхарского сектора, а старик — знаменитым профессором Лавриновичем-Беком, лингвистом, многие годы занимавшимся Тибетом. Его последние публикации были посвящены бхотам, маленькому народу, обитающему где-то западнее Лхасы...

«Костя» пришел через неделю, выложил на стол кулек с конфетами «Красная», предложив начать их очередную встречу с чаепития. Беседовали о погоде, о новой премьере во МХАТе, где поставил свою очередную пьесу знаменитый Бертяев. О рукописи энкавэдист, казалось, совсем забыл, и Орловский начал понемногу злиться. Наконец он не выдержал.

— Константин, здесь вопросы задаете только вы?

Тот чуть не поперхнулся чаем:

— Помилуйте, Юрий Петрович! Да о чем вы? Спрашивайте, сделайте одолжение!

— Когда меня повели вместе со смертниками в эти катакомбы, вы знали об этом? Знали — и ждали, пока я сойду с ума?

«Костя» покачал головой:

— Ну не сошли же, Юрий Петрович! Хотя я вас понимаю. Невесело в катакомбах этих! Там, если чуть дальше пройти, есть старинный пыточный каземат, представляете? А знал ли я, не знал... Знал, конечно. Так ведь не мной придумано... Не надо душу тревожить, Юрий Петрович. Живые — они о живом думают. Ждете вопроса? Про рукопись? Ну, считайте, спросил.

Орловский пожал плечами:

— Прочитал. С вашей точки зрения — идеализм и поповщина. А если с научной — прекрасная, умная книга. Можете передать своему начальству, что вы загубили замечательного ученого.

— Эк вы! — скривился «Костя». — Ну, не можете, чтобы физией не ткнуть! «С научной точки...» А вот у меня просьба будет,

как раз по линии мистики... Чтоб вы не думали, будто один все понимаете.

— И что вас интересует? — поразился Юрий.

— Там глава есть — про боевые заклинания, густая такая мистика. Так вы, Юрий Петрович, выпишите, будьте добры, эти заклинания...

— Для непобедимой и легендарной Красной Армии? — не удержался Юрий.

— Ага! — рассмеялся «Костя». — Будем супостатов крушить! Вам трех дней хватит?

Работы было на полчаса, но Орловский не стал спорить. Приказ удивил и даже раздосадовал. «Они» что, с ним в кошки-мышки играют?

— Да вы не удивляйтесь, Юрий Петрович, — понял его «Костя». — Мало ли чем начальство интересуется! А про три дня я вам не зря сказал — вот увидите...

То, что его «опекун» прав, Орловский убедился сразу, как только нашел нужную главу, предпоследнюю. Вместо привычных букв по бумаге ползли странные значки, похожие на разлапистых крупных муравьев. Понадобилось несколько минут, прежде чем Юрий наконец-таки сообразил. Написано по-дхарски, но не современным алфавитом и не суржиком начала века. Текст был на «фроати».

...Это была одна из загадок. Фроат Великий изобрел письменность, получившую название по его имени. На «фроати» были написаны исчезнувшие дхарские летописи и, вероятно, «Гэгхэ-ну-цорху». Древнюю письменность хранили жрецы-дхармэ, и Родион Геннадиевич хорошо знал этот алфавит. Именно по этому вопросу они с Юрием немало спорили. Орловский сомневался в древности «фроати», допуская, что он возник не ранее XVIII века на основе монгольского, с которым действительно имел некоторое сходство...

Теперь Юрий понял, зачем понадобился «Косте» и его начальникам. Дхарский язык в Столице кое-кто знал, хотя бы ребята, что учились на дхарском факультете. Но вот «фроати» им был скорее всего незнаком. Он, Орловский, нужен, чтобы расшифровать загадочный текст. Но что «они» думают найти в этой главе? Списки тайной организации? Указание мест, где хранится оружие? Что за бред!.

Пришлось вспоминать, и вспоминать долго. «Фроати» имел 36 букв и пять идеографических значков. Несколько раз Юрий набрасывал алфавит, но каждый раз сбивался, «терял» буквы и начинал все сначала. Только к следующему утру, порядком устав,

он составил полную таблицу. Отдохнув и погуляв под моросящим дождем, Юрий положил перед собой текст и принялся за работу, но, разобрав первые сточки, внезапно остановился, сообразив, что в тексте и в самом деле могут быть *не только* заклинания...

Впрочем, на первой странице никаких сюрпризов не оказалось. Все, как и обещано, — боевая магия. Дхарские полководцы не занимались мелочами. «Непускающая Стена», рассекающая вражеское войско на части, «Горячий Ветер», превращавший в пар оружие и доспехи, «Свод Надежды»... Орловский горько усмехнулся. Будь такие заклинания у Гхела Храброго! Правда, сын Фроата поссорился со старыми жрецами...

Юрий переписывал одну за другой грозные строчки, чувствуя, что понемногу дуреет. Там, в Большом Доме, явно спятили! Не удержавшись, он прочел вслух заклинание, пробивавшее насквозь любые стены, подождал пару минут и покачал головой. Слова оставались только словами.

Постепенно дело стало продвигаться живее. Юрий освоил «фроати» и теперь мог читать текст, почти не прибегая к алфавиту. Страница шла за страницей, но ничего, кроме заклинаний, там не было. Наверняка «они» ошиблись. В рукописи учителя никаких тайн не оказалось. Странно, что он зашифровал главу, но, может, заклинания и полагалось записывать древним алфавитом?

К концу второго дня работа была завершена. Последнее заклинание оказалось необычным. Оно предназначалось для тех, кто, попав в плен, хочет избавиться от мук и позора. «Мэви йанхи-вагрэ» — «Спрячь душу». В коротком комментарии говорилось, что прочитавший его может не бояться ни людей, ни нечисти...

Это было все. Правда, в конце главы говорилось, что ни одно из этих заклятий не действует без «мэви-идхэ» — «Заклинания-Ключа», которое также называлось «Великим Заклинанием дхаров». Древние жрецы-дхармэ были, похоже, людьми предусмотрительными. Самого «Ключа» в тексте не было, и Юрий с усмешкой рассудил, что Родион Геннадиевич, потомок дхармэ, тоже был человеком осторожным...

Юрий еще раз перелистал книгу, в который раз пожалев, что скоро она вновь исчезнет в недрах Большого Дома, и скорее всего навеки. Вспомнилась последняя встреча с учителем. Уже были арестованы двое сотрудников сектора, остальных вызывали «для бесед», Орловский и сам ждал ареста, но Соломатин, грустно усмехнувшись, пообещал, что Юрия не тронут. «Вы не дхар. Им нужны дхары...» Он достал из ящика стола небольшую папку и попросил сохранить ее до будущих времен. «Тут нет контрреволюции!» — Старик грустно усмехнулся и развязал тесемки.

Конечно, никакой контрреволюции там не оказалось. Несколько листков, исписанных «фроати», обрывок бересты со странным рисунком...

«И вот еще, Юрий, — Родион Геннадиевич показал небольшой листок бумаги. — Они считают нас заговорщиками... В таком случае — это наш пароль. Храните до последней возможности, а потом — сожгите!»

Папку, просмотрев и запомнив кое-что наиболее интересное, Юрий отдал Терапевту. Сейчас она должна уже быть в Париже.

Пароль! Если б не обстоятельства их последней встречи, Орловский вволю б посмеялся над этой горькой шуткой. Беззащитный старик и несколько его учеников, писавших школьные учебники и учивших будущих учителей, которые оказались никому не нужны... В те дни Юрию впервые стало стыдно, что он русский.

Орловский ждал «Костю» с утра, но того все не было, и Юрий начал волноваться. Может, у этого улыбчивого метода такая — томить ожиданием? Внезапно подумалось, что «опекун» сегодня же заберет рукопись со списком древних заклинаний, и ему даже не удастся посидеть над ним, подумать... Время еще было, и Орловский быстро снял копию. Она уместилась на одном листке, густо исписанном с двух сторон.

— ...Ну, вижу, вижу, справились... — «Костя» широко улыбался, источая радушие. — Разобрали шифр-то?

— Это не шифр, — вздохнул Орловский. — Могу вас разочаровать: списков заговорщиков не обнаружилось, равно как явок, адресов типографий и карт укрепрайонов...

— Настроение у вас хорошее, это самое главное! — Энкавэдист вновь одарил Юрия улыбкой и присел к столу. — Карты укрепрайонов, Юрий Петрович, хранятся иным образом. Мне просто интересно было — все-таки наследие древних времен...

«Костя» продолжал бормотать, но глаза уже скользили по бумаге...

Тянулись минуты, «Костя» явно читал список уже не первый раз. Улыбка исчезла, глаза стали другими, осторожными, внимательными, словно он и вправду искал какой-то секрет.

— Юрий Петрович! — Улыбка вновь появилась на лице, но какая-то не та, робкая, чуть ли не просящая. — Вы... вы ведь не до конца расшифровали, да? Трудный шифр?

— Почему? Я выписал все заклинания. Вам нужны и комментарии?

— Нет-нет, — «Костя» закусил губу и еще раз посмотрел в список. — Там... Еще одно заклинание должно быть. Главное, которое...

Выходит, знал? Или знали те, кто прислал сюда этого «дхароведа»? Юрий вдруг почувствовал нечто, похожее на злорадство. Должно быть? Так ищите!

— Его здесь нет. Мне очень жаль, Константин. Могу вам все объяснить...

— Нет... Не надо...

«Костя» перевел дух, подумал, затем медленно проговорил, уже без всякой улыбки:

— Юрий Петрович! Поймите, это важное правительственное задание. В случае его выполнения срок вашего заключения будет сокращен, очень существенно сокращен, поверьте! Мне... Нам нужно «Заклинание-Ключ»... Я могу даже сказать, что в этом случае вам придется отбывать срок гораздо меньший — всего десять лет...

Теперь это походило на обыкновенное издевательство. Неужели он говорит всерьез? Но зачем *им* такая ерунда? Нет, что-то не так!

— Константин, если вы шутите, то это плохая шутка. Вы говорите с человеком, который фактически приговорен к пожизненному заключению. Обещаете помилование — за что? За образец дхарского фольклора? Извините, это несерьезно...

«Костя» молча встал, аккуратно вложил список в портфель и, не попрощавшись, вышел.

Прошло два дня. Казалось, о Юрии забыли, и он постарался выбросить нелепое происшествие из головы. Если это «тест на искренность», то он его выдержал — в рукописи не было «мэвиидхэ».

Орловский не удержался, еще раз перечитал главу и одну странность. Весь текст был построен так, что главное должно находиться в конце, и главным могло быть только «Заклинание-Ключ». Но ведь его там нет!

Юрий внимательно осмотрел страницы. Родион Геннадиевич писал на старых «обратках» разного размера. Последний лист главы был немного меньше предыдущего — сантиметра на три. Это могло оказаться случайностью, но что, если по листу прошлись ножницы? Нижний край имел еле заметные неровности. Может, на этих недостающих сантиметрах и были написаны две или даже одна строчка? Потомок дхармэ, Рох кна Гхели из рода Фроата, решил сберечь древнюю тайну, предчувствуя, что рукопись попадет в чужие руки. Он не ошибся — именно эта строчка отчего-то понадобилась агтелам из Большого Дома!

Юрий решил не спешить с выводами. Рано ли, поздно, но ему объяснят...

Все оказалось куда неожиданнее, чем он предполагал. На третий день энкавэдист пришел как ни в чем не бывало. На лице играла широкая улыбка, весь вид выражал благодушие:

— Соскучились, Юрий Петрович? Шучу, шучу, я человек маленький, что по мне скучать-то? А я, между прочим, все про вас думал. И вашими делами занимался. Вот, извольте видеть!

Жестом средней руки фокусника, достающего из шляпы кролика, «Костя» извлек из портфеля тоненькую кожаную папку.

— Прошу!

...Бланк с гербом. Большие буквы: «Президиум Верховного Совета СССР». Постановление о помиловании. «...С двадцати пяти до десяти лет без поражения в правах...» Подпись Калинина Юрий узнал сразу — часто приходилось видеть в газетах и на журнальных страницах...

— Вот, — повторил «Костя». — Ну, Юрий Петрович, теперь-то вы мне верите? Так что, поищем заклинание?

Орловский перевел дух. Как было бы просто, знай он этот дурацкий «Ключ»! Одна фраза, никому не нужная и не интересная, — и страшный «четвертак» превратится в «червонец». Тоже не сахар, но все же, все же...

И тут другая мысль, холодная и трезвая, заставила похолодеть. Пусть он мало что понимает в этом нелепом деле, ясно одно: опричникам в малиновых петлицах понадобилось старое заклинание. Они готовы платить. И он, Юрий Орловский, чуть не поддался! Несколько тюремных недель едва не заставили продаться с потрохами! А если через год от него потребуют фамилию Терапевта? Выходит, именно так становятся предателями?

— Мне очень жаль. — Голос, к счастью, звучал твердо. — В рукописи заклинания нет. Но у меня есть мысль...

Он открыл нужную страницу и принялся объяснять. «Костя» слушал, не перебивая, затем взял в руки страницу и принялся внимательно рассматривать.

— Вы же сами назвали гражданина Соломатина главным шаманом. Возможно, он решил скрыть «мэви-идхэ»...

«Костя» положил на стол конспект, написанный Орловским, и начал, не торопясь, сличать текст. Юрий охотно подсказывал, с каждой минутой чувствуя, что поступает верно. Хорошо, что старый учитель был так осторожен — хотя бы потому, что сумел разрушить неведомые планы Большого Дома. Прав Терапевт: не верить, не просить, не бояться... Нельзя верить этому улыбчивому, нельзя просить, даже о свободе. И — не бояться, как бы трудно это ни было!

— ...Похоже, вы правы... — «Костя» отложил бумагу и задумался. — Срезано, видать. Почуял, контра!.. Эх, Юрий Петрович! Вспомнили бы вы этот «Ключ»! Может, случайно слыхали? Вы

же с этим Соломатиным, вражиною, столько лет знакомы были. Вспомните, постарайтесь! Ведь важно это. Очень...

Орловский понял, что энкавэдист говорит всерьез, и не выдержал:

— Константин, послушайте! Я понимаю свое положение, но человек — существо разумное! Я не могу нормально соображать, если не пойму, зачем это нужно. Вы хотите, чтобы я вспомнил «мэви-идхэ», так объясните, зачем это вам? Все равно делиться мне не с кем...

И в самом деле! Пусть расскажет!

«Костя» заерзал на табурете.

— Ну, Юрий Петрович!.. Зачем вы так?

Орловский молчал. Энкавэдист вздохнул, покачал головой и внезапно заговорил другим тоном — спокойно и твердо:

— Я — полковник Главного Управления НКВД. Через несколько дней после вашего ареста меня вызвали к... очень высокому начальству и дали вашу разработку. То, чего хотели от вас и от меня, вы уже знаете. Зачем, мне не объяснили, у нас это, как вы догадываетесь, не принято. В средствах не ограничили — ограничили в сроках. Вот и все. Можете верить, можете — нет...

Это походило на правду. «Костя» не ограничен в средствах... Намек? Обратно в подземелье?

— Вот что... Вы, Юрий Петрович, напишите нечто вроде рапорта. Все про эту главу и про листок. А заодно подумайте, повспоминайте. Не может быть, чтобы вы ничего не знали. Попробуйте!

Полковник «Костя» терпеливо подождал, пока Юрий напишет требуемое, а затем откланялся, обещав зайти через пару дней. Он уже не улыбался. Очевидно, радушие более не требовалось.

Подумать Юрий был не прочь. Почему бы и нет? Значит, заклинание...

Орловский перелистал книгу Родиона Геннадиевича, затем открыл собственную рукопись о дхарском эпосе. Итак, тридцать два боевых заклинания, хранимые настолько бережно, что их перечень «дожил» до XX века. Хранимые — но с каких времен? Уже пять веков дхары не вели войн, не надо было защищать города от осады, разрезать строй врага, испепелять его войско. Выходит, заклинания старше? Но почему тогда герои эпоса ни разу не применяли ничего подобного? Орловский вспомнил, что говорилось в «Гэнхэну-цорху» о Фроате и его сыновьях. Их дружины рубили врагов мечами, дхарские богатыри выходили один на дюжину, «чуги»-оборотни рвали «мосхотов» на части, но ничего подобного «Горячему Ветру» или «Куполу Надежды» в эпосе не

было. Ранхай, последний гэгхэн, убил князя Сумха заколдованным Черным мечом, но он воспользовался магией Дхори Арха. Верховный дхармэ Рхас ничего не говорил своему владыке о заклинаниях. Значит, уже во времена Фроата и его сыновей они хранились в глубокой тайне? Но почему? Ведь речь шла о спасении дхарской свободы? Или причиной тому — ссора со старым жречеством? Но Ранхай был их другом...

Причина могла быть одна — уже пять веков назад жрецы-дхармэ были уверены, что заклинания бесполезны. Утратили силу? И все-таки их заботливо хранили...

Юрий вновь перелистал рукопись. Итак, Высокое Небо разгневалось на дхаров. Они лишились своего прежнего образа и уже не могли «стать светом». Может, тогда утратили силу и древние заклятья? Но все же учитель постарался спрятать «Заклинание-Ключ». Чего он опасался? Суеверие, дань традиции? Или причина куда более земная? Родион Геннадиевич ждет ареста. У него есть несколько дней, и он сжигает письма — у него была огромная переписка, — уничтожает лишние бумаги, в последний раз просматривает незаконченную рукопись... Берет ножницы и отрезает нижнюю часть страницы. Получается тонкий длинный листочек с одной-двумя строчками. Остается его сжечь. Он берет спички...

Стоп! Нет, учитель поступил иначе! Он договорился о встрече с Юрием и передал ему папку. Там было самое ценное, и среди прочего...

Небольшой листок бумаги! Строчка, написанная на «фроати»!.. «Они считают нас заговорщиками... В таком случае — это наш пароль...» Ну конечно! Листок как раз по размеру!

Орловский не выдержал и начал быстро ходить по камере, стараясь погасить волнение. «Костя» вновь оказался прав: он все-таки вспомнил. Но тогда получалось нечто определенное и ничуть не связанное со столь нелюбимой в Стране Советов «мистикой». Пароль! А что, если у дхаров существовала нелегальная группа? Умные честные ребята, чьих родственников депортировали, загнали в колхозы, в переполненные бараки «строек-гигантов»... Родион Геннадиевич действительно мог быть руководителем, ведь учитель имел подпольный опыт с начала века! И старое заклинание могло быть... могло стать паролем!

А затем — провал, все члены группы под угрозой ареста. Но, возможно, есть «кто-то» на периферии. Этот «кто-то» будет искать связи, Орловский — не член группы, но ему доверяют. Родион Геннадиевич решил рискнуть. Через некоторое время «кто-то» мог приехать в Столицу, найти Орловского и попросить показать бумаги, оставшиеся от учителя. Юрий показывает — тот видит пароль... Может, листок был знаком, что Юрию можно до-

верять? Вдруг Соломатин догадывался, что его ученик занимается не только дхарским эпосом? Обе группы могли бы наладить сотрудничество!..

Сердце отчаянно билось. Все становилось на свои места. Теперь ясно, почему штукари из Большого Дома стремятся любой ценой узнать «мэви-идхэ»! Дхарское подполье уцелело, и теперь им нужен этот «Ключ». Наверняка Орловский был не первым, кого расспрашивал «дхаровед в штатском», но никто в Столице не мог разобрать «фроати»...

А ведь он чуть не сдался! Будь это заклинание в рукописи, Юрий, пожалуй, сгоряча выписал бы его вместе с другими! Орловскому стало не по себе: все-таки его почти что сломали! Прогулки, библиотека, хорошие папиросы... Так мало нужно, чтобы купить человека!

Теперь «Заклинание-Ключ» далеко, а как далеко, ведает, пожалуй, лишь Терапевт. Это к лучшему, проще не знать. Но в душе уже проснулся азарт. Они, всеведущие ищейки из Большого Дома, не смогут добраться до «Великого Заклинания»! Не смогут... А он, ЗК Орловский, сможет!

Юрий вновь припомнил листок. Да, там была одна строчка — восемь слов. В свое время он прочел «пароль» несколько раз, но не уловил особого смысла и быстро забыл странную фразу, записанную знаками-муравьями. Но в памяти осталась странная музыка этих внешне бессмысленных слов. Они, казалось, были специально подобраны, чтобы «мэви-идхэ» звучало в необычной тональности. Спокойное строгое начало, резкое повышение тона — и короткий заключительный аккорд. Фразу связывал не смысл, а именно эта музыка. Орловскому внезапно подумалось, что первоначально заклинание вообще не требовало слов и только позже их подобрали, чтобы закрепить необычное звучание.

Оставалось вспомнить слова. Первое было общим для всех заклинаний: «мвэри» — «небо». Последнее он также помнил. Оно было необычным, не похожим на дхарское — «горг». Значит: «Мвэри... горг», а посреди еще шесть слов, шесть неизвестных. Впрочем, там было и слово «идхэ» — ключ, оно шло третьим... «Мвэри... идхэ... горг...»

Юрий никогда не жаловался на свою память. На далеком уже первом курсе он мог на спор запомнить слышанную единственный раз латинскую оду Горация. Память выручала, когда приходилось учить языки — на доскональное овладение дхарским понадобилось всего два года. Но теперь, когда требовалось вспомнить несколько слов, память, казалось, начала давать сбои. Юрий то ходил из угла в угол, то падал на узкую койку и накрывался с головой пахнущим дезинфекцией одеялом. Тщетно! «Великое Заклинание» не давалось, словно и вправду обладало неведомой

магической силой. «Мвэри... идхэ... горг...» «Мвэри... идхэ... горг...».

Орловский заставил себя выйти на прогулку, твердо решив в эти полчаса думать о чем угодно, но не о недоступной строчке. В этот день дождя не было, дул холодный сырой ветер, сквозь низкие тучи то и дело проглядывало блеклое солнце. Внезапно Юрий рассмеялся. Как же он мог забыть? «Эйсо» — «солнце»! Это слово было вторым! Орловский произнес про себя «мвэри эйсо идхэ» и тут же вспомнил предпоследнее слово. «Атурх» — «власть»...

Теперь он понял, что нужно делать. Не следовало напрягать память, слова придут сами, одно за другим. Наверное, каждый, кто читал или слышал Великое Заклинание, должен был запомнить его с одного раза. Фраза построена так, чтобы постепенно, слово за словом, всплывать в сознании...

...Еще два слова вынырнули из глубин памяти вечером. Орловский даже не старался запомнить их — фраза складывалась сама собой, кирпичики слов аккуратно укладывались в ровную кладку. Оставалось одно, последнее, но Юрий уже успокоился. Оно придет...

Он крепко уснул, а утром, едва открыв глаза, негромко произнес заклинание — все целиком. Все восемь кирпичиков стали на место. «Заклинание-Ключ»... Теперь, когда пришлось складывать его, словно мозаику, оно уже не казалось бессмысленным: «Небо, солнце... Ключ запретным звукам дарует власть... Иди!» Кажется, «горг» означало именно «иди» — устаревшая форма повелительного наклонения. «Горг» — и дальше следовало одно из заклинаний. Пароль жрецов-дхармэ, который, похоже, стал настоящим паролем последних дхаров...

Итак, он добился своего! Он переиграл «Костю» и теперь знает то, что неведомо Большому Дому. Даже если древняя фраза не пароль подполья, а лишь очередной «тест» в дьявольской игре, которую ведет с ним этот улыбчивый. Но в любом случае это победа — маленькая, крошечная, не дающая никаких шансов на успех...

Оставалось подумать о собственном будущем. Если Большой Дом и в самом деле нуждался в Орловском как в специалисте по дхарам, то Юрию еще придется обживать здешние стены в соседстве с такими же призраками, как он сам. Если же он им нужен только для поиска «мэви-идхэ», то последствия могут быть куда хуже. Он не выполнил задания, равно как не справился с заданием и его «опекун». Вероятно, «Костю» ждал выговор, а его самого? Конечно, сообщи он сейчас «Великое Заклинание», будущее стало бы куда определеннее, но теперь даже мысль об этом казалась Юрию невозможной. Не верить, не просить, не бояться...

Орловский снова не угадал. Он ждал либо нового визита «Кости» с обычными уговорами и просьбами «вспомнить» или «подумать», либо вызова в канцелярию и отправки куда-нибудь за Байкал, где ему надлежит отбывать оставшиеся двадцать четыре года и одиннадцать месяцев с копейками. О худшем Орловский старался не думать: может, все же повезет. Вышло же нечто совершенно неожиданное.

На пятый день после очередного визита «Кости», ближе к полудню, дверь растворилась, но вместо улыбчивого полковника НКВД на пороге оказался хмурый надзиратель, который молча окинул взором камеру и коротко бросил: «Тут!» Откуда-то появился второй вертухай, такой же хмурый, и молча поставил на пол большой чемодан. Затем первый на миг исчез, появившись вновь с парой начищенных до блеска сапог. Сапоги заняли место у порога, вертухаи переглянулись, и дверь с грохотом закрылась.

Юрий осторожно обошел принесенные вещи, стараясь не приближаться слишком близко. Чемодан, на вид тяжелый, дорогой кожи, почему-то мало заинтересовал. Зато поразили сапоги: яловые, нагло блестящие, они так и просились куда-нибудь на плац. Что это? Местный эквивалент комнатных тапочек? О чемодане не хотелось и думать. С таким полагалось либо ездить в загранкомандировку, либо транспортировать в нем самодельную «адскую машину».

— ...А, принесли уже! — «Костя» появился со своей обычной улыбкой, словно пополнив за эти дни истраченный запас оптимизма. — Добрый день, Юрий Петрович! Погодка-то. Солнышко!..

Юрий еле нашел в себе силы, чтобы поздороваться, настолько хотелось поинтересоваться смыслом происходящего. Впрочем, энкавэдист поспешил пояснить все сам:

— Любуетесь? Да, знатные сапожки! Индивидуальный пошив, только для комсостава Главного Управления...

Мелькнула догадка: «Костя» начал день с того, что заехал в мастерскую за новыми сапогами. Такое, в общем, было не столь уж невозможным. Все мы люди, все человеки, даже полковники Главного Управления.

— Но вы же не все видели!

«Костя» осторожно поставил чемодан прямо на стол и щелкнул замком.

Форма... Новенькая, только что из-под утюга. Дорогое зеленое сукно, малиновые петлицы. Две шпалы — майор...

— Константин, извините, вас что, разжаловали? Почему — майор?

На этот раз «Костя» смеялся не меньше двух минут. Наконец всхлипнул и махнул рукой:

— Ну, Юрий Петрович! Ну, уморили! Это хорошо, что с чувством юмора у вас все в порядке. Пригодится...

Намек? Значит, все-таки с ним что-то решено?

— Ну-ка, примерьте! — Энкавэдист уже доставал гимнастерку, осторожно придерживая, чтобы не дай бог не замять.

— Простите, я вас, кажется, не понял. Зачем?

— Как зачем? — «Костя», похоже, решил вновь посмеяться, но раздумал: — Как зачем, Юрий Петрович? Форма-то — ваша!..

ГЛАВА 8

«АИДА»

Бывшему селькору Прохору Карабаеву определенно не везло. Лейтенант не попал в театр — ни в субботу, ни в воскресенье. Отчасти виною был он сам. Именно после поездки сибиряка в Тамбов и Минск события начали разворачиваться столь стремительно, что маленькая группа старшего лейтенанта Сергея Пустельги потеряла счет времени.

Началось все весьма прозаично. Эксперты, на этот раз необыкновенно оперативно, подтвердили, что взрывчатка, разнесшая квартиру на Мещанской, была именно та, что выпускалась в Тамбове — «Кама-3 ОС». Партия этой взрывчатки вместе с сорока взрывателями «СЧН — 14 Э» была выписана по распоряжению товарища Фриневского для нужд батальона ОСНАЗа при Главном Управлении, которым командовал полковник Кривцов.

Пустельга послал Ахилло к полковнику, и тот вернулся с оформленным по всем правилам актом, удостоверявшим, что взрыватели и взрывчатка использованы по назначению. Первым засомневался Прохор. Он долго морщил лоб, а затем положил рядом оба акта: свежий, полковника Кривцова, и тот, что привез из Минска. Получалось нечто странное — диверсионная школа ОСНАЗа, готовившая кадры для всего Союза, не смогла оприходовать сорок взрывателей, а батальон Кривцова, выезжавший в летние лагеря всего на две недели, справился с этим без всяких затруднений. Конечно, все могло быть, особенно в Главном Управлений, но Сергей послал Ахилло к знакомому капитану, который летом выполнял обязанности заместителя начальника сборов.

Михаил вернулся скоро, приведя капитана с собой. Тут уж пришлось удивиться Сергею. Батальон Кривцова действительно проводил занятия по диверсионной подготовке. Они длились три дня — и завершились совершенно неожиданным образом. Палатка, в которой хранились боеприпасы, взлетела на воздух. Часовой, по невероятной случайности, отделался испугом, но капи-

тан, как раз дежуривший в тот день, не преминул составить рапорт и был впоследствии весьма удивлен, отчего о ЧП, редком для ОСНАЗа, даже не вспомнили.

Через час рапорт уже лежал на столе у Сергея. Он был написан на имя Фриневского. Замнаркома читал его: красный карандаш небрежно вывел резолюцию: «В архив»...

...На следующее утро весь Большой Дом гудел. Нарком подписал приказ об отстранении полковника Кривцова от должности. В помощь группе Пустельги были приданы четыре следователя, которые начали раскручивать это невероятное дело. Вскоре Кривцов был арестован, за ним последовал бывший начальник сборов и особист батальона...

За плотно зашторенными окнами давно плавали осенние сумерки, под высоким потолком роились облака сизого дыма, а свет ламп уже начал утомлять глаза.

— Что мы имеем, товарищи? — устало проговорил Пустельга.

На столе лежали свежие протоколы. Последний из них, запись допроса Кривцова, Ахилло еще дочитывал.

— Занятная картинка, — Михаил оторвался от бумаг и почесал подбородок. — Накрутили, славяне...

— Вредительством пахнет, — неодобрительно добавил Прохор. — Раз — и весь боезапас сборов дымом пошел. И хоть бы кто проверил, чего в той палатке было!.. А ведь на Мещанской и взрывчатка та, и взрыватель...

— Верно, — кивнул Пустельга.

— Отец-командир! — Ахилло поднял руку, словно школьник, желающий ответить. — Дозвольте выступить, как адвокату дьявола...

— В каком смысле? — не понял Сергей. Михаил хмыкнул:

— У католиков при канонизации очередного святого обязательно присутствует некто в должности «адвоката дьявола» — для поисков доказательств «против». Очень полезная должность! Так вот, в данном случае...

Улыбка исчезла, Ахилло быстро сложил стопкой несколько листков:

— Факт первый. Полковник Кривцов и бывший начальник сборов — приятели еще по гражданской войне, тот мог просто покрывать дружка. Факт второй: начальник лаборатории экспертизы — тоже давний знакомый Кривцова. Халатность, кумовство — но вредительством и тем более шпионажем не пахнет...

— Ага, — не выдержал Прохор. — А взрыватель?

— Нелогично! Будь кто-либо из них вражеским агентом, он не стал бы прятать концы в воду. Зачем? Умнее затеять громкое рас-

следование, все свалить на стрелочника... А еще лучше обойтись вовсе без взрыва. Составить один ложный акт — и поди проверь...

— Значит?.. — В рассуждениях «адвоката дьявола» была логика.

— Да ничего не значит! — Ахилло в сердцах махнул рукой. — Я вам сейчас выдам сколько угодно версий. Первое — хищение и взрыв организовал кто-то посторонний, не из хозяйства Кривцова. В лагерях всегда крутятся люди, там рыбалка шикарная... Второе — взрыватель похитили в Минске, предварительно списав по акту, а взрыв устроили для отвлечения внимания. Третье — то же проделали в Тамбове...

Карабаев явно страдал — результаты его расследования ставились под сомнение самым беспардонным образом. Впрочем, Ахилло успел заметить и это:

— Прохор! Товарищ лейтенант! Не во грех вам, да и всем нам... Против нас работает группа очень умных и талантливых врагов. У меня, честно говоря, такое впечатление, что этих дураков, и прежде всего Кривцова, нам подкинули! Как и с Корфом...

— А чего — с Корфом?.. — буркнул Прохор. Но, похоже, этот аргумент подействовал.

Сергей растерялся. Все эти дни думалось, что он вышел на верный след, а оказывается, даже его подчиненные готовы оспорить очевидное.

— Товарищи! — не выдержал он. — Давайте не увлекаться. Все ваши версии, Михаил, имели бы право на существование, но у нас есть данные Иностранного отдела. Не в Минске, не в Тамбове, а у нас работает Кадудаль. У нас была уничтожена группа Айзенберга. Получается цепочка! Кривцов связан с начальником сборов и с начальником лаборатории экспертизы. А наверху его покрывает...

— Товарищ Фриневский, — Ахилло невесело усмехнулся. — Сергей, не туда рулим!

Выходило и в самом деле скверно. Товарищ Фриневский был сотрудником ЧК с декабря 17-го... Однако и враг народа Ягода, бывший нарком, был не просто членом партии с дореволюционным стажем, но и родственником самого Якова Михайловича Свердлова!

— Ну, если так... — Ахилло развел руками, как бы соглашаясь с неизбежным. — Кто из этой шайки тянет на Кадудаля? Кривцов? Начальник лаборатории?

Михаил, похоже, вновь вносил вирус сомнения. Но Пустельга уже знал, как ответить на этот вопрос:

— Кадудаль знал о готовящейся акции против Тургула. Он не из Иностранного отдела, потому что в этом случае вся наша заграничная сеть уже сгорела бы. Значит, он узнал о плане похищения генерала на коллегии комиссариата...

Фамилию Пустельга так и не назвал. Может быть, потому, что товарищ Фриневский всегда хорошо относился к нему.

...Два дня Сергей не решался. Он вспоминал язвительные замечания Ахилло, понимая, что тот в чем-то прав. Кадудаль мог узнать об акции против Тургула от секретарши, машинистки, услышать в буфете... Но совпадение было слишком разительным. В конце концов Пустельга заперся в кабинете и написал рапорт на имя народного комиссара. В трех абзацах были оговорки, сомнения — но в четвертом черным по белому стояла фамилия Фриневского. В среду вечером рапорт был уже в приемной Ежова.

Утром в четверг настроение было нерабочим. Дело о взрыве было передано следственному отделу. А вот что делать дальше, Пустельга не очень представлял.

Положение спас Ахилло, предложивший устроить лейтенанту Карабаеву экзамен по роману Виктора Гюго. В суматохе последних дней Сергей успел забыть о собственном приказе, но охотно ухватился за эту идею. Напротив, Прохору подобная мысль явно не пришлась по душе. Похоже, литературные штудии не увлекали молодого сотрудника.

Сергей усадил всех за стол, поудобнее устроился сам и, наставительно взглянув на Прохора, начал:

— Итак, обменяемся соображениями. Товарищ лейтенант, вы прочитали роман?

В глубине души Пустельга ощущал нечто, похожее на угрызение совести. Сам он даже не заглянул в бессмертное творение Виктора Гюго да и, честно говоря, не очень верил в подобные психологические эксперименты.

— Ну, прочитал... Так точно... — тяжело вздохнул сибиряк.

— И что скажете?

— Ну... Виктор Гюго — прогрессивный французский писатель прошлого века. Боролся с этой... реакцией, но недооценивал роль классовой борьбы...

— В самую точку, товарищ лейтенант, — ввернул Ахилло. — Ой, недооценивал!

— Михаил! — строго произнес Пустельга. Ахилло смолк.

— Был политическим эмигрантом... Роман «93-й год» написал, борясь с монархистами в период так называемой Третьей Республики...

Сергей представил, как усидчивый Прохор конспектирует предисловие к роману. Зрелище выходило мрачным.

— В романе «93-й год» речь идет о событиях Французской буржуазной революции...

— Великой французской... — вновь не сдержался Ахилло.

— Товарищ старший лейтенант! — голос Карабаева внезапно

окреп. — Наш вождь и учитель товарищ Сталин пишет, что французская революция в силу ее буржуазной сущности не может называться великой. Великой является только одна революция — Великая Октябрьская социалистическая...

Ай да Прохор! Пустельга был рад, что излишне нахальный орденоносец получил подобный щелчок. Карабаев же, разгромив оппонента идеологически, вновь вздохнул и продолжил:

— В романе говорится о борьбе с местной контрой. Начинается все с отплытия шпионского корабля под названием...

— Стоп! — Перспектива выслушивать содержание книги в пересказе бывшего селькора не вдохновляла. — Прохор, мы же не на уроке! Вот Лантенак... Что вы о нем скажете?

Карабаев на миг замялся, а затем проговорил четко и без заминки:

— Лантенак не имеет возраста. Лантенак — чужой. Лантенак призывает англичан. Лантенак — это иноземное вторжение. Лантенак — враг родины. Наш поединок может кончиться лишь его или моей смертью...

— «Запомни, Говэн, эти слова», — негромко добавил Ахилло, и тут только Сергей сообразил, что Карабаев дословно цитирует текст романа. На память лейтенанту жаловаться не приходилось.

— Вот! — обрадованно воскликнул Пустельга, сожалея, что сам не перечитал книгу. — Как вы думаете, почему глава «Вандеи» назвал себя Лантенаком?

— Да не понял я! — покачал головой Прохор. — Ведь чего получается, товарищ старший лейтенант? Ну будь я, к примеру, контрой и надо мне выбрать кличку. Так я подобрал бы мужика правильного, героического...

— В точку, Прохор! — подхватил Ахилло, но после предостерегающего жеста Пустельги послушно умолк.

— Лантенак... Он ведь этот... отрицательный персонаж, так? — Приободренный Карабаев немного оживился. — Чего товарищ Гюго пишет? Лантенак женщин расстреливает, детей сжигает... А чем кончилось? Племянник вместо него под высшую меру пошел, а он и не отказался, будто не сам согрешил! Не, не хотелось бы мне Лантенаком называться, будь я даже самая контра!..

Пустельга удивился — он не ждал от Прохора подобных рассуждений. Зато Ахилло был с ним вполне согласен:

— Правильно, товарищ лейтенант! Ведь если верить донесениям Тургула, участники «Вандеи» носят клички, взятые из реальной истории. И только руководитель — почему-то имя литературного персонажа, вдобавок весьма неприятного. Да нас просто дразнят!

— Издеваются, сволочи! — согласился сибиряк. — Еще бы Красными Шапочками назвались!

Сделав такое умозаключение, лейтенант вновь нахмурился.

— Но ведь «Вандея» существует, — неуверенно возразил Пустельга. — Существует — и действует!

— Существует какая-то очень активная нелегальная группа, — кивнул Ахилло. — Которая прекрасно проводит операцию прикрытия...

— «Вандея» существует, — повторил Сергей. Скепсис Михаила-Микаэля начинал его раздражать. — Существуют Лантенак, Фротто, Кадудаль. Будем исходить из этого. Будем искать...

— Пятилетку — в четыре года, — пробормотал Ахилло, но Сергей сделал вид, что не расслышал.

Совещание явно застопорилось. Пустельга уже хотел было перевести разговор на неуловимую группу Фротто, как вдруг негромко звякнул телефон. Сергей поднял трубку:

— Пустельга слушает!

— Сергей Павлович, это вы?

Голос был женский. От неожиданности Сергей даже привстал:

— Да, это я. А кто...

— Сергей Павлович, это Вера. Вера Лапина. Я хотела... Хотела поблагодарить вас. Вы... Спасибо вам! Я... Извините, у меня нет нужных слов... Я...

...В трубке давно гудел отбой в трубке, но Пустельга медлил, все еще сжимая ее в руке.

— ...Нет, все в порядке...

Кажется, Ахилло о чем-то спрашивал, но Пустельга даже не расслышал. Он наконец повесил трубку и понял, что рабочее настроение сгинуло окончательно. Надо сначала разобраться с нелепым звонком...

— Товарищ лейтенант, вы... Вам, кажется, надо было в следственный отдел.

Карабаев обиженно засопел:

— Не надо мне в следственный отдел, я и так выйду...

Вот черт! Не хватало еще, чтобы парень обиделся. Но не мог же Сергей посвящать лейтенанта в эту историю!

— Что? Волков? — резко бросил Михаил, когда за обиженным сибиряком закрылась дверь. Пустельга помотал головой, не зная, с чего начать.

— Нет... Михаил, извините меня. Я задам дурацкий вопрос...

— Ну, дурацкий вопрос — это не страшно, — Ахилло, похоже, немного успокоился.

— Когда вы передавали документы Лапиной, вы случайно не упомянули мою фамилию? Может, обмолвились?..

Ахилло ответил не сразу. Сергей вдруг сообразил, что задавать такой вопрос опытному работнику Главного Управления, на счету у которого несколько лично проведенных операций, по меньшей мере бестактно.

— Товарищ старший лейтенант, я передал документы гражданке Лапиной на следующий день после нашего разговора. Мы встретились в ее гримуборной, в театре. Посторонних при встрече не было. То, что я работаю в органах, гражданка Лапина, естественно, не знает. Я передал ей документы и настоятельно посоветовал никогда больше об этой истории не вспоминать. Ни вашей, ни какой-либо иной фамилии я не называл. Могу описать встречу по минутам...

Ну вот, и этот обиделся. Но ведь актриса откуда-то узнала о нем!

— Михаил, я же вам говорил, что вопрос будет дурацким! Не обижайтесь. Скверная это история...

Ахилло вопросительно посмотрел на него, но Пустельга не стал ничего пояснять. На душе было мерзко. Этого звонка не должно было быть! А если он все-таки случился, значит, начиналась какая-то игра, в которую Сергею играть очень не хотелось...

Настроение было испорчено, причем надолго. Следующий день не прибавил оптимизма. Сергея вызвали к наркому.

У Ежова он застал нескольких начальников отделов и двух заместителей, включая товарища Фриневского. Нарком вяло поблагодарил Пустельгу за проведенное расследование и умолк, не сказав больше ни слова. Зато говорили другие. Как и ожидалось, арест и отстранение ряда опытных сотрудников не добавили Сергею популярности. От Пустельги требовали прямых доказательств, что кто-то из арестованных — агент «Вандеи». Сергей вновь услышал знакомые слова о машинистке, секретарше или курьере — в предательство кого-либо из опытных работников никто верить не хотел.

Фриневский не проронил ни слова и просидел все совещание отвернувшись. Сергей понял, что тот уже знаком с его рапортом...

А между тем в Столице продолжали происходить странные события. Еще одна группа подозреваемых сумела уйти из-под ареста. За одним из них следили, но беглец сумел уйти буквально из-под носа. Не лучшими были новости из Франции. Иностранный отдел информировал, что в парижских газетах продолжают появляться публикации о репрессиях в СССР, причем авторы располагают самой достоверной и подробной информацией. Особенно опасной была статья, где освещались подробности процесса над

Каменевым и Зиновьевым. По непроверенным данным, готовилась к печати книга, в которой ожидалось нечто еще более опасное.

В довершение всего от Пустельги потребовали отчета о поимке Корфа. Таинственный беглец был, по общему мнению, главным организатором взрыва на Мещанской...

С совещания Пустельга вернулся взмокший. Дело не ладилось. Сергей сел за составление запроса в Ленинградское управление по поводу подозрительных аварий на заводах, отправил Ахилло разбираться с бежавшими инженерами и зашел в Иностранный отдел, но ничего нового узнать не удалось. Заместитель начальника, высокий седой альбинос с совершенно русским именем-отчеством Василий Ксенофонтович, угостил Пустельгу чаем и долго уверял старшего лейтенанта, что все необходимое делается. Двое опытных работников посланы в Португалию, чтобы найти исчезнувшего Тургула, еще один командирован в Харбин. Увы, результатов пока нет...

Ахилло вернулся к вечеру и на расспросы только махнул рукой. Дело оказалось хуже, чем выглядело в сводках. Будущие жертвы были осведомлены не только об аресте, но знали даже его сроки. Им удалось уничтожить все документы, попрощаться со знакомыми и даже забрать кое-что из вещей. Почти всех забирала машина — большое черное авто без номеров. Однако ни сотрудники НКВД, ни автоинспекция ничего не смогли узнать о таинственном автомобиле.

Тот, кто бежал из-под слежки, молодой сотрудник конструкторского бюро недавно арестованного Туполева, вовсе не бежал. Он просто вошел в подъезд и сгинул. Ни на крыше, ни в других подъездах, ни на улице обнаружить беглеца не удалось.

Выходило нечто странное. За это время исчезло несколько десятков человек, и никто их них не был найден, более того, не объявился за границей, куда они все якобы были переправлены. Выходит, их действительно прятали? Но где? В исчезнувшем Доме полярников? Сергей не выдержал и направил Карабаева в экономический отдел, где в свое время расследовали дикую историю с пропавшим домом, но лейтенанта вновь не подпустили к делу, более того, посоветовали не заниматься Домом полярников, а лучше вообще выкинуть его из головы...

Это было уже чересчур. Пустельга швырнул на стол очередную папку с документами и потянулся к лежавшей на столе пачке «Казбека», оставленной Михаилом. Пальцы сжали папиросу, но он все же сдержался и аккуратно положил ее на место. Курево не поможет. Просто он не справляется. И точка!

Пустельга подождал, пока его сотрудники займут привычные места за столом, и нерешительно начал:

— Товарищи, я хотел вам сказать... В общем, не получается у меня! Как посоветуете: может, написать рапорт?

— Прекратите, Сергей, — поморщился Ахилло. — Не справляетесь! Мы, между прочим, тоже не справляемся! И покойный Айзенберг...

— И весь наркомат, — добавил Прохор. — Так чего, всем нам в библиотекари идти?

Странная фраза лейтенанта Карабаева могла объясняться только впечатлением, оставленным чтением романа Виктора Гюго...

— «Вандею» разрабатывают не один месяц, — продолжал Ахилло. — Тут нужен не только ум, но и крепкие нервы. Вы же занимались резидентурой, Сергей! Вспомните: вы посылаете агента и ждете. Неделю, месяц, полгода...

— Это другое дело, — покачал головой Пустельга. — Вражеская банда орудует прямо под боком, а мы... А я... как слепой!

— И ничего вы не слепой, Сергей Павлович, — рассудительно заметил Прохор. — Это вы от усталости. По себе знаю. Как переработаюсь, все кажется, что обратно в участковые пора.

— Пусть вас успокоит одно соображение, — хмыкнул Михаил. — Если вас сменят, то на ваше место могут назначить человека из «Вандеи». Так что в любом случае лучше остаться...

Шутка была невеселой, да и шутил ли Ахилло?

— Встряхнуться надо, — продолжал Карабаев. — Я сегодня в театральную кассу зашел. Насчет Большого...

— Взяли, Прохор? — оживился Сергей. Приятно было подумать о чем-нибудь, не имеющем отношения к службе, — особенно о театре.

— Ага, три билета, на воскресенье. Опера.

— А на что? — заинтересовался Ахилло. — Что-нибудь новое?

— Опера... — Карабаев замялся. — Прогрессивного итальянского композитора Джузеппе Верди. Посвящена национально-освободительной борьбе народов Африки против древнеегипетской агрессии...

— На «Аиду»? — огорчился Михаил. — Ну, Прохор! Ну хоть бы со мной посоветовались!

— А в чем дело? — удивился Пустельга. — Вам «Аида» не по вкусу?

— Да по вкусу мне «Аида»! Сергей, это очень старый спектакль. Декорации разваливаются, поет второй состав, а то и третий. Мы же Большой даже не почувствуем!

— И очень даже почувствуем, — упрямо возразил Прохор. — Я справки навел. В этом третьем составе поют выпускники этой, как его... Ну, где учат...

— Консерватории, — подсказал Сергей.

— Точно. У них голоса — не хуже, чем у прочих, просто их не пускают никуда. Давят молодежь!..

Да, лейтенант Карабаев явно был человеком дотошным! Даже Ахилло больше не возражал. Пустельга же, ни разу не слушавший «Аиду» в Большом, и вовсе не смущался старыми декорациями. Он вспомнил Ташкент, редкие гастроли третьеразрядных исполнителей, жалкую самодеятельность... «Аида» в Большом по сравнению с этим казалась чем-то недостижимым.

...Конец недели оказался неожиданно спокойным. Пустельгу никто не торопил, более того, его вновь пригласил Ежов и намекнул, что спешка в подобном деле едва ли необходима. Нарком обещал помощь — какая только потребуется.

...Перемена тона была разительна. Не иначе, кто-то всесильный заставил нетерпеливое начальство оставить в покое руководителя группы «Вандея».

В субботу перед самым окончанием рабочего дня Пустельгу вызвали в хозяйственное управление, сообщив, что ордер на квартиру он сможет получить в следующий вторник. Новость сразу же подняла настроение. Получить квартиру в его возрасте и звании, да еще после неполного месяца службы в Столице!

Про квартиру он решил пока никому не говорить, чтобы сразу же пригласить своих сотрудников на новоселье. В общем, к воскресенью Сергей чувствовал себя и вовсе неплохо.

В отличие от мхатовской премьеры, «Аида» не вызвала наплыва зрителей. В основном сюда пришли те, кого случайно занесло в Столицу: командированные, иногородние студенты, мелкая провинциальная интеллигенция. Вызолоченные, отделанные бархатом ложи были пусты, народ теснился на галерке, где билеты подешевле; первые ряды были также почти свободны. Сергея, впрочем, это не смутило: Большой оставался Большим.

В зале начал медленно гаснуть свет, из оркестровой ямы неслись звуки настраиваемых инструментов, когда Ахилло, уже несколько минут оглядывавший зал в поисках знакомых, внезапно хмыкнул:

— Отец-командир, взгляните! Ложа справа...

Сергей обернулся. Темнота уже окутывала зал, но он успел заметить бледное знакомое лицо, руку, лежавшую на барьере... Человек казался призраком, медленно исчезающим в подступавшей тьме.

— Бертяев! — Пустельга даже привстал. — Не может быть!

— Почему — не может? — удивился Михаил. — Он обожает «Аиду». Ни одной постановки не пропускает... Эге, да он не один!..

Любопытствовать не было времени — оркестр заиграл увер-

тюру, тонко запели скрипки, огромный занавес, украшенный золотыми гербами Союза, медленно пополз вверх...

Пели, вопреки всем опасениям, неплохо. Дотошный Карабаев в очередной раз оказался прав: исполнители были молоды и красивы, ничуть не напоминая тучных старцев и старух, изображающих на сцене пылких влюбленных. Впрочем, сравнивать Пустельге было почти что не с чем. Он лишь однажды слушал «Аиду» в Харькове, где гастролировала какая-то провинциальная труппа. О бывшем селькоре не приходилось и говорить. Прохор слушал серьезно, чуть нахмурясь, словно присутствовал на важном допросе.

Ударил фанфарный марш. Сергей, всегда испытывавший волнение от громкого, надмирного голоса труб, откинулся на спинку кресла, и тут его взгляд скользнул вправо, в сторону бертяевской ложи. Он вновь увидел драматурга. Тот сидел, возвышаясь над невысоким креслом, красивое лицо по-прежнему казалось бесстрастным и спокойным... Впрочем, Сергея удивило нечто иное. Ахилло не ошибся: Афанасий Михайлович пришел на спектакль не один...

...Она была все в том же темном платье, и лицо ее казалось таким же невозмутимым и холодным... Пустельга поспешил отвернуться. Наверное, та, которую он встретил на мхатовской премьере, тоже была любительницей «Аиды».

В антракте Ахилло принялся допрашивать Прохора по поводу классовой сущности музыки Верди. Карабаев с самым серьезным видом осудил мелкобуржуазную ограниченность великого драматурга, игнорировавшего пролетарский мелос и передавшего «Аиду» для исполнения в момент открытия Суэцкого канала, очередной затеи мирового империализма. Пустельге внезапно почудилось, что его подчиненные просто подшучивают — и вовсе не друг на другом...

Внезапно в фойе прямо перед ними появилась знакомая высокая фигура. Бертяев медленно шел по проходу, опираясь на массивную трость. А рядом с ним...

— Ага! — удовлетворенно заметил Ахилло. — Желаете познакомиться, товарищи? — И, не дожидаясь ответа, шагнул вперед.

— Микаэль, вы? — На бесстрастном лице Бертяева внезапно появилась улыбка.

— Так и знал, что вас встречу! — Ахилло заговорщицки усмехнулся. — Вы же вроде старосты в клубе поклонников «Аиды»!.. Афанасий Михайлович, это мои коллеги...

Последовало представление. Каждый был удостоен короткой улыбки и крепкого рукопожатия. Затем Бертяев обернулся:

— Товарищи, прошу знакомиться. Артамонова Виктория Николаевна...

Ахилло шаркнул ногой, словно старосветский жуир прошлого века, и внезапно, к крайнему смущению Сергея, приложился к ручке. Впрочем, Виктория Николаевна вовсе не была смущена. Снова улыбка, и вот ее рука протянулась к Пустельге.

— С-сергей... — Он вновь почувствовал себя не в своей тарелке.

— Лейтенант Карабаев! — Прохор, став по стойке «смирно», щелкнул каблуками. Пустельга мысленно обозвал себя растяпой. Даже представиться как следует не сумел!..

— Сергей Павлович, вы, если не ошибаюсь, командир Микаэля?

Этого вопроса Пустельга не ожидал. Выходит, Бертяев знает о нем, ведь своего имени-отчества Сергей не называл!

— Когда Микаэль узнал, что у него будет новый командир, то собирался проситься обратно в театр...

Виктория Николаевна с улыбкой переводила взгляд с довольного Ахилло на растерянного Пустельгу. Сергей вздохнул: с ним шутили. Надо отвечать.

— Ну, Афанасий Михайлович... Виктория Николаевна... Старший лейтенант Ахилло преувеличивает. Я, конечно, суров, зато — справедлив. Сорок минут физзарядки, чистка сапог непосредственному начальству...

Казарменный непритязательный юмор был воспринят благосклонно. Сергей представил, как выглядит со стороны: провинциальный бурбон, которому по нелепой случайности выпало командовать рафинированным душкой Микаэлем...

— Никогда не любил физзарядку, — покачал головой Бертяев. — Вы, Сергей Павлович, не глумитесь особо над Микаэлем. Он — натура тонкая, ранимая...

«Ранимая натура» Микаэль-Михаил испустил томный вздох.

— Хорошо, — Пустельга мобилизовал все свое чувство юмора. — Но вы же понимаете, товарищи, служба — она порядка требует. Так сказать, хоть безобразно, зато единообразно.

Снова улыбки. Сергей покрылся потом. Он знал, как допрашивать интеллигентов, как вербовать. Но вести легкую беседу...

— Я... Мы с Михаилом были на премьере «Кутаиса». Мне... Нам очень понравилось.

— Вот как? — Брови Бертяева взметнулись вверх. — Это очень серьезное признание, Сергей Павлович! Ну, раз вы так глубоко завязли, то приходите как-нибудь ко мне, все втроем... Побеседуем.

— Товарищ Бертяев! Вашей пьесы не видел, виноват. Был в командировке! — внезапно выпалил Прохор. — Мне... можно будет прийти?

— Тяжелый случай! — с самым серьезным видом вздохнул

Афанасий Михайлович. — Вам, лейтенант Карабаев, придется выслушать пьесу в авторском исполнении. Сочувствую!..

— Ничего, товарищ Бертяев, — охотно отозвался сибиряк. — Я недавно целый роман прочел! За пять дней!

— Преклоняюсь!

Драматург крепко пожал руку лейтенанту. Тот усмехнулся в ответ, и Пустельга понял, что бывший селькор прекрасно умеет входить в доверие — даже к подобной рафинированной публике.

Сергей попрощался молча. Ему вдруг показалось, что Бертяев и Виктория Николаевна обменялись быстрыми, еле заметными взглядами. Кажется, Ахилло не преминул кое-что рассказать о нем...

— Прохор, как вам Бертяев? — полюбопытствовал Ахилло. Мнением Сергея он почему-то интересоваться не стал.

— Серьезный мужик, — отозвался лейтенант. — Сильный.

— Почему — серьезный? — удивился Пустельга. — Он ведь шутит все время!

— Серьезный, — упрямо повторил Карабаев. — А шутит — это от силы, цену себе знает... Вон с какой гражданкой в театр пошел!

— Тут вы ошибаетесь, — покачал головой Микаэль-Михаил. — Виктория Николаевна — жена его друга. Он ведь старше ее лет на двадцать!

— Так я ведь не о том! — пожал плечами Прохор. — Просто человек себе цену знает — с некрасивой в театр не ходит. И одет... Сильный мужик!

Пустельге внезапно показалось, что весь этот достаточно нелепый разговор ведется исключительно в расчете на слушателя — на него самого. Сергею Бертяев понравился. Конечно, не из-за фрака, который так запомнился Прохору. То, что простая душа Карабаев называл «силой», было скорее чувством собственного достоинства. Такое встречалось редко, особенно среди интеллигентской публики, живо чувствующей свою классовую неполноценность.

...О Виктории Николаевне Сергей старался не думать. Она сразу поняла, с кем имеет дело. До него снизошли — вежливо, как и полагается интеллигентным людям. А он начал плести что-то про физзарядку и сапоги!.. Вот Прохор — молодец: держал паузу, а затем — сразу на контакт!

Пустельга внезапно представил себе, что ему надо войти в доверие к Бертяеву и... к Виктории Николаевне. Не «по жизни», а по долгу службы. Дело привычное: продумать собственный «образ», просчитать возможные варианты беседы. Больше говорить о самом «объекте», особенно в начале знакомства, не смущаться, любую неловкость обращать в шутку. И — улыбка, обязательная улыбка!.. Странно, почему ему не пришло в голову воспользо-

ваться чем-нибудь из многолетнего опыта? Может, потому, что, «сыграй» Сергей при подобном знакомстве, — и ему не изжить чувства, будто он на очередном задании...

Финал «Аиды» почему-то расстроил. Темное подземелье, замурованный вход, могильное молчание за каменной кладкой... Вспомнилась ночь на Донском кладбище, разрытая могила, треснувшая крышка полуистлевшего гроба. Сергея передернуло. Он вдруг представил, как тот, кого похоронили в далеком 21-м, просыпается в тесном гробу, сжимая в руке странный кристалл, покрытый неведомыми надписями. Красная призма начинает светиться, буквы-муравьи наливаются живым огнем, освещая мертвую могильную тьму...

Зал аплодировал долго. Были цветы, актеров вызывали на поклон, и даже Микаэль-Михаил поспешил на сцену с неизвестно откуда взявшимся букетом. Прохор казался по-прежнему очень серьезным, но сквозь эту мину явно проглядывало удовлетворение. С билетами сибиряк не оплошал и не зря рекомендовал старшим товарищам произведение прогрессивного итальянского композитора.

В гардеробе Пустельга то и дело оглядывал толпу, надеясь заметить своих новых знакомых. Но ни Бертяева, ни Виктории Николаевны не было, словно сегодняшняя встреча лишь привиделась Сергею.

До общежития он добрался за полночь. Долгая дорога уже не раздражала. Было время подумать об увиденном, а кроме того, Сергею осталось ночевать здесь не более нескольких дней. Хорошо, если новая квартира будет где-нибудь в центре! Впрочем, это уж слишком для старшего лейтенанта из провинции.

...Темную машину Сергей заметил сразу, хотя стояла она без огней в густой тени деревьев. Сработала профессиональная привычка. Мозг автоматически зафиксировал: «Паккард», черная или темно-синяя окраска, окна закрыты шторами...

— Товарищ Пустельга? — Из темноты шагнул человек в военной форме. Сергей остановился, рука легла на отворот пальто, готовая скользнуть к спрятанному под мышкой оружию.

— Я. В чем дело?

— Пройдите, пожалуйста, к машине.

Пустельга не сдвинулся с места. Последовать приглашению было еще глупее, чем ломиться в заминированную квартиру на Мещанской.

— Сергей Павлович, вас ждет тот, с кем вы познакомились у Донского монастыря...

Рука, уже тянувшаяся к оружию, замерла. Странно, а ведь он только что вспоминал ту жуткую ночь!.. И почему товарищ Иванов так любит темноту?

— ...Садитесь, Сергей Павлович! — Знакомый голос был мягок и доброжелателен. Сопровождающий Пустельгу военный исчез в темноте. Сергей забрался на переднее сиденье. Шофера не было, товарищ Иванов сидел на заднем сиденье, его лицо, как и в памятную ночь, было закрыто капюшоном.

— Решил подышать свежим воздухом, а заодно и побеседовать. Становитесь театралом? Это хорошо...

Пустельга чуть было не начал оправдываться, но сдержался. Товарищу Иванову доложили, что руководитель группы «Вандея» сходил на «Аиду». Криминала в этом нет, да и быть не может...

— Сергей Павлович, хотел с вами посоветоваться. Я читал вашу докладную...

Товарищ Иванов на мгновение умолк, дав Сергею сообразить, о чем идет речь. Имелась в виду, конечно, докладная наркому.

— Как вы думаете, кто-нибудь из тех, кого арестовали, связан с «Вандеей»? Я имею в виду, непосредственно.

Пустельга замер. Значит, не только в Главном Управлении нашлись скептики! Осторожнее, старший лейтенант...

— Достаточных доказательств нет, товарищ Иванов. Но «Вандея» получила взрывчатку по их оплошности...

— Это верно... Но давайте честно: вы считаете, Фриневский — это Кадудаль?

Сергей на мгновение замешкался. Фриневский мог быть Кадудалем. Но его просили говорить честно...

— Не думаю. По-моему, он просто покрывал других...

— Согласен с вами... Фриневского мы переведем на Дальний Восток. А Кадудаля надо искать дальше. Или вы думаете, что агент «Вандеи» — какой-нибудь скромный швейцар?

Да, товарищ Иванов неплохо информирован об их спорах...

— Теоретически все может быть. Но все-таки кажется, что Кадудаль — кто-то из ответственных работников. «Вандея» работает слишком серьезно. Конечно, у Кадудаля могут быть помощники...

— Выходит, целая сеть... Сергей Павлович, а как вы объясняете такую силу «Вандеи»? Почему мы не можем напасть на их след?

— Может быть только одна причина...

Пустельга собрался с силами и выдохнул:

— «Вандея» имеет серьезное прикрытие на самом верху...

— На уровне ЦК? Политбюро? Совнаркома?

— Да...

Наступило молчание — долгое, тягостное. Наконец человек, чье лицо было закрыто капюшоном, усмехнулся:

— Сергей Павлович, вы верите в шпионов на уровне Политбюро?

— Но... — Пустельге стало жарко, — Каменев, Зиновьев, Пятаков, Бухарин — разве они не были шпионами?

— С вами не поспоришь. — Кажется, товарищ Иванов вновь улыбнулся. — Но знаете, у меня есть такое чувство, что «Вандея» — организация иного рода. Подобных связей у них скорее всего нет. Но там руководят необыкновенно умные люди. Вот тут и проблема... Кстати, Сергей Павлович, вы уверены, что беглые враги народа, которые так успешно скрываются, ушли по линии «Вандеи»?

— Но... у нас есть донесения Лантенака! — удивился Сергей. — Он называет эту операцию «Ковчег»...

— Да-да, помню. Но все-таки, если будут подробности, постарайтесь узнать все точно. Тут могут быть интересные варианты... Про Корфа не забыли?

— Нарком тоже не забыл, — вздохнул Сергей. — Недавно на коллегии...

— Знаю. Но вы, конечно, понимаете, что, если отменить розыск Корфа официально, в Управлении будет слишком много вопросов. Ну, вроде обо всем поговорили. Кстати, если не секрет, Сергей Павлович... Вы, наверное, интересовались, кто такой Иванов, который отдает вам такие странные распоряжения? И что вам на это ответили?

— Что вы — псевдоним товарища Сталина, — брякнул Пустельга, мгновенно пожалев о сказанном. Впрочем, собеседника данная формулировка не смутила.

— Вот даже как! Хорошо, согласен. Считайте меня псевдонимом товарища Сталина...

Последняя фраза была сказана совсем другим тоном — серьезным и властным. Намек был понятен, но от этого становилось еще более жутко.

Рукопожатие — и Пустельга осторожно захлопнул дверцу «Паккарда». Короткая беседа вымотала, словно долгий тяжелый допрос. Сергей был теперь почти уверен, что его ночной собеседник — один из помощников Вождя, который курирует армию и органы госбезопасности. Неудивительно, что этот человек не афиширует свою личность. Хотя все это по-прежнему странно, очень странно...

Дежурный в общежитии, успевший уже запомнить Пустельгу, не стал разглядывать пропуск, но не спешил отходить в сторону:

— Извините, товарищ старший лейтенант. Вам тут звонили. По-моему, это срочно. Я записал...

— С работы? — Пустельга представил, что нужно ехать на ночь глядя в Большой Дом, и его передернуло.

— Вроде нет... — сержант казался немного смущенным. — Какая-то гражданка звонила. Говорит, очень важно. Вот...

На небольшом листке бумаги твердым почерком дежурного были выведены несколько строк:

«Сергей Павлович! Еще раз благодарю Вас за то, что Вы для меня сделали. Нам очень нужно увидеться! Только Вы мне можете помочь. Я попала в очень странную историю. Вера Лапина».

— Что-нибудь случилось, товарищ старший лейтенант? — осторожно поинтересовался дежурный. — Может, милицию? Или нашим ребятам позвонить?..

— Нет, я сам... Спасибо...

Пустельга еще раз прочитал записку, хотя уже помнил ее наизусть. Странная история продолжалась...

ГЛАВА 9

ОСОБЫЙ РАЙОН

Шинель, ремень, портупея, кобура темной кожи... Чемодан казался бездонным, но интерес внезапно пропал, сменившись легкой брезгливостью. Что это *они* еще придумали? Волчья шкура...

— Нравится? — радостно улыбнулся «Костя». — Вы примерьте, Юрий Петрович! Мы же без мерки шили, мало ли что?

— Не хочу...

— Неужели не нравится? — огорчился энкавэдист. — Лучшие наши мастера шили! Ну, переодевайтесь, а я пока в канцелярию забегу...

Оставшись один, Юрий нерешительно тронул гимнастерку...

...Форма сидела превосходно. Пришлись впору и сапоги, только с портупеей вышла неувязка. Орловский никогда не носил военной формы и теперь растерянно вертел в руках длинный ремень.

— Совсем другое дело! — «Костя», как всегда, появился неожиданно, неся в руках знакомый портфель. — Вид у вас, Юрий Петрович, ну, прямо героический. Давайте-ка помогу...

Портупея заняла законное место. Кобура, легкая, пустая, была пристегнута к ремню.

— Вот! Теперь шинель...

Дело довершила фуражка. «Костя», удовлетворительно цокнув языком, достал из портфеля большое круглое зеркало.

— Прошу!

Орловский хотел отказаться, но не удержался — и глянул. Странно, его новый вид отчего-то не вызвал протеста. Казалось, эта волчья шкура изначально предназначалась для врага народа Орловского.

— Оно ведь как бывает. — Энкавэдист, казалось, читал его мысли. — До беды часто — всего шаг. Но порою и от беды до удачи тоже чуть-чуть, шажок. Вот как форма-то вам идет, Юрий Петрович! Загляденье!

Орловский почти не слушал говорливого чекиста. Все эта неспроста, значит, надо успеть подготовиться, ведь в камеру он мог и не вернуться.

— Я пошел. — «Костя» засунул зеркало в портфель и еще раз окинул Юрия одобрительным взглядом. — Шинельку на вешалку повесьте, чтоб не угреться...

Оставшись один, Орловский быстро оглядел бумаги. Рукопись забрать не дадут, зато копию списка заклинаний вполне можно спрятать...

Первый сюрприз ждал во время прогулки. Юрий решил прогуляться не в привычном бушлате, а в шинели — просто из озорства. Вначале ничего не изменилось. Конвоир все так же деловито топал сзади, но вот из-за угла вынырнули темные силуэты. Сергей ждал привычного хлопка, но конвоир почему-то мешкал. Зато странно повели себя встречные. Вертухай замер на месте, растерянно хлопнул и внезапно вытянулся по стойке «смирно», взметнув руку к козырьку. Юрий дернулся и, не соображая, что делает, тоже прикоснулся ладонью к фуражке. Интересно, как бы отреагировал Терапевт, появись Юрий у него в доме в подобном виде? Скорее всего посмеялся — нервы у него крепкие. А вот кое-кто из гостей наверняка позеленел...

...Вспомнилась первая встреча с Никой. Они познакомились именно у Терапевта. В тот вечер она была в прекрасном настроении, и Юрий лишь подивился, что на свете бывают такие счастливые люди. Впрочем, особого внимания тогда он на нее не обратил. Красивая женщина, конечно... Именно так Орловский ответил Терапевту, когда тот поинтересовался, успел ли он, Юрий, познакомиться с его гостьей. Услыхав подобный ответ, он странно усмехнулся:

— Только красивая? И больше вы ничего не заметили?

— Ну... — растерялся Орловский. — Глаза приметные... Умные.

Он сморозил что-то явно не то. Терапевт же внезапно стал серьезным:

— Вы ошибаетесь. У нее безумные глаза. В этом все дело...

Тогда Юрий ничего не понял. Понять довелось намного позже.

Пришло время скудного тюремного ужина, но «Костя» все не появлялся. Юрий в последний раз перелистал рукопись Родиона Геннадиевича и аккуратно сложил исписанные мелким почерком

листы. Наверное, он уже больше не увидит эту книгу. Как и свои собственные: незаконченную, что лежала на столе, и другую, которая, если Терапевт не ошибся, должна была уже выйти где-то за границей...

Энкавэдист не вошел, а буквально вбежал в камеру:

— Готовы? Одевайтесь, Юрий Петрович, одевайтесь! Скорее, пожалуйста...

Портупея, шинель, ремень, пустая кобура, фуражка. Страничку с заклинаниями он спрятал заранее...

— Хорошо... — «Костя» быстро обошел вокруг, поправил складки на шинели. — Очень хорошо... Юрий Петрович, вы знаете, как отдают честь? Правая рука к козырьку...

— Костя! — Он впервые назвал энкавэдиста этим нелепым в подобной обстановке именем. — На кой черт весь этот маскарад?

— Маскарад? — поразился тот. — Почему маскарад, Юрий Петрович? О чем вы? Ах да! Совсем забыл!..

Порывшись в портфеле, он достал небольшую темно-красную книжечку:

— Удостоверение ваше...

За книжечкой последовал револьвер, настоящий, новенький, отблескивающий темным металлом.

— Вот... И патроны. Прячьте...

«Костя» явно спешил. Он сам спрятал оружие, застегнул кобуру и достал небольшой листок бумаги:

— Распишитесь. За удостоверение и личное оружие.

Юрий механически поставил свою подпись, тяжело вздохнул:

— Гражданин полковник!..

— Товарищ полковник, — мягко поправил «Костя». — Вот, читайте...

Еще одна бумажка. Бланк, печать и несколько строчек. «Присвоить звание майора... Орловскому Юрию Петровичу... Подпись... Н. И. Ежов, народный комиссар внутренних дел СССР...»

— Я же говорил вам, товарищ майор, что шажок — он маленьким бывает... Ну, пойдемте, пойдемте!..

Они прошли коридором, спустились по узкой железной лестнице и оказались возле одной из дверей. За ней была небольшая комната с портретом Сталина на стене. Стол, два стула, кушетка... За столом сидел молоденький лейтенант, вскочивший при их появлении.

— Готово? — нетерпеливо бросил полковник «Костя».

— Так точно!

Лейтенант козырнул и сгинул, плотно притворив за собой дверь. Энкавэдист взглянул на часы:

— Успели! Товарищ майор, сейчас будет звонок. Возьмете трубку... Вы поняли?

— Понял...

«Костя» кивнул и вышел. Орловский остался один, если не считать телефона. Итак, он уже «товарищ майор»! Юрий достал удостоверение и с удивлением увидел собственную фотографию в военной форме. «Орловский Юрий Петрович. Звание — майор. Место службы — Главное Управление НКВД СССР. Столица»... Внезапно захотелось курить. Наверное, ЗК Орловский не имел права обкуривать подобное помещение, а вот «майор Орловский»... Юрий достал папиросы и с удовольствием пустил кольцо дыма в белый потолок — и тут же впервые подумал о револьвере. Полный барабан патронов, да еще две пачки в запасе!..

Звонок ударил внезапно. Юрий схватил трубку, хотел сказать «Алло!», но передумал и, усмехнувшись, произнес:

— Майор Орловский слушает.

— Добрый вечер, товарищ Орловский.

Голос был незнакомым. Обычный мужской голос, мягкий, спокойный...

— Моя фамилия — Иванов. С этого момента вы будете выполнять только мои приказы...

— Да... Так точно, товарищ Иванов!..

— Сейчас вас отвезут на аэродром в Тушино. Вас ждет самолет. Запомните фамилию пилота: Артамонов. Самолет называется «Сталинский маршрут». Когда прибудете на место, вас на автомашине привезут на объект. Там будет телефон правительственной связи. Как только прибудете — позвоните. Запоминайте номер...

Номер был короткий — три цифры.

— В пути будьте очень осторожны. О деталях командировки — в следующий раз. Желаю удачи, товарищ майор...

— Спасибо... — растерянно проговорил Юрий, но невидимый собеседник с обычной русской фамилией повесил трубку.

— Уже? — «Костя» стоял в дверях. — Пойдемте, машина ждет...

...Никто не требовал у него документов. Тюремная охрана молча козыряла, словно узилище покидает зашедший по служебной надобности майор Главного Управления, а не особо опасный враг советской власти. Во дворе ждала машина с молчаливым шофером. Заурчал мотор, авто тронулось с места...

«Костя» тоже молчал. Появилось время подумать, глядя в темные стекла кабины. «Сталинский маршрут»... Юрию показалось, что он уже слыхал это название. Фамилия Артамонов тоже была

знакома, но Артамоновых в России немногим меньше, чем Ивановых...

— Вы со мной летите?

— А? — вскинулся «Костя». — Нет, что вы! Имею задание проводить вас до трапа...

— Но куда меня?..

«Костя» пожал плечами:

— Вы думаете, Юрий Петрович, мне самому объясняли? Скажу одно: в камеру вы не вернетесь. Это точно...

Обещание было двусмысленным. Можно оказаться на свободе, а можно под полутора метрами сырой осенней земли...

Разговор прервался, машина мчала сквозь ночь, и Орловский вдруг подумал, что на аэродроме может быть телефон — обычный городской. Почему бы майору из Главного Управления не позвонить? Интересно, поверит ли Терапевт? И Ника... Просто набрать несколько цифр!

Авто внезапно затормозило. В открытую дверцу заглянул человек в фуражке:

— Документы!

«Костя» достал удостоверение. Юрий секунду помедлил и полез за темно-красной книжечкой.

— Проезжайте...

Орловский выглянул в окно. Впереди было огромное пустое пространство, освещенное несколькими прожекторами. Электрический свет отражался от сверкающего алюминия неподвижно застывших крылатых машин... Тушино...

Машина остановилась. Их встречали. Пришлось вновь предъявить удостоверение.

— Все готово, товарищ майор! Проходите на летное поле...

Конечно, ни о каком звонке думать не приходилось. Впрочем, Орловский понимал, что в любом случае никому звонить нельзя...

Летное поле казалось бескрайним. Провожатый, молодой энкавэдист в плащ-палатке, уверенно вел их к стоявшему в отдалении огромному красавцу-самолету, возле которого темнели черные силуэты.

...«Сталинский маршрут»! Юрий наконец вспомнил: так назывался личный самолет товарища Сталина...

Их вновь остановила охрана — уже неподалеку от трапа.

— Проходите, товарищ Орловский.

— Ну, все! — «Костя» улыбнулся и протянул руку. — Желаю удачи, Юрий Петрович!

Орловский помедлил секунду, протянул ладонь...

...Вначале почудилось, что рядом разорвалась детская хлопушка. Обычная, из тех, что взрывали под Рождество. Вспышка, хлопок, разноцветное конфетти, разлетающееся во все стороны...

Рука «Кости» дернулась, в глазах мелькнуло удивление. Новый хлопок, вспышка...

Один из охранников уже выхватывал оружие, другой бросился навстречу вспышкам, закрывая собой Орловского. «Костя» медленно оседал на сухую осеннюю траву, покрывавшую землю.

— Падай, майор, падай!

Еще один человек в шинели сбил его на землю и упал рядом, держа револьвер в руке. Теперь выстрелы били с двух сторон.

— Майора в самолет!

Юрия взяли за руки и потащили к трапу. Двое прикрывали, без перерыва стреляя в темноту. Орловский оглянулся: «Костя» лежал неподвижно, широко раскинув руки...

У трапа Юрия подхватили и втащили наверх. Вдали уже ревела сирена, слышался гул автомобильных моторов, бешено метались лучи прожекторов... Тяжелый люк захлопнулся. В темноте кто-то произнес: «Ну дают!», — и тут же зажглось электричество.

Юрий был в салоне, большом, светлом, где стояли удобные кресла и металлические столики, над которым были укреплены овальные плафоны матового стекла.

— Ну дают, лапа медвежья! Что, майор, жив?

Рядом с ним стоял высокий крепкий мужчина в летном комбинезоне. Широкое сильное лицо улыбалось:

— Не задело?

— Нет... — Юрий наконец-то смог перевести дух.

— Будем знакомы! Артамонов.

— Орловский...

Ладонь летчика оказалась огромной. Хорошо еще, что рукопожатие было вполсилы, иначе кисть бы не выдержала.

— Да, дела! Сколько лет летаю...

— Что, в первый раз такое?

Спокойная уверенность летчика заражала. Артамонову не было страшно, скорее он был безмерно удивлен.

— Ну, не первый, но чтобы в Тушине... Видать, серьезная ты шишка, майор!.. Ладно, имею приказ предъявить свое удостоверение. И твое посмотреть — для полной ясности.

— Да, пожалуйста...

Артамонов с неожиданным вниманием стал разглядывать красную книжицу. Юрий не сдержался и раскрыл документ летчика. Все верно, Артамонов. Звания не было, более того, наверху стояло: «Управление гражданской авиации СССР». Впрочем, Орловского интересовали имя и отчество. Ведь все это могло быть совпадением...

Но совпадения не было. Выходит, он все-таки знал этого человека! И менее всего думалось, что когда-нибудь они встретятся на борту «Сталинского маршрута»...

— Порядок! Извини, майор, приказ. Так что там, на поле?

Стрельба стихла, но сирены по-прежнему ревели. Откуда-то со стороны кабины вынырнул молодой парень в таком же комбинезоне.

— Командир! Нам — взлет!

— Ага! Ну, не скучай, майор. Располагайся! Прокачу, как на такси...

Юрий сел в одно из кресел и начал медленно расстегивать крючки шинели. Он представлял себе этого Артамонова совсем другим. А ведь не втащи он Юрия в кабину, одна из пуль могла бы попасть в цель. Не зря неизвестный ему товарищ Иванов предупреждал об опасности! А вот «Костю», видать, не предупредили...

...Внезапно Орловский пожалел улыбчивого энкавэдиста. Впрочем, что жалеть? Для очередного задания в Большом Доме найдут другого — такого же улыбчивого...

Моторы включились как-то внезапно, самолет, не тратя времени на прогрев двигателей, тронулся с места, покатив по взлетной полосе. За иллюминатором мелькнул косой луч прожектора. Легкий толчок — машина оторвалась от земли...

Орловский повесил шинель на спинку кресла и начал осматриваться. Никакой роскоши в салоне он не заметил, все казалось строгим, холодным и стерильно чистым. Неужели это тот самый «Сталинский маршрут»?

— Устроились? — Артамонов снял кожаный шлем и небрежно бросил его в пустое кресло. — Выпить хотите?

Юрий тут же вспомнил о грузинских винах, которые, по слухам, полагались пассажирам этой машины. Но летчик, порывшись в маленьком шкафчике, извлек нечто иное — большую початую бутылку коньяка и легкие металлические стопки.

— А вы что, пьете за штурвалом? — удивился Орловский.

— Думаешь, в Америку завезу? — Артамонов вновь перешел на «ты». — Не бойся, майор, не окосею. Ну, за знакомство и за то, что живы остались!..

Закуска здесь, очевидно, не полагалась. Впрочем, коньяк и без того хорош: мягкий, тягучий, обволакивающий голову нежной теплотой...

— Спасибо, — Юрий аккуратно поставил стопку на столик. — И за коньяк, и за то, что в самолет вовремя втащили.

— Да ну! Коньяк пайковый, а насчет прочего — так я же за пассажира головой отвечаю, лапа медвежья! Ну, дела! Знаешь, я наркомов вожу почти каждый день, но ни в кого из них в упор не лупили из трех стволов. Да еще в Тушине!

— Наркомов? — не удержался Юрий. — «Сталинский маршрут»?

— Слыхал? Между прочим, модель моего зяблика, знаешь, на чьем столе стоит?

Об этом Орловский тоже знал, и даже, кажется, видел фотографию в газете. Товарищ Сталин восседал в кресле, а посреди кипы бумаг стояла маленькая модель ширококрылой машины...

— Ну чего, еще по одной?.. А сейчас поспи. Одеяло дать?

Одеяло оказалось большим, теплым, не в пример тюремному. Летчик вернулся в кабину, а Юрий вдруг понял, что ужасно хочется спать. Он поудобнее устроился в кресле, накинул одеяло и закрыл глаза, слушая ровное гудение моторов...

— ...Орловский!

Юрий вскочил и чуть не упал. Самолет резко качнуло, затем еще раз, еще...

— Майор, с парашютом прыгал?

Артамонов стоял рядом, придерживая рукой огромный черный рюкзак. Спросонья Юрий ничего не понял. Мелькнула нелепая мысль, что командир «Сталинского маршрута» все-таки излишне отдал дань коньяку.

— Да проснись! С парашютом, говорю, прыгал?

— Нет... Не приходилось...

За иллюминатором плавала тьма, самолет качало, а лицо летчика казалось мрачным и встревоженным.

— Худо дело, майор...

— Что? Авария?

Орловский беспомощно оглянулся. Машину вновь качнуло.

— У меня аварий не бывает. Нас атакуют!

— Кто?!

Бред продолжался. «Сталинский маршрут» атаковали в небе СССР...

— Наши — «И-15». Столица обалдела, велит идти на вынужденную. Нельзя — сверху расстреляют... Ладно, не дрейфь...

Артамонов пристроил парашют в проходе и направился к кабине. Орловский выглянул в иллюминатор. Вначале он ничего не заметил, но затем черноту разрезала быстрая тень. Тонкая светящаяся гирлянда рассекла ночь...

Юрий еще раз огляделся, зачем-то тронул тугой бок парашюта и вспомнил о револьвере. Конечно, оружие было сейчас бесполезно, но можно отвлечься, чтобы не думать о черных тенях за иллюминатором. Он достал револьвер и осторожно положил его на столик. Когда-то он учился разбирать подобные штуки...

Оружие, новенький «наган», было в порядке. Юрий заставил себя методично разрядить, а затем разобрать его. Такой «наган» был, наверное, у его брата... Холодный металл успокаивал — маленькая гарантия свободы.

— Готовимся к бою? — Артамонов вновь был рядом, но теперь

на его лице светилась улыбка. — Правильно! Сокрушим, медвежья лапа, всех врагов!

— Привычка, — ляпнул Юрий первое, что пришло в голову.

— Хорошая привычка! Можешь прятать ствол, Орловский. Ушли!

Действительно, самолет больше не качало, моторы гудели ровно и спокойно.

— Мне к земле велели спускаться, а я пошел вверх: у «И-15» потолок низковат. Нырнул в тучи...

— Выяснили, кто это? — Орловский собрал револьвер и поспешно сунул в кобуру.

— Выясняют, — хмыкнул летчик. — Всю авиацию округа в воздух подняли. Да наши это, кому еще быть? А вот почему ты им нужен — сам думай, майор...

И вправду, кому это так понадобился липовый майор Орловский? На аэродроме Юрий еще мог заподозрить хозяев «Кости», решивших избавиться от строптивого зэка столь странным способом. Но атаковать личный самолет Сталина!..

Взгляд упал на циферблат, и Юрий удивился. Оказывается, они летели куда больше, чем ему думалось. Уже скоро утро... Интересно, куда они направляются?

...Машина долго кружила над ночным аэродромом, словно не решаясь снижаться. Наконец колеса коснулись земли. Орловский вздохнул и накинул шинель.

— Ну что, майор, порядок? — Артамонов был свеж и бодр, будто не провел ночь за штурвалом. — Потрясло маленько, так ты уж извини!

— Спасибо вам...

Этот человек за несколько часов спас ему жизнь, и может, не однажды. А ведь менее всего Юрию хотелось, чтобы пилотом серебристой машины оказался именно тот Артамонов, которого он знал и который не знал его...

Сам Артамонов явно удивился:

— Да за что спасибо, лапа медвежья? Такси — как такси!

Юрий невольно усмехнулся. Самое неожиданное, что Артамонов ему очень понравился, и от этого стало еще более скверно.

— А куда это мы прилетели??

— Ты что, не знал? Аэродром Чердынь-2. Ну пошли, тебя встречают...

Юрий пожал руки всему экипажу — молодому механику и крепкому, похожему на Артамонова здоровяку, второму пилоту. Открытый люк дышал предрассветной сыростью, а у трапа уже темнела легковая машина, возле которой стояли люди в форме.

— Товарищ Орловский?

Вновь пришлось предъявлять удостоверение, но на этот раз уже не людям с малиновыми петлицами, а, судя по знакам различия, обыкновенным командирам РККА.

— Комбриг Миронов. Прошу в машину, товарищ майор.

Кажется, Юрию следовало сказать «здравия желаю», но встречавшие не обратили внимание на подобное нарушение устава. Кроме Миронова, в машине было еще двое: шофер и молодой капитан. Комбриг, судя по петлицам, был пехотинцем, капитан — летчиком.

— Как долетели, не спрашиваю, — Миронов покачал головой и протянул Юрию пачку «Казбека». — Столица каждые четверть часа интересовалась. Почуяли!..

Интересно, кто? Начальство в Столице или те, кто атаковал «Сталинский маршрут»?

— Сейчас вы отдохнете, товарищ майор, а с утра мы вам все покажем. Перекусить хотите?

Есть Орловскому не хотелось, спать — тоже. Куда интереснее было узнать, что ему собираются демонстрировать. Они что, принимают его за ревизора из Столицы? За Хлестакова в малиновых петлицах?

Все выяснилось наутро, когда Юрий был усажен в машину рядом с капитаном. Летчика звали Четвертаковым, он занимал должность со странно звучащим названием «флаг-штурман».

— Товарищ майор... — неуверенно начал флаг-штурман. — Заранее прошу прощения за беспорядок, мы только что прибыли. Последние машины сели ночью. Так что, вы уж в Столице не заостряйте!..

Орловский пообещал не заострять, и автомобиль помчался по огромному летному полю, где всюду, впереди, слева, справа, ровными рядами стояли ширококрылые самолеты.

Итак, Юрию предстояло осмотреть только что прибывшее на аэродром Чердынь-2 соединение тяжелых бомбардировщиков «ТБ-3». Пока они ехали, Четвертаков успел прочитать целую лекцию, сообщив о крейсерской скорости, потолке, дальности полета и, естественно, о бомбовой нагрузке серебристых машин. Авто между тем не спеша объезжало замершие на летном поле самолеты — новенькие, свежеокрашенные, с большими красными звездами на фюзеляжах. Флаг-штурман рассказал и о летчиках. Все они, как выяснилось, имели немалый налет часов, а некоторые успели побывать в Китае и Испании, где применяли свое умение на практике.

Машин оказалось тридцать, и каждая могла нести до двух

тонн бомб. Бомбы тоже были продемонстрированы — фугасные, осколочные и, отдельно, зажигательные. Последние, по словам капитана Четвертакова, не имели себе равных в мире. Было заметно, что флаг-штурман волнуется. Юрий, не питавший зла на молодого капитана, вполне искренне пообещал в случае необходимости заверить командование, что боевая и политическая подготовка в соединении бомбардировочной авиации округа находится на самом высоком уровне.

Комбриг Миронов ждал Орловского у своего автомобиля. Значит, придется ехать дальше. Интересно, куда? Очевидно, туда, где он сможет подтвердить, что здесь ждут приказа тридцать боевых машин, способных поднять в воздух шестьдесят тонн бомб...

— Значит, авиацию видели! — удовлетворенно заметил Миронов, когда авто тронулось. — Артиллерию мы покажем вам немного позже.

Еще и артиллерия! С кем это собрался воевать комбриг Миронов?

— Товарищ комбриг, — не выдержал Орловский. — Я в артиллерии мало понимаю. Даже пушку от гаубицы не отличу.

— Это просто, — улыбнулся Миронов. — Пушка с длинным стволом, гаубица — с коротким.

— А у вас — с каким: с длинным или с коротким?

— А какие угодно. Но главное, мы успели подтянуть 203-И...

— А какие они — 203-И?

— Большие такие! — рассмеялся комбриг. — Очень, я вам доложу, тяжелые — на гусеницах...

Усмешка исчезла.

— А если серьезно, это 203-миллиметровые гаубицы образца 1931 года из РКГ...

— Простите? — Сокращение могло обозначать что угодно, например, «Революционный Конгресс Гватемалы»...

— Резерва Главного Командования. Двадцать четыре ствола, по четыре боекомплекта на каждый. Остальные на подходе...

Тяжелые бомбардировщики, гаубицы — кажется, Рабоче-Крестьянская Красная Армия всерьез решилась воевать. Но с кем? Орловский выглянул в окошко. Машина мчалась по лесной дороге мимо бесконечных рядов гигантских елей. Кое-где у обочины лежали неубранные стволы, дорога казалась пустой, лишь изредка авто обгоняло небольшие колонны грузовиков. Тайга, глухомань, низкое серое небо — почти край света!

— Товарищ комбриг, куда мы едем?

Миронов удивленно повернулся:

— То есть? Имею приказ, во-первых, встретить вас, во-вто-

рых, показать авиацию и тяжелую артиллерию, а в-третьих — доставить в особый район Якша...

Якша! Пелена исчезла, словно сорванная порывом урагана. Он должен был догадаться раньше, когда Артамонов сказал о Чердыни! Якша — родина дхаров!

— Товарищ комбриг, я слыхал, что местные жители... дхары... бежали в лес. И что лес блокирован...

— Совершенно верно, — кивнул Миронов. — Я здесь только год, подробностей не знаю, но если в общих чертах... Весной 30-го здесь началась массовая коллективизация согласно великому Сталинскому плану. Одновременно происходило организованное переселение части жителей...

Орловский криво усмехнулся. Удобные формулировки — «коллективизация», «организованное переселение»!..

— Лица дхарской национальности, подбиваемые врагами народа из числа феодально-байских элементов, проявили вопиющую несознательность...

— Несознательность? — Юрий не выдержал. — И сколько в результате погибло? Тысяча? Больше?

— Точно не знаю, — равнодушно пожал плечами Миронов. — Боев не было, они просто ушли в лесной массив юго-восточнее Якши. До недавнего времени активных действий ни одна сторона не вела...

«Активных действий»! Юрий представил беглецов в пустом мрачном лесу. Голод, лютые холода зимой, полная безнадежность...

— В последний год командование начало переброску войск. Очевидно, готовится крупная войсковая операция. Насколько я понимаю, вас прислали как парламентера, для переговоров с несознательными элементами...

Это Юрий понял и сам. Вот что означала эта форма! Умно! Для дхаров он теперь оборотень, вервольф из волчьей стаи. Враг...

Дорога по-прежнему тянулась вдоль опушки. В лучах утреннего солнца ели казались черными, лес выглядел мрачно, уныло. Вот, значит, какие они, дхарские места! Когда-то Юрий мечтал побывать здесь. Довелось! Правда, при Фроате Великом тут не было военных дорог, аэродромов и тяжелых гаубиц...

— И что, товарищ комбриг, сейчас в этом самом... особом районе?

— Вы имеете в виду, как ведут себя несознательные элементы? — уточнил Миронов. — В общем, спокойно. Раньше были случаи перехода заграждений. Несколько групп сумели прорваться в лес — из-за одного такого случая сняли моего предшественника. Сейчас блокада усилена. Впрочем...

Он оглянулся на шофера и заговорил тише:

— Имеется приказ об организации тайных контактов с несознательными элементами. Разумеется, под видом несанкционированных встреч. У них там совсем нет хлеба, сидят на картошке. Мы и предложили им муки и, кстати, соли. Якобы инициатива снизу...

Комбриг усмехнулся: выражение ему явно понравилось.

— Есть постоянное место встреч, мы там убрали мины, заграждения. Все, конечно, под контролем вашего ведомства, товарищ майор. Один раз сам не удержался, надел шинель рядового — и сходил поглядеть...

— Ну и как «несознательные элементы»? — усмехнулся Юрий. — Очень страшные?

— Мужики как мужики. Разумные, все понимают. Мутит, видать, их кто-то... В общем, никаких страхов не увидел. А то болтали — оборотни там в лесу, какие-то медведи дрессированные, по ночам кто-то по воздуху летает! Ну, мы это прекратили. Партийно-политическая работа у нас на уровне...

Да, «непобедимая и легендарная», похоже, всерьез готовилась. Эти не помилуют — будут бомбить, обстреливать... Что мог сделать он, Орловский? Юрий вновь вспомнил о револьвере. Тут *они* дали промашку! Он пойдет в лес — а там увидим! Полный барабан, да еще две пачки патронов...

Постепенно дорога становилась оживленнее. Авто обогнало несколько огромных длинноствольных чудищ, буксируемых тракторами; Миронов пояснил, что это и есть знаменитые 203-И. Чуть дальше пошли кордоны: первый, второй... Документы проверяли строго — даже у комбрига.

Дхарский лес появился внезапно. Дорога кончилась, впереди было большое пустое пространство, прорезанное рядами окопов, заставленное густой «колючкой» и бетонными надолбами. А дальше, за широкой опушкой, темнели ели — до самого горизонта. Лес молчал, не обращая, никакого внимания на разноголосый шум воинства, запрудившего окрестности. Снова проверка документов, и авто въехало в небольшой военный городок, застроенный свежесрубленными домиками.

— Сами строили, — гордо сообщил Миронов. — Зимой, правда, холодновато...

Орловского не интересовали бытовые проблемы пролетарских чудо-богатырей. Там, за кордонами, за минными полями были те, кого он мог считать своими друзьями. Загнанные в чащобы, без хлеба и лекарств, они не покорились. Но что он может им сказать? Что может сделать?

— Вам нужен телефон, — негромко напомнил комбриг. Юрий

кивнул: трехзначный номер... Будь они все прокляты с их трехзначными номерами!

Его отвели в один из домиков, где на самодельном, грубо сбитом столе стояло несколько аппаратов. Юрий огляделся. Несгораемый шкаф, портрет Сталина, большая карта во всю стену...

— Этот, — Миронов указал на один из аппаратов и вышел, оставив Юрия одного. Орловский подошел к столу, прикинув, как ему следует говорить с товарищем Ивановым. «Майор Орловский по вашему заданию прибыл в особый район!» Или даже: «Готов выполнить любое задание родины и партии!» Не дождутся!..

Он усмехнулся, поднял трубку и, услыхав ровный сильный гудок, набрал номер. В трубке клацнуло, негромкий, немного сердитый голос проговорил:

— Сталин слушает...

Рука, державшая трубку, дрогнула. Голос был именно тот, хорошо знакомый всей стране...

— Алло! Говорит Орловский! Мне по этому телефону...

— Товарищ Орловский?

Тон изменился. Юрию почудилось, что его невидимый собеседник улыбнулся в густые усы — точь-в-точь, как на висевшем на стене портрете.

— Здравствуйте! Товарищ Иванов поручил мне поговорить с вами. Вы не возражаете?

Кажется, Вождь шутил. Юрий и сам был не прочь ответить шуткой. Нечто вроде: «Да у меня 58-я, мне все равно...»

— Слушаю вас, товарищ Сталин!

— Товарищ Орловский, сегодня вечером вы встретитесь с предводителем этих байских наймитов. Его зовут Анх, он наш ярый и последовательный враг. Вы передадите ему следующее. Первое: завтра в десять утра он должен прибыть в штаб особого района для переговоров. Наши условия: амнистия и свободное трудоустройство согласно нашей Конституции. С их стороны — полная сдача оружия. Запомнили?

— Запомнил...

Условия показались вполне приемлемыми, во всяком случае, лучшими, чем бомбардировка зажигательными бомбами.

— Вы сами вернетесь не позже семи утра. В противном случае мы поднимаем в воздух авиацию...

Вождь был, как всегда, всеведущ. Возвращение ЗК Орловского следовало обеспечить...

— Да, чуть не забыл... Передайте этому Анху, чтоб он сообщил нам «Заклинание-Ключ»! Это, конечно, мелочь, но тут важны искренность и взаимопонимание. Не правда ли, товарищ Орловский?

Выходит, заклинание им по-прежнему нужно! Но...

— Товарищ Сталин! А если они не знают этого заклинания?

— Они знают. Должны знать. Ваше дело, товарищ Орловский, передать все в точности. Самолеты видели?

— Да...

— Хорошо... Пушки вам тоже покажут. До свидания, товарищ Орловский. Желаю вам успеха и полной победы! Кстати, вы же знаток греческого. Как по-гречески «победа»?

Сердце замерло, стало нечем дышать. В трубке уже гудел отбой, а он все стоял посреди пустой комнаты, не в силах сдвинуться с места.

Ника... По-гречески победа — Ника...

Они знали, наверное, с самого начала. Знали, держали про запас. И вот — пригодилось. Усатый на портрете по-прежнему добродушно усмехался. Не брезгует! Сам сказал — никому не доверил...

Артиллерию Орловский смотреть не стал. Отговориться было легко, намекнув на полученные по телефону свежие указания. Больше всего Юрию хотелось остаться одному. К счастью, это легко устроилось. Его провели в такой же домик, только жилой. Юрий плотно закрыл дверь и рухнул на койку, не обратив внимания на стоявший на столе обед...

Думать, думать!... Там, в камере, речь шла о нем самом. Была игра: улыбчивый «Костя» хотел что-то узнать, а враг народа Орловский ему мешал. Этот тур выигран — Большой Дом поверил, что таким путем заклинания не добыть. Но ответный ход оказался невероятен: самолеты, пушки, «непобедимая и легендарная». И ради чего? Он недооценил врага. Там, где Юрий видел мелкие козни штукарей в малиновых петлицах, было что-то иное — огромная, невероятная мощь, готовая обрушиться на каждого, кто противостоит неведомым планам. Неужели вся эта армада готовится к бою лишь ради того, чтобы энкавэдисты узнали пароль небольшой подпольной группы? Проще всего отдать «Заклинание-Ключ»... Нет, лучше всего, если его отдадут сами дхары. Тогда все кончится не так страшно. Может, и ему, Юрию, повезет. По крайней мере, они не тронут ту, что носила имя богини Победы...

...Юрий говорил ей, говорил не раз, что им нельзя, им опасно встречаться! Вновь вспомнились слова Терапевта: «У нее безумные глаза. В этом все и дело...» Проще всего было вытащить «наган», выйти на опушку, разрядить его в первого же с командирскими петлицами... Но краснозвездные самолеты все равно поднимутся в воздух!.. Он ведь Орфей, он должен смирять безумных, бойню надо остановить!..

За Юрием пришли в десять вечера. К этому времени он заставил себя проглотить холодный обед и не отказался от предложенной стопки из тяжелой фляги и пачки папирос. Что ж, он готов...

В сумерках позиции казались брошенными, только вдали темнели фигуры часовых. Конечно, лес стерегут, тишина обманчива. Где-то рядом находились хорошо спрятанные «секреты», наготове стояли орудия, готовые в любой момент дать залп. Но здесь было тихо. Юрия быстро провели через окопы, затем, по перекидным мостикам, через ряды «колючки». Дальше шла широкая вспаханная полоса, за которой темнела опушка.

Полоса оказалась минным полем. Пришлось идти по маленьким вешкам, слушая команду сопровождающего. Орловский поражался. Для беглецов наверняка хватило бы и мин, но дхаров обложили еще «колючкой», опоясали траншеями. Зачем? Неужели горстка беглецов так напугала Усатого? Или дхары имеют что-то еще, кроме старых дробовиков?

Юрию сообщили, что особисты уже договорились о встрече. Юрия не тронут и отведут к загадочному Анху. Что ж, так даже лучше. Не надо объяснять тем, в лесу, кто он и откуда взялся...

Орловский вышел на опушку, коротко попрощался с сопровождающим, который должен был вернуться за ним утром, и нерешительно шагнул к темной стене деревьев. Пахнуло сыростью и холодом. Заповедный дхарский лес неприветливо встречал парламентера. Стало зябко и немного страшно. Оборотни, ручные медведи — этот окопный вздор не воспринимался всерьез, но у тех, кто сейчас караулит в ночной темноте, могли не выдержать нервы. Кто он для них? Агент НКВД? Посланец Большого Дома? Не кричать же: «Я свой!» Да и какой он теперь «свой»!..

— Вы Орловский?

Две высокие фигуры возникли внезапно, словно вынырнув из-под земли. Молодые парни, очень высокие, крепкие, в красноармейских шинелях без ремней...

— Эм... Эннах, эд-эрхи...

Его поняли:

— Энна... Можете не стараться, гражданин майор, мы еще не забыли великий и могучий!

В голосе были злость и неожиданная ирония. Кажется, этот парень не из полуграмотных печорских охотников.

— Вам сейчас завяжут глаза. Выполняйте все команды — иначе пропадете! Разговаривать нельзя, пока не прибудем на место. Согласны?

— Эм. Хурту, эд-эрхи...

Парни переглянулись, затем один достал из кармана шинели широкий плотный платок.

Его вели по узким лесным тропинкам, ноги все время цеплялись за корни, по лицу легко скользили еловые лапы. Несколько раз Юрия брали за плечи и поворачивали, очевидно, чтобы сбить с направления. Дважды ему говорили «осторожно» и вели вперед за руку, и Орловский подумал, что за эти годы беглецы тоже успели приготовиться. Самострелы, капканы, волчьи ямы... Шли очень долго, и Юрию показалось, что его нарочно водят по кругу. Возможно, так и было — необходимая предосторожность, когда имеешь дело с майором в малиновых петлицах.

Еловая лапа в последний раз скользнула по повязке. Повеял ночной ветерок, рядом послышался легкий треск горящих веток...

— Пришли, гражданин майор...

Повязку сняли с глаз. Юрий был на небольшой поляне, совсем рядом темнели несколько огромных рухнувших стволов, на одном из которых сидел человек в плащ-палатке. Перед ним горел маленький костер. Незнакомец глядел в огонь, казалось, не обращая никакого внимания на прибывших.

— Анх кна Лхасти — кна-гэгхэни дхори... — негромко произнес сопровождающий.

Анх, сын Лхаста — «сын князя». Юрий вспомнил, что в отсутствие владыки дхары избрали его «сына» — местоблюстителя.

— Идите к костру и садитесь.. — негромко проговорил человек в плащ-палатке.

Анх, сын Лхаста, по-прежнему смотрел в огонь. Голос внезапно показался знакомым. Юрий быстро подошел, но не стал садиться, а наклонился к костру. «Сын князя» удивленно поднял голову...

...Юрий не знал Анха, вождя дхаров. Но у костра сидел не загадочный «сын князя», лютый враг советской власти, а просто Андрей Крапивин, бывший аспирант Родиона Геннадиевича, автор так и не написанного учебника дхарской истории. Такой же, почти не изменившийся, каким Юрий помнил его по Столице, только с небольшой бородкой, делавшей молодое лицо неожиданно старше и серьезней.

— Юрий, ты?!

Крапивин вскочил, рванулся вперед, словно пытаясь обнять, но внезапно отшатнулся:

— Ты? Майор Орловский? Майор НКВД!

Это было то, чего Юрий так боялся. Волчья шкура, проклятая волчья шкура! И как теперь объяснить?..

— Андрей... Ты кому веришь? Мне? Или им?

— Тебе!

Крепкие ладони сжали плечи. Анх, сын Лхаста, улыбнулся:

— Им я не верю, Юрий... Но все же — почему ты?

Орловскому вдруг стало легче. Крапивин поверит, он должен поверить!

— Форму мне принесли прямо в камеру, Андрей. Им нужен был специалист по дхарам.

— Ты...

— Статья 58 через 10 и 11. «Четвертак».

— Точно как у меня, — Крапивин извлек из кармана большой кисет и начал сворачивать «козью ногу». — Я был на Бамлаге — год. Ушел зимой, через тайгу. Я все-таки дхар!..

— А Родион Геннадиевич, остальные? — Юрий с запозданием вспомнил о своих папиросах и поспешил открыть коробку.

— Не знаю... — Анх покрутил пальцем папиросу и аккуратно положил ее обратно. — Не знаю, Юрий... Кури сам, я к самокруткам привык.

Орловский отвернулся. Андрей смог уйти из лагеря, он молод и силен. Учителю такое не под силу...

— А тебя — давно?

— В начале сентября, — невесело усмехнулся Юрий. — Взяли за вредительство в Историческом музее.

— Где-где?

— В музее. Я там работал — после института. В лагерь не послали. Посадили в камеру и заставили штудировать дхарский...

О книге Соломатина Юрий умолчал. Он еще успеет сказать...

— Везет некоторым! — Крапивин глубоко затянулся «козьей ногой». — Я вот лес валил. Мне-то дхарский учить ни к чему... Ну что ж, стало быть, ты парламентер?

— А ты, выходит, гэгхэн?

— Нет, — покачал головой Анх. — Ты же знаешь, у нас не будет князей, пока не вернется на землю Фроат Мхаг. Меня выбрали, вполне демократично. Как раз, когда я сюда прорвался, прежний кна-гэгхэн погиб.

— А почему тебя?

Крапивин пожал плечами:

— Все-таки я потомок Фроата, хотя и по материнской линии, к тому же родственник Родиона Геннадиевича. Да и в армии служил — лейтенант запаса... А что, Юрий, все-таки приятно руководить единственной свободной территорией в СССР!

Кна-гэгхэн шутил, но шутил невесело. Они были свободны — в блокаде, под прицелами пушек...

— Мне поручили передать следующее, — нерешительно начал Орловский.

— Кто поручил?

— Сталин...

— Это который? — Анх хмыкнул и затоптал окурок. — Лучший друг советских детей? Тебя что, к нему возили?

— Нет. Я говорил по телефону...

Андрей слушал не перебивая. Юрий рассказал все, начиная с того момента, когда в его камеру внесли чемодан с формой. Разговор со Сталиным постарался передать дословно — кроме последней фразы. О Нике здесь говорить ни к чему...

Крапивин долго молчал, затем встал и отряхнул полы плащ-палатки:

— Ясно! Пойду дам приказ копать щели. Мы готовились к бомбардировке, но надо еще поработать. Может, детей и женщин все же убережем...

— Постой! — Юрий тоже вскочил. — Ты... Ты не хочешь вести переговоры?

— Я? Я-то хочу. Но ведь ты уже понял, Юрий! Им нужны не мы, им нужно Главное Заклинание. А вот этого я им сообщить не могу. Ну а твой Усатый нас без него не выпустит. Вот так...

— Андрей, погоди! Почему ты не хочешь отдать им «мэви-идхэ»? Это что — действительно пароль?

— Пароль? Ты о чем?

Орловский, как мог, пересказал Анху свои догадки. Тот помотал головой:

— Что ты, Юрий! Какая организация? Мы были самые законопослушные советские граждане, и в первую очередь учитель. Это не пароль, это просто Главное Заклинание, «мэви-идхэ». Ты ведь знаешь, что это такое!..

— Сейчас не до этнографии! — выдохнул Орловский. — Если это не пароль, надо соглашаться. Черт с ними! Если Сталин увлекается мистикой, то пусть пополняет коллекцию. Вас же будут бомбить! У них зажигательные бомбы...

— Ты говорил... Нет, «мэви-идхэ» я им не сообщу, хотя бы потому, что не знаю. Его вообще никто не знает. Знал только учитель, он ведь он потомок дхармэ... Но даже если бы я знал, то все равно отдавать «мэви-идхэ» нельзя. Это ведь оружие — ключ ко всем боевым заклинаниям! Нас сожгут в пять секунд, а затем полмира в придачу. Отец народов способен еще и не на такое...

Орловский вздохнул. Кажется, Крапивин, всегда скептичный и рациональный, заразился в этом лесу прабабкиными суевериями!

— Андрей! Это все мистика! А сейчас речь идет о жизни и смерти сотен людей. Ты что, серьезно веришь в дхарские заклинания, «Истинный Лик» и приход эннор-гэгхэна? Андрей, сейчас не времена Гхела Храброго! Мы живем в XX веке!

Крапивин сунул руки в карманы и молча слушал, никак не реагируя. Затем медленно распрямился, подняв ладони вверх. Юрий вспомнил: это был жест благодарности Высокому Небу.

— Я верю в эннор-гэгхэна, Юрий. И все мы верим. Он придет, осталось недолго. Больше нам не во что верить!.. А что касается Гхела... Вспомни «Гэгхэну-цорху», поединок Гхела с Рыжим Мосхотом. Как убил его Гхел?

— Как и полагается в сказке, — Юрий пожал плечами. — Взмахнул ладонью — тот лишился головы...

Рука Крапивина взметнулась вверх. Резкий рывок, удар по воздуху. В ответ — громкий треск: дерево, огромная старая ель, медленно, словно дивясь случившемуся, рухнуло на землю. Точнее упала ее верхняя часть, срубленная невидимым ударом.

— Еще? — Андрей легко взмахнул ладонью, словно стряхивая невидимую пыль. — Помнишь, Ранхай окружил себя огненным кольцом?

— Н-нет... не надо... — Юрий с трудом сглотнул и опустился на холодную землю. Это было, пожалуй, слишком. Фольклор, этнография... Он и сам знал простенькое заклинание, которым можно было разрубить врага. Всего четыре слова...

— Ты не думал, как это мы продержались здесь целых семь лет?

Орловский вспомнил слова комбрига. Вот тебе и окопные байки! Но ведь этого не могло быть, он ученый, он верит в науку. Однако срубленное дерево на поляне — тоже факт. Можно подойти, потрогать ровно стесанный обрубок ствола...

— Очухался, враг народа? — вздохнул Андрей. — Надо показать тебе еще кое-что. Ты говорил про «Истинный Лик» — так сказать, легенды про оборотней, характерные для многих европейских, равно как и для азиатских, народов. Пережитки тотемизма и слепого преклонения перед природой... Только сядь покрепче. Сел?

— Да... — Юрий покорно кивнул. Истинный Лик — способность принимать иной, звериный, облик...

Андрей тихо свистнул. В ответ послышался легкий шорох, к костру шагнули две высокие фигуры. Очень высокие... Слишком...

Анх включил фонарик. Луч света упал на одного из ночных гостей, и Юрий почувствовал, как земля уходит куда-то вниз. Да, он уже видел такое на рисунке, что подарил ему Ваня Лукин. На рисунке, над которым он долго смеялся.

...Они были огромны — метра два с половиной, а то и выше. Громадные лапы спускались к самым коленям, на пальцах вместо ногтей темнели кривые когти. Широкие, мускулистые плечи, покрытые густой шерстью... Странно, но чудища были в брюках, обыкновенных армейских брюках, правда, коротковатых для таких великанов.

Андрей кивнул, пришельцы присели к костру. Свет пламени упал на морды... И тут Орловский понял, что это не звери. У чу-

дищ были не морды — лица. Нечеловеческие, жуткие — но лица. Темные глаза смотрели на Юрия. Взгляд был осмысленным: чудища явно веселились. Одно из них тихо зарычало.

— А, извини! — усмехнулся Крапивин. — Юрий, это мой брат Вар, по паспорту Ваня. А это Коля, у него даже дхарского имени нет.

Вновь послышалось рычание, над костром протянулись две когтистые лапы. Юрий закусил губу и осторожно подал руку. Легкое пожатие — его ладони едва коснулись. Чудища сознавали свою силу.

— Еще не понял? — покачал головой Анх. — Попробуем так: закрой глаза, постарайся успокоиться и прислушайся.

Орловский послушно зажмурился. Да, так было легче. Можно представить, что он спит и видит сон, начитавшись дхарского фольклора...

«...Нет, он не услышит, он же не дхар!»

«Услышит, Ваня! Мы же пробовали, помнишь?»

Голоса были рядом, но шли не от костра, а откуда-то изнутри, рождаясь сами собой в его сознании. Голос Андрея Орловский узнал сразу. А второй...

«Юрий, ты слышишь меня?»

— Да... — глаза он по-прежнему не открывал. — Слышу! Что это?

«Не говори вслух, просто думай. Ну вот, видите, ребята!...»

«Ребята» — Ваня и Коля. Трехметровые гиганты с жуткими черными лицами...

«Здравствуйте, Юрий Петрович. Я Ваня Крапивин. Мне брат про вас рассказывал...»

«Добрый вечер, Юрий Петрович. Я Николай...»

Он их слышал, хотя никто не произнес ни слова. Что это? Телепатия, эстрадный фокус? Но телепатией владеют люди...

— Ладно, открывай глаза. Представление ужасов закончилось!

Орловский вновь послушался — и обомлел. Никаких чудищ не было. У костра сидели трое: Андрей и двое молодых безбородых парней, все в тех же брюках, правда, без рубашек. Крапивин снимал с плеч плащ, очевидно, чтобы гости не простудились.

— Юрий Петрович, вы нас уже не боитесь?

Ваня, брат Андрея... Скуластое лицо, светлые волосы — очень похож на старшего Крапивина. Коля совсем другой — темноволосый, с тонкими интеллигентными чертами лица. Славные ребята, но что он видел пять минут назад?

— Андрей, это... Это был гипноз да?

— Гипноз... Ладно, парни, марш на пост!

Легкий шелест — и возле костра их вновь было двое.

— Гипноз... Эх, Юрий, ученый ты человек! Ну вспомни! Ты же

должен знать — дхары не люди. Понимаешь? Мы другие, совсем другие...

«...Они были как свет. Они были всегда — сколько существует Высокое Небо. Когда возникла земля, они научились принимать видимый облик — человека и зверя...» Когда-то эти слова, прочитанные в книге, лишь удивили. Теперь, услышанные у гаснущего костра, — вселили страх...

— У нас мало времени, Юрий! — Крапивин начал сворачивать новую самокрутку, и Орловский мельком подумал: где осажденные берут табак? — Надо собрать Й'хасу — Совет. Поэтому я — коротко, а ты хочешь верь, хочешь нет... В общем, мы не люди. Если тебя пугает такая формулировка, то скажем так: дхары — народ, обладающий редкими природными способностями, не известными другим людям. Разницы нет... Истинный Лик ты уже видел. Кажется, товарищи красноармейцы принимают нас за ручных медведей. Между прочим, действует впечатляюще... Этой способностью обладают не все, только потомки серых. Помнишь, у дхаров было три племени? В подобном виде мы не можем говорить, как люди, зато способны общаться без слов — нечто вроде столь осмеянной наукой телепатии. Мы называем это «голосом племени»... Ладно, это ты видел своими глазами, убеждать не буду. Теперь о заклинаниях...

Крапивин глубоко затянулся и заговорил еще быстрее — кажется, кна-гэгхэн действительно очень спешил:

— Боевые заклинания — не та мелочь, что я показывал, а настоящие — не применялись сотни лет. Даже у Гхела не было такой возможности. Почему — не знаю. Но я уверен, что они действуют, необходимо лишь «Заклинание-Ключ». А теперь представь, если такое попадает к Усатому или к твоему Иванову. Представил?

Орловский кивнул. Что могут сделать боевые заклинания, он помнил.

— Поэтому я рад, что не знаю «мэви-идхэ». Нет соблазна отдать его — и получить большевистскую амнистию. Но даже не это главное, Юрий! Если мы узнаем «Ключ», то появится соблазн. Понимаешь, какой?

— Нет... еще нет...

Что может быть страшнее большевиков, вооруженных, к примеру, «Горячим Ветром», Орловский вообразить не мог.

— А ведь это просто! — На лице Анха мелькнула горькая улыбка. — Мы сидим в осаде семь лет. Мы смертники. И тут — такое!.. Мы можем не удержаться — даже я. Все это воинство, что пришло сюда, можно сжечь за полчаса — вместе с их пушками. Полностью — без следа! На Столицу мне потребуется час, от силы два... Сталина не спасет даже Коминтерн — и та нечисть, что

ему помогает! Ты понял? Мы можем сделать то, чего Колчак не смог — всего за несколько дней!

Орловский помотал головой. Услышанное было слишком невероятно. Но ведь увиденное — еще невероятнее!..

— Погибнут миллионы. Огонь сжигает всех — и виновных, и невинных. Я не хочу такой победы. *Пока* не хочу. Но если у меня будет заклинание — не знаю... В общем, все... Я предложу Совету все же начать переговоры. Вдруг удастся договориться? Если нет — постараемся прорваться. Конечно, уйдут не все... С нами не останешься?

Юрий вспомнил о револьвере. Бесполезная игрушка! Что он сможет сделать, когда «ТБ-3» повиснут над лесом?

— Не могу, Андрей. Если я не вернусь, они не начнут переговоров. Не знаю почему. Я же говорил...

Андрей кивнул:

— Усатый просчитал все ходы... Ладно, пошли поспишь, а на рассвете тебя переправят. И последнее... Утром попытайся ни с кем не разговаривать. Может, я свяжусь с тобой и скажу, чем закончились переговоры. Тебя вряд ли будут информировать. Ничего не делай, просто сиди спокойно и жди...

Крапивин затоптал догорающие угли, и поляна погрузилась во мрак. Через минуту Юрий вновь шагал по узкой тропе. Шли недолго. Почти рядом оказалась хорошо замаскированная землянка, возле которой Крапивин коротко попрощался, оставив Орловского одного.

...Юрий лежал на грубо сбитых нарах, стараясь успокоиться. Даже если то, что он увидел, не гипноз и не обман зрения, то по поводу всего остального Крапивин скорее всего ошибается. Боевые заклинания скорее всего сказка, в которую очень хочется поверить обреченным дхарам. Но отдавать «Заклинание-Ключ» Орловский не мог. Это не его тайна, и если Анх, дхарский вождь, считает, что «мэви-идхэ» не должно достаться врагам, Юрий должен молчать. Но ведь это — война! И он, Орфей, бессилен...

Юрий думал повидаться с Анхом утром, но перед рассветом за ним пришли все те же молчаливые проводники, вновь завязали глаза и повели лесными тропинками к опушке. Там его ждал вчерашний проводник, который явно обрадовался, увидев Орловского живым и здоровым. Снова долгий путь — по вешкам через минное поле, по мосткам через «колючку»...

Комбриг Миронов встретил Юрия возле штабного домика. С ним было еще трое, все с ромбами в петлицах. Орловский поздоровался и коротко сообщил, что дхары согласны на переговоры. Вопросов не было, комбриг лишь заметил, что правительст-

венная делегация уже прибыла. Кажется, товарищ Иванов, и тот, с усами, спешили!

Но дальнейшее Юрия уже не касалось. Его отвели в пустой домик, где он уже был вчера, посоветовав не выходить наружу. «Совет» прозвучал весьма убедительно, вдобавок к крыльцу приставили караульного.

Значит, все... ЗК Орловский выполнил приказ своих врагов, и теперь *они* попытаются вырвать тайну у предводителя осажденных. Анх ничего им не скажет — и «ТБ-3» поднимутся в воздух...

ГЛАВА 10

ВЕРА ЛАПИНА

Утром, придя на работу, Пустельга позвонил в Камерный театр, рассчитывая, что Лапина будет на репетиции. Действительно, Вера должна была присутствовать на «прогоне» нового спектакля, но она почему-то не пришла. Сергей положил трубку с некоторым облегчением. Ему не хотелось говорить с неизвестной девушкой. И вовсе не потому, что ему претили благодарности или не устраивало знакомство с актрисой Камерного. Пустельга научился не верить в случайности. То, что Вера узнала о нем, свидетельствовало, что об этой истории проведал кто-то посторонний. А вот это уже крайне плохо...

Надо было работать. Еще вчера, перед сном, Пустельга битый час анализировал причины неудач. Для начала нужен был хотя бы самый общий план поиска проклятой «Вандеи», но для этого требовалась какая-то зацепка, маленькая кочка в непроходимой трясине. Такой зацепкой мог оказаться взрыватель, но почти верное дело сорвалось...

Чуть припоздавшие на службу Ахилло и Прохор застали своего начальника за странным занятием: старший лейтенант рисовал чертиков. Точнее, это были не чертики, а крокодилы, один другого зубастей. Михаил-Микаэль попытался пошутить, но Сергей так цыкнул на подчиненного, что даже толстокожий Прохор сообразил, что командиру лучше не мешать.

Крокодилы выстраивались ровными рядами на казенной бумаге, а Сергей думал. Со взрывателем не вышло, Иностранный отдел не смог разыскать Тургула, бригады в провинции утонули в расследовании предполагаемых диверсий на заводах, Корфа следовало оставить в покое... Оставалось то, что и советовал таинственный ночной собеседник, — операция «Ковчег», таинственное исчезновение будущих «клиентов» Большого Дома. Этим он покуда не занимался, а, похоже, зря...

Последний, двенадцатый, крокодил остался недорисован-

ным. Сергей послал Карабаева за всеми данными по поводу сгинувших беглецов. Надо было собрать все: адреса, места работы, подробности побега. Вскоре на столе возвышался миниатюрный Эверест из папок, скоросшивателей и отдельных бумаг. Ахилло присвистнул, но Пустельга уже знал, что делать, и отправил Михаила за библиотечными карточками. Требовалась картотека. Этот метод Сергей всегда применял, работая с вражеской агентурой. Из всей информации выделялось главное: фамилия, адрес, место работы, время исчезновения. Сообразивший в чем дело Ахилло предложил добавить еще графу — про таинственную черную машину. За работу усадили Карабаева, который воспринял приказ безропотно, даже с некоторым удовлетворением. На стол одна за другой ложились карточки — первая, третья, десятая...

Вторую идею подал Михаил, предложив обозначить на плане Столицы места, где жили пропавшие. Мысль понравилась, и старшего лейтенанта отправили в спецотдел, где хранились подобные карты, давно уже перешедшие в категорию секретных. Вслед за этим Сергей усадил Ахилло за бумаги, велев еще раз их просмотреть и хорошенько подумать.

Работа казалась неподъемной. Всего исчезло сто восемьдесят три человека, в том числе сорок три женщины и тридцать детей. Однако Сергей чувствовал, что сеть закинута широко, но верно. Теперь следовало, не спеша, извлекать улов. Что-то явно было там, в непроницаемой глубине...

К вечеру от бумаг рябило в глазах. Сергей настолько устал, что напрочь забыл о Вере Лапиной. Вспомнил о ней уже ночью, засыпая, решив поутру перезвонить в театр. Но назавтра он тоже не позвонил. День начался необычно. Пустельгу вызвали в хозяйственное управление и вручили долгожданный ордер. Квартира оказалась неподалеку, на Большой Бронной, в огромном новом доме, построенном для молодых специалистов. Конечно, коммунальная, зато ему выделили целых две комнаты.

Узнав новость, Ахилло предложил немедленно сходить за коньяком, дабы тем же вечером устроить смотрины. Карабаев воспринял новость спокойно, поинтересовавшись лишь, не ходит ли под окнами трамвай. Первые месяцы в Столице лейтенант прожил в общежитии окнами на трамвайный парк и до сих пор не мог забыть обязательных побудок в пять утра.

Квартиру решили смотреть вместе после работы. Пока же Сергей, постаравшись забыть о будущем новоселье, вновь усадил свою маленькую группу за бумаги. И, как скоро выяснилось, не зря.

Первые новости появились у Михаила. В это утро Ахилло дымил особенно неистово, из-за чего пришлось открыть форточку, несмотря на холодный дождь, моросивший еще с ночи. Зату-

шив недокуренную папиросу, Михаил попросил разрешения высказаться.

— Роман в двух частях, — нарочито медленно начал он. — Рабочее название: «Из-под носа». По сюжету гражданина Лантенака. Автор и исполнитель — старший лейтенант Микаэль Ахилло...

Карабаев неодобрительно хмыкнул, Сергей же лишь улыбнулся. Зря Михаил отказался от театральной карьеры!

— Часть первая — «Машина»... — Ахилло перевел дух и заговорил совсем другим тоном, четко и деловито: — Черный «ЗиС», не особо новый, после серьезного ремонта. Не исключено, что у него было заменено левое крыло. Такие машины обычно предоставляются членам правительства, заместителям наркома и работникам ЦК не ниже заместителя заведующего отделом. Появляется всегда ночью, как правило, после одиннадцати вечера. Гудка никогда не дает, стоит недолго, не более пяти минут...

Сергей одобрительно кивнул.

— Теперь о шофере. Ездит он неплохо и имеет совершенно непробиваемые документы, скорее всего специальное удостоверение нашего ведомства. Это мужчина лет сорока, возможно, седой. Машина скорее всего закреплена за ним...

— А может, шофер? — недоверчиво заметил Карабаев.

— Едва ли, — покачал головой Ахилло. — Машину использовали минимум семьдесят три раза. Шофер не смог бы действовать так безнаказанно...

— Он в сговоре с хозяином, — не выдержал и Сергей.

— Не думаю, что кто-то доверит такую тайну шоферу...

— А номера? — поинтересовался въедливый Прохор.

— С номерами хуже. Большинство утверждает, что номеров у машины нет. Но, похоже, их просто прикрывают чем-то темным — или замазывают... Да, еще: искомый объект звонит всегда из автомата...

Ахилло отложил в сторону бумагу и вытащил из коробки очередную папиросу. Пустельга нетерпеливо ждал продолжения. Кажется, операция «Ковчег» начинала постепенно проясняться.

— Часть вторая — «Убежище», — Михаил вновь перешел на патетический тон. — Сия тайна велика есть. Начальство считает, что беглецов переправляют за кордон. Однако...

Он выждал паузу, затем продолжил, но уже обычным тоном:

— Однако, даже если это так, должен быть некий сборный пункт, база. И такое убежище, конечно же, есть. Оно в Столице, хорошо спрятано и надежно охраняется. Его обитатели не боятся «ежовых рукавиц» нашего славного наркома. Имеет несколько входов и выходов, куда можно попасть лишь по специальным пропускам. Внутри достаточно удобств, нет тесноты, хватает воды и припасов. Есть свет, достаточный, чтобы читать и писать.

Оттуда можно выходить, но это связано с какими-то трудностями. Его обитатели очень скучают, но за границу не спешат. Вполне вероятно, что переправка за границу — просто ложный слух. Вот, пожалуй, и все...

На этот раз вопросов не было. Пустельга еще раз перебрал собранную по крупицам информацию. На подземный бункер не походило. Дом? Он вновь вспомнил о пропавшем Доме полярников и тихо чертыхнулся.

— Аплодисментов, похоже, не будет, — вздохнул Михаил. — Но, как говорили римляне: сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше...

— Погодите! — Мысль о проклятом доме не выходила из головы. — Что это может быть? Здание? Подвал?

Ахилло пожал плечами:

— На большой дом, пожалуй, не тянет. У меня мелькнула совершенно идиотская мысль о подъезде...

— То есть?

— У нас в Столице достаточно домов для разных уважаемых людей — со швейцарами, вахтерами и милиционерами у входа. Представьте себе, что в одном из таких домов имеется подъезд, предназначенный якобы для работников оборонного предприятия или засекреченного института. Дом находится в ведении какого-нибудь наркомата. Нарком или замнаркома, агент «Вандеи», своим приказом выделяет жилье якобы для сотрудников какой-нибудь особой лаборатории. Люди поселяются...

— Не-а, — подумав, отреагировал Карабаев. — У нас в каждом доме, особенно таком, полно спецсотрудников...

— А мы их донесения проверяли? — вкрадчиво поинтересовался Ахилло.

Посрамленный Карабаев смолк. Пустельга, не удержавшись, стукнул кулаком по столу. А ведь Микаэль прав! В Столице десятки подобных домов!..

Работали допоздна. Когда все карточки были готовы, Ахилло предложил рассортировать их не по алфавиту, а по времени исчезновения. Идея понравилась. Можно проследить, кто первым воспользовался «Ковчегом», кого взяли следом...

На улице было темно, когда наконец все трое направились на Большую Бронную. Обстоятельный Прохор завел всю компанию в огромный магазин на Горького, принадлежавший когда-то беглому врагу народа Елисееву, дабы закупить закуски. Там же взяли и коньяку, потратив на это благое дело скромные «заначки», оставшиеся от очередного жалованья.

Подходя к подъезду, Сергей невольно усмехнулся. Он был

точь-в-точь, как описывал Ахилло, — с милиционером, вахтером и несколькими служебными авто у кромки тротуара. Не выдержав, он поделился этой идеей с подчиненными, после чего Ахилло мефистофельски захохотал, Карабаев же нахмурился, явно приняв командирскую шутку излишне всерьез.

В квартире было пусто. У вахтера, выдавшего ключи, Сергей узнал, что из пяти комнат одна пустует (ее владелец два месяца назад был отправлен прямиком в Большой Дом), а две другие принадлежат известному конструктору, который целыми месяцами пропадает на далеких полигонах. Итак, старший лейтенант Пустельга имел возможность боговать в тишине, не ведая кухонных склок и баталий из-за очереди в ванную.

Комнаты оказались просторными, потолки — высокими, а от прежних хозяев осталось кое-что из мебели: широкая скрипящая кровать, пустой платяной шкаф и старый стул со сломанной ножкой. Все остальное практичный Карабаев предложил выписать в хозяйственном управлении, дабы не тратить деньги на бытовое мещанство.

...Наутро слегка трещала голова. Все трое ночевали прямо на полу, постелив шинели. Очень хотелось горячего, но кухня была пуста, и Сергею пришлось сходить к вахтеру за чайником.

Картотека, заботливо сложенная в две картонные коробки, «заговорила» не сразу. Вначале Сергей просто перебирал карточки, соображая, с чего начать. Кто ушел первым: военные, инженеры, журналисты?

Ответ оказался неожиданным: среди первой двадцатки большинство составляли старые большевики со стажем до 17-го года. Троцкисты, бухаринцы, рютинцы, друзья Смирнова и Ломинадзе, недобитые зиновьевцы... Пустельге стало жарко, несмотря на зябкий сырой день. Если эти недострелянные ушли в убежище первыми, значит... Значит, именно для такой публики оно и создавалось! Где-нибудь в середине 20-х оппозиционеры могли не спеша, заранее подготовиться к возможным неожиданностям!

...Дальше стали исчезать фигуры помельче: из комсомольцев, слишком преданных Троцкому или Бухарину, из недоучившихся «красных профессоров», друживших со Стэном. И лишь год назад в «Ковчег» стали попадать инженеры, конструкторы, несколько писателей и журналистов. Почти не было военных и, неожиданная странность, никого из Большого Дома. Даже из старых большевиков никто в прошлом не имел отношения ни к ВЧК, ни к ОГПУ. Людей, похоже, тщательно отбирали, стараясь держаться как можно дальше от НКВД. Может, поэтому «Ковчег» до сих пор оставался недоступным?

Пустельга не удержался и предложил свои выводы подчинен-

ным. Карабаев глубоко задумался, но не спешил с выводами. Зато загорелся Ахилло:

— Ну, отец-командир! Коньяк на вас действует как мозговой стимулятор!

Сергей глубоко вздохнул — голова по-прежнему потрескивала.

— Ведь что получается? Вначале уходит маленькая группа. Затем туда же зовут — кого? Их родственников, знакомых, сослуживцев, одним словом, своих. Потом эти «свои» зовут собственных родичей и друзей... Почти семейная контора, понимаете? Никаких чужаков! А я еще удивлялся, почему никто из тех, кому звонил этот седой, не пошел к нам!

— Это еще доказать надо, товарищ старший лейтенант! — недоверчиво заметил Прохор. — С чего мы взяли, что все они спрятались в одном убежище? То, что за границей их нет, еще ничего не значит. Может, половина сорвалась из Столицы и с новыми документами в провинции прячется? А насчет связей — это еще проследить требуется...

— Требуется, — кивнул в свою очередь Пустельга. — Михаил, займетесь! Уж больно все аккуратно получается...

После работы Сергей съездил в общежитие и уложил свой старый фанерный чемодан. Можно было переезжать. Мелькнула мысль, что следует заехать в Камерный, подождать конца спектакля и увидеть наконец Лапину. Но Пустельга рассудил, что этим вечером он занят. Переезд на новую квартиру — более уважительной причины, пожалуй, не бывает...

Дома, ибо теперь здесь, на Бронной, был его дом, он поставил чемодан посреди комнаты, повесил в шкаф свой штатский костюм и отнес на кухню купленный накануне чайник. Для начала Сергей решил прилечь на кровать и перечитать взятую в библиотеке книгу Виктора Гюго, дабы успокоить совесть. Одолей он своевременно книгу, разговор о Лантенаке мог бы кончиться не столь бесплодно...

Первую главу Пустельга одолел быстро, а затем начал просто перелистывать, вспоминая знакомые эпизоды. Фрегат «Клеймор» везет Лантенака во Францию, нищий спасает беглого маркиза, бывший аббат Симурден обещает расстрелять того, кто проявит слабость...

Кое-что в перечитанном сразу насторожило. «Вандея» — название было удачным. Подпольщики словно приглашали перечитать Гюго. Но зачем? Вандея — гражданская война. Тот, кто назвал так организацию, словно намекал: готовьтесь! Лантенак и Кадудаль, Фротто и Рошжаклен выйдут из подполья — и «белые» вновь пойдут на Столицу...

А что на деле? Беглецы, прячущиеся в тайном убежище, антисоветские публикации... Может, в Большом Доме не замечают главного? Пока ищут бежавших «красных профессоров» и комсомольских активистов, где-то незаметно зреет мятеж, и эти спрятанные нужны, чтобы придать будущей власти оттенок преемственности, когда в кабинеты наркомов сядут не эмигранты, а бывшие бухаринцы и рютинцы?..

Пустельга помотал головой, отгоняя нелепые фантазии. Спешить не следовало, спешить просто опасно...

Он вновь взялся за книгу. Итак, фрегат «Клеймор», английский корабль с экипажем из французов-эмигрантов, готовится выйти из гавани...

Внезапно потух свет. Пустельга вздохнул и аккуратно закрыл роман. В Ташкенте он привык к подобному, электричество в городе то и дело пропадало. Странно, что такое бывает и в Столице. Может, просто выбило пробки?

Сергей подошел к двери и выглянул. В подъезде света тоже не было. Решив лечь спать, он направился на кухню, чтобы глотнуть холодного чаю, и вдруг остановился. В дверь стучали.

...Вначале показалось, что это просто капли дождя бьют по стеклу. Потом подумалось, что сосед по площадке явился с предложением ремонтировать распределительный щит...

Пустельга подошел к двери и уже хотел было открыть замок, как вдруг откуда-то из неведомых глубин вынырнул страх. Ночь, пустая квартира, темнота. Он откроет...

В дверь вновь постучали, Сергей вздохнул, решив, что распределительный щит чинить не будет, и щелкнул замком.

— Сергей Павлович? Товарищ Пустельга?

Голос был женский. От неожиданности Сергей отшатнулся, успев подумать о соседке, столь же заинтересованной в починке освещения.

...Девушка, невысокая, в расстегнутом легком плаще. От нее пахло дождем и почему-то бензином. Голос внезапно показался знакомым...

— Д-да. Это я...

— Я Вера... Вера Лапина. Мне надо с вами... Можно войти?

На тебе! На миг стало жарко — и снова вернулся страх.

— Можно зайти? — растерянно повторила девушка, заметив, что Пустельга молчит. — Я промокла. Там так холодно!..

Сергей наконец опомнился. В любом случае гостью, к тому же промокшую и замерзшую, держать на лестничной площадке не полагалось.

— Заходите. Прямо по коридору, вторая дверь направо. Я сейчас...

Он поспешил в комнату и быстро накинул пиджак. Вернув-

шись, запер дверь и провел гостью к себе. Случайно прикоснувшись к ее руке, Пустельга почувствовал ледяной холод, как будто Вера пришла с лютого мороза.

— Я сейчас заварю чай...

— Не надо...

Лапина бессильно опустилась на край кровати (больше садиться было некуда) и помотала головой.

— Если можно — полотенце. У меня волосы промокли.

Чай Сергей все-таки поставил. В одной из вчерашних бутылок оставался еще глоток коньяку. Вера между тем тщательно вытирала волосы, они оказались длинными, по пояс. Тусклый свет падал из окон, и Пустельга смог разглядеть ее лицо. В полумраке черты лица странно заострились, кожа казалась бледной, какой-то пепельной...

— Спасибо, — Вера глотнула коньяк. — Мне некуда было идти, Сергей Павлович...

— Просто Сергей, — предложил Пустельга. — А вас...

— Да, конечно, — на губах промелькнула улыбка. — Зовите по имени, Сергей. Давайте все-таки познакомимся...

Маленькая ладонь обожгла холодом, и Пустельга пожалел, что коньяка осталось так мало.

— Вера, у вас руки ледяные!

— Да... Весь день ходила по улицам, пыталась ездить в метро, чтобы согреться, но потом мелочь кончилась, а кошелек я забыла. Сергей, давайте я расскажу все сразу...

Вера говорила тихо, голос был растерянный и какой-то безнадежный, словно она заранее знала, что ей не поверят.

— Вы знаете, я попала в плохую историю. Переписывалась с одним человеком. Военным... Потом его арестовали, мои письма и фотографии оказались у Рыскуля. Дальнейшее вы знаете, Сергей... Это было страшно, мне впервые в жизни захотелось умереть...

Она замолчала, но Пустельга не торопил. Он уже пришел в себя и теперь слушал девушку не только с сочувствием, но и с профессиональным интересом. До сих пор она говорила правду.

— Потом... Я попросила кое-кого из знакомых... Мне обещали помочь, но затем сказали, что это безнадежно. И тут пришел Микаэль...

— А кто такой Микаэль? — как можно равнодушнее поинтересовался Пустельга. Девушка явно удивилась:

— Миша? Его у нас все знают! Он сын Александра Ахилло, очень симпатичный молодой человек, такой общительный!.. Он зашел ко мне и отдал документы. Я так и не поняла, откуда они у Миши...

Сергей кивнул. Вера по-прежнему не лгала. Он постарался со-

средоточиться. Сейчас начнется главное, и надо понять, где правда, а где — нет...

— Я так обрадовалась! Вы, конечно, понимаете... — Лапина вновь покачала головой, мокрые волосы упали на лицо. — В то утро мне казалось, что есть все-таки бог на небе! Но в тот же вечер мне позвонили. Голос мужской, незнакомый... Сказали, что документы достали вы, назвали вашу фамилию и номер телефона. Вначале я ничего не сообразила и позвонила вам сказать спасибо...

Девушка не лгала, но Сергей ощутил, что каждое слово дается ей с трудом. Она, похоже, колебалась, рассказывать ли дальше.

— Потом... Потом еще звонок, тот же голос... Он сказал, что вы совершили должностное преступление, добывая документы. Что есть свидетели, а значит, я соучастница. И если я не хочу попасть в камеру, а потом в лагерь, то должна выполнять то, что мне скажут...

Пустельга почувствовал в ее тоне легкую странность. Что-то было не совсем так. Вера явно не договаривала...

— Они хотели... Вначале я думала, что этот, неизвестный, хочет того, что и Рыскуль...

Внезапно девушка уткнулась лицом в ладони. Узкие плечи вздрагивали — Вера плакала, без звука, словно ей что-то сдавило горло. Наконец медленно подняла голову:

— Извините... Это было так омерзительно! Рыскуль — животное... Дайте мне платок или полотенце...

Чистого платка у Пустельги не оказалось. К счастью, полотенце было рядом.

— Он сказал, что я должна познакомиться с вами. Что это будет легко: вы человек молодой, симпатичный... — Вера горько усмехнулась. — И даже посредственной актрисе это вполне по плечу, а мне так и бог велел. Он, кажется, видел мои спектакли: назвал несколько ролей... Я должна стать вашей знакомой, другом и выполнять их указания...

— Какие именно?

История была самой элементарной. Вербовка, простая и не очень грамотная. Страх и угрозы — стимул не особенно надежный, особенно в длительной перспективе.

— Они не сказали. Я должна вначале войти к вам в доверие...

Стоп! Сергей сдержал усмешку. Вера лгала! Лгала очень убедительно, но Пустельга кожей почувствовал неправду. Ей сказали, это точно...

— Я поняла из его намеков, что должна узнавать от вас какие-то служебные тайны. Вы ведете важное расследование...

Тоже ложь! Тут не требовались даже отмеченные в его служебной характеристике «особые способности». Только человек, да-

лекий от спецслужб, мог допустить, что сотрудник Большого Дома будет поверять служебные тайны своим знакомым...

— Я отказалась, но мне угрожали... Вчера я заметила у дома каких-то подозрительных типов, сегодня утром тоже. Я не пошла в театр, весь день бродила по городу, а потом решила идти к вам... Что мне делать, Сергей?

— Сейчас? Успокоиться и лечь спать.

Пустельга встал, прикидывая, куда уложит гостью. Жаль, что он не успел обзавестись хотя бы раскладушкой!

О деле он решил больше не говорить. Девушку, конечно, заагентурили, иначе откуда ей знать адрес на Бронной? Бедная Вера! К тому же агент из нее никакой, такие держатся недолго, срываются, их очень легко перевербовать...

— Вы ляжете здесь, — Пустельга кивнул на кровать. — Простыней и одеял, увы, нет. Я вам дам шинель...

— Сергей! Вы мне не верите? Ну что же мне делать, помогите! Я попала в какую-то западню...

Холодные ладони легли на плечи. Ее глаза оказались рядом, широко раскрытые, испуганные. И все-таки она играла — играла прекрасно, профессионально. Пустельге внезапно стало невыносимо жаль молодую актрису. Да, она попала в западню. Наверное, тому, кто звонил по телефону, хватило серьезных аргументов.

— Я вам верю, не надо, — Сергей осторожно отстранился, заставив себя улыбнуться. — Бояться вам нечего, никакого преступления я не совершал. Эти мерзавцы просто лгут! Поспите, а утром поговорим конкретно...

В ее глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение. Но затем — снова страх, и Пустельга еще раз убедился, что девушка рассказала далеко не все.

— Правда? Но почему они... Господи, что же мне делать?

— Пока — отдыхать. Не волнуйтесь, все будет в порядке...

В последнем Сергей был, конечно, не уверен. Но что-то сделать придется. В конце концов, за подобные вещи положено крепко бить по рукам. Да и Веру жалко. Запутали девушку, сволочи!..

Он укрыл Лапину шинелью и начал устраиваться у двери, прикидывая, что можно постелить на паркет. Внезапно Вера подняла голову:

— Сергей! Вы что, собираетесь спать на полу? Прекратите немедленно! На этой кровати можно уложить пятерых! Можете положить между нами пистолет вместо меча...

— Как в «Тристане и Изольде»?

«Тристана» Пустельга видел в Харькове в исполнении разъездной труппы.

— Мы как раз собираемся ставить «Тристана». — Вера подо-

двинулась к самому краю, и Пустельга, не испытывавший воодушевления при мысли о ночевке на паркете, неуверенно присел на кровать. — Я, честно говоря, очень хотела сыграть Изольду, но в последний момент роль дали, как всегда, Алисе, жене нашего главного...

Сергей вздохнул и устроился с другого края кровати, накрывшись с головой извлеченным из чемодана старым пальто. Интересно, что *они* от него хотят? Уже засыпая, Пустельга вдруг подумал, что подсылать агента стоило лишь в одном случае — если требуется подготовить убийство. Он не женат, а значит, «бытовуху» шить бесполезно. Но только какой из Веры агент-ликвидатор? Разве что Рыскуль решил отомстить. Да и то вряд ли — побоится, сволочь! А если не Рыскуль, то кто тогда?

Ночью он почувствовал резкий холод. Открыв глаза, Сергей сообразил, что девушка совсем рядом, ее рука лежит поверх пальто, лицо чуть касается его затылка. Холодно, очень холодно! Сергей отодвинулся на самый край. Вера глубоко вздохнула во сне, по лицу пробежала быстрая судорога...

...Будильник зазвенел, как всегда, неожиданно. Пустельга дернулся, и, не открывая глаз, сел на постели. Будильник все звенел. Сергей разлепил веки — и обомлел. Кровать была пуста, шинель лежала поверх пальто, и он понял, почему под утро ему стало теплее...

Входная дверь оказалась запертой. Пустельга нажал кнопку выключателя — лампочка вспыхнула как ни в чем не бывало...

По пути на работу, шагая по оживленной, полной спешащими людьми улице Горького, Сергей, перебрав события прошлой ночи, отметил одну странность. Допустим, у неудачливого агента не выдержали нервы. Вера встала с кровати, накинула плащ, вышла, заперла дверь. Ключи у нее, конечно же, имелись... Стоп! На двери, ведущей на лестничную площадку, не просто замок! Там еще и задвижка, которую можно закрыть лишь изнутри. Когда сегодня он открывал дверь, задвижка была... на месте! Получалась форменная чушь. Не могла же Вера задвинуть ее с *той* стороны!

Ахилло и Прохор уже были на месте, занимаясь каждый своим делом. Карабаев ползал по расстеленной на полу огромной карте Столицы, старательно отмечая местожительство беглецов, Михаил же вырисовывал на бумаге какую-то затейливую схему. Сергей молча сел за картотеку...

День прошел без всяких происшествий, вечером тоже ничего не случилось, и Сергей испытал нечто вроде разочарования. Последующие дни были столь же скучны и обыденны. Пустельга

привез кое-что из мебели, выписав самое необходимое в хозуправлении, и прикупил всякие полезные мелочи, в том числе посуду и красивую настольную лампу. Теперь у Пустельги имелся письменный стол, кресло и даже небольшой вентилятор. Быт получался непритязательным, но пока хватало и этого. Домой Сергей приходил только ночевать — дел было слишком много. Операция «Ковчег» продолжала медленно, но неуклонно обрастать новыми, чрезвычайно любопытными деталями.

Карабаев завершил работу с картой. Для пущей наглядности лейтенант обозначил места, где жили беглецы, пустыми гильзами от мелкокалиберной винтовки, предварительно смазав их клеем, дабы не падали. Ахилло рассудил, что это символично, после чего все трое принялись изучать Столицу с птичьего полета.

Гильзы стояли внешне без всякого порядка. Беглецы жили в самых разных концах города, однако Сергей сразу же заметил странные скопления. В некоторых местах гильзы стояли густо, впритык, кое-где — по две-три, а местами — по десять, а то и по пятнадцать. Возле самой реки, рассекавшей город на две части, они выстроились целой батареей.

— Которые по две, по три, — старательно разъяснял Прохор, — это семьи. Которые помногу, те из одного дома...

— Ведомственные дома, — сообразил Ахилло. — Ну, конечно! Дом старых большевиков, дом инженеров авиации...

Он нагнулся над картой, внимательно изучая гильзовый пейзаж и время от времени произнося нечто вроде «Ага!». Сергей, слабо знавший Столицу, был вынужден прибегнуть к помощи Карабаева. Особенно заинтересовало Пустельгу скопление гильз у реки.

— Шестьдесят три штуки, — довольно пояснил лейтенант. — Это Дом Правительства...

Сергей понимающе кивнул. Конечно, там могло проживать немало тех, кому грозил арест. Но количество гильз все же удивило.

— Так называемый Дом на Набережной, — Михаил легко коснулся пальцем карты. — Архитектор Иофан, дом построен в конце 20-х для семей работников центральных учреждений. Домина огромный — подъездов сто...

— Сто? — Пустельга покачал головой.

— Ну, не сто, но много. Кстати, уникальное место для еще одного — секретного...

— Там и без того секретов полно, — пожал плечами Прохор. — Ход подземный к Главной Крепости, подвалы, даже радиостанция собственная. Вражинам не укрыться: наши пасут все время...

— И все-таки шестьдесят три! — недоуменно хмыкнул Сергей. — Треть!.. Ладно, что мы имеем?

— Строго говоря, ничего, — развел руками Ахилло. — Я уже

говорил: опасней всего — совпадения... Прохор, у вас нет сушеных тараканов?

Пустельга от неожиданности рассмеялся. Карабаев невозмутимо покачал головой.

— Михаил, у меня, кажется, обнаружились клопы, — отсмеявшись, предложил Сергей. — Можем устроить охоту...

— Клоп — он мелкий. Нужны тараканы! Надо положить по таракану возле тех домов, где была черная машина...

Пустельга затаил дыхание. Ну конечно! Какой все-таки Михаил молодец!..

— А пуговицы годятся? — поинтересовался практичный Прохор. — Зайду завтра в «Детский мир», благо рядом...

Михаил между тем продолжал исчерчивать лист за листом, создавая нечто, напоминающее генеалогическое древо. Многие линии утыкались в пустоту, но закономерность просматривалась и здесь. Те, что бежали первыми, тянули за собой родственников, соседей, сослуживцев. Случайных людей было мало, версия о «семейной конторе» начинала получать подтверждение...

...Роман Гюго был прочитан. Первое впечатление осталось: книга прежде всего о гражданской войне. «Вандея» должна иметь прицел на что-то подобное, иначе название лишалось смысла. Значит, где-то рядом ведется невидимая работа, копится оружие, намечаются объекты для атаки? В конце концов Пустельга решил поделиться своими сомнениями. Скептика Прохора он предпочел не волновать, а побеседовать с Михаилом.

Случилось это под вечер, в самом начале октября. Карабаев отпросился с работы чуть раньше, сославшись на визит дальних родственников, и Пустельга со своим сотрудником остались в кабинете одни.

— Бог весть, — рассудил Микаэль, выслушав соображения начальства, — Сергей! Я хоть и несостоявшийся актер, но все-таки работник органов, а эта профессия приучает к реализму. Как говаривал Станиславский: «Не верю!»

— Почему? — Пустельга даже обиделся. — Мы же читали о процессе Зиновьева, о процессе Пятакова!.. Вас не убедило?

— Угу... Очень убедило! Ведь что выходит? Те, кого вы назвали, еще совсем недавно пользовались огромным влиянием. У них была связь с Троцким, с иностранными спецслужбами. Их люди были во всех республиках, в центральных наркоматах, у нас, в армии. И что? Убили Кирова? Еще двоих-троих? Гора родила мышь — и то полудохлую... Теперь с другой стороны...

Михаил оглянулся, словно их могли подслушивать. Предосторожность, конечно, не лишняя, особенно в Большом Доме...

— Коллективизация... Вы хоть представляете, что тогда было? Жаль, нет товарища Карабаева, он как раз свидетель. Пятнадцать миллионов депортировано! Пятнадцать! Из них несколько миллионов взрослых мужиков с опытом гражданской войны и со спрятанными обрезами! И что? Пикнули?

— Но... ведь тогда были попытки... Убивали активистов... В Туркмении был мятеж. И в Узбекистане...

Пустельга приехал в Ташкент несколькими годами позже, но был наслышан о событиях 30-го.

— Мелочи! Мелочи, Сергей! Взбунтовалось несколько тысяч дехкан на окраинах да постреляли сотню селькоров в центре! Нашего Прохора ранили... И все? Выходит, все. А ведь лучшего повода для восстания не было! Что, прошляпило подполье? Думаю, нет — просто не смогло... Теперь дальше: 33-й, Украина, голод, хуже чем при Годунове. И что? Отдельные бунты, письма в ЦК — и все? И это Украина? Что там творилось в гражданскую! Там что, не было подполья? Было! Не потянули!

Пустельга слушал, немного ошарашенный. О таких вещах его сослуживцы обычно предпочитали молчать. Обобщать порою опасно...

— Теперь 34-й и чуть позже. Для подполья, Каменева, Бухарина, их банды, это был последний шанс. Последний! Мы уже вышли на Рютина, на Смирнова, на Ломинадзе, на Зиновьева! Если бы у них была хоть какая-то возможность, неужели не выступили бы? И что? Убили Кирова, довели народ до бешенства — и сами в могилу?

Он покачал головой, закурил очередную папиросу:

— Теперь год 1937-й. Все «бывшие», от троцкистов до монархистов, изолированы или уничтожены. Сейчас мы дочищаем остатки. Перешерстили все наркоматы, пустили «частый бредень» по крупным городам. Сопротивления, как видите, ноль. И какие перспективы? Выйдут эти две сотни из «Ковчега» — и что? Для восстания нужны тысячи, нужна поддержка армии...

Сергей вновь вспомнил роман Гюго. Вандея восстала, когда прусаки шли на Париж...

— Вариант Троцкого? — понял его Микаэль. — «Когда враг будет в сотне километров от Столицы, мы вас, бездарных бюрократов, будем расстреливать!» Так, кажется, у Льва Революции, простите, у Иудушки? Но если не восстали в 30-м, в 33-м, не восстали сейчас, то не смогут и тогда...

— А почему — не восстали? — не выдержал Сергей.

— Народ убедился в реальных преимуществах советской власти и отверг посулы буржуазных и фашистских наймитов...

— Я серьезно... — Привычная формула внезапно вызвала раздражение.

— И это тоже. Сторонников у нас хватало, даже в 30-м. Вон наш лейтенант, например... Кроме того, разветвленная сеть партийных организаций и спецслужб, плюс грамотная пропаганда. А в общем, такое впечатление, что потенциальные бунтари потеряли пыл. Словно кто-то вырезал у них шишки агрессии... Или что там есть в мозгу?

Пустельга только вздохнул. Мысль о повальной лоботомии показалась еще более безумной, чем идея «спрятанного» подъезда.

— Сергей! Если в самом деле будет путч, его организует не Лантенак, а кто-то на самом верху. Не нужны будут ни склады с оружием, ни баррикады. Отдадут приказ двум-трем полкам в Столице... И мы тут бессильны!

Пустельга вспомнил слова товарища Иванова: «Вандея» не связана с высшими эшелонами. А если все же прав Михаил? Нет, покойный Виктор Гюго вместо того, чтобы разъяснить дело, изрядно все запутал...

Они уже прощались, когда Ахилло отозвал его в сторону, вновь оглянулся, словно в кабинете мог прятаться посторонний.

— Сергей, не хотел вас вмешивать, но... Вера Лапина пропала. Родители заявили в милицию, но боюсь...

Он не договорил, но Пустельга понял. Сердце резко забилось, на душе стало муторно. Вера приходила к нему пять дней назад...

— Когда... Когда исчезла?

— Почти неделю тому. Думали, что уехала к родственникам в Тулу...

— Фотография у вас с собой?

Ахилло достал из портфеля небольшой снимок. Вера была на нем в ярком весеннем платье, улыбающаяся, с распущенными волосами. Снимали, вероятно, где-то в парке...

Сергей положил фото на стол и прикрыл глаза. С того первого дня в Столице он редко пробовал применять свои «особые способности». Следовало расслабиться, успокоиться... Пустельга открыл глаза и медленно поднес снимок к лицу.

Михаил ждал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Наконец Пустельга положил фотографию на стол.

— Никак не пойму. Либо она очень-очень далеко... Либо... Понимаете, Михаил, я только на миг поймал эхо — очень странное, какое-то тусклое...

Микаэль, уже успевший узнать у своего начальника суть его метода, покачал головой:

— Значит... Ее нет в живых?

— Не знаю.

Сергею стало не по себе. Бедная девушка! Она так сокрушалась, что роль Изольды отдали жене режиссера...

— Может, она очень больна. А может... Михаил, такое эхо бывает у тех, кто погиб совсем недавно — несколько часов назад!..

В подъезде опять было темно, однако на самом верху горел свет, так что виной был не забастовавший распределительный щит, а загулявший дворник, вовремя не вкрутивший новые лампочки. Сергей подошел к двери и стал возиться с ключом. Замок никак не хотел попадать в невидимую скважину. Наконец Пустельга провернул ключ — и только тогда понял, что на темной площадке он не один.

— Извините, я решила вас подождать...

— Вера! Вы?

Сначала страх сменился радостью, затем — стыдом. Тоже мне, Мессмер! Наговорил Михаилу разных ужасов...

— Вера, откуда вы? Вас ищут!

— Да... — В темноте послышался грустный смех. — И очень настойчиво! Сергей, я становлюсь невозможной, но мне действительно некуда деться...

— Да, конечно...

Он открыл дверь и впустил гостью. От нее вновь пахло дождем и чем-то еще, странным и неожиданным. Прошлый раз это был запах бензина; Сергей тогда подумал, что, вероятно, Веру подвозили на машине. Теперь же от ее волос доносился легкий, еле заметный запах сырой земли.

В коридоре было темно, но Лапина попросила не включать свет, пояснив, что не желает пугать его своим видом. Актриса оставалась актрисой...

Скинув плащ, девушка сразу же отправилась в ванную, желая привести себя в порядок. Маршрут Сергея был иным — на кухню, где уже успели завестись кое-какие продукты. Раз уж так вышло, с Верой следовало поговорить всерьез, ведь пропавшую актрису искала столичная милиция!

Вера появилась нескоро, зато во всем блеске. Пустельга покачал головой: если на лице девушки и был грим, то он казался совсем незаметным.

— Да-а! Жаль, вас не взяли на роль Изольды!..

— Первый комплимент, Сергей?

Вера улыбнулась, и Пустельга понял, что сегодня у нее настроение совсем иное, чем в прошлый раз. Или это тоже — игра?

От ужина гостья отказалась категорически, и Пустельга еле уговорил ее хлебнуть чая. Вера говорила о театре, вспоминала свои первые спектакли, пересказывала забавные театральные истории... Сергей ждал. Все было не так! Девушку искали, ей грозили, она просила помощи — и вот, как ни в чем не бывало, ведет светскую беседу!..

— Сергей, я знаю, о чем вы думаете. — Пальцы легко коснулись его руки. — Вы думаете о том, когда я наконец начну говорить правду, да?

Можно было спросить: «О чем?» — но играть комедию не хотелось, и Пустельга просто кивнул.

— Хорошо, вот вам правда. Прошлый раз я не сказала вам всего. Меня все-таки заставили подписать какую-то бумагу. Я обязалась следить за вами — за человеком, который меня спас! Потом... потом я бежала, кое-кто мне помог...

— А зачем было бежать? — наивно поинтересовался Сергей. — Не проще ли было сразу прийти ко мне? Теперь вас ищет милиция...

— Я не училась агентурной работе... Несколько дней я боялась выйти, потом решилась... У меня, как вы, наверное, догадались, есть ключ от вашей квартиры, но мне было противно входить без спросу. Я решила подождать...

— Вы думаете скрываться у меня? — бледно улыбнулся Пустельга.

— Боже, как вы настроены против женщин!

Сергей не был знатоком актерского искусства, но тут же вспомнил любимую Микаэлем фразу Станиславского...

— Нет, товарищ старший лейтенант НКВД, скрываться в ваших двух комнатах я не хочу. Нам лишь надо договориться, что мне докладывать этим негодяям. Я играла в пьесе «Ошибка инженера Кочева» и знаю, что это называется «двойной агент»...

Да, это называлось именно так. И то, как вела себя девушка, было, в свою очередь, лучшим способом войти в доверие. Этот способ Сергей всегда рекомендовал агентуре.

— Говорите им сущую правду, Вера. Можете описать расположение мебели в моей квартире...

— Не верите? Конечно, как информатор я им не нужна. Ведь так?

Пустельга невольно насторожился. Именно так он и думал.

— Мне кажется, я должна куда-то вас заманить, завлечь... Но вот тут я им не слуга! Хотите верьте — хотите нет. Вы помогли мне, а я все-таки не последняя сволочь...

Хотелось верить. Очень хотелось верить этой несчастной девушке...

Раскладушку Сергей так и не достал, поэтому оставалось улечься прежним порядком. Пустельга поспешил отвернуться к стене, буркнув что-то о будильнике и вечном недосыпе. Внезапно он услышал плач, тихий, безнадежный.

— Сергей... Сережа... Я вам так противна, да? Вы меня ненавидите?

...Ее руки были холодны, губы казались ледяными, и таким же трупным морозом веяло от ее кожи. Холод сковал, затопил, унося последние силы. Вера что-то говорила, быстро, неразборчиво, но Сергей не мог понять ни слова. Он чувствовал лишь отупляющую

слабость — и тяжесть, давящую, неподъемную. В голове вертелась дурацкая фраза, слышанная когда-то в Харькове: «Лучший способ вербовки агентуры...» В недолгий миг просветления пальцы случайно коснулись ее горла, и Пустельга вздрогнул: под пальцами оказался шрам — длинный, широкий. Странно, он не видел его. Или виною тому был грим? А потом на него вновь обрушился холод. Сердце замерло, и все исчезло. Остались только темнота — и странная, звенящая тишина...

Сергей проснулся от боли. Застонал, открыл глаза. Сильно болела шея. Пустельга провел рукой по коже и поморщился. Кровь...

— Вера... — Голос был почему-то хриплым, странным. Сергей прокашлялся и неуверенно повторил:

— Вера, вы...

Ответа не было. Уже догадываясь, что он сейчас увидит, Сергей резко повернулся. Кровать была пуста. Там, где лежал он, на простыне краснело маленькое пятно. Пустельга вновь поморщился и с трудом встал. Голова слегка кружилась. «Лучший способ вербовки агентуры»! Нет, на вербовку в стиле Мата Хари или Фрау Доктор это никак не походило. Тогда что все это значит?

Сергей заставил себя думать о работе, на которую уже опаздывал, и, лишь спускаясь по лестнице, сообразил, что, выходя, ему пришлось открывать и замок — ключом, и задвижку. Задвижку, которую можно закрыть лишь *изнутри*! Он чертыхнулся, провел рукой по смазанной йодом шее и решил, что начинается бред...

В довершение всего орденоносец Ахилло не явился на службу. Карабаев невозмутимо сообщил, что тот позвонил, предупредив, будто задержится по важному делу. Пустельга мрачно кивнул, мысленно пожелав подчиненному, дабы тот пришел позже, когда его собственное настроение слегка улучшится.

Михаил появился после полудня, неразговорчивый и хмурый. Пустельга, заставив себя забыть собственные неурядицы, поспешил отослать Прохора с каким-то поручением в следственный отдел и выжидательно поглядел на Микаэля. Тот невесело улыбнулся.

— Ругаться будете, отец-командир?

— Нет...

Ругаться и вправду расхотелось. Сергей уже понял: что-то случилось. Плохое. Очень плохое....

— Худо дело... Мне позвонили утром: нашли Веру...

— Что?! — вскинулся Пустельга. — Ее нашли? Задержали?

— Вы не ошиблись вчера. К сожалению... Вера мертва уже больше недели...

Сергей прикрыл глаза. Показалось, что он снова бредит — или сошел с ума всегда жизнерадостный Михаил.

— Вы уверены? Этого... этого не может быть!..

— Может... У меня приятель на Петровке. Раскопали свежую могилу на Головинском кладбище. В ней двое: штатный покойник — и Вера. Я ездил смотрел. У нее горло — почти пополам...

Горло... Длинный шрам под пальцами... Сергей невольно поднес руку к шее — ранка все еще болела.

ГЛАВА 11

«СПРЯЧЬ ДУШУ»

Потолок был гладким, из свежеструганных еловых досок. Резко пахло смолой. Казалось, погибшее дерево еще живет, теряя последние капли прозрачной крови. В домике было тихо, но за стенами по-прежнему шумели солдаты, слышались автомобильные гудки и грохот тяжелого железа.

Орловский лежал неподвижно, прикрыв глаза. О своей судьбе не думалось. Плохо, если *они* все-таки возьмут Нику. Ее защищает муж, может помочь Флавий, но если ею действительно заинтересовался Иванов, и тем более Усатый с портрета...

К счастью, она ничего не знала. Главное, то, чем занимался Юрий все это время, удалось утаить. Вначале им было не до разговоров о научных штудиях, но потом, когда Ника стала бывать у него чаще, пришли вопросы. Можно было солгать, сослаться на незаконченную книгу о дхарах, но Юрий почему-то не решился. Пообещал рассказать попозже — и это была ошибка.

А потом случилась нелепая история, начавшаяся почти весело. Орловский уже написал больше половины книги, когда силы иссякли. Он не мог больше работать. То, что приходилось читать, обдумывать, казалось слишком страшным. Начала болеть голова, впервые в жизни стало пошаливать зрение. Терапевт приказал ему бросить работу как минимум на месяц. Рекомендовалось ходить в театр, есть мороженое и наведываться в гости. По поводу театра Орловский не спорил, но хотелось отвлечься по-настоящему, заняться чем-то совсем иным, далеким и романтичным.

Они гуляли в тот день по тихому скверу, куда совсем недавно был перенесен памятник Гоголю. Терапевт язвил по поводу нового монумента, чугунного болвана, установленного на бульваре на страх прохожим, а затем внезапно предложил Юрию помочь ему разобраться в одном давнем и весьма запутанном деле.

Как выяснилось, Терапевт отчего-то заинтересовался историей Иисуса Христа. Он был вообще человек неожиданный, посему Юрий не особо удивился, решив, что его друг тоже старается

отвлечься, занявшись очередной «вечной темой». В обычных библиотеках читать было нечего. Ренана, Штрауса и менее известного Никольского Терапевт одолел еще в студенческой молодости и теперь просил найти ему что-нибудь посолиднее. Особенно интересовали его мифы о Пилате и, что совсем уже странно, об Иуде.

Дело было нетрудным. В Румянцевке Юрий быстро выписал полдюжины книг, но хотелось найти что-либо в самом деле уникальное, редкое. И вот однажды, в Публичной исторической библиотеке, которая теперь почему-то называлась «имени РСФСР», Орловский наткнулся на редкую брошюру на немецком. Это было именно то, что интересовало Терапевта, — история Понтия Пилата, совершенно лишенная научной ценности, зато оснащенная мощным мифологическим антуражем, включая царское происхождение Прокуратора Золотое Копье, его астральную сущность и последующее вознесение к звездам.

Беда была в том, что немецким Терапевт не владел. Юрий охотно взялся перевести и законспектировать текст, благо работать было легко и приятно. Местами, где автор особенно увлекался, Орловский не удерживался от хохота, удивляя строгих посетителей библиотеки.

В тот вечер лил дождь, он опаздывал, и Ника, у которой к тому времени уже имелся ключ от флигеля, ждала в его комнатке, разглядывая лежавшие на столе книги. На беду Юрий оставил там несколько страничек конспекта. Когда он наконец вернулся, то услышал удивленное: «Орфей! Так ты, оказывается, пишешь про Христа и Пилата?»

Бес дернул сказать «да». В конце концов, это было безобиднее, чем поведать правду. Поскольку текст про Пилата мало напоминал науку, Ника решила, что он покусился на роман. Пришлось признать и это.

Терапевт долго смеялся, посоветовав ему пересказывать Нике некоторые их беседы. Юрий так и делал, обещая показать уже готовый текст позже, когда книга будет написана. Ника торопила его, уверяя, что роман можно будет напечатать, что у нее имеются какие-то связи в туманном мире литераторов... Орловский чувствовал себя последним обманщиком, но приходилось лишь кивать. К этому времени он взялся вновь за книгу, и подробности интриги Санхеддрина против галилеянина Иешуа Га-Ноцри оставил на суд Терапевту.

...После собрания в музее Орловский занялся бумагами. Железная печурка приняла в свое чрево письма, старые конспекты, записи. В огонь пошли и черновики выписок, сделанных для Терапевта...

Ника появилась неожиданно, когда в огонь легла очередная

связка бумаг. Она ахнула, и прежде чем Юрий успел сообразить, что происходит, вырвала у него из рук несколько уцелевших листков. На беду — как раз выписки по Пилату...

— Ты сжег! Ты сжег роман?!

В ее глазах плавал ужас, и Юрию тоже стало страшно. Он растерялся, не успев придумать что-либо путное, хотя бы что палит черновики, а роман благополучно спрятан. Ника плакала, собирала обгорелые листки...

— Ты болен, болен, я знаю! Они довели тебя!..

Она кричала что-то нелепое, жалкое, и Орловскому стало казаться, что он и в самом деле уничтожил свое творение, любимое, выстраданное. Потом она успокоилась, заговорив о том, что помнит его рассказы и книгу можно будет восстановить, но сначала Юрию надо подлечиться, а во всем виновата она, вовремя не увидевшая, не спасшая его...

О неизбежном аресте он так и не решился сказать...

Шум за окнами усиливался, гудели тяжелые тракторные моторы. Орловский не реагировал. Что можно было сделать?..

— Разрешите?

Кажется, он даже не услыхал стука в дверь. Юрий нехотя приподнялся с койки...

...Гость был высок, широкоплеч, в длинной серой шинели с саперными петлицами. Красивое лицо портила кожа, красная, словно обгоревшая, набухшая темной кровью. На шинели Юрий заметил ромбы с саперными эмблемами и широкую нарукавную нашивку.

— Добрый день! Я, кажется, помешал?

Улыбка показалась приятной, но какой-то напряженной. Странные глаза — светлые, застывшие. Внезапно в памяти всплыло: подземелье, мертвоглазые палачи в черных кожанках...

— Садитесь, товарищ комбриг. Чем могу?

— Можете, Юрий Петрович...

По его тону стало ясно, что речь пойдет вовсе не о ревизии оборонительных сооружений.

— С кем имею честь?

Снова улыбка, но уже другая, похожая на оскал. Бесцветные глаза блеснули:

— Майор госбезопасности Волков. По армейским меркам — комбриг. Я пришел задать вам несколько вопросов. Вернее, всего один...

Вот как? А почему этот краснолицый не обратился к Ежову? Но ведь госбезопасность, НКГБ, сейчас, кажется, отдельный наркомат? Так-так! Покушение в Тушине, истребители, атакующие «Сталинский маршрут»...

— А почему вы думаете, гражданин майор госбезопасности, что я вам отвечу?

— Ну вы же разумный человек! — Широкие плечи приподнялись и снова опустились. — Зачем вам ссориться с нашим ведомством? Вы ведь уже слегка знакомы с моими ребятами, правда?

Юрий понял — краснолицый намекал на подземелье! Нелюди с мертвыми глазами, уволакивающие жертвы в мертвую темноту...

— Итак, вопрос: собирается ли Андрей Крапивин, он же Анх, кна-гэгхэн чугов, передать Агасферу «мэви-идхэ»?

— Агасферу? — удивился Орловский.

— Простите, Юрий Петрович. Товарищу Иванову. Это его старая партийная кличка, еще с гражданской... Итак?

Партийная кличка показалась странной, но еще более удивило то, что Волков назвал дхаров «чугами». Так их именовали только враги.

— Вы так не любите дхаров, гражданин майор госбезопасности?

— Чугов? — в свою очередь удивился комбриг. — Признаться, не люблю. Впрочем, их время миновало. Теперь это просто лесные выродки, которые пытаются еще кусаться. Но я не слышу ответа.

— Отвечаю: зэка Крапивин, статья 58 через 10 и 11, не собирается передавать Агасферу «мэви-идхэ»...

Холодный взгляд впился в лицо. Стало муторно и противно.

— Вы говорите правду... Что ж, спасибо. Он его знает?

— Это уже второй вопрос. Слыхали такой студенческий анекдот?

Краснолицый был страшен, но Юрий спешил вбить клинышек в появившуюся трещину. *Они* не едины! Кажется, Волков не хочет, чтобы «ключ» попал к неведомому товарищу Иванову!

— Анекдот слыхал. Вас же прошу ответить.

— Анх не знает «мэви-идхэ».

— Спасибо. Не буду уточнять, что о нашем разговоре не стоит распространяться...

Волков встал, собираясь уходить, и Юрий решился:

— Бог троицу любит, гражданин майор госбезопасности. Спросили бы: а кто знает?

— Что?!

Короткий, недоуменный взгляд, затем — кривая улыбка.

— Считайте, уже спросил.

— Не спешите, — Юрий закурил и помолчал несколько секунд. Надо было правильно подобрать слова... — Ваше ведомство мне кое-что должно. Меня хотели убить в Тушине, затем сбить в воздухе, я открыл вам государственную тайну. А что взамен?

Краснолицый на мгновение задумался.

— Взамен? Если вас отдадут моим ребятам, я постараюсь, чтобы вы просто умерли, без всяких последствий...

Угроза была глухой, темной. Что *они* делают с людьми? Кто они вообще такие, эти, с мертвыми глазами?

— Я назову того, кто знает «мэви-идхэ». Но перед этим вы объясните мне, зачем вам Великое Заклинание и почему вы не хотите, чтобы оно попало к Иванову?

— А не много ли будет, гражданин Орловский? — прищурился комбриг.

— В самый раз, гражданин Волков!

Новое пожатие широких плеч:

— Зря, Орловский! Вы и так знаете много лишнего... Ладно, получайте, но имейте в виду: отныне я разговариваю с покойником...

Он помолчал, затем заговорил вновь, нехотя, брезгливо:

— Первое: мне не нужно «мэви-идхэ», я его знаю. Второе — и главное. Агасфер нам много должен. В 17-м мы ему здорово помогли, а теперь он желает отправить нас стеречь лагеря и набирает себе новую гвардию — из чугов. Если у него будет «мэви-идхэ», то против такой силы не устоит никто. Великое Заклинание действительно Ключ к силам, о которых чуги даже не догадываются. Поэтому мне надо, чтобы Агасфер добрался до «мэви-идхэ» как можно позже, а лучше всего никогда. Вы удовлетворены, Юрий Петрович?

— Значит, дхары — конкуренты? — хмыкнул Орловский. — Не хотите стеречь лагеря?

Бесцветные глаза вспыхнули ненавистью.

— Чуги — нелюди! Они ловко прятались, подставляя под удар нас, натравливая людишек... Ничего, мы взяли свое в 17-м и возьмем еще...

«Чуги»-дхары — нелюди? Кто же они, эти мертвоглазые?

— Ответ на третий вопрос: «мэви-идхэ» знаю я...

Рука краснолицего дернулась к кобуре. Опустилась...

— Если не врете, то вы пропали, Орловский! Агасфера нельзя обмануть надолго. Он умеет спрашивать — и живых, и мертвых. Даже если ваш труп сжечь, а пепел развеять, он вызовет вас из ада и заставит отвечать. Не верите?

Юрий верил — и это было самым страшным.

— Живой еще может лгать, но мертвые говорят только правду. Увы, с чугами у него не выходит, поэтому он ничего не добился от старого Роха...

Рох кна Гхели — Родион Геннадиевич. Учитель им ничего не сказал...

— Тогда, гражданин майор госбезопасности, в ваших интересах помочь мне бежать. Уведите меня отсюда, и, поверьте, к ним я больше не попаду!..

Волков задумался, Юрий ждал, затаив дыхание. Христос изгонял бесов силою Вельзевула, князя бесовского... Может, выйдет?

— Вас найдут, — краснолицый покачал головой. — Он поднимет всю стаю. Сделаем иначе: вы пойдете со мной. Там, куда мы попадем, ему до вас не добраться...

Попадут? Куда? К мертвоглазым упырям?

— Знаете, я лучше воздержусь...

— А вас никто не спрашивает, Орловский!

Волков медленно встал, расправил плечи и начал поднимать правую руку. По телу ударил мороз, Юрий почувствовал, что сознание начинает мутиться... Нечисть, нечисть — Крапивин прав!.. Но если нечисть, то дхары умели с нею справляться. Заклинание, самое простое...

Перед глазами уже стлался серый туман, когда Юрий немеющими губами выговорил первое слово. Старое заклинание, его использовали в диктантах для начинающих. Ваня Лукин еще шутил по этому поводу...

...Туман исчез. Юрий стоял, ухватившись рукой за стол, пытаясь поймать открытым ртом куда-то пропавший воздух. Наконец он сделал первый вдох. Кажется, жив. А Волков?

Красное лицо упыря стало белым. Комбриг прислонился к бревенчатой стене, белки глаз налились кровью, на бесцветных губах пузырилась пена.

— Не выйдет... Орловский...

Правая рука вновь стала приподниматься, и Юрий прочитал заклинание второй раз. Голова Волкова ударилась о стену:

— Погоди... не надо... Чего ты хочешь?

Чего Юрий хотел? Многого, но сейчас его интересовало одно:

— Как помочь дхарам?

— Будь ты... проклят... — Волков медленно распрямился. — У тебя же «мэви-идхэ», идиот! Ты же можешь сжечь половину Союза!

...Андрей говорил и об этом. Наверное, сам краснолицый не отказался бы от такой возможности!..

— Прочитай заклинание наоборот...

О чем этот он? Ах да, заклинание против нечисти, прочитанное наоборот, теряет силу. Но Юрий не спешил.

— Как мне уйти? Где меня не найдут?

— Никак! — глаза зло блеснули. — Агасфер найдет тебя даже на том свете. Поступи, как чуги: прочитай «Спрячь душу» — «мэви йанхи-вагрэ»...

...«Спрячь душу» — его читали дхары, когда попадали в плен. Заклинание, вместе с другими, было записано на спрятанном за голенищем листке.

— Ладно... — Юрий вспомнил нужные слова и прочел их в обратном порядке. Лицо Волкова медленно наливалось краской. Он с трудом выпрямился, повел шеей.

— Зря ты это сделал, Орловский! Когда Агасфер найдет тебя, я попрошу отдать твою шкуру моим ребятам. И ты пожалеешь, что не умер раньше...

Тяжелая, налитая кровью кисть внезапно дернулась. Раскаленный воздух обжег глаза, Юрий закричал от боли, закрывая лицо руками. Когда же он вновь смог видеть, краснолицего уже не было, лишь у стены расплывались легкие клочья серого тумана...

Орловский присел на койку, массируя ноющие виски. В нечисть он не верил, но заклинания, кажется, действовали. Во всяком случае, этого упыря удалось отпугнуть. Жаль, не отпугнешь серебристые «ТБ-3», наверняка уже готовые к взлету! Но краснолицый верил в это — и не только он. Но ведь такое невероятно, невозможно!..

— ...Юрий! Юрий! Ты слышишь? Почему не отвечаешь?

Голос донесся откуда-то издалека, еле слышно. Орловский вскочил, тут же вспомнил: «голос племени»! Крапивин!..

— Андрей! Я слышу! Говори!

Он произнес это вслух, а затем еще раз — про себя.

«Юрий! Мы не договорились, я ухожу. Они поднимают самолеты! Прощай! — Андрей! Анх!..»

Орловский бросился к двери, распахнул ее, выбежал наружу. Значит, все! Иванов настоял на своем — и дхары обречены! Орфей не остановил резню...

Вокруг царила суета. Слышались резкие команды, мелькали шинели, где-то ревели моторы, над штабным домиком взвилась ввысь красная ракета.

— Товарищ майор! Тревога! Скорее!

Кто-то потянул за рукав. Орловский, ничего не соображая, побежал вслед за командирами, поправлявшими на ходу незастегнутые шинели. Его впихнули в траншею, в ноздри ударил запах сырой потревоженной земли и свежей хвои. Кажется, началось... Вновь взлетела ракета, на этот раз зеленая, прозвучали неразборчивые слова команды, бойцы ощетинились винтовками с примкнутыми штыками. Новая ракета — и где-то совсем близко прогремел первый залп. Снаряды задели лишь опушку, снеся несколько елей и подняв в воздух черные фонтаны земли. Один взрыв пришелся по минному полю, и оно вспыхнуло желтыми невысокими фонтанчиками...

Третий залп, четвертый... Над деревьями росли уродливые черные грибы. Где-то уже горело. Юрий закусил до боли губу, чувствуя, что не может даже закрыть глаза. Ничего не сделать, ничего!..

Новые залпы... Но вот сквозь уже привычный гул прорезался бас невиданной силы. Земля задрожала, красноармейцы радост-

но закричали, указывая куда-то назад. Орловский понял — это заговорили 203-И...

Над зелеными кронами стлался дым. Где-то там кричали женщины, забиваясь в глубокие щели, лейтенант запаса Крапивин посылал на позиции мальчиков с дробовиками и берданками, умеющих срубить дерево движением руки, но бессильных против чудовищного «бога войны». Пушки гремели, земля стонала, и Юрий даже не услышал, как появились первые самолеты...

«ТБ-3» летели ровно, как будто на парад. Тройка, еще две, затем снова тройка... Шли спокойно, неторопливо, без всякого прикрытия, зная, что никто из обреченного леса не сможет им помешать.

Юрий внезапно подумал, что все-таки попал на свою войну. Бессильный, с жалким револьвером, годным лишь на то, чтобы пустить пулю в лоб. Если б он мог, то сжег бы этих убийц, привыкших расправляться с безоружными. Если бы заклинания и вправду действовали!.. Смешно — старые заклятья против несокрушимой стальной мощи!

...А если все же? Ведь иного шанса не будет! Господь отступился от своих грешных сыновей...

Пусть же демоны дхаров помогут им!

Спрятанную бумагу можно было не доставать — Юрий помнил заклинания наизусть. Хотя бы... «Свод Надежды»! Надо представить себе свод... Нет, не так, сначала — «мэви-идхэ»...

Знакомые восемь слов... «Горг!» Теперь — свод, огромный, охватывающий весь лес, поднимающийся высоко над ним, надежно запирающий убежище дхаров со всех сторон. Увы, дхарские чародеи-дхармэ ничего не знали о современной авиации!.. Заклинанание! «Мвэри...»

Он проговорил нужные слова громко — благо за разрывами снарядов никто не мог услышать. Вот и все... Осталось лишь молить Того, Кто забыл о погибающих....

...Вспышку он заметил сразу, но вначале не обратил внимания. Однако рядом с нею появилась еще одна, затем третья, пятая. Кажется... Да! Снаряды разрывались в воздухе, сгорали там, где была граница свода... Орловский затаил дыхание. Может, просто случайность? Дефект взрывателя, неверный прицел... Нет, это уже заметили другие, послышались удивленные крики... Действует? А самолеты? Где они?

«ТБ-3» были уже почти рядом. Первая тройка разворачивалась, заходя на боевой вираж. Еще минута, еще несколько секунд... И тут крайняя машина, та, что была ближе всего к лесу, исчезла, расплылась желтым пятном... Есть!

«Свод Надежды» не пускал серебристых убийц. Вторая маши-

на исчезла почти одновременно, затем третья — три безобразных желтых пятна над лесом... В траншеях стоял крик, удивленный, отчаянный. Юрию все еще не верилось. То, что не мог Великий Фроат, чем не владели Гхел Храбрый и Ранхай Последний, стало оружием в руках ЗК Орловского...

Вторая тройка попыталась уклониться в сторону, но не успела. Две машины сгинули в один миг, третья взмыла вверх, но все же задела свод — желтое пятно расплылось высоко вверху. Остальные стали расходиться в разные стороны. Опытные пилоты уже что-то поняли, хотя узнать правду им едва ли удастся. О чем они подумали: о зенитках? о крупнокалиберных пулеметах? «ТБ-3» перестраивались на ходу, место погибших заняли новые. Теперь бомбардировщики заходили с противоположной стороны...

Только когда сгорела восьмая машина, кто-то, в воздухе или на земле, понял, что легкой победы не будет. Уцелевшие повернули назад, их строй был так же ровен, они не сдались, они были готовы вернуться...

Юрий перевел дыхание. Получилось! Он смог остановить бойню! Он отомстил! За всех: за отца, за брата, за учителя, за друзей! Рука скользнула к голенищу. Если краснолицый прав, скоро кое-кто пожалеет, что ЗК Орловского заставили разбирать рукопись замученного *ими* старого дхара. «Горячий Ветер» — огненное облако пойдет на Столицу. Не уйти никому, разве что Усатый успеет спрятаться в подземный бункер. Но и землю можно вмять, расплющив укрытие в лепешку...

И тут только Юрий понял. Столица! Сотни тысяч, миллионы — виновные и безвинные. Огонь не разбирает, он просто сжигает, превращая людей в черные огарки. Значит, война? Орфей уже не усмиряет безумцев, он несет смерть, он карает...

Юрий вытер пот со лба. Кажется, он сам стал безумцем. Хуже — убийцей! Те, кто был в самолетах, превратились в желтый дым. Наверняка погиб командир, погиб флаг-штурман капитан Четвертаков, просивший не отзываться о его части плохо... Их уже не вернуть. Убийцы ведали, что творили, но кто дал право ему, Орфею, судить? Кто дал право карать?

...Куда-то бежали солдаты, надрывали глотки ошалелые командиры, а Юрий, швырнув на землю ненужный револьвер, не спеша шел вдоль опустевшей траншеи. Радости не было — только страшная усталость. Вспомнилось лицо святого на фамильной иконе. Георгий не гордился победой. Может, просто не оставалось сил, а может, каппадокийский сотник понял, что убивать и ненавидеть — тоже грех... Почему тогда загорелась свеча? Впрочем, стоит ли мудрствовать? Возможно, просто для того, чтобы он вспомнил в этот страшный час маленький огонек, отражающийся в потемневшем серебряном окладе...

— Товарищ майор! Сюда нельзя!

Их было двое — молодые, порядком испуганные бойцы, дер-

жавшие винтовки неумело, наперекосяк. Юрий очнулся. Хорошо бы успеть уйти подальше, пока вокруг паника...

— Мне надо пройти, товарищи!

Он достал бордовую книжечку и показал караульным. Те растерянно переглянулись:

— Не положено, товарищ майор. Мы лучше лейтенанта покличем!

Лейтенант оказался таким же молодым, растерянным, вдобавок смертельно побледневшим при виде удостоверения.

— Вы... товарищи бойцы! Вы что, не видите, кто перед вами?

— Не надо, лейтенант! — Орловский шагнул вперед, оказавшись как раз между бойцами. Секунда — и крепкие руки сжали запястья.

— Маску! Живо!

Голос «лейтенанта» стал совсем другим — жестким, решительным. Юрий успел лишь оценить этот маскарад, когда один из «бойцов» достал что-то из-за спины. Обожгло горло, в мозг словно вонзились тысячи острых иголок, и Орловский провалился в бездонную гулкую тьму.

...Единственное, что он еще ощущал, — это время, бесконечное, бездонное. Не было ни страха, ни надежды, лишь молчаливая покорность этой всевластной вечной ночи...

— ...Еще минуту!

По векам резанул свет, что-то острое укололо в предплечье...

— Пришел в себя...

— Хорошо! — Второй голос показался знакомым. — Оставьте нас...

Безразличие уходило, сменившись болью. Ныло все тело, ломило правую руку. Бьющий в глаза свет казался невыносимо ярким.

— Юрий Петрович, вы меня слышите?

— Свет... уберите.

Губы с трудом шевельнулись, но сознание уже возвращалось. Орловский понимал, что лежит на чем-то жестком, где-то рядом горит фонарь. Воздух был сырым и одновременно затхлым.

Глазам стало легче. Орловский с трудом разлепил веки. Фонарь, низкие деревянные нары, сырой камень вокруг...

Рядом с ним сидел человек в широком плаще. Капюшон закрывал лицо; вдобавок фонарь был установлен так, что неизвестный остался в густой тени. Впрочем, голос выдавал того, кто когда-то называл себя Агасфером, а теперь предпочитал скромную фамилию Иванов.

— Ну что, пришли в себя?

— Вполне!

Юрий сдержал стон и попытался встать. Ноги не держали, и

он поспешил присесть обратно на нары. Пальцы скользнули по предплечью, ощутили вспухшие следы уколов, затем коснулись многодневной щетины на щеке...

— У нас мало времени, Юрий Петрович. Сейчас вы сообщите мне Великое Заклинание. Врач уверяет, что с памятью у вас все в порядке, а я верю нашей советской медицине. Итак?

Орловский молчал. Отрицать, спорить — зачем?

— Вы еще не поняли, что запираться не имеет ни малейшего смысла. Товарищ Волков подробно обрисовал ситуацию, но вы, похоже, ему не поверили...

На миг мелькнуло удивление. Значит, краснолицый все-таки с ними, и его визит — просто игра? Или упыря тоже сунули в это подземелье и накачали уколами?

— Буду краток. У нас есть средства заставить вас говорить — живого или в каком-либо другом виде. Дабы вы, Юрий Петрович, не думали, что с вами блефуют, кое-что напомню. «Мэви-идхэ» могли знать два человека — вы и Андрей Крапивин. Список заклинаний найден именно у вас. Тот, кто прочитал его, действовал извне. Вывод?

Орловский решил не отвечать. Верно, список надо было уничтожить... Ничего, пусть говорит, у него будет время немного собраться с силами.

— Есть еще две возможности. Первая — наш общий знакомый с саперными петлицами. Но он не может произнести «мэви-идхэ». Почему, разъяснять долго, так что поверьте на слово. И второе — лейтенант запаса Крапивин послал своего разведчика, чтобы тот прочитал заклинание, находясь на линии окопов. И снова — увы. Вас не удивляло, что ни Фроат, ни его сыновья не использовали магию? Скажу по секрету: Великое Заклинание мог прочитать лишь человек, и этот человек — вы...

Человек? Ах да, дхары уверены, что они не люди! Интересно все же, чем они прогневили Высокое Небо?

— Мои условия: вы называете «Ключ», вам уменьшают срок и возвращают в камеру, где вы сможете дописать книгу о дхарском эпосе. Между прочим, скоро амнистия по поводу 20-летия Октября, подумайте... Естественно, мы не тронем ту, которую вы называете Никой...

Из складок плаща на миг появилась фотография. Ника была снята на фоне чего-то южного — беседка, пальмы... Разглядеть он не успел, снимок исчез.

— Не убедил?

— Интересно, за кого вы меня принимаете? — Юрий попытался улыбнуться, но лишь скривился. Губа была разбита.

— Вас? За очень умного человека. Вы прекрасно понимаете, что все имеет свою цену... Лучше бы вы согласились сейчас, Юрий Петрович, ведь все равно придется договариваться!

Что у них там еще? Пообещают новый приговор?

— Ну, как хотите. Тогда ставки меняются. Для начала — взгляните!

Рука в перчатке извлекла из-под плаща что-то небольшое, прямоугольное. Книга?

— Я придвину свет. Разглядывайте, не спешите...

Орловский осторожно взял в руки картонный переплет. Чем это они хотят его удивить? Фамилия автора была незнакома. Париж, 1937 — свежая. Ну, что пишут эмигранты?..

Он небрежно раскрыл томик где-то посередине, глаза пробежали по строчкам... Пальцы дрогнули. Все еще не веря, Юрий открыл первую страницу. Так и есть!.. Все-таки книга вышла! Его книга! А ведь он даже не верил, что когда-нибудь подержит ее в руках...

— Смотрите, смотрите! — подбодрил тот, кто называл себя Ивановым. — Я лично читал — не отрывался...

Вместо фамилии — псевдоним, изменилось и название. Темно-красные, словно пропитанные кровью, буквы: «Обретенный ад». Чуть ниже: «СССР в тридцатые...»

Чужое название показалось безвкусным и претенциозным. Наверняка постарались издать поэффектнее, дабы привлечь внимание! И зря, он ведь не писал агитку. Правильнее всего было назвать: «Внутренняя политика СССР в первой половине 30-х годов». Конечно, такое наукообразие кажется слишком пресным...

Главы... Первая, о коллективизации, написанная по материалам Флавия. Друг Терапевта сумел достать уникальную статистику. Одно дело — эмоции, совсем другое — таблицы, сводные данные по областям, ориентировочные цифры по Союзу...

Глава о голоде 33-го... Украина, Северный Кавказ, Казахстан. Тут помогли какие-то неведомые знакомые Терапевта. Юрий вначале не верил тому, что приходилось читать, но бумаги, подлинные, с грифами «Секретно», не вызывали никаких сомнений. Как не сошли с ума те, кто это подсчитывал? В Украине — каждый пятый, в Казахстане — каждый третий...

Следующую главу он написал первой и очень гордился, поскольку материал добыл лично. Помог старый знакомый отца, служивший при большевиках в Наркомате водного транспорта. Так родился очерк о Беломорканале, а вместе с ним и замысел книги. И вновь никаких эмоций — только факты, доказательства, цифры. И жуткий вывод: экономически Беломорканал нерентабелен. Он бесполезен даже для обороны! Тогда зачем? Орловский не стал писать об этом. Пусть думают...

А дальше о депортации корейцев, о высылке «бывших» из Ленинграда, короткая глава о лагерях (слишком мало данных, даже Марк не смог помочь). Вероятно, об «истребительно-трудовых» придется писать кому-то другому. Зато хватало данных о положении ссыльных, материалы достал сам Терапевт...

Юрий быстро перелистывал страницы. Главу о процессе Зиновьева и Каменева они решили вначале издать отдельной статьей. И вот теперь она на месте, в книге, предпоследняя. И наконец, самая свежая, написанная совсем недавно. Тут уж сотворил чудо Флавий, добыв засекреченные данные последней переписи населения. Двадцать лет советской власти: читайте, думайте, сравнивайте...

Ни заключения, ни общих выводов, ни резюме. К чему? Имеющий глаза да увидит...

Несколько лет жизни лежали перед ним, аккуратно переплетенные в твердую обложку. Вероятно, последних лет жизни Юрия Орловского. О подобном исходе они говорили с Терапевтом еще в самом начале. Его друг считал, что рисковать все же не стоит. «Но они, там, за проволокой, должны знать!» — горячился Орловский. «Кому надо — давно знают», — губы Терапевта кривились грустной улыбкой. «Тогда... тогда они не смогут больше скрывать!» — «Смогут, Юрий, смогут...» Он закрыл книгу, подержал ее еще миг в руке и отдал обратно. Выходит, Терапевт не зря назвал его Орфеем! Он все же спустился в ад...

— Удивлены? — из темноты послышался смешок. — У вас была превосходная конспирация, но мы сумели найти автора за неделю. Сами виноваты, Юрий Петрович! Вы не особо скрывали свой стиль. И когда работали над книгой — и когда писали заметки о дхарской истории...

Юрий кивнул, соглашаясь. Конечно, стоило быть осторожнее. Дорвался до бумаги, обрадовался...

— Я с удовольствием прочитал ваш опус о дхарах, а через два дня в руки попало это издание. И знаете, мне сразу показалось, что ваши заметки — еще одна глава, которую вы почему-то не поместили в книгу...

Это была правда. Орловский хотел написать о дхарах, но Терапевт был резко против. Найти Юрия в этом случае было слишком легко.

— Вначале не поверил — отдал экспертам. Выводы вполне однозначны. Что ж, рад приветствовать автора. Книга явно удалась!

В голосе не было ни сарказма, ни злорадства, словно Иванов искренне поздравлял с творческой удачей.

— Конечно, мы скупили почти весь тираж, возможность перевода на французский и английский блокирована. Но в общем, своего вы добились — шум будет крупный. Радуйтесь!..

Юрий еле заметно пожал плечами. Разве он писал для того, чтобы порадоваться успеху? Вначале он и сам не хотел браться за такое, было слишком страшно. Ужасно работать с такими материалами, ведь это не выдумка очередного выжившего из ума Кампанеллы, это правда, подлинная история страны, когда-то бывшей его Родиной. Но он решился. Слишком глухим было

молчание всего мира, слишком громкими — славословия купленных или одураченных от Барбюса до Шоу и Фейхтвангера. «Мой голос тих», — процитировал как-то Терапевт, кажется, из раннего Надсона. Его, Юрия, голос был негромок, но, может, все-таки услышат, поймут...

— Итак, новая цена, Юрий Петрович... Если вы согласитесь на сотрудничество, я сделаю вид, что эксперты ошиблись. Даже если я узнаю кого-нибудь из тех, кто вам помогал, то лишь шепну ему на ушко, чтоб он больше подобным не занимался. Это — если вы согласны...

Дальнейшее Юрий уже знал. Теперь, когда эти гады вышли на автора, найти остальных будет не так трудно.

— Вы уже, вероятно, догадались. Мы вас спросим — и вы назовете не только «мэви-идхэ», но и всех ваших сообщников. Молчать вы не будете, поверьте! Это не угроза — это реальность. Все вы будете расстреляны как упорные и убежденные враги советской власти. Все — включая вашу знакомую. Все! Больше говорить не о чем. Я вас слушаю, Юрий Петрович...

Орловский заставил себя на мгновение забыть обо всем — даже о Нике. Сейчас важным было одно, единственное — время. Ему нужно хоть немного времени. Полдня, час, десять минут!..

— Я... мне плохо... — Юрий поморщился и постарался застонать как можно естественнее. — Голова кружится... Что вы мне кололи? Мне нужно... на воздух...

— Сочувствую, Юрий Петрович. — Голос казался по-прежнему искренним, словно Иванов и вправду сожалел о случившемся. — Мы держали вас в бессознательном состоянии довольно долго, требовалось кое-что проверить и подготовить. Иначе нельзя — вы ведь теперь у нас государственная опасность № 1! Вы ведь, Юрий Петрович, можете ненароком весь Союз сжечь! Здесь, правда, мы вас заблокировали, так что за пределы камеры вам не выбраться...

Кажется, Волков тоже предлагал нечто подобное. Почему они его боятся? Не потому ли, что на его месте поступили бы именно так?

— Какой смысл мне признаваться, Агасфер? Если я расскажу, вы не отправите меня назад в камеру. Ведь я по-прежнему буду помнить заклинание!

— Откуда про Агасфера узнали? От Волкова? Ай-яй-яй!.. Нет, я не лгу. Когда вы назовете «мэви-идхэ», я вам объясню, как его забыть, не потеряв памяти. Но не будем отходить от главного...

— Мне нужно подумать... День, всего один день!..

Иванов медленно покачал головой и встал:

— Час, Юрий Петрович. Час — не больше. Через час я вернусь. Надеюсь, вы будете благоразумны и не попытаетесь применять

заклинание здесь. Сгорите, а нам вреда не будет... Сгоревший вы меня тоже устроите, ведь мертвые не лгут! Ну, до встречи!..

Железная дверь медленно захлопнулась, камеру затопила тьма. Юрий невесело усмехнулся. Боятся! Его, полумертвого, запертого где-то в закоулках их рукотворного ада все-таки боятся. Выходит, *они* не всесильны, с ними можно бороться! Жаль, что он ничего не сможет поведать Терапевту, его друзьям, всем остальным...

Орловский встал и медленно, преодолевая боль, сделал несколько шагов по камере. Надо уходить. Это он понял сразу, как только открыл глаза. Но уходить так, чтобы эти мерзавцы ничего от него не узнали — ни от живого, ни от мертвого. Иванов ошибся, дав ему время. Или он просто не знает о заклинании «Спрячь душу»? Уходить... Интересно, куда? Из одной преисподней в другую? В дантовский ад Юрий не верил, но ведь душа действительно существует! Может, стоило уйти с Волковым? Ведь тот не стал бы его убивать...

Вновь вспомнились нелюди, уводившие смертников черным коридором. Нет, с такими — никаких дел! А может, его ошибка, главная, непоправимая в том, что он струсил? Тогда, у леса, надо было не останавливаться — и бить до конца? Убивать, вминать в землю, превращать в серый пепел?

Нет, он не испугался. Просто делать такое человек не имеет права. У Юрия случайно оказался «Ключ», но он не имеет права открывать эту Дверь. Ни он, ни кто-либо другой, кроме Того, Кто забыл о людях, Кого молили о помощи, о спасении. Того, Кто не помог, не спас...

Орловский вновь присел на нары: сил двигаться не было. Нет, он напрасно упрекает Творца! Что хотел Юрий, чего бы попросил? Чтобы не он, обыкновенный человек, а Тот, Всемогущий, низринул на врагов огненный потоп? Но ведь погибнут не только виновные. И даже не столько... Он зря роптал на Всемогущего. Когда-то Господь Моисея и Навина пытался одолеть зло, сокрушая грешников, ломая им кости, тысячами низвергая в огненную геенну. Наверное, Ему казалось, что этим можно уничтожить грех. Грешники гибли, но не менялось ничего, и надо было вновь и вновь обрушивать на отступников и мерзавцев Свой гнев, Свою ненависть...

Похоже, даже Всемогущий ошибался: зло не уничтожить, убивая людей. А может, Он просто устал карать, начиная каждый раз новый круговорот насилия и жестокости. Нужно было остановить это — даже ценой Своей крови... Он, Юрий Орловский, чуть не возомнил себя Тем, Кто имеет право судить и карать. Прости меня, *Ты, уставший ненавидеть!..*

Надо было торопиться. Орловский сел, прислонившись к хо-

лодному камню. «Мэви йанхэ-вагрэ» — девять слов... Это не страшно, совсем не страшно, только бы Ника...

...Тогда, после первой встречи у Терапевта, Юрий почти не вспоминал о ней. Но через месяц, в начале осени, они столкнулись на гранитной набережной. Орловский вспомнил ее удивленный взгляд. «Юрий Петрович? Никогда не встречала вас здесь!» Тот день был последним, когда Ника обращалась к нему по имени-отчеству... А если бы он остался дома или поехал в парк? Случайность? Или у этой случайности есть имя?..

Юрий откинул голову, вновь ощутив ледяную сырость камня. Сначала — «мэви-идхэ»... Он говорил негромко, надеясь, что стены и железная дверь не выпустят запретные слова наружу. «Горг!» — «Иди!» Что ж, пора! Надо идти...

Вокруг ничего не изменилось, разве что стало чуть светлее. Тьма сменилась серым туманом, сквозь который начал пробиваться странный мерцающий огонь. Юрий не терял сознания, но все, окружавшее его, становилось все менее реальным, словно растворяясь в подступившем тумане. На миг мозг пронзила яркая вспышка, и Орловский вновь увидел камеру, но уже сверху. Нары, неподвижное тело — и черные фигуры, обступившие того, кто ушел из-под *их* власти. Свет становился сильнее, Юрий услышал легкий шум текущей воды...

...Он еще успел удивиться, но Тот, Кто вел его в неизвестность, погасил сознание — сразу и навсегда.

ГЛАВА 12

ТЕМ, КТО ВЕРНУЛСЯ, НЕ ВЕРЬ...

Сергей Пустельга не верил в привидения. Значит, версий могло быть две. Первая, самая неприятная — он и в самом деле спятил. А вот вторая...

...Мерзавцу и дураку Рыскулю подкидывают документы на Лапину, Микаэля просят помочь, он проговаривается, случайно или намеренно, затем Волков предлагает поспособствовать... Далее годились оба варианта. Либо Пустельга пытается использовать компромат в тех же целях, что и Рыскуль, и тогда его можно привлечь за использование служебного положения и шантаж. Либо... Либо то, что случилось на самом деле — Сергей оказался слишком щепетилен и недоверчив. И вот, девушка убита, а Пустельга завяз по уши. Именно он был в кабинете Рыскуля, когда тот отдавал документы, с ним — при свидетелях! — Лапина говорила по телефону, к нему девушка заходила в гости...

Оставалось вычислить автора этой затеи. Рыскуль? Или... «Товарищ Псевдоним»? Иванов помнил ночь на Донском и решил закрыть Сергею рот? Забить глотку землей?

Итак, несчастная актриса лежала в морге, бригада с Петровки искала убийцу, а Пустельга был вынужден сидеть и ждать, пока с ним придут разбираться.

Ждать было противно. Более того, ожидать удара — худшая тактика, Сергей помнил это еще по дракам на харьковских базарах. Значит?

Пустельга усадил Ахилло за недорисованную схему, понаблюдал, как старательный Прохор уснащает карту черными пуговицами, а затем ненадолго отлучился в соседний кабинет. Через минуту он вернулся, а еще через пять — зазвонил телефон. Сергей взял трубку, помолчал, а затем отчеканил: «Да... Да! Так точно! Выезжаю!»

...Фокус старый и простой. Звонил лейтенант из соседнего отдела — естественно, по просьбе Пустельги. Теперь оставалось сослаться на срочный приказ руководства, передать командование Михаилу и незаметно выскользнуть из Управления. В этот день Сергей был в штатском, что еще более облегчало дело.

Машину он вызывать не стал и пошел на Петровку пешком. Остальное было столь же просто. Удостоверение сотрудника Большого Дома действовало безотказно, и уже через полчаса Пустельга беседовал с пожилым следователем, который вел дело о похищении и убийстве гражданки Лапиной Веры Анатольевны.

Нельзя сказать, что вмешательство соседнего учреждения обрадовало работника Петровки. Но спорить с Большим Домом он не стал, и вскоре Сергей знал все подробности. Итак, поиски Лапиной не дали результатов, следствие уже решило, что актриса покинула Столицу, когда внезапно на Петровку позвонил сторож с Головинского кладбища. За три дня до этого он заметил какую-то странную возню возле одной из свежих могил. Два дня он сомневался, стоит ли ввязываться, но в конце концов решил заявить...

...Тело Лапиной лежало под гробом какого-то профессора, завернутое в старый, пропитанный маслом и бензином брезент. На девушке был плащ, очевидно, тот, что запомнился Сергею. Ни денег, ни документов не оказалось, зато в кармане плаща лежал ключ. Лицо убитой было в крови, кровь запеклась на шее, но платье почему-то осталось чистым.

...От чьей двери этот ключ, Пустельга не усомнился ни на миг.

Вскоре Сергей был уже в следственном морге. Врач-эксперт оказался пожилым желчным субъектом в очках с толстыми стеклами, вдобавок беспрестанно курившим дешевые папиросы. Разговаривать с незваным гостем он отказался наотрез. Пришлось

достать удостоверение. Глаза за толстыми стеклами нервно моргнули.

— Слушаю вас... гражданин... товарищ Пустельга!

Врач Сергею не понравился, поэтому он решил сразу овладеть положением.

— Нет, доктор, это я буду вас слушать!

Лицо врача стало белым — под цвет халата.

— Отвечать на мои вопросы вы должны четко, ясно и правдиво...

Врач моргнул, наверняка решив, что Сергей пришел по его душу. Не иначе, из «бывших», перепуганный на всю жизнь.

— Так вы готовы сотрудничать с Главным Управлением НКВД?

— Д-да... Спрашивайте...

Сергей усадил врача за столик в его маленьком кабинете, прикрыл дверь.

— Меня интересуют данные экспертизы по делу гражданки Лапиной...

Теперь в глазах эксперта плавало удивление:

— Так вы по этому поводу? Я-то думал... Извините, можно закурю?..

После третьей затяжки ему полегчало. Из ящика стола появилась небольшая папка.

— Понимаете, товарищ старший лейтенант, я еще только начал. Картина очень непростая...

— Но это убийство?

Врач постепенно оттаивал. Теперь он мог позволить себе легкую, слегка снисходительную улыбку.

— Вы... прошу прощения, трупов не боитесь? Тогда пройдемте...

Трупов Пустельга не боялся, но в морге бывать не любил. Особенно в таком, огромном, мрачном и необыкновенно холодном. В большом пустом зале под светом мощных ламп стояли обитые светлым металлом столы. На некоторых виднелись покрытые простынями тела. Сергея невольно передернуло.

— Вот-с...

Нужный стол оказался вторым от входа. Врач привычным жестом отдернул простыню...

...Вера Лапина была мертва — и мертва давно. В электрическом свете кожа казалась желтой, на обезображенном гримасой лице застыло странное выражение — не ужаса, как можно было ожидать, а бешеной, нечеловеческой ненависти. Полуоткрытый рот кривился жуткой усмешкой, белели ровные, без единой щербинки, зубы. Она плохо умерла — та, что хотела сыграть Изольду.

— В общем, так. — Врач явно вошел в привычную профессиональную колею и давал пояснения спокойно, даже с некоторой гордостью. — Смерть наступила дней шесть-семь назад. Но разложение незаметно, вероятно, труп держали в холодном месте...

Стоп! Но ведь еще этой ночью...

— Доктор, а вы допускаете, что ее убили совсем недавно?

Пожатие плеч, ироничный взгляд:

— Допустить можно все, что угодно, молодой человек... Простите — товарищ старший лейтенант...

— Сергей, — представился Пустельга.

— Арнольд Феодосиевич, очень приятно. — По лицу эксперта промелькнуло нечто вроде улыбки. — Нет, Сергей, шесть, а то и семь дней, я вам гарантирую...

Но этого не могло быть! Может, близнецы, двойники?.. Однако Сергей понимал: вчера у него была именно она — та, что лежала сейчас под беспощадным светом ламп...

— Арнольд Феодосиевич, могли ли преступники сделать так, чтобы эксперты неправильно определили время смерти?

— Когда она, по-вашему, умерла?

— Сегодня утром...

Молчанье, вновь пожатье плеч:

— Невозможно! Ее закопали три дня назад, если верить показаниям сторожа. Есть и объективные данные, которые не подделаешь. В крайнем случае, ошибка — день-полтора...

Пустельга задумался. Получалось нечто невозможное. Ладно, он подумает потом...

— Как ее убили?

Вопрос мог показаться лишним — порез на горле был прекрасно виден. Он находился именно там, где его пальцы нащупали шрам. Совпадение? Вначале шрам, затем на том же месте открытая рана...

— Убили? — Из-под очков мелькнул странный хитроватый взгляд. — Сергей, я вам уже намекнул, что дело очень непростое. Ее резанули по горлу — ножом или бритвой. Но порез неглубокий, ничего всерьез не задето...

— Истекла кровью?

Сергею стало муторно. Почему-то вспомнилось пятнышко крови на простыне. *Его* крови...

— Не похоже, не похоже. Кроме того... Вот!..

В руке эксперта появился скальпель. Острие легко коснулось кожи. Секунда, другая — и на месте ранки начала медленно набухать большая темная капля.

— Третий случай в моей практике! Кровь не свернулась. Такое бывает у утопленников, но она не тонула. Такое впечатление, что ей ввели какой-то особенный состав, причем еще при жизни. А причиной смерти стала остановка сердца. Может быть, инфаркт... Ну, как говорится, вскрытие покажет...

Пустельга отвернулся: смотреть на мертвое страшное лицо больше не было сил. Врач понял и набросил на труп пахнущую карболкой простыню.

— Доктор... Арнольд Феодосиевич... Вы человек опытный. Как вы можете это объяснить?

— Я не следователь, Сергей. У меня есть совершенно безумное предположение, что над этой девочкой ставили какой-то научный опыт. Во всяком случае, она жила еще долго после того, как ей разрезали горло...

И тут Сергей сообразил, что эксперт смотрит на него, точнее, на его шею. Правда, там шрам был совсем небольшой, с трехкопеечную монету.

— А мне... можно спросить?

Обкуренный палец осторожно указал на ранку. Пустельга покачал головой:

— Стоит ли об этом? Я-то жив.

— Это... связано с ее гибелью?..

— Наверное. Да!..

Костяшки пальцев застучали по цинку, покрывавшему стол. Затем — невеселая улыбка:

— Я буду исследовать ее кровь. Сергей, хотите, я возьму и вашу — для сравнения?

В горле пересохло. Пустельга молча кивнул. Научный опыт? Значит, и над ним — тоже?

— Доктор, дам вам совет... Ничего не пишите о крови. Пусть причиной смерти будет обыкновенный удар ножом. Вы меня поняли?

— Советы вашего учреждения обычно принято исполнять в точности? — вздохнул эксперт.

— Принято. Арнольд Феодосиевич, возможно, мой совет спасет вам жизнь.

Договорились, что Пустельга будет звонить эксперту домой. Арнольд Феодосиевич обещал сообщить первые результаты к завтрашнему вечеру.

Возвращаться в Большой Дом не хотелось. Впервые за все годы службы в органах Сергей не представлял, что делать дальше. Версия, и без того не слишком логичная, разлеталась в прах. Кто-то очень похожий, со шрамом на шее, выдал себя за Лапину? Нет, на столе в морге лежала та, что еще вчера прикасалась к нему ледяными губами... Бред, бред!..

Пустельга поднялся вверх по Горького, прошел мимо Главной Крепости и свернул на набережную. Погода вновь испортилась, то и дело срывался мелкий холодный дождь. Стало зябко, Сергей поднял повыше воротник и медленно двинулся вперед, морщась от сырого ветра.

Его все-таки взяли за горло. Вахтер и милиционер, дежуривший у подъезда, подтвердят, что девушка приходила к нему. Далее ключ и, конечно, отпечатки пальцев в квартире... Вера была у него шесть дней назад, значит, он мог быть последним, кто видел ее живой. Вчера она (она?) тоже заходила, но кто поверит?

А что было у него? Рассказ самой Лапиной, данные экспертизы... Кровь! В вампиров Сергей не верил, зато слыхал о лихих опытах, которые ставили некоторые врачи. В свое время, экспериментируя с кровью, погиб Александр Богданов, его земляк, о котором Сергей немало узнал еще в Харькове. Поговаривали, что во время гражданской тот работал в таинственной лаборатории Кедрова, где пытались чуть ли не оживлять погибших красноармейцев.

...В Ташкенте Сергей сам имел отношение к расследованию жуткого случая с безумным врачом-экспериментатором, пытавшимся воскресить тело умершего много лет назад сына. Врача, погибшего, как и Богданов, во время эксперимента, сочли сумасшедшим, но Пустельга лично допрашивал арестованного по этому делу знаменитого ученого Войно-Ясенецкого, хирурга и, одновременно, епископа Ташкентского. Врач-епископ хмурил густые брови, молчал, а затем неожиданно произнес: «Антихристы! Гражданин следователь, это антихристы...» Дать свое заключение по найденным у погибшего врача бумагам Войно-Ясенецкий отказался даже под угрозой ссылки.

Пустельга поежился. Выходит, его хотят убрать? Ведь убрали же Айзенберга! А что, если он действительно вышел на «Вандею»? Что он знает о Волкове, об Иванове, о группе ОСНАЗа «Подольск»? И что делать? Наблюдать, как Прохор приклеивает пуговицы к карте? Его сомнут, уничтожат, раздавят!..

Сергей медленно шел, бездумно глядя на мокрый, покрытый опавшей листвой асфальт. Впереди негромко прозвучали шаги — кто-то двигался навстречу. Странно, кому еще понадобилось гулять по холодной осенней набережной?

...На женщине не было ни шляпы, ни косынки, воротник дорогого пальто поднят, как и у Сергея, но смотрела она не вниз, а в сторону — на мрачную, покрытую мелкой рябью воду. Пустельга и не узнал бы ее, если б не случайный поворот головы...

— Виктория Николаевна?

В темных глазах были лишь недоумение и усталость.

— Извините, не помню...

Сергею стало совсем плохо. Лучше бы он просто прошел мимо!

— Я Сергей... Сергей Пустельга. Мы с вами на спектакле...

— А, вы друг Михаила? Здравствуйте, Сергей... Простите, как полностью?

— Не надо полностью... Просто Сергей. Я вам помешал?

На лице промелькнула улыбка — слабая, неуверенная.

— Нет... Я рада встретить кого-нибудь в такой день. Странно лишь, что мы встретились именно здесь...

Следовало спросить «почему?», но Пустельга не решился.

— Я сегодня плохая собеседница, — Виктория Николаевна оглянулась назад, затем вновь перевела взгляд на темную воду:

— Как пусто!.. Извините, Сергей, я испорчу вам настроение...

— Ни в коем случае! — Пустельга почему-то обрадовался. — Честное слово, это невозможно!

— Вам так хорошо? — вздохнула она. — Впрочем, я говорю глупости, извините...

— Ерунда, Виктория Николаевна! Так, по службе всякое... Можно... я провожу вас?

Женщина пожала плечами. Это можно было принять за приглашение, и Сергей повернул обратно, стараясь идти так, чтобы хоть немного прикрыть ее от порывов ветра. Виктория Николаевна шла быстро, Сергею даже пришлось ускорить шаг.

— Вы говорите, по службе? — неожиданно спросила она. — В вашем учреждении служебные неприятности наверняка хуже личных!

Тон был настолько ясен, что Пустельга только вздохнул:

— Вы так не любите НКВД?

— Не люблю. Вас это удивляет? Или вам странно, что я говорю это вслух?

Первое действительно не удивило, а вот второе, пожалуй, да...

— Что ж, если хотите, можете на меня донести. Какая это статья, 58-10?

Сергей отшатнулся.

— Виктория Николаевна! За что?

Она остановилась, взглянула ему в лицо, затем медленно провела рукой по лбу, поправляя мокрые волосы:

— Господи, что я говорю?.. Сергей, Сережа... Если можете, извините. Мне... Мне нельзя сейчас разговаривать с людьми...

— Я не обиделся...

Обида действительно исчезла, остались лишь растерянность и внезапная горечь. Он хотел спросить: «У вас что-то случилось?», но вновь не решился.

Теперь они шли медленнее. Виктория Николаевна молчала, затем внезапно усмехнулась:

— Своя беда кажется всегда страшнее... Если бы мы могли помочь друг другу! Но так бывает только на сцене: двое встречаются на набережной, происходит чудо... Извините, я опять говорю что-то глупое... Сергей, вы сильно сутулитесь!..

Он послушно выпрямился. В ответ послышался смех.

— Обожаю делать замечания! Самое странное, что это почему-то не встречает отпора. Вам не холодно?

— Холодно, — честно признался он. — Даже очень.

— Мне тоже... Пора сворачивать, а то придется брать больничный, а это совершенно ни к чему... Сергей, вы порезались!

Ее пальцы почти коснулись ранки. Пустельга вздрогнул и поспешил отодвинуться.

— Н-ничего! Ерунда это...

— По службе?

Она не шутила. В голосе было сочувствие и почему-то тревога.

До ближайшего моста дошли молча. Сергей был бы рад продолжить разговор, но чувствовал, что лучше не мешать. Его спутница вновь смотрела на реку, думая о чем-то таком, к чему старший лейтенант Пустельга не имел никакого отношения...

На прощание она протянула руку, как тогда, в театре. Ладонь была неожиданно твердой и теплой. Пустельга долго смотрел, как она идет по оживленной в этот предвечерний час улице, постепенно исчезая в шумной толпе.

Он все-таки добрался до комнаты № 542, дабы успеть на торжественное завершение великого труда лейтенанта Карабаева. Все пуговицы были на месте, смотрясь рядом с гильзами очень эффектно. Прохор стоял гордый, явно ожидая похвалы. Сергей отметил точность и аккуратность, проявленные бывшим селькором, отчего тот радостно заулыбался. Впрочем, то, что еще несколько дней назад казалось успехом, теперь вызвало раздражение. В конце концов, чего они так прицепились к загнанным в неведомое убежище беглецам? Что Сергею надо? Ворваться, надеть наручники, вталкивать в «столыпины»? Конечно, там могли быть не только придурковатые профессора и перепуганные комсомольцы, но и настоящие убийцы, заговорщики, диверсанты. К тому же, ребята не виноваты, они честно потрудились...

— Ладно, делитесь! — произнес он вслух, постаравшись улыбнуться.

— А вот и не скажем, отец-командир, — довольно ухмыльнулся Ахилло. — Правда, не скажем, Прохор?

— А ни за что, товарищ старший лейтенант!

— Саботажники! — Сергей присел возле карты, соображая, что могли заметить его глазастые сотрудники. Черные пуговицы — места появления загадочной машины — густо усеяли карту. Конечно, беглецам безопаснее уезжать в «Ковчег» под надлежащим прикрытием и со всеми удобствами! Да и таинственному Седому можно не сообщать беглецам адрес убежища. Странно, возле реки гильз больше всего, а вот пуговиц...

— Здесь!

Сергей указал на место, где был обозначен Дом на Набережной. Шестьдесят три гильзы — и ни одной пуговицы!

— Увидел! — разочарованно вздохнул Ахилло. — Прохор, сколько?

— Две минуты!

Оказывается, эти шкодники засекли время!

— Значит, вы хотите сказать, — Пустельга потер лоб, — что возле дома на Набережной ни разу не видели черную машину?

— Этого никто не говорит, Сергей! — Ахилло даже подмиг-

нул. — Машину не видели *во время бегства* тамошних вражин. А приезжала ли она туда *в другое время*, никто и не спрашивал!

— Центр? — тихо спросил Пустельга, все еще не веря. — Неужели «Ковчег»?

Никто из беглецов не уезжал на черной машине! Значит? Значит, им никуда не нужно было уезжать!

— Ну, проявим осторожность, — Михаил пустил в потолок кольцо сизого дыма. — Там может быть пункт сбора, откуда их везут тайной линией метро...

Послышалось хмыканье — это не выдержал Карабаев.

— Или местным тузам из принципа не подают транспорт... Но, честно говоря, самое простое решение — самое верное. Там их центр, товарищ очень старший лейтенант!

— Глумитесь над начальством, артист погорелого театра? — Сергей еще раз оглядел карту. — Ладно, ордена цеплять рано. Что у нас по этому дому?

— Много всякого...

В голосе бывшего селькора не чувствовалось особой уверенности. Пустельга выпрямился:

— Значит, так... Завтра достать план дома, всех подземных коммуникаций, а также схему организации охраны. Подберите данные секретных сотрудников за последние полгода. И посмотрите, не было ли каких-нибудь ЧП во время строительства...

— З'исть-то вин з'исть, — неожиданно проговорил Ахилло на чистом украинском. — Та хто ж йому дасть, товарышу панэ начальнику?

— То есть? — Если Михаил начал разговаривать по-украински, то дело становилось необычным. — Кто кого съест?

— Это из анекдота про слона в зоопарке, Сергей. Мы ведь вам сюрприз хотели приготовить, бедный Прохор Иванович пол-Управления обошел. Продолжать?

— Данные засекречены? Все?

— Все. Геть уси!

— Можете переходить обратно на русский. Я понял...

В случайность Пустельга уже не верил. Если особая группа НКВД не имеет допуска к таким данным, то для кого они предназначены?

— Не вздумайте идти к Ежову! — продолжал Микаэль. — Чем меньше шуму будем поднимать, тем лучше. Мой батюшка немного знаком с товарищем Иофаном, тем, кто построил этого монстра. Хорошо бы нанести ему визит, а заодно и погулять возле подъездов... Гильзы с карты мы уберем — от греха подальше.

Идея орденоносца была неплоха. Шум поднимать рано, шуметь вообще не стоит. Они слишком близко к цели...

Домой ехать не хотелось. Пустельга подумал, сел в автобус (новый, двухэтажный — гордость Столицы) и вскоре добрался до правительственного дома. Он несколько раз проезжал это место, но ни разу не присматривался. А зря!

...Серый многоэтажный фасад протянулся на целый километр вдоль гранитных речных берегов. За главным фасадом прятались другие корпуса, такие же многоэтажные, огромные. А еще что-то было под землей, что-то стояло на крыше, поблескивая стеклами и ощетинившись антеннами... В яркий летний день сооружение Иофана казалось сказочным дворцом — предвестником будущей коммунистической Столицы. Но в этот мрачный вечер дом напоминал гигантское чудище, жуткого монстра, хранившего в своем темном чреве мрачные тайны. Пустельге внезапно захотелось никогда больше сюда не приезжать, забыть навсегда — и отправиться ловить карманников на Хамовнический рынок...

На следующий день Сергей с нетерпением ожидал Михаила. Тот вернулся скоро, но без особых результатов. Иофан куда-то уехал, и Микаэль ограничился тем, что побродил возле таинственного дома, встретив несколько знакомых. По его словам, работы было на год, если не больше: в десятках подъездов Дома могло происходить что угодно.

Пустельга не был особенно расстроен. Он усадил Карабаева за разбор присланных из следственного отдела дел, в которых, по мнению коллег, могли быть данные о «Вандее». То там, то здесь в Столице арестовывали членов различных «тайных организаций». Большая часть «врагов» была просто неосторожными болтунами, но среди десятков дел мог найтись какой-нибудь след. Ахилло же получил папку с донесениями о предполагаемых диверсиях группы Фротто. Обе эти линии следовало отработать, кроме того, подобные занятия помогали скрыть от любопытных глаз тайну Дома на Набережной.

Два дня прошли спокойно и скучновато. Каждый вечер Пустельга звонил эксперту, но Арнольд Феодосиевич просил еще немного подождать. На третий день по пути на работу Сергей, купив свежий номер «Столичной правды», развернул по привычке четвертую страничку, желая узнать об успехах любимого «Динамо». Внезапно взгляд упал на маленькую заметку в левом нижнем углу. «Гибель актрисы»...

«Вера Лапина... Молодая, талантливая... ее первые роли... зверски убита... похороны состоялись вчера на Головинском...» Именно там, где нашли ее труп...

Сергей медленно шел по оживленной в утренний час центральной улице Столицы, заставляя себя еще раз вспомнить все детали этой страшной истории. Что он сделал не так? Вера лгала

ему, затравленная, перепуганная до смерти, значит, ее следовало увезти из Столицы, спрятать, разобраться спокойно... Он этого не сделал. Плохо, старший лейтенант! Если б такое случилось с его агентом, впору подавать в отставку. Очень плохо!

Пустельга понял, что не сможет усидеть в кабинете. Не отвечая на удивленный взгляд Ахилло, он сообщил, что вернется к четырем дня. Уже в дверях его догнал вопрос, неизбежный и правильный: где искать сгинувшего руководителя группы, буде появится необходимость? Но Сергей и сам не знал, куда он собирается идти. В холодный мокрый парк? Снова на гранитную набережную?

Впрочем, выход нашелся быстро. Пустельга сообщил, что направляется к Дому Правительства, дабы лично провести рекогносцировку.

Любую операцию, даже простое уклонение от служебных обязанностей, Пустельга любил продумывать до мелочей. Он был в штатском, в своем старом пальто и чиненых-перечиненых ботинках, но возле подъездов серого монстра хватает любопытных и опытных глаз. Поэтому Пустельга купил маленький букет фиолетовых астр. Теперь он походил на скромного влюбленного, который имеет законное право неторопливо прогуливаться по необъятному двору Дома на Набережной. На таких редко обращают внимание, разве что посочувствуют...

Двор действительно оказался огромен — размером с полтора футбольных поля. Здесь было и настоящее поле, правда небольшое, баскетбольная площадка и целый детский городок. Да, жильцы устроились неплохо!..

Для начала Сергей осмотрел подъезды. Вахтеры были на месте, кроме того, в одном из подъездов находился милицейский подрайон. Ознакомившись со списками жильцов, Пустельга пересчитал этажи, убедившись, что на каждом из них по четыре квартиры. Да, народу тут тьма! Интересно, как представляет себе Микаэль «секретный подъезд»? Такой, как эти, — обычный, с сонным вахтером? Нет, едва ли! Кроме охраны дома, есть еще участковые, врачи из поликлиники...

Пустельга стоял возле одного из подъездов, держа букет в руке и переминаясь с ноги на ногу. Он уже успел поймать несколько сочувственных взглядов: прохожие жалели плохо одетого парня, чья девушка безнадежно опаздывала. Становилось скучно. Не то чтоб Сергей надеялся сразу увидеть что-либо важное, но вокруг все было слишком обыденным, серым, как стены гигантского здания. Незаметно для себя Пустельга поднялся на одну ступеньку, ведущую в подъезд, затем на другую...

— Разрешите?

Молодой человек, на вид лет двадцати или чуть старше, терпеливо ждал, пока Сергей сообразит уступить дорогу.

— Простите... — Пустельга отошел в сторону, привычно отметив, что вышедший из подъезда одет дорого, даже слишком дорого для его возраста. Модное ратиновое пальто, мягкая шляпа...

Пустельга сошел со ступенек и не спеша двинулся к соседнему подъезду. Интересно, кто этот модно одетый? Чей-то сынок? Пустельге на такое пальто надо было копить минимум год. Но лицо у парня приятное. Приятное, знакомое...

Мгновенно стало жарко. Шляпа! Сам ты шляпа, Серега Пустельга! Засмотрелся на одежку и... Лицо, лицо — быстро!

...Голубые глаза, скулы слегка выдаются, чуть курносый нос... Воображение никак не желало помочь. Пустельга беспомощно оглянулся, но незнакомец уже исчез. Шляпа ты, старший лейтенант! Лицо! Еще раз: голубые глаза...

И Сергей понял, что воображение не виновато. Оно просто не сработало, на подобное его не хватило. Шляпа действительно сбила с толку. Это лицо Пустельга видел под высоким красноармейским шлемом. Симпатичное молодое лицо, шинель с «разговорами», орден на большом банте... Косухин Степан Иванович, командир РККА... Донское кладбище, сентябрьская ночь, испуганный Волков, пустой гроб — и красный рубин с бхотскими письменами...

Ноги не держали. Сергей присел на лавку, уронив ни в чем не повинные астры прямо на асфальт. Интересно, что бы он сделал с сотрудником, который проворонил такую встречу? Наверняка подал бы рапорт на разжалование! Человек, исчезнувший из собственной могилы... Но ведь год рождения того Косухина, если не врала надпись на памятнике, — 1897-й... Этому, в шляпе, лет двадцать — двадцать два... Интересно, стареют ли мертвецы?..

Итак, в ходе производства личного наблюдения он, старший лейтенант Пустельга, ровно в 11.45 (число, месяц и год — прописью) возле четвертого подъезда так называемого Дома на Набережной встретил неизвестного, который согласно данным органолептики внешне чрезвычайно напоминает погибшего в 1921 году Косухина Степана Ивановича... Приблизительно так он написал бы в рапорте, но делать это ни к чему. Во-первых, стыдно: проморгал. Во-вторых, и это главное, молодой человек в шляпе не в розыске, и Сергей не обязан выслеживать парня. А то, что им интересуется компания, любящая темноту кладбищ, так им, Пустельгой, тоже очень даже интересуются! Хорошо бы все-таки поговорить с этим, так похожим на погибшего командира РККА!..

Конечно, Сергей сделал все, что еще можно. Ткнув вахтеру под нос удостоверение (постаравшись при этом прикрыть пальцем фамилию) он потребовал сведений о молодом человеке в ратиновом пальто и шляпе. Вахтер долго моргал, чесал затылок, а затем неуверенно сообщил, что «этот» не из жильцов. По предпо-

ложению стража подъезда, молодой человек был в гостях на четвертом этаже. Или на пятом... Или на третьем... Оставалось конфисковать у вахтера тетрадь с адресами и переписать фамилии жильцов этих трех этажей.

На службе Сергей появился только под вечер, молча выслушал рапорты о проделанной работе и велел всем идти по домам. Хотелось поделиться увиденным с Ахилло, но Пустельга решил не спешить и сперва разобраться самому.

В пустой квартире было тихо. Сергей выпил чаю с каменными от старости баранками и вспомнил, что самое время позвонить Арнольду Феодосиевичу. Эксперт обещал сообщить новости на следующий день, а прошло уже целых три...

Голос в трубке был не таким, как в прошлый раз, — неуверенным, испуганным:

— Сергей... Я... Понимаете... Может, не по телефону?..

— Если нас слушают, то уже поздно, — Пустельга почувствовал невольное раздражение. Интеллигент из «бывших» что-то крутит, недоговаривает...

— Понимаете, мне не дали произвести вскрытие! Они забрали труп — еще позавчера. Мне велели молчать... Дело вообще забрали с Петровки. Мне не сказали, кто...

...Дело мог забрать Большой Дом. Теоретически — еще НКГБ и военная разведка. Хотя при чем тут разведка?

— А кровь, кровь?

Молчание, тяжкий вздох.

— Арнольд Феодосиевич!

— Слышу, Сергей... Анализ я провел. Порадовать не могу: в вашей крови тот же состав. Приблизительно в соотношении один к двадцати, если сравнивать с этой... Лапиной...

Сердце заныло. Что за гадость ему ввели? Зачем?

— Это... это опасно?

— Боюсь, что да. Правда, доза небольшая, но это очень скверная вещь. Ее называют ВРТ...

Пустельга вытер со лба капли пота. ВРТ — что за дрянь?

— Я даже не знаю, как это расшифровывается. Вся литература по «ВРТ» проходит с грифом...

Может, врач и лгал, но большего от него явно не добиться.

— Что мне делать? У вас есть лекарства?

— Н-нет... Не знаю... Позвоните мне позже... Позже...

Сергей повесил трубку и застыл возле телефона, не в силах встать с низенькой старой табуретки. Вот так! Никаких вампиров, никакой мистики... Лапиной ввели в кровь эту «ВРТ», проверили действие, а потом принялись за него. Труп, естественно, забрали, чтоб скрыть следы.

...Вера приходила к нему, хотя, по мнению экспертов, была

уже мертвой чуть ли не неделю. Теперь ясно, всех сбил с толку проклятый яд. А сколько осталось ему? Лапина продержалась дней шесть, от силы восемь...

Сергей еле заставил себя раздеться, преодолев искушение рухнуть на постель прямо в костюме. Потемневшее пятно на простыне заставило вздрогнуть, пальцы ощупали ранку. Ерунда, почти зажила! Но ведь и у нее был шрам — а потом он видел располосованную ножом шею!..

Пустая квартира, тьма, тихие шорохи где-то в коридоре... Становилось страшно. Еще и эта комната с печатями... Стоп, комната с печатями! Вере вовсе не нужно было проходить сквозь дверь или закрывать засов с той стороны! Она могла просто спрятаться в комнате. А как же труп в морге? Но она могла выйти потом, когда Сергей ушел из квартиры...

Пустельга не выдержал, включил настольную лампу и положил под подушку «наган». Внезапно захотелось курить. Хорошо, что он не держит папирос! Нет, надо успокоиться, иначе можно спятить без всякой ВРТ...

В конце концов Сергей все-таки задремал. Он знал, что спит, — такое с ним случалось. Пустельге нравилось контролировать сны: он словно сидел в кинозале, где было спокойно и безопасно...

Сергей видел свою же квартиру, темную, тихую. В его комнате горит лампа, но постель пуста. Затем он идет коридором... Запечатанная дверь — хорошо бы заглянуть! Пустельга входит, не снимая печатей. Пусто. Стопки книг на полу, поломанный стул... Он уже поворачивается, чтобы вернуться в комнату, как где-то далеко, на улице, раздается легкий стук. Шаги... Кто-то проходит мимо дома. Шаги приближаются к подъезду. Тишина — и вновь шаги, уже ближе, на лестнице...

И тут появился страх. Сергей уже знал, что это к нему. Не спрятаться, не уйти! Шаги близко — второй этаж, третий... Надо проснуться! Скорее! Сергей дернулся, крикнул и открыл глаза...

...Горела лампа. В коридоре было тихо, лишь с улицы доносился шум редкого в этот час автомобиля...

Пустельга встал, накинул одежду (в доме еще не топили) и вышел в коридор, решив зайти на кухню и глотнуть чаю. Он уже дошел до двери, ведущей в кухню, когда какое-то шестое чувство заставило его остановиться, замереть на месте.

Опасность! Будь Сергей где-нибудь на горной тропе в Бадахшане или Кашгарии, то тут же рухнул бы на землю, выхватывая «маузер». Но в пустой квартире не было басмачей, не сторожили китайские контрразведчики...

Пустельга вытер пот со лба. Все-таки нервы! Довели, сволочи!..

И тут грянул звонок. Ночью он показался оглушительным, словно у входной двери взорвали гранату. Значит, снилось не

зря!... Пустельга закусил губу. Спокойно, Серега, спокойно, Крест! У соседа лопнула труба, вернулся из командировки сосед-конструктор... В конце концов, его решили арестовать — ладно, выкрутится!..

Звонок вновь ударил в уши. Надо открывать. Мелькнула мысль о револьвере, но Пустельга понял, что это бесполезно. Соседей пугать не следовало, а убийц не испугаешь — да они бы и не стали звонить...

За дверью было тихо. Сергей хотел спросить «кто?», но представил себе, как прозвучит его голос: хрипло, неуверенно. Какого ответа он ждал? «Привет от Лантенака!»?

Пустельга заставил себя усмехнуться, дернул засов и нажал на кнопку замка...

...Пахнуло сыростью. Она была все в том же плаще, неяркий свет падал на бледное, спокойное лицо...

— Сергей, извините...

Он не закричал — хватило сил удержаться на ногах. Рука впилась в косяк, чтобы загородить путь...

— Сергей! — Голос был тот же, только тише, невнятнее. — Вы что, испугались? Я вас разбудила?

Легкая виноватая улыбка. Шея прикрыта косынкой...

— Вера... Вы... Уходите!..

Улыбка исчезла. На лице — растерянность, обида.

— Вы... Вы прогоняете меня? За что, Сережа? Я... вас обидела? Я знаю, поздно, но мне опасно выходить днем...

Черт! Что ей сказать? Чтобы возвращалась на Головинское?

— Откуда вы?

Недоуменный взгляд, удивление:

— Я... Не помню... Я очень устала, Сергей, мне плохо... Можно, я войду?

Правильнее было захлопнуть дверь, побежать к телефону... Но кому звонить — Волкову? Пустельга уже позволил ей уйти... Нет, теперь он разберется до конца!..

Было страшно, но ужас, затопивший сознание, уже уходил. Сейчас все выяснится! В газетах сообщили о похоронах, но сам Сергей там не был. Он видел тело в морге, но даже не попробовал пульс...

Он мельком взглянул на ее лицо. Обычное, только бледное, усталое. Ничего общего с тем, что он видел там, на Петровке. В глазах — боль и обида.

— Что случилось, Сергей? Я... Зачем вы так?

Пустельга решился: играла она или нет, бредил ли он или был здоров — надо выяснить все до конца.

— Извините, Вера! — Он улыбнулся и помотал головой, словно прогоняя сон. — Я просто еще не проснулся. Заходите!..

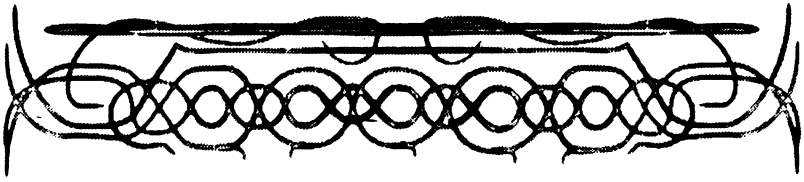
От волос ее пахло дорогими духами. Наверное, они должны

были заглушить другое, хорошо знакомое — еле различимый запах сырой земли. Это было последнее, о чем успел подумать Пустельга, прежде чем девушка обернулась, и он увидел ее глаза. Крикнуть Сергей не успел — как и вспомнить старую истину о том, что вернувшимся из мест, откуда не возвращаются, никогда нельзя верить...

...Поиски пропавшего без вести сотрудника Главного Управления НКВД Сергея Павловича Пустельги начались утром следующего дня. Его искали долго, сначала в Столице, затем по всей стране, хотя уже к концу первой недели стало ясно, что найти исчезнувшего старшего лейтенанта едва ли удастся. Поэтому искали без особой надежды и старания, просто выполняя очередной приказ.

И в эти же дни совсем другие люди без всякого приказа, зато с куда большей энергией и настойчивостью пытались разыскать исчезнувшего из секретной столичной тюрьмы Юрия Петровича Орловского, бывшего историка, а ныне врага народа, осужденного согласно беспощадным, но справедливым законам первого в мире государства трудящихся. Искавшие его сами подвергались немалой опасности, но это не останавливало тех, кто пытался найти Орфея. Им тоже не сопутствовала удача: след пропавшего зэка терялся где-то в заповедных лесах Северного Урала.

...Двое — гонитель и гонимый, всевластный преследователь и бессильная жертва — без следа сгинули в Мальмстриме, захлестнувшем страну.



КНИГА ПЯТАЯ

МНЕ НЕ БОЛЬНО

ГЛАВА 1

КОМАНДИРОВКА

абинет был огромен, а маленький скуластый человечек, утонувший в глубоком кресле, казался карликом. Его острый короткий подбородок почти касался зеленого сукна, и над поверхностью возвышалась лишь бледная физиономия с когда-то голубыми, а теперь выцветшими глазами. Могло показаться, что карлик случайно забрел в кабинет, предназначенный для куда более представительных особ, и даже малиновые петлицы с большими звездами на новой гимнастерке дорогого сукна не придавали человечку солидности. Впрочем, тот, кто попадал в этот кабинет, редко пускался в подобные рассуждения, ибо звали человечка Николаем Ивановичем Ежовым и был он народным комиссаром внутренних дел СССР, хозяином огромного здания в самом центре Столицы, обычно именуемого Большим Домом.

В этот день настроение наркома было не самое худшее. На узких бледных губах иногда проскальзывала улыбка, что было хорошим знаком для тех, кто оказывался в этом кабинете.

Старший лейтенант Михаил Александрович Ахилло стоял по стойке «смирно», стараясь ничем не выдать своих чувств. Чувства же были не из самых приятных: внезапный вызов, недоуменный взгляд секретаря и, наконец, приглашение «на ковер». Ковер, правда, был хорош: большой, почти на весь кабинет, когда-то присланный из освобожденной Бухары самому товарищу Дзержинскому...

— Здравствуйте, товарищ Ахилло!

По скуластому лицу промелькнула улыбка, карлик встал и пожал Михаилу руку. Все это было добрым знаком, ибо с теми, кто проштрафился, нарком редко бывал вежлив. Последовало уставное: «Здравия желаю!», Ежов кивнул и указал на стул.

— Курите...

Сам нарком не курил, и подобное приглашение тоже было неплохим знаком. Михаил не стал отказываться — папироса настраивала на рабочий лад.

— Товарищ Ахилло, чем сейчас занимается группа «Вандея»?

Тон, каким был задан вопрос, не обещал ничего опасного.

Михаил даже позволил себе слегка пожать плечами, прежде чем доложить об успехах. Они были минимальны: работа по материалам с мест, анализ вредительских групп в Столице...

— Товарищ народный комиссар, после исчезновения старшего лейтенанта Пустельги в группе остались только двое. Работа идет очень медленно. И кроме того...

Он замялся. Ежов вновь кивнул, на этот раз поощрительно.

— Кроме того, у нас напрасно забрали дело об исчезновении Пустельги. Есть очень большая вероятность, что его похитили люди из «Вандеи»...

— Похитили? — В голосе наркома скользнуло недовольство. — Вы так думаете? Товарищ Ахилло, руководство считает, что в данном случае проявлено опасное благодушие, более того — политическая близорукость и непрофессионализм! Вот, смотрите...

В руках наркома появилась толстая папка с тесемками. Порывшись, Ежов извлек оттуда несколько листков бумаги.

— Это ответ из Ташкента на наш запрос. Старший лейтенант Пустельга проявлял странное благодушие. Он три раза не давал санкции на арест своих сотрудников, которые после его отъезда были тут же обличены как отъявленные враги народа. Уже не говорю, что его контакты, особенно во время зарубежных командировок, были весьма сомнительными...

Ежов чуть скривился и отложил листок в сторону.

— Но даже не это главное. По нашему мнению, Пустельга намеренно тормозил работу группы. За все время — никакого продвижения вперед, если не считать истории с похищением взрывчатки. Да и тут сработал, насколько мне известно, лейтенант Карабаев. Вы что-то хотите сказать, товарищ Ахилло?

— Можно? — Михаил вновь пожал плечами, запоздало сообразив, что спешить с собственным мнением не следует. — Товарищ народный комиссар! Пустельга возглавлял группу чуть больше месяца. За это время нам удалось установить много важных фактов. Сергея, то есть старшего лейтенанта Пустельгу, назначили на эту должность без малейшей подготовки. Он почти не служил до этого в Столице, даже города как следует не знал! По-моему, сама «Вандея» оценила его высоко, как и покойного майора Айзенберга.

Ежов вновь поморщился и медленно встал из-за стола. Михаил тоже вскочил, но, остановленный резким жестом, опустился на стул.

— Понимаю, понимаю, честь мундира и все такое прочее... Вы это бросьте, товарищ Ахилло! Помнится, два года назад вы отказались руководить агентурной группой в Столице...

Михаил встал, вытянув руки по швам. Разговор сворачивал на опасную колею.

— Я читал вашу докладную! Позор! Вы отказывались вербовать агентов среди актеров, видите ли, по этическим соображениям! Удивляюсь, как вы вообще умудрились остаться в органах!..

Ежов закашлялся, потемнел лицом и опустился в кресло. Ахилло по-прежнему стоял неподвижно, стараясь, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. Он знал, что начальство, как и собаки, хорошо чует страх и спешит добить ослабевшего.

— Да садитесь вы! — Лицо наркома приняло нормальный цвет, он достал из тумбы стола какой-то флакончик и отхлебнул прямо из горлышка. — Садитесь, товарищ Ахилло.

Пришлось сесть, и Михаил вдруг понял, что чувствуют подследственные на допросе. Ощущение оказалось не из приятных.

— В общем, так, — нарком пристукнул ладошкой по зеленому сукну. — Сейчас в распоряжении следствия появились новые данные, которые позволяют предположить, что старший лейтенант Пустельга замешан как минимум в одном серьезном преступлении. Поэтому...

Ежов замолчал, потер зачем-то лоб и снова сморщил физиономию.

— ...коллегия приняла решение расформировать группу «Вандея». Вы и лейтенант Карабаев переходите временно в мое непосредственное распоряжение. Вопросы?

— А кто будет заниматься «Вандеей»?

Вопрос вырвался сам собой, прежде чем Ахилло успел прикусить язык. Нарком дернулся, блеклые глаза сузились:

— Товарищ старший лейтенант!..

Михаил вновь стоял по стойке «смирно». Все это напомнило развлечение некоторых следователей — веселую игру «сесть — встать»

— Вы позволяете себе... Вы думаете, что без вас!..

На Ежова вновь напал кашель, маленькое худое тело задергалось, рука выхватила носовой платок...

— «Вандеей» займутся те, кому положено. Это уже не ваша забота!

Михаил понял. Следствие по делу таинственного подполья изъято из ведения Большого Дома! Вот это да! Но кем? Едва ли это обезглавленная военная разведка. Кому же могли передать дело? Не прокуратуре же...

— Я пригласил вас не за этим, — Ежов успокоился, тон его вновь стал мирным, почти отеческим. — Как я уже сказал, вы поступили в мое распоряжение. К работе приступите немедленно... Чаю хотите?

Последние слова так не вязались с предыдущими, что Михаил даже не нашелся, что ответить. Впрочем, обошлось без его согласия. Ежов вызвал секретаря, тот исчез и появился буквально

через минуту с шипящим чайником и подносом, на котором горкой лежали сушки.

Ежов пил чай жадно, и Михаил даже испугался, что нарком того и гляди захлебнется кипятком. Самому Ахилло было не до чая. Его не особенно напугал разнос: точно так с ним полтора года назад беседовал Генрих Ягода, и разговор тоже шел о политической близорукости и опасном благодушии. С тех пор Михаил успел получить орден, а бывший нарком уже полгода обживал камеру в Лефортове.

Чай пошел Ежову явно на пользу. Он выпил полный стакан, с хрустом разгрыз сушку и с удовольствием откинулся на спинку мягкого кресла.

— Так вот, товарищ Ахилло. Задание серьезное и очень ответственное...

Начало совершенно не понравилось. Так инструктируют молодого милиционера, посылая на ловлю карманников.

— Как вы уже знаете, полгода назад по предложению товарища Сталина был создан Народный комиссариат государственной безопасности. Это решение с одобрением и радостью встречено всем советским народом...

«И вами тоже?» — промелькнуло в голове, но Михаил вовремя укусил себя за кончик излишне болтливого языка. Весь Большой Дом знал, как реагировал Ежов на появление конкурирующего наркомата.

— ...Функции НКГБ еще только определяются. Среди прочего, он будет заниматься охраной особо важных объектов...

«Которые ранее охраняли мы», — закончил фразу Михаил, но, естественно, не вслух.

— Среди этих объектов имеется один, о котором и пойдет речь. Это научно-исследовательский институт неподалеку от Столицы. За его безопасность отвечает особая группа «Подольск». Мы не занимаемся его охраной, но все внешние связи находятся под нашим контролем. В результате могут возникать некоторые трения. Вы меня понимаете, товарищ Ахилло?

«Еще бы!» — хотел ответить Михаил, но предпочел отделаться уставным «Так точно!».

— Недавно им понадобился один заключенный, находящийся в Лефортове, которое, как вы знаете, находится в нашем ведении. Однако мы узнали, что руководство объекта будет использовать этого заключенного за пределами охраняемой зоны. Поэтому мы потребовали, чтобы в поездках его сопровождал наш сотрудник. Он же должен следить за поведением заключенного на объекте. Практически наш сотрудник будет выполнять функции связного между нашими ведомствами...

«А заодно и стукача», — добавил про себя Ахилло. На душе

стало совсем скверно, тем более, совершенно очевидно, кто будет этим «нашим сотрудником».

— Итак, вам все ясно?

Блеклые глаза смотрели на Михаила устало и отрешенно. Казалось, нарком только и ждет, что его оставят в покое и не будут приставать с бесконечными заботами. Михаил скрипнул зубами: понижение до роли конвоира и мелкого шпиона было слишком унизительным.

— Товарищ народный комиссар! А какова гарантия того, что я завтра же не буду валяться где-нибудь под откосом? В результате несчастного случая...

Михаил не преувеличивал, прекрасно зная, как относятся спецслужбы к конкурентам, интересующимся их секретами.

— Гарантия, товарищ Ахилло? Мы с вами солдаты партии, и риск — наша профессия... А кроме того, если с вами что-либо случится, мы не сможем гарантировать безопасность их сотрудников, командированных на наши объекты...

Слова о «солдатах партии» Ахилло пропустил мимо ушей, но остальное несколько успокоило. В конце концов, НКГБ придется допустить к своим секретам людей из Большого Дома, иначе им не узнать, чем занимаются их конкуренты.

— Мы рассчитываем на вас, товарищ Ахилло. В свое время вы неплохо провели операцию по обезвреживанию группы Генриха. Надеюсь, на этот раз вы тоже будете на высоте...

Михаил невольно улыбнулся. За группу Генриха он получил орден, а его коллеги из Германии, по непроверенным данным, занесли молодого контрразведчика в список особо опасных сотрудников из ведомства вероятного противника. Было за что: группа Генриха два года получала информацию прямиком из Наркомата обороны...

— Я подписал приказ о присвоении вам очередного звания. Поздравляю! Отправляйтесь к Альтману, он вам сообщит все остальное...

Оставалось поблагодарить и удалится. Новый чин, на который Михаил уже перестал надеяться, почему-то не обрадовал. Нарком кинул ему «шпалу» явно лишь для того, чтобы его сотрудник в «лазоревом» стане выглядел несколько посолиднее. Старший лейтенант для такого поручения смотрелся излишне скромно.

Кабинет Володи Альтмана находился этажом выше, но Михаил зашел туда не сразу, а с небольшой остановкой в курилке, чтобы немного прийти в себя. Кажется, поручение все же не сводилось к конвоированию обычного зэка — полковник Альтман

не занимался подобными мелочами. Кроме того, с ним, несмотря на высокий чин и должность, всегда можно поговорить откровенно.

Ахилло не ошибся: Альтман рассказал ему многое, а еще о большем можно было догадаться по вполне понятным намекам. Прежде всего, Сергея Пустельгу действительно зачислили в подозреваемые. Пропавший командир группы «Вандея» прямо обвинялся в связях с нелегалами, вдобавок, что было самым диким, Столичная прокуратура расследовала дело об убийстве, в котором Пустельга значился как главный подозреваемый. Что касается самой «Вандеи», то полковник подтвердил, что Большой Дом отныне не занимается ее поисками. Кое-кто на «самом-самом верху» (понятнее намекнуть невозможно) крайне недоволен результатами расследования, и дело передано, как и подозревал Михаил, в НКГБ. В последний момент Ежов, дабы продемонстрировать старание, снял с должности четырех начальников областных управлений и нескольких видных сотрудников центрального аппарата, но заклание уже ничего не изменило. Более того, Альтман намекнул, что таинственное подполье «кое-кого наверху» приводит в состояние, близкое к панике, и уже не на Большой Дом, а на госбезопасность возлагаются последние надежды.

Итак, акции малиновых петлиц падали, а лазоревых — возрастали. Вдобавок, НКГБ сумел добиться того, что ряд важных функций, выполнявшихся доселе совместно людьми Ежова и военными, был передан новому наркомату. Этому способствовал провал крупной операции на объекте «Якша», о сути которой достоверно не знал и сам полковник. Во всяком случае, скандал был неимоверный, головы летели градом, и Ахилло мог порадоваться, что не имеет к этому делу никакого отношения.

Правда, кое-какие последствия эта неудача имела и для Михаила. Перед началом операции руководство НКГБ конфиденциально попросило передать в их распоряжение одного важного зэка, которого Большой Дом перебрасывал на объект. Нарком отказал, в результате «неизвестные» не только обстреляли группу сопровождения в аэропорту, убив полковника Константина Любченко, но и умудрились осуществить воздушную атаку на спецрейс. Последствий весь этот разбой не имел. «Самый-самый главный» и его представитель товарищ Иванов предпочли сделать вид, что вендетта двух спецслужб их совершенно не касается. Неудивительно, что на этот раз Ежов предпочел пойти на компромисс.

Итак, задание намечалось не из приятных. Альтман сообщил, что нужный «лазоревым петлицам» зэк — бывший работник Коминтерна, а заинтересовался им почему-то новый научный центр,

находящийся под опекой НКГБ. Этот объект, проходивший под двузначным номером, был известен как «Теплый Стан» или «объект Тернема». Ахилло невольно заинтересовался: о таинственном Тернеме уже приходилось слышать, причем не раз.

Вдобавок полковник сообщил, что нужный зэк содержится не в Лефортове, как сказал нарком, а в Лефортове-бис. Разница заключалась в том, что этот филиал знаменитого узилища был комфортабельным дачным поселком. Фамилия заключенного ни к чему не обязывала — Сидоров, равно как имя и отчество — Петр Петрович.

Михаил получил запечатанный пакет, командировочные и предписание немедленно направляться в конкурирующий наркомат, где ему надлежало найти старшего лейтенанта госбезопасности Ерофеева.

Контора лазоревых петлиц несколько удивила. Здесь было тихо, даже как-то глухо. Никто не спешил по коридорам, не было привычных часовых на каждом углу, да и личности попадались все больше в штатском. После проверки документов и долгих расспросов Ахилло оказался у полуоткрытых дверей кабинета на третьем этаже. Он постучал, услышал: «Валяй!» — и не без некоторой опаски переступил порог.

Кабинет был невелик. Половину его занимал огромный стол, возле которого стоял рыжий детина, почему-то в летном комбинезоне. Он был занят делом — собирал немецкий пулемет системы «МГ».

— Чего стоишь? — Голос был под стать росту, гулкий и низкий. — Лучше подсоби. Не видишь — заело эту хрень, мать ее! Гансы поганые, наизобретали, тудыть...

Ахилло, решив ничему не удивляться, погрузил пальцы в пулеметное нутро. Особым специалистом он себя не считал, но подобная система была знакома.

— Да не лезь туда, пальцы отшибет! — тут же поморщился хозяин кабинета. — Ты б еще кой-чего другое туда вставил. Да не лезь туда, говорю! Тут, наверно, пружина гавкнулась...

Михаил был и сам не рад, что вместо доклада по всей форме занялся бог весть чем, но дела привык доводить до конца. Он аккуратно взял лапищу рыжего детины за рукав и отодвинул в сторону.

— Ты чего? — возмутился тот. — Да я эту машинку...

— Ты еще язык туда вставь! — не выдержал Михаил, иногда умевший попадать в тон. Что случилось с пулеметным затвором, он уже догадался. Последовал щелчок, затвор клацнул, и детина облегченно усмехнулся.

— Ну, молоток! А я эту фигню просмотрел. На тряпку, оботри руки!

Вытирая с пальцев масло, Михаил быстро прикидывал, как действовать дальше. Но рыжий детина перехватил инициативу.

— А ты откуда такой грамотный? Постой, постой, да ты же «малиновый»!

Имелся в виду, естественно, цвет петлиц на гимнастерке Михаила.

— Какой есть. Мне, собственно, старшего лейтенанта госбезопасности Ерофеева.

— Я Ерофеев, — сообщил рыжий, оправляя комбинезон. — Ерофеев Кондратий Семенович. А ты чего — капитан Ахилло?

— Не похож?

Михаил внезапно сообразил, что в документах он по-прежнему старший лейтенант, а на петлицах у него «кубари» вместо «шпалы». Ерофеев, в свою очередь, вытер руки и полез в ящик стола. Оттуда была извлечена папка.

— Ты?

На стол легло несколько фотографий: Михаил вместе с отцом, он же — еще в лейтенантской форме, и совершенно не известный ему снимок, сделанный прямо на улице.

— Вроде ты, — старший лейтенант госбезопасности бросил папку в ящик стола. — Чего не по форме?

— Взаимно.

Ахилло понял, что сесть его не пригласят, и устроился сам на одном из двух имевшихся в кабинете стульев. Ерофеев отодвинул в сторону пулемет и вытащил пачку «Севера».

— Дыми, капитан! Я не в форме, чтоб об эту хрень не замазаться. Заело вчера на стрельбах, а в мастерскую отдавать жаль. Еще испортят!..

— А я — на нелегальном положении, — невозмутимо пояснил Михаил, угощаясь папироской. В ответ послышался довольный смех:

— Это правильно, капитан. Ладно, вино будешь?

— Прямо сейчас?

Снова смех — довольный, с оттенком снисходительности.

— Да я тебе не водку предлагаю, чудило! Винцо «Курдамюр», как раз для знакомства. А вам чего, Николай не позволяет?

Ахилло уже слыхал, что «лазоревые петлицы» называли всесильного Ежова просто по имени. Между тем на столе появились стаканы и початая бутылка.

— А закусить? — поинтересовался Михаил, отметив, что вино коллекционное, из самых лучших.

— Тебе что, к «Курдамюру» селедку? — возмутился Ерофеев и,

порывшись в тумбе стола, бросил рядом с бутылкой плитку шоколада:

— Для дам, между прочим, держал. Ты чего, может, из интеллигентов?

— Из них...

Михаил уже сообразил, что и подобный тон, и дамское винцо — неспроста. В этом учреждении умели «бутафорить», как это именовалось на профессиональном жаргоне, не хуже, чем в Большом Доме.

Стаканы цокнули. Вино оказалось превосходным, и Михаил пожалел, что курит «Север», а не что-нибудь более подходящее к случаю.

— Зови меня «майор», — заявил Ерофеев, нюхая кусок шоколада, — так короче будет. А хочешь — зови по фамилии, мне один черт. Приказ читал?

— Чей? — самым невинным тоном осведомился Ахилло.

— Ну, е-мое, наивный! Да вашего Николая! Ты, стало быть, поступаешь в мое распоряжение вместе с зэком. Я — главный! Усек?

— Это с каких еще чертей?

Последовало возмущенное хрипение:

— Ты чего, неграмотный? Тебе прочесть?

— У меня с согласными плохо, майор. В приказе сказано, что я должен сопровождать заключенного...

— Ну да, — кивнул Ерофеев. — А повезу вас я. Так что теперь я для тебя и отец, и мать, и воинский начальник. Распустил вас Николай, смотрю! Давно чистить пора, ой пора!..

В таком тоне о «железной когорте партии» НКВД не решались говорить даже маршалы. За болтовней майора крылись вещи очень серьезные. Так думал не он один: «лазоревые» только ждали приказа, чтобы разорвать на части «малиновых».

— А вас чистить кто будет?

— Нас? — поразился майор. — Да нас-то за что? Это вы, как Феликс умер, нюх потеряли. Кирова прошляпили, «Правый центр» прошляпили! Только и заслуги, что Тухачевского, гада купленного, скрутили, да и то с чужой помощью! Вам только баб на допросах тискать да конфискат разворовывать!

— Ты что, мою реакцию проверяешь? — невозмутимо отозвался Ахилло.

— Никак пуганый? — хмыкнул майор.

— Пуганый.

— А-а-а! Чуешь, что Сибирью пахнет! Так ведь все равно не убережешься. У вас в Большом Доме смертность похлеще, чем от холеры. Жрете друг друга, всех головастых выбили, оставили придурков, что ни уха ни рыла в оперативной работе не вяжут!

Крыть было нечем. Рыжий говорил правду.

— Ладно, капитан, забудем. Хлебнем и поехали за твоим Гонжабовым.

Рука Михаила, державшая стакан, дрогнула:

— За каким Гонжабовым?

— А за таким! — Майору вновь стало весело. — Который Сидоров. Ты на колесах? Нет? А, все равно, я бы на вашей колымаге не поехал! Вечно у вас свидетели под откос валятся...

Это тоже было правдой. Гробить лишних свидетелей в автокатастрофах давно уже стало излюбленной методой Большого Дома. Михаил знал, что так убрали начальника охраны Кирова, который был готов дать подробные показания.

— У нас не лучше, — успокоил Ерофеев. — Так что я сам за рулем буду, а перед тем в мотор загляну. Ну, допивай, поехали!

Михаил хотел спросить о деле, но решил не спешить. Не только в Большом Доме стены имели уши.

— Потом поговорим, — понял его Ерофеев. — Ты ведь вроде не из комсомольских работников, азбуку знаешь. Орден за что получил?

— За самогонщиков.

— Которые шнапс гнали? — хохотнул майор, и Михаил понял, что здесь знают не только его анкету. — У меня орденов целых два. Второй тоже... за самогонщиков, а вот первый я еще на заставе получил, так что осторожности излишни. Я ведь из погранцов. О Карацупе слыхал? Так мы с ним вместе начинали, на одной заставе.

— А ты в качестве кого? — не удержался Ахилло. Ерофеев недоуменно поглядел на него, а затем фыркнул:

— Ты это, значит, про то, что я на четырех лапах бегал? А ты юморист, капитан! Нет, я был помкомвзвода. Потом Карацупа на сверхсрочную пошел, и я тоже... в отряд по борьбе с самогонщиками... Ладно, посиди минутку, поскучай. Можешь обшарить стол, там много интересного...

Майор вышел, оставив Михаила одного. В стол Ахилло, естественно, и не собирался заглядывать, прекрасно понимая, что ничего важного там нет и быть не может. Бывший «погранец» вволю валял дурака, но сам дураком, конечно, не был. Стало обидно: НКГБ брал на службу таких, как Ерофеев, а Большой Дом в последнее время действительно стал набирать сотрудников из партийных и комсомольских стукачей, особенно после того, как кресло наркома занял Ежов, курировавший до 36-го года кадровый отдел ЦК. При его предшественнике Ягоде в НКВД были ребята получше Ерофеева, но почти все они сгинули в никуда вместе с бывшим наркомом.

Майор появился через несколько минут уже при полном параде, в гимнастерке, на которой красовались два ордена Красного Знамени.

— Чтоб уважали! — заметил он, кивая на свой «иконостас».

— А у нас все шпионы ордена цепляют, — невозмутимо отозвался Ахилло. Это было тоже правдой — тот, за которого Михаил получил награду, носил на пиджаке точную копию ордена Ленина.

— Да? Ну и придурки, — махнул лапищей Ерофеев. — Нас еще в спецшколе учили, что лучше внимания к себе не привлекать. В клифте ходить вольготнее... Ладно, руки в ноги — поехали...

Прежде чем сесть в машину, обычную черную «эмку», но с городскими, а не специальными номерами, Ерофеев действительно заглянул в мотор и даже в багажник. Майор не казался трусом, и Ахилло рассудил, что им в самом деле есть чего опасаться.

Ахилло ни разу не был в Лефортове-бис, а потому с интересом поглядывал в окно. Впрочем, понять что-либо было сложно. Ерофеев, не жалея бензина, крутил по городу, проверяя, нет ли «хвоста». Наконец машина вырулила на проспект Кирова и помчалась на юг.

— Береженого бог бережет, — усмехнулся майор, нажимая на газ. — Ладно, вскрывай свой пакет, самое время.

Ахилло не возражал. В пакете оказалась копия приказа Ежова о его командировке, документ на выдачу арестованного Петра Петровича Сидорова и обычная бумага ко всем организациям и учреждениям с просьбой оказывать помощь «предъявителю сего».

— Ты вроде спортсмен? — внезапно поинтересовался Ерофеев. — Разрядник?

— Я?! — поразился Ахилло. — Ах да, по туризму. Второй разряд, я его лет пять назад получил.

— А я думал, по альпинизму! — В голосе рыжего прозвучало разочарование. — Туризм, прогулочки...

Понятнее не стало, но капитан решил пока не вдаваться в расспросы. Между тем машина промчалась проспектом и теперь блуждала по пригородам. Наконец впереди открылось шоссе — они были уже за пределами столицы. Несколько раз Ерофеев оглядывался, но сзади было пусто.

Наконец, возле неприметного столбика с надписью «Пионерлагерь «Тельмановец», машина притормозила, повернула и покатила по узкой дороге между деревьев. Вскоре их остановил первый пост. Документы изучали долго, заглянули в багажник, на заднее сиденье и лишь затем разрешили ехать дальше.

Это повторялось дважды, прежде чем машина подкатила к высоким воротам, за которыми можно было разглядеть домики небольшого дачного поселка. Охраны, кроме тех, что стояли у

ворот, видно не было, и вообще, филиал зловещей тюрьмы производил весьма идиллическое впечатление.

— Жируют, вражины! — прокомментировал Ерофеев, пока охрана в очередной раз рылась в багажнике. — А знаешь, капитан, здесь не было ни одной попытки побега. Смекаешь, почему?

— Кормят неплохо, — предположил Михаил. — Кино по субботам...

— Кино! — хохотнул Ерофеев. — Да просто тут собрали тех, кому на воле опаснее, чем здесь!

Переспрашивать Ахилло не стал, ибо и сам догадывался о чем-то подобном.

Наконец их пропустили. Машину, естественно, оставили у ворот, но сопровождающего не дали, указав на один из домиков, где и проживал ЗК Сидоров Петр Петрович.

Домик оказался небольшим, кирпичным, с миниатюрной верандой и цветником у входа, на котором сиротливо мерзли осенние астры. Ерофеев уже ступил на крыльцо, но Ахилло тронул его за плечо.

— Я сам.

— Чего? — не понял тот. — Ну давай, давай — только не испугайся.

Дверь оказалась не заперта. Короткий коридор вел в небольшую комнату, оказавшуюся оранжереей. Странные, неведомые в этих широтах растения вытягивали воздушные корни из деревянных кадок, с темно-зеленых веток смотрели огромные желтые цветы... За оранжереей была еще одна комната. Михаил постучал и открыл дверь.

Сначала он увидел огоньки — маленькие, трепещущие. Окна были завешаны толстой черной тканью, и комната освещалась небольшими свечами, стоящими по углам. Неровный свет падал на большое, в человеческий рост, изваяние Будды. Улыбающееся лицо бесстрастно глядело в темноту. Михаилу внезапно показалось, что бурхан сделан из чистого золота...

Напротив изваяния в такой же позе, скрестив ноги и положив руки на колени, застыл человек в темном халате и небольшой шапочке, похожей на тюбетейку, но с ровным верхом. Ахилло подождал несколько секунд, но Сидоров Петр Петрович не сделал попытки встать или хотя бы повернуться.

— Гражданин... — Ахилло хотел было сказать «Сидоров», но вспомнил слова майора. — Гражданин Гонжабов, я за вами. Собирайтесь.

Человек медленно встал и обернулся. На Михаила глядели узкие темные глаза. Плоское лицо с острыми скулами, желтоватая кожа... Надо было иметь неплохое чувство административного юмора, чтобы назвать этого человека исконно русской фами-

лией! Михаил прикинул, что ни на китайца, ни на японца заключенный не походил. Разве что на узбека — такой же невысокий, костистый.

— Собирайтесь, — повторил капитан. — У вас есть переодеться во что-нибудь... гражданское?

Темные глаза взглянули спокойно, без страха и даже без особого интереса. Гонжабов медленно кивнул. Михаил не без некоторого облегчения заявил, что будет ждать во дворе, и поспешил покинуть странную комнату. Полумрак, свечи и недвижная золотая улыбка Будды произвели на него мрачное впечатление.

— Ну как? — поинтересовался Ерофеев, куривший у крыльца. — Не испугался?

— Нет. А кто этот... Сидоров?

Майор покосился на Ахилло:

— Это тебе лучше знать, капитан. Ваша добыча!.. Ладно, не киксуй. По Гонжабову знаю вот чего: он бхот, с Тибета, за гражданскую имеет орден, еще один получил в 31-м за научные достижения, был членом тибетской секции Коминтерна. Взяли его ваши год назад — как германского шпиона. Дали «четвертак» и отправили сюда.

Ясности не прибавилось. О бхотах Ахилло даже не слыхал, а золотой бурхан Будды плохо ассоциировался с научными исследованиями.

— Он что, Тернему понадобился?

Михаил ожидал, что майор будет по-прежнему темнить, но Ерофеев спокойно и внушительно подтвердил:

— Именно так. Гражданин Тернем приказал командировать гражданина Гонжабова с целью научной экспертизы.

Привычное ухо уловило: «гражданин Тернем».

— Что, Тернем... тоже на тюрположении? До сих пор?

— А ты как хотел, капитан? Ваши же брали, ваши же срок впаяли. Скоро всю страну пересажаете, мать вашу, железная когорта!

— Это, кажется, из Троцкого? — удивился Ахилло. — «Железная когорта партии»?

— Че, бдительный? — скривился майор. — Ну, давай, давай! Мой батя Троцкого на фронте, между прочим, встречал — и не раз. Может, он и Иуда, но по кабинетам не прятался. Как некоторые, не будем называть...

— Можешь написать, что на провокации я не отреагировал, — Михаил вновь отвернулся. — Между прочим, где вы все такие умные были десять лет назад, когда Объединенная оппозиция пыталась на улицу выйти? Тогда не поздно было!..

— И ты напиши, что на провокационные разговоры майор Ерофеев ответил нецензурной бранью и проклятиями по адресу врагов народа... А десять лет назад я еще мальчишкой был, дура-

ком, в общем. Да что теперь говорить — для нас что ни поп то батька!..

То, что Ерофеев высказал вслух, думали многие. Ахилло догадывался, что о Льве Революции жалеют, но что-либо менять было поздно. Королей не выбирают — им служат...

Дверь отворилась, и на крыльцо вышел Гонжабов. Теперь на нем был обычный штатский костюм, шляпа и накинутое на плечи серенькое пальтишко. В этом наряде бхот смотрелся убого — маленький человечек, похожий на среднеазиатского колхозника, приехавшего на ВДНХ.

Увидев майора, Гонжабов равнодушно кивнул. Ерофеев внимательно оглядел зэка, кивнул в ответ, и все трое направились к воротам.

Заполнение бумаг заняло немало времени, и в город возвращались уже в сумерках. Майор молчал, Ахилло, сидевший на заднем сиденье рядом с Гонжабовым, тоже не спешил начинать разговор. Командировка обещала быть необычной. За Гонжабова Михаил отвечал головой, а между тем не имел даже наручников для конвоирования. Правда, то, что после возвращения удастся заглянуть в таинственную контору Тернема, кое-как примиряло с происходящим.

...Ахилло любил острые ощущения, тайны и риск. Восемь лет назад это и подтолкнуло его бросить экономический факультет Института народного хозяйства и написать заявление в спецшколу. Правда, не только это. Ахилло рано понял, что впереди страну ждут нелегкие годы, а значит, лучше быть внутри Системы, чем вне ее. К самой политике Михаил относился индифферентно, питая к фанатикам легкое отвращение. Первые годы службы в органах оправдали ожидания, но с 35-го, а особенно с 36-го, он все чаще стал испытывать разочарование и даже страх. Система явно выходила из-под контроля. Ягода был груб и жесток, но это все же лучше, чем истерика и непрофессионализм Ежова. Сложная, точная машина, предназначенная для диагностики и терапии, какой Ахилло видел контрразведку, быстро превращалась в паровой каток, давящий с одинаково тупой жестокостью и чужих и своих. Для Михаила оставалось загадкой, кто сидит за рулем, — не Ежов же, в самом деле! Он был даже рад, что временно отстранен от оперативной работы. Быть представителем «малиновых» в кубле «лазоревых» дело опасное, но не опаснее ежедневного риска в Большом Доме, где вместо того, чтобы искать врага, руководство начинало отстрел своих.

Всю дорогу Гонжабов ни разу не повернул головы, так и просидев неподвижно, прикрыв глаза и застегнув пальтишко до самого горла. Похоже, таинственного зэка совсем не интересовало, куда и зачем они направляются. Автомобиль долго блуждал

по столичным улицам и наконец свернул в один из темных дворов. Все трое вышли из машины, и майор кивнул на ближайший подъезд.

В одной из квартир второго этажа их ждал молчаливый парень в штатском. Каждому был вручен комплект удобной теплой одежды, горные ботинки, и в придачу — легкая, почти невесомая куртка с капюшоном. Ко всему этому полагался также рюкзак, где уже лежали консервы и спальник.

Удивляться было некогда. Майор торопил, и Михаил, быстро переодевшись, вышел с Ерофеевым в другую комнату. Там уже был накрыт стол.

— Перекусим, — кивнул майор. — Да, у тебя какой ствол?

Михаил извлек из прикрепленной под мышкой кобуры «наган». Ерофеев скривился:

— Хлопушка! На, держи!

В руках у Ерофеева оказался новенький «парабеллум».

— А может, пулемет возьмем? — не удержался Ахилло, пристегивая кобуру с пистолетом к поясу. Майор махнул рукой:

— Шутки — шутками, а я бы взял. Да нельзя, засветимся. Разве что в футляре от контрабаса, знаешь, как в кино...

Итак, им предстояло ночевать под открытым небом и вдобавок отстреливаться. Михаил был не прочь — все лучше, чем торчать в кабинете!

Наскоро перекусили. Ерофееву и Ахилло была подана отбивная с картошкой, Гонжабову же молчаливый парень поднес тарелку с вареным рисом. Бхот поблагодарил кивком головы. До сих пор он еще не произнес ни единого слова, и Ахилло решил, что тот попросту не говорит по-русски.

Парень в штатском помог отнести вещи в машину, затем притащил откуда-то палатку и присоединил ее к рюкзакам. Ерофеев кивнул, парень сел за руль, и «эмка» тронулась с места.

Все несколько прояснилось на Курском вокзале, где их ждал поезд до Симферополя. Они заняли отдельное купе — билет на четвертое место тоже оказался у майора. Пока Ерофеев откупоривал бутылку, дабы отметить начало их странного путешествия, Михаил прикинул, что палатка, рюкзаки и симферопольский поезд (равно как его разряд по туризму), все указывало на Крым. Но что можно там искать, да еще вместе с каким-то бхотом?

Пили вдвоем. Гонжабов, как только поезд тронулся, снял ботинки и, поджав ноги, присел на нижнюю полку, прикрыв глаза.

— Хорош? — подмигнул майор. — Он так может месяц просидеть... Ладно, слушай...

Он допил стакан, крякнул и заговорил совсем иначе — спокойно и серьезно:

— О нашей поездке там, куда мы едем, никто не знает — ни наши, ни ваши. Светиться мы не имеем права. Это ясно?

Ахилло кивнул.

— Мы — работники Академии истории материальной культуры. Археологи, в общем. Фамилии оставим те же, а вот документики сменим...

Михаилу было вручено удостоверение с уже вклеенной фотокарточкой, делавшее его старшим лаборантом АИМК СССР им. Марра.

— Вот так. Называть друг друга по званиям запрещается. Ты — стало быть, Михаил, я — Кондрат. Или хочешь по отчеству?

— Запоминать долго, — улыбнулся Ахилло. — А гражданин Сидоров?

Майор подмигнул:

— Будет у нас Рахметом Ибрагимовичем, профессором из Ташкента. Запомнил?

— Это-то я запомнил, — вздохнул Михаил. — Слушай... Кондрат, а все-таки, куда мы едем?

— На кудыкину гору, — буркнул Ерофеев. — «Куда» — нельзя спрашивать, приметы, что ль, не знаешь?

Ночью не спалось, и Михаил постарался вспомнить последние оперативные данные по Крымской АССР. Аресты хозяйственников-вредителей, смена руководства Верховного Совета, очередная рокировка в головке местного управления НКВД... Но они-то там зачем?

Всю дорогу Гонжабов продолжал молчать, и Ахилло совершенно уверился, что тот не говорит по-русски. Понимать — явно понимал, кивком благодарил за тарелку риса, принесенную из вагона-ресторана, качал головой, когда ему предлагали кофе, и без особого интереса листал предложенный майором «Огонек». Сам Ерофеев, заявив, что перед работой следует отоспаться, завалился на верхнюю полку и захрапел. Спал он, впрочем, чутко, просыпаясь каждый раз, когда в купе кто-то начинал двигаться. Михаил начал скучать. Спасал обильный запас газет и журналов, захваченный в дорогу предусмотрительным майором.

Симферополь показался под вечер следующего дня. На вокзале их встретил мелкий холодный дождь. Пришлось застегнуть куртку и накинуть на голову капюшон. Вдобавок рюкзак показался неожиданно тяжелым, и Михаил пожалел, что подзабыл прежние туристские навыки.

На вокзале не задержались и, выстояв под моросящим дождем очередь на остановке, подъехали к междугородной автобусной станции. Ерофеев направился в кассу, оставив остальных в ма-

леньком и тесном зале ожидания. Наконец он вернулся и удовлетворенно заметил:

— Порядок! Взял на последний рейс...

Отвечая на недоуменный взгляд Михаила, он подмигнул, уселся рядом и хмыкнул:

— Что? Задолбал тебя тайнами? Ладно, рассказываю. Гражданин Гонжабов, ты тоже слушай...

Маленький бхот не отреагировал. Он глядел прямо перед собой, узкие глаза были полузакрыты. Казалось, он дремлет.

— Значит, так... Неделю назад колхозник из села Аксу-кой Карасубазарского района Валилов перегонял стадо с летнего пастбища на Караби-яйле. Бригадир послал его в ближайшую деревню, Валилов решил подсократить путь и пошел прямиком через горы. Возле горы Чердаш он наткнулся на вход в пещеру. По его рассказу, незадолго до этого случился оползень, часть склона обрушилась, вот вход этот и открылся. Валилов зашел внутрь и кое-чего там обнаружил...

Ерофеев оглянулся, словно опасаясь непрошеного соглядатая.

— Вернувшись в село, Валилов доложил обо всем председателю колхоза, тот сообщил в Симферополь. Однако, пока там чесались, Валилов исчез... Вот, собственно, и все. Наша задача — добраться до горы Чердаш, найти пещеру и обследовать ее. Гражданин Гонжабов привлечен в качестве эксперта. Все ясно?

— Не все, — покачал головой Ахилло. — Что было в пещере?

— Чего было? — недовольно повторил майор. — Хрен его знает, чего там было! Валилов назвал это «Голубой Свет», если с татарского перевести. Вроде столба огня, который поднимается из какой-то дыры. Наше дело туда добраться, а там увидим. Гражданину Тернему нужно — значит, нужно!

Михаил не спорил. Теперь их странная поездка действительно приобрела смысл. Он мельком взглянул на Гонжабова, но тот никак не реагировал.

— Пусть поглядит, — кивнул Ерофеев. — Он, говорят, с таким уже встречался. Теперь вот что... Местные силы велено не привлекать. А чтобы по горам не плутать, узнал я один адресок...

Он вновь оглянулся и заговорил совсем тихо:

— Вышел я на этих чудиков-археологов. Один недобитый профессор рассказал, что в Перевальном живет некий Семин Павел Иванович, директор местной школы. Он на этой археологии помешан, и вообще — первый краевед в районе. Семин нам дорогу и объяснит. Наша легенда: мы из Академии истории материальной культуры. Нам сообщили, что в пещере на склоне Чердаша найдены кости палеолитического человека. Знаешь, чего это такое?

— Крымский питекантроп? — хмыкнул Михаил.

Ерофеев сердито покачал головой:

— Ты меня, капитан, не сбивай! Я два дня эту фигню изучал! Питекантроп, он на Яве, Дюбуа его открыл. А здесь подозрение на неандертальца. В Средней Азии уже такая находка имелась, вот и наш... Рахмет Ибрагимович будет вроде как эксперт из Ташкента. Рассусоливать не будем, пусть нам этот Семин дорогу опишет, а там мы сами...

— А гражданин Семин часом не японский шпион? — не удержался Михаил, которому вся эта секретность показалась излишней и даже немного смешной.

— И кто это говорит, а? — покачал головой Ерофеев. — Да у вас в НКВД все шпионы! А ежели интересно, могу доложить: Семин Павел Иванович характеризуется положительно. Член партии, активист, отличник народного просвещения. Правда, были сигналы... Первый — будто он не с археологами в экспедиции ходит, а готовит склады с оружием для турецкого десанта...

Ахилло не выдержал и хохотнул. Ерофеев тоже усмехнулся:

— Бред, ясно... Но, между прочим, проверяли — оружие он не складирует. И второе... Он национальность скрывает. По паспорту — русский, а отец из крымчаков. И вот тут, между прочим, правда.

Михаил пожал плечами. Криминала в этом он не видел.

— Ерунда, конечно, — кивнул майор. — Правда, еще говорят, будто дед его был каким-то шаманом. Но я проверял. Крымчаки, они вроде караимов — иудаисты, шаманов у них нет и не было...

Ахилло кивнул, соглашаясь, и тут заметил, что Гонжабов слушает их очень внимательно. Широко открытые темные глаза бхота, казалось, светились недобрым огнем.

ГЛАВА 2

ЧИФ

Молодой человек в теплом осеннем пальто и мягкой шляпе не торопясь вышел из подъезда и еле заметно передернул плечами. Огромный двор был почти пуст, лишь у самого подъезда топтался изрядно прозябший на ноябрьском ветру парень с букетом сиреневых осенних астр. Молодой человек мимоходом посочувствовал незадачливому кавалеру. Погода явно не способствовала свиданию: над городом нависли низкие тяжелые тучи, то и дело срываясь мелким холодным дождем. Вышедший из подъезда оглянулся, бросил быстрый взгляд на окна четвертого этажа и неторопливо зашагал вдоль гигантского дома.

Он мог быть доволен. Тот, кто смотрел ему вслед из окна чет-

вертого этажа, выслушал и, кажется, поверил. Впрочем, радоваться было рано...

Длинный ряд подъездов кончился. Сразу же стало холодней, ветер с набережной ударил прямо в лицо, и молодой человек сунул руки поглубже в карманы. Этот город ему не нравился. Не нравился холод, серые безликие дома, дребезжащий транспорт, а главное — люди. Он знал, что здесь, в этом городе, в этой стране и на этой планете, будет нелегко, но даже не предполагал — насколько.

Можно было добраться до ближайшей трамвайной остановки, но молодой человек предпочел пройтись пешком. Он все еще не мог заставить себя втискиваться в забитые хмурыми злыми людьми трамвайные утробы.

Молодого человека крестили Иваном, но так называл его только отец, и то изредка. Для матери он был Жанно, для одноклассников — Джон, а после того, как он возглавил команду по бейсболу, за ним прочно утвердилась кличка Чиф. В конце концов так стал называть его даже отец, обычно не терпевший американизмов. Отвращение ко всему американскому отличало практически все старшее поколение. С тем большим пылом их чада учили английский, засматривали до дыр изредка попадавшие к ним американские журналы и называли друг друга именами и кличками, взятыми из голливудских кинофильмов.

Когда Чифу, тогда еще просто Джону, исполнилось четырнадцать, разразилась первая буря. Молодежь Свято-Александровска, давно уже перекрестившая свой родной город в «Сент-Алекс», потребовала введения в гимназиях английского языка вместо всем осточертевшего французского. Департамент образования отмахнулся, и тут ударила забастовка. Мальчишки и девчонки выставили пикеты у здания парламента и у резиденции Председателя Думы, которого они предпочитали называть Президентом или просто Дядей Сэмом, заявив, что не вернутся в школы до полной победы. Стачком, в котором Чиф представлял свою гимназию, объявил, что дает месяц на размышление, после чего «Генерация» — молодежь Свято-Александровска — переселится в долину Больших Ветров, дабы основать новый город, где языком общения станет исключительно английский.

Дело стало нешуточным. Оппозиция потребовала от правительства начала переговоров со стачкомом, а председатель социалистической партии Железный Генри заявил, что готов лично переселиться вместе с молодежью подальше от мест, где не соблюдают права человека.

Все, конечно, устроилось. Дядя Сэм нажал на консерваторов

в правительстве, а стачком — на экстремистов из младших классов. Английский язык был введен наравне с французским, чада вернулись в школы, а политические партии стали срочно переписывать свои программы, добавляя в них требования, касавшиеся молодежи.

Чиф имел прямое отношение к столь успешному завершению стачки. Решающие переговоры происходили у него на кухне. Это было тем легче, что Железный Генри, директор единственного в Сент-Алексе завода и бессменный глава соцпартии, был его отцом, а Президент Сэм — крестным. Представители стачкома пили чай, заваренный Тетей Полли — мамой Чифа, а Железный Генри и Дядя Сэм, отсмеявшись и отвспоминав прежние деньки, внезапно стали серьезными, и Президент, кивнув на довольных победой забастовщиков, негромко бросил: «А ведь выросли! А, Степан?» Железный Генри, он же Степан Иванович, коротко кивнул и покачал головой:

— Выросли-то, выросли... Мы в их возрасте другим занимались. Английский им, американский!..

Представители стачкома обиделись. Они, конечно, знали, что Железный Генри — герой, Дядя Сэм — тоже герой, об их подвигах им рассказывали на уроках истории. Но введение английского, языка свободных людей, казалось задачей важной и первоочередной. «Генерация», первое поколение родившихся на этой земле, пробовала силы. Потом уже была экспедиция в глубину Черных Гор, бросок на Бессмертный остров, Знаки Доблести, полученные из рук Президента. Но их первую победу Чиф запомнил на всю жизнь. Тогда это казалось таким необходимым — изучение английского, отмена школьной формы, право ходить на вечерние киносеансы без родителей...

Чиф постоял несколько минут у чугунных перил набережной, глядя на покрытую оспинками дождя медленно текущую реку. За рекой тянулись громады серых домов, из черных труб поднимались клубы белесого дыма, откуда-то издалека доносились паровозные гудки. Родина предков... Чиф немало знал о ней — из книг, из рассказов старших, но увиденное все же поразило. Он не ожидал такого серого неба, таких хмурых зданий и таких людей.

В ближайшем киоске Чиф купил свежую «Правду». В свое время его весьма шокировало столь претенциозное название. Отец пытался объяснять ему особенности пропаганды среди отсталого пролетариата, рассказывал про своего давнего знакомого Николая Ивановича Бухарина, этой «Правдой» руководившего, но его старания пропали даром; Чиф заранее ощущал антипатию к столь самодовольной газете. Однако теперь чтение «Правды»

стало необходимостью, хотя бы потому, что все остальные газеты этой страны можно было вообще не открывать — писали они абсолютно то же самое, только еще беспомощнее.

Итак, какова ныне в здешних местах «Правда»? Чиф бегло просмотрел передовую статью с броским заголовком «Навстречу славному юбилею» и спрятал газету в карман пальто. Интересно, как бы смотрелся в «Правде» репортаж об их забастовке? Наверняка что-нибудь вроде: «Бунт буржуйских сынков». Здесь, в бывшей России, называвшейся ныне непроизносимым именем «СССР», шутить не любили. Молодежь выступала на собраниях, заявляла в НКВД на своих родителей и учила немецкий — язык вероятного противника.

Родина предков оставалась чужой. Чиф заставлял себя вспоминать, что здесь есть тысячи и тысячи, ради которых он и прибыл сюда, но помогало мало. Тут не было друзей. Даже тот, с которым он совсем недавно разговаривал, почему-то испугался и по сути не ответил ни на один его вопрос, лишь написал на бумажке номер телефона и время, когда следовало позвонить. Может, боялся, что их подслушивают? Но сколько же требовалось средств и сил, чтобы организовать прослушивание частных квартир! Да и зачем? Чиф вспомнил уроки политологии в старших классах, рассуждения учителей о сущности тоталитарного государства и невольно поежился. Тогда это казалось сказкой, скучной и нереальной — три основные группировки руководства, бюрократическая пирамида, постоянная сменяемость кадров, система, державшая в напряжении эти самые кадры... На экзамене никому не хотелось отвечать на подобный билет. Увы, теперь приходилось вспоминать все читанное и слышанное. Итак, три группировки... Прежде всего, партийная бюрократия, обескровленная последней волной репрессий. Затем военные — их позиции тоже ослабели после процесса Тухачевского. И наконец, система, державшая всю пирамиду в напряжении — НКВД и НКГБ. Машина простая, мощная и самовоспроизводящаяся... И — люди. Как сказал здешний лидер — «винтики и колесики». Те самые люди, к которым Чиф и его товарищи и прибыли, хотя никто их не приглашал, не ждал и едва ли был рад.

Дойдя до улицы Горького, Чиф прошел пару кварталов, пробираясь сквозь шумную толпу, и нырнул в метро. Метро — это единственное, что нравилось ему в Столице. В Сент-Алексе такого не было. Ни к чему — весь город можно пройти за полчаса, почти у каждого имелся велосипед или мотоцикл, а в последние годы завод, которым руководил Железный Генри, исправно снабжал всех желающих электромобилями. Но Чиф все равно испытывал зависть, попадая на движущуюся ленту эскалатора.

Смущали лишь нелепые статуи на станциях — темные, жуткие, похожие на первобытных идолов...

Выйдя на конечной, Чиф нерешительно взглянул в сторону остановившегося поблизости трамвая, но так и не решился нырнуть в людской водоворот. Толпа его пугала. Там, где он вырос, люди почти никогда не собирались беспорядочной кучей, разве что на стадионе, после очередного футбольного или бейсбольного матча. Чиф посмотрел на часы, прикидывая, за сколько он доберется, и тут же заметил, как один из прохожих бросил на него недоуменный взгляд. Чиф мысленно выругал себя: здесь, в Столице, таких часов не носили. Давно надо было купить местные, но он никак не мог привыкнуть к нелепому допотопному циферблату и необходимости каждое утро заводить тикающий механизм. Часы, новенькие, с миниатюрной электрической батарейкой, подарил ему отец как раз перед тем как Чиф написал заявление на имя Президента Сэма с просьбой зачислить его в группу «Пространственного Луча».

Итак, он пошел пешком, огибая огромный новый стадион. Стадион был неплох, удивляло лишь то, что принадлежал он местной полиции. Впрочем, к подобным странностям своей исторической родины уже следовало привыкнуть.

Дорога вела сквозь небольшой парк, вдоль пустынных в этот час улочек, где жили рабочие с окрестных заводов, мимо самих заводов, огромных, грязных, с безобразными трубами, мимо брошенных краснокирпичных церквей со сбитыми крестами. Впереди был огромный пустырь, за которым тянулся старый, местами разрушенный забор. За ним когда-то находилась фабрика, но уже несколько лет, как станки были вывезены, деревянные перегородки разобраны, и от прежнего остались лишь холодные мертвые корпуса. Вечерами здесь собиралось окрестное хулиганье, но днем лишь вороны оживляли мертвую тишину брошенного фабричного городка.

Чиф прошелся вдоль забора, оглянулся и уже собрался нырнуть в небольшой пролом, как внезапно услышал негромкие быстрые шаги. Кто-то шел с противоположной стороны — высокий, в старом пальто и надвинутой на глаза кепке.

Секунда — и Чиф был уже за кирпичной стеной. Шаги приблизились, затем на мгновение стихли. В проломе показался молодой человек, рассеяно поглядывающий по сторонам. Чиф облегченно вздохнул.

— Я думал, ты уже дома! — произнес он по-английски, запоздало выругав себя за опасную привычку.

— Ты чего, Чиф, в засаде? — Парень усмехнулся и взглянул на часы, точно такие же, на батарейках, с табло вместо циферблата.

— Пошли, Бен!

Тот, кого так назвали, вновь усмехнулся и покачал головой:

— Чуть не влип! Пойдем, после расскажу...

Говорили по-прежнему по-английски. Бен, которого родители звали Сашей, изъяснялся несколько странно, с грассирующим французским «р», зато с накрепко заученным американским акцентом. Чиф неодобрительно покачал головой:

— Бен, мы этак влипнем. Переходи на русский!..

— Ага. О великий, могучий, свободный... Как там дальше?

Последнюю фразу Бен произнес на языке предков, почему-то напирая на букву «о». Чиф поморщился:

— К тому же, если ты решил изображать мастерового, надо бриться лезвиями местного производства.

Бен провел рукой по гладко выбритой щеке.

— Советский пролетарий должен быть слегка выбрит и до синевы пьян. Чиф, слово «мастеровой» здесь не употребляют. Надо говорить «рабочий».

Они, не торопясь, шли по еле заметной тропке, которая вела к одному из фабричных корпусов. Пару раз Чиф оглядывался, но предосторожность была излишней: вокруг было совершенно пусто.

— Ладно, Бен, что у тебя стряслось?

Тот нерешительно почесал кончик длинного породистого носа:

— Да так, затмение... Был на вокзале, присматривался к публике...

— На каком?

— На Петербургском...

— Бен! — Чиф даже остановился. — Ты что, забыл?

— Шучу, шучу... На Ленинградском. Да я все помню, Чиф! Улица Горького, переулок Безбожный, Краснопресненская набережная... Антихристов язык!...

Выразительный взгляд заставил его закашляться:

— Понял... Перехожу на советский... Разрешите доложить, товарищ командир группы?

Теперь его русский звучал вполне нормально, с легким «аканьем», как и принято в Столице.

— Я был на Ленинградском вокзале. Присматривался к публике и заодно проверял маскировку. У входа заметил пару «топтунов» из тех, что высматривают приезжих, особенно с «минусом» в паспорте...

— И что, к тебе прицепились? — удивился Чиф. — Бритва подвела?

— Если бы бритва... Решил проверить их бдительность и сделал вид, что пытаюсь спрятаться от патруля... Да не смотри на меня так, Чиф, сам понимаю! Нашу липу показывать не хотелось, я и дал деру. Заодно проверил, как здесь бегают...

Теперь они уже стояли возле сорванной с петель двери одного из корпусов. За дверью ничего не было, кроме сырой темноты, в которой угадывались рухнувшие балки перекрытия и покрытые мхом кирпичи.

— Убежал, значит, — помолчав заметил Чиф. — Комментировать не буду, сам все понимаешь...

— Да ясно. Леший попутал! Но их секретную службу мы тоже должны изучить!

— Но не таким же образом! Все, пошли, а то Лу будет волноваться... Вот расскажу ей все!

— Только не ей! — В голосе Бена прозвучало нечто, похожее на испуг.

Чиф усмехнулся:

— А надо бы — чтоб за уши оттаскала!

Бен протестующе замотал головой, но Чиф лишь хмыкнул и достал из внутреннего кармана небольшой бумажник, а из него — миниатюрный кожаный кошелечек. Секунда — и в руке Чифа блеснул маленький серебристый жетон с фирменным знаком Столичного метрополитена.

— Бен, оглянись на всякий случай.

— Чисто, — сообщил тот, поглядев по сторонам.

Чиф аккуратно приложил серебристый жетон к небольшому углублению в стене. Послышалось еле слышное жужжание, темный провал прохода внезапно стал светлее, в воздухе поплыла белесая рябь. Еще секунда — и дверной проем засветился ярким молочным светом.

— Пошли!

Чиф первым шагнул в молочное марево. Бен еще раз оглянулся и последовал за ним. Светящаяся дверь осталась за спиной, а прямо перед ними был уже не заброшенный цех, а лестничная площадка обычного подъезда. Чиф вновь приложил серебристый жетон к стене, свет дрогнул и начал медленно гаснуть. Через минуту на его месте возникла обыкновенная деревянная дверь. У входа лежал аккуратный новенький коврик, рядом стоял большой фикус.

— Вот и дома! — удовлетворенно заметил Бен, подходя к фикусу и пробуя пальцем землю. — Ага, Лу полила!

— Мог бы и сам! — Чиф расстегнул пальто и снял шляпу. — Лодырь несчастный!

— Во-первых, не несчастный, а счастливый, а во-вторых, не лодырь, а гедонист!

Они поднялись на второй этаж, и Чиф легко толкнул одну из дверей. Из прихожей послышалась громкая музыка — в квартире играло радио.

— Лу, мы пришли! — гаркнул Бен, пытаясь заглушить хор Александрова, исполнявший «Марш буденновцев».

— Ботинки снимайте! — донеслось откуда-то со стороны кухни. — Я полы вымыла!..

— Земля предков творит чудеса: Лу вымыла полы! — Бен принялся послушно снимать с ног грязную обувь. Чиф последовал его примеру. Хор Александрова допел последний куплет, на секунду воцарилась тишина, затем послышался перезвон курантов.

— Точность — вежливость королей! — заметил Бен, взглянув на часы. — А вообще-то, Спасская башня чуть спешит. Тебе не кажется?

Чиф не успел ответить. В коридоре появилась та, что спасла от гибели фикус — девушка лет двадцати четырех, худая, высокая. Светлые волосы были коротко подстрижены, а чуть длинноватый нос наглядно свидетельствовал, что ее сходство с Беном — отнюдь не случайность. Люба, окрещенная еще в подготовительном классе новым и достаточно нелепым именем, была его старшей сестрой.

— И не надейтесь, что так будет продолжаться всегда! Полы будем мыть по очереди. И, кстати, готовить тоже. Бен, завтра очередь твоя!

— Я вам наготовлю! — без всякого энтузиазма пообещал брат, за что тут же заработал щелчок по лбу.

— Между прочим, я не обязана торчать здесь и обслуживать двух здоровенных лбов! Чиф, я сегодня собиралась в Третьяковку...

— Место женщины — на кухне! — попытался продолжить Бен, но, спасаясь от удара веником, был вынужден скрыться за ближайшей дверью, ведущей в одну из комнат. Лу возмущенно пожала плечами и повернулась, чтобы с достоинством покинуть коридор.

— Постой, Лу, — опомнился Чиф. — Почему — в Третьяковку?

— Ну мы же с тобой говорили, — удивилась девушка. —Там должен работать один человек... Кроме того, хотелось посмотреть, мама с детства рассказывала...

— У тебя еще не готова легенда.

Чиф аккуратно повесил пальто на вешалку, пристроил туда же шляпу и принялся неторопливо расчесывать короткие жесткие волосы, пытаясь придать им какое-то подобие прически.

— Я уже все продумала. Буду учительницей младших классов. Из Тулы. Приехала на курсы повышения квалификации...

— А что, такие курсы имеются? Лу, не торопись! Хватит с меня и твоего брата...

— А что — брата? — Из двери высунулась физиономия Бена. — Всегда я виноват! А вот ты, Лу, меньше всего похожа на учительницу!

— Исчезни, — пригрозила сестра и Бен послушно сгинул. — Не будут же у меня спрашивать документы прямо в Третьяковке!

Чиф лишь пожал плечами. Документы были слабым местом группы. Паспорт, что лежал у него в кармане, явно оставлял желать лучшего.

— Ладно, Лу, после поговорим. Лучше бы тебе вообще никуда не выходить...

Девушка хотела вновь возмутиться, но что-то в тоне руководителя группы заставило ее смолчать.

За обедом говорил Бен, рассказывая о виденном на улицах Столицы. То и дело он переходил на английский, но каждый раз спохватывался, ронял: «пардон, пардон», и вновь возвращался к столь мало ценимому им «великому и могучему». Лу время от времени вставляла язвительные замечания, Чиф же упорно молчал, думая о чем-то своем. Наконец девушка это заметила.

— Джон, что случилось?

— Ничего... — вздохнул Чиф. — То есть не совсем ничего... Я поговорил с тем человеком...

— Ну?! — обрадовался Бен. — Легенда сработала?

— Нет, не сработала. Сыграл в открытую... Я узнал, что сегодня днем он будет дома, а завтра собирается уезжать куда-то на Урал. Жена — на работе, дети, естественно, в школе. Я решил рискнуть. Позвонил — он открыл, пригласил войти...

Чиф замялся, подбирая слова.

— В общем, он испугался. Я вначале не сообразил почему, но затем понял: он попросту меня узнал.

— То есть как это — узнал? — недоуменно поинтересовался Бен. — Как он мог тебя узнать?

— Я, кажется, поняла, — улыбнулась Лу. — Он ведь знал твоего отца! Ты же точный портрет дяди Генри.

— Похоже, — согласился Чиф. — И вся наша конспирация полетела к черту. Правда, я не понял, что его так испугало...

— Может, Железный Генри здесь считается — как это? — врагом трудового народа? — предположил Бен.

Чиф покачал головой:

— Отец бы предупредил... В общем, он старался не показать виду, пригласил меня в комнату, назвал по фамилии... Пришлось выложить все сразу.

— И... и что? — поторопил приятеля Бен.

— Он ничего не ответил, но затем написал на листке бумаги номер телефона и время. Сегодня в шесть я должен позвонить. Меня будут ждать...

— Но... Это здорово, Чиф! — оживилась Лу. — Именно то, что мы хотели!..

— То есть как это — ждать? — прервал ее брат. — Кто? Джон, ты что, пойдешь? А вдруг это ловушка?

Чиф пожал плечами:

— Выбора нет. Если что, мою работу продолжишь ты, Бен, а Лу, будет отвечать за установку.

За столом повисло молчание. Наконец Бен щелкнул пальцами:

— Раз такой расклад, сходим вместе. Я возьму кое-что из наших маленьких сюрпризов и, случись чего, устрою фейерверк.

— Не устроишь...

— Почему? — удивился Бен. — У здешних опричников до сих пор «наганы». Каменный век! Почему это я не устрою?

— Потому что ты останешься здесь. И хватит об этом. Обязанности руководителя группы ты знаешь не хуже меня, если что — справишься...

Разговор оборвался, и обед был закончен в полном молчании.

После обеда Бен заявил, что голые стены комнаты действуют ему на нервы, и, притащив свернутый в трубку большой цветной плакат, принялся укреплять его рядом с дверью. На плакате был изображен джентльмен средних лет с серьезным неулыбчивым лицом, украшенным небольшой бородкой. На джентльмене был светлый костюм, причем пиджак оказался весьма демократично расстегнут, а галстук — слегка сдвинут в сторону. Общее впечатление довершали небольшие очки в простой железной оправе. Джентльмен был сфотографирован на фоне белого двухэтажного здания, окруженного высокими, похожими на пинии, деревьями, но не зелеными, а ярко-синими. Внизу красовалась броская надпись: «Генерация» — за Дядю Сэма!»

— Теперь — порядок! — Бен с гордостью оглядел свою работу и повернулся к приятелю. — Чиф, у меня есть плакат Железного Генри. Повесить?

— Как хочешь, — Чиф, листавший толстую, густо исписанную тетрадь, похоже, был совершенно равнодушен к предвыборной агитации. Вскоре с другой стороны двери красовался второй плакат, тоже цветной. На нем был изображен человек, весьма похожий на Чифа, только старше его ровно вдвое. Человек был в пиджаке, столь же демократически расстегнутом, но без галстука, бородки и очков, зато в серой кепке. Большие красные буквы вещали: «Социализм — будущее Тускулы!»

— Теперь — полная демократия! — Бен рухнул в кресло, любуясь. — Джонни, а если бы твой старик победил на выборах, он бы дал «добро» на нашу вылазку?

Чиф оторвался от тетради и бросил взгляд на плакаты:

— Не дал бы. Сюда бы отправили кого-нибудь постарше.

— Вот именно! — Длинный указательный палец Бена наставительно поднялся вверх. — Поэтому мы голосовали за Сэма — и

не ошиблись. Между прочим, ты думаешь, Дядя Сэм больше верит молодежи?

— Конечно, верит, — Лу показалась в дверях, с интересом разглядывая плакаты. — Он ведь руководил проектом «Мономах», когда ему и двадцати пяти не было...

— ...Что было вовсю использовано в предвыборной агитации, — подхватил брат. — Эх, Лу! Неужели ты не поняла, что будет?

— А что будет? — удивилась девушка. — Уже есть. Сэм первый предложил снизить избирательный ценз и посылать старшеклассников в дальние экспедиции. Наша группа — лучший пример.

— Пример чего? — усмехнулся Бен. — Пример того, сестричка, что старый Сэм — мудр. Он первый понял одну простую вещь — мы не просто вторая составляющая вечной формулы «отцы и дети»...

— И кто же это мы? — поинтересовался Чиф.

— Тускуланцы! Вернее — земляне. Наша Земля там — на Тускуле.

— Сам придумал?

— А, значит, не понял? — обрадовался Бен. — Вижу, Чиф, твой старик переусердствовал по части марксистского воспитания. Классы, сословия...

— А что? — Чиф отложил тетрадь в сторону. — По-моему, кое-кто даже на Тускуле не забыл дворянского происхождения...

— Не забыли. И многое другое не забыли. Но не в этом дело. Смотрите — чем была Тускула для тех, кто прибыл туда в 16-м? Объектом научного исследования, правильно? А для тех, кто прибыл позже? Местом спасения от большевиков?

— Ну-ну, — подзадорил Чиф.

— А для таких, как твой отец? Местом спасения от Ленина, Сталина и прочих осквернителей истинного социализма. А для нас? Что такое для нас Тускула? Для нас это родная планета — Земля! И другой Земли нам не надо. А эти, на Старой Земле, не братья по классу и не классовые враги, а *инопланетяне*...

— Постой, Бен, — Лу растерянно посмотрела на брата, затем на плакат с неулыбчивым Президентом Сэмом. — Ты это что — серьезно? Эти байки я уже слыхала, но здесь же люди живут! Такие же, как мы! Только мы родились на Тускуле...

— Джон, а ты чего молчишь? Ты тоже считаешь, что мы такие же, как и здешние аборигены?

Чиф не ответил. Бен подождал несколько секунд и хмыкнул:

— Ага, молчишь! Эх, Лу! Ты знаешь, что отдел здравоохранения уже несколько лет как засекретил часть своих данных? Догадываешься, из-за чего? Могу подсказать: засекречены результаты

ежегодного обследования тех, кто родился на Тускуле. Продолжать?

— Ты хочешь сказать... — подхватила Лу, — что мы...

— Другие! Это уже видно невооруженным глазом! Смотри!

Он вытащил из кармана две монетки, положил их на ладонь, затем подождал секунду, прикрыл глаза... Монетки начали медленно приподниматься, пока наконец не повисли в воздухе.

— Ну и что? — Лу пожала плечами. — Это каждый может. Мы еще в детском саду...

— Мы! в детском! саду! — отчеканил брат. — Вот именно! А покажи это здесь — что будет? Это телекинез, на Старой Земле — редчайшее явление! А то, что мы не болеем? Травмы, переломы и все прочее — но ни одной болезни, ни простудной, ни инфекционной. Ни одного случая аппендицита!..

— Это не главное, Бен, — наставительно заметила сестра. — Психически мы люди. Эти отличия — мелочь. Мы люди!..

— Мы люди, сестричка, — согласился Бен. — А вот они здесь, на Старой Земле, — инопланетяне. Ну а психически... Лу, ты хочешь остаться здесь, на этой чудной, прекрасной планете? Чтобы навсегда? Не тянет, да? Поэтому дядя Сэм направил сюда нас, а не кого-нибудь из отцов-основателей. Да у них бы просто нервы не выдержали. Как же, родная земля — под игом озверевших большевиков!..

— А ты, значит, академически спокоен, — усмехнулся Чиф.

— Нет, Джонни-бой, я не спокоен. Но все же я знаю, что главное — интересы нашей Земли. И Сэм это знает! Поэтому он сейчас старается побыстрее заменить стариков нами, тускуланцами. Чтоб Тускула стала Тускулой! Он действительно Отец-Основатель — и не нового города или нового государства, а новой цивилизации. Не думайте, что я против помощи здешним аборигенам. Я двумя руками — за. Даже за этот филантропический прожект массового переселения местных страдальцев под наше небо. Но Тускулой должны править тускуланцы! И вообще, планету пора переименовать. Она должна стать Землей — первой и единственной.

— А как ты назовешь Землю? — без всякой иронии спросила Лу.

— Да как угодно, сестричка! Гея, Деметра... Да мало ли кто там еще есть в мифологии? Главное — новое человечество уже существует...

— Гобино, — покачал головой Чиф. — Граф Гобино или Альфред Розенберг. Из твоей сегрегации ничего не выйдет, Бен. В ближайшее время на Тускулу прибудут сотни, а может, и тысячи, землян...

— У них тоже будут дети, — по лицу Бена мелькнула снисходительная улыбка. — А через три года — выборы. «Генерация» выставит своего кандидата в Председатели Думы...

— Тебя? — вздохнула сестра. — Эх, Бен!..

— Не меня, — согласился брат. — Не проголосуют — из-за фамилии. Другого...

— Ты что, Кента имеешь в виду? — поинтересовался Чиф.

Бен вновь снисходительно усмехнулся:

— Мистер Кент унаследовал от Дяди Сэма только его серые клетки. Воли у него ни на грош. Мы его сделаем президентом Академии наук. Нашим кандидатом будешь ты, Джон.

— Угу, — энтузиазма в голосе будущего кандидата не чувствовалось. — Это кто же придумал?

— Сказать? Сам Дядя Сэм. Идейку он подкинул Кенту, а тот выступил на координационном совете «Генерации». Как раз в твое отсутствие...

— Дядя Семен? — От удивления Чиф даже назвал крестного его нормальным именем. — Но... Но это же глупо! Я ведь социалист!...

— Я же говорю — Дядя Сэм мудр. Для «Генерации» нужен свой лидер. Не монархист, не кадет и не социалист. Ты идеальная фигура, Чиф. Сын Железного Генри, крестник Сэма, племянник командора Лебедева... Между прочим, один из первых среди «Генерации», кто получил Президентский Знак. А то, что ты веришь в светлое будущее, скоро станет неактуальным. Первые выборы ты проиграешь, а потом Сэм уйдет...

— А если я не захочу?

— То есть как — не захочешь? — удивился Бен. — Координационный совет «Генерации» решит — и захочешь. Кроме того, наживка вкусная, Чиф! Тебе придется принимать интересное наследство. Большая Программа Сэма — слыхал о такой?

— А-а! — махнул рукой Чиф. — Тоже мне, тайна! Термоядерный синтез, затем реанимация программы «Мономах». Мне отец говорил...

— И это тоже, — согласился Бен. — Но есть и номер три. Молекулярный синтез! Понимаете, о чем речь?

— Безумная идея Кента. — Чиф зевнул. — Он это придумал в шестом классе на контрольной по физике. Синтезирование любого вещества на молекулярном уровне прямо на кухне. В приемник засыпаешь мусор, легкое жужжание — и получаем черную икру.

— Но с ауэритом у него получилось, — возразила Лу. — А ведь тоже не верили!

— Ауэрит — частный случай. А тут понадобится столько энергии... Не говоря о том, что это еще даже не решено на бумаге. Все! За политинформацию — спасибо. Вернусь домой — пойду сборщиком на конвейер....

— Не выйдет! — хмыкнул Бен. — Если Дядя Сэм скажет, что

ты нужен ему и стране... Это что, тебя еще женят — династическим браком!

— Да ты что, Бен? На ком? — В голосе Лу прозвучала искренняя заинтересованность.

— На дочке лорда Бара. Наши считают, что такой брак поможет смягчить некоторые политические трения.

— На Сью? — возмутилась Лу. — На этой... этой... И вообще, ей только пятнадцать исполнилось!

— Через три года исполнится восемнадцать. Старый Бар сам это придумал. А что — дочь первого пилота «Мономаха» выходит замуж за племянника пилота номер два!

— Но почему Сью? — Девушка никак не могла успокоиться. — Эта гордячка... Ее маман ни за что не согласится выдать дочку за сына красного комиссара...

— Дядя Генри — потомственный дворянин, — разочаровал ее брат. — В шестнадцатом году Государь пожаловал всей семье командора Лебедева дворянство. Увы, Лу, забудь и выходи замуж за Кента. Он обыкновенный скромный гений. Мемуары напишешь...

— Все? Почесали языки? — осведомился Чиф, вновь беря в руки тетрадь. — Лу, как прошел контрольный сеанс?

— Канал «А» — хорошо, канал «Б» — удовлетворительно, — сообщила девушка, мгновенно забыв о только что обсуждавшихся матримониальных проблемах. — Были помехи...

— Канал «Б» нам пока не нужен, — заметил Бен. — Но могу посмотреть...

— Посмотри. Вечером повтори сеанс. И вот еще, Бен, на всякий случай... Может понадобиться резервный канал. Километров... Ну, в пределах десяти тысяч... Это возможно?

— На Северный полюс, — кивнул его приятель. — Сделаю... Чиф, а может, тебе не идти? Засветишься ведь!

— Я уже засветился, Бен. Иногда плохо быть так похожим на своих родителей... Все обсудили?

— Кроме Сью, — вмешалась девушка. — Чиф, не вздумай на ней жениться!

— Как скажешь, — пожал плечами руководитель группы. — Бен, вечером никуда не выходите. Если я не вернусь, ждите сутки, потом смените пароль на входе...

— Не выдумывай, Джон! — возмутился Бен.

— Это приказ. Действуй по запасному варианту. И обязательно выйди на Тернема.

— Тестаменты слушать не желаю, — Бен встал. — Будем искать Тернема вместе, тем более, без этого домой мы можем не возвращаться. Дяде Сэму нужны гарантии, что в ближайшие четверть века нас не потревожат...

— Увидим, — Чиф встал и потер затылок. — Посплю-ка часок. Никак не привыкну к здешнему времени...

Когда Бен и Лу остались одни, сестра осторожно прикрыла дверь и, подойдя поближе, негромко проговорила:

— Бен, ты чего, спятил? Какие выборы, о чем ты?

— О том, — так же тихо ответил брат. — Дядя Сэм велел с ним поговорить в подходящий момент. А сейчас — самый подходящий, а то его на подвиги потянуло...

Сестра подумала и кивнула:

— Мне это тоже не нравится. Ты не должен отпускать его одного! Пойдешь за ним, а чтобы не убежал...

— Присобачу ему радиомаячок на пальто, — кивнул Бен. — Не учи ученого!

Уже стемнело, когда Чиф вновь появился у знакомого здания со множеством подъездов. Рабочий день кончился, и тротуар возле дома был заполнен людьми. Чиф не спеша прошелся по двору, мельком взглянул на часы, вошел в третий с конца подъезд. Вахтер не обратил на него внимания: в этот час мимо проходили десятки людей, да и респектабельный вид модно одетого молодого человека не мог вызвать особых подозрений. Лифтом Чиф пользоваться не стал и легко взбежал на шестой этаж.

...Четыре двери, одинаковые, обитые свежей черной клеенкой. Нужная квартира — первая слева... Странно, но ему назначили встречу в том же доме, хотя и в другом подъезде. На звонок следовало нажимать три раза. Когда Чиф опустил руку, дверь быстро отворилась.

— Заходите!

Сказано было тихо, почти шепотом. В передней было темно, но можно было понять, что встретивший его небольшого роста.

— Я... пальто... — несколько растерялся Чиф, и тут же его подтолкнули куда-то в сторону:

— Там... Пошарьте рукой.

Получалось как-то излишне конспиративно. Не споря, Чиф нащупал свободный крючок и пристроил туда пальто со шляпой.

— Пойдемте, пойдемте! — Незнакомец явно торопился. Чиф мельком отметил легкий иностранный акцент, то ли немецкий, то ли польский.

Пройдя длинным коридором, они остановились перед закрытой дверью, из-за которой пробивался узкий луч света.

— Ждите здесь!

Дверь отворилась, закрылась вновь, и Чиф остался в коридоре один. Он использовал это время, чтобы привести в порядок прическу. Особого волнения не было, впрочем, как и страха. Скорее одолевало любопытство.

— Заходите, товарищ!

Дверь открылась, и Чиф шагнул через порог.

Здесь было светлее, но не намного. Огромная комната освещалась небольшой настольной лампой, горевшей вполнакала. Лампа, как ей и полагалось, стояла на столе, большом, напоминающем букву Т, более подходившем для солидного кабинета, чем для квартиры. Впрочем, помещение и вправду напоминало кабинет. Стены были украшены обязательными в этой стране бородатыми портретами, под которыми висела большая цветная карта СССР. Высокие окна наглухо закрывали тяжелые черные портьеры. За широкой частью Т-образного стола сидели трое. При появлении Чифа все встали.

— Здравствуйте. Проходите, товарищ Косухин!

Невысокий плечистый человек не спеша шел навстречу, протягивая руку.

— Чижиков.

Странная фамилия не удивила. Тот, кто так представился, назвал себя «Чижиковым» так же, как он, Иван Степанович Косухин, отзывался на «Джона», «Жанно» и «Чифа». Только для Чижикова это не было детской игрой в Америку.

— Тарек.

...Тот, кто встречал его — коротышка, носивший большие роговые очки и говоривший с еле заметным акцентом...

— Иваныч.

«Иваныч» оказался повыше прочих, как раз одного роста с Чифом, зато крепче в плечах и, конечно, значительно старше. Из всех троих он единственный улыбался. Лицо показалось знакомым. Чиф сообразил: Иваныч немного походил на Ленина, с такой же бородкой и лысиной, только лицо было не скуластым и плоским, а типично русским. Легко было догадаться, что из этой тройки Тарек самый младший, если не по возрасту, то по должности, а вот товарищ Чижиков, кажется, главный.

— Садитесь, товарищ Косухин!

Знакомые слова сразу же напомнили Центральный Комитет соцпартии, куда Иван Косухин привык забегать с детства, навещая отца. Но там не прятались по темным углам, да и стола такого не стояло...

Итак, оставалось присесть, естественно, не у вершины Т, а сбоку, где и полагалось пребывать гостям. Здесь уважали субординацию, и Чиф понял, что разговор предстоит нелегкий. Не было опыта — дома даже самого Председателя Российской Трудовой Общины Тускулы Семена Аскольдовича Богораза многие в глаза называли Дядей Сэмом...

— Вы чаю хотите, товарищ Косухин?

Отказываться было неудобно, ибо чай явно входил в непре-

менный ритуал таких встреч. Косухин ожидал, что за чаем пойдет самый младший, то есть товарищ Тарек, но ошибся. Чижиков поднялся сам, неторопливо вышел в соседнюю комнату и вернулся с большим чайником. Впрочем, для остальных тоже нашлась работа: Иваныч расставил чашки, а Тарек принес сахарницу.

— Вам с коньяком?

— Я... я не пью...

Прозвучало как-то по-детски, несолидно, но трое даже не улыбнулись. Чиф действительно не употреблял алкоголя, впрочем, как и вся молодежь Тускулы. Только в дальних походах, когда температура падала ниже минус двадцати, в дело шел спирт, но это никак нельзя было считать выпивкой.

Товарищ Чижиков вновь встал, не спеша подошел к стоящему у стены шкафу, достал оттуда темную пузатую бутылку. Коньяк достался лишь ему. Ни Иваныч, ни Тарек, очевидно, прав на это не имели.

Итак, сначала чайная церемонии, а уж потом — разговор...

ГЛАВА 3

ЯЙЛА

До Перевального добрались уже почти в полной темноте. Над близкими горами стало совсем черно, низкие тучи ползли от недалекого моря к Симферополю. Поселок казался пуст и безлюден. Пришлось долго ждать, прежде чем поздний прохожий подсказал адрес директора школы. Нужный дом оказался совсем рядом со школьным зданием, новым, двухэтажным, очевидно, построенным совсем недавно.

На стук отворила молодая женщина, из-за спины которой выглядывала любопытствующая физиономия пацаненка лет семи. Ерофеев представился, и через минуту «археологи» уже знакомились с хозяином. Павел Иванович Семин оказался крепким черноволосым мужчиной лет тридцати, улыбчивым и гостеприимным. Гости были усажены за стол: Семин отказался говорить о делах, пока «археологи» из Столицы не поужинают.

Ахилло с интересом осматривался. Скромное, небогато обставленное жилище краеведа выглядело необычно. Конечно, на стене присутствовал портрет товарища Сталина и несколько грамот в деревянных рамочках, зато повсюду, в углах, на серванте и даже на полу, лежали диковинного вида камни, черепки и просто кости. Возле окна стояла большая амфора с отбитым горлом, а рядом красовалась нижняя часть ноги какого-то неведомого зверя, сложенная из скрепленных проволокой костей.

За ужином Михаил предпочел помалкивать. Гонжабов вооб-

ще не проронил ни звука, зато Ерофеев говорил без умолку. Ахилло с интересом отметил, что майор старается избегать привычных «крутых» словечек, изъясняясь вполне культурно. Он передал приветы от знакомых директору столичных знаменитостей, сыпал новостями из жизни таинственной науки археологии и даже поведал о своей недавней поездке в Среднюю Азию на научный симпозиум. Было заметно, что майор подготовился к разговору весьма тщательно.

После ужина перешли к делу. Ерофеев вручил хозяину дома письмо от профессора Бонч-Осмоловского, с которым Семин был знаком по совместным крымским экспедициям. Тот явно обрадовался и быстро прочел послание.

— Но ведь это здорово, товарищи! — воскликнул он, аккуратно складывая письмо. — Нижний палеолит в Крыму! Я бы и сам с вами пошел... Но завтра собрание в честь 20-летия Октября, мне выступать...

— Успеете, товарищ Семин! — улыбнулся Ерофеев. — Мы — только разведка. Летом приедет экспедиция, для вас место всегда найдется. А мы пока поглядим. Вот товарищ Гонжабов специально из Ташкента приехал. Он там с профессором Окладниковым работал...

— Правда? — Семин повернулся к невозмутимому бхоту. Тот чуть улыбнулся и кивнул. — Средняя Азия!.. — горячо проговорил Семин. — Вот где Эльдорадо! Тешик-Таш — это же открытие века. Самый северный неандерталец в Азии! Но и у нас... В прошлом году товарищ Бонч-Осмоловский как раз в том районе, что вас интересует, нашел любопытный слой. Это даже не медный век, это настоящий неолит — но там уже была каменная кладка. Даже поверить трудно! Эх, денег бы побольше...

— Не уйдет ваш неолит, товарищ Семин! — авторитетно заявил Ерофеев. — Лично займусь! Ну, давайте взглянем на маршрут...

Стол освободили, майор развернул большую крупномасштабную карту. Семин долго рассматривал ее, потом как-то странно улыбнулся:

— Прекрасная у вас карта, товарищи! Хорошо, смотрите...

Он взял карандаш:

— Маршрут несложный, но сейчас ноябрь, прошли дожди, очень скользко, на Караби не проехать. Поэтому вам лучше добраться к Ангарскому перевалу, там где Чатыр-Даг, видите? Отсюда два пути. Можно в обход, а можно через Демерджи...

— Покажите, — прервал его майор, став очень серьезным.

Карандаш забегал по карте. Ахилло кивал: в этих местах ему уже приходилось бывать, на Демерджи он заходил даже дважды, правда летом и совсем с иными целями.

— Через Демерджи ведет дорога до урочища Тырки, затем поворот к реке Малая Бурулча, потом, не доходя Ай-Алексия, снова поворот. Там Караби-Яйла, вам надо пройти ее западным краем. А вот и Чердаш...

Гора на карте казалась маленькой, но отметка говорила, что ее вершина поднимается на высоту более километра.

— По дороге будут пастушьи стоянки, можно ночевать, так что палатка вам понадобится один раз — не больше. А карта окрестностей самой горы у вас есть?

— Увы, — покачал головой Ерофеев. — Поможете?

— Конечно, — улыбнулся Семин. — Вот, смотрите...

На столе появился лист бумаги, и карандаш краеведа быстро набросал простую, но вполне ясную схему.

— Вот тропа, она там единственная, идет вдоль подножия. Пещеры могут быть только с западного склона, во всяком случае, оползень был именно там...

Затем еще долго беседовали, причем разговор перешел на столичные новости. Директор оказался заядлым театралом, не пропускавшим во время поездок в Столицу ни одной новой постановки. Тут уж настал черед Михаила, с удовольствием поведавшего о новостях Мельпомены. Семин грустно улыбался, качая головой и сетуя, что едва ли сможет выбраться в Столицу раньше весны.

Гонжабов по-прежнему молчал, казалось, совершенно не интересуясь происходящим. Ерофееву даже пришлось специально упомянуть, что уважаемый профессор из Ташкента, к сожалению, недостаточно владеет русским языком.

...Вышли рано утром, когда на востоке только начинало белеть. Хозяин, пожелав удачи, просил написать о результатах разведки. Ерофеев обещал, крепко пожал руку Павлу Ивановичу и потрепал по непокорной шевелюре вскочившего с постели мальчонку. Сын директора, как выяснилось, тоже мечтает принять участие в летних раскопках, что майором было ему твердо обещано.

— Ну что, капитан, — усмехнулся Ерофеев, когда они оказались на пустом в утренний час шоссе. — Нигде вроде не прокололся?

— Преклоняюсь, — кивнул Ахилло. — Я уж было подумал, что ты и в самом деле археолог-любитель.

— А-а! — махнул ручищей майор. — Что археология, что иная хрень! Я как-то под ветеринара работал — вот это был цирк! Знаешь, как в анекдоте определяли, что у лошади запор?

Ерофеев снова стал прежним, маска интеллигента была отброшена, причем с явным облегчением.

— До Ангарского попутку поймаем, а там прямо через Демерджи, так короче. Как думаешь, этому Семину можно верить?

Ахилло пожал плечами:

— Думаю, на минное поле он нас не направил. А вообще — интересный человек.

— Мечтатель, — скривился майор. — Толку от них — никакого...

— Он опасен...

От неожиданности Ахилло вздрогнул — говорил Гонжабов. Майор тоже удивился:

— Так ты, значит, по-русски можешь? Так чего молчал?

Бхот даже не повернул головы, словно вопрос был обращен к кому-то другому. Ерофеев, однако, не отставал:

— Нет, ты это, гражданин Гонжабов, брось! Сказал — так объясни. И вообще, чего дурака валяешь? Вместе же идем — команда вроде!

— Я — узник, вы — тюремщики. — Голос зэка был спокоен и бесстрастен. Говорил он с легким акцентом, чуть проглатывая «р».

— Гордый, значит! — Ерофеев явно обиделся. — А я тебе рис специально таскал...

— За рис — спасибо. Не говорил потому, что не спрашивали. Семин вам не поверил.

Ерофеев и Ахилло переглянулись.

— С чего ты взял? — поинтересовался майор. — Телепат, что ли? Мысли читаешь?

— Это нетрудно...

Ерофеев не ответил, и все трое молча зашагали по мокрому пустому шоссе.

— Вот так, Михаил, — проговорил наконец майор. — Чего хочешь, то и думай! Говорил я начальству — нечего дурить, взяли б роту, прочесали все...

Ахилло не стал отвечать. Рота «лазоревых» была, по его мнению, в таком деле совершенно лишней — как и их нелепая конспирация.

Через полчаса их подобрала попутка, небольшой грузовик, направлявшийся в Алушту. До Ангарского доехали, когда позднее утро уже вступало в свои права. Небо над горами стало белым, сквозь деревья проглядывали клочья редеющего тумана. Было очень сыро, даже теплые куртки грели плохо.

Майор вытащил карту и принялся осматриваться.

— Туда! — указал он рукой в еле заметный проход между деревьями. — Прямо, затем направо, до речки. Хлебнуть по глотку никто не желает?

Ахилло согласился, Гонжабов только молча покачал головой.

Наконец была выкурена неизбежная перед долгой дорогой папироса, и маленький отряд вступил в сырой горный лес.

Стало еще холоднее. С мокрых деревьев капала вода, ноги скользили по раскисшей земле, вдобавок дорога вела на подъем, и с непривычки рюкзаки показались свинцовыми. К счастью, сквозь серые тучи начало проглядывать солнце, и идти стало немного веселее.

К полудню спустились вниз, в огромную поросшую лесом долину. Дальше была небольшая речка, за которой начиналась узкая, в глубоких колеях грунтовка, ведущая к подножию Демерджи. Михаил уже бывал в этих местах, но тогда их подвозили автобусом, да и было это жарким летом, когда не надо надевать теплую куртку и месить ногами холодную грязь.

Подъем был долгим, но не особо трудным. Ерофеев, казалось, не чувствовал усталости, хотя ему пришлось нести не только рюкзак, но и палатку. Гонжабов тоже шагал спокойно, и Михаилу пришло в голову, что бхот родом из горного края, где подобные путешествия обычны. Шли по-прежнему молча, лишь майор время от времени отпускал немудреные шуточки. Гонжабов не обращал на реплики Ерофеева ни малейшего внимания, а Михаил отвечал односложно — он постепенно «втягивался» в маршрут. Рюкзак уже перестал казаться неподъемным, дыхание выровнялось, и Ахилло принялся с интересом осматриваться. Вершина Демерджи была уже над самой головой, нависая темным строем ровных серых скал. Места были знакомые, но без привычных летних красок величие древних гор ощущалось полнее.

За гребнем начиналось плоскогорье — ровное, покрытое желтой осенней травой. Лишь невысокие скалы, похожие на чудовищные ребра, выпирали из-под земли, словно останки вымерших ящеров. Туристы бывали здесь редко, и Ахилло пожалел, что не взял с собой фотоаппарат. На Яйле было пусто, пастухи, гонявшие сюда на выпас овец, уже ушли, чтобы вернуться ранней весной. Странное дело, но Михаил отчего-то почувствовал себя неуютно. Словно бы он переступил некую границу, даже не границу — грань...

Демерджи пересекли уже под вечер. Майор, сверившись с картой, повел группу в сторону одной из скал. У подножия темнел небольшой глинобитный домик — убежище пастухов. Внутри было пусто, сыро и темно, зато имелся очаг и даже небольшой запас дров. Здесь решили остановиться на ночь.

Пока Михаил разводил огонь и ставил котелок, Ерофеев разглядывал карту.

— Завтра больше пройдем, — резюмировал он. — Будет спуск,

поднажмем. Можно было и сегодня еще протопать, но там ночевать негде. Простужу еще вас — платков не напасешься...

Внезапно он хмыкнул:

— А сегодня у нас торжественное собрание! Микоян должен приехать, награждать будут. Двадцать лет Октября — не шутка! А мы с тобой, капитан, вроде как сачканули мероприятие.

— Вроде, — согласился Ахилло. — Встречаем юбилей в условиях, приближенных к боевым.

— А то! — согласился майор. — Это поважнее, чем в креслах сидеть. Хорошо, успел бате телеграмму отстучать, он в 17-м в Красной гвардии состоял. В Иркутске. Твердый мужик!

Михаил пожал плечами:

— У меня дядя тоже был красногвардейцем. Его убили как раз на третий день после взятия Зимнего — под Гатчиной...

— Знаю, — кивнул Ерофеев. — В «объективке» твоей написано. А батя твой?

Ахилло невольно усмехнулся. Не особо удачливый актер, Ахилло-старший в октябре 17-го был на гастролях в Твери. Из некоторых намеков Михаил догадывался, что отец встретил победу большевиков далеко не с радостью. Похоже, Ерофеев понял:

— Кое-кто не одну тетрадь исписал про твоего батю, да и про тебя. Что вы, мол, как редиска — красные только сверху...

— А про тебя писали? — осведомился Михаил, несколько уязвленный подобным снисходительным тоном. Майор приосанился:

— А то! И что мой батя из кулаков, и что я на заставе японцами завербованный, и что комсорга роты послал по матушке. Все писали! Только мне, капитан, на это начхать. И тебе должно быть начхать. Верят нам, а что пишут, так время такое, да и сволочей всяких много. А делу нашему я предан, оттого и в спецшколу пошел. А ты, между прочим, с какой причины в органах?

Ахилло на мгновение задумался.

— Мне казалось, что это работа для умного человека. Люди делятся на тех, кто приказывает, и тех, кому приказывают. Мне хотелось, чтобы первых было меньше, чем вторых.

Майор даже крякнул:

— Ух, не слышит нас начальство! А вообще-то, ты прав...

Тут взгляд его упал на бхота, недвижно сидевшего у горящего огня.

— Слышь, гражданин Гонжабов, ты-то с чего к красным пошел? Ты ведь вроде звания духовного? В бога своего, что ли, верить перестал?

— Вы не поймете, — послышался тихий равнодушный голос.

Майор обиделся:

— Так ты постарайся. Может, и поймем.

Легкое пожатие плеч:

— Я был монахом. Однажды ночью ко мне явился Шинджа — царь преисподней. Он сказал, что близится ночь Брахмы и я призван на службу. А вскоре пришли его посланцы, и я открыл ворота монастыря...

Ахилло от удивления даже привстал, майор же присвистнул и покачал головой:

— Ну, даешь! Да ты же вроде красноармеец! И орден у тебя, и в Коминтерне состоял. Партийный, е-мое!

— Каждый называет вещи по-своему. Человек, у которого мы ночевали, понял бы...

— Опять двадцать пять! — возмутился Ерофеев. — Да чем тебе этот Семин не понравился? Ну ладно, смекнул он, что мы не археологи, так что? Обрез возьмет?

— Ему не нужен обрез, — Гонжабов повернул голову, темные глаза блеснули. — Вас он не боится...

— А чего он боится? — поинтересовался Ахилло, но Гонжабов отвернулся, явно не желая отвечать.

За порогом стлался ночной туман. Допив чай, бхот застегнул спальник и мгновенно затих, то ли заснув, то ли притворившись. Ерофеев и Михаил сели на пороге, докуривая папиросы.

— Навязали нам... — негромко проговорил майор, кивая на странного попутчика. — Царь преисподней к нему являлся, мать его! Во фрукт! Стой, капитан, чего это?

Он замер, и в наступившей тишине Михаил услыхал далекое гудение мотора.

— Самолет! — прошептал Ерофеев. — Большой... Чего ему тут делать?

— Мало ли... — пожал плечами Ахилло.

— Нет, погоди!

Ерофеев накинул куртку и вышел наружу. Михаил немного удивился, но последовал за ним. Вокруг стояла тьма, клубился редкий туман. Звук моторов стал громче — машина приближалась к плато.

— Кружит! — определил Ерофеев. — Какого черта ему здесь надо?

Михаилу тоже показалось это странным. В Крыму много аэродромов, и военных, и гражданских, но капитан боялся совпадений. Да и зачем поднимать тяжелую машину в туманную ночь?

— А ну-ка погоди! — Ерофеев быстро прошел вперед, туда, где туман был немного реже. Здесь гудение мотора слышалось явственнее, и Ахилло понял, что это большая транспортная машина или мощный бомбардировщик. Внезапно шум стал тише и глуше — самолет уходил.

— Вот! Гляди! Так и знал, мать его! — Ерофеев указал рукой

куда-то вверх. Михаил взглянул туда и заметил легкую еле заметную тень.

— Планер! — понял он. — Вот черт!..

— Ага! Где-то рядом сядет, зараза. Ну чего, смекаешь? Может, конечно, учения или там спортсмены, да только не нравится мне это, капитан! Вот чего: спим по очереди и стволы держим наготове. А наутро, как рассветет, поглядим...

Планер нашли быстро. Он стоял за небольшой рощицей, надежно укрытый срубленными ветвями. В кабине было пусто. На фюзеляже чернел номер, крылья отмечены привычными пятиконечными звездами...

— Наш, — констатировал Ерофеев, внимательно осмотрев небесного пришельца, — десантный, человек на шесть. Может, и вправду маневры устроили в честь юбилея, а, капитан?

Ахилло, осмотревший все вокруг, показал Ерофееву два свежих окурка.

— «Казбек», — кивнул тот. — Похоже, летуны заблудились. Или так и задумано? Ты чего, гражданин Гонжабов?

Заключенный и вправду вел себя странно. Он подошел к кабине, поднял руки ладонями вперед и застыл, словно прислушиваясь.

— Гонжабов! Учуял чего?

— Они издалека, — бхот опустил руки. — Их пятеро.

— Телепат! — хмыкнул Ерофеев. — Ладно, погляжу еще...

Он повозился в кабине, выбрался наружу и сплюнул:

— Оружие у них — маслом наследили. Черт, может, и вправду надо было роту с собой брать! Ну чего, пошли дальше, капитан?

Ахилло не возражал, хотя беспокойство не исчезло. Вооруженная группа высадилась на Демерджи. Зачем? На яйле пусто, планер найдут не скоро...

— Позвоним с первого же телефона, — рассудил Ерофеев. — Все, пошли, и так время потеряли. Идти тихо, смотреть по сторонам... Айда!

Спуск прошел спокойно. Дорога серпантином шла в долину, вокруг была лишь мокрая желтая трава и обросшие мхом валуны. Постепенно стали попадаться деревья, затем небольшие рощи. Майор сверился по карте, сообщив, что они приближаются к урочищу Тырки. Послышалось блеяние, и за поворотом показалось овечье стадо, которое вольно разбрелось по всей округе, пощипывая траву.

— А пастухов не видать! — заметил Ахилло, пробираясь через овечий строй.

— Праздник отмечают, — предположил майор. — Ну, всыплет им начальство! Вон разбежалось войско — полдня собирать надо!..

Послышался лай. Большая мохнатая овчарка бросилась наперерез, распугивая овец.

— Ну ты! — В руках майора блеснул металл. — Пошла, пошла!

— Постой, — Ахилло схватил Ерофеева за руку. — Смотри!

Овчарка и в самом деле вела себя странно. Она тревожно лаяла, отбегая в сторону и вновь возвращаясь, словно приглашая идти следом.

— И вправду, — согласился Ерофеев. — Гонжабов, ты чего?

Бхот, не отвечая, шагнул вперед и поднял руку. Собака замерла. Легкое движение пальцев — она подбежала ближе и жалобно завыла. Гонжабов вновь провел рукой по воздуху, и овчарка послушно присела у его ног.

— Ну прямо Дуров! — покачал головой майор.

Собака взвизгнула, словно пытаясь что-то объяснить, и вновь отбежала в сторону.

— Пошли, — решил Ерофеев, — зря не позовет...

...Тела пастухов — старика и парня лет двадцати — были засыпаны старыми ветками. Неподалеку лежала еще одна собака — мертвая...

— Финкой, — заметил майор, осмотрев убитых. — Сзади, прямо в сердце...

— Часа два прошло, — Михаил потрогал холодное тело. — Вот тебе и маневры, майор!

Здесь же удалось найти еще один свежий окурок.

— Снова «Казбек», — кивнул Ерофеев. — Как думаешь, капитан, наши это или ваши?

— В каком смысле? — не понял Ахилло.

— В прямом. Ваш Ежов мог свою группу послать, смекаешь?

Ахилло не стал спорить: и такое было возможно. Десантники могли получить категорический приказ не оставлять свидетелей. Он еще раз обошел опушку рощи, где нашли убитых. Внезапно среди желтой травы что-то блеснуло. Михаил наклонился.

— Чего там? — заинтересовался майор. Ахилло раскрыл ладонь.

— Зажигалка! Ну, раззявы! Постой, постой, ведь она...

— Немецкая. Ну что, майор, наши или ваши?

Собаку хотели взять с собой, но она все время убегала, не желая оставлять мертвых хозяев. Возиться с ней не было времени — неизвестные опережали группу не менее чем на два часа. Теперь путь вел мимо невысокого леса. Дорога по-прежнему

была пуста, но пару раз встретились знакомые окурки. Уже начинало темнеть, когда дорога свернула направо.

— Сейчас будет Малая Бурулча, — заметил майор, взглянув на карту. — Дальше лес, тропа узкая. Потом Большая Бурулча, там охотничья хижина есть... Черт, знать бы, кто эти орлы! Планер наш, папиросы наши...

Шли осторожно, прислушиваясь. Майор впереди, за ним — спокойный и невозмутимый Гонжабов, Михаилу выпало быть замыкающим. Вечерний лес сомкнулся над головами, узкая тропа едва пробивалась сквозь густой строй невысоких, в толстой черной коре, деревьев. Несколько раз тропа резко обрывалась вниз, приходилось переходить очередной овраг.

До Большой Бурулчи оставалось не более километра, когда Гонжабов внезапно остановился. Удивленный майор уже был готов задать вопрос, но бхот поднял ладонь вверх. Ерофеев нахмурился и достал «парабеллум».

...Под ногами негромко потрескивали сучья. Тропа пошла вниз, скатываясь в очередной овраг. В сумраке можно было разглядеть огромные, покрытые мхом камни, на которых каким-то чудом умудрились вырасти уродливые худые деревца, и Михаилу вспомнилось слышанное где-то название: «Танцующий лес». Внезапно Ерофеев, шедший по-прежнему впереди, остановился, покрутил головой, обернулся, чтобы что-то сказать... Не успел. Сверху, с противоположного склона, ударила пулеметная очередь...

...Михаил рухнул на холодную сырую землю, выхватывая оружие. Ерофеев уже успел упасть, накрыв собой бхота. Пули с треском ударили в стволы деревьев. Секунда — и вновь заговорил пулемет. Ему ответили. Целиться было несложно: яркие огоньки выдавали место засады. «Парабеллумы» заговорили разом. Еще одна очередь, короткая, тут же оборвавшаяся...

— Черт! За ним! — Ерофеев уже был на ногах. — Гонжабов, на месте!

Они опоздали: тот, кто затаился в засаде между стволами старых поваленных деревьев, успел уйти. Фонарик высветил темное пятно на земле. Майор нагнулся.

— Кажись, попали!

— Крови много, — согласился Ахилло. — Пулемет распознал?

— Обижаешь! «МГ» — такой же, как мы с тобой собирали. Только это, капитан, еще ни фига не значит! Пулеметики эти и у наших имеются.

Они вернулись на тропу. Гонжабов уже встал, равнодушно поглядывая по сторонам.

— Чего, цел? — поинтересовался майор.

— Он был один, — негромко проговорил бхот, — но неподалеку были еще трое... Этого вы ранили.

— Шерлок Холмс, — усмехнулся Ерофеев. — Это мы и без твоей телепатии поняли. Только вот кто это, а, капитан?

— Немецкая зажигалка, немецкий пулемет... А вообще-то, мы договорились не упоминать в разговоре званий!

— Поддел, — согласился. — Только мы все равно засветились. За пастухов они нас точно не приняли...

Из оврага выбирались осторожно, но ни на склоне, ни дальше на тропе сюрпризов не оказалось. Михаил по-прежнему шел замыкающим, на этот раз не застегивая кобуры. Теперь он почти не сомневался — впереди чужие. Советские десантники не стали бы пользоваться немецким пулеметом. «МГ» мог быть лишь в спецгруппе НКГБ, но едва ли это ведомство начало охоту за майором Ерофеевым. А вот спецгруппы Большого Дома немецкое оружие не применяли, на что имелся специальный приказ Ежова. Оставалось понять, что нужно немцам среди Крымских гор. Неужели та самая пещера возле Чердаша?

Охотничий домик у Большой Бурулчи оказался пуст. Никаких следов — ни окурков, ни отпечатков подошв. Майор осторожно обошел вокруг хижины, затем вопросительно взглянул на Михаила.

— Лучше не рисковать, — решил тот. — На их месте я так бы и сделал — оставил дом пустым, а ночью...

— Правильно рассуждаешь!.. — согласился Ерофеев. — Ладно, померзнем. Станем поблизости, послушаем...

Огня не разводили. Пришлось проглотить холодную тушенку, запив глотком спирта. Гонжабов от тушенки отказался. Майор, устав уговаривать, сунул ему сухарь, заслужив легкую улыбку и благодарный кивок.

Спирт грел плохо. Спальники пришлось постелить на земле, подложив под них лишь тонкий брезент палатки. Саму палатку майор решил не ставить — слишком заметна, даже в темноте.

Гонжабов уснул сразу, и Михаил позавидовал его нервам. Самому ему не спалось. Мешал холод и особенно сырость: Бурулча, разлившаяся после осенних дождей, шумела совсем близко. Наконец Ахилло не выдержал и осторожно подвинул спальник поближе к Ерофееву, который внимательно всматривался в темноту.

— Все думаю: сунутся или нет? — шепнул тот, отодвигаясь и освобождая место для Михаила.

— Я бы на их месте рискнул...

Майор кивнул:

— Вот и я о том. Ну и холодрыга! Хочешь еще спирта?

Ахилло не отказался. Горло обожгло, но тут же стало теплее. Даже темнота немного отступила.

— Говорят, у немцев есть ночные бинокли, — вздохнул Ерофеев, — на инфракрасных лучах. Полезная штука, нам бы в самую пору...

Спорить не приходилось. Время тянулось медленно, рядом все так же шумела речка, скрипели старые деревья, где-то далеко слышался крик ночной птицы. Веки стали слипаться. В конце концов Михаил попросил майора растолкать его через час и провалился в густую немую тьму.

Разбудил его сильный толчок в плечо. Широкая ладонь легла на лицо, закрывая рот.

— Тихо! — послышался шепот Ерофеева. — Кажись, гости...

Михаил, стараясь двигаться без лишнего шума, приподнялся. В темноте дом был едва заметен, но вот у входа мелькнула фигура, другая. Неизвестные вошли внутрь, сверкнул луч фонарика...

— Двое, — рассудил майор. — Кажись, с карабинами. Один пониже, совсем пацан...

Этого Ахилло заметить не сумел — очевидно, глаза Ерофеева были позорче. Тянулись секунды, прошла минута, другая. Черные тени появились на пороге. Вновь сверкнул фонарик...

— Эх, мать честная! — выдохнул майор. — Рискнем, а? Бери высокого, я — низкого. По счету три!

Ахилло поднял «парабеллум». Ерофеев вздохнул и негромко произнес: «Раз... Два... Три... Давай!»

Оба выстрела слились в один. «Высокий» дернулся, но вторая пуля свалила его с ног. «Низкий» тоже упал, однако тут же вскочил и сгинул в темноте.

— Эх ты, мать твою! Ушел! Неужели промазал?..

Майор расстроился не на шутку. Он даже вскочил, желая броситься вдогон, но тут же опомнился.

— Хреново, Михаил! Первый раз с такого расстояния не попал. Может, все же подранил, а? Ведь прямо в сердце целил!

— Не расстраивайся, майор, — Гонжабов присел рядом, всматриваясь в темноту. — Этого не свалишь пулей...

— И ты еще на мою голову! — махнул рукой Ерофеев. — И с каких это чертей я его не достану?

— Он бхот, как и я. Он владеет тем же искусством...

Майор обиженно засопел.

— Смеешься, да? Он чего, музыкант? «Искусство»!..

— Погоди! — остановил его Ахилло. — Вы хотите сказать, что он владеет каким-то боевым искусством?

— Это искусство не только для боя. Я заметил, как он двигался. Такому учили только у нас.

— Где это — «у нас»? — вскинулся Ахилло.

— У нас, — невозмутимо повторил бхот. — Можете разжечь костер, они не вернутся...

Тем временем Ерофеев осторожно подобрался к крыльцу, где лежало неподвижное тело.

— Готов! — сообщил он, вернувшись через несколько минут. — Прямо в голову. Вот...

Огонек зажигалки высветил окровавленную командирскую книжку и новенький «наган».

Костер упорно не желал разгораться, пришлось плеснуть спирта. Наконец тьма отступила, и ладони сами собой потянулись к пламени.

— Ты, Гонжабов, готовься, рассказывать будешь про свое искусство, — велел Ерофеев. — А мы покуда поглядим. Ну-ка, капитан...

Ахилло внимательно осмотрел командирскую книжку.

— Вот! — показал он. — Скрепка из нержавейки. Наша бы обязательно след оставила.

— И бумага другая, — кивнул майор. — На мелочах гансы горят! Ну чего, значит таки немцы? И вроде как нам с ними по дороге, а? Ладно, кажись самое время тебя послушать, гражданин Гонжабов.

Бхот не ответил, узкие темные глаза глядели прямо в огонь. Наконец он поднял голову:

— Попытаюсь говорить понятными вам словами... В Тибете есть монастырь, где я был когда-то монахом. В 1920 году, если по вашему счету, его захватили повстанцы. Там был создан советский военный объект. Несколько лет назад бхоты, что там служили, подняли мятеж. Пролилась кровь. Те, что уцелели, пошли на службу в ту страну, откуда прибыли ваши враги...

— К Гитлеру, значит! — зло бросил майор.

— Тот, кого ты назвал, лишь «бейбо» — бумажная кукла. Настоящий владыка неведом ни вам, ни мне. Он узнал, что на этой земле найден источник Голубого Света. Вы называете его излучением, мы — кровью злой колдуньи Бранг Сринмо. Дело не в словах... Среди тех, кто идет перед нами, есть бхоты.

— А если они доберутся до пещеры первыми? — поинтересовался Ахилло.

По смуглому лицу Гонжабова скользнула легкая усмешка:

— Доберутся. Доберутся — и умрут. И вы умрете. Ни бхоты, ни русские, ни немцы — не хозяева Голубого Света. Хозяева давно ушли, но оставили тех, кто из рода в род сторожит тайну. Ни их, ни вас не выпустят из пещеры. Поэтому с вами послали меня...

— Тоже мне, спаситель! — буркнул майор. — Ох, уж эти попы!..

— А по-моему, логично, — не согласился Ахилло. — Не зря же нас из Столицы сюда прислали.

Майор не стал возражать, но еще долго бурчал что-то по поводу служителей культа, поминая попа, попадью, попову дочку и весь монаший чин, от послушника до игумена.

Когда сквозь высокие кроны забелел рассвет, Ерофеев с Михаилом тщательно обыскали убитого. Одежда оказалась советского производства, зато обувь явно иностранная, как и нож, спрятанный у пояса. На груди мертвеца болталась цепочка с католическим крестиком.

— Недосмотрели — спешили, видать, — заключил майор. — Да и планер посадили далеко. Эх, сюда бы десяток моих ребят...

Теперь тропа вела в гору. Деревья расступились, следов стало больше — этой дорогой ходили и ездили чаще. Несколько раз встречались знакомые окурки — любитель «Казбека», похоже, не пострадал прошлой ночью. Наконец тропа нырнула в широкую долину и вновь резко пошла вверх. Слева показался ровный ряд огромных скал, возвышавшихся на сотни метров над дорогой. Они были на верном пути — у подножия гигантской Караби-Яйлы.

Вскоре встретилась развилка. Влево вела неширокая дорога с глубокими колеями от колес татарских арб. Ерофеев еще раз взглянул на карту и велел сворачивать.

...Нитку заметил Ахилло. Вначале он принял ее за паутинку, но затем опомнился и крикнул. Майор, шедший впереди, был уже в полушаге от протянувшейся через дорогу нити. Ерофеев замер, всмотрелся и негромко чертыхнулся. Нить вела к связке гранат, тщательно спрятанных у самой тропы.

Трогать «сюрприз» было опасно, но майор рассудил, что следом за ними может проехать ни в чем не повинная колхозная арба. Поэтому он приказал своим спутникам отойти подальше, а сам остался на месте. Михаил выбрал небольшую ложбинку и устроился поудобнее, заранее заткнув уши и уложив рядом Гонжабова. Потянулись долгие минуты, и вот наконец страшной силы взрыв сотряс лес. Через несколько секунд появился довольный Ерофеев, умудрившийся отделаться лишь звоном в ушах...

Теперь шли осторожно, постоянно оглядываясь. Тропа становились все круче, наконец лес кончился, и дорога вышла на крутой каменистый склон. Впереди темнел высокий скальный венец с небольшой расщелиной посередине — воротами на Караби. Здесь, у кромки леса, перекурили, а затем, накинув рюкзаки на плечи, начали не спеша подниматься.

Серые скалы медленно приближались. Михаил, отвыкший от подобных подъемов, уже начал предвкушать близкий отдых, но внезапно простая и ясная мысль заставила его застыть на месте.

— Кондрат!

— Чего, устал, капитан? — Ерофеев повернул к Михаилу покрасневшее от напряжения лицо. — Ниче, уже близко!

— Я не о том! Место удобное. Мы как на ладони...

— Черт! И вправду...

Майор остановился, неуверенно поглядывая то на близкий проход, то на каменистый склон за спиной.

— Слышь, Гонжабов. Ты вроде ясновидящий. А ну-ка оцени!

— Идти опасно. Возвращаться — еще опаснее, — в ровном тихом голосе внезапно послышалось что-то похожее на насмешку.

Майор сплюнул:

— Объяснил! Михаил, ствол — в руку. Ослабь лямки, чтоб сразу рюкзак скинуть, если чего. А ты, Гонжабов, падай, когда, не дай господь, стрелять начнут...

Бхот ничего не ответил, лишь слегка пожал плечами, словно опасность ему не грозила.

Скалы дышали покоем, серое небо казалось совсем близким. Ерофеев, шедший по-прежнему первым, поравнялся с ближним выступом. Впереди оставались какие-то полсотни метров подъема. Дорога шла круто вверх. Рюкзаки вновь налились свинцом, и майор поднял руку, командуя минутный привал. Садиться не стали, просто сошли с тропы поближе к серой скальной громаде.

— Хорошо б до ночи Яйлу пройти, — в руках у Ерофеева зашелестела карта. — Заночуем, а с утра — к Чердашу... Че, капитан, оглядываешься?

— Высоко поднялись, — Ахилло смерил взглядом пройденное расстояние. — За километр будет. Где-то на третий разряд — в самый раз!

— Всего-то? — хмыкнул майор. — Тоже мне! Что, гражданин Гонжабов, Тибет повыше?

На смуглом лице бхота промелькнула легкая усмешка.

— Ну пошли. Поднимемся — чай сварим!

Майор поудобнее закинул за плечи рюкзак с притороченной палаткой, сделал шаг — и тут же ударил первый выстрел...

...Падать пришлось прямо на камни. Михаил ударился коленом, чертыхнулся и, сбрасывая рюкзак, перекатился ближе к скале. «Парабеллум» был уже в руке, но стрелять бесполезно: пули били откуда-то сверху. У самой скалы, где была мертвая зона, Ахилло приподнялся и бросил взгляд на тропу. Ерофеев тоже успел подкатиться к скале, только метрами двумя выше.

Гонжабова же не было ни внизу, ни вверху — бхот исчез, словно был соткан из тумана.

Удивляться не было времени, невидимый враг караулил каждое движение. Михаил попытался пододвинуться ближе к тропе, но цокнувшая о камень пуля заставила вновь отползти.

— Капитан! Дуй сюда! Только по-над стеночкой...

Ерофеев, сжимая пистолет в руке, внимательно вглядывался в скалистый гребень. Ахилло осмотрелся и быстро пополз, прижимаясь к холодному камню. Дважды пули щелкали о скалу совсем рядом, но Михаилу везло, и через пару минут он был уже рядом с майором.

— Ну чего, влипли? — вздохнул тот. — Самое место гад выбрал. Ни вперед, ни назад!..

— Думаешь, он один?

Ерофеев пожал плечами:

— Хрен его знает. Стреляет один — это точно. Из карабина бьет, нашего, кавалерийского, 30-года... Гонжабова видал?

— Нет.

— Вот злыдень! Того и гляди перебежит — недаром шпион немецкий...

Они переговаривались шепотом, то и дело поглядывая по сторонам. Невидимый стрелок не показывался, но стоило сделать неосторожное движение, как сверху летела пуля.

— Вот чего, — решил наконец Ерофеев. — Если б кто вниз рванул, за скалу да с другой стороны поднялся. Там круто, но я бы рискнул. Все равно, е-мое, кранты!

— Я пойду...

Ахилло прикинул расстояние до края скалы, и по спине пробежали мурашки. О том, что надо еще подниматься по отвесной стенке, он старался не думать.

— Прикрой меня, майор.

Ерофеев покачал головой:

— Ну, давай, раз такой смелый. Выживем — с меня бутылка.

Он вскинул пистолет и прищурился. Михаил вздохнул и бросился вниз, прижимаясь к неровной скале. Ударил выстрел, другой. В ответ заговорил пистолет майора. Ахилло бежал, не оглядываясь, надеясь лишь на то, что под ноги не попадется непрошеный камень. Наконец скала завернула вправо. Михаил одним прыжком преодолел оставшееся расстояние и через секунду уже был в безопасности — между ним и невидимым снайпером оказались метры глухого камня. Ахилло на миг присел, потер виски руками и заставил себя встать.

— Не спеши!

Гонжабов стоял рядом, скрестив руки на груди, лицо его было

спокойно и бесстрастно. Их глаза встретились, и Михаил ощутил страшный, нечеловеческий холод. Сердце замерло.

— Смерть рядом, но сегодня не твой черед. Иди!

Он отвернулся, словно дальнейшее его совершенно не касалось. Михаил, не зная, что ответить, вновь потер ноющий висок, сунул «парабеллум» за пояс и стал пробираться вдоль скалы. Вначале показалось, что подняться наверх невозможно — камень нависал над головой, не давая ни одного шанса, но затем Михаил заметил трещину, небольшую, узкую. Оставалось сбросить ботинки...

Первый метр дался легко, но затем дело пошло хуже. Ахилло никак не мог заставить себя забыть, что висит над пропастью. Нельзя было даже остановиться, передохнуть, слишком неверна опора — можно лишь ползти, выискивая углубления в камне и прижимаясь к холодной скале... Метр, еще метр, еще...

Сердце вырывалось из груди, пальцы отчаянно болели, глаза заливало желтым огнем. Еще минута — и ослабевшие руки разожмутся. Михаил попытался забыть обо всем, сосредоточившись на каждом движении. Подтянуться, медленно перебросить тяжесть тела, поставить ногу... И вдруг он почувствовал облегчение — скала из отвесной стала пологой. Ахилло подтянулся и упал животом на ровную поверхность. Он был наверху.

Где-то рядом по-прежнему сухо бил карабин, ему отвечал пистолет майора. Ахилло, сжав в руке «парабеллум», оглянулся, прислушиваясь. Враг неподалеку — метрах в двадцати. Михаил закусил губу и, пригибаясь, побежал на звуки выстрелов. Но тут стрельба стихла. Ахилло замер, боясь пошевелиться. Минута, другая — и вот совсем рядом вновь заговорил карабин. Михаил легко вспрыгнул на ближайший валун, повернулся — и увидел врага.

Неизвестный склонился над краем скалы, прижав приклад к щеке. Выстрел, еще один... Стрелок чуть отодвинулся в сторону, доставая новую обойму. Соображать было некогда, но Ахилло успел заметить, что его противник невысок и худ, почти мальчишка. Узкие глаза — азиат, не иначе, бхот, как и Гонжабов... Михаил вскинул руку и выстрелил, целя прямо в голову.

Отдача ударила в кисть. Ахилло недоуменно поднял глаза — площадка была пуста. Он отступил на шаг, оглянулся — и тут же сильный удар выбил оружие. Михаил поднял руку, защищаясь, но покачнулся и упал — еще один удар пришелся в живот.

Ему повезло, он рухнул не на затылок, а на плечо, перекатился, но тут его ударили вновь — по ногам. Михаил привстал и замер. Враг стоял в нескольких шагах, скуластое лицо насмешливо скалилось, правая рука подымалась для нового удара. Враг бил издалека, даже не прикасаясь...

Ахилло перекатился в сторону, вскочил, согнулся от нового

удара. Послышался негромкий издевательский смешок. Скуластый парень вновь поднимал руку...

...Вспомнились слова Гонжабова. «Искусство...»

Он отскочил назад, выхватывая нож. Снова смешок, удар — рука разжалась от боли. Михаил пригнулся и побежал. Удар пришелся по спине...

Уже падая, он все же успел расстегнуть ворот куртки. Под мышкой был спрятан «наган». Михаил лежал на животе, стараясь не двигаться, рука осторожно тянулась к кобуре. Тот, за спиной, кажется, уверен в победе. Сейчас он подойдет ближе. Еще секунда, еще...

Сзади послышались шаги. Пора! Резко повернувшись, Михаил выхватил «наган» и, почти не целясь, выстрелил. Невысокая фигура в десантном комбинезоне дернулась, Ахилло выстрелил второй раз, третий. На скуластом лице проступила гримаса боли, темные глаза сверкнули ненавистью. Бхот зашипел, словно раненая кошка, и мягко упал на камень. Все еще не веря, Ахилло, пошатываясь, встал и выпустил оставшиеся пули прямо в голову упавшего врага. Тело лежало неподвижно — бхот был мертв.

Кости ломило болью, но, вздохнув поглубже, Михаил понял, что не ранен. Только сейчас он начал понимать, с чем столкнулся. Среди сослуживцев ходили слухи о таинственных восточных школах, где обучали бить на расстоянии. Ахилло не верил — выходит, зря!

Он помассировал налитую болью шею и крикнул, подзывая майора. Своего голоса Михаил не узнал: из горла вырвался хрип, словно его захлестнула удавка...

Глоток воды немного помог, но вставать Ахилло не спешил, так и оставшись на месте схватки. Ерофеев между тем перетащил вещи наверх, сходил на разведку ко входу на Караби, убедившись, что на плоскогорье пусто, а затем обыскал труп.

— Скрепки из нержавейки, — заметил он, показывая Михаилу красноармейскую книжку. — Че, Гонжабов, твой?

Тот был уже здесь, такой же равнодушный и спокойный.

— Он бхот. Мальчишка чему-то учился, но был нетерпелив...

Тем временем Ерофеев нащупал в нагрудном кармане убитого нечто, не замеченное ранее. Расстегнув пуговицы, он присвистнул:

— А ну, Гонжабов! Это уж точно по твоей части!

Михаилу тоже стало любопытно. Он не без труда встал и подошел поближе. На широкой ладони майора лежала маленькая бронзовая статуэтка — широкоплечий кривоногий демон с клы-

кастой многозубой пастью и выпученными, словно от боли, глазами.

— Декаданс, — не удержался Ахилло. Божок был хотя и отвратен, но сделан с немалым искусством.

— Нарак-цэмпо, демон смерти, — прозвучал бесстрастный голос. — Мальчишка вообразил себя его слугой...

Худая смуглая рука взяла статуэтку, подержала секунду, словно взвешивая. На узких губах мелькнула усмешка:

— Теперь он твой, капитан. Амулет не принесет счастья, но сможет защитить. Бери, сильному он прибавит силы...

— Бери, бери, — кивнул Ерофеев. — Трофей! А лихо ты, Гонжабов, исчез. Вас что, учат этому?

— Не только этому, — бхот отвернулся, явно не желая продолжать разговор.

— Ладно, — рассудил Ерофеев. — Дырки для орденов крутить рано... Про бутылку, капитан, напомни — поставлю. А то еще немного, и остались бы мои сопляки без батьки. Ты-то, кажись, холостой?

Ахилло кивнул, думая совсем о другом. Убитый был врагом, зэк Гонжабов — союзником, но они были слишком похожи...

ГЛАВА 4

ШЕСТНАДЦАТЫЙ С КРАЮ

Чиф ждал, что первым заговорит любитель чая с коньяком, но товарищ Чижиков не спешил. На столе появились папиросы «Казбек», толстая рука ловко превратила бумажный мундштук в гармошку, затем вспыхнула спичка...

Чиф еле сдержался, чтобы не поморщиться. На Тускуле не курили. Молодежь знала о табаке лишь из книг и кинофильмов, а старшее поколение просто отвыкло. По слухам, папиросы можно было найти лишь у Железного Генри, которому, опять-таки по слухам, сам Дядя Сэм подкидывал ежегодно десяток пачек ко дню рождения. Чиф действительно несколько раз видел отца курящим, но уже давно. В последние годы Степан Иванович, несмотря на «металлическое» прозвище, начал прихварывать и окончательно бросил давнюю привычку.

Итак, приходилось терпеть. Товарищ Чижиков курил со вкусом. Остальные молчали — вероятно, курение «Казбека» входило в неведомый гостю ритуал. Чиф решил, что придется ждать последней затяжки, но тут заговорил Тарек:

— Итак, товарищ Косухин, мы вас слушаем.

Тон оказался соответствующий: товарищ Тарек, хотя и был в

этой компании младшим, явно имел когда-то и кабинет, и пост, и все, что к этому посту полагалось.

«Кто это — «мы»?» — подмывало спросить у гнома, но Чиф решил не обострять.

— Мне поручили поговорить с руководством подполья.

— Здесь нет подполья, — Иваныч невесело улыбнулся, — есть Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков и ее Политбюро. И есть бандиты, временно захватившие власть.

— Хорошо, — согласился Чиф. — Мне нужно поговорить с членами Политбюро.

— Вы присутствуете на комиссии Политбюро, — голос Чижикова прозвучал негромко, но веско. — Эта комиссия создана специально для решения вашего вопроса.

— Моего *персонального дела?*

От отца он знал, что для истинного большевика нет ничего страшнее этого самого «персонального».

Реплика произвела неожиданный эффект. Тарек хихикнул, Иваныч вновь улыбнулся, на этот раз весело, а товарищ Чижиков глубокомысленно хмыкнул:

— Я вижу, товарищ Косухин хорошо знаком со спецификой внутрипартийной жизни ВКП(б). Это хорошо. А вот то, что товарищ Косухин любит подшучивать над старшими, — это плохо...

Странная манера разговора сбивала с толку. Где-то Чиф это уже слышал. Мерная неторопливая речь, большие паузы между словами... Да и лицо казалось знакомым.

— Но не будем усугублять. Итак, вы, товарищ Косухин, прибыли сюда как представитель социалистической партии Российской Трудовой Общины Тускулы. Так сказать, тускульских меньшевиков...

— Бесо... — предостерегающе проговорил Иваныч, но жест широкой ладони не дал закончить фразу.

— Тускульские меньшевики предлагают нам, большевикам, политическое убежище. Так сказать, из соображений слюнявого гуманизма...

В тоне того, кого, оказывается, называли также «Бесо», звучало густое презрение. Такого тона Чиф не ожидал. Стало обидно, и он вспомнил рассуждения Бена об «аборигенах».

— Скажите, товарищ Косухин, как относится к вашей идее буржуазное руководство Тускулы? — поинтересовался Тарек.

— Проект согласован с Президентом, — сухо ответил Чиф, все еще переваривая обиду.

— Семена Богораза? — уточнил Иваныч. — Он, кажется, кадет?

— Да, — без особой охоты пояснил Чиф. — На последних выборах было три кандидата. За Дядю Сэма, то есть за Семена Ас-

кольдовича, проголосовали шестьдесят процентов. Монархисты собрали десять...

— А почему так много? — Товарищ Чижиков, он же Бесо, тоже соизволил заинтересоваться политическими зигзагами тускульской жизни.

— Монархисты не собрали бы и трех, но они выдвинули лорда Бара, то есть, извините, князя Барятинского. Его все любят...

— Барятинский? — удивился Чижиков. — Первый испытатель проекта «Мономах»? Вот он, значит, где!

Чиф удивился — и весьма. Еще недавно он был уверен, что главной трудностью будет убедить собеседников в самом существовании земной колонии на Тускуле.

— Скажите, а кто придумал название «Тускула»? — На этот раз тон Чижикова был почти что светским. Чиф пожал плечами:

— В учебнике истории написано, что Алексей Николаевич Толстой. К нему обратился академик Глазенап перед высадкой первой экспедиции в 1916-м. Это название земли древних этрусков...

— «Тускуланские беседы» Цицерона, — кивнул Иваныч. — Товарищ Косухин, вы, как я понял, член соцпартии?

— Я член Центрального Комитета. Ответственный за работу с «Генерацией». То есть с молодежью.

«Комиссия Политбюро» переглянулась. Товарищ Чижиков неторопливо затушил папиросу в большой бронзовой пепельнице:

— Вы, я вижу, тускуланский Косарев? Хорошо... Кажется, вы обиделись, товарищ Косухин, а настоящие политики не имеют права обижаться...

Чиф вновь заставил себя промолчать. Его учили — как какого-то мальчишку.

— Мы понимаем вас, товарищ Косухин. Сейчас вы принимаете нас за выживших из ума бюрократов, играющих в Политбюро. Вы думаете, что мы тут ударяемся в интеллигентские амбиции, а тысячи людей гибнут в результате необоснованных репрессий. Но вы не правы. В нашем положении, товарищ Косухин, разумная осторожность необходима как никогда. Предложение тускуланской соцпартии поможет спасти многих ни в чем не повинных коммунистов и беспартийных. Но мы не можем отправлять людей в неизвестность...

И тут Чиф наконец сообразил, кого так напоминает товарищ Чижиков. Только на широком сильном лице отсутствовали привычные усы, да и волосы были не черные, а рыжеватые. Ему стало не по себе. Кто эти трое? Человек, к которому он приходил утром, был другом отца и не мог направить в ловушку...

— Хорошо, — подытожил товарищ Чижиков. — Политбюро обсудит предложения руководства соцпартии Тускулы. Мы выра-

жаем благодарность ее руководству за проявленный им пролетарский интернационализм...

Он умолк, бросив быстрый взгляд на сидевшего слева Тарека, и Чиф сообразил, что весь разговор продуман заранее.

— Товарищ Косухин, вы не откажетесь ответить на несколько личных вопросов? — Иностранный акцент гнома вновь стал заметен.

Чиф кивнул, пытаясь понять, что еще нужно этим троим. Узнать, женат ли он?

— Почему вы решили направиться именно в СССР? — Вопрос пришел от Иваныча, и Чиф вспомнил, что это называется «перекрестным допросом».

— Ну... Мы думали начать с Германии. Но потом решили, что здесь ситуация хуже.

— Германия? — Тарек даже привстал. — Это правильно! Я мог бы помочь...

— Не спешите, товарищ Тарек. — Насмешливый голос Чижикова заставил карлика умолкнуть.

— Вы родились на Тускуле? — продолжал Иваныч. — Когда?

— Конечно! — удивился Чиф. — На Тускуле. По земному счету в... 1923 году...

— Сколько же вам лет? — В голосе Тарека прозвучало искренне удивление, и Чиф сообразил, что этого они могут и не знать.

— Мне двадцать два года. Между Тускулой и Землей существует разница во времени, приблизительно в полтора раза. Это открыл еще профессор Семирадский...

— Итак, вы родились на Тускуле в 1923 году, — подхватил товарищ Чижиков. — Продолжайте, товарищ Косухин.

— Ну... — несколько растерялся Чиф. — Мой отец — Косухин Степан Иванович, участник революционного движения в России, член вашей партии с 17-го года. Мама — Наталья Федоровна Берг, физик-прикладник, ученица Кюри...

— Жила в Париже. Исчезла в сентябре 1921 года, — негромко добавил Тарек.

Чифу стало не по себе. Они знали! Тогда к чему этот допрос?

— Не обращайте внимания, товарищ Косухин, — голос Чижикова прозвучал подозрительно мягко. — Мы все знаем семью физиков Бергов. Расскажите о своем отце. Это ведь он сейчас возглавляет соцпартию...

— Да...

Рассказывать не хотелось, но обрывать разговор тоже не стоило. В конце концов, этим странным людям могло быть просто интересно.

— Отец до революции был слесарем. Участник боев в Столице

в октябре 17-го. Воевал. У него два ваших ордена, их вручал отцу лично товарищ Троцкий.

— Иудушка Троцкий, — с удовольствием поправил Чижиков.

— Лев Революции товарищ Троцкий, — сцепив зубы, повторил Чиф. — Отец был на подпольной работе в Сибири, штурмовал Кронштадт, был ранен. Потом уехал на Тускулу...

— Это он? — В руках Иваныча появилась небольшая фотография. Чиф с интересом взял снимок в руки. Старых отцовских фотографий он ни разу не видел.

Первым делом он обратил внимание на высокий шлем со звездой, вспомнив, что отец называл такие шлемы «богатырками», а другие — «буденновками». Отцу на этой фотографии должно быть чуть за двадцать...

— Это он. Во всяком случае, очень похож...

— Вы на него тоже похожи, товарищ Косухин, — усмехнулся Иваныч. — Увидев вас, я даже испугался. Как будто сам Степан вошел в комнату.

«Испугался»! Чифу вспомнился его утренний собеседник. Что же их так пугает?

— У Степана Косухина была любимая присказка, — продолжал Иваныч. — Он часто повторял...

— Чердынь-Калуга, — кивнул Чиф. — Он и сейчас это повторяет. Его даже называли вначале «товарищ Калуга», а потом прозвали «Железный Генри» — в честь Генри Форда. Это когда он стал выпускать первые электромобили...

— Значит, вы сын бывшего представитель Сиббюро и командира полка имени Парижской коммуны товарища Косухина Степана Ивановича?

Тон, которым Чижиков задавал вопрос, был почему-то ироничным и даже злым.

— Да, конечно, — Чиф тоже начал понемногу злиться. — А может, займемся подробностями биографии кого-нибудь из присутствующих?

Товарищ Чижиков неторопливо встал и направился к белевшей в полумраке двери. Не дойдя двух шагов, он остановился и негромко произнес, даже не обернувшись:

— Подробности биографий здесь присутствующих, товарищ Косухин, нам известны. А вот ваша биография вызывает определенный интерес. До свидания!

Дверь хлопнула. Чиф растерянно поглядел на Тарека и Иваныча. Все шло не так...

— Понимаете, товарищ Косухин, — мягко проговорил Иваныч, — у нас есть основания считать, что вы вводите нас в заблуждение...

— Я?! — Чиф обиделся всерьез.

— Вы не можете быть сыном того Косухина, — покачал головой Тарек, — Степан Иванович Косухин погиб в апреле 1921 года.

На мгновение стало холодно, но Чиф быстро пришел в себя. Ну и бред!

— Он как раз вернулся из Кронштадта, — продолжал Иваныч. — Его убили в ночь на третье апреля...

— На четвертое, — поправил Тарек.

— Да. Извините, всегда путаю числа. Организатором убийства был белогвардейский полковник Арцеулов...

— Арцеулов? Ростислав Александрович?

Чиф не верил своим ушам. О Ростиславе Арцеулове, давнем отцовском приятеле, он знал с детства. Они даже переписывались...

— Степана похоронили на Донском кладбище. И я, и товарищ Тарек были на похоронах. Товарищ Тарек, кажется, выступал...

— Там многие были. Даже товарищ... — Тарек замялся. — То есть Иудушка Троцкий. Гибель товарища Косухина наделала много шума. Поэтому ваше появление вызывает, как бы это помягче... некоторые вопросы.

— Поймите нас правильно, — подхватил Иваныч. — Мы, руководство ВКП(б), должны проявлять максимум осторожности. Ведь рискуем не только мы, рискуют все, кто согласится переселиться на Тускулу...

— В чем вы сомневаетесь? — безнадежно вздохнул Чиф. — В том, что я — Иван Косухин? Почему вы уверены, что тогда, в 21-м, Степан Косухин, которого вы знали, погиб? Мало ли...

Иваныч покачал головой:

— Я тоже люблю детективы. Но это не было инсценировкой. О гибели Степана Косухина докладывал на Политбюро сам товарищ Дзержинский, но не это главное... Извините за такие подробности, товарищ Косухин, но я присутствовал на опознании тела...

Ответить было нечего, разве что спросить у отца, что означает вся эта чушь. Может, он — не Степан Косухин? Но ведь мама, лорд Бар, сам Президент Сэм познакомились с отцом еще на Земле!

— Товарищ Косухин, — Тарек заговорил негромко, причем его акцент куда-то пропал. — Я в подполье с пятнадцати лет. Поймите меня... нас правильно...

Чиф прикинул, не стоит ли показать этим двоим кое-что из того, чем так гордится Бен. Например, приподнять над столом тяжелую пепельницу, не дотрагиваясь до нее руками...

— Именем Косухина могли воспользоваться те, кто его хорошо знал, — так же негромко добавил Иваныч. — Хотя бы... Венцлав.

Имя показалось знакомым. Отец рассказывал Чифу о каком-то Венцлаве. Кажется, они вместе воевали в Сибири...

— Впрочем, если бы вы пришли от Венцлава, мы бы тут уже не сидели. Но в любом случае, нам надо подумать и кое-что проверить. Сюда больше не приходите, позвоните известному вам человеку. Недели через две, не раньше...

Чиф понял, что сейчас встреча закончится, и заторопился.

— Погодите! Где похоронен... Степан Косухин?

Он чуть было не произнес «отец», но вовремя сдержался. Его собеседники переглянулись.

— Вы напрасно нам не верите, — вздохнул Иваныч. — Степан похоронен на Донском кладбище, по-моему, слева от главной аллеи.

— Я... Я объясню, — с каким-то неуместным энтузиазмом заторопился Тарек. — Я знаю! Там, рядом, похоронена Лариса, моя супруга. Каждый раз, когда бываю, прохожу мимо. Вот... Коля, где у нас бумага?

Иваныч, которого, оказывается, звали Колей, достал из лежавшей на углу стола черной папки листок, и гном начал быстро набрасывать план.

— Это главная аллея... Первая поперечная, вторая... Вот — четвертая, теперь налево... Где-то пятнадцатая или шестнадцатая могила. Там ограда и небольшой каменный памятник с фотографией...

Чиф несколько секунд рассматривал план, запоминая, затем вернул его Тареку. Через секунду бумага уже весело горела в пепельнице.

На прощанье Чифу пожимали руки и даже улыбались. Кажется, оба немолодых функционера сочувствовали парню, попавшему в совершенно дикий и необъяснимый переплет. Сочувствовали — но не верили.

— Товарищ Косухин, позволю себе дать вам совет, — Иваныч задержал ладонь в руке Чифа, — если вы действительно с Тускулы...

— Ну как вам доказать? — перебил Чиф. — Небо там синее, а не голубое, тучи бывают очень редко. Песок черный, листва синяя, почти фиолетовая...

— Я не об этом. Не ходите на Донское! Если ваш отец жив, чего я ему от всей души желаю, та могила вас не касается. Зато... Зато там может быть небезопасно.

— Тогда объясните!

— Сам не знаю... — Иваныч, он же Коля, замялся. — Может, просто чутье? Не только товарищ Тарек в подполье с пятнадцати лет. На вашем месте я бы немедленно вернулся на Тускулу и все доложил вашему руководству. Ну, желаю удачи!..

Тарек проводил его через темную прихожую до самых дверей.

Щелкнул замок, и Чиф остался один на лестничной площадке. Без всякой мысли, просто по привычке он бросил взгляд на экран наручных часов. Без пятнадцати шесть. Они беседовали всего сорок минут...

Надо было возвращаться на базу и... И что? Передавать руководство Бену, отправляться домой, доложить обо всем руководителю программы Сергею Казим-беку, поговорить с отцом? А если все это действительно бред? Как любят говорить здесь, на Старой Земле, «провокация»?

Чиф медленно шел по темной ледяной набережной, не обращая внимания на пронзительный ветер. Надо было что-то решить, что-то придумать...

Может, тогда, в апреле 21-го, отец был тяжело ранен и его сочли мертвым? Но об этом Чиф знал бы! Или нет? Кажется, в семье хранилась фотография, снятая в день прибытия Косухина-старшего на Тускулу. На ней отец сфотографирован рядом с дядей Семеном, тогда еще безбородым и тоже совсем молодым... Выходит, Иваныч лгал — или его самого обманули?

Имелась единственная возможность проверить — съездить на Донское и воспользоваться планом, нарисованным гномом-Тареком. Потом поднять старые газеты за апрель 21-го, выяснить, что тогда в действительности произошло. Конечно, правильнее всего доложить обо всем на Тускулу, временно передать руководство группой Бену... Значит, на этом и кончится героическая миссия Джона Косухина на исторической родине? Он провалит задание, не выполнит разработанный не им, а людьми куда более умными, план?

Время было не позднее, и Чиф вполне успевал вернуться до того, как Лу и Бен начнут волноваться. Правда, уже стемнело и Донское кладбище становилось не самым веселым местом в Столице, но привидений Чиф не боялся. А все остальное просто: главные ворота, аллея, затем налево...

У высоких чугунных ворот было темно и пусто, лишь на столбе слева горела небольшая лампочка. Сзади доносился перезвон трамваев, но впереди, за чугунными воротами, было тихо, как и положено на ночном кладбище. Слева от входа Чиф заметил небольшое каменное здание, очевидно сторожку, а дальше стояла тьма, сквозь которую с трудом можно было разглядеть кроны высоких деревьев. Створки ворот оказались перехвачены толстой цепью, запиравшейся огромным замком, зато калитка была приоткрытой. Чиф осторожно коснулся рукой металла и несильно нажал. Тихий скрежет — калитка отворилась...

Чиф еще никогда не бывал на земных кладбищах. Особого

любопытства он не испытывал, разве что вызывал удивление странный обычай окружать могилы нелепыми железными прутьями. Чиф спешил, то и дело поглядывая по сторонам. Долгий ряд оград, каменных памятников. Вот первая поперечная аллея... Здесь, среди утонувших во тьме могил, история, услышанная в Доме на Набережной, окончательно показалась бредом. Кажется, с ним сыграли жестокую шутку — как раз во вкусе того, кто каким-то образом умудрялся одновременно красоваться на сотнях портретов, одаряя граждан улыбкой под тараканьими усами, и, уже без усов и без улыбки, руководить подпольным Политбюро...

Наконец показалась нужная аллея. Чиф свернул и теперь пошел медленнее. Первый памятник, третий. Гном Тарек говорил, что могила должна быть пятнадцатой или шестнадцатой...

Пятнадцатая могила была окружена высокой оградой, за которой белел огромный мраморный крест. Чиф почувствовал невероятное облегчение: такое никак не могло стоять на могиле красного командира. Он подергал замок, а затем легко перелез через ограду. Щелкнула зажигалка, огонек высветил позолоченную надпись: «Шлыков Ипполит Парамонович, купец первой гильдии»... Чиф усмехнулся и через секунду был уже на аллее. Вот и все! Эти одуревшие от страха и интриг крысы просто решили испортить ему настроение. Жаль, что он так спешил! Надо было спокойно вернуться на базу, рассказать, с должной долей иронии, об услышанном и направить сюда Бена, после чего можно с полным основанием составлять донесение Казим-беку. Впрочем, что сделано — то сделано.

Он еще раз взглянул на мраморный обелиск над прахом купца первой гильдии и уже собрался отбывать восвояси, как в памяти всплыли слова Тарека: «Пятнадцатая... или шестнадцатая...» Чиф пожал плечами и скорее для очистки совести, чем чего-либо опасаясь, сделал пару шагов влево.

...Оградка, пониже соседней, старая, давно уже не крашенная. Невысокий серый памятник... Перелезать через ограду на этот раз было еще легче. Чиф щелкнул зажигалкой, поднес огонек к фотографии на потемневшей эмали. Внезапно огонек погас. Стало отчего-то страшно, он мысленно чертыхнулся, вновь щелкнул зажигалкой...

...Пятиконечная звезда на высоком суконном шлеме. Шинель с «разговорами», орден на бархатке. Все еще не веря, надеясь на какое-то невероятное совпадение, Чиф поднес огонек поближе. Пламя обожгло руку, но Чиф даже не почувствовал боли...

Комполка Косухин
Степан Иванович
1897—1921
Погиб за дело мирового пролетариата.

«Погиб за дело мирового пролетариата»... Чифу внезапно показалось, что он смотрится в маленькое овальное зеркальце. Только здесь, на темной кладбищенской аллее, он понял, насколько похож на молодого красного командира, погибшего в далеком 21-м.

Чиф так и не сообразил, сколько времени простоял рядом с серым надгробным камнем. В висках стучала кровь, мысли исчезли, и только нелепая надпись, сделанная осыпавшейся бронзовкой, стояла перед глазами. «...за дело мирового пролетариата...» Странно, неужели они это писали всерьез? Надо будет спросить у отца... Чиф вспомнил Косухина-старшего, провожавшего его перед отправлением на Старую Землю, и ему стало легче. Что бы ни случилось шестнадцать лет назад, отец жив! Ничего страшного, просто надо будет разобраться. Может, объяснение настолько элементарно, что Железный Генри просто не счел необходимым рассказать сыну о подобной мелочи... Чиф мельком взглянул на часы и понял, что его уже ждут. Плохо ли, хорошо ли, но он сделал на сегодня все возможное...

Обратно перелезать не пришлось — калитка оказалась незапертой. Чиф медленно вышел на аллею и остановился, не в силах отойти от страшной ограды. Он понял, что надо постоять еще минуту-другую, прийти в себя. В конце концов, он, Джон Косухин, исследователь. На Старой Земле таких называют разведчиками...

Джон заставил себя улыбнуться, еще раз вспомнив веселого сильного человека в неизменной серой кепке — своего отца, и уже готов был оторвать руки от ограды, как вдруг откуда-то ударила волна холода. Еще ничего не понимая, он замер, но сознание уже дало ответ: на темной аллее Чиф не один. Кто-то высокий, широкоплечий, в длиннополой шинели стоял в нескольких шагах, загораживая выход.

Можно было попытаться перепрыгнуть через ограду, можно просто упасть на землю, но оружия у Чифа не было, а значит, и геройствовать не имело смысла. В конце концов он не сделал ничего плохого. Кладбищенская калитка была открыта, он зашел сюда и просто задержался. Правда, такое наивное объяснение удовлетворило бы кладбищенского сторожа, незнакомец же в шинели явно служил в другом ведомстве...

Чиф повернулся и не спеша распрямил плечи, на всякий случай проверяя готовность каждого мускула. Но незнакомец ничем не угрожал, а просто стоял, недвижный, словно сошедший со своего места надгробный памятник. И вновь повеяло холодом, будто темная фигура была высечена из черного льда.

— Вы все-таки пришли, Косухин...

В голосе не было ни злости, ни испуга — неизвестный лишь констатировал факт. Из этого факта можно было сделать какие угодно выводы. Самый простой, что кто-то из подпольной тройки сообщил о разговоре в ведомство товарища Ежова. Хотя бы суетливый гном Тарек или сам безусый товарищ Чижиков...

— Я почему-то знал, что вы приедете сюда именно сегодня. Странно, правда? Помните, Степан Иванович, мы с вами говорили о возможностях науки? Интересно, как это можно объяснить?

Чиф удивленно моргнул. Они никогда и ни о чем не беседовали с этим типом! И почему он назвал его не Иваном Степановичем, а...

— Я решил не ждать, пока вы меня найдете, и встретить вас здесь. По-моему, тут самое подходящее место для подобного разговора.

Секунды шли, и Чиф постепенно приходил в себя. Кажется, в темноте его спутали с отцом! Выходит, здесь ждали не его, а Косухина-старшего? Значит, вся эта выдумка с могилой была попросту засадой, только охотники спутали дичь?..

— Степан Иванович, я уважаю силу и не собираюсь враждовать с теми, кто прислал вас сюда. Нам надо договориться. Я не хочу вновь увидеть Кровавый Рубин...

Чиф осторожно повел головой — положение оказалось хуже, чем он думал. За спиной у высокого еле заметно проступали темные силуэты — один, другой, третий... Незнакомец, похоже, понял.

— Я предпочел принять меры безопасности. Вы ведь помните моих ребят из 305-го? Можете не оглядываться, за вашей спиной тоже трое. Смерти вы не боитесь, но уйти вам не дадут.

Слова были непонятны, но, пока неизвестный говорил, можно было что-то придумать. Джон впервые пожалел, что правила строго запрещали участникам экспедиции брать оружие без особого разрешения. Да и сам Чиф не любил носить револьвер, не говоря уже о более сложных системах, которые были так по душе Бену. К тому же бесполезно. Ему дали бы выстрелить всего один раз, максимум — два...

— Что ж, поговорим, Степан Иванович?

Почему бы, собственно, и нет. Это еще минута-другая, а значит, еще не все потеряно...

— Что вам надо?

Человек в шинели замер, затем сделал неуверенный шаг вперед. Что-то его удивило, даже обескуражило...

— Вы...

— Чиф! Глаза!

Знакомый голос произнес это где-то совсем рядом, причем на знакомом с детства английском. Еще ничего не соображая, действуя по привычке, полученной на тренировках, Чиф зажмурился. Вовремя! Невыносимо яркая вспышка разорвала ночную тьму. Глазам стало больно даже сквозь прикрытые веки. Оптическая граната, простое и жестокое изобретение, разорвалась прямо под ногами того, кто задавал вопросы. Не закрой Чиф глаза, вспышка ослепила бы его как минимум на сутки. Даже если окружившие его успели отвернуться, прицельно стрелять им не придется довольно долго...

...Все это Чиф соображал уже на ходу. Чья-то рука тянула его в сторону, и он, не открывая глаз, послушно бежал следом. Кажется, они протиснулись сквозь узкий промежуток между оградами, затем повернули направо... Наконец он решил, что глаза можно открыть. Ничего неожиданного Джон не увидел — пустынная аллея, очевидно, параллельная только что покинутой, холодная чавкающая грязь под ногами, на запястье — рука в перчатке тонкой кожи.

— Бен! Пусти, я сам...

Теперь они бежали рядом. Чифу приходилось напрягать все силы, чтобы угнаться за длинноногим приятелем. Тот всегда брал призовые места по бегу, и сейчас ему не мешало ничего, ни грязь, ни тяжелые ботинки, ни болтавшийся на ремне пистолет-пулемет системы Вязьмитинова в десантном варианте, в просторечии именуемый «скрайбером»...

— Ах черт! — они уже были неподалеку от главной аллеи, когда Бен первым заметил темные силуэты, спешившие навстречу. Они нырнули в проход между могилами, но там был тупик. Довелось перелезать через ограду. К счастью, за ней оказалась дорожка.

Теперь они не пытались выбраться на аллею, держась узких закоулков и тревожа холодных мраморных ангелов. Поворот, еще поворот... Впереди была еще одна аллея, но уже не прямая, а дугообразная. Бен нерешительно остановился.

— Где мы?

Чиф оглянулся. Вначале показалось, что они пересекли кладбище и добрались до противоположного конца, но он быстро понял, что ошибся. Дугообразная аллея вела к двухэтажному серому зданию.

— Черт его знает, Бен! Где-то в самой середке.

— Передохнем...

Они присели прямо на старую, пожухлую траву. «Скрайбер» Бена лежал у него на коленях — в полной готовности.

— По-моему, нам прямо, — Бен подсветил маленький ком-

пас, вмонтированный в наручные часы. — Выйдем к тыльной стене... Джонни, хоть бы предупредил, я бы тут все разведал!..

Чиф уже отдышался, пришел в себя и почувствовал стыд. Храбрый и предусмотрительный Бен спасает недотепу начальника! Хорош же он, руководитель!..

— Давно за мной идешь?

— А ты как думаешь?

Похоже, Бен улыбался, и Чиф ощутил новое чувство — обиду. Приятно чувствовать себя живым, но Бен не имел права появляться здесь, тем более с оружием...

— Значит, приказы нарушаем? — поинтересовался он уже по-русски.

— Никак нет! — Бен повернул голову, и Чиф убедился, что тот действительно улыбается, причем самым наглым образом. — Разрешите доложить: после вашего ухода связался с Казим-беком и попросил разрешения нарушить ваш приказ, причем взять с собой оружие. Санкция получена...

Чиф рассудил, что Бен поступил не только правильно, но и в полном соответствии с субординацией.

— Я сказал Казим-беку, что после твоего ухода обнаружились, так сказать, новые обстоятельства, о которых ты не мог знать...

— Они что, действительно обнаружились? — вздохнул Чиф.

— Ага. Вспомнил, что ты изрядный гвок.

«Гвок» было непереводимым детским ругательством, чем-то средним между «дураком» и «простофилей».

— Я действительно гвок. Пора в отставку! Я завалил задание...

— Подумаешь! — невозмутимо парировал Бен.

— Влип в дурацкую историю...

— За тем и приехали...

Оптимизм Бена явно не знал границ. Чиф и сам был не прочь проявить жизнерадостность, если бы не надпись на сером могильном камне.

— Есть еще кое-что похуже...

— Ты что, ранен?

Бен привстал и начал быстро ощупывать приятеля, словно тот валялся перед ним в луже крови.

— Пусти, щекотно! Да не ранен я...

Чиф встал и скривился: левую ногу он все-таки умудрился слегка подвернуть.

— Если не ранен, поговорим дома. Все, пора уходить!

— Не спешите!

...Высокий силуэт возник словно ниоткуда. Тот, кто так и не получил ответы на свои странные вопросы, словно соткался из затопившей кладбище черной мглы.

— Ах ты!

«Скрайбер» Бена дернулся, но незнакомец легко взмахнул рукой. Бен вскрикнул, рванулся — и растерянно замер.

— Джон! Не могу двинуться... «Скрайбер»!..

Чиф сорвал с шеи приятеля оружие и щелкнул предохранителем. Послышался негромкий смех.

— Я не буду стрелять. Опустите вашу игрушку!

Резкий жест — и Бен облегченно повел плечами.

— Это и называется, товарищи, «Непускающая Стена». Ею можно отгородиться, а можно и замуровать человека. Но я должен был догадаться, что один из вас — не человек...

Рассуждать над странными словами было некогда. Чиф оглянулся — на пустынной аллее больше никого не было.

— Мои люди окружили кладбище, но сюда я пришел один, — понял неизвестный. — Лишний шум ни к чему, вы и так устроили иллюминацию.

— Понравилось? — осведомился Бен.

— Недурно! А теперь у вас есть выбор. Либо мы поговорим и разойдемся, либо мои ребята устроят облаву — и тогда вам придется говорить совсем в другом месте. И не со мной.

— Слушайте, что вам надо? — не выдержал Чиф. — Мы что, нарушили закон?

— Голос вас выдает, — неизвестный вновь негромко рассмеялся. — А так — и не отличить. Кто вы?

Приятели переглянулись. Похоже, от странного типа не отвязаться.

— Я просто пришел на могилу... — неуверенно начал Чиф.

— ...Степана Ивановича Косухина, — нетерпеливо перебил неизвестный. — Кем он вам приходится?

— Я его сын.

— Ах вот оно что!..

Человек в шинели, шагнув ближе, внимательно вгляделся в лицо Косухина-младшего.

— Да, немудрено! Стало быть, вы Косухин...

— Иван Степанович, — неохотно отрекомендовался Чиф.

Бен промолчал. Его личностью, кажется, не интересовались.

— В таком случае позвольте представиться: Всеслав Игоревич Волков. Ваш отец знал меня как Венцлава. Мы с ним... можно сказать, однополчане. Наверное, он вам обо мне рассказывал?

— Да...

Снова смех:

— Значит, Степан все-таки жив! Или, по крайней мере, был жив, если успел вам кое-что поведать. Впрочем, извините, я употребил неправильное слово. К нему, к вам, да и ко мне этот глагол не имеет отношения...

— То есть? — совсем растерялся Чиф.

Тот, кто назвал себя Всеславом Волковым, не ответил. Отвернувшись, он глядел в сторону, словно надеясь что-то увидеть в густом мраке. Затем, внезапно повернувшись, бросил:

— Отвечайте быстро и без вранья. Первое: что рассказывал вам отец обо мне?

Чиф пожал плечами:

— В годы Смуты... революции вы работали в большевистской разведке и, кажется, были с моим отцом... не в самых лучших отношениях...

Волков кивнул:

— Не по моей вине, Иван Степанович. Это все, что вы знаете?

— Джон? — шепнул Бен, красноречиво кивая на «скрайбер».

Волков никак не реагировал, казалось, вновь погрузившись в раздумье. Наконец он поднял голову:

— Значит, вы прибыли сюда не из-за меня? Вы и этот мелкий колдун просто шпионы Семена Богораза?

Чиф вытер со лба внезапно выступивший пота. Кажется, об их миссии знала уже вся Столица! Зато его приятель не медлил:

— Господин большевистский офицер! По поводу «мелкого колдуна» могу сообщить, что меня зовут Бен, я хорошего дворянского рода и полностью к вашим услугам. Свою фамилию я сообщу вам у барьера. Если, конечно, вы не предпочтете написать на меня донос — говорят, здесь это заменяет дуэли!

— Бен! — шепнул Косухин-младший, но Волков лишь рассмеялся:

— Я не могу принять вашего вызова, господин Бен, поскольку мы не в равных условиях. Не будем нарушать дуэльный кодекс!.. И не вздумайте в меня стрелять — вам же хуже будет. Кстати, передайте Богоразу, что я помню пулю в церкви Святого Ильи!..

— Передам, — вежливо кивнул Бен. — А насчет равных условий... Я могу подождать, пока вы сходите за оружием, если забыли его дома.

Волков легко дернул рукой. Бена шатнуло и бросило назад, спиной на прутья ограды.

— Мы в неравных условиях, господин Бен, — повторил Волков. — С вашим товарищем — дело другое. Но не хочу... Господин Косухин! В присутствии господина Бена прошу засвидетельствовать перед вашим отцом: я не хочу враждовать с ним и с теми, кто ему помогает. Сегодня я спас ваши жизни, господа. Надеюсь, этим я покрыл свой долг Степану Косухину, передайте ему это! И еще: скажите Богоразу, чтобы не вмешивался в наши дела. В каждом аду свои порядки. Пусть устраивает свой ад по собственному усмотрению, а нам предоставит такое же право!..

— Господин Волков! — Чиф пришел в себя и несколько осмелел. — Вы сказали слишком много или слишком мало...

— Я сказал достаточно. Ваше дело — выслушать и передать. Эта история не касается вас прямо, Иван Степанович...

— Кроме одного. Вы намекнули, что я не человек. Это у вас здесь заменяет традиционные оскорбления?

Волков усмехнулся — смех был злым и обидным.

— Неужели отец оставил вас в счастливом неведении? Забавно!.. Один человек падает на брусчатку с переломанными костями и проломленным черепом, затем получает две разрывные пули в голову и сердце, его закапывают на глазах у всего города. А потом он объявляется как ни в чем не бывало на вашей паршивой планетке! Ну и другой... тоже человек... не боится «Непускающей Стены», которая действует даже на чугов, вместо крови имеет черт знает что... Продолжать?

— Будьте любезны, — как можно спокойнее предложил Чиф.

— Ладно. Господин Бен, помогите нам. Вон высокий памятник с крестом. Что вы видите?

Длинная рука указала куда-то влево. Бен пожал плечами, долго всматривался, а затем недоуменно заметил:

— Памятник и вижу. Оградка...

— Благодарю вас. Иван Степанович, взгляните.

Чиф послушался. Вначале ничего нельзя было разглядеть, кроме смутного силуэта памятника. Он уже хотел потребовать объяснений, как вдруг темнота над могилой сгустилась, затем как будто лопнул черный занавес. Из мглы медленно проступили три белые фигуры...

— Там девушка, старик... И какая-то женщина, — растерянно проговорил он. — Они... какие-то белые!..

— Вот именно, — буркнул Волков. — Можете с ними пообщаться, ежели желаете. Если не верите своим глазам, просто обратитесь к хорошему врачу, чтоб сделал вам анализ крови... Прощайте, господа! Идите прямо по аллее, там будет калитка. Вас пропустят.

Чиф наконец оторвал взгляд от белых силуэтов, хотел переспросить, но понял, что спрашивать некого. Темная аллея была пуста. Тот, кто называл себя Волковым, исчез, словно сам был призраком, вышедшим из могилы в эту ненастную ночь.

ГЛАВА 5

ХРАНИТЕЛЬ

В тот день шли долго. Майор надеялся до темноты пересечь Яйлу, чтобы выйти к Чердашу не позже завтрашнего полудня. Правда, дорога была не из приятных. Ровная поверхность Караби обманула — под ногами оказалась скрытая высокой старой тра-

вой скала, вся в выбоинах и мелких камнях. Вскоре пустая равнина сменилась невысокими холмами и пологими впадинами, которые приходилось обходить, чтобы не перебираться через выступавшие сквозь траву каменные гребни. Вдалеке показались темные пятна небольших рощиц, подступавших к дороге. Тут требовалась еще большая осторожность, чтобы не угодить в засаду.

Уже стемнело, а маленький отряд продолжал идти, пересекая Караби с юга на север. Карта помогала плохо — дорога время от времени исчезала, раздваивалась, а то и начинала сворачивать в обратную сторону. Подумав, Ерофеев предложил идти по компасу, но первые же сотни метров заставили отбросить эту идею: земля под ногами начала горбиться, ноги то и дело проваливались в скрытые в траве ямы, а однажды шедший первым майор едва не угодил в огромную карстовую промоину.

Уже в полной темноте свернули к одной из рощиц. Невысокие, покрытые черной корой деревья росли густо, поэтому палатку поставили прямо на опушке. Михаил чувствовал себя усталым и разбитым, даже разговаривать не хотелось. Ерофеев и тот утратил свою обычную жизнерадостность, лишь Гонжабов был все такой же — спокойный, невозмутимый, словно и не шагал весь день с тяжелым рюкзаком. Спать не тянуло. Поужинав, все трое присели у костерка, глядя в огонь и подбрасывая время от времени мелкие сучья.

— Слышь, Гонжабов, расскажи чего интересного, — предложил внезапно майор. — Молчишь все, молчишь...

— Нас учат молчать, — последовал невозмутимый ответ, — лишние слова опасны.

— Во-во. — К Ерофееву, похоже, вернулось хорошее настроение. — Точно! Вмиг можно 58-ю заработать. Так все-таки, чего еще умеешь, похвастай!

— Я мог бы поднять труп и заставить его идти. — В голосе бхота послышалась легкая насмешка. — У нас был бы носильщик...

— Да ну, скажешь еще! — поморщился майор. — Я таких баек наслушался и раньше. Будто в гражданскую войну полки мертвяков воевали. Выдумают же! А ну-ка стойте!..

Где-то неподалеку послышался шум. Кто-то — или что-то — двигалось со стороны дороги. В руках Ерофеева мгновенно оказался трофейный карабин, Ахилло достал «парабеллум», только бхот не двинулся с места, по-прежнему глядя в огонь. Шум приближался, затрещали ветки...

...Неяркий свет костра упал на конскую морду. Из-под длинной спутанной гривы глядели любопытные круглые глаза...

— Фу ты! — Майор подошел поближе, протягивая руку, но странный гость негромко заржал и сгинул. Вновь послышался шум и легкий топот. Конь уходил куда-то в глубь рощи.

— От табуна отбился, — предположил Ерофеев. — Осторожная животина!

— А я слыхал, что здесь, на Караби, есть дикие кони, — вспомнил Михаил. — С гражданской остались и одичали — вроде мустангов. Здесь вообще много странного.

— Это древняя земля, — негромко проговорил бхот. — Очень древняя. Это был не просто конь...

— Сговорились! — скривился Ерофеев. — Скажи еще — оборотень! Коняга как коняга, просто заблудилась. Ты вот чего скажи: сколько еще ваших бхотов может быть у тех гадов?

— Еще один, постарше. Ваше оружие уже не поможет.

Ахилло вспомнил утреннюю схватку, и ему стало не по себе.

— Гонжабов, почему вы сказали, что рядом со мною — смерть?

— Это легко заметить, — бхот медленно повернулся, на Михаила взглянули темные, чуть прищуренные глаза. — Но твоя не среди врагов, ищи ее среди своих...

Яснее намекнуть было нельзя.

— Ты его не слушай, — вмешался Ерофеев. — Это он, как от нашей власти пострадавший, злобствует!

Бхот промолчал, Михаилу тоже не захотелось вступать в спор. Слишком хорошо он знал, как близка смерть для тех, кто служит в Большом Доме.

— Вы оба смелые люди, — продолжал Гонжабов. — Но вы слепы и даже не знаете, за кого отдаете жизни. Когда-то я тоже был таким, но потом понял, что мы — всего лишь глина, из которой Он лепит новый мир.

— Вот тебе «четвертак» и впаяли, — наставительно заметил Ерофеев. — Чтобы не философствовал! Это, гражданин Гонжабов, изменой пахнет.

— Я не предатель. Я по-прежнему служу Тому, Кто открылся мне, когда я молил о просветлении. Но я знаю, кому служу, а вы — нет. Впрочем, в царстве Шинджи мы не почувствуем разницы...

Ему не ответили. Даже Ерофеев задумался, Ахилло же внезапно понял, что они с ЗК Гонжабовым думают сходно, хоть и называют вещи разными словами. Михаил не слишком верил в близкий бесклассовый рай. Но власть, победившая в Смуте и вновь спаявшая страну, вызывала уважение, поэтому он старался служить честно, прекрасно понимая, что любой строй имеет свои недостатки. Однако в последнее время Ахилло перестал понимать происходящее. Каток, сорвавшийся с места, мог в любую минуту подмять не только Михаила с его философией, но и любого, от простого работяги до самого наркома Ежова, превращая бытие в бесконечный карнавал смерти. Но смысл во всем этом ужасе был, Ахилло чувствовал это и еще более пугался...

Наутро вскипятили чай, и Ерофеев приказал выступать. Идти оставалось недолго, километров восемь, правда, часть дороги — не по Яйле, а прямо через горы. Пройдя пару километров, майор остановил отряд, сверился по карте и велел сворачивать на запад, к одной из вершин, окружавших плато Караби. Вскоре плоскогорье сменилось редким лесом, тропа поползла по склону, неровная скала под ногами сменилась серым влажным суглинком. Сквозь низкие тучи выглянуло бледное осеннее солнце, лес посветлел, и двигаться стало немного веселее. За невысоким перевалом открылась долина. Здесь пришлось задержаться — тропинка раздваивалась, ныряя в лес. Посовещавшись, решили идти по правой. Вскоре дорога вывела к огромной покрытой мхом скале. Здесь майор предложил перекурить. Уже затаптывая окурок в сырую землю, Михаил невольно остановился: среди мокрых листьев лежала гильза от «Казбека»...

Снова был подъем, на этот раз крутой, затем сырая ложбина, по которой с шумом бежала вспухшая от осенних дождей речка. Тропинка вильнула, обходя отрог высокой горы, а затем вновь пошла на подъем. Поднявшись на гребень, майор поднял руку, делая знак остановиться. Здесь, на перевале, лес поредел, открывая взору еще одну долину, на этот раз небольшую, теснившуюся между двумя горами — поросшей темно-зеленым хвойным лесом и второй, повыше, с голой каменистой вершиной. Ерофеев ткнул пальцем в карту, Ахилло всмотрелся и понял. Они были у цели.

К подножию Чердаша подошли в начале первого. Тучи вновь сомкнулись, заморосил холодный дождь. Прямо с тропы заметили первую пещеру — небольшую, служившую, судя по высохшему помету, убежищем для овец. Поблизости оказались еще две, такие же маленькие и пустые. Впрочем, не совсем — в одной из них нашли две пустые банки из-под тушенки и свежий окурок «Казбека». Незваные гости был тут совсем недавно.

Наконец Ахилло, выбивший себе право идти первым, заметил еще одно, четвертое, отверстие в каменном теле горы. Тропинка утыкалась в свежий каменный завал.

— Ну чего? — Ерофеев опустил бинокль и перекинул карабин на грудь. — Перекурим напоследок?

Ахилло не возражал. Усталость куда-то исчезла, появился привычный азарт и даже нетерпение.

— Пойду взгляну, — решил майор. — Может, они у входа караульного поставили? Слышь, Гонжабов, а ну определи, раз ты такой умный. Стерегут вход?

— Никого нет. — Бхот ответил, даже не взглянув в сторону пещеры. — Не этого бойся...

Майор все же сходил на разведку, но вскоре вернулся.

— Пусто, — сообщил он. — То есть не пусто. Там такая хрень, я вам скажу!..

Михаил уже понял, что это слово могло означать в устах Ерофеева совершенно разные вещи. Оставалось узнать, что имеется в виду на этот раз.

Проход в пещеру был невелик, едва в человеческий рост. Луч фонарика высветил неровный пол, сходящиеся к центру своды и странный четырехугольный ящик посередине. Михаил, светя фонариком, быстро осмотрелся, заметив слева еще один проход, уводивший в глубь горы.

— Нет, ты погляди, капитан! — Майор был уже возле странного каменного сооружения. — Во дают!

Ахилло подошел ближе. Поверх каменного саркофага была положена тяжелая серая плита, слегка сдвинутая в сторону. Луч фонаря ушел в щель. Михаил невольно вздрогнул — из тьмы улыбался желтый, треснувший от времени череп. Рядом лежал еще один, за ним еще и еще...

Гонжабов мельком взглянул на мертвые кости и вновь, как это уже случалось не раз, слегка пожал плечами.

— Ну чего? — Ерофеев щелкнул зажигалкой, прикуривая. — Состав преступления налицо. Пиши протокол, капитан: в пещере горы Чердаш найдены неопознанные останки неустановленного числа советских граждан...

Тон майора соответствовал словам, но Михаил видел, что Ерофееву не по себе. Самому же ему стало интересно.

— Я читал об этом. Погребения в каменных ящиках! Кажется, что-то такое нашли на Чатыр-Даге...

— Пещера Тысячеголовая, — вздохнул майор. — Знаю, я ведь, мать его, археолог! Эти, из академии, нам коньяк поставить должны... Там — проход, заметил?

Михаил кивнул.

— Думаю, пастух этот, Валилов, сюда и заглянул, — продолжал Ерофеев. — Может, золото искал... А ты чего скажешь, Гонжабов? Ты же, вражина, у нас эксперт!

Бхот обвел взглядом пещеру, провел рукой по воздуху.

— Это место было заклято. Очень давно. Сейчас здесь спокойно, эти мертвые мертвы навсегда.

— Слыхал? — майор подмигнул Михаилу. — Эх, попы мне эти, монахи... А чего там?

Он кивнул в сторону прохода. Бхот усмехнулся:

— Смерть!..

— Ах ты, ядрить твою! — взъярился Ерофеев. — Ты чего, по-человечески сказать не можешь? Засунуть бы тебя в Бутырки на год-другой...

Гонжабов даже не повернул головы. Ерофеев, не скрывая опаски, поглядел в сторону темного входа.

— Ладно, не обижайся! Раз тебя сюда послали, скажи, что делать надо?

Вновь усмешка на смуглом лице:

— Хочешь обмануть смерть? Хорошо, я сам поведу вас. Когда-то меня прозвали «Нарак-цэмпо». Может, повезет...

Ахилло, вспомнив страшную физиономию бронзового демона, прикинул, что сам бы он ни за что не захотел иметь подобное прозвище, даже в качестве агентурной клички.

— Веди! — решил майор. — Только, Гонжабов, чтоб ясно было: ежели чего, первая пуля — тебе. И не мечтай, не испаришься!

Рюкзаки и палатку оставили в пещере, спрятав за стенкой каменного ящика. Зато оружие держали наготове. Майор хотел было всучить бхоту «наган», но тот молча покачал головой. Ерофеев плюнул и не стал настаивать.

Гонжабов шел первым, Ахилло вторым, Ерофеев с карабином на изготовку — замыкающим. Фонари не включали. Гонжабов вскользь заметил, что свет ему ни к чему.

...Вокруг сомкнулась угольная чернота, под ногами шуршали мелкие камешки, и только звук шагов нарушал тяжелую липкую тишину. То и дело приходилось наклонять голову — потолок был низок, да и в ширину проход едва мог пропустить двоих. Приходилось то подниматься, то вновь спускаться, сухая каменная пыль лезла в горло...

— Стой! — не выдержал майор. — Перекур!

Курили осторожно, прикрывая огонек папиросы ладонями.

— Слышь, Гонжабов, — вздохнул Ерофеев, — не молчи! Чего там дальше?

— Поворот, — послышался тихий бесстрастный голос. — Если тебе страшно, включи фонарь, здесь никого нет.

— А иди ты! — обиделся Ерофеев. — Не страшно мне! А со светом лучше не баловать...

Бхот не ошибся. Поворот оказался совсем рядом — всего в двадцати шагах. Здесь проход расширился, стали попадаться редкие световые окна — точнее, маленькие окошки, через которые просачивался бледный сумрак. Настроение сразу улучшилось, но Гонжабов явно не разделял такого оптимизма. Несколько раз он останавливался, прислушиваясь, и наконец повернулся к майору:

— Здесь опаснее, чем я думал. Вернуться не поздно. Решай!

Тот негромко чертыхнулся:

— Навязался на мою голову! Слышь, капитан, а может, и вправду, не стоит всем рисковать? Останься тут, подождешь...

Ахилло хотел ответить, как должно, но бхот опередил:

— Нельзя. Те, что встретят нас, догонят и его. Идти надо вместе.

— Да кто встретит-то? — выдохнул Ерофеев. — Ну, Гонжабов, будь человеком хоть один раз, не темни!

— Не знаю. Пока не знаю...

Проход становился все шире, теперь можно было идти плечом к плечу. Световые окна попадались часто, но свет казался странным — не белым, дневным, а каким-то желтоватым, словно электрическим. Прошли еще с полкилометра. Наконец перед очередной темной галереей бхот остановился:

— Закройте глаза. Что бы ни случилось — не открывайте их и ничего не говорите. Ты, майор, возьмись за мое плечо...

Ерофеев кивнул, очевидно, сообразив, что вопросы можно оставить на потом. Михаилу на мгновение стало не по себе, но он постарался собраться с силами и даже найти в происходящем смешную сторону. Все это несколько напоминало гоголевскую история с незабвенным Вием, очная ставка с которым весьма нежелательна. Подумалось, что тибетец решил слегка поиздеваться над своими конвоирами. И действительно, что мог почуять странный «эксперт»? Может, проход полон газом, вредным для глаз?

...Сначала он услыхал шорох, легкий, шедший откуда-то сбоку. Что-то невесомое коснулось плеча, щеки... Шорох усилился, Михаилу показалось, что он слышит где-то рядом тяжелое, прерывистое дыхание...

Сердце бешено билось, хотелось закричать, выхватить револьвер и, главное, открыть глаза. Шорох не отставал. Кто-то был совсем рядом, касаясь лица, плеч, спины. От каждого прикосновения по коже пробегали мурашки, кровь стыла, и вдруг послышался негромкий женский голос. В нем была грусть, неизбывная безнадежная тоска и, одновременно, странное ожидание. Тот, кто был рядом и дышал в лицо, ждал — не того ли, что Михаил откликнется... откроет глаза?

Ахилло закусил губу и поднял руку ко лбу — перекреститься. Он не верил в Творца, движение вышло инстинктивным — далекой памятью, доставшейся от верующих предков. Но перекреститься не пришлось: что-то ударило по руке, послышалось злобное шипение, возле самых глаз щелкнула кость, словно сомкнулись невидимые челюсти... Рядом шумно дышал Ерофеев, и Ахилло мельком подумал, каково сейчас общительному майору. Уж его бы воля, он покрыл бы неведомую нечисть по всем правилам, в три этажа да по полному ранжиру...

Шорох стал тише. Где-то вдали раздался долгий безнадежный стон, и тут на закрытые веки упал бледный неровный свет.

— Можете открыть глаза, — спокойно произнес Гонжабов. — Прошли...

Ерофеев помянул Христа, Богородицу, крест животворящий и Пресвятую Пятницу. Облегчив душу, он полез за папиросами. Михаил тоже с немалым удовольствием вдохнул показавшийся милым и родным никотиновый дым.

— Не радуйтесь, — предупредил бхот. — Это — не худшее.

— Эх, жаль, спирт в рюкзаке остался! — вздохнул майор. — Слышь, Гонжабов, чего это было?

В голосе Ерофеева уже не было и следа насмешки над суеверным тибетцем, скорее в нем сквозил плохо скрываемый страх.

— Точно не скажу. Тот, кто охраняет пещеру, знает свое дело...

— Ну ты точно баба, Гонжабов! — возмутился Ерофеев. — Одни, мать твою, местоимения: «он», «они», «те», «эти»! Вот посажу тебя отчет писать!

Послышался негромкий смех:

— Когда я выступал на Исполкоме Коминтерна, люди Запада тоже были недовольны...

— «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и не встретиться им никогда, — с удовольствием процитировал Ахилло, — лишь у подножья Престола Божья в день Страшного Суда...»

— Пушкин, что ли? — хмыкнул майор, Гонжабов же неожиданно заинтересовался:

— Сказано мудро. Чьи это слова?

— Редьярд Киплинг, бард империализма, — охотно пояснил Михаил.

Гонжабов кивнул:

— Он прав. Суд скоро...

— Ох, ребята, доболтаетесь! — пообещал Ерофеев. — Ты, Гонжабов, с какого года в партии? С 21-го, кажется? Ну куда товарищи смотрели? А еще коминтерновец!..

Бхот поджал губы.

— Ты, упрекающий меня! Твой дед был деревенским колдуном, отец твоей жены — жрец бога Христа, твои дети освящены его именем. Выходит, то, что можно русскому, нельзя бхоту?

Ерофеев даже отшатнулся.

— Да откуда ты, мать твою?.. Дед был не колдуном, а знахарем, и Варькин батя сан давно снял...

Гонжабов улыбнулся. Ерофеев шумно вздохнул и почесал затылок:

— Ладно, припек! Хотя, между прочим, Варька детей без меня крестила... Ну, Гонжабов! А чего это ты все про меня да про меня? Вон, про капитана скажи!

Бхот даже не обернулся.

— Когда настанет Суд, он даже не услышит Зова. Он не только слеп, но и глух...

Нельзя сказать, чтобы подобная фраза понравилась Михаилу. Но заводиться он не стал, тем более отдохнувший майор скомандовал поход, и Ахилло оставалось молча рассуждать о судьбе атеиста на Страшном Суде.

Снова потянулись темные галереи, изредка перемежавшиеся небольшими освещенными площадками. Пришлось спускаться по лестнице, у подножия которой наблюдательный майор разглядел очередной папиросный окурок. Тьма постепенно сменялась серым сумраком. Повеяло свежим ветром: пыли, хрустевшей под ногами, стало заметно меньше.

Очередная галерея была шире и выше, в стенах темнели глубокие отверстия, похожие на окна, за которыми, правда, был не день, а черная тьма. Гонжабов остановил отряд, а сам прошел вперед, к самому концу галереи. Вернувшись, он на минуту задумался.

— Ждите, — распорядился он.

— Ты куда? — неуверенно позвал Ерофеев, но бхот, не отвечая, вновь направился к выходу. Майор крякнул и, сделав знак Михаилу, поспешил следом.

Здесь было заметно светлее. Выглянув наружу, Михаил замер: галерея привела их в огромный круглый зал, освещенный льющимся откуда-то сверху бледным дневным светом. Поверхность стен была выровнена, по углам возвышались мощные квадратные колонны. Место походило на храм, хотя бог, которому здесь поклонялись, оставался незрим. Ерофеев толкнул капитана, указывая куда-то в глубь зала. Ахилло присмотрелся и кивнул. В полумраке можно было различить несколько темных силуэтов. Михаил шагнул вперед...

— Да стой ты! — Лапища майора потянула за плечо. — Лучше на Гонжабова глянь!

Бхот стоял посреди зала, лицом к черным фигурам. Руки разведены в стороны, голова откинута назад...

— Гимнастику делает, — хмыкнул Ерофеев. — Во псих! Слышь, может, мы зря здесь торчим?

И тут он охнул, подавшись назад. Между руками бхота проскочила яркая белая искра. Еще секунда — и перед неподвижной фигурой Гонжабова засветилась бледным огнем сплошная полупрозрачная стена. Бхот по-прежнему не двигался, лишь голова еще больше запрокинулась назад и чуть подрагивали кисти.

...Внезапно все кончилось. Гонжабов выпрямился и устало опустил руки.

— Циркач! — прокомментировал Ерофеев. — Еще бы пламя из ноздрей пустил...

Гонжабов не спеша подошел к порогу, где его ждали майор и Ахилло, коротко кивнул:

— Идите!

Ерофеев хмыкнул и, закинув карабин за спину, шагнул в зал. Ахилло последовал за ним, бхот неслышно шел последним.

— Ты чего это делал? — Майор обернулся к Гонжабову. — Просто так, что ль, пройти нельзя? Факир!..

— Они прошли просто так... Погляди!

Майор обернулся — и застыл на месте. На каменном полу лежал человек. Десантный комбинезон, кавалерийский карабин, знакомые немецкие ботинки...

— Мать моя! — Ерофеев нагнулся над трупом. — Плохо же мужик помер!

Михаил невольно отвернулся, хотя за годы службы в Большом Доме приходилось видеть всякое. Да, немецкий разведчик умер плохо. Кисть правой руки оторвана напрочь, белокурые волосы слиплись от крови, вместо лица — кровавое месиво. Капитан вздохнул: такой смерти нельзя желать никому...

— Он остался, чтобы прикрыть остальных, — пояснил бхот.

Ерофеева передернуло:

— И чего? Эта дрянь... все еще здесь?

Он затравленно оглянулся и быстро зашагал дальше. Ахилло оглянулся — ему показалось, что из глубины зала послышался шум. Одна из черных статуй дрогнула...

— Дуй отсюда! — позвал Ерофеев. — Ну его к бесу!

За порогом страшного зала остановились. Ахилло достал пачку папирос, майор щелкнул зажигалкой.

— Вопрос первый, — Михаил заставил себя усмехнуться. — Как мы вернемся назад? Вопрос второй — как прошел сюда гражданин Валилов?

— Первый вопрос отметаю как провокационный, — отозвался майор. — А вот насчет Валилова — и вправду... Ты как думаешь?

— Думаю, здесь он не шел. Есть другой путь. Возможно, Валилов знал это, а когда оползень открыл вход в пещеру, испугался и поспешил сообщить первым. А может, награду думал получить...

— И сгинул, — закончил Ерофеев. — Ну, пошли!

Он решительно затоптал окурок и зашагал дальше. Проход стал еще шире и внезапно сменился ступенями широкой лестницы. Ахилло почувствовал что-то странное. Он взглянул наверх: лестница была залита ровным голубым сиянием...

— Синий свет! — Ерофеев тоже заметил. — Точно! А ну-ка, к бою!..

Он передернул затвор карабина, вглядываясь в полутьму. Лестница кончалась небольшой площадкой. Ступени казались бесконечными, но вот и они остались позади, приведя к широкой двери, высеченной в глухой скале.

— Не высовываться! — Майор осторожно прокрался вдоль стены и заглянул в проход. — Ух ты! Капитан, сюда!

...Большой круглый зал, с гладкими, словно полированными стенами и высоким потолком, уходящим куда-то в неведомую высь. Живой колышущий свет заполнял все пространство. Воздух горел — холодным голубым огнем. В центре зала темнело большое круглое отверстие с ровными гладкими краями. Свет шел оттуда, поднимаясь огромной ровной колонной. Пламя походило на водопад, только падающий снизу вверх; по синеве пробегали белые искры, светящаяся колонна время от времени неслышно подрагивала. Зрелище завораживало, хотелось просто смотреть и дышать легким наэлектризованным воздухом, так не похожим на спертый дух подземелья...

— Нашли-таки! — удовлетворенно заметил майор. — Ну чего, Гонжабов, это то самое?

— Да, — все так же равнодушно откликнулся бхот. — Кровь Бранг Сринмо... Много веков назад великий бог Кунтузампо поверг ее с небес и затоптал в землю. Из ран до сих пор льется кровь. Она испаряется и голубым светом уходит в небеса...

— Кровь... — Ерофеев скривился. — А чего мне в отчете написать?

— Это какой-то неизвестный вид энергии, — предположил Ахилло. — Его источник где-то очень глубоко под землей. Может, древний вулкан...

— Ладно, Тернем разберется, напишу, чего видел... Подойдем поближе? Как, Гонжабов, не опасно?

Бхот прислушался:

— Опасно...

— Типун тебе! — откликнулся майор и перешагнул порог.

Пол под ногами был гладким и скользким. Михаилу даже показалось, что под ними не камень, а что-то иное, похожее на толстое стекло. Взглянув вверх, он заметил под самым потолком вырубленное в камне изображение огромной, раскинувшей крылья хищной птицы...

— Стой! — услышал он голос Ерофеева. — Кажись, война отменяется...

Посреди зала, неподалеку от колодца, откуда вырывалось холодное синее пламя, неподвижно застыли два тела в десантных комбинезонах. Оружие лежало рядом. Стволы карабинов были расплющены, словно попали под паровой молот. Один из убитых, крепкий белокурый парень, неестественно вывернул шею, словно пытаясь заглянуть назад. Второй, невысокий худой муж-

чина с характерным скуластым лицом, мертвой хваткой вцепился в собственное горло.

Гонжабов присел рядом с мертвым соплеменником и осторожно провел руками по воздуху, не касаясь тела.

— Ты чего, знал его? — осведомился майор, обыскивая карманы первого мертвеца.

— Знал... Да примет его великий Яма, владыка преисподней!..

— Опять завел шарманку! — скривился Ерофеев. — Изменник он, Гитлеру продался. Во, капитан, смотри!

В кармане мертвеца оказалась внушительного вида бумага с печатями и размашистыми подписями. Документ, заверенный Ежовым, содержал просьбу ко всем советским учреждениям оказывать помощь спецгруппе НКВД.

— Если фальшивка, то сделано неплохо, — заметил Ахилло. — Я бы поверил.

— Что значит «если»? — возмутился майор. — Ясное дело, фальшивка! Но ты прав, я бы и сам поверил... Ладно, Гонжабов, ты как? Будешь измерения проводить? Все-таки эксперт!

Бхот усмехнулся:

— Не буду.

— То есть как? Доложим, значит, гражданину Тернему, а потом выяснится, что это одна видимость, без всякой пользы!

— Пользы? — Гонжабов оглянулся, узкие глаза потемнели. — Этим двоим уже показали... пользу. Сейчас покажут и нам. Смотри!

Он поднял руку, указывая куда-то вверх. Ерофеев удивленно поднял взгляд, ничего не понимая. Ахилло сперва тоже ничего не заметил, но затем стал различать что-то, напоминающее полупрозрачный купол. Он осторожно подошел к его краю. В ушах послышалось еле различимое жужжание, протянутые пальцы ощутили тепло...

— Чего там? — окликнул майор. Михаил, не отвечая, поднял с пола один из искореженных карабинов, попытавшись просунуть приклад через еле заметную поверхность. Жужжание усилилось. Внезапно приклад начал чернеть. Запахло горелым, Михаил едва успел бросить карабин — дерево дымилось. Все еще не веря, он скомкал оказавшийся в кармане бумажный рубль, бросив его перед собой. Вспышка. Обгоревший клочок бумаги медленно упал на пол...

— Ловушка, — как можно спокойнее проговорил Ахилло. — Кондрат, не подходи ближе!

Майор не послушался и, косо взглянув на дымящийся карабин, подошел к голубой сфере с другой стороны, медленно занес ногу и тут же с криком отскочил. Носок сапога дымился...

— Кажется, понял, — заметил Ахилло, наблюдая, как Ерофе-

ев, высказываясь во всю ширь души, сдирает с ноги сапог. — Похоже на высокое напряжение...

— Хрен там напряжение! — Майор наконец-таки снял сапог и теперь разбирался с портянкой. — Накрыли нас, как мышей в мышеловке! Посмотри, капитан, прохода нигде нет?

Увы, сфера была без единого зазора. Поднимаясь от ровной поверхности пола, она смыкалась прямо над головами.

— А ты чего? — Майор повернулся к Гонжабову. — Небось знал заранее, вражина!

— Ты хотел увидеть пользу? — усмехнулся бхот. — Ты увидел...

Ерофеев зарычал, окинув безнадежным взглядом огромный зал.

— Че делать, капитан, посоветуй!

— Меньше дышать, — на Ахилло накатила мрачная ирония. — Вдруг это поле воздух не пропускает? А вообще-то, можно вступить в переговоры. Думаю, за нами наблюдают.

Ерофеев недоверчиво покосился сперва на Михаила, затем на столб голубого света, подумал и, оправив куртку, шагнул поближе к центру площадки. Прокашлявшись, он расставил пошире ноги и гаркнул:

— Внимание! Я — старший лейтенант государственной безопасности Ерофеев! Предлагаю немедленно прекратить безобразие и выходить без оружия!..

Сухой смешок — смеялся Гонжабов. Майор покрутил головой, прислушиваясь, но в зале стояла тишина, нарушаемая лишь легким шипением, доносившимся из глубины колодца.

— Мужики! Да прекратите же! — вновь воззвал Ерофеев. — Свои мы! Отключите эту дрянь!..

— ...Нет...

Голос раздался словно ниоткуда. Ахилло быстро огляделся, никого не увидев, однако все же заметив то, что пропустил ранее: прямо перед ними находилась узкая, высеченная в скале лестница, уводившая куда-то вверх.

Между тем Ерофеев крутнулся на месте и полез в нагрудный карман.

— Эй, товарищи! У меня предписание оказывать нам содействие. Сам товарищ Молотов подписал! Эти, которые сюда пришли, были немецкими шпионами. А мы свои!..

Ответа не было. Голубая сфера все так же мерцала, светилась уходящая ввысь колонна, эхо гасло в пустоте рукотворной пещеры. Несмотря на опасность, Ахилло на миг ощутил нечто, напоминающее злорадство. Самоуверенный, не боявшийся даже Большого Дома майор явно потерял лицо. Подумав, Михаил потянулся к карману, где лежали папиросы.

— Эй, граждане! У вас тут курить можно?

— ...Курите.

— Не соблаговолите ли показаться? — Ахилло говорил негромко, догадываясь, что его слышат. — Это невежливо!

— Шутишь? — буркнул майор. — Хороши шутки...

— В сказке «Аленький цветочек» в подобной ситуации гостям предлагались яства и пития...

— ...Вам они не понадобятся.

Ответ был настолько ясен, что Ахилло невольно поежился. Майор же взъярился:

— Ну ты! Хочешь нас прикончить, так кончай сразу! А то спрятался, как крыса, и еще глумишься!..

— ...Я не звал вас сюда.

Ерофеев вновь сделал шаг к краю сферы, протянул руку и тут же отдернул:

— Жжет, стерва!.. Эй, ты, там! Ты чего, не веришь, что мы свои?

— Я знаю, кто вы, майор Ерофеев... — Теперь в голосе слышались горечь и печаль. — Те, другие, тоже говорили по-русски и тоже хотели добраться сюда...

— Да они шпионы!

— ...И вы и они хотел узнать тайну. Вы узнали. Теперь вы останетесь здесь, пока хозяин Голубого Света не возвратится...

— Мы приказ выполняли! — вздохнул майор. — Правительственный! Ты чего, враг народа? Свет этот для нужд страны требуется!..

— Вы не сумеете использовать Голубой Свет для добра. Им можно лечить, можно спасать умирающих, но вам он нужен для другого. Не будем спорить. Вы выполняете свой долг, я — свой...

— Вражина, — оскалился Ерофеев и, выхватив пистолет, стал посылать пулю за пулей в светящуюся поверхность сферы. Зал наполнился грохотом, гулко перекатывалось эхо, но ни одна из пуль не вырвалась наружу. Лишь яркие огоньки вспыхивали и гасли.

— Мать твою!.. — Майор опустил оружие. — Эх, надо было мою роту взять!..

Ответа не было. Похоже, неизвестный столь же мало боялся роты Ерофеева, как и его самого.

— Кто вы? — не выдержал Михаил. — Для колдуна вы слишком невежливы!

— ...Ваш спутник знает. Мой предок был оставлен, чтобы охранять Голубой Свет от таких, как вы. Напрасно вы называете меня колдуном. Каждый обороняется тем оружием, которое имеет...

— Вражина... — безнадежно повторил майор, сжимая в руке бесполезный пистолет. — Ничего, наши до тебя все равно доберутся. С советской властью не потягаешься!

— ...Я не враг советской власти. Мы хотели рассказать о Голу-

бом Свете и объяснить, как его можно использовать. Но теперь у власти вы — те, кто народ расстреливает. Вам путь сюда закрыт...

— Ты забыл обо мне!

Голос прозвучал неожиданно — резкий, злой, полный уверенности и силы. Потребовалось несколько секунд, чтобы Михаил понял, кто вступил в спор.

Гонжабов стоял все в той же позе, маленький, худой, со скрещенными на груди руками. Губы не двигались — лишь в их уголках залегла недобрая усмешка:

— Ты надеешься на старого шута Кунтузампо, но он давно оставил Землю. Посмотрим, справишься ли ты с посланцем Шинджи!

Руки бхота медленно поднялись вверх, тело напряглось, голова запрокинулась назад. Несколько секунд прошли в полном молчании, даже подземный шум, казалось, стих. Но вот Гонжабов выпрямился, между рук сверкнуло белое пламя, и внезапно по всей поверхности сферы пробежали черные пятна. Голубой купол дрогнул. Чернота расползалась, обтекая мерцающее свечение. Запахло озоном, послышался резкий хлопок...

...Купола больше не было, лишь бесформенные клочья голубой оболочки медленно таяли в воздухе. Ерофеев шумно вздохнул, затем быстро повернулся:

— Капитан! Беги к выходу, прикрою!

— Не спеши! — бхот поднял руку. — Ты ведь хотел познакомиться с Хранителем?

Майор кивнул и вынул из кобуры «парабеллум». Михаил тоже достал оружие, но без всякой охоты. Стрелять в неизвестного почему-то совершенно не хотелось. Между тем Ерофеев отошел подальше, заняв позицию неподалеку от входа в галерею. Ахилло встал рядом. Теперь оба они находились за спиной бхота.

— Эй! — позвал майор. — Гражданин Гонжабов! Может, уйдем, ну его!..

— Нет... — еле слышно донеслось до них. — Нет...

Ерофеев чертыхнулся, но тут же умолк. Вдали послышался звук шагов — кто-то спускался по каменной лестнице. Майор поднял руку с пистолетом, подумал... опустил.

— Мать честная!

«Парабеллум» не понадобился. Человек был безоружен, если не считать сухого орехового прутика с пожелтевшими листьями.

— Здравствуйте, товарищ Семин! — Ахилло невольно улыбнулся. — Мы вас не обманули, в пещере действительно есть погребение. Не палеолит, но тоже интересное...

— Да, тавры. Седьмой век до нашей эры... — Теперь голос директора школы звучал обычно, только немного устало. — Очень интересная находка... Добрый вечер, товарищи!..

— Т-ты... Вы... — Майор помотал головой, словно увидев призрак. — Товарищ Семин, да е-мое! Да вы чего? Да вы же партийный!

Семин грустно улыбнулся.

— Ваш «профессор» из Ташкента, кажется, понял все сразу. А вы все же ошиблись. У вас карта Генерального штаба, секретная, археологам такие не выдают, даже копии снимать запрещают.

Он снял с плеч полупустой рюкзак, бросил его на пол и повернулся к Гонжабову.

— Я готов! — ореховый прутик рассек воздух. — Можешь начинать!

— Постойте, товарищ Семин! — Майор уже пришел в себя. — А ну бросьте эту дурь. Побазлали — и будя! Будем считать, что вышло недоразумение. Пошли в Перевальное, оттуда в Симферополь позвоним...

На лице директора школы вновь промелькнула невеселая усмешка.

— Правда? Вы не пошлете меня в ваш истребительно-трудовой лагерь? И мою семью не отправят в ссылку?

— Ты вот чего... — Ерофеев на секунду задумался. — Вижу, ты не зря про своего деда-шамана скрывал. Черт с тобой, скрывай и дальше! А так как ты человек, вижу, верующий, да еще верующий во всякую хрень, то с тебя спрос другой. Только язык больше не распускай да фокусы свои дурацкие брось. Че, Михаил, не будем его твоим орлам сдавать?

— Ни в коем случае! — Ахилло внезапно почувствовал огромное облегчение. — Мы сообщим, что товарищ Семин героически истребил отряд немецких диверсантов. Всем — медали и пряники к празднику...

Павел Иванович покачал головой.

— Я не желал и не желаю вам зла, товарищи. Вы — слепые, но тот, кто послал вас, к сожалению, зрячий. И здесь решать не вам... Ты, тибетский заброда, покажи, чему научили тебя твои бесы!

Ахилло бросился вперед, но руки уткнулись в невидимую упругую стену. Рядом ругнулся майор, потирая ушибленный локоть. Гонжабов поднял правую руку, легко двинул кистью — Семин пошатнулся, но тут же выпрямился и взмахнул прутиком...

...В глаза ударила яркая белая вспышка, ее сменила глухая чернота. Когда Голубой Свет вновь наполнил зал, бхот стоял все там же, а его противник отступил на шаг, держа перед глазами открытую ладонь. Сломанный прутик бессильно валялся под ногами. Руки бхота начали медленно сходиться, смыкаясь над головой. Семин резко выбросил ладонь вперед, но тут же, вскрикнув, опустил руку.

— Это все, чему научил тебя Кунтузампо? — В голосе Гонжабова звучало торжество. — Мои бесы учат лучше!

Он дернул ладонью. Семин пошатнулся, новый взмах — из рассеченного лба хлынула кровь...

— Стой, Гонжабов! — Ерофеев бессильно ударил рукой в невидимую стену. — Ты чего надумал, гад?

Ахилло застыл, не зная, что предпринять. Вспомнилась схватка у входа на Караби. Похоже, бесы в самом деле кое-чему научили обитателей неведомого тибетского монастыря...

Гонжабов вновь поднял руку, но Павел Иванович внезапно выпрямился, выбрасывая вперед открытую ладонь. Гонжабов покачнулся, упал на бок, но тут же вскочил, ударяя рукой по воздуху. Семин поднял ладонь, защищаясь, но правая рука тибетца резко рванулась вперед, худые смуглые пальцы сомкнулись...

Короткий крик. Павел Иванович схватился за грудь и начал медленно оседать на пол. Гонжабов стоял на месте, неспешно вращая кистью. Куртка на плечах Семина распахнулась, из-под порванной на груди рубахи текла кровь.

— Отправляйся к Шинджe! — презрительно бросил бхот. — Скажи, что Нарак-цэмпо кланяется ему. Запомни это имя, чтобы повторять его в преисподней!..

Семин опустился на колено, пытаясь схватить что-то невидимое, вонзившееся в сердце. Гонжабов вновь сжал скрюченные пальцы, его противник застонал и упал навзничь, прижимая руки к окровавленной груди...

Ахилло почувствовал, что невидимая стена исчезла. Не теряя времени, он оттолкнул бхота и бросился вперед. Ерофеев опередил его, первым склонившись над раненым.

— Мать честна!..

Ахилло лишь вздохнул. Сквозь разорванную грудь белели ребра, кровь лилась потоком, и было странно, что человек все еще жив. Белые губы шевельнулись:

— Я... сделал, что мог. Другие сделают больше...

— Я задушу твоего щенка! — Гонжабов уже стоял рядом, на смуглом лице застыла гримаса ненависти и злобы. — Я перебью твоих родственников до седьмого колена!..

— Я вернусь! — На лице умирающего внезапно мелькнула усмешка. — Я вернусь, Нарак-цэмпо! Мы еще встретимся...

Лицо пожелтело, голова слегка дернулась. Ерофеев опустил руку, сжимавшую запястье:

— Кончился...

Михаилу стало не по себе. То, что случилось, — неправильно. Они не должны были допустить такое...

— Глажданин майол! Заключенный Гонжабов пликаз выполнил!

От бесстрастия того, кого учили молчанию, не осталось и следа.

ГЛАВА 6

АФАНАСИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Кофе так и не допили. Чиф заявил, что пойдет писать отчет, и Лу с братом остались за столом одни. Бен встал, тихо подошел к двери, аккуратно ее прикрыл и вернулся на место.

— Три стоящих детали, — задумчиво проговорила сестра. — Безусый господин Чижиков, спецкоманда Волкова и Кровавый Рубин. Все остальное — лирика.

— Ничего себе лирика! — возмутился Бен. — Это был какой-то Босх! А то, что нас так быстро раскрыли, не удивляет?

— Нет, конечно. Дядя Сэм с его изоляционизмом играет в страуса, сунувшего голову в песок. О нас, конечно, знают, хотя их агентуры на Тускуле, надеюсь, еще нет... Жаль, что это так подействовало на Джона! Дам ему успокаивающее перед сном...

— Не поможет, Лу! — брат перешел на шепот. — Он уверяет, что взаправду видел этих... беленьких...

— Хорошо, что не зелененьких, — сестра улыбнулась. — Бен, этот фокус нам показывали еще на первом курсе! Легкий гипноз — и никакой мистики. К тому же ты сам недавно говорил про нашу биологию.

— Ты хочешь сказать... — оживился Бен, — что из-за наших отличий этот тип принял меня за колдуна, а Чифа за какого-то упыря?

— Может быть. У Джона эти отличия заметнее. К тому же... Ешь землю, что не проболтаешься!..

— Ем! — согласился брат и глотнул холодный кофе.

— Дядя Генри и тетя Полли много лет назад попали под какое-то излучение. Может быть, даже радиоактивное...

— Успокоила! — вздохнул Бен.

— Сегодня же возьму у Чифа анализ крови. Надеюсь, все это — просто байки. Вот пришлют сюда фольклористов, пусть изучают...

— Да здравствует тускульский здравый смысл! — Бен чмокнул девушку в щечку, заработав ответный щелчок по лбу. — А то я, признаться, немного одурел. Слушай, а может, здесь существуют аборигены тоже... с измененной биологией?

Сестра плечами.

— Теоретически — почему бы и нет. Вот выпустят меня отсюда, попробую узнать. А ты, Бен, намекни Джону, что я сюда не скучать ехала. Если ему не нравится моя легенда, то я стану провинциальной медсестрой...

— Устав комсомола выучила? — усмехнулся Бен.

— Ознакомилась. «Комсомолец обязан бороться с курением, пьянством и нетоварищеским отношением к женщине». Бен, а

может, мы зря мудрим, а? Подкинуть сюда оружия, собрать недовольных, взбунтовать лагеря...

— И сколько миллионов ты согласна уложить? — поморщился брат. — Помнишь, Дядя Сэм рассказывал о профессоре Семирадском? Тот считал, что революция — это болезнь, психическая эпидемия. А больных надо не вооружать, а лечить. Сначала ставить диагноз, потом завозить лекарства...

— А у господина Ленина все так просто, — грустно усмехнулась девушка. — Стоит перебить треть населения, и наступит всеобщее счастье. Знаешь, мы анализировали его статьи на практических по психиатрии...

— И выяснили, что они написаны параноиком?

— Представь себе, нет. Но вот воздействовать они должны именно на людей с отклонениями в психике. Там даже особый словесный ритм, который искажает сознание. При чтении создается эффект медитации...

— ...Для идиотов, — кивнул Бен. — Нет, психология — это не для меня. Лучше пойду в колдуны, пусть даже мелкие. Уверен, меня возьмут.

Улица, названная именем великого пролетарского писателя Максима Горького, расцветилась красными флагами и многометровыми лозунгами, напоминающими о необходимости встретить двадцатилетие Великого Октября новыми трудовыми успехами в борьбе за выполнение планов партии Ленина — Сталина. Оба вождя также присутствовали в виде многочисленных портретов, закрывавших порою полдома.

Бен не спеша шел по улице, прикидывая, что у жителей квартир, чьи окна оказались закрытыми усатой или бородатой физиономией, пролетарский праздник неизбежно ассоциируется с наступлением полярной ночи. Здесь, среди каменных громад Столицы, он наглядно ощущал, насколько еще слабы и немногочисленны те, кто живет на его родине. Скромные одноэтажные домики Сент-Алекса, небольшой крест на центральной площади с именами погибших первопроходцев, однокупольная церковь Всех Святых — все это казалось маленьким, почти игрушечным. Мощь большевистского царства, нелепая, но грозная, могла одним дуновением стереть то, что создали тускульцы за три десятилетия. Пока аборигены слепы, но стоит им прозреть и протянуть руку к Тускуле...

С Чифом они проспорили все утро. Командир ждал ответа на свое послание и не хотел отпускать кого-нибудь за пределы защитного поля. Бен считал подобную предосторожность излишней. Прошлой ночью они изрядно покрутили по городу, сбивая с

толку возможную слежку, а затем Бен проверил одежду специальным датчиком, во избежания возможных сюрпризов. Местные пинкертоны явно потеряли их след.

В конце концов ему удалось настоять на своем. Еще час потратили на снаряжение. Пришлось привлечь Лу, которая сразу же заявила, что из ее брата никогда и ни при каких обстоятельствах не получится пролетария. С ней согласились, и теперь на Бене было строгое черное пальто, серая кепка и такой же шарф — все по последней парижской моде. Его едва отговорили от смокинга: для столицы пролетарского государства это был очевидный перебор. Но даже и без смокинга Бен наконец-то почувствовал себя нормальным человеком. Перспектива носить экзотичную одежду аборигенов, особенно виденный им на фотографиях «ватник», ужасала еще на Тускуле.

Молодой человек добрался до нужного перекрестка и свернул налево. Этим маршрутом он еще не ходил и даже заранее не прорабатывал его на плане города. Оставалось надеяться на многолетние навыки в спортивном ориентировании. Правда, здесь была не Южная Степь и не долина Больших Ветров с ее зелеными скалами и прозрачными водопадами, но надо было научиться находить дорогу и в этом чудовищном рукотворном хаосе.

Пройдя три квартала, Бен вновь повернул налево и нырнул в небольшой тихий переулок, вскоре оказавшись на шумной улице, почти такой же широкой, как Горького, но с небольшим бульваром посередине. Взглянув на указатель, он возгордился — маршрут был избран точно. Именно на этой улице находился некий дом, где Бен рассчитывал найти интересующего его человека. Этому человеку он позвонил еще от станции метро, но женский голос сообщил, что тот, кто был нужен Бену, уехал в Дом писателей, где должно состояться обсуждение новой поэмы известного литератора со странной фамилией Гатунский. Упустить такую возможность было грешно, ибо писатели, как учили Бена в гимназии, являются голосом и совестью нации. К тому же за нужным человеком имело смысл понаблюдать со стороны, как и советовал бывший капитан врангелевской разведки Сергей Казимбек. Бен был уверен, что Джон сплоховал, поспешив на встречу с опереточным «Политбюро», к тому же иметь дело с большевиками, даже нелегальными, было противно. А вот человек, с которым Бен собирался поговорить, был вылеплен из совсем другого теста.

Любой контакт, даже мимолетный, требовал подготовки. Бен заглянул в несколько газетных киосков и нашел нужный журнал с поэмой Гатунского, называвшейся, как выяснилось, «Честь пионера». Оставалось вновь удивиться, ибо пионерами, как помнил Бен, именовались военные саперы, а также колонисты Дикого

Запада. Читать, однако, сей опус он не стал, решив пока использовать журнал в качестве пропуска в Дом писателей.

...Необходимость всюду предъявлять пропуска сразу же настроила Бена против этого города. Даже в такой мелочи чувствовалась мощь Системы, способной контролировать все, включая вход в Дом литераторов, охранявшийся не хуже оборонного наркомата. Правда, в кармане Бена лежала неплохо сработанная «липа», способная отворить почти любые двери в Столице, но лишний раз показывать фальшивку не хотелось.

Несколько минут Бен простоял у входа в Дом литераторов — приземистое трехэтажное здание с высокими стрельчатыми окнами, прикидывая, не стоит ли бросить опасную затею. Но вскоре он убедился, что в этот день пускали не по пропускам. Люди проходили внутрь, что-то говорили вахтеру и бодро спускались вниз, где, вероятно, был гардероб. У многих в руках были журналы, и Бен подивился многочисленности поклонников музы товарища Гатунского.

Решившись, он храбро вошел в вестибюль и, выставив перед собой журнал, веско проговорил: «На обсуждение!» То ли подействовал тон, то ли безукоризненный парижский наряд, но Бена пропустили, вежливо указав дорогу в гардероб, который действительно оказался в подвале. Уже на ступеньках он почувствовал на себе любопытные взгляды. Когда же пальто было сдано, молодой человек ощутил себя в центре внимания. Кажется, его новый костюм с темной рубашкой и светлым галстуком смотрелся здесь несколько экзотично. Отступать было поздно, и Бен поспешил отойти в сторону и слиться с толпой.

Людской поток вынес его по широкой лестнице в фойе. Обсуждение намечалось в большом зале, куда вела еще одна лестница, возле которой народу было особенно густо. Несколько минут Бен незаметно рассматривал разношерстную публику, но того, кто был нужен, заметить не удалось. Зато заметили его самого. На Бена откровенно косились, то и дело перешептываясь и кивая. Пару раз удалось услышать приглушенные реплики: «Из посольства...» Это было не худшим из вариантов, и Бен решил в случае чего отвечать с английским акцентом. Впрочем, излишне привлекать внимание все же не хотелось, и он, сделав круг, направился за несколькими серьезного вида мужчинами, которые явно куда-то торопились.

Путь, к его немалому удивлению, привел прямиком в буфет. Тут было людно и накурено. Бен быстро осмотрелся...

...Нужный ему человек сидел за одним из столиков совсем рядом. И самое удивительное, единственное свободное место было именно там...

Направляясь в Дом писателей, Бен не думал идти на контакт.

Но пустой столик в переполненном буфете выглядел словно перст судьбы.

— Разрешите?

Человек неторопливо поднял голову, поправил сверкающий монокль:

— Прошу вас.

Бен кивнул в ответ и нерешительно присел. Его учили, как надо вести себя при подобных встречах, но теперь перед ним сидел человек из совсем чужого мира. *Инопланетянин...*

— Я закурю... Вы не возражаете?

Бен не курил, хотя и носил в кармане портсигар, набитый «Казбеком». Вопрос был глупый, да и не так следовало начинать беседу. Впрочем, монокль снова сверкнул самым добродушным образом:

— Помилуйте, что за церемонии, молодой человек!

Бен достал папиросу, но отвращение перед табачным дымом пересилило — закурить он так и не решился.

— Разрешите... Два слова, Афанасий Михайлович...

В глазах человека были теперь легкое удивление и усталость:

— Желаете автограф? Простите, не имею чести...

— Бен... Или Александр, как вам больше нравится. За автограф спасибо, но я должен передать вам послание...

...Беседу с этим человеком он прорабатывал с Казим-беком несколько раз. Следовало завязать непринужденную беседу, вернуть несколько фраз по-французски, намекнуть на общих знакомых. Все шло не так...

— Вы, как я вижу, курьер, Александр?

Лицо оставалось спокойным и даже благодушным, но в глазах мелькнула настороженность.

— Да. Я передам вам журнал. Письмо — в нем.

Бен быстро вложил конверт в только что купленный журнал с поэмой о таинственном *пионере* и передал через столик, запоздало сообразив, что такое делать и вовсе не следовало. Но Афанасий Михайлович отреагировал на удивление спокойно. Он медленно перелистал журнал, достал конверт. Внезапно широкая ладонь дрогнула.

— Вот как... Я прочитаю сейчас, не возражаете?

Бен быстро оглянулся. Народу в буфете стало несколько меньше. Очевидно, вечер уже начинался.

— На нас не смотрят, — понял его собеседник. — Здесь смотрят на тарелку или в рюмку. У вас есть время?

Бен кивнул. Афанасий Михайлович распечатал конверт, развернул большой лист бумаги и снял монокль, сунув его в нагрудный карман черного фрака. Только сейчас Бен сообразил, что

этот человек одет, если судить по здешним традициям, весьма странно.

Шли минуты. Постепенно буфет пустел, лишь возле стойки сгрудилась веселая компания, явно не интересовавшаяся творчеством Гатунского. Наконец Афанасий Михайлович вложил письмо в конверт и грустно улыбнулся:

— Все это должно, насколько я понимаю, сжечь?

— Как хотите, — совсем растерялся Бен. — Вам виднее, Афанасий Михайлович...

Теперь он мог вручить вторую часть своеобразного пароля — небольшую цветную фотографию. Его собеседник подержал снимок в руке, покачал головой.

— Но почему же так поздно, Александр? Впрочем, наверное, не вас об этом спрашивать...

— Я... Я объясню, — Бен сглотнул. — Много лет всякие контакты с большевиками были запрещены. Только в этом году...

— И она обо мне вспомнила... Спасибо!.. Я прочитаю письмо еще раз и уничтожу, можете не беспокоиться... Ну-с, насколько я понимаю, это ваши верительные грамоты, господин Бенкендорф?

— Так точно, господин Бертяев, — Бен едва удержался, чтобы не вскочить и не щелкнуть каблуками. — Сочту за честь знакомство с вами!

— Ну, зачем же так! — Афанасий Михайлович явно удивился. — Неужели слава о моем творчестве достигла владений господина Богораза?

— Я не видел и не читал ни одной вашей пьесы, — горячо зашептал Бен. — Я даже не знал, что вы драматург. Но в 19-м году под Армавиром вы спасли жизнь молодому поручику — моему отцу. Ваша фотография висит в нашем доме, сколько я себя знаю! Может, вы помните? Отец любил петь песню... «Марш вперед! Трубят в поход...»

— «...марковские роты...» — на миг лицо драматурга помолодело, возле рта обозначились жесткие складки. — Как там Леон... ваш отец?

— Умер пять лет назад... Он всегда помнил вас и просил, если я вас встречу...

— Не надо! — широкая ладонь вновь дрогнула. — Ваш отец сделал для России куда больше, чем такие, как я. Давайте о другом... Знаете, Александр, еще тогда, в 19-м, я хотел спросить вашего отца, да все не решался... По поводу фамилии.

— А-а! — усмехнулся Бен. — Родственник и даже потомок. А что, здесь это многих смутит? Чекисты разыскивают потомков царских министров?

— Им это, пожалуй, даже понравится, — Бертяев уже пришел

в себя, лицо вновь приняло спокойный и чуть насмешливый вид. — А вот наша пишущая братия того и гляди задрожит, Александра Сергеевича вспомнив!

— Кого? — удивился Александр Бенкендорф. — Кого-нибудь из декабристов? Но мой пращур сам был членом «Ордена русских рыцарей».

Теперь удивился его собеседник:

— Я имею в виду Пушкина.

— Поэта? А-а!.. Знаете, я его не очень-то читал. Мы изучали русскую литературу факультативно...

Глаза драматурга внезапно потемнели.

— Вы... Русские... не учите в школах Пушкина?

Бену стало стыдно, причем не только за себя, но и за всю Тускулу сразу.

— Понимаете, Афанасий Михайлович, у нас в гимназиях можно выбирать программы. Я был во французском классе... Но русскую литературу у нас тоже учат, в университете есть русское отделение... Не судите нас! Мы ведь родились не на Земле...

— Да, — подумав, кивнул Бертяев. — «Иная жизнь и берег дальный...» Кажется, мы уже стали друг для друга... марсианами...

Бен чувствовал себя не лучшим образом. Излагать программу «Генерации» можно перед стариками в Сент-Алексе, перед утопистом Чифом, начитавшимся марксистских сказок, но не перед теми, кто жил на этой планете.

— Не марсианами, конечно... Но, Афанасий Михайлович!.. Наши родители, те, кто прибыл на Тускулу с Земли... ведь им не нашлось здесь места! На *этой* Земле их убивали, травили... Они постарались забыть, начать жизнь сначала. А для нас, их детей, родина — там...

— Как для американцев, которые постарались забыть об Англии, — улыбнулся Бертяев. — Вы правы, не мне вас судить... Ладно, это все лирика... Как я понял, вы тут не просто турист. Если нужна моя помощь, то я готов. Правда, шпион из меня никакой. Могу ответить на ваши вопросы, познакомить с любопытными людьми. Пожалуй, и все...

Бен не стал спорить, хотя те, кто направлял на Землю исследовательскую группу, возлагали на этого человека куда более серьезные надежды.

— Мы тоже не шпионы, Афанасий Михайлович. Мы не собираемся похищать военные секреты Сталина и подкидывать бомбы. Мы наблюдатели...

— А мы — объекты наблюдения, — вздохнул драматург. — Значит, ваше руководство не собирается вмешиваться в наши дела?

Бен едва сдержался, чтобы не сказать правду. Нет, еще рано!

— Да, мы не вмешиваемся в политику.

— То есть если — вопрос чисто гипотетический — какой-то здешний безумец попросит у вас помощи против режима?

Бену стало совсем кисло.

— Ни в коем случае!

— Хвалю! — Лицо Афанасия Михайловича застыло каменной маской. — Надеюсь, товарищ Сталин тоже оценит вашу... сдержанность. А если речь идет не о борцах, а о жертвах? Например... Надо спасти человека от голодной смерти?

— У вас... — Бен вздрогнул. — У вас люди умирают от голода?

— Час назад я был в гостях у сына одного моего давнего друга. Его самого давно нет в живых, погиб еще в 18-м. Сын его — талантливый художник, но ему очень не повезло. Неплохо начал, были персональные выставки, но год назад его фамилию упомянули в статье «Художники-пачкуны». Не читали?

— Нет, — удивился Бен. — Это что, фельетон?

Бертяев вздохнул:

— Да, господин Бенкендорф, вам придется долго изучать нашу, так сказать, реальность!.. Ну, с поэмой Гатунского вы хоть ознакомились?

— Не успел... Как я понял, это что-то детское? Из жизни ваших бойскаутов?

— Почитайте! — Афанасий Михайлович протянул Бену журнал. — Тогда вам станет немного понятнее. Так вот, этот молодой человек остался один. Картин у него уже не покупали, заказчики исчезли, знакомые, как это бывает, поспешили забыть. Я и мои друзья немного помогаем, но он серьезно болен. Его болезнь в СССР не вылечить...

— Понял, — прервал его Бен. — Где он живет?

— Вы ему действительно поможете?

Внезапно Бену показалось, что его попросту проверяют. Подумав, он рассудил, что так и должно быть.

— Мы ему поможем, господин Бертяев. А мне для начала хотелось бы просто познакомиться с людьми...

— Приходите ко мне завтра в четыре часа, — улыбнулся Афанасий Михайлович. — Вид у вас нездешний, так что я намекну, что вы иностранец. Где я живу, вы, наверно, знаете?

— Да. Спасибо, — Бен встал. — Назовите адрес этого художника...

Распрощавшись, он вышел в коридор. Идти на обсуждение поэмы Гатунского расхотелось, и Бен начал не спеша прогуливаться по пустым коридорам, с интересом разглядывая портреты местных знаменитостей. Можно было спокойно поразмышлять.

...Разговор получился более чем интересным. Драматург знал о Тускуле. Знал — и пошел на риск, намекнув о каких-то «безумцах». Кажется, он неплохо разбирается в людях, сразу же сообра-

зив, что потомок начальника III Отделения не имеет к здешним жандармам ни малейшего отношения. Разговор о больном художнике затеян тоже неспроста. Очевидно, это своеобразный тест...

Бен изучил вывешенный на самом видном месте список очередников на жилплощадь, еще раз подивившись здешним обычаям. Итак, тест: не побоятся ли гости с Тускулы помочь человеку, от которого отвернулось здешнее «общество»? Значит, понадобятся деньги, а посему пора пускать в дело «батарею Кента». Деньги — и лекарства. Кажется, настал час и для сестренки Лу — графини Любови Леонтьевны Бенкендорф...

Чиф слушал доклад Бена равнодушно, не задавая вопросов. Лу, напротив, проявила явный интерес, тут же забрав у брата журнал, дабы ознакомиться с поэмой. То, что ей наконец-то можно будет выйти в незнакомый мир Столицы, вызвало еще более бурную реакцию: девушка предлагала завтра же отправиться по указанному Бертяевым адресу.

Косухин по-прежнему молчал, и Бен, не выдержав, поинтересовался, не означает ли сие молчание командирскую немилость. Его приятель покачал головой:

— Ты сработал все о'кей. Преклоняюсь...

Сам того не ожидая, он перешел на английский.

— Так чего ты такой вареный? — поинтересовался Бен тоже на привычном американском жаргоне.

— Правда? Все в норме, только Пушкина придется перечитать. Как видишь, наши родичи считают его великим поэтом...

Бен скривился.

— Предпочитаю Маларме и Леконта де Лилля... Ладно, как насчет Лу?

— Да, насчет меня! — подхватила девушка. — Джон, я уже все придумала! Скажу, что я — из местной поликлиники... Едва ли у меня будут проверять документы.

— Хорошо, — кивнул Чиф. — Только... Бен, проследи, чтобы Лу оделась как-нибудь...

— Поуродливее, — вздохнула девушка. — Мужские ботинки на два размера больше, темный плащ, платье с воротником до ушей...

— Именно. А теперь, ребята, слушайте. Я получил ответ от Казим-бека...

На стол легла бумага, исписанная ровным, четким почерком.

— Вот... «Господину Косухину, руководителю...» Пропускаю... «На ваш № 23 отвечаю...» Вот: «Ваше поведение считаем правильным, в дальнейшем же рекомендуем...»

— Стиль старой русской разведки! — усмехнулся Бен. — «Рекомендуем» — звучит!..

— Вечно ты перебиваешь! — возмутилась сестра.

— Продолжаю... «Первое — разработку линии «Официальное подполье» временно прекратить. Второе — начать разработку запасного варианта»...

— Это мы уже сообразили, — вновь не выдержал Бен.

— «Третье. Обратить особое внимание на поиски контактов с Тернемом. При этом обязательно следует учитывать новую информацию, которая будет вам направлена дополнительно...» Вот эта информация...

Чиф достал еще один лист бумаги, но читать не спешил.

— Да что случилось? — не выдержал Бен. — Тебя что, обратно отзывают?

— Еще нет, — Чиф нерешительно подержал бумагу в руках и вновь положил ее на стол. — Сначала послушайте, а потом сами скажите...

Он секунду помолчал, затем стал читать ровным, спокойным голосом:

— «При направлении группы «Пространственный Луч» в СССР руководство исходило из потенциальной угрозы существования в этой стране оборудования пространственной связи, что может угрожать безопасности Тускулы. Ввиду этого вам ставится задача выйти на контакт с Александром Тернемом — участником экспериментов профессора Глазенапа. В силу открывшихся в последнее время данных, существование в СССР подобного оборудования можно считать доказанным. Вчера, после получения вашего № 23, состоялась беседа с господином Косухиным Степаном Ивановичем. Беседа проходила в кабинете Его Высокопревосходительства Председателя Государственной Думы РТОТ господина Богораза в его присутствии. В ходе беседы было выяснено следующее:

В 1920 году в ходе выполнения спецзадания командования РККА господин Косухин познакомился с уже известным вам Волковым-Венцлавом, который имел приказ помешать выполнению программы «Мономах». Волков, по имеющимся данным, является личностью с измененной биологией, возможно, вследствие экспериментов, проводившихся по указанию Дзержинского в 1918 году. В результате последующих событий господин Косухин был вынужден эмигрировать на Тускулу. Исходя из этого, существование могилы на Донском кладбище и факт «похорон» в апреле 1921 года могут считаться мистификацией:

1. Друзей господина Косухина, стремившихся сбить Волкова-Венцлава и его агентов со следа.

2. Самого Волкова-Венцлава с целью скрыть факт невыпол-

нения приказа. Поэтому слова Волкова и лиц, назвавшихся «Чижиков», «Иваныч» и «Тарек», не могут считаться достоверными, поскольку не исключена возможность введения их в заблуждение или сознательной лжи с их стороны.

Однако в ходе беседы выяснилось обстоятельство, на которое в 1921 году не было обращено должного внимания. В это время (апрель 1920-го — август 1921 г.), после ликвидации установки «Пространственного Луча» в Париже, на Земле не действовала ни одна установка подобного типа, известная кому-либо из участников проекта. Ввиду этого появление господина Косухина на Тускуле может быть объяснено только одним — наличием подобной установки в руках иных лиц. Дать какие-либо объяснения по этому поводу господин Косухин не смог или не пожелал, кроме соображений, которые он изложил Его Превосходительству в беседе с глазу на глаз.

Не считаю возможным скрыть, что ввиду деликатности проблемы господин Косухин потребовал проведения тщательного расследования, до окончания которого объявил о своей отставке со всех государственных и общественных постов. Его Превосходительство категорически отверг такую возможность, равно как и отстранение вас, уважаемый Иван Степанович, от руководства группой «Пространственный Луч». Само расследование, прежде всего относительно наличия в СССР упомянутой установки, поручается вам. Прошу сообщить свои предложения в ближайшее время.

Ваш Казим-бек. № 41-20».

Чиф спрятал бумагу и вопросительно посмотрел на Бена.

— Так в чем дело? — удивился тот. — Ну, бурные биографии у наших родителей, и что? Дядя Генри занимался чем-то сверхсекретным, отсюда и ложная могила...

— Помнишь слова Венцлава?

— Про колдунов и упырей? Уж не знаю насчет осинового кола, но нервы тебе надо подлечить. Кстати, Лу, где твой обещанный анализ крови? Лу, чего молчишь?

— А? — Девушка встрепенулась. — Нормальный анализ. Лейкоциты в норме, РОЭ и сахар — тоже в норме.

— Ну и порядок, — наставительно произнес Бен. — Упырь нашелся! Да он тебя специально из равновесия выводил, чудик! Неужели не ясно?

— Ясно, ясно, Бен, — Чиф задумался, поглядел на Лу. — Вот что, сходи-ка полей фикус!

— Я?! — Бен от возмущения даже привстал. — Ну знаешь! По-моему, мы вроде как делом заняты...

— И хорошо полей! Как понял?

— Так бы и сказал, что мне надо вон выметаться, — буркнул Бен, наконец-то сообразивший, что злосчастное растение совершенно ни при чем. — Лу, если он тебе будет глупости говорить, зови!..

Чиф подождал, пока хлопнула входная дверь, и повернулся к девушке:

— А теперь выкладывай! И не вздумай спрашивать, о чем.

— О чем? — невозмутимо отозвалась Лу, вставая. Выйдя в соседнюю комнату, она тут же вернулась и положила на стол небольшой листок бумаги.

— Читай! Все в норме!..

Их глаза встретились, и девушка, не выдержав, первой отвела взгляд.

— Ты врач, Лу! Ты не имеешь права...

— Имею, — негромко проговорила она. — Именно потому, что я врач. Подробности сообщу только на Тускуле...

— Это приказ, Любовь Леонтьевна!

Девушка дернула плечом, отвернулась.

— Как хочешь... Но лучше бы ты просто мне поверил, Джон... Хорошо!.. Кровь, если ты помнишь, состоит из плазмы, красных кровяных телец — эритроцитов, затем белых — лейкоцитов...

— Помню, — поторопил Чиф. — Можешь не читать лекции.

— ...а также кровяных пластинок, называемых иногда «тромбоцитами». Все это у тебя в наличии, причем в оптимальном количестве...

— Не тяни, Лу!

— А ты не перебивай... Тогда я решила исследовать кровь под микроскопом. В общем, получилось вот что...

Девушка вооружилась карандашом и начала что-то быстро рисовать на бумаге. Чиф внимательно следил, время от времени кивая и подсказывая, но затем умолк, глядя, как карандаш летает по бумаге, оставляя легкие следы в виде странных ромбов, окружностей и цилиндриков.

— Постой... — наконец не выдержал он. — Кажется, сообразил. И что из этого? Высокая сворачиваемость?..

— Не только... — девушка помолчала, нерешительно постукивая карандашом по рисунку. — Понимаешь...

В дверь поскреблись:

— Еще поливать?

— Сгинь! — резко бросила Лу. Из-за двери послышался горький вздох. — Понимаешь, Джон, по всем показателям ты абсолютно здоров, а этого... не должно быть. Твоя кровь не совсем...

— Человеческая? — понял Чиф. Девушка замялась.

— Да. Обычный человек с такой кровью жить бы не смог. Зна-

чит, есть серьезные изменения в нервной системе, во всех кроветворящих органах...

— И в костном мозге... Странно, ведь меня каждый год обследовали!..

— Это никак не проявляется, — вздохнула девушка. — Нужен очень мощный микроскоп, чтобы увидеть. Джон, а тебе не делали переливания крови?

— Нет, — Чиф медленно встал и отвернулся. — Равно как пересадок селезенки и спинного мозга. А я-то думал!.. Вот, смотри...

Он положил на стол листок с анализом и прикрыл глаза. Прошла секунда, другая — листок медленно взмыл вверх.

— Это каждый из нас может, да?

— Практически каждый, — кивнула девушка. — Знаешь, я тоже подумала, что это мы все такие, поэтому проверила свою кровь, а заодно и Бена. У нас есть отклонения, но минимальные...

Белый листок по-прежнему висел в воздухе, чуть подрагивая от еле ощутимого сквозняка.

— Минимальные... — задумчиво повторил Чиф. — Смотри!

Листок дрогнул и начал медленно опускаться вниз, коснулся ладони, вновь дрогнул, но не остался лежать, а чуть наклонившись набок, пошел сквозь руку...

— О господи! — девушка вскочила, отшатнулась.

— Это у меня лет с четырнадцати. Родители просили никому не говорить... В общем, сквозь стены проходить не могу, но кое-что...

Рука дрогнула, а затем резко упала на поверхность стола. Лу охнула: кисть прошла сквозь дерево — раз, другой...

— Хватит, я поняла... Джон, я, наверное, должна была тебе сказать раньше, но такое считается врачебной тайной... Еще до твоего рождения тетя Полли и дядя Генри попали в какой-то научный центр. Там был огромный красный кристалл, похожий на рубин, через который пропускали синее излучение... У тебя очень сильные генетические изменения...

Чиф молчал, по-прежнему глядя в сторону. Девушка тряхнула головой:

— Да приди в себя! Какая, в конце концов, разница? Забудь обо всем до возвращения, а там, если хочешь, зайди в лабораторию медицинского центра. Да и то — надо ли? Ведь ты нормален!..

— Пока нормален, — негромко возразил Чиф. — До четырнадцати лет у меня такого не было. Значит, изменения только начались... Ты как, Лу, любишь лягушек потрошить?

Бена пришлось звать долго. Он обиделся, заявив, что намерен отныне ночевать у входной двери рядом с фикусом — его единственным другом. Заманить его удалось только напоминаем, что ужин уже на столе.

После ужина Чиф закрылся в лаборатории, попросив не бес-

покоить. Несколько удивленный Бен, собиравшийся проводить пробный сеанс связи, пожал плечами и устроился в гостиной на диване, лениво перелистывая словарь советских неологизмов, специально подготовленный кафедрой современного русского языка университета в Сент-Алексе. Лу, закончив свои дела, присела рядом, погрузившись в чтение отобранного у брата журнала.

Бен, испытывая некоторое недоумение, старательно штудировал словарь. Язык предков, по его мнению, превратился в какую-то тарабарщину. Полагалось говорить вместо «жалованье» — «зарплата», «синема» превратилось в «кино», причем с ударением на втором слоге, отчего «синематограф» стал «собачьим театром». Особенно удивили загадочные «октябрины», заменившие «день Ангела». Слова же «Вторчермет», «Охмадет», «Наркомзем» и «Тяжмаш» Бен старался пропускать, не читая. Окончательно добил его СЛОН, превратившийся из симпатичного животного в страшный концлагерь на Соловках. Бен напрягал память, запоминая, но в глубине души понимал, что в самый неподходящий момент обязательно сорвется, назвав, к примеру, наркома «милостивым государем», а трактористку Пашу Ангелину — «мадемуазель»...

— Бен, это же страшно! — Лу отложила в сторону журнал и растерянно потерла виски.

— Что именно? — Брат взял в руки журнал и с выражением прочел: «Деревья по ветру качались, шумело поле спелой ржи. В овраге кулаки собрались, точили острые ножи. Желая заслужить награду, о преступленьи вели речь: устроить тайную засаду и пионера подстеречь...» И что тебя удивило? Растопчинский стиль, конечно, но чего ты ожидала?

— Да при чем тут стиль! — возмутилась сестра. — Знаешь, о чем тут? Один бойскаут узнал, что его отец совершает должностное преступление, и сообщил в контрразведку. А дядя этого бойскаута вместе с другими родственниками подстерег парня и прикончил. Представляешь?

Бен зевнул.

— Помнишь песню про Хорста Весселя? У нас, кажется, есть пластинка. Типичное тоталитарное мышление. «Наши маленькие детки нынче служат в контрразведке...»

— И ты так спокойно об этом говоришь? Они же больные! Дети доносят на родителей, родители подстерегают детей в засаде... Что мы тут можем сделать, не представляю...

— Лу, прежде всего — меньше эмоций, — наставительно заметил брат. — Пойми, ты имеешь дело с произведением художественной литературы, написанным в пропагандистских целях...

Сестра помотала головой:

— Это действительно было где-то на Урале. В предисловии

сказано — реальный факт. Горький заявил на съезде писателей, что этому бойскауту надо поставить памятник...

— А кто такой Горький? — равнодушно отозвался Бен, перелистывая журнал. — Хватит читать такое, вкус испортишь!.. Лу, мы имеем дело с болезнью. А если так — надо не возмущаться, а лечить. Вот завтра я схожу кой-куда, понаблюдаю за местными Гомерами, может, и этого Гатунского встречу. Что ему передать от тебя?

— Что он гвок, — буркнула сестра.

— Охотно. Только не поймет. Наш фольклор они не изучают... Интересно, чего там Джон поделывает? Он просил меня настроить передатчик, наверное, хочет поговорить с Казим-беком... А помнишь, мы мечтали о том, какие тут у нас будут приключения? Как будем спасать приговоренных сталинскими сатрапами, расклеивать листовки, создавать партизанские отряды? Помнишь, когда мы играли в «красные-белые», никто не хотел быть красным, кроме Джона?

— Почему? — удивилась Лу. — Я тоже часто была за красных, по-моему, ты тоже.

— Из-за Джона...

— Факт есть факт. Ну а насчет приключений, так, по-моему, уже на первом курсе все стало ясно. Ты же сам говорил, мы тут не нужны.

— Это и обидно, — подхватил брат. — Ну ладно, я, как известно, циник и эгоист, и вообще, мне наши дела ближе. Но представь себе, если бы Президент Сэм объявил набор волонтеров. Да половина наших стариков записалась бы! Прибыли бы сюда с трехцветными знаменами...

— В Европе больше миллиона русских. Некоторые из них пытаются вернуться. Насколько я знаю, бойскауты сообщают о них в контрразведку, а суды приговаривают к расстрелу...

— А народ безмолвствует, — задумчиво проговорил брат.

— Отчего же безмолвствует? Рукоплещет! Народ счастлив, что существуют колхозы, лагеря и НКВД. В этом-то и ужас. Боюсь, сумей мы, или кто другой, опубликовать или распространить материалы о репрессиях — на Западе их уже немало, нас бы просто не захотели слушать. Нет, тут что-то не так...

— Поэтому мы не будем больше играть в «красные-белые», — кивнул Бен. — Наше дело — выполнять приказ руководства, не вмешиваясь во внутренние дела товарища Сталина и его шакалов. А жаль! Честно говоря, я бы с удовольствием занялся хотя бы этим безусым. Чиф — гений! В первый же день вышел на что-то очень важное... Чушь какая-то — подпольное Политбюро прямо в центре Столицы!..

— Официальное подполье, — отозвалась сестра. — Умные

диктаторы назначают не только министров, но и руководителей подполья. Взамен гарантируется нечто вроде личной безопасности. Чифа, по-моему, и вывели на такую структуру. Могу себе представить, кого бы они отобрали нам для Тускулы!

— Постой-постой, — заинтересовался Бен. — Но в таком случае они бы не стали допрашивать его о дяде Генри. Согласились бы — и все.

Лу развела руками:

— Нам их логики не понять. Боюсь, придется отбирать людей самим. Погляжу-ка завтра на этого художника. Может, у него есть знакомые — из тех, кто не побоялся...

Она вновь взяла журнал и принялась перелистывать критические статьи в конце номера. Тут дело пошло спокойнее, и девушка даже начала проявлять нечто, похожее на обычный читательский интерес. Бен вновь погрузился в словарь, пытаясь представить, как нужно обращаться к разным должностным лицам, а также к соседям по очереди и трамвайным попутчикам. При должном усилии все это можно заучить, но обращаться к особам женского пола со словом «товарищ»!.. «Товарищ, вы не желаете сходить со мной на «Норму»?..»

Неожиданно отворилась дверь. Чиф вошел в комнату, секунду-другую постоял на пороге, затем присел к столу.

— Леди, джентльмены, прошу...

Бен и Лу переглянулись, но переспрашивать не стали.

— Проводим деловую игру. Бен, ты руководитель группы «Пространственный Луч». Обстоятельства — наши. Состав — ты и Лу. Время — начиная с завтрашнего утра. Твои действия?

Бен щелкнул пальцами:

— О'кей, товарищ командир, приступаю... Завтра Лу отправляется к нашему больному. Кроме оказания помощи, она попытается установить контакты с его знакомыми из числа местной богемы. Сам я иду к Бертяеву, где буду побольше слушать и поменьше говорить. А послезавтра постараюсь сходить на демонстрацию, чтобы ощутить местный шабаш изнутри. Ну а в перспективе...

Он помолчал, затем заговорил совсем другим тоном:

— По-моему, ключ в Бертяеве. Уверен, он не просто «внутренний эмигрант», как здесь принято выражаться. Думаю, именно через него удастся начать отбор людей для Тускулы. Затем надо прощупать «официальное» подполье. Если это не провокаторы, то продолжим переговоры, но уже без всяких условий с их стороны. Они представляют кандидатов, мы — отбираем. И осторожно выходим на Тернема. Тут возможны варианты...

— Лу? — Чиф повернулся к девушке. Та пожала плечами:

— Я в руководители группы никогда не намечалась, но с

Беном, как ни странно, согласна... Я хочу устроиться в научный центр, где можно провести исследование по психиатрии. Куда устраиваться и каким образом, еще не знаю, но постараюсь поскорее выяснить. Думаю, если бы Бен был руководителем группы, то не посмел держать меня взаперти!

— Надейся, надейся, — хмыкнул брат, тут же заработав подзатыльник.

Чиф помолчал, затем кивнул и наконец сказал:

— Хорошо, действуйте. Только, Бен, учти: ничем другим вы с Лу заниматься не должны. Все ясно?

— А ничего не ясно, — отпарировал тот. — Это что, продолжение деловой игры?

— Уже нет. С завтрашнего утра ты руководитель группы. Казим-бек назначение утвердил. Вот твой личный шифр.

Бен повертел в руках небольшой белый конверт и, не распечатывая, сунул в карман:

— Чиф... Джон... Тебя что, отзывают на Тускулу?

— Не дождешься! — усмехнулся Косухин-младший. — Я подал рапорт Казим-беку, чтобы он разрешил мне действовать самостоятельно и по отдельной программе. Тебе подчиняться не буду. Возможно, скоро мне придется уехать, по крайней мере, на время. Вопросы есть?

— Вопросы? — поразился Бен. — Ну, знаешь! Какая еще отдельная программа? Ты чего надумал? Разве это по-товарищески?

— Вам неясен приказ, Александр Леонтьевич?

Бен моргнул, все еще не веря, затем криво усмехнулся:

— Куда уж яснее, Иван Степанович!

Он поглядел на сестру, но Люба Бенкендорф смотрела куда-то в сторону, явно не желая вступать в разговор.

ГЛАВА 7

«НЕ НАВРЕДИ!»

Михаил сидел в глубоком кресле, закутавшись в теплый ватный халат и укрыв ноги полосатым шотландским пледом. Картину довершал легкий шарф, укутывавший горло. В жарко натопленной комнате приятно было думать о холодной мгле за окнами, а немецкий радиоприемник как раз начал трансляцию джазового концерта.

Михаил был слегка простужен, что дало ему законное право объявить себя больным. Вообще-то, больничных листов он никогда не брал. Исключением были две недели, проведенные в госпитале: тогда хирургам пришлось изрядно повозиться, вынимая осколки гранаты из предплечья. Простуда, полученная в самолете, на котором довелось возвращаться из Симферополя, была

пустяковой, но Ахилло не мог отказать себе в редком праве немного поболеть. Это напоминало детство, когда он, смышленый и нахальный шкодник, умудрялся проводить дома целые недели, пользуясь добротой матери. Маленького Микаэля усаживали в кресло, укутывали горло шарфом и начинали лечить...

Матери давно уже не было на свете, и Михаилу пришлось все проделать самому. Отцу он уступил единственное право — подогреть на кухне молоко, тоже входившее в обязательный ритуал. В семье не очень верили в лекарства из аптеки.

— Микаэль! — Отец заглянул в комнату. — Подогреть погорячее?

— Ни в коем случае, — слабым голосом отозвался болящий. — Главное, меду побольше. Возьми липового.

— Но... Молоко должно быть горячим! — заволновался отец. — Мне очень не нравится твой кашель! Надо было телефонировать доктору Абрикосову...

Доктор Абрикосов лечил еще отца, когда тот был маленьким. Михаил даже не решался представить, сколько старику сейчас лет.

— Ничего, пап! — улыбнулся младший. — И так поправлюсь. Не спутай: липовый — он белый. Большая банка в шкафу слева...

Старый актер вздохнул и отправился на кухню. Они виделись редко, хотя и жили в одной квартире — в тех самых двух комнатах, где семья нашла приют в конце 20-х. Ахилло-старший, объездив с разъездной труппой пол-России, наконец решил осесть в Столице, устроившись администратором в один из второразрядных театров. К странной профессии сына он отнесся с легким ужасом, по старинке именуя НКВД — «чекою». Соседей бывший актер уверял, что Михаил служит в городской милиции, что, по его мнению, было несколько престижнее. Нечего и говорить, что Ахилло-младший ничего не рассказывал отцу о службе. Единственное серьезное ранение удалось скрыть, послав телеграмму о срочной командировке в Забайкалье.

Михаил знал и то, что отца не раз собирались «вычистить» со службы за аполитичность и чуждое происхождение, но каждый раз кто-то вовремя вспоминал, где служит сын старого актера. Правда, это имело и оборотную сторону: случись с капитаном беда, обычная для его профессии, никто уже не помешает выбросить отца с работы, из квартиры, из жизни...

Михаил слушал джаз, предвкушая вкус теплого молока и липового меда. Хорошо было вновь почувствовать себя, хоть ненадолго, свободным от всех забот.

...Доставив Гонжабова с аэродрома в Теплый Стан и получив необходимую бумагу, Ахилло тут же поехал в Большой Дом. Его принял заместитель Альтмана — молодой незнакомый майор, явно из «выдвиженцев». Выслушав доклад и едва подавив зевок,

он сообщил, что решение об откомандировании капитана в Теплый Стан остается в силе. Михаилу рекомендовалось изредка заглядывать в Большой Дом с короткими рапортами.

Тон не понравился — так разговаривают с человеком, о котором забыли. Итак, полгода назад Ахилло отстранили от агентурной работы, а теперь вообще удалили из Главного Управления. Что могло быть следующим шагом, догадаться не составляло труда.

Михаил заглянул в знакомый кабинет, где еще совсем недавно работала их группа, но никого не застал. Карабаев отбыл в очередную командировку, на этот раз в Свердловск, где местные сотрудники вышли на след террористической группы. О пропавшем Пустельге никто ничего не знал — или не хотел знать. В конце концов Михаил махнул на все рукой и отправился домой — болеть...

В прихожей зазвенел колокольчик, но Михаил не обратил на это внимания, решив, что к соседям по квартире явились очередные гости. Соседи, переселившиеся сюда пару лет назад, попались наглые и крикливые, но их тон мгновенно изменился после того, как однажды младший Ахилло забежал домой в форме и с револьвером. Михаил смог ощутить реальную пользу от своей нелегкой работы если не для всей Страны Советов, то хотя бы во всеквартирном масштабе.

— Микаэль! — В полуоткрытую дверь заглянул удивленный отец. — К тебе гости. Господин... то есть, пардон, товарищ Ерофеев...

Ахилло-младший тут же вскочил, сдергивая шарф с шеи, дабы не попадаться на глаза майору в подобном виде. Но Ерофеев уже входил в комнату, неся с собой уличную сырость и едва заметный запах хорошего вина.

— Здоров, капитан! — Он не без изумления осмотрел закутанного в плед Ахилло. — Да ты чего, захворал?

— Микаэль серьезно болен! — возвестил отец, появляясь с чашкой горячего молока. — Надеюсь, вы, господин... пардон, товарищ Ерофеев, поможете убедить его обратиться к хорошему врачу!..

— Чего, и вправду? — взволновался майор, на которого явно подействовал вид горячего молока.

Ахилло засмеялся, вскочил с кресла и пожал руку бывшему пограничнику:

— Ерунда! Кашляю... Проходи, Кондрат! С отцом познакомился?

— Первым делом! Мы с Александром Аполлоновичем сразу же знакомство свели. А я еще думал, чего это ты в документах не Михаил, а Микаэль?

— Микаэлем звали его прадеда, — пояснил старый актер. —

Он выступал вместе с самой Бозио, когда она приезжала в Петербург. Он был великий тенор!

Майор почесал затылок, очевидно, соображая, что это могло означать. Взгляд вновь упал на молоко:

— Так ты, капитан, лечишься? А я грешным делом...

В руках Ерофеева, словно по волшебству, появилась бутылка.

— «Массандра», пять лет! — с гордостью сообщил он. — Кстати, крымская.

Ахилло не мог не признать, что вкус у Ерофеева неплох.

— Микаэль, — пробормотал отец, — в твоем состоянии!..

Ахилло-младший хмыкнул, отставил в сторону молоко и не без удовольствия взял в руки заслуженную бутылку, любуясь медалями на этикетке. Отец вздохнул и поплелся на кухню, сообщив, что принесет что-нибудь закусить. Тем временем Михаил извлек из серванта три хрустальные стопки и штопор.

Вскоре на столе появились бутерброды и прочая, столь необходимая в подобных случаях мелочь.

— Ну чего? — Майор поднял стопку, наполненную темно-рубиновым, похожим на загустевшую кровь вином. — Александр Аполлонович! Михаил! Первую, как положено, за прошедший праздник и за товарища Сталина, вдохновителя наших побед!

Ахилло-старший покорно вздохнул — такие тосты все еще казались ему непривычными, Михаил же воспринял слова Ерофеева как должное. Вино было отменным, а застольный ритуал даже забавлял его, напоминая древнеримские возлияния в честь богоподобных Цезарей.

Вторую выпили за знакомство. Ерофеев шутил, рассказывал о своей давней службе на границе. Михаил заметил, что из речи майора исчезли любимые крепкие словечки — Ерофеев хорошо ориентировался в обстановке. Ахилло-старший вскоре проникся явной симпатией к столь колоритному сослуживцу сына. Но наблюдательный капитан видел, что веселье Ерофеева напускное, неожиданный визит вызван чем-то более важным, чем желанием распить бутылку «Массандры».

После третьей, выпитой за здоровье хозяина, Ерофеев хлопнул себя по карману, предложив Михаилу выйти на лестничную площадку и покурить. На лестнице майор первым дело тщательно прикрыл дверь, а затем кивнул на площадку около окна. Спустившись вниз, Ерофеев щелкнул зажигалкой, но Михаил покачал головой: курить расхотелось.

— Что случилось, Кондрат?

— А что? — простодушно откликнулся майор. — Как положено! Чуть выговор не впаяли.

Михаил кивнул, ожидая продолжения.

— А все из-за этого Семина. Мол, недосмотрел...

— А откуда ты мог знать? — удивился Ахилло.

— Откуда? Оттуда! Были же сигналы... Я и вправду маху дал. Дед его был не шаманом, а, мать его, «шамашем». Это вроде дьячка у караимов и крымчаков. Прошляпил, в общем... Да и Гонжабов, сука, бумагу накатал, чтобы жену и пацаненка арестовали как соучастников.

— Арестуют?

Михаил вспомнил красивую женщину, открывшую им дверь гостеприимного дома в Перевальном, мальчика, просившегося в экспедицию...

— Наверняка. Мы тут ни фига не сделаем. Если б не Гонжабов, гад, договорились бы с Семиным, думаю. Умный ведь человек был, образованный...

— Он бы уверен, что Голубой Свет будет использован во зло! — не выдержал Ахилло.

— Его, наверное, с детства обрабатывали, — пожал плечами майор. — Клерикальные, мать их, элементы! Сам бы сообщил — небось орден Ленина мигом дали...

Вновь вспомнился залитый мерцающим светом подземный зал, окровавленное тело на каменном полу, ликующий голос бхота... Что-то они сделали не так! Но что?

— Надо было этого Гонжабова... при попытке к бегству, — вновь не удержался он.

Ерофеев хмыкнул:

— Ишь, какой кровожадный! Я бы его сам в расход вывел, скверный он человечишка... Да нельзя, государству потребный. А теперь слушай сюда, капитан...

Громкий голос Ерофеева понизился до шепота.

— Меня замнаркома наш вызвал. То да се, а потом про тебя разговор пошел. Он велел тебе передать — без свидетелей: твои, в Большом Доме, громадный на тебя зуб заимели. Будто ты с командиром твоим, Пустельгой, специально саботажем занимался. Сейчас Ежов чистку проводит — чужаков в центральном аппарате ищет. На самом верху думают, что «Вандея» эта потому не ловится, что ее люди в Большом Доме сидят, смекаешь? И в областных управлениях тоже чистят... Пустельга этот, как думаешь, перебежал?

— Куда? — скривился Ахилло. — К японцам, что ли? По-моему, эта «Вандея», если она существует, очень ловко сыграла в переводного. А Пустельгу убрали потому, что он слишком близко к «Вандее» подобрался...

— А куда это он подобрался? — тут же поинтересовался Ерофеев. — Если знаешь, шепни! Мы сами разберемся, а тебя прикроем, будь спокоен. На тебя ни одна собака не тявкнет!

— Подумаю...

Причина неожиданного визита Ерофеева теперь становилась очевидной. НКГБ собирался сам выйти на таинственное подполье.

— Подумай, — кивнул майор, затаптывая окурок. — Ну пошли, у меня для тебя подарок имеется.

Подарок был торжественно извлечен из большого портфеля, принесенного гостем. Михаил не без удивления взял в руки тяжелый футляр темной кожи.

— Бинокль?

— Ага! — кивнул майор. — Не просто бинокль. Глянь-ка на улицу да свет потуши.

Похоже, готовился сюрприз. По команде Ерофеева Ахилло-старший щелкнул выключателем. Михаил поднял бинокль, глянул на темную улицу. В глаза ударил свет — зеленоватый, неестественно яркий. Улица была видна словно днем: выбоины тротуара, водопроводные люки, потрескавшиеся стены старого дома напротив...

— Александр Аполлонович, теперь вы! — распорядился довольный Ерофеев. Послышался изумленный вздох — отец опустил бинокль и растерянно покачал головой.

— Врубай свет! — Майор подошел к столу и плеснул в стопки остаток вина. — Это тебе, Михаил, подарок от руководства. Помнишь, мы говорили про бинокли, чтобы ночью смотреть? С инфракрасным светом которые? Так что пользуйся, чтобы во всем ясность была. За то и выпьем!

После этого многозначительного тоста Ерофеев извинился за непрошеное вторжение, пожелал Михаилу быстрее выздороветь, а Ахилло-старшему — вообще не болеть, и откланялся.

— Приятный молодой человек, — заметил отец. — Помню, мы выступали в 1915-м в Галиции, так там...

Михаил не стал вникать в отцовские воспоминания. Визит Ерофеева встревожил. Похоже, «лазоревые» не прочь использовать «малинового», выжать из него нужную информацию и потом... А потом скорее всего сдать в Большой Дом для последующего заклания. Выходило скверно — хуже некуда.

Болеть расхотелось. Михаил, проявив крайний эгоизм, предоставил отцу убирать со стола, а сам сел обратно в кресло. На этот раз подушки были убраны, плед отброшен в сторону. Было о чем подумать.

...Итак, вода подступила к горлу. Но страха не было — Михаила охватила злость. То, что делал Большой Дом, было не просто жестоко, это было неграмотно. Легче всего объявить Пустельгу шпионом, а его сотрудников — двурушниками! А ведь они были близки к успеху. Достаточно было сделать еще один шаг, может быть, небольшой...

Он доложил Ежову не обо всем. Главное они с Карабаевым

решили сообщить лишь новому руководителю группы. Причина была проста: тайны в Большом Доме хранились из рук вон плохо. Это «главное» касалось Дома на Набережной и таинственной черной машины. Если бы не исчезновение командира, группа уже успела бы узнать многое. Но Карабаев остался один, к тому же его поспешили услать в командировку.

А между тем... Аресты не утихают, «частый бредень» пущен по городу. Значит? Значит, черная машина продолжает свои рейсы! Может, и в эту ночь таинственный Седой будет ждать своих пассажиров!..

Злость сменилась азартом. Будь у Михаила хотя бы трое надежных сотрудников, он окружил бы Дом на Набережной, поставил под наблюдение все подъезды... Приметы ясны: черная машина, «седой» шофер, пассажиры с вещами. Но группы, искавшей «Вандею», уже не существовало. А ведь найди Ахилло след неуловимых беглецов, раскрой он тайну убежища, беда обошла бы его стороной! Это могло стать спасением...

Можно было одеться потеплее и побродить ночью по гигантскому двору Дома на Набережной. Но подобный примитивизм едва ли даст результаты. Люди «Вандеи» осторожны, ночной гуляка во дворе заставит их притаиться или, напротив, взяться за оружие. Пустельга пытался лично изучить таинственный «объект». Пытался — и исчез. Нет, так нельзя! А если иначе?

Взгляд Михаила упал на массивный кожаный футляр, лежавший на столе. Бинокль, мощный, двенадцатикратный, позволяющий видеть ночью!..

— Микаэль! Ты куда собрался?

Отец растерянно глядел на своего отпрыска, который деловито одевался, совершенно забыв о простуде. Михаил надел теплый свитер, сунул в кобуру «наган» и аккуратно уложил бинокль в портфель. Подумав, он пристроил туда же непочатую бутылку молока. Горло побаливало, значит, следовало совместить приятное с полезным.

...К Дому на Набережной он добрался в одиннадцатом часу вечера. Вокруг стояла сырая мгла, с черного неба медленно падали мелкие снежинки, от близкой реки дул пронизывающий ветер. Свитер помогал плохо, и Ахилло спешил побыстрее укрыться за каменной громадой. Свернув за угол, Михаил перевел дух и неторопливо направился к центру двора, где темнели грибки детской площадки. Вокруг было безлюдно, лишь кое-где можно заметить одинокие фигуры жильцов, спешивших добраться домой. Желающих прогуляться по огромному двору, как и следовало ожидать, не оказалось.

Никто не мешал, и Михаил стал не спеша оглядывать дом — этаж за этажом, подъезд за подъездом. Здание казалось необозримым, но в конце концов он обнаружил то, что искал, — окна углового корпуса, выступающего вперед, подобно крепостной башне. Ахилло спрятал бинокль, оглянулся и, не заметив ничего подозрительного, направился к нужному подъезду.

Швейцар, а точнее агент в штатском, выполнявший эту работу в правительственном доме, мирно дремал. Михаил подумал было предъявить удостоверение и устроить соне головомойку, но вовремя погасил излишний пыл. Вскоре лифт доставил его на верхний этаж. Необходимая квартира оказалась крайней слева. Ахилло поправил галстук, на всякий случай расстегнул кобуру и нажал кнопку звонка. Вскоре он услышал легкие шаги.

— Кто? Кто там?

Голос был молодой, женский и почему-то испуганный. Будь это днем, Михаил мог назваться кем угодно — почтальоном, сотрудником газовой станции или агентом Госстраха. Но в это время суток такой ответ мог вызвать звонок в милицию, поэтому Ахилло вздохнул, заранее сочувствуя неизвестной за дверью, и громко произнес:

— Откройте! НКВД!

Ответом было молчание. Наконец тот же голос, но уже дрожащий от ужаса, проговорил:

— Папа уехал... Я одна!

— Открывайте!

Дверь отворилась, и Михаил невольно усмехнулся. Девчушке было лет пятнадцать. Легкая белая рубашка, пижамные штаны, тапочки на босу ногу... Похоже, она как раз собиралась ложиться спать.

— Можно войти?

Девушка кивнула, испуганные глаза уже успели наполниться слезами...

Переступив порог, Ахилло очутился в длинном коридоре, слабо освещенном небольшой настенной лампой. Слева с потолка свисали лыжи, справа лежали весла от байдарки. Девушка не двигалась, завороженно глядя на капитана. Михаил вдруг понял, что каждая лишняя секунда неизвестности доставляет маленькой хозяйке невыносимую боль.

— У тебя цепочка есть?

Вновь последовал кивок. Девчушка даже не удивилась, страх заслонял все.

— В подобных случаях надо вставлять цепочку и спрашивать удостоверение. Вот, смотри, удостоверение выглядит так...

Он развернул документ, дав хозяйке ознакомиться, а затем снял шляпу и повесил ее на крючок.

— Мне... собираться? — тихо проговорила девушка. — Или вы за папой? Но он в командировке...

В голосе по-прежнему был страх и безропотная покорность. Михаил не первый раз входил в чужие квартиры без приглашения, но только сейчас понял, что ощущают в этот момент люди.

— Давай знакомиться! Я — капитан Ахилло. Зовут Михаилом.

— Шагова Нина Петровна...

— Ты в квартире одна?

— Да, гражданин капитан...

Михаил вздохнул. Кажется, он начал не с того.

— Нина! Я никого не собираюсь арестовывать. Ни тебя, ни твоего папу! Ты меня поняла? Я здесь совсем по другой причине...

Страх не уходил — девушка все еще не верила.

— Я разденусь...

Михаил повесил пальто, мельком взглянул на себя в зеркало и проследовал в большую комнату, где стоял старый диван и два глубоких кресла. Подойдя к окну, он увидел то, что его сразу же устроило: весь двор, тротуар возле подъездов и даже детскую площадку. Девушка, ни говоря ни слова, стояла в дверях.

— Вот что, Нина, я выполняю секретное задание. Мне надо просидеть здесь всю ночь. Ты ложись спать и ни о чем не беспокойся. Утром я уйду, а ты никому ничего не будешь рассказывать. Поняла?

Кажется, до гражданки Шаговой что-то начало доходить. В глазах появилось любопытство.

— Значит... Гражданин капитан, вы тут будете всю ночь сидеть...

— И смотреть на звезды. Не надо называть меня по званию, и тем более «гражданином». Меня зовут Михаил, запомнила? Да, если можно, покажи мне кухню и дай чистую кастрюлю, ночью я подогрею молоко...

Кухня была продемонстрирована, равно как и кастрюля. Михаилу было предложено сразу несколько штук на выбор, одна другой краше. Попутно капитан убедился, что семья Шаговых жила небедно — Нина вдвоем с отцом занимала большую трехкомнатную квартиру, в кухне был газ и даже горячая вода. Правда, все это не могло дать главного — спокойствия. Обитателям таких квартир было еще страшнее по ночам, чем жителям убогих коммуналок.

Ахилло сел в кресло, поставил рядом портфель и пожелал Нине спокойной ночи. Теперь можно заняться биноклем. Пристроив изделие Карла Цейса поудобнее, Михаил чуть не присвистнул: двор был словно на ладони. Земля, асфальт, детские грибки — все переливалось неярким зеленоватым светом, словно под лучами Луны. Подарок оказался даже лучше, чем думалось.

Теперь можно было положить бинокль рядом и спокойно наблюдать, ожидая ночных визитеров. Вероятность удачи была невелика, но капитану почему-то казалось, что ему должно повезти. Все совпадало: дом, таинственная черная машина, очередная волна арестов... Сегодня Седой не останется без работы!

Постепенно глаза привыкли к темноте, и двор перестал казаться черным колодцем. К тому же, возле подъездов горели фонари, и можно было заметить каждого, кто шел по тротуару. Но Михаила не интересовали одинокие прохожие. Он ждал машину, в крайнем случае — группу людей с вещами. Вот тут и должен помочь бинокль...

Первую машину он увидел уже через несколько минут. Едва ли это был Седой — слишком рано, но капитан решил проверить немецкую оптику. Он приложил бинокль к глазам: пожилая пара не спеша выходила из автомобиля, шофер заботливо придерживал дверцу. Вероятно, какой-то большой начальник возвращался с супругой из гостей, а может, из театра.

— Михаил, извините...

Ахилло оглянулся: девушка вновь стояла в дверях. Она уже успела переодеться, вместо пижамы на ней оказалось платье, да и волосы были теперь куда в большем порядке.

— Не спится, Нина?

— Я так рано и не ложусь. Легла почитать, а тут вы позвонили...

— Лежа читать вредно, — Михаил опустил бинокль. — Если хочешь, садись рядом, но учти — в полночь отправлю спать.

— Я уже не маленькая! — В голосе была обида. Кажется, девушка успокоилась и теперь не прочь поболтать.

...По тротуару прошли четверо — трое мужчин и женщина, похоже, компания, возвращавшаяся с вечеринки. Дошли до угла, после чего разделились: двое мужчин вернулись назад, а парочка, помахав на прощание, повернула в сторону набережной. Дальше можно было не смотреть.

— Молоко сейчас будете? Вам нагреть?

Михаил извлек из портфеля бутылку и протянул Нине.

— Составишь компанию?

— Да я вообще-то молока не пью...

И вновь в голосе — легкая обида. Очевидно, Нина восприняла это как намек: дети пьют молоко, взрослые — кое-что покрепче. Ахилло невольно улыбнулся.

Пока молоко подогревалось, у одного из подъездов остановились еще два автомобиля, оба одновременно. Вновь знакомая картина: шофер, придерживающий дверцу, немолодая пара. Только теперь в одной из машин была еще и юная девица в меховой шубке. Итак, и эти вернулись домой...

Ахилло прикинул, что сегодня суббота, значит, многие из

обитателей правительственного дома могли быть в гостях, в театре или на концерте. Итак, в этот час Седой не появится — будет ждать, пока во дворе станет пусто и тихо...

— Вам с сахаром? — Нина появилась внезапно, неся большую дымящуюся чашку.

«С медом», — хотел было ответить Михаил, но вовремя сдержался. Подобная просьба попахивала использованием служебного положения в личных целях. Оставалось поблагодарить, положить три ложки сахара и приняться за привычное с детства лечение. Молоко приятно согревало, и Ахилло начал вспоминать слышанную когда-то пословицу о том, что пить молоко после вина — яд, а до — лекарство. Впрочем, в подобной последовательности он не был твердо уверен.

Двор наконец опустел. Приближалась полночь, окна громадного дома гасли одно за другим, законопослушные граждане укладывались спать. Михаилу представилось, что таинственный Седой тоже смотри в окно, ожидая условленного часа. Интересно, есть ли у него семья? Ведь должен он как-то объяснять свои ночные странствия? Наверное, скрывать такое трудно. А ведь в случае ареста пострадают все, совершеннолетних будут судить за соучастие, а тех, кому нет 16, отправят в спецраспределитель. Мысль об этом сразу же испортила настроение. Вспомнилось Перевальное, хозяйка уютного дома, амфора, стоявшая у кухонного окна. Теперь там висят сургучные печати, а скоро новый хозяин выбросит все, чем гордился покойный Семен, как ненужный хлам...

— Может, вам лекарство дать? — Девушка успела удобно устроиться в соседнем кресле и, похоже, начала скучать.

— А? Нет, не надо. Нина, уже поздно, тебе пора спать.

Ответа не было. Ахилло решил не настаивать. Пусть гражданка Шагова понаблюдает за поимкой врагов народа. Все-таки — небольшая компенсация за беспокойство...

— Нина, а ты почему испугалась?

Вопрос вырвался сам собой, хотя ответ был очевиден. Но иногда интереснее не что отвечают, а как.

— Ну, так ведь... — осторожное пожатие плеч. — Время сейчас такое... Сложное...

— А какое? — наивно поинтересовался Ахилло. Сам он на подобную провокацию рубанул бы с плеча: «Как сказал товарищ Сталин, классовая борьба по мере продвижения к социализму усиливается...»

— Ну... Товарищ Сталин сказал... На февральско-мартовском... То есть на историческом февральско-мартовском Пленуме, что по мере продвижения к социализму классовая борьба ужесточается...

Михаил едва удержался, чтобы не рассмеяться.

— Так ты одна с отцом живешь?

— Да. Мама умерла в прошлом году, а брат сейчас служит на Дальнем Востоке, он летчик. Хотела пригласить одноклассницу, чтобы у нас пожила, но...

Ахилло понял. Осторожный папа наверняка не разрешил.

— Папа твой — большой начальник?

— Наверное...

Расспрашивать дальше Михаил не стал, хотя этот «большой начальник» вполне мог быть связан с Седым. Мысль показалась вполне разумной. Обитатели Дома на Набережной неплохо знают друг друга, многие из них — партийцы с дореволюционным стажем и опытом подполья...

Одинокий пешеход не спеша шел по тротуару. Ахилло лениво поднял бинокль: молодой человек в плаще, в руке — сумка, большое плоское кепи на голове...

— А ты, Нина, что читала, когда я позвонил?

— Сельвинского. «Пушторг». В школе задали... Михаил, вы за шпионами наблюдаете?

— Конечно! Отважный разведчик по кличке «Соколиный глаз» сообщил, что японцы собираются устроить подкоп под ваш дом. Вот я и гляжу, не начнут ли.

В ответ — обиженное сопение. Михаил усмехнулся собственной нехитрой шутке и вдруг подумал, что много бы дал за то, чтобы исследовать здешнее подземелье. Наверное, Иофан продумал все: и ход за реку, и секретную ветку метро... Надо было заглянуть к старику, и Михаил пожалел, что за делами так и не удосужился этого сделать.

Он оглянулся: девушка задремала. На лице все еще оставалось выражение легкой обиды — история «Соколиного глаза» ее явно расстроила. А ведь в шутке было немало истины! Только агента звали Арвидом, и сообщил он не о подкопе, а о таинственном убежище в Столице...

Стрелки ползли по циферблату, но ничто не нарушало ночной покой Дома на Набережной. Почти все окна погасли, и Ахилло позавидовал тем, кто сейчас мирно почивает после трудовой недели. Хотелось спать. Пришлось тереть слипающиеся глаза, а затем найти в темной квартире ванную и как следует умыться. По дороге Михаил снял с вешалки пальто и укрыл спящую девушку. Теперь можно было допить молоко и вновь взяться за бинокль.

Тротуар был пуст, у первого, самого дальнего и у второго подъезда — ни души. Михаил перевел бинокль, чтобы поглядеть,

что делается поближе... Рука дрогнула — у четвертого подъезда стояла большая черная машина. Ахилло негромко ругнулся и взглянул на часы: двадцать минут второго...

Он? Сходство имелось: черный или темно-синий «ЗиС». Оставалось поглядеть на шофера...

Минуты тянулись долго, наконец дверь подъезда отворилась, и по ступенькам спустился высокий мужчина в сером пальто. Какая-то странность приковала взгляд. Ахилло присвистнул — на неизвестном не было головного убора, пышная шапка белых волос покрывала голову... Седой? Наверняка парик, сильно меняющий внешность и запоминающийся случайным свидетелям. Итак, половина второго, черная машина, четвертый подъезд...

Сон пропал. Капитан встал и осторожно, чтобы не разбудить девушку, прошелся по комнате. Машина уехала, но могла вернуться. До утра еще долго, Столица спит — самое время для Седого...

...Черное авто вернулось неожиданно быстро — через полчаса, вновь притормозив у четвертого подъезда. Дверца отворилась, шофер вышел, осмотрелся, открыл заднюю дверь...

Четверо — двое взрослых, двое детей, все с вещами. Михаилу показалось, что один из детей, мальчик лет двенадцати, держит в руках клетку с канарейкой. Да, они не спешили! Собрали вещи, подождали черное авто с шофером в седом парике... «Вандея»? Но неужели всех беглецов прячут в одном подъезде? Скорее там временный сборный пункт, явка. Но это опасно! Следующей же ночью всех придется вновь переправлять...

Что-то было не так. Оставалось наблюдать дальше.

Человек в парике вышел из подъезда минут через десять. Обернувшись, он с минуту смотрел на темный спящий дом. Ахилло вдруг сообразил, что те, кто вошел в квартиру, должны включить свет. В подъезде горели два окна — на третьем этаже и на девятом, но окна убежища могли быть заранее завешаны...

Шофер сел в машину, и через минуту двор был вновь пуст. Ахилло откинулся на спинку кресла, переводя дух.

— Что? Я заснула? — Нина встала и удивленно оглянулась. — Это вы меня укрыли?

— Это агент «Соколиный глаз». Принес свежую информацию о шпионах.

— Вам кофе сварить? — Пассаж об агенте был пропущен мимо ушей.

От кофе Михаил не отказался: сон вновь начал одолевать. Майору Ерофееву с его опытом пограничной службы наверняка было бы легче. Впрочем, Ахилло мог быть доволен. То, что не мог

сделать ни покойный Айзенберг, ни исчезнувший Сергей Пустельга, удалось осуществить за ночь. Теперь можно не спеша разрабатывать варианты. Первое — обыскать весь подъезд. Второе, и более умное, — установить постоянное наблюдение. Третье... Четвертое...

Кофе помог. Михаил почувствовал себя бодрее и вновь взялся за бинокль. Нина накинула пальто на плечи — в комнате было прохладно — и стала рядом.

— Михаил, вы, конечно, про шпионов шутили?

— Конечно, шутил. Шпионов не бывает.

— Ну вот!.. — Снова обида. — Еще скажите, что вы ревнивый муж и наблюдаете за женой. Я такое в одной книжке читала...

Мысль была недурна. Интересно, как бы отреагировала девушка, расскажи он правду? Нынешние школьники — народ сознательный: пишут заявления на собственных родителей...

— А вот, смотрите, это не шпионы?

— Где?!

Бинокль мигом оказался в руках. Двое — мужчина и женщина. Он с чемоданом, она с большой сумкой. Похоже, только что вышли из подъезда. Ахилло огляделся, но Седого нигде не было. Интересно, кто это? Может, почтенная пара собирается на ночной поезд, чтобы укатить в Кисловодск? Но они идут... Четвертый подъезд! Мужчина что-то сказал спутнице, поднялся по ступенькам, заглянул внутрь...

— А я думала, и вправду! — разочарованно заметила Нина. — Они просто в подъезд вошли...

Ахилло кивнул, соглашаясь. Просто вошли! Эти двое живут в Доме на Набережной, им не требуются ни машина, ни проводник. Тот же Седой снимет трубку телефона, назовет номер квартиры...

Михаил встал, нерешительно поглядел в окно. Конечно, можно рискнуть, выйти на улицу и заглянуть в четвертый подъезд. Почти наверняка вся эта публика наследила на лестничной площадке, найти нужную квартиру будет нетрудно. Десять минут беготни по этажам — и можно звонить в Большой Дом...

Но едва ли Седой столь прост. То, что на убежище вышли только сейчас, было случайностью. У покойного Айзенберга просто не доходили руки до беглецов, Пустельга не успел, но, в общем, все оказалось несложно.. Едва ли подполье не понимает этого! Седой должен допускать, что в любой момент среди беглецов может очутиться провокатор, машину могут задержать, у подъезда устроить засаду... Неужели опытный конспиратор не предвидел, что у одного капитана с испорченной репутацией может оказаться красивый немецкий бинокль?

Подумав, Ахилло сделал два очевидных вывода: прежде всего

у Седого есть своя служба наблюдения, а возможно, и охрана. Как только Михаил выйдет в этот неурочный час из подъезда, кто-то, сидящий у окна, тут же даст знать. Во-вторых, он вдруг понял, что самый тщательный обыск не позволит найти беглецов. Их уже нет в подъезде! Как, почему — неясно, но сам вывод не вызывал сомнений. Что бы там ни было: тайный лифт, секретная ветка метро, но подполье предусмотрело все варианты. В крайнем случае, они сменят пункт сбора, усилят осторожность. Даже арест Седого ничего не даст. Он будет тянуть время, а затем приведет опергруппу в опустевшую квартиру, где уже убрано все, включая отпечатки пальцев...

Нина, убедившись, что никаких шпионов не обнаружено, а ночной гость упорно молчит, обиженно хмыкнула и отправилась спать. Ахилло потянулся к папиросам, но переборол себя: задымливать чужую квартиру не хотелось. Можно было потерпеть до утра, тем более что горло и в самом деле першило.

...Михаил разбудил девушку в начале седьмого. Он поблагодарил гражданку Шагову за неоценимую помощь, оказанную следствию, и откланялся, посоветовав покрепче запереть дверь. Лишний раз напоминать о необходимости соблюдать тайну Ахилло не стал. Пусть девушка думает, что капитан и в самом деле следил за неверной супругой!..

На улице было холодно и необыкновенно сыро. Михаил медленно прошел мимо четвертого подъезда, даже не оглянувшись. Неизвестный наблюдатель мог заметить озябшего молодого человека, спрятавшего голову в высоко поднятый воротник пальто и греющего руки в карманах — не иначе, гуляку, шумно отпраздновавшего субботнюю ночь.

Дома капитан наскоро перекусил, успокоил встревоженного Александра Аполлоновича и сел за рабочий стол, положив перед собой чистый лист бумаги. Теперь можно начинать: «Начальнику оперативного управления...» Или даже: «Народному комиссару внутренних дел...»

Но бумага оставалась чистой. Спешить не следовало, необходимо было подумать о последствиях...

...А таковые были очевидны. Дело едва ли оставят Михаилу. Он уже отстранен, так что убежищем займутся другие, ему в лучшем случае скажут «спасибо». Но не это смущало. Ахилло никому не докладывал о таинственном Седом, значит, его сочтут карьеристом, который тормозил следствие, желая выслужиться. Более того, вся эта история бумерангом ударит по пропавшему Пустельге...

Выступать в роли пионера Морозова не хотелось. Мелькнула

мысль посоветоваться с Карабаевым. Идея понравилась — можно было не спешить, не марать зря бумагу, «Вандея» работала больше года, значит, может подождать еще денек-другой...

И тут Ахилло понял, что не это главное. Кто бы ни занялся четвертым подъездом: он сам, его «малиновые» коллеги, «лазоревые» конкуренты, — результат будет одним и тем же. В тайное убежище ворвутся крепкие молодцы с «наганами» наготове и наручниками на поясе. Людей, уже поверивших в спасение, будут бросать на пол, грубо обыскивать, сковывать по двое, заталкивать в «столыпины»... Еще недавно это воспринималось как должное. Нелегалы, спрятанные в неведомом тайнике, были опасны, а Михаил — профессионал, обязанный выполнять приказы. Но после Крыма, после Перевального и пещеры горы Чердаш все это представало по-другому. Семин тоже был врагом, злостно скрывшим важнейший природный объект и совершившим нападение на спецгруппу. Но если он все же был прав? Если Голубой Свет, попав к тому же Гонжабову, способен убить, изувечить, свести с ума тысячи, десятки тысяч людей? Кем станет он, капитан НКВД Михаил Ахилло? Пособником убийц? Бхот говорил, что на Тибете уже существует какая-то база, где находится аналогичный источник энергии. Так что же это все значит?

Ответов не было, да и не могло быть. Но Михаил часто слышал от своих старших коллег, что контрразведчик, как и врач, должен помнить главную заповедь: «Не навреди!»...

Он аккуратно уложил ручку на место, после чего разорвал ни в чем не повинный лист бумаги в мелкие клочья.

В понедельник утром к подъезду подъехало черное авто с обычными городскими номерами. Молчаливый шофер в штатском подождал, пока Ахилло сядет в машину, и тронулся с места. Они ехали на юг, в Теплый Стан, на новое место службы опального капитана.

Документы проверяли несколько раз: у первых ворот, где красовалась надпись «Мебельная фабрика», у вторых, где никаких надписей не было, у входа в огромный, весь в строительных лесах, корпус и, наконец, у дежурившего возле «вертушки» сержанта с медалью «За отвагу» на новенькой гимнастерке с лазоревыми петлицами. Каждый раз какой-то бумажки недоставало, приходилось звонить по телефону, долго ждать, выдерживая подозрительные взгляды охраны. Но в конце концов все утряслось, сержант-дежурный нашел фамилию Михаила в каком-то списке и вручил пропуск в ярко-красной обложке, после чего пригласил пройти в кабинет начальника охраны объекта.

Несмотря на раздражающую волокиту, Ахилло отметил, что

система безопасности, при всей громоздкости, оказалась хорошо продуманной. Внешнюю охрану несли «лазоревые» из дивизии, постоянно дислоцированной неподалеку от Столицы, внутреннюю (Михаил понял это из короткой реплики одного из караульных) — спецотряд «Подольск». Об этом отряде слышать приходилось, причем достаточно часто. Ребята из «Подольска» направлялись на самые сложные операции. Правда, говорили о них все больше шепотом, причем только своим и по большому секрету.

...В маленьком кабинете под портретом товарища Сталина, очень похожим на портрет над столом Ежова, сидел широкоплечий мужчина в гимнастерке с саперными петлицами, украшенными эмалевым ромбом. Ахилло замер. Майор госбезопасности Волков был последним, с кем бы ему хотелось встретиться.

— Да? — Волков поднял голову, по темно-красному, почти пунцовому лицу пробежала улыбка. — А, это вы?

— Товарищ майор госбезопасности... — начал Ахилло, но тот махнул рукой, выказывая пренебрежение к уставным условностям.

— Здравствуйте, Михаил! Вы не у Ежова, так что вытягиваться ни к чему. Садитесь!

Пожатие холодной, словно ледяной руки, было необычно сильным. Кисть сразу же заныла. Странно, уже второй раз краснолицый называл его по имени, хотя никто их не знакомил...

— Курите! Ежов вам курить разрешает в своем кабинете?

— Иногда...

Вспомнилась беседа с наркомом. Все проходило по схожему сценарию, разве что не хватало чая.

— Бумаги ваши видел, так что можете приступать. Задача проста: вы опекун Гонжабова. На объекте он должен быть под вашим контролем, то же — в случае вывоза за пределы Теплого Стана. У вас будет кабинет, телефон и все прочее. Буфет бесплатный.

Волков улыбался, и Михаилу подумалось, что на случайного человека комбриг может произвести самое приятное впечатление. Настоящий боевой командир, которому скучно в пыльном кабинете. Не бюрократ, не чинуша, не выскочка из «выдвиженцев»...

— Теперь о Гонжабове. Я читал рапорт Ерофеева, так что о ваших чувствах к нему догадываюсь. Личность действительно мерзкая. Знаю его давно, с гражданской. У нас этого расстригу, признаться, не любили. Жесток, умен, а вот что на уме — понять трудно.

Характеристика была точной. Похоже, краснолицый хорошо изучил бывшего монаха.

— Не открою вам секрета, Михаил, если скажу, что Гонжабов

может бежать отсюда в любой момент. Но бежать не станет. О причинах, думаю, догадываетесь...

— В тюрьме безопаснее? — не удержался Ахилло.

— Не во всякой, но у нас он может быть спокоен. В общем, функции ваши скорее символические. В иное время мог бы порекомендовать просто пристрелить этого изменника при первом же удобном случае, но сейчас не стану. Гонжабов очень нужен Тернему, так что потерпите... Какие есть вопросы?

Вопросов не было, однако Ахилло отметил про себя слово «изменник». Интересно, кому изменил бывший коминтерновец? Товарищу Сталину? Лично Волкову?

— Теперь об объекте... Он имеет номер 24-41 и условное название «Теплый Стан». В последнее время его стали называть «Шарага Тернема», но это мы пресекаем: фамилию упоминать нельзя. Объект делится на три сектора, фактически отдельных научных института. У нас их именуют по привычке «зонами», по буквам, от А до В. Строительство еще не закончено...

Михаил прикинул, допустят ли его на объекты или запрут в кабинете, приставив охрану? Дадут ли увидеть легендарного Тернема? Волков, похоже, догадался.

— Секретность у нас — наивысшая. Почти все сотрудники, включая Тернема, на «тюрположении». Живут тут же, всякие контакты крайне ограничены... С правилами ознакомились?

— Нет...

Экскурсия явно откладывалась, причем на неопределенное время.

— Там страниц двадцать, потом распишитесь, но главное — никуда не суйтесь. Были попытки подкупа сотрудников охраны, два побега... Скучать не приходится!.. Гонжабов будет занят в зонах «Б» и «В», следовательно, и вы будете иметь туда доступ...

Волков помолчал, затушил папиросу в пепельнице, усмехнулся:

— Поскольку вы все равно будете интересоваться работами, могу сообщить следующее: зона «А» — это ретранслятор, его строительство только началось; зона «Б» — так называемый «Проект «Тропа». А зона «В» — главный объект Тернема, связанный с практическим использованием некоторых новейших достижений физики. Так можете и сообщить Николаю, пусть подумает. Еще одна стройка — это ускоритель, но она входит в зону «В». Все понятно?

Усмешка краснолицего предназначалась не столько Михаилу, сколько лично наркому Ежову. «Лазоревые» не спешили делиться секретами. Ахилло представил себе реакцию руководства Большого Дома, напиши он в рапорте о «некоторых достижениях современной физики». Итак, физика, ускоритель, ретранслятор. В этот ряд вполне вписывался Голубой Свет...

Комбриг помолчал, затем заговорил совсем другим тоном, уже без всякой иронии:

— Михаил, чувствую, вы меня, мягко говоря, недолюбливаете. Не знаю, чем заслужил такое. Поделитесь?

Следовало рубануть: «Никак нет, товарищ майор госбезопасности!», но Ахилло не выдержал:

— Три года назад мы встретились в подземелье под Столицей. Может быть, помните, товарищ комбриг? Как я, по-вашему, должен реагировать на то, что видел?

— Спокойно, — пожал плечами Волков. — Это мелочь по сравнению с тем, что видел я. Вы привыкли делать чистую работу, Михаил... Кстати, какой был приговор по группе Генриха? Всем исключительная мера? А ведь в группе были две женщины. Одну вы завербовали, обещая полную амнистию, вторая ждала ребенка...

Ахилло закусил губу. Он действительно обещал помилование той, через которую вышел на резидента. Михаил докладывал об этом лично Ягоде, но его не стали слушать.

— Так что не будьте чистюлей! И вот что... «Малиновые» не умеют ценить преданность. Сергея Пустельгу объявили предателем, вас отстранили от дела и загнали сюда. Что будет дальше — догадываетесь? Но у вас есть выбор. Вы расскажете нам все о работе группы «Вандея». Теперь подпольем занялись мы, а Николай скрывает информацию. Конечно, вы рискуете, но все же меньше, чем в ином случае. Итак, подумайте...

Ахилло молча кивнул. Вербовка, начатая говорливым Ерофеевым, продолжалась. У «лазоревых» были все козыри, но Михаил знал, что «переметчики» живут недолго. Разве что ему дадут другие документы и отправят подальше от Столицы... Только едва ли: невелика он фигура! А умирать предателем не хотелось.

Подумалось и о другом. Если подпольем занялись «лазоревые», значит, сообщи он об убежище, именно бравые ребята из «Подольска» будут разбираться с беглецами. А как это делается, видеть уже приходилось. Ахилло вовсе не был «чистюлей» и представлял, в каком ведомстве служит. Но тут он им не помощник! Пусть сами попробуют. Интересно, хватит ли у них ума раскрыть несложную конспирацию Седого? Едва ли! «Лазоревые» привыкли действовать иначе, в лоб. «Не навреди!» — смысл этой фразы становился ясен...

Прощальное рукопожатие Волкова было столь же крепким, но Михаил был уже наготове. Странно, теперь ладонь краснолицего уже не казалась сотканной из мускулов. Скорее она была твердой и закостеневшей, как рука мертвеца.

ГЛАВА 8

ГОСТИ БЕРТЯЕВА

Выйдя из метро у Белорусского вокзала, Бен купил на маленьком базарчике хризантем. Он знал, что аборигены имеют обыкновение приходить в гости с куда более прозаическими подарками — тортиком, банкой сардин или просто с бутылкой водки. Но воспитание не давало переступить через традиции. Отец Бена в молодости провел год при российском посольстве в Стокгольме, и маленький Саша успел наслушаться о настоящем, *истинном* этикете. На него произвел сильное впечатление рассказ о том, как перед королевским балом все лестницы дворца заполнялись парадно одетой публикой, ждавшей последнего удара часов, чтобы переступить порог. Конечно, теперь речь шла о визите частном, да и происходило это отнюдь не в Швеции...

Бертяев проживал на пятом этаже большого дома неподалеку от популярного среди жителей Столицы «Театра имени МОСПС» (название, заранее приводившее Бена в ужас). Для того, чтобы попасть в нужный подъезд, следовало миновать подворотню, исписанную наглядной агитацией дворового масштаба — мечту тускуланских фольклористов. Бросив беглый взгляд по сторонам, Бен рассудил, что это будет почище фресок Альтамиры и Ласко, хотя сам бы он предпочел все же наскальную живопись троглодитов.

Поднявшись наверх, он взглянул на часы — 16.58. Ровно в пять Бен нажал кнопку звонка. Дверь открыла величественная дама в черном бархатном платье с нитью крупного жемчуга на груди. Молодой человек смело произнес: «Добрый день, мадам!», поспешив вручить хозяйке дома хризантемы. Ответом была благожелательная улыбка:

— Вы, наверное Бен? Спасибо, хризантемы великолепны.

— О, что вы, мадам!..

Только после этих обязательных любезностей Бен сообразил, что они говорят по-французски. Но Бертяев, очевидно, заранее предупредил супругу о госте из «посольства», посему лишних вопросов не последовало. Безупречный смокинг окончательно довершил впечатление — даме явно понравился молодой иностранец.

— Рад вас видеть! — Бертяев встретил гостя на пороге большой гостиной. Говорил он по-английски, и Бен вздохнул с некоторым облегчением — французский всегда казался ему излишне жеманным. На драматурге на этот раз не было фрака, он облачился в теплую «профессорскую» стеганую куртку с непременным галстуком-бабочкой и все тем же моноклем. Кроме него, в гостиной был лишь некий джентльмен в очках, немного напоминающий богомола.

— Не у всех такая английская точность, — улыбнулся хозяин дома. — Прошу знакомиться...

«Богомол» оказался Михаилом Сергеевичем Колонковым, детским писателем и драматургом. Он попытался заговорить по-английски, но результат был таков, что Бен предпочел тут же перейти на русский, правда, с легким акцентом.

— О, так вы понимаете по-русски! — обрадовался Колонков. — Позвольте вам презентовать!.. Ради знакомства, если можно так выразиться...

Бен согласился, что так выразиться можно, и получил в дар небольшую книжечку в бумажной обложке, которую автор поспешил украсить надписью «Моему другу Бену».

Раздумывая над тем, насколько быстро здесь завязывается дружба, молодой человек раскрыл книжку. Вверху стояло гордое «Писатель-орденоносец Михаил Колонков», а ниже — «Про дядю Петю-милиционера».

— Оу! — вполне по-английски удивился гость. — Это детектив для детей, да?

Автор немного смутился, сообщив, что «Дядя Петя» не детектив, а рассказ об очень хорошем и добром милиционере, который охотно помогает старушкам и журит излишне обнаглевших хулиганов. Такие книги должны воспитывать у будущих граждан СССР любовь к родной милиции.

— Оу! — понял Бен. — Вам эту книгу заказало НКВД?

«Богомол», вновь смутившись, начал пояснять, что понятие «социальный заказ» надлежит понимать более широко. Бен, решив блеснуть своими знаниями, упомянул о поэме Гатунского, посвященной герою-бойскауту Морозову. Реакция была неожиданной: Колонков пожелтел, побагровел и принялся жаловаться на конъюнктурщиков и графоманов, которые способны лишь испортить любую патриотическую тему, добавив, что из-за таких, как Гатунский, его «Избранное» не может выйти уже третий год. К счастью, подоспевшая супруга Афанасия Михайловича отвлекла внимание рассерженного «богомола». Бертяев улыбнулся и отвел Бена в сторону.

— Будьте осторожнее! Не наступайте на любимую мозоль. Еще немного — и товарищ Колонков начал бы уговаривать вас организовать перевод его «Дяди Пети» в Лондоне... Мой вам совет — лучше всего рассказывайте несмешные анекдоты, поясняя, что это настоящий британский юмор. А если серьезно, скоро должны прийти несколько весьма интересных личностей. Если вас интересует кто-нибудь конкретно...

— Афанасий Михайлович... — Бен замялся, но затем все же рискнул. — Меня просили узнать... Есть один известный физик, его фамилия Тернем. Может, кто-нибудь из ваших гостей...

Бертяев задумался:

— Тернем... Нет, не знаю. Но мы постараемся узнать. Все, кажется, великий сход начался!..

В передней уже слышался шум — гости прибывали. Бен отошел в сторону, стараясь не привлекать к себе внимание. Впрочем, с «иностранцем из посольства» стремились познакомиться все. Приходилось улыбаться, кивать, всячески избегая ответа на вопрос, какую державу он конкретно представляет.

Вскоре в гостиной стало тесно, гости разбились на небольшие группки, оживленно беседуя. Бен, отделавшись от очередного любопытного, занял позицию в кресле у окна. Между тем Бертяев подошел поближе, разговаривая с немолодым лысым господином, о котором Бен уже знал, что это известный лирический поэт.

— Нет, еще не читал, — сообщил драматург в ответ на какую-то реплику гостя. — Знаете, сейчас вообще бросил читать беллетристику...

— Перешли на изделия Агитпропа, батенька? — хмыкнул лирик.

Очевидно, это было шуткой, смысл которой от Бена ускользнул ввиду незнания термина «Агитпроп».

— Ну, это для Гатунского. Представьте, увлекся современной физикой...

Бертяев бросил быстрый взгляд на молодого человека. Бен понял и обратился в слух.

— Решили писать новую пьесу? — удивился лирик. — Научно-исследовательский институт, любовь старого профессора и юной комсомолки, разоблачение японского шпиона, устроившегося старшим буфетчиком...

— Неплохая мысль! — с совершенно серьезным видом согласился драматург. — Но если серьезно, меня заинтересовала проблема ответственности. Человек совершает открытие, но знания приносят не только добро. Вы, наверное, слыхали, исследованиями в области атома заинтересовались военные...

— Тогда вам придется писать о загнивающем Западе, батенька. О наших осинах лучше умолчать...

— Увы! — на лице Бертяева появилось искреннее огорчение. — А я как раз заинтересовался судьбой одного талантливого физика. Может быть, слыхали, его фамилия Тернем...

Лирический поэт кивнул:

— Ну кто в Столице лет пятнадцать назад не слыхал о Тернеме? Русский Эдисон! Только сейчас этот Эдисон является объектом далеко не научных интересов да и работает не в Академии наук. Правда, говорят, его уже выпустили... Знаете, батенька, лучше спросить Лапшина, он-то все знает.

— Тут вы правы, — кивнул драматург. — Чтоб Лапшин — да не знал!

Оба писателя искренне рассмеялись, вспомнив неведомого Бену Лапшина. Итак, Тернем жив, был арестован, но сейчас, похоже, на свободе....

Между тем некий молодой, но уже весьма потертый джентльмен, о котором Бертяев сообщил, что он «известный художник», подсев к Бену, начал забрасывать его вопросами о каких-то лондонских знаменитостях. Можно было пояснить, что гость из посольства представляет не Великобританию, а иную державу, к примеру Канаду, но Бен решил поступил иначе. Сделав строгое лицо, он на прекрасном английском сообщил любопытному журналисту, что *специфика его обязанностей* в Столице не дает возможности предоставить информацию подобного рода. У гостя отвисла челюсть. Бену оставалось лишь гадать, за кого его приняли — за руководителя секретной службы или за официанта посольского ресторана.

Тем временем в центре комнаты, где находился Бертяев, явно назревал какой-то спор. Бен прислушался и понял, что сдетонировала нехитрая уловка драматурга о его интересе к современной физике.

— Представляете, товарищи! — возмущался моложавый человек в сером клетчатом костюме. — Я написал рассказ, научно-фантастический, как раз про ядерную физику...

— Это тот, в котором английские шпионы пытаются украсть чертежи? — ввернул кто-то.

— Ну... это не главное, — писатель-фантаст немного смутился. — Шпионы — это, так сказать, оживляж. Но разве нам не нужна наша фантастика, социалистическая, фантастика оптимизма? Я понес рассказ в редакцию, и мне его вернули, знаете, с какой рекомендацией?

— Написать популярную брошюру про повышение удоев? — предположил один из гостей.

— Почти угадали, — невесело усмехнулся автор. — Посоветовали написать про новые технологии в металлургии. Оказывается, наша советская молодежь должна воспитываться не на сказках, а на добротной научно-популярной литературе...

Неудачливого фантаста поддержали нестройным хором, в котором можно было услышать сочувствие и осторожное согласие.

— Фантастика — жанр любопытный, — согласился Бертяев. — Только я не очень понял ваш пассаж об оптимизме. Вы считаете, что оптимизм и ядерная физика хорошо сочетаются?

— Зачем так сужать, Афанасий Михайлович? — удивился писатель. — Я говорю вообще — о науке, о прогрессе...

— А что такое прогресс?

— Ну... Афанасий Михайлович, вы, конечно, шутите! Сейчас, извините, даже дети знают, что такое электричество, авиация...

— Я тоже знаю... — кивнул драматург. — Я ведь был на фронте с 16-го года. Авиация бомбила нас почти каждый день, а электричество немцы пропускали через проволочные заграждения. У солдат обгорали руки...

— Но... но это издержки! — растерялся фантаст. — Неизбежные издержки! Согласитесь, что без прогресса науки, техники, образования мы бы жили в каменном веке!

— Про каменный век ничего не скажу, — покачал головой Бертяев. — По-моему, мы о нем еще ничего не знаем, посему не станем судить. Но я одно время интересовался античностью, эпохой рождения христианства. И вот что меня поразило: у римлян было все необходимое для нормальной жизни — школы, почта, больницы, библиотеки. Но у них было еще одно — они умели вовремя останавливаться. Помните, во всех учебниках написано об александрийце Героне, который открыл принцип пара? Но римляне оставили паровую энергию лишь для детских игрушек...

— В силу социально-классового консерватизма, — прокомментировал кто-то.

— Трудно сказать. Но представьте себе, что они все-таки построили паровую машину. Появились заводы, паровозы, пароходы, электричество...

— Они открыли бы Америку, — предположил фантаст.

— И американская цивилизация погибла бы на тысячу лет раньше. Я не говорю, что могли бы сделать римские кесари с более современным оружием! Поэтому мне трудно судить, что такое прогресс. Техника? Но человеческое счастье вполне достижимо и с техникой времен античности. Мораль? Но мораль почти не изменилась с тех пор. Я уже не говорю об искусстве, литературе...

— Вы, батенька, любите парадоксы, — вступил в спор лирический поэт. — Но если следовать вашей логике, мы дойдем до Руссо с его идеей возвращения в пещеры. Знаете, в эпоху Днепрогэса и Магнитки отрицать прогресс как-то странно...

Бертяев улыбнулся и развел руками. Его супруга, давно уже ожидавшая окончания дискуссии, поспешила пригласить гостей в столовую, вызвав тем одобрительный шум.

За ужином Бен постарался молчать, хотя это было не так просто: его соседом оказался автор «Дяди Пети». Утолив первый голод, детский писатель начал разговор о литературе для подрастающего поколения, принявшись пересказывать сюжет второй части приключений доблестного милиционера. Пришлось время

от времени кивать и говорить «оу!». К счастью, «богомол», как истинный творец, в основном слушал сам себя, не задавая ненужных вопросов. Когда дело уже дошло до торта, в прихожей послышался звонок. Гости переглянулись.

— Лапшин, товарищи! — предположил кто-то.

— Лапшин! Лапшин! — поддержал хор. Все заулыбались.

Хозяйка вышла и вскоре вернулась, причем не одна. В комнату вбежал невысокий толстенький человечек в расстегнутом пиджаке и со сбитым на сторону галстухом. Булькнув «миль пардон!», он долго жал руку Афанасию Михайловичу, заодно успев облобызать ручки нескольких дам, сидевших поблизости. Наконец он был усажен за стол и занялся котлетой по-киевски. Гости переглядывались.

— Что нового в Столице? — поинтересовался кто-то.

— А? — вскинулся толстячок. — Миль пардон, дожую... Я как раз спешил, чтобы рассказать...

Господин Колонков, напрочь забыв о дяде Пете, подмигнул Бену.

— Да! — Лапшин отхлебнул из бокала и откинулся на спинку стула. — Потрясающие новости! Скандал! Даже целый эль скандаль! Только прошу — между нами, антре, ну, так сказать...

Дружный хор тут же пообещал хранить полное молчание.

— Так вот... Вчера узнаю, что столичная милиция объявила чрезвычайный розыск...

— Карманника? — подзадорил кто-то.

— Если бы! Ищут молодого человека лет двадцати двух, особо опасного преступника...

Над столом пронесся вздох разочарования.

— Ага! — вскинулся Лапшин. — Я тоже подумал — обычная история. Но дело в том, дело в том...

Он перевел дыхание и окинул замолкнувших слушателей хитрым взором, предвкушая эффект:

— Этот человек умер. Шестнадцать лет назад! Его ищут по фотографии, переснятой с памятника!

Кто-то не выдержал и хихикнул.

— Вот-вот, — кивнул Лапшин. — Я тоже, знаете, в вампиров не поверил и решил выяснить. Фамилия этого человека — Косухин, он погиб в апреле 21-го года...

Бен отвернулся, боясь, что взгляд может его выдать. Кажется, Джонни-бой попал в переплет. Путаница объяснялась просто: Чифа искали по отцовской фотографии...

— Ну вот, — удовлетворенно продолжал Лапшин. — В подобном происшествии не было бы ничего сверхъестественного. Как говаривал Гоголь: «Такие происшествия бывают. Редко — но бывают». Но дело в том, что все это проделки тайной организации...

Вновь послышался гул, но еле слышный. Рассказчик явно вступил на опасную стезю.

— ...Оказывается, вот уже год наши славные органы ищут какую-то котерию с очень характерным названием: «Вандея». Этакие шуаны, товарищи! Главным там некий Владимир Корф, из петербургских Корфов...

— Позвольте! — перебил его чей-то голос. — Володя? Сын поручика Корфа? Михаила Модестовича? Но ведь он умер...

— Ничуть! — бодро возразил Лапшин. — Корф бежал из мест не столь отдаленных и теперь заправляет всем комплотом. А деяния у них следующие... Прежде всего они украли дом...

— По бревнышку разобрали? — поинтересовался тот же скептик.

— Дом полярников помните? Оказывается, они его вместе с фундаментом выкопали и куда-то перевезли...

Бен не выдержал и улыбнулся. Судьба Дома полярников ему была известна во всех подробностях.

— Там они прячут врагов народа, которых спасают от ареста. Но это что! Поговаривают... — Лапшин перешел на оперный шепот, — что у этой «Вандеи» есть такая микстура, что мертвецов оживляет...

— Товарищ Лапшин, здесь же дамы! Такое — и на ночь! — возмутился кто-то.

— Пардон, пардон... миль пардон!.. Я просто хотел пояснить... Они этих... воскрешенных хотят по улицам пустить, чтоб паника поднялась. А на том, которого разыскивают, микстуру как раз и проверили...

Пока гости шумно переговаривались, кто с усмешкой, а кто с видом достаточно озабоченным, Бен, еще не зная, как реагировать на эту чушь, на всякий случай постарался запомнить: «Вандея», Владимир Михайлович Корф, сын поручика Корфа...

— Афанасий Михайлович, вот вам готовый сюжет, — заметил лирический поэт, обращаясь к хозяину. — В Столице высаживается нечисть и начинается шабаш. Упыри и ведьмы с Мефистофелем во главе...

— Думаете, МХАТ поставит? — Бертяев покачал головой. — Такой сюжет тянет на целый роман. А я, знаете, не романист...

Разговор вошел в обычную колею, и Бену пришлось снова выслушивать соображения автора «Дяди Пети» о патриотическом воспитании советской молодежи. Впрочем, это не мешало ему, время от времени вставляя непременное: «оу!», размышлять. Компания, собравшаяся у Бертяева, его разочаровала. Хозяин дома словно специально пригласил эту публику, чтобы пояснить ему, тускуланцу, что с такими людьми говорить не о чем — и незачем...

После ужина мужчины удалились на лестничную площадку покурить. Не желая отставать от остальных, Бен храбро сделал одну затяжку, но тут же потушил папиросу, мысленно поклявшись, что не будет курить даже в целях конспирации. Между тем Лапшин, окруженный слушателями, охотно пересказывал свою жуткую историю, уверяя, что люди, рассказывавшие ему о загадочной «Вандее», обычно не шутят.

— А может, вам это специально сообщили? — предположил один из гостей. — Знаете, этак и до революции делали, пускали слушок... Я был знаком с Корфами. Отец Володи был не поручик, а штабс-капитан, он пропал без вести в 19-м. А Володя погиб несколько лет назад, родственники получили извещение. В подобном ведомстве не путают...

— Ну... не знаю, — смутился Лапшин, — но ведь, миль пардон, дыма без огня не бывает! По-моему, то, что Бухарин оказался шпионом, куда более невероятно, чем какая-то микстура для оживления...

Упоминания опального редактора «Известий» заставило всех замолчать. Бен, увидев, что публика начинает возвращаться в квартиру, с удовольствием выбросил окурок, представив себе физиономию сестрицы при известии о его знакомстве с никотином. Он уже собирался уходить, когда заметил Бертяева, который о чем-то оживленно переговаривался со всезнайкой-Лапшиным.

— Нет, нет, любезнейший Афанасий Михайлович! — донеслось до Бена. — Про наших физиков писать сейчас я бы не рискнул. Даже Капица и Вальтер сейчас не в фаворе. Или вот Тернем...

Подслушивать Бен не стал, рассудив, что Бертяев ему все перескажет, если, конечно, очередная сплетня не окажется такой же глупостью, как история с Домом полярников. То есть не совсем, конечно, глупостью...

...Это была его идея. Еще в Сент-Алексе, посоветовавшись вначале с Кентом, а затем и с тетей Полли, матушкой Чифа, Бен предложил использовать старую аппаратуру, оставшуюся от прежней установки «Пространственного Луча», смонтированной Дядей Сэмом в 21-м году. Несложное устройство позволяло переместить любой объект, сделав его невидимым и неосязаемым для всех, не имеющих особого энергетического пропуска. Дом полярников Бен тоже присмотрел лично, рассудив, что Папанин и его товарищи без квартир не останутся. Перемещение четырехэтажного дома внутрь разрушенного заводского корпуса заняло, считая с монтажом аппаратуры, всего двое суток...

Через некоторое время гости стали расходиться. Бен уделил четверть часа беседе с хозяйкой дома, посвятившей симпатичного иностранца в подробности столичной театральной жизни, и уже выжидал момент, чтобы на прощанье переговорить с Бертяе-

вым, когда из прихожей донесся звонок. Афанасий Михайлович, извинившись перед гостями, вышел, и через минуту в комнате появилась молодая темноволосая дама в мокром осеннем пальто. Хозяйка, всплеснув руками, бросилась к гостье, уговаривая раздеться и обсушиться, но та отрицательно закивала головой и что-то быстро сказала вошедшему за ней Бертяеву. Афанасий Михайлович кивнул, наскоро простился с гостями и открыл дверь своего кабинета.

Теперь гостей провожала хозяйка. Бен, желая дождаться Афанасия Михайловича, отошел в сторону и заглянул в огромный книжный шкаф, заметив там, кроме столь уважаемого аборигенами Пушкина, толстые тома Библии на разных языках, богословские труды, а также сочинения по химии, механике и даже астрономии. Нашел он и своего любимого Леконта де Лилля и уже совсем было собрался достать небольшой томик с золоченым корешком, как дверь кабинета отворилась.

Бертяев выглядел спокойным, но от его добродушия не осталось и следа — лицо стало холодным, даже жестким. Он поддерживал даму за локоть — и не зря. Глаза молодой женщины припухли от слез, губы кривились жалкой, вымученной улыбкой. Хозяйка вновь всплеснула руками и подошла к гостье. Афанасий Михайлович начал что-то пояснять, его супруга — вздыхать и качать головой. Бертяев заметил Бена, кивнул, и молодой человек поспешил подойти поближе.

— Мне надо срочно отлучиться, — озабоченно проговорил драматург. — Вы не могли бы проводить Викторию Николаевну? Она живет рядом, на Арбате, но уже поздно...

Бертяев говорил по-английски. Бен охотно согласился, прикинув, что еще ни разу не видел Арбата, о котором был наслышан от родителей. Воспользовавшись тем, что хозяйка дома все-таки сумела завладеть вниманием молодой дамы, драматург отвел Бена в сторону.

— Слушайте! Лапшин рассказал, что Тернем сейчас на «тюрположении», работает в Теплом Стане. Там какой-то секретный институт. Не знаю, можно ли верить — особенно после сегодняшней истории с упырями...

— Спасибо, Афанасий Михайлович, — поблагодарил Бен. — Мы проверим.

— А насчет упырей... Я постарался разговорить гражданина Лапшина, и он упомянул об одном молодом человеке — сотруднике Большого Дома, которого эти упыри якобы похитили. Так вот, я знаю этого человека, и он действительно исчез... Извините, что представил вас даме иностранцем. Будет меньше вопросов.

— По-моему, сейчас ей не до новых знакомств, — предположил Бен.

— Да. У нее большая беда. Что-то очень плохое случилось с ее другом. Если б я мог помочь... Знаете, Александр, хотел вам ска-

зать потом, но раз пришлось к слову... Не рискуйте, вас здесь не поддержат. Вы видели моих гостей, а это не худшие люди. Вы не найдете здесь организованного подполья. А вот провокаторы могут быть...

— Я понял, — кивнул Бен, вспомнил странное «Политбюро».

— Заходите почаще, — улыбнулся драматург, крепко пожимая гостю руку. — Мечтаю услышать, как там у вас дела... на Марсе.

На улице моросил дождь. Бен поднял воротник пальто и подал даме руку.

— Спасибо, — проговорила она по-английски, внимательно поглядев на своего спутника. — Извините, вы действительно иностранец?

— Действительно, — охотно сообщил Бен на чистом русском. — Я здесь, так сказать, инкогнито...

— Еще раз прошу прощения... Я, кажется, нарушила вашу конспирацию, мистер Бен?

Женщина улыбнулась, отчего ее лицо сразу же стало красивым.

— Не называйте меня «мистером», пожалуйста, — попросил Бен, чувствуя себя несколько неловко. — Просто Бен... Или Саша...

Женщина покачала головой:

— А я подумала, что вы истинный сын Альбиона по имени Бенджамен. Вы действительно похожи на англичанина, Саша...

Они выбрались на Садовое кольцо и пошли по пустому в этот поздний час тротуару, держась подальше от проносившихся по мокрой улице автомобилей.

— Бен — это от фамилии, Виктория Николаевна. Понимаете, в детстве мне моя фамилия... не очень нравилась, а «Бен» — это как-то...

Он чуть было не произнес «по-американски» и еще более смутился.

— Как-то по-современному.

— Но вы ведь русский, Саша? Извините, может, я не должна вас расспрашивать...

— Помилуйте! — усмехнулся Бен. — Просто вопрос не такой простой. Но если Фонвизин, Кюхельбекер и Фет — русские поэты, а Романовы-Голштейн-Готторпские — русские цари, то почему бы и мне не стать русаком?

Виктория Николаевна на мгновение остановилась и взглянула ему прямо в глаза.

— Скажите, Саша... Там, за границей... Они представляют, что здесь происходит? Хотя бы немного?

Бен не знал, что ответить. То, что ему было известно еще в Сент-Алексе, не настраивало на оптимистический лад.

— Боюсь, что нет. Многие просто куплены, а некоторые верят, что здесь идет, так сказать, великий эксперимент...

Женщина кивнула, и по ее лицу Бен понял, что на эту тему больше говорить не стоит.

— А ваши предки, Саша, из Столицы?

— Из Петербурга, — не без гордости сообщил он. — Коренная питерская бюрократия! Только мой отец не поддержал семейную традицию — ушел на фронт в 14-м...

Оказавшись у нужного перекрестка, они повернули налево. Молодой человек с интересом принялся осматриваться: пустая, залитая дождем улица и была знаменитым Арбатом. Пройдя пару кварталов, они вновь свернули, на этот раз в небольшой переулок.

— Не бывали еще здесь? — поинтересовалась Виктория Николаевна.

— Нет. Но слыхал немало. Признаться, первое впечатление не вдохновляет...

— Тут надо бывать весной, когда цветет сирень. Как раз в такое время, когда люди расходятся по домам. Здесь очень тихо... Раньше вечерами на улице играли бродячие музыканты. Я помню старого шарманщика, у него был попугай и настоящая обезьянка... Знаете, Саша, какое странное совпадение: вам не нравилась ваша фамилия, а мне очень не нравится мое имя. «Виктория» — звучит по-барабанному, словно название военного корабля. А «Вика» — так просто ужасно... Друзья помогли — перевели с латинского на греческий.

— Ника? — догадался Бен. — Очень красиво!

— Ну вот мы и пришли, — женщина кивнула на чугунные литые ворота двухэтажного особняка, окруженного негустым садом. — Спасибо, что проводили, Саша...

Бен хотел сказать что-то ободряющее, но не нашел нужных слов. Он поцеловал холодную узкую руку и учтиво, по последней тускульской моде, приложил руку к своему кепи.

Чиф оказался на месте. Бен облегченно перевел дух: всю дорогу он боялся, что опоздает и Джонни-бой попадет в лапы опричников с малиновыми петлицами. Лу также успела вернуться. Она сидела за столом, листая толстый медицинский справочник. Бен скинул мокрое пальто и подсел поближе.

— Попозже прийти не мог? — поинтересовалась сестра.

— Я... Я даму провожал, — смутился Бен.

— Так я и знала!

— Не обращай внимания, — улыбнулся Чиф. — У Лу немного испортилось настроение.

— Немного? — Девушка захлопнула книгу. — Это называется немного? Этих большевиков надо... Не знаю даже, что с ними надо сделать!

— Спроси у наших стариков, — предложил Бен. — Они подскажут.

— Нет, ты себе только представь! Я была сегодня у этого художника. Прекрасный человек, воспитанный, интеллигентный. У него превосходные картины.

— Так в чем беда? — удивился брат.

— А в том, что у него туберкулез! Открытая форма, на последнем градусе! Его не лечили! Оказывается, чтобы получить путевку в санаторий, надо быть уже не знаю кем — то ли членом их дурацкой партии, то ли стукачом НКВД. Его надо срочно госпитализировать, причем не в здешней больнице, а в нормальной. В здешней я уже сегодня побывала...

— И... ничего нельзя сделать?

— Попытаюсь, — вздохнула девушка. — Я заказала в нашем центре новую вакцину — из особого вида плесени. Лекарство экспериментальное, попробую... Ладно, докладывай, начальство ждет.

— Лу шутит, — покачал головой Косухин, — теперь начальство это ты...

— Угу, — Бен поморщился. — Тоже мне, Диоклетиан в отставке! Но если я начальник, то слушай... Убежище тебе покидать нельзя. Тебя уже ищут...

Он рассказывал долго, стараясь не пропустить ни единой мелочи. Его слушали очень внимательно, даже Лу отложила в сторону справочник. Когда Бен закончил, несколько секунд все молчали. Наконец Чиф кивнул:

— Молодец Бертяев! Теплый Стан — это, по-моему, на юг от Столицы...

— Да это успеется! — прервал его Бен. — Плохо, что тебя ищут. Волков, похоже, все-таки нас выдал.

— Думаю, он как раз и ни при чем, иначе искали бы нас двоих. Тут что-то другое... Но рискнуть все-таки придется. Кстати, не забудь о Владимире Корфе. Бертяев прав: сильного подполья тут нет, но если выйти на несколько небольших групп... Так даже безопаснее, они не будут знать друг о друге...

Бен смотрел на своего приятеля с опаской. Тот явно что-то задумал.

— А поскольку Казим-бек разрешил действовать самостоятельно, то Волковым я займусь сам...

Бен только развел руками, чувствуя, что неукротимого Чифа не остановить.

— Сегодня я говорил по прямой связи с отцом, он сообщил мне кое-что важное. Я должен попытаться...

Бен покосился на Лу и вздохнул.

— Джонни-бой, представь, что мы играем в «белые-красные». Реввоенсовет приказал перейти на нелегальное положение: белая контрразведка напала на след... В общем, я... Я тебе запрещаю, понял?

— Правильно, не вздумай его никуда выпускать! — вмешалась сестра. — Сейчас он предложит загримироваться и отрастить бороду. Джон, ты что, не понял: твои фотографии розданы каждому городовому. Представляю, что бы сказал Железный Генри!

— Он сказал, — кивнул Чиф. — Отец запретил. Но, по-моему, старик просто перестраховывается... Бен, насколько я знаю, каждый член группы имеет право воспользоваться Красным кодом?

Ему не ответили. Чиф слегка пошевелил рукой, от чего толстый справочник приподнялся над столом и поплыл по воздуху, затем вернул книгу на место и медленно вышел из комнаты.

— Сбежит! — негромко заметила сестра. — Отбери у него пропуск.

Бен покачал головой:

— Джон не сбежит. Он, как истинный большевик, чтит устав. Раз я теперь главный, он будет слушаться. Но вот зачем ему Красный код?..

Чиф сидел в легком пластиковом кресле, положив руки на пульт передатчика. Контрольные лампы мигали зеленым светом, сообщая, что аппарат в полном порядке и готов к работе. Загружать связь не рекомендовалось: самостоятельного источника энергии группа еще не имела, а резервные батареи были рассчитаны на двое суток. Поэтому Чиф решил дождаться времени обычного сеанса, тем более следовало тщательно обдумать предстоящий разговор.

...Вчера он вызвал к Прямой линии связи отца. Было странно вместо привычного отцовского голоса наблюдать ровные строчки текста, высвечиваемые экраном. Косухин-старший, впервые за много недель назвав сына не «Джоном», а «Иваном», категорически запретил заниматься всем, что связано с Волковым и могилой на Донском.

Чиф, достав распечатку текста, внимательно проглядел долгий ряд аккуратно напечатанных строчек. Отец поделился с ним тем, что до этого знал лишь Президент Сэм и что составляло государственную тайну. Информация была засекречена еще в 21-м, когда Степан Иванович прибыл в Сент-Алекс. Итак, на Земле, кроме таинственного Агасфера и его банды, имелась еще какая-то группа, достаточно влиятельная, чтобы помочь его противникам. Отца действительно пытались убить в ночь на 4 апреля 1921 года. О его смерти Дзержинский докладывал на Политбюро, «Иваныч» проводил опознание в морге, а Волков имел все основания считать, что Степан Косухин мертв. Нетрудно догадаться, что именно Волков получил тогда, в апреле 21-го, приказ о ликвидации молодого командира. Но отец каким-то образом уцелел. Каким именно, Косухин-старший объяснять не стал, добавив лишь, что об этом он рассказал лишь Президенту Богоразу. Но с

отцом все же что-то произошло, он прибыл на Тускулу уже не таким, как обычные люди. И его сын, Джон Косухин, унаследовал эти странные свойства, о которых только начинал догадываться.

Чиф достал карандаш и принялся подчеркивать наиболее важные строчки. Итак, отец считает, что подлинные руководители большевиков скрываются в тени. У них есть что-то очень серьезное — то ли секретная техника, то ли чья-то мощная поддержка. База на Тибете, очевидно, лишь одно из звеньев невидимой цепи. Но этой силе противостояла другая — та, что помогала когда-то отцу. А раз так, надо попытаться установить контакт, найти неизвестных друзей... Но друзей Чиф еще не встретил, зато нашел Волкова. Точнее, странный комбриг нашел его сам — и неспроста. Кажется, он пытается играть свою партию. Значит?.. Жаль, что отец рассказал так мало!

Вспыхнуло красное табло — Тускула была готова к связи. Сейчас должен появиться Бен, но Чиф, не дожидаясь этого, быстро набрал комбинацию цифр, которую не рекомендовалось записывать. Это был Красный код — линия прямой связи с Президентом. Зеленая лампа мигнула и загорелась вполнакала. Теперь следовало подождать. Чиф представил себе, как звенит вызов в резиденции Председателя Думы, как Дядя Семен включает пульт...

...Лампочка вспыхнула. Чиф резко выдохнул и набрал свой личный номер. На экране высветились ровные буквы, складывающиеся в слова:

— Богораз слушает. Что случилось, Жанно?

— Дядя Семен! — пальцы Чифа забегали по клавишам. — Мне очень нужен ваш совет!..

ГЛАВА 9

ТЕПЛЫЙ СТАН

Кабинет Михаилу достался маленький, в свежей побелке, пахнущий сыростью и масляной краской. На столе красовался обещанный телефон, видом и расцветкой напоминавший крупную жабу. Но звонить можно было лишь дежурному — телефон оказался внутренним. Вдобавок кабинет находился в глухом тупике второго этажа, как можно дальше от лабораторий. Все стало ясно. Сотруднику Большого Дома предписывалось сидеть в кабинете, время от времени заказывая чай с бутербродами, и поменьше передвигаться по территории объекта.

Пару дней Ахилло делал вид, что вполне с этим смирился. Утром заходил к Гонжабову, убеждаясь, что с «подопечным» все в

порядке, после чего отправлялся в свой кабинетик. Полчаса уходило на рапорт начальству, а затем можно обкуривать потолок или читать захваченный из дому роман. Гулять по коридорам не рекомендовалось: на каждом этаже стоял наготове охранник, не спускавший глаз с чужака.

Гонжабов работал этажом выше, в большой комнате, где, кроме него, находилось еще трое сотрудников в одинаковых белых халатах. Такой же халат был на бхоте, отчего бывший монах выглядел весьма нелепо. Каждый раз, когда капитан заходил к «подопечному», перед ним лежало несколько книг на неведомых Михаилу восточных языках, которые тот лениво перелистывал. Чем он занят на самом деле, понять было мудрено.

Тернема увидеть не удалось. По предположению Ахилло, кабинет знаменитого физика находился тоже на втором этаже, но в другом крыле. Там всегда толпилась охрана.

Кое-что Михаил все же сумел понять. В зоне «В» готовился важный эксперимент. Краем уха он даже услыхал, что будет испытано нечто, называемое «объектом «Ядро-Н». Постепенно Михаила начал охватывать азарт. «Лазоревые» постарались сделать все, дабы он остался слеп и глух. Если так, то они явно недооценивают своего «малинового» коллегу!

...Утром, перед тем, как черная машина заехала за ним, Ахилло забежал к соседке по лестничной площадке, которая работала медицинской сестрой в институте Склифосовского. Вместо формы капитан надел штатский костюм. Оставалось надеяться, что «лазоревые» не проявят излишнюю бдительность. Так и вышло. Прибыв на объект, Ахилло заглянул к Гонжабову, набросал очередной рапорт и осторожно выглянул в коридор. Там было пусто, даже охранник, обычно прогуливавшийся мимо дверей, на этот раз отсутствовал. Кажется, в зоне «В» действительно намечалось нечто важное...

Из кабинета вышел уже не сотрудник Большого Дома, а обычный молодой человек в белом халате, то ли лаборант, то ли кто-то из обслуги. На кармане халата чернел какой-то четырехзначный номер, что еще более придавало Михаилу солидности. Он неторопливо спустился на первый этаж и заглянул в курилку. В коридорах и лабораториях Теплого Стана курить запрещалось, и маленькая комнатка была чем-то вроде неофициального клуба.

В этот день там собралось куда больше народу, чем обычно. На Михаила, как он и ожидал, не обратили внимания. Разговор был общим, но беседовали тихо. Долетали лишь обрывки фраз, отдельные слова, но уже скоро Ахилло понял главное: долгожданный опыт должен состояться с минуты на минуту.

— Жаль, не пустят! — бросил один из белохалатников. — Засекретились...

— Тернем тоже против, — ответили ему. — Еще ахнет!

Разговор вновь стал неразборчив, и до Михаила долетали лишь отдельные слова: «ахнет!», «не ахнет!».

— Пошли! — заключил кто-то, бросая папиросу в урну. — Хоть послушаем...

Курильщики дружно потянулись к выходу. Капитан с невозмутимым видом последовал за ними. Пройдя по первому этажу, вся компания направились через переход в соседний корпус. Но дошли только до коридора, где уже собралось десятка два таких же в белых халатах. Дальше ходу не было: высокая дверь, в которую коридор упирался, охранялась «лазоревым» постом. Пришедшие смешались с толпой. Ахилло последовал их примеру, вскоре оказавшись в самом центре. Оставалось внимательно слушать.

— Без ускорителя ничего не выйдет... не выйдет... не выйдет! — скороговоркой вещал кто-то за спиной.

— Чушь! Чушь! Чушь! — гремел, соглашаясь, чей-то бас. — Все эти выдумки Семирадских и Бергов не лучше теории теплорода, коллега!..

Остальное оказалось еще менее понятным. Упоминали о протонах и тахионах, рассуждали о погрешностях общей теории относительности, упоминая Резерфорда и Планка, а заодно жаловались, что охрана не пропускает письма и половинит продуктовые посылки. Капитан решил форсировать события.

— А по-моему.., коллега, — обернулся он к тому, кто упомянул о теории теплорода, — даже если у Тернема получится, это ничего не докажет!

— Вот! — воскликнул бас. — Сразу видно истинного ученого! Именно ничего не докажет! Это же, извините, фокус, да-с! Эйн, цвейн — и пять пудов свинца должны, видите ли, пе-ре-местить-ся!..

— Вы еще скажите, что атом неделим, — посоветовал кто-то, — и что черви зарождаются в навозе!

— В навозе! — возмутился скептик. — Именно так! Исчезновение вашего, с позволения сказать, объекта может быть истолковано как угодно, а вовсе не его пе-ре-ме-ще-ни-ем! Сегодня Тернем говорит о па-рал-лель-ной, видите ли, реальности, а завтра заговорит о машине времени. Он штукарь, а не ученый!

Спор грозил разгореться не на шутку, но внезапно один из охранников выразительно кашлянул:

— Граждане осужденные! Если будете беспорядки нарушать, всех отправим по рабочим местам. Стойте тихо!..

Красноречивое предупреждение подействовало — голоса смолкли, лишь время от времени по толпе пробегал легкий шепот.

— Сейчас, — негромко произнес кто-то, и словно в ответ из-за запертых дверей донесся низкий гул. Это продолжалось не-

сколько секунд — и вдруг стихло. Михаил был несколько разочарован, но окружающие, напротив, начали живо переглядываться, кто-то негромко крикнул: «Ура!» — и вновь наступило молчание.

Минуты через две высокая дверь приоткрылась, оттуда выглянула чья-то стриженая голова.

— Получилось! Получилось!

Снова «Ура!», на этот раз поддержанное многими голосами. Странно, но охранники почему-то смолчали. Дверь вновь приоткрылась, и в коридор вышел невысокий черноволосый мужчина. Смуглое, покрытое ранними морщинами лицо улыбалось. Толпа замерла, и капитан понял, что черноволосый и есть самый главный — Великий Тернем.

— Товарищи! — Тернем растерянно улыбнулся и потер лоб. — Объект переместился, аппаратура сработала отлично... Спасибо вам всем! Поздравляю, товарищи!..

Коридор наполнился криком. Сквозь шум до Михаила доносилось: «Ура Тернему! Даешь тахионы!..» Физик слушал приветствия с весьма смущенным видом.

— Товарищи! — крикнул он, когда голоса несколько стихли. — Сегодня в четыре собираемся здесь. Обсудим...

Он вновь улыбнулся и скрылся за дверью. Голоса вновь наполнили коридор, но все тот же охранник решительно выступил вперед:

— Граждане осужденные! От лица руководства поздравляю вас и гражданина Тернема с выполнением задания товарища Сталина! А теперь прошу всех вернуться обратно в камеры... То есть, граждане осужденные, на рабочие места.

Красноречие «вертухая» возымело магическое действие. Толпа, негромко переговариваясь, отправилась обратно по переходу.

— Это лишь мгновенный эффект! — тихо говорил кто-то. — Для эффекта в несколько секунд понадобится еще десять лет...

— Если не двадцать, — согласились с ним. — Но все же, все же...

В свой кабинет Михаил вернулся уже без халата. Мысленно поблагодарив соседку, одолжившую столь ценную спецодежду, он как ни в чем не бывало сел за стол и принялся дописывать рапорт о поведении заключенного Гонжабова.

Следующий день начался спокойно. На этот раз Михаил решил не рисковать и принялся за очередной роман. Но дочитать удалось лишь до четвертой страницы — телефон звякнул, помолчал, а затем разразился длинной трелью. Михаил осторожно поднял трубку:

— Ахилло слушает!

— Товарищ капитан! Срочно зайдите к начальнику охраны объекта!

Первая мысль была не из самых приятных: Волков узнал о его вчерашней рекогносцировке. Впрочем, особого криминала капитан в этом не видел. Обычное любопытство, свойственное людям его профессии...

Оправив гимнастерку (штатский костюм был предусмотрительно оставлен дома), он направился на первый этаж, заранее готовясь «бутафорить». Легкая улыбка, пустые искренние глаза...

— Разрешите?

Человек, сидевший за столом, поднял голову, и Михаил почувствовал внезапное облегчение. Под портретом Сталина на этот раз был не Волков, а кто-то другой, постарше, тоже с саперными топориками в петлицах, но в соседстве не с ромбом, а с тремя шпалами. Впрочем, к этой маскировке Ахилло уже привык.

— Здравия делаю, товарищ капитан госбезопасности!..

— Здравствуйте, Микаэль Александрович! Соблаговолите присесть...

Несколько старорежимная вежливость удивила, но все же понравилась.

— Я замещаю Всеслава Игоревича. Имею честь обратиться к вам по безотлагательной необходимости...

Михаил окончательно убедился, что «лазоревый» сапер явно из «бывших».

— Дело вот в чем... Согласно полученному приказу, для исполнения важного правительственного поручения из сектора «Б» будет откомандирован ваш подопечный Гонжабов. Вылет состоится этим вечером с Тушинского аэродрома...

— Мне собирать вещи?

Перспектива куда-то лететь не обрадовала. Призрак неизбежной простуды стал во весь рост.

— Никак нет. Вы останетесь здесь.

— Но... — Ахилло даже вскочил. — У меня приказ!..

— Микаэль Александрович, — негромко, но твердо перебил «бывший». — Объект, на который востребован Гонжабов, находится за пределами СССР, и допуск на него весьма ограничен...

— Я позвоню наркому...

Рисковать головой из-за «расстриги» не хотелось. Случись что, судьба капитана Ахилло решится очень быстро.

Сапер пожал плечами:

— Извольте, вот телефон. Не возражаете, ежели поприсутствую?

На этот раз пожимать плечами пришлось Михаилу. Он был тут не хозяин.

Телефонный диск имел лишь четыре цифры, от нуля до трой-

ки. Мощный гудок ударил в ухо, и капитан понял, что звонит по спецсвязи.

— Наберите тройку, — подсказал «лазоревый».

Что-то щелкнуло, резкий, нервный голос не проговорил, а почти прокричал:

— Ежов слушает!

Михаил глубоко вдохнул, прикрыл глаза...

— Говорит капитан Ахилло. Здравия желаю, товарищ народный комиссар!

В трубке послышалось нечто вроде вздоха облегчения. Кажется, нарком ждал — и опасался! — совсем другого звонка.

— Что случилось, капитан?

Теперь в голосе звучало крайнее недовольство. Ахилло постарался коротко и как можно более связно пояснить причину.

— Они не имеют права! — Из трубки ударил крик. — Заключенный находится в нашем ведении!..

Ежов помолчал, а потом совсем другим тоном поинтересовался:

— Куда его направляют?

— Одну секунду, товарищ народный комиссар...

Ахилло покосился на «лазоревого», который, конечно, слышал весь разговор: мембрана работала почти как динамик. Тот негромко пояснил:

— Объект номер один. Подписал Молотов.

Оставалось все это пересказать наркому. В трубке воцарилось молчание, затем Ежов проговорил уже без прежнего запала:

— В этом случае, капитан, вы обязаны проводить заключенного до аэропорта и лично осмотреть самолет. Поговорите с летчиком... Одним словом, примите все меры. Пока самолет не пересечет границу СССР, за вашего подопечного по-прежнему отвечаете вы! Как поняли?

Михаил понял все правильно, о чем и поспешил доложить, после чего с облегчением повесил трубку и повернулся к хозяину кабинета:

— Мне приказали...

— Я слышал и отнюдь не возражаю. Вылет в семь вечера. Позволю дать вам совет: с летчиком действительно поговорите, главное же — все опишите в рапорте как можно подробнее. Подобный документ отнюдь не помешает!

Совет был недурен, но сама ситуация по-прежнему оставалась достаточно неприятной. Фраза Ежова об ответственности за все вероятные и невероятные случайности не придавала оптимизма. Интересно, что мог увидеть Ахилло во время краткого осмотра машины? Спрятанную бомбу? Подпиленный винт?

Уже прощаясь, Михаил как бы случайно поинтересовался, когда бхота собираются вернуть в его распоряжение. Ответом

был недоуменный взгляд и предположение, что по крайней мере две недели капитан может спокойно читать роман в своем кабинете. Название романа было также упомянуто, что доказывало зоркость местной службы охраны.

Обдумав на досуге ситуацию, Ахилло решил, что нет худа без добра. Во-первых, он сможет какое-то время не видеть Гонжабова, а во-вторых, появился редкий шанс узнать нечто новое о делах в «Теплом Стане».

«Лазоревые» оказались точны: в три минуты восьмого за Гонжабовым, успевшим надеть пушистую шубу и диковинную меховую шапку с длинными ушами, зашли двое в форме и, деловито оглядев зэка, предложили следовать за ними. Ахилло был наготове: в его руках тут же оказались наручники. Один браслет, щелкнув, сжал запястье бхота, второй был уже закреплен на левой руке самого Ахилло. «Лазоревые» даже не моргнули, а Гонжабов слегка улыбнулся, словно происходящее было забавной игрой.

...Пока добирались до аэродрома, Ахилло успел сделать два очевидных вывода: зэка везут в места, где холоднее, чем в Столице, вдобавок отправляют на все готовое, поскольку вещей Гонжабов с собой не захватил...

В Тушине оказалось полно охраны, причем все — «лазоревые», хотя обычно их здесь не держали. Автомобиль проехал прямо на взлетную полосу, где в вечернем сумраке темнел силуэт огромной крылатой машины. Самолет только что приземлился. Из открытого люка выгружали какие-то ящики, по трапу сходили пассажиры, рядом стояло несколько авто и огромный заправщик. Самолет удивил — таких Михаил еще не видел. Поразило количество моторов — по два на каждом крыле и пятый, еле заметный, под обшивкой сзади.

Выйдя из машины, Ахилло и Гонжабов попали в плотное кольцо «лазоревых». Капитан решил воспользоваться моментом и перекурить, но тут внимание его привлекла странная суета у трапа. Туда уже бежала охрана, слышалась громкая ругань. Внезапно тишину разорвал отчаянный крик:

— Не имеете права! Я все расскажу товарищу Сталину!..

Ссора перешла в драку. Один из охранников скатился вниз, другой еле удержался, чтобы не упасть с трапа...

— Я не арестованный! Пустите!..

Неравная схватка кончилась быстро, люди в форме потащили вниз отчаянно упиравшегося человека в темном пальто.

— Товарищи! — Человек внезапно дернулся, на какое-то мгновение освободившись от державших его рук. — Передайте

товарищу Сталину: они включили установку на полную мощность! Как в тридцатом! Они сведут с ума всю страну! Передайте...

Крик стих — неизвестному грубо заткнули рот. Схваченного швырнули в одну из машин. Рядом послышался негромкий смех: Гонжабову было весело...

Разгрузка закончилась быстро. Заправщики принялись за работу, в открытые люки принялись заносить груз.

— Вы хотели поговорить с пилотом? — Один из «лазоревых» оказался рядом. — Пойдемте.

Отпускать Гонжабова капитан не решился и потащил его за собой. Их подвели к высокому человеку в полушубке, одиноко стоявшему чуть в стороне. Тот курил, глядя куда-то в сторону. «Лазоревый» что-то тихо проговорил и отошел.

— Забота еще, лапа медвежья! — Летчик неохотно обернулся, папироса полетела на бетон. — Ну, чего вам?

Голос показался знакомым. Михаил всмотрелся.

— Товарищ Артамонов?

— Ну я...

Пилот шагнул поближе:

— Михаил! Ты-то откуда? А кто это с тобой?

— Оттуда! — усмехнулся Ахилло. — А со мною ваш будущий пассажир.

С Артамоновым капитан познакомился несколько лет назад, но виделся редко.

— А-а! Так вот ты, значит, где обретаешься! Я-то думал, ты актер — как Александр Аполлонович. Так чего случилось, лапа медвежья? Сигнал, что ль, был?

Ситуация выглядела двусмысленной, и Ахилло поспешил объясниться.

— Понял! — кивнул летчик. — Ну, машину тебе смотреть без надобности, бомб там нет... Вот, лапа медвежья, перестраховщики! А наркому скажи: довезу груз в целости и сохранности. Машина новая, пойдем на высоте десять тысяч...

— Как? — Капитану показалось, что он ослышался. В ответ послышался смех.

— А ты как думал? Пять моторов — видел? Четыре гребут, пятый — воздух подает. Так что на погоду и на истребителей я чихать хотел. Сяду на промежуточную под Ташкентом, там прикрытие надежное...

Ташкент? Куда же дальше полетит Артамонов? В Средней Азии шуба не нужна...

— Но... ведь дальше горы!

Мысль пришла внезапно, очевидно, вспомнился рассказ Гонжабова.

— Местечко хреновое! — подтвердил пилот. — И горы, и по-

стреливают, и погода — дрянь... Ничего, сяду! Там сейчас наши «И-16» появились, прикроют... Ну чего, объяснил?

Ахилло поблагодарил, пожал крепкую лапищу летчика и отвел Гонжабова обратно к трапу. Там уже шла посадка, несколько человек в шубах и полушубках деловито поднимались к открытому люку.

— Домой летите, Гонжабов? — капитан отстегнул наручники, высвобождая «подопечного».

Бхот улыбнулся:

— Домой, гражданин начальник! Ты умный, правильные вопросы задавал. А меня спросить не хочешь?

В голосе бхота звучала издевка, но Ахилло все же решился:

— Что вы там задумали в своем кубле, Гонжабов?

Усмешка исчезла, узкие черные глаза сверкнули торжеством:

— Владыка уже пришел! Мы его слуги. Умирай спокойно, капитан, ты тоже послужил ему. Прощай!..

Наутро Ахилло не поехал в Теплый Стан, отговорившись, что сядет сочинять рапорт. Но бумага могла подождать, тем более, о чем именно писать руководству Большого Дома, капитан не представлял. Узнать за эти дни удалось немало. Теперь Михаил мог вполне связно объяснить, чем занимается одна из зон объекта, заодно сообщив много любопытного об источнике энергии, называемом «Голубой Свет», об «Объекте номер один» на Тибете, мог даже уточнить, что два наиболее напряженных периода работы «Объекта» — это 1930-й, год Великого Перелома, и нынешний, год Великой Чистки. Для усиления излучения в Теплом Стане строится ретранслятор, нечто подобное намечается и в Крыму...

Написать? Проявить бдительность и стать героем? Ежов скажет спасибо...

Михаил достал лист бумаги и начал рисовать ровный красивый треугольник. Верхний угол — Столица, два нижних — бывший монастырь на Тибете и гора Чердаш в Крыму. Потом, подумав, изобразил в центре череп со скрещенными костями, словно сошедший с Веселого Роджера... Правильный символ! Установка работает на полную мощь, невидимое излучение накрывает страну, а гениальный Тернем уже монтирует что-то вообще небывалое, невозможное...

Изорванный листок полетел на пол. Сообщить? А зачем? К этой тайне Ежова не допускают, зато все знает Молотов и, конечно, сам Великий Вождь. Рапорт капитана Ахилло ничего не изменит. Нарком получит материал для торга с «лазоревыми», но никто не попытается проверить, сказал ли правду погибший Семин, никто не выслушает того, кого привезли с Тибета и бросили в черный «ворон», никто не остановит работ в Теплом Стане, чтобы как

следует разобраться... «Малиновые», «лазоревые» — какая разница? Для них всех жизнь миллионов, в том числе капитана Ахилло, стоит недорого...

Михаил вдруг понял, что рассуждает как враг народа, но почему-то не удивился. Быть может, ордер на его арест уже на столе наркома. Жаль, отцу без него придется туго. Посоветовать уехать? Поздно, найдут... Разве что обратиться к «Вандее», к неуловимому Седому. Пусть выручит старого актера!

Мысль показалась дельной. В конце концов, почему бы и нет? Но захочет ли подполье помогать отцу гончего пса, людолова, который недавно выслеживал беглецов, попивая теплое молочко?..

Ахилло аккуратно собрал обрывки и начал, не торопясь, сжигать их в пепельнице. Значит, все? Конец? И что теперь — честно умирать?

...В июне расстреливали генералов, проходивших по процессу Тухачевского. Михаил, не особо веря в «заговор», считал, что казненные все же виновны. Военная каста рвалась к власти, пытаясь оттеснить конкурентов из карательных структур и партаппарата. Но — жуткая деталь, которую передавали буквально все: Якир, умирая, кричал: «Да здравствует Сталин!» Неужели маршал был фанатиком? Не похоже! Тогда почему? Ахилло ничего не имел против усатого Вождя. В разоренной войной стране возможна только диктатура, и Сталин честно переиграл всех своих конкурентов. Не удивлялся Михаил и обязательным портретам, здравицам, симпатичному Геловани на экранах кинотеатров. Но умирать с восторженным «Да здравствует...»?

В общем, выходило очень плохо. У Великого Вождя — великие замыслы. Например, слегка припугнуть подзабывшую 18-й год страну, заодно стравив излишне возомнивших о себе сторожевых псов, как «малиновых», так и «лазоревых». А из-за всего этого Михаилу Ахилло придется умирать, причем довольно скоро. Предателям и шпионам все-таки легче. Гестапо, сигуранца, дефензива, а также Второе бюро и Интеллидженс сервис, плохо ли, хорошо ли, но защищают своих подопечных. А честный контрразведчик мог надеяться лишь на чудо. Увы, чудеса в этой стране случались все реже и реже...

Черная машина больше не заезжала за Михаилом. Он договорился, что на пару дней Теплый Стан оставит его в покое. «Лазоревые» согласились весьма охотно, и капитан решил, что в эти дни, вероятно, намечается нечто важное, например, новый эксперимент Тернема, который не требует лишних свидетелей.

...Большой Дом показался каким-то пустым и мертвым. С Доски почета исчезли фотографии, на многих кабинетах поменялись таблички, а знакомые косились на капитана с таким видом, будто

перед ними предстал призрак. Первым делом Михаил заглянул к Альтману и сразу же наткнулся на незнакомого секретаря. Спрашивать он ни о чем не стал, а подтверждение своей догадки услыхал в коридоре, буквально через три минуты — полковника арестовали позавчера...

Ахилло передал рапорт о работе на «объекте» в приемную наркома и не спеша направился в знакомый кабинет, где работал еще с покойным Айзенбергом. Рапорт капитан составил утром, за пятнадцать минут, подробно описав самолет, пилота и меры безопасности при загрузке в Тушине. Весь этот бред вполне соответствовал приказу, полученному от Ежова. Тот, конечно, будет недоволен, но Михаилу было уже все равно.

...Сумрачный Карабаев сидел за столом, положив перед собою лист бумаги. Уже исписанные листы лежали тут же, образуя внушительную стопку.

— Товарищ капитан?

Прохор улыбнулся и стал по стойке «смирно».

— Разрешите доложить! Лейтенант Карабаев составляет отчет о командировке. Других происшествий не случилось...

Взгляд у сибиряка был весьма выразительным, и Ахилло понял, что серьезного разговора не будет. Он присел к столу и воспользовался девственно чистой пепельницей, сиротливо стоявшей на самом углу.

— Ну как дела, Прохор Иванович?

— В порядке, товарищ капитан! Здоровье — отличное!

Между тем на чистом листке бумаги появилась надпись: «Надо срочно встретиться!!!» Количество восклицательных знаков говорило само за себя.

— А я вот простудился слегка, — вполне естественно кашлянул Михаил.

Рука тем временем выводила: «Где? Когда?»

— Это хорошо. Здоровье — это главное. А от простуды молоко горячее помогает...

...«Сегодня в шесть, у памятника Сов. Конституции. Проверьтесь!»

— Насчет молока — это верно, — кивнул капитан. — Я его обычно с медом потребляю...

Тем временем неслышный диалог продолжался:

«Буду. Неужели так плохо?»

«Плохо!»

— Ну, не буду мешать, товарищ лейтенант! — Ахилло встал, наблюдая, как листок превращается в пепел. — Желаю дальнейших успехов!

Он опасался, что лейтенант переиграет, рубанув что-нибудь

несусветное, типа «Служу трудовому народу!», но умница Прохор отделался непритязательным: «Благодарю, товарищ капитан!»

К встречам с агентами Ахилло относился весьма серьезно, помня первое правило резидента: погибни сам, но агента не выдай. Он не поленился съездить домой, переодеться в старое отцовское пальто, а заодно нахлобучить на голову невообразимого вида шляпу. В таком виде да еще в темноте случайный глаз его не узнает, а насчет неслучайных капитан озаботился заранее. Он покрутился по узким улочкам за Столичным Советом, а затем купил билет в кино. Ровно через полчаса после начала фильма (показывали новый шпионский боевик «Высокая награда») Михаил пробрался к запасному выходу и через минуту был в глухом переулке.

Без одной минуты шесть он вышел на улицу Горького. Обелиск Конституции 1918 года, поставленный на месте уничтоженного памятника Скобелеву, был как раз напротив. Михаил подождал, пока проедет переполненный троллейбус, быстро прошел на середину мостовой и тут же заметил Карабаева. Прохор шел по тротуару с совершенно безразличным видом. Равнодушно скользнув глазами по окрестностям, он, не останавливаясь, миновал памятник. Капитан поспешил перейти улицу и направился следом. Вскоре Карабаев свернул направо, в невзрачный переулок, где в этот час редко можно было встретить случайного прохожего. Через несколько минут капитан был уже там. Прохор ждал его возле подъезда, через который, как помнил Михаил, можно пройти во двор, а оттуда — на соседнюю улицу.

— Добрый вечер, Прохор Иванович!

Ахилло почему-то подумал, что его нелепый вид вызовет у сибиряка улыбку, но лейтенант был невозмутим.

— Здравствуйте, товарищ капитан! Провериться бы надо...

Они свернули в подъезд, прошли черным ходом во двор и, немного подождав, вышли на улицу, такую же пустую и тихую.

— Конспирируем, Прохор?

Лейтенант промолчал, оглянулся и заговорил негромко, словно кто-то мог и вправду их подслушать.

— Тут, товарищ капитан, это... худо дело! Меня новый замнаркома выкликал, чтоб я на вас и на товарища Пустельгу бумагу составил. Будто вы и есть Кадудаль — Корфа помощник, а товарищ старший лейтенант вроде как при вас...

Сердце сжалось, хотя Ахилло давно ожидал чего-то подобного.

— У нас вообще нехорошо. Почти половина кабинетов пустые. Кого взяли, заставляют в «Вандее» признаваться. В Свер-

дловске был, так там ни начальника, ни заместителей — всех замели за то, что Фротто помогали...

Ахилло задумался.

— А ведь интересно получается, товарищ лейтенант! Из-за этой «Вандеи» весь наркомат скоро по частям разберут! А мы даже не знаем, существует ли она... Бумагу написали?

Прохор помотал головой:

— Не-а, товарищ капитан. Не написал. Ведь не спасет! Скажут, работал в одной группе со шпионами — и крышка. Сами же знаете: признаваться — последнее дело...

Они медленно шли по мокрой, освещенной редкими фонарями улице, и Ахилло внезапно подумал, что эта встреча, вероятно, последняя...

— А насчет «Вандеи» вы правы, — вздохнул Прохор. — То ли есть она, то ли нет... Смотрел я дела в Ленинграде и в Свердловске. Все эти диверсии вначале как обычные аварии проходили. А теперь любую поломку на Фротто списывают...

Ахилло кивнул, соглашаясь. Такая мысль тоже приходила в голову.

— Опять же, смотрел я дела по Столице. Взяли несколько групп. Ничего на них нет, одни разговоры. Сначала от всего отпирались, а потом сами себя «вандейцами» признали. Вот и верь!

— А чему вы удивляетесь, Прохор? — Капитан резко повернулся. — Мы с вами в органах не первый год! Как готовили процессы — знаем. Просто теперь дошло до нашей шкуры...

— Я вот чего думаю, — невозмутимо продолжал сибиряк. — Если чего мы и нашли, то это Дом на Набережной. Да только начальство чего-то молчит. Не поверили?

— А я никому не рассказывал, — усмехнулся Ахилло. — И рассказывать не буду. Мой вам совет — молчите! Пустельга сунулся — и пропал. Чья теперь очередь?

На самом деле капитан думал не только о безопасности лейтенанта Карабаева. Впрочем, сибиряк был умен и многое умел понимать без слов.

— Давеча к Бертяеву заходил, — сообщил он, словно разом позабыл о «Вандее». — Приглашал же — неудобно!

Ахилло улыбнулся. Бывший милиционер в гостях у драматурга, знаменитого своей эксцентричностью, — зрелище само по себе любопытное.

— Вас его фрак не смущает? — не удержался Михаил.

— А чего — фрак? — удивился лейтенант. — Каждый в свой срок одеваться должен. Он — человек театральный, ему фрак положен... Книжку подарил! Хотел надпись сделать, но я сказал, что не стоит...

Пояснений не требовалось. В случае ареста Карабаева дарственная надпись могла дорого обойтись автору...

Не дойдя до конца улицы, Прохор оглянулся и кивнул в сторону темной подворотни. Ахилло удивился, но не стал спорить.

— Следят? — поинтересовался он, оказавшись в небольшом пустом дворике.

— Следили бы, сюда не пошел, — спокойно ответил лейтенант. — Тут другое дело. Даже два...

Было видно, что он колеблется, не решаясь начать. Чтобы дать Прохору время, капитан достал пачку «Казбека» и закурил.

— Ну, в общем, я подумал. Прикинул, значит... Ни к чему вам, товарищ капитан, зазря пропадать. Вы ж не шпион, не двурушник!..

Ахилло вначале удивился, потом встревожился. Таких речей от лейтенанта он не ожидал.

— Прохор Иванович, да откуда вы взяли? Да, может, я и есть Кадудаль? Может, это я беднягу Айзенберга взорвал?

Карабаев насупился:

— Не Кадудаль вы, товарищ капитан. И Айзенберга не вы взрывали...

— Вот как? — усмехнулся Михаил. — А кто тогда?

— Мне-то почем знать? — невозмутимо ответил лейтенант. — Да только не вы это... Я к чему... Союз — он велик, вам бы в командировку на месяц-другой и подальше. Говорят, многие так делают...

— Говорят, Прохор Иванович. Да только не пошлет меня Ежов в командировку. Не пустит!..

В словах лейтенанта был резон, но Михаилу показалось, что вначале Прохор хотел сказать что-то другое. Хотел — но не решился...

— Дурная у нас профессия, Прохор Иванович. Даже умирать приходится в одиночку! Так что, считайте, вы мне ничего не говорили... Ну что, так и будем стоять?

— Зачем стоять? — удивился Карабаев. — Подняться можно. Тут мой земеля живет. Омский... Чайку выпьем.

Ахилло наконец-то понял, что лейтенант вел его сюда не зря.

— Прохор! Да вы меня, как студент курсистку, заманиваете! Сперва встретимся, потом погуляем, затем чаю выпьем...

— Земеля мой — он в угро служит. Дело Пустельги вел, пока «лазоревые» не отобрали... Поднимемся?

Простоватый на вид сибиряк умел удивить. Отказываться было глупо да и нечестно по отношению к пропавшему Сергею...

Открыли им сразу. В маленькой, бедно обставленной комнатушке царил холостяцкий беспорядок. Потрескавшиеся стены были оклеены вместо обоев старыми газетами, а единственным украшением жилища служила висевшая на гвозде кобура английского «маузера». «Земеля» оказался виду поистине грозного: двухметрового роста и необъятным в плечах. Но держался сыскарь скромно и тихо, явно робея перед гостями. Прохор представил сослуживца несколько необычным образом, коротко сообщив: «Это он!»

— Михаил, — счел необходимым уточнить Ахилло.

— Евлампий я, — еще более смутился «земеля». — Только, чтоб не смеялись, я тут больше Евгением прозываюсь...

Трудно сказать, кто решился смеяться над «земелей» с его пудовыми кулаками. Впрочем, усугублять эту тему не стали. Обещанный чай так и не появился — сразу перешли к делу. Из первых же слов Евлампия-Евгения Ахилло понял, зачем лейтенант привел его сюда. Правда, Карабаев ошибся: его земляк не имел прямого отношения к поискам старшего лейтенанта Пустельги. Он вел дело Веры Лапиной.

...Исчезновение актрисы наделало в Столице много шума. Сам товарищ Каганович распорядился форсировать розыски. Когда же тело девушки было найдено на Головинском, последовал еще более категорический приказ — найти убийц. Столицу разбили по кварталам. Фотография актрисы была показана всем дворникам, постовым и внештатным агентам. На второй день после похорон Лапиной ее опознал по фотографии дворник дома, где жил Сергей Пустельга.

Дальше было несложно. Лапину вспомнил швейцар — внештатный сотрудник органов, а также один из соседей, гулявший вечером с собакой. Девушку видели в подъезде два раза, причем второй — в день, когда, по предположению следствия, она была убита. Швейцар не мог точно указать квартиру, куда заходила актриса, но этаж вспомнил сразу. Пустельгой заинтересовались, поскольку только старший лейтенант и его сосед-конструктор были холостыми, остальные на этаже — сплошь супружеские пары с детьми. После того как Сергей исчез, группа получила разрешение на обыск. В комнате была найдена пудреница и несколько шпилек. На пудренице имелись инициалы, принадлежавшие матери пропавшей. Вскоре вещь была опознана родителями и подругами...

Ахилло слушал молча, стараясь не выдать волнения. Сергея подозревали в обычном убийстве — на почве ревности или по иной, еще более ординарной, причине. Но Михаил знал то, до чего не докопались столичные сыскари. Эту кашу заварил он сам, рассказав Пустельге об актрисе, которую шантажировал мерза-

вец Рыскуль. Сергей со своей провинциальной наивностью попросил помощи у Волкова...

«Земеля» между тем продолжал рассказ. Сотрудники угро попытались проверить, что делал Пустельга в последние дни перед исчезновением. Оказалось, что старший лейтенант заходил в морг, где хранился труп убитой актрисы, и о чем-то беседовал с паталогоанатомом. Сразу же появилось предположение, что сотрудник Большого Дома мог принудить врача фальсифицировать результаты вскрытия. Но врача допросить не удалось. В дом на Огарева явились «лазоревые», забрав оба дела — и об исчезновении Пустельги, и об убийстве актрисы. Вскоре Евлампий узнал, что паталогоанатом арестован и сгинул где-то в подвалах НКГБ...

Капитан хотел было уже задать так и просившиеся на язык вопросы, но его опередил Карабаев.

— А ты, Евлампий, с чего решил, что товарищ Пустельга виновен? — хмуро глядя на «земелю», поинтересовался он. — Он мужчина правильный, с чего это ему барышню убивать?

Сыскарь виновато развел руками:

— Прохор, ну ты чего? Мы всякие версии отрабатывали. Да только подозрительно очень. Даже как познакомились они, непонятно. В Камерном театре он не бывал, да и общих знакомых не имеется. Не на улице же! Лапина тоже с кем попало знакомство не водила.

— У них мог быть общий знакомый, — не выдержал Ахилло. — Я, например.

Евлампий удивленно моргнул:

— Михаил, ну... Так чего же это? Чего ж молчали?

— Меня не спрашивали...

Капитана допросили всего один раз, сразу же после исчезновения Пустельги, а с тех пор словно забыли. О Лапиной вопросов не задавали, и Михаил промолчал. Пришлось бы рассказывать о Рыскуле, а заодно и о многом другом, не менее скользком. В таких случаях следствие внезапно глохло и слепло.

— Я знал Лапину, — продолжал Ахилло. — Пустельга познакомился с нею после одной истории... Да вот не знаю, стоит ли рассказывать. Ведь следствие вы не ведете...

Евлампий, он же Евгений, вновь развел руками. Действительно, Михаилу оставалось лишь самому явиться в НКГБ. Интересно, как они отреагируют на причастность к этому делу командира отряда «Подольск»?

— «Глухарь», в общем, — подытожил «земеля». — А тут еще...

Он заговорил совсем тихо, шепотом, словно боялся собственных слов. За квартирой Пустельги велось наблюдение. На третью ночь сотрудники угро задержали странную девушку, которая долго стояла в подъезде, а затем поднялась и позвонила в кварти-

ру старшего лейтенанта. Девушка казалась явно не в себе: не отвечала на вопросы, почти не разговаривала, словом, определенно была больна. Ее успели отвезти на Огарева, но тут откуда-то появился «лазоревый» полковник и потребовал немедленно отпустить задержанную. Сыскари рискнули возмутиться, полковник исчез, но вскоре появился вновь, уже с бумагой, подписанной начальником столичного угро.

— Вот, — прошептал «земеля», извлекая из-под лежака небольшую серую папку. — Ребята еле успели... Хорошо еще, «лазоревый» не догадался!..

Это оказались фотографии. Выполнены они были неважно, в явной спешке. Лицо задержанной казалось перекошенным, глаза закрыты, густые волосы неровными прядями падали на лоб. Ахилло с минуту смотрел на фото, затем так же молча отдал его Евлампию.

— Ну, стало быть, пошли мы, — вздохнул Карабаев. — Благодарствую, Евлампий!

— Да что там! — махнул ручищей сыскарь. — Если б я помочь мог...

— А вы и помогли, — кивнул Ахилло. — Большое спасибо!

По лестнице спускались молча.

— Ну чего? — осведомился наконец лейтенант. — Вы — направо, я — налево?

— Скорее наоборот, — попытался пошутить капитан, но Прохор явно не понял его мрачного юмора. Он неуверенно потоптался на месте, а затем внезапно повернулся:

— Только... Товарищ капитан, вы все-таки скажите, вдруг пригодится... Кто на фотографии-то был?

Михаил не знал, что ответить глазастому сибиряку. Поверит ли он? Ахилло и сам не верил своим глазам, хотя Веру Лапину, актрису Камерного театра, узнал сразу.

ГЛАВА 10

«СИБЫ»

— Люба! Вам пора домой, скоро стемнеет...

— Я сейчас, Вячеслав Константинович. Только кашу доварю.

Больной лежал на высоких подушках, бессильно откинув голову. Лицо, когда-то красивое, было белым, под цвет наволочек, на лбу и возле рта залегли глубокие резкие складки, большие руки недвижно лежали вдоль исхудалого тела. Художнику Вячеславу Константиновичу Стрешневу было едва за тридцать, но выглядел он на все сорок пять. Еще недавно сильный и энергичный,

он теперь едва мог вставать с деревянного топчана, заменявшего кровать.

Лу между тем боролась с примусом, который то совсем не желал гореть, то вспыхивал ярким пламенем, начиная угрожающе шипеть. Готовить приходилось тут же — в большом помещении под крышей, служившем и жилищем, и мастерской. Картины, в подрамниках и без, были расставлены вдоль покрытых облупившейся краской стен.

— Люба! Вы совершенно напрасно утруждаете себя. Я и сам могу приготовить не хуже..

— Это моя работа. Я ведь патронажная сестра, мне за это платят...

«Патронажной сестрой» Люба Бенкендорф работала уже третий день. Конечно, в районной больнице, где она якобы служила, такой должности не было и в помине, но дотошная Лу вспомнила, что читала о подобном в одном американском журнале.

— Готово! — сообщила она не без гордости. — Даже не пересолила.

— Все! Отправляйтесь домой! — Художник закусил губу и медленно сел на топчан. — Вы и так потратили на меня уйму времени, а вам еще в пригород ехать...

Легенда Лу была проста — девушка из провинции, закончившая курсы медсестер и случайно, из-за болезни тетки, жившей в Столице и нуждавшейся в уходе, оказавшаяся в большом городе.

Люба хотела снять белый халат, но вовремя вспомнила, что здешние сестры милосердия, именовавшиеся жутким словом «медсестры», надевают пальто прямо поверх халата. С точки зрения гигиены, это было совершенно недопустимо, и девушке приходилось стирать халат каждый вечер. Еще хуже оказались медицинские принадлежности местного производства. Вид здешних шприцов вызывал ужас, посему Лу решила пользоваться своими, понадеявшись, что художник не заметит разницы.

— Вячеслав Константинович! Можно я еще минуту побуду? Хочу на ваши картины взглянуть.

Картины были хороши. Люба, успевшая сдать экстерном за два курса искусствоведческого отделения в университете Сент-Алекса, была вначале удивлена, а затем пришла в восторг. Особенно поражали краски, их сочетание порой восхищало, а порой и пугало.

Художник бледно улыбнулся и покачал головой, явно не одобряя подобного интереса:

— Люба! Вы бы лучше в Третьяковку сходили!..

— Я была. Мне не очень понравилось.

Это была чистая правда. Лу зашла в музей, но повидать человека, которому должна была передать письмо, не удалось — тот

был арестован еще в прошлом году. Девушка честно обошла залы, но «реалисты» навевали скуку, «советское» искусство же просто смешило. Восхитили иконы, но, когда девушка увидела Владимирскую Богоматерь, с которой сорвали ризу и распяли на бледно выкрашенной стене, ей стало не по себе.

— Вам учиться надо! — продолжал художник. — Вы девушка умная, талантливая, но семь классов — это мало, поверьте...

Люба покорно вздохнула. Выдерживать роль недоучившейся сестры милосердия стоило немалых трудов. Все время приходилось сдерживаться, чтобы не заговорить по-французски.

— Мне нравятся ваши картины, Вячеслав Константинович. В Третьяковке таких нет.

— Помилуйте! — Стрешнев с трудом встал и принялся за кашу. — Ну чем они вам нравятся?

— Краски, — не задумываясь, ответила Лу. — Контрасты цвета. Рокуэлл Кент и Рерих тоже пытались, но у вас...

Она осеклась. Художник смотрел на нее во все глаза, забыв о стынущем обеде.

— Люба! В Советском Союзе нет ни одной картины Рокуэлла Кента! Откуда вы..

— А из журнала ихнего, — храбро пояснила Лу. — У нас одна больная приносила. Там по-американски все, но картинки я посмотрела.

Девушка искоса поглядела на больного. Поверил?

— А вы наблюдательны, Люба. К сожалению, в нашем родном отечестве до сих пор в ходу незабвенные традиции Академии художеств. Я-то что, но вот Филонов, не мне чета... Иногда кажется, что приходится разговаривать с глухонемыми...

— Вы ешьте, Вячеслав Константинович! Остынет.

Пора было уходить — слишком долгие визиты «медсестры» могли вызвать подозрение у наблюдательных соседей. Внезапно в дверь постучали.

— Странно, — молвил художник. — Кто бы это? Откройте, будьте добры...

На пороге стоял невысокий широкоплечий мужчина в дорогом ратиновом пальто и модной темной шляпе. На загорелом лице остро светились небольшие серые глаза.

— Добрый вечер! Мне Славу... Он здесь?

— Да... — растерялась Лу. — Проходите, пожалуйста...

— Спасибо.

Гость снял шляпу. Он оказался коротко, по-военному подстрижен, на виске белел небольшой шрам.

— Вы ко мне? — послышался голос Стрешнева, и тут же прозвучало удивленное и немного испуганное: — Володя?!

— А ты кого ждал?

Гость ворвался в комнату, схватил художника за плечи и крепко обнял.

— Славка! Чего болеешь? Ты это брось!

— Ерунда, ерунда, поправлюсь...

Художник говорил явно не думая, автоматически. Глаза не отрывались от лица гостя:

— Володя... Ты... жив?

— Нет, помер! — рассмеялся тот. — И с чего это меня все хоронить стали? Я тебе продуктов притащил, чтоб апельсины лопал и лимонами закусывал. Какие тебе лекарства нужны?

— Вот! — Художник с улыбкой посмотрел на девушку. — Меня лечат. Познакомьтесь: Люба Баулина, медсестра из нашей районной, а по совместительству — мой ангел-хранитель. А это мой старый друг Володя...

— ...Синицын, — быстро произнес гость.

— Да-да, Володя Синицын...

Рука гостя оказалась твердой и сильной. Их глаза встретились, и Лу вдруг совершенно ясно поняла, что старый друг Стрешнева такой же Синицын, как она — Баулина.

Пора было уходить. Девушка с трудом переборола искушение подождать минуту-другую под дверью и послушать, о чем пойдет разговор. Кажется, у ее подопечного имелись весьма интересные знакомые.

Добравшись до метро, Лу проехала две станции в обратную сторону, а затем пересела в нужный поезд. Предосторожность казалась лишней, но «домой», в убежище, скрытое за стенами старого завода, девушка не торопилась. Она уже знала, что нынешний вечер будет под стать прошлому. Брат и Джон разойдутся по разным комнатам...

Бен обиделся. Телеграмма Президента с разрешением Косухину-младшему действовать самостоятельно нарушала обычные правила. Но дело было даже не в правилах. Чиф решил действовать сам, впервые в жизни ничего не сказав другу. Вначале Бен пытался расспрашивать, объяснять, что одному Джону не справиться, а потом умолк, отделываясь лишь самыми нужными фразами. Порой Лу становилось не по себе. Хотелось, как это бывало в детстве, сказать: «Ну мальчики, перестаньте! Мир!» Увы, мальчики выросли...

Чиф мерз, несмотря на теплое пальто, шарф и шерстяные носки. Над Столицей повисли свинцовые тучи, прорывавшиеся то холодным дождем, то колким снегом. Казалось, сама природа не желает праздновать славную годовщину Великой Октябрьской

социалистической. Впрочем, праздники прошли, как полагалось, и даже черная мгла над Главной Площадью 7 ноября, заставившая включить средь бела дня зенитные прожектора, не убавила хорошего настроения строителей самого справедливого в мире общества.

Итак, Чиф мерз, но дело того стоило. Прямо перед ним находился вход в некое учреждение. Он не был главным, но сотрудники данной конторы чаще всего пользовались именно им, как менее приметным. Конечно, стоять тут было опасно, но как раз напротив дверей, по другую сторону улицы, находился большой продовольственный магазин. Это облегчало дело. На всякий случай Чиф, вспомнив памятный день своего первого визита в Дом на Набережной, купил букет астр. Одинокий влюбленный, ожидавший подругу на оживленной улице, не вызывал любопытства.

...Ежась от холода, Чиф то и дело вспоминал такого же замерзшего молодого человека у подъезда Дома на Набережной. Еще тогда он подумал, что тот мог наблюдать за подъездом. Правда, цветы сбили с толку, и Чиф запоздало ругал себя за неосторожность...

Большая шестиместная машина с зашторенными окнами притормозила у самого подъезда. Чиф медленно повернулся, но оттуда не спеша выбрался какой-то толстый коротышка. Молодой человек вздохнул, поднял выше воротник пальто и поправил нелепые очки, так и норовившие слезть с носа.

Очки предложила Лу. Усы и бороду отбросили сразу: ходить, как персонаж популярного в этой стране фильма, в гриме и парике, было опасно. Зато очки, купленные в ближайшем магазине «Оптика», пришлись впору. Большие, уродливые, они настолько изменили внешность Косухина, что даже Бен одобрительно кивнул.

...Размолвка с приятелем расстроила Чифа чрезвычайно, но он понимал, что иначе нельзя. Подвергать опасности не только жизнь Бена, но и задание, с которым группа была направлена в Столицу, он не имел права. Оставалось попросить у Президента исключительное разрешение — разрешение на личный риск. Жаль, Бену ничего не пояснишь! Пока, по крайней мере...

Новая машина — и вновь приехавший был не тем, кого он ждал. Чиф вдруг подумал, что «объект», которого он выслеживал уже второй день, мог не пользоваться автомобилем. В этом случае все труды пропадут зря — разглядывать каждого, заходящего в двери, было слишком опасно. Оставалось надеяться на удачу.

...Итак, право на личный риск. Кажется, Дядя Сэм его понял. Жаль только, что ни он, ни отец не пояснили Чифу, что действительно произошло в апреле 21-го. Он так и не мог понять, отчего. Ведь если в Столице имеются тайные и могущественные друзья, это очень облегчало задачу...

Снова черное авто. Чиф разочарованно вздохнул — ему не везло. Он уже решил попытать счастья на следующий день, как вдруг в дверях появилась высокая фигура в серой шинели. Тот, кто вышел из подъезда, пожал руку другому, собиравшемуся сесть в автомобиль, взглянул на часы и достал пачку папирос. Еще не веря в удачу, Чиф оглянулся, чтобы не попасть под шальную машину, и направился прямо через улицу. Ступив на тротуар, он хотел выбросить цветы, но внезапно пожалел ни в чем не повинные астры...

...Тот, в серой шинели, обернулся, холодный взгляд светлых глаз скользнул мимо, но вот на пунцовом, налитом кровью лице, проступило недоумение.

— Вы? Какого черта? Записались в клуб самоубийц?

— Мне надо поговорить с вами, Венцлав.

Тонкие губы дернулись:

— Что вам надо? — Волков подошел совсем близко, и молодому человеку стало не по себе от взгляда — полного ненависти и одновременно странно неживого. — Я вам все сказал. Вас ищут по всей Столице!..

— Я передал ваши слова отцу. Желаете выслушать ответ?

Налитое кровью лицо на какой-то миг побледнело:

— Сейчас я занят. Через два часа, в сторожке на новом Головинском кладбище. Спросите Фраучи...

Чиф, не прощаясь, быстро повернулся и зашагал прочь, не оглядываясь. Бледные астры внезапно показались счастливым талисманом. Удивило лишь пристрастие краснолицего к кладбищам. Может, странный комбриг считает, что там легче избежать любопытных глаз?

Он сделал круг по городу, проверяясь, как учил его Казимбек, а затем нашел нужный автобус и втиснулся в потную недовольную толпу. На этот раз поездка ничуть не раздражала, может быть, потому, что Джон ехал туда, где его ждали мертвецы и те, которые ничуть не лучше их.

Он вышел на Ленинградском шоссе и, расспросив бабушку на остановке, повернул направо. Город остался позади. Вспомнив карту, Чиф сообразил, что чуть дальше находится большой заводской район, но эта местность была безлюдна. Строители, выполнявшие сталинский план реконструкции Столицы, еще не успели застроить огромные, покрытые травой и кустарником пустыри. Справа темнела небольшая роща, голые черные деревья прижимались друг к другу, словно спасаясь от ноябрьских холодов. Слева было поле — неровное, в небольших промоинах и уродливых буграх. Здесь, вне каменных лабиринтов большого города,

ледяной холодный ветер брал свое. Джон засунул руки поглубже в карманы, жалея, что не захватил теплых перчаток. Было тихо, лишь сзади доносился шум проносящихся по шоссе машин.

Он шел минут десять, но вокруг была все та же безрадостная мертвая равнина. Где-то высоко послышался пронзительный резкий крик — черная птица вынырнула из поднебесья, сделала круг над самой землей и вновь унеслась к низким тучам. Наконец слева показался высокий серый забор. Кладбище было новым, деревья не успели поднять свои кроны, и за серым камнем ограды, казалось, царила пустота. Что-то тут было не так. Чиф оглянулся и понял: на кладбище не было церкви. Здесь не искали успокоения в боге... Вновь закричала птица — крик был злым, недовольным. Сырой холод стал пронимать до самых костей...

Наконец он увидел ворота, чугунные, небрежно покрытые свежей зеленой краской. Чиф оглянулся и, не заметив ничего подозрительного, быстро перешел дорогу.

...Слева и впереди тянулись ряды могил, окруженных стальными оградками, возле которых торчали невысокие прутики голых саженцев. Прямо перед воротами оградок не было, и Чиф рассудил, что перед ним своеобразная почетная аллея. Его внимание привлекло большое низкое здание из серого камня, стоявшее справа. На сторожку оно никак не походило, скорее напоминало склад или провинциальный кинотеатр, зачем-то построенный в столь неподходящем месте. Очевидно, Венцлав имел в виду именно его...

Ветер стих, но Косухина почему-то начал бить мелкий озноб. Он стиснул зубы, быстро растер занемевшие руки и направился вдоль аллеи, куда выходила дверь, вернее целые ворота. Они оказались заперты, и Чиф пошел дальше, решив обойти здание вокруг. Еще одна дверь обнаружилась с тыльной стороны. Замка не было. Джон потрогал рукой сырой металл и постучал. Послышался скрип, железная дверь начала медленно отворяться. Чиф вздрогнул: из полутьмы на него глядела безжизненная, покрытая глубокими морщинами личина. Желтая кожа обвисала складками, из-под надвинутой по самые брови шапки-треуха недобро глядели светлые, словно выцветшие глаза...

— Тебе чего?

Кажется, гостю здесь не были рады.

— Мне... Мне Фраучи...

Внезапно взгляд стал другим — снисходительным, понимающим. Бледные, цвета щек, губы скривились:

— А-а-а! Заходи, здеся он...

Косухин несколько растерялся. Почему-то думалось, что «Фраучи» — это просто пароль. Впрочем, отступать было поздно.

Чиф перешагнул через порог. Тот, кто встретил его, выглянул наружу, удовлетворенно кашлянул и тщательно запер дверь.

В небольшой комнате стояли ведра с желтым песком и стальной сейф. Не стене красовался знакомый портрет человека с усами в окружении несколько грамот, вымпел с цифрой 1 и большой график, оказавшийся «Экраном социалистического соревнования спецкомбинатов Столицы». Подслеповатое окошко нехотя пропускало серый дневной свет.

Чиф решил, что разговор состоится здесь, но встречавший, очевидно, сторож, ухмыльнулся и, достав из кармана старого ватника ключи, отворил дверь, ведущую в глубину здания. За ней оказалась еще одна комната, заставленная свежими, пахнущими хвоей венками, а следом железная дверь, ведущая в темный коридор. Наконец Джон вдохнул холодную сырость большого зала. Тонкий луч света с трудом проникал сквозь забитые досками окна, падая на штабеля ящиков, загромоздивших углы. У двери стояли стол, два старых табурета и железная печка. В центре, прямо в полу, чернел большой железный люк, запертый на массивный замок.

За столом сидел мужчина средних лет в серой шинели. В первую секунду Чифу показалось, что это Венцлав, но человек встал, и стало ясно, что они ничем не похожи, разве что ростом. Незнакомец был постарше, с лицом незлобным, скорее даже добродушным. На петлицах тускло светились три шпалы и знакомая саперная эмблема.

— К вам, гражданин начальник. Из наших вроде... — буркнул сторож и удалился неровной шаркающей походкой. С грохотом захлопнулась дверь. Человек вышел из-за стола, внимательно взглянул на гостя, протянул широкую ладонь:

— Фраучи.

— Косухин...

Собственная фамилия вырвалась невольно, и Чиф тут же пожалел о своей неосторожности.

— Соблаговолите присесть...

Джон устроился на табурете, соображая, с чего начать разговор. Странная фраза сторожа удивила. «Из наших...» Что это могло означать? В кладбищенских чинах Косухин-младший не состоял, да и полковник Фраучи не походил на могильщика.

— Чем могу служить, товарищ Косухин? Что-то случилось?

Тон был доброжелательный, спокойный. Невольно подумалось: что у этого вежливого красного офицера может быть общего с краснолицым?

— Мне назначил встречу Венцлав... Волков. Сказал, чтобы я спросил вас. Честно говоря, я думал, что это условный знак.

Фраучи улыбнулся:

— Мы с Всеславом Игоревичем сослуживцы. Он обещался быть попозже, так что извольте обождать. Вы, как я понимаю, его друг?

— Едва ли...

Чиф помнил о конспирации, но быть «другом» краснолицего не хотелось даже на словах.

— Всяко бывает, — кивнул Фраучи. — Постойте, товарищ Косухин... Ну конечно! Легки, как говорится, на помине! Не боитесь средь бела дня ходить по Столице, Степан Иванович?

Оставалось вновь удивиться, на этот раз всерьез. Кажется, его опять спутали с отцом, но...

— Неужели я похож на сорокалетнего?

Полковник взглянул на Чифа удивленно, всмотрелся, покачал головой.

— Похожи, как и все мы... «СИБа» легко узнать. Да и фотографию я вашу видел, ведь вы в розыске состоите.

Чиф не стал переспрашивать. Почему-то стало не по себе.

— Всеслав Игоревич рассказывал. Они не оставили вас в покое...

Получалось что-то дикое и невозможное. Его не просто спутали с отцом, его принимали за покойника!

— Простите, товарищ Фраучи. Я — не Степан Косухин. И я живой...

Полковник грустно улыбнулся:

— Как и все мы. В определенной степени...

Договорить он не успел. Что-то заскреблось в дверь, ударило, послышался сердитый голос сторожа...

— Стой! Куда ты! Стой, говорю!

За спиной Чифа что-то завозилось, сторож охнул, а затем недовольно проговорил:

— Вот, гражданин начальник! Опять...

У дверей стояла девушка в легком, явно не по погоде, черном платье. Длинные светлые волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Она стояла неровно, чуть пошатываясь, голова то и дело заваливалась набок.

— Уходи! Уходи, слышишь! Нельзя тебе!

Сторож стоял рядом, явно намереваясь взять гостью за плечи и увести обратно. Фраучи медленно встал, бросил Косухину: «Извините», подошел поближе:

— Вера! Вера, вы меня слышите?

Девушка что-то пробормотала и неуверенно шагнула вперед. Голова странно дернулась. Тонкий луч света упал на белое, словно известь, лицо. Взгляд из-под полузакрытых век был безжизненным, ничего не выражавшим. Чиф успел заметить, что черное

платье с серебряной розой на плече порвано в нескольких местах. Мелкие комья земли запутались в волосах.

— Вера! Зачем вы встали?

Ее голова вновь дернулась, медленно открылись глаза, тусклый неживой взгляд задержался на Чифе.

— Вера!

Удержать ее полковник не смог. Девушка рванулась вперед, пошатнулась, чуть не упала. Казалось, тело и ноги двигаются врозь. Она все же добежала, вцепилась белой тонкой рукой в край стола и начала медленно заваливаться набок. Джон вскочил, услышал предостерегающий окрик Фраучи...

...Холодные пальцы сомкнулись на его горле. Лицо девушки оказалось совсем рядом, широко открытые глаза были холодны и пусты, из приоткрытого рта доносилось хрипение. Нелепая, жуткая мысль заставила окаменеть: мертвая! Она — мертвая...

Чиф все же сумел освободиться и отскочить в сторону. Тело в черном платье шатнулось, но Фраучи и сторож уже были рядом. Девушку схватили за плечи, пытаясь отвести назад, к двери. Послышался негромкий тоскливый вой. Миг — и она вновь вырвалась, бросилась вперед...

— Осторожнее! — крикнул Фраучи. — Не позволяйте ей...

Он опоздал. Девушка, легко отбросив руку Чифа, вцепилась холодными пальцами в плечи, потянулась вперед. Косухин закрылся локтем. Краем глаза он заметил, как оскалился рот, как сухо клацнули зубы...

— Рука!..

Он понял, что не успеет. На миг стало страшно, но Джон тут же вспомнил нехитрый фокус, который он недавно демонстрировал друзьям.

...Ее зубы вцепились в ладонь, но боли не было. Мертвый костяной стук — челюсти сомкнулись, пройдя сквозь кисть, словно через туман. «Из наших...» Да, похоже, он, Джон Косухин, тоже из этой компании...

Девушку оттащили, она уже не сопротивлялась, лишь тихо стонала. Безжизненное тело уложили на один из ящиков. Сторож и Фраучи уже возвращались, как вдруг послышался глухой удар — кто-то бил в крышку подземного люка.

— Почуяли, — буркнул сторож, — теперь не уймутся!

Удары следовали один за другим. Кто-то — или что-то — рвалось из подвала наверх. Фраучи озабоченно покачал головой и что-то тихо сказал сторожу. Тот кивнул и вышел, плотно закрыв дверь.

— Она вас не задела? — Полковник присел к столу и вытащил пачку «Салюта». — Впрочем, я, кажется, успел заметить...

Чиф поспешил убрать руку подальше.

— Полезное свойство...

— Да, — выдохнул Чиф, постепенно приходя в себя. — Наверное... Но что это? Объясните! Вы сказали, что я — «СИБ»...

— Не знаете наш советский язык? Вы иностранец?

— Да...

Фраучи вздохнул:

— Сие несложно. Ныне в моде сокращения. ЧК, ВСНХ, Ликбез... А ежели поближе к теме: КР — «контрреволюционер», ЧСИР — «член семьи изменника родины»... А мы с вами — «СИБы» — «существа с измененной биологией». Очень по-деловому, правда?

Голос Фраучи звучал невесело, в нем слышалась горькая ирония.

— Существуют еще какие-то категории: «СИБ-1», «СИБ-2»... Прямо как название лагерей! Я, кажется, «СИБ-1»...

Яснее не стало, скорее наоборот.

— Эта девушка... она больна?

— Можно назвать и так... Когда-то такое и вправду считалось болезнью. Какое-то изменение в организме еще до рождения. Ребенок рождался уродом, таких называли «одминами», и жили они недолго. Но мог родиться и вполне здоровым, перемены начинались уже в подростковом возрасте. Изменялось все — система кровообращения, пищеварение, даже костяк. Таких чаще всего убивали... Читали об упырях?

Чиф удивленно пожал плечами:

— Но ведь это сказки! Если это болезнь...

— Да, болезнь. Большинство умирали через несколько лет. Некоторые выживали и жили долго, дольше, чем обыкновенные люди... Кстати, кровью питались лишь некоторые — у кого организм уже не принимал обычной пищи. Таких уничтожали в первую очередь...

— Но... в легендах они... эти существа... бессмертны!

Фраучи покачал головой.

— Помилуйте! Просто их смерть... Наша смерть... Она другая. Отсюда все эти подробности с ожившими мертвецами. Таких часто хоронили заживо, они сходили с ума... Слышите?..

В люк продолжали стучать. Откуда-то из-под земли глухо доносился низкий нечеловеческий вой.

— Болезнь заразная — передается с кровью, тут легенды не лгут. Она может протекать по-всякому — и в самой легкой форме, и в такой, как вы слышите... Конечно, не все безропотно давали себя убивать — некоторые убивали в ответ, другие, сойдя с ума, становились действительно опасны... К сожалению, медицина этим не занималась. Я слыхал, в веке XVIII, после первых научных описаний в Трансильвании, некоторые врачи пытались,

но против выступила церковь и, так сказать, прогрессивная общественность. Для науки мы не существуем...

Чиф слушал, не зная, верить ли. Пока все было логично — слишком логично...

— Извините... А всякие, ну... оборотни. Я слыхал...

Фраучи не удивился.

— Я тоже слыхал. У некоторых болезнь протекает в совершенно необычных формах. Появляются какие-то новые свойства. Сам я лично подобного не встречал, но Всеслав Игоревич рассказывал. Ему-то повезло: он силен, смел и умеет цепляться за то, что люди называют жизнью. Таких, как мы, увы, немало. Здесь, на Головинском, нечто вроде места встречи и одновременно больница. Делаем, что можем...

— Вы сказали, я тоже «СИБ», — напомнил Косухин. — Я знаю, у меня совсем другая кровь, я могу... как сейчас, с рукой... Но мои родители не болели!..

— Я не врач. Просто мы чувствуем, когда перед нами свой. Впрочем, кое-что могу предположить. Ваши родители — они не занимались, ну... научными опытами?

Чиф похолодел. Все верно, научные опыты. Лу рассказывала...

— Мне вводили ВРТ. Не слыхали? Тоже сокращение, может быть, инициалы негодяя, который сие придумал... Лет двадцать назад один химик выделил возбудитель болезни. Уж не знаю, чего хотел он сам, но в 18-м году красные начали вводить эту дрянь живым... И мертвым...

— Что?! — Джон даже привстал.

— Увы... Вначале добровольцам, а после всем, кто попадался. Я, офицер русской армии, попал в ВЧК, и мне предложили выбор: расстрел или участие в научном эксперименте. Видит бог, сплоховал, надо было стать под пули вместе с однополчанами. А потом отступать было поздно. Живые становились такими, как я... А недавно умершие превращались в големов — без мыслей, без чувств. Идеальные солдаты! Всеслав Игоревич командовал одним из таких полков. По-моему, он не особо разделял идеи Коммунии, но я его понимаю. Он живет дольше нас всех и имеет право мстить за себя...

— А эта девушка? — Чиф оглянулся туда, где на ящиках лежало неподвижное тело.

— Вера Лапина, молодая и очень талантливая актриса. Ей ввели сильную дозу. Бедняжка чуть не погибла, у нее до сих пор плохо с психикой. Всеслав Игоревич и я помогаем, чем можем, но лучше бы ей просто умереть... Хотите выпить?

— Чаю? — брякнул Чиф.

Фраучи улыбнулся.

— Кое-чего покрепче.

Косухин подумал и кивнул. Ситуация была не менее экстре-

мальная, чем в Долине Больших Ветров, когда дорогу отрезало и ударил сорокаградусный мороз...

Живой огонь пробежал по телу, Джон закрыл глаза и с наслаждением почувствовал, что нервы начинают отпускать. Что ж, он узнал еще одну тайну — еще одну грязную тайну этой странной планеты...

— Добрый день... Я... Как я здесь?..

Он открыл глаза — Вера Лапина стояла рядом, держась рукой за край стола. Она дрожала, тело бил крупный озноб, но глаза были живые, в них стояла боль...

— Вера! Вам холодно? — Фраучи вскочил, снял со стены висевший на гвозде ватник. Девушка благодарно кивнула, с трудом набросила ватник на плечи и без сил опустилась на табурет, который поспешил уступить Чиф.

— У меня... опять?

Полковник кивнул. Вера уронила голову на сжатые руки и беззвучно заплакала. Чиф поспешил отвернуться.

— Ничего, Вера! — успокаивающе проговорил Фраучи. — Скоро это должно пройти...

— Почему... почему вы не прикончите меня? Ведь убивают же смертельно раненных!

— Вера, послушайте!.. Вы сильная девушка, вы должны выжить...

— Это не жизнь!

Девушка оторвала руки от лица. Чиф поразился — она уже ничем не походила на ту, что протягивала руки к его горлу. Лицо казалось обычным, живым, только очень бледным, с темными пятнами под глазами и запекшейся кровью на искусанных губах.

— Это жизнь, Вера. Иной у нас не осталось. Вы же знаете, пуля вас не убьет, будет лишь очень больно. Вы можете только потерять разум, как те, в подвале...

Словно в ответ из-под земли донесся приглушенный вой, вновь загрохотал потревоженный люк... Полковник налил девушке спирту. Та выпила одним глотком, даже не закашлявшись, затем виновато взглянула на Чифа.

— Извините, я вас даже не заметила. Надеюсь, когда я... Вас здесь не было?

— Нет, — попытался улыбнуться Косухин. — Я только что пришел.

В дверь заглянул сторож. Фраучи кивком указал на девушку, тот кивнул в ответ и, подойдя, осторожно взял ее за плечи.

— Пойдем... Лежать тебе надо! Иначе плохо будет...

Вера кивнула и послушно встала. Через минуту дверь хлопнула, и Косухин с Фраучи остались одни.

— Я, может, ошибаюсь, — нерешительно начал Чиф, — но

что, если попробовать переливание крови или пересадку костного мозга? Если мы с вами не верим в нечистую силу, то, значит, болезнь можно лечить.

— Переливание крови помогает только на самой начальной стадии. Оно не лечит, но задерживает развитие болезни — иногда надолго. Увы, это все... Правда, среди нас ходит легенда, что где-то на Востоке умеют лечить по-настоящему, но, боюсь, это уже сказки... Я, кажется, удовлетворил ваше любопытство?

— Более чем, — согласился Чиф, вновь попытавшись улыбнуться. — Всегда интересно узнать о себе кое-что новое...

Фраучи кивнул:

— Тогда, если не возражаете, вопрос есть у меня. Вы изволили намекнуть, что не в ладах с Всеславом Игоревичем. Но отчего же вам с ним враждовать? Он многим помогает, в свое время здорово выручил меня, да и не только меня. У нас его все уважают. Он сумел добиться, чтобы нас перестали травить, как бешеных собак...

Косухин задумался. И действительно, почему? Как говорит интеллигентный товарищ Фраучи, отчего же?

— У нас с ним... нечто вроде вендетты, еще с гражданской войны. Тогда он командовал бандой убийц...

— Это клевета! Про Всеслава Игоревича много лгут. Говорят, будто он собрал шайку полузверей, вроде тех, кто заперт там, в подвале, и по ночам, в подземелье, приводит в исполнение приговоры ОСО. И про гражданскую тоже навыдумывали... Изволят болтать, будто он некромант, беседует с духами и чуть ли не колдун. Чему удивляться — нас не любят. А на самом деле он, как и я, занят охраной одного важного объекта — и не более. Всеслав Игоревич — командир спецотряда, я заместитель. Вот и все...

— Выдаешь государственные тайны?

В дверях стоял Волков. Никто не слышал, как он вошел, даже петли почему-то не заскрипели.

— Пытаюсь помирить тебя с твоим наследственным врагом! — усмехнулся Фраучи.

— А-а! — Волков скривился и, пододвинув пустой ящик, присел к столу. — О чем еще толковали?

— О ВРТ, — бросил Чиф, — и о Вере Лапиной.

Волков молча достал из кармана портсигар и долго выбирал папиросу.

— А о вас, Косухин, говорили? Товарищ Фраучи объяснил, что вы ничем не лучше таких, как мы?

Тон краснолицего был резким и злым, но Чиф сдержался.

— Разве дело в биологии? Вы когда-то заболели, мои родители попали под излучение... Разве в этом дело? Я хотел поговорить о другом...

— Ладно, — Волков отвернулся. — Поговорим...

— Я пойду, — Фраучи встал, но комбриг жестом остановил его.

— Погоди! Есть новость: меня переводят. Ты остаешься командиром «Подольска». Будем поддерживать связь, я тебя найду...

— Тебя переводят? Но за что?

Волков пожал плечами.

— А за что тебя забрали в ВЧК в 18-м? Постараюсь еще побарахтаться, а если что — уйду на дно. Живым не возьмут! Ладно, иди — и покуда никому...

Фраучи кивнул, застегнул шинель и, дружески кивнув Чифу, вышел. Волков подождал, пока дверь закроется, и резко повернулся:

— Ну! Я вас слушаю!

И тут Чиф понял, что совершенно не готов к разговору. Слишком многое довелось узнать за последний час и слишком страшен был тот, кто сидел рядом. Впрочем...

— Вы взяли не ту кличку, Венцлав! Вам надо называться «Янусом». Оказывается, вы любите помогать слабым и больным, защищаете обиженных...

Волков дернул щекой.

— Вы дурак, Иван Косухин! Те, что здесь, такие же, как и я! Пора вам кое-что понять: люди нам чужие. Пока у вас еще есть друзья, подруги, знакомые — а потом они же будут считать вас монстром и потащат на костер...

Косухин вспомнил свою беседу с Лу. Пока он здоров. Пока он почти такой же, как все...

— Но вы не рассказываете им о своих подвигах? О том, что делали в гражданскую и раньше?

Комбриг снисходительно хмыкнул:

— Косухин, чего вы, собственно, хотите? Что думаете доказать? Я не обязан быть откровенным со всеми. Фраучи мне многим обязан, он просто не поверит в ваши, так сказать, разоблачения. А я делаю то, что считаю нужным... Но об этом хватит! Вы сказали, что Степан велел мне что-то передать?

— Да, велел... — Краснолицый сам подсказывал, как лучше начать беседу. — Я рассказал отцу о нашей встрече. Ему и дяде Семену. То есть Президенту Богоразу...

— И что Богораз? — недобро усмехнулся Волков.

— О нем... чуть позже. А отец... — Чиф на мгновение умолк, стараясь вспомнить все слово в слово. — Отец велел сказать так: «Ты ему передай: пусть помнит про молодого солдата».

Пунцовое лицо комбрига на миг побледнело.

— Степан забыл... Я говорил слово «воин», а не «солдат». Это все?

— Нет...

Чиф понял, что решительный момент наступил. Если дядя Семен не ошибся...

— Нынешняя власть проводит смену караула, господин Волков. Ни вы, ни ваш бывший 305-й полк уже не нужны. К тому же вы очень опасный свидетель. Думаете, там забыли, что вы знаете о «Мономахе» и о Шекар-Гомпе? Вас, кажется, куда-то переводят?

...Именно об этом ему советовал сказать Президент Богораз. Новость о переводе пришлась к месту.

Волков ответил не сразу, и Чиф понял, что слова не пропали впустую. Наконец краснолицый усмехнулся.

— Даже если так... Вы что, Косухин, желаете меня завербовать? Может, еще пообещаете написать донос о том, что я отпустил вас на Донском, или напомните Ежову, что в 20-м я не смог предотвратить запуск «Мономаха»? Вот что, забирайте вашу команду и убирайтесь отсюда подобру-поздорову! Ваш отец был действительно опасен, а вы — мелкий шпик с провинциальными замашками!..

Чиф даже не моргнул, заставив себя сдержаться. Жаль, что приходится вести переговоры, вместо того чтобы выстрелить в упор! Кажется, краснолицый хочет вывести его из равновесия? Пусть!

— Вместо того, чтобы лезть в мои дела, управились бы со своими, Косухин! Хорошее занятие по возвращении на вашу планетку! Раз вы такой любитель вендетты, начали бы с истории собственной семьи...

Джон молчал. Пусть болтает! Краснолицый чего-то опасается, иначе бы не стал ввязываться в разговор...

— На Тускуле вас просто используют, Косухин. Как дурачка! Мстить нужно не мне. Вы знаете, как погиб ваш дядя — полковник Лебедев? Или ваш двоюродный дед, Карл Берг? Слыхали о них?

И тут Чиф растерялся. Брат отца, командир эфирного корабля «Мономах-2», погиб во время неудачного испытания системы «Пространственный Луч». Дядя его матери, знаменитый физик, один из отцов программы «Мономах», умер в большевистской Столице в апреле 1921-го... В апреле 1921-го! Но ведь отец...

— Что? Вам не рассказывали? Берегли слабую нервную систему? Ну так спросите Степана Косухина, как Карл Берг убил Николая Лебедева и как ваш отец славно отомстил за брата. Недурная семейная хроника, правда? Интересно, Наталья Берг знает, кто прикончил ее дядю?

Внезапно Чиф успокоился. Что бы ни говорил Волков об отце, о дяде, о Карле Берге, он лишь пытался увести разговор от главного. А главным были слова о *молодом воине*, который чем-то страшен убийце. Чем — ответ был несложен... Чиф вдруг понял, что все время пытается вспомнить нечто важное. Это было давно, несколько лет назад...

Косухин улыбнулся:

— Вы неплохо знали нашу семью, Венцлав! Даже были знакомы с моей мамой... Почему она называет вас князем?

Тонкие ярко-красные губы сжались, глаза смотрели куда-то вбок. Волков прятал взгляд.

— Вы думаете, что я — просто докучливый шпик с Тускулы или то, что предсказано — ваша смерть? Я и сам пока не знаю, но узнаю, будьте покойны! Помните, Кощей Бессмертный тоже прятал свою Смерть. В чем она была, в иголке, кажется?

Волков поднял голову, светлые глаза сверкнули ненавистью:

— Попробуйте! Не вы первый, Косухин! Все они мертвы. Не вздумайте воевать со мной. Я натравлю своих псов, и вы отправитесь в самый глухой закоулок ада...

— А если я вернусь? Что будет тогда?

Волков не ответил. Секунды тянулись, и, чем дальше, тем яснее становилось, каков будет ответ. Наконец краснолицый ударил ладонью по столу:

— Что вам от меня надо? Я уже отдал долг Степану, пощадив вас! Я не занимаюсь Тускулой! А мои счеты с Агасфером вас не касаются...

...Вот даже как? Чиф еле удержался от усмешки. Дядя Семен не был уверен, что таинственный Агасфер еще жив. Интересно!..

— Мы еще не в расчете, господин Венцлав. Вы хотели убить отца, убить мою мать, из-за вас погибли прекрасные люди... Или вы мне поможете, или я не дам вам скрыться, *князь Всеслав*!

Волков вновь отвернулся, и Чиф понял, что победил.

— Вы имеете отношение к охране секретного института в Теплом Стане?

— Самое прямое, — не оборачиваясь, бросил Волков. — Вам нужен Тернем?

— Да...

Краснолицый задумался.

— Я скажу Фраучи. Только не вздумайте появляться сами — вас опознают тут же. У Агасфера странная антипатия к вашей семье. Это все?

— Почти! — улыбнулся Чиф. — Только ответьте на несколько вопросов. Прежде всего, где сейчас Агасфер? Кто он?

Волков покачал головой:

— Я клялся. Эту клятву не могу нарушить даже я. Догадайтесь, Косухин! Чтобы управлять страной, не имеет смысла работать дворником. Подумайте!

— Постараюсь... Тогда другой вопрос: чего Агасфер боится? Или кого?

Ярко-красные губы дрогнули.

— Он никого и ничего не боится, Косухин! В стране нет силы, которая могла бы оказать сопротивление, так что союзников вы

здесь не найдете. Сейчас Агасфер заигрывает с чугами, пытаясь овладеть их древним секретом. Но чуги вам не помогут... Поищите на Тибете! Агасфер построил там Шекар-Гомп, и, похоже, не зря...

В словах краснолицего был резон. Там, где враг искал источник силы, могла таиться его гибель. Хотелось спросить о многом, прежде всего о таинственных «чугах», но Чиф решил говорить о главном:

— Шекар-Гомп — это Око Силы, да? Так что сейчас происходит на Тибете?

— Я все-таки военный. — Краснолицый задумался, сильные пальцы ударили в столешницу. — Агасфер... Он все-таки не всесилен, и как раз на Тибете у него что-то не получается. Шекар-Гомп расположен там, куда и птице не долететь, военная угроза минимальна, и все-таки там стоят несколько наших дивизий. Причем, как вы догадываетесь, не обычных дивизий РККА. Значит, он чего-то опасается. Два раза Агасфер посылал целые экспедиции куда-то севернее Шекар-Гомпа. Против кого, не знаю, но ни одна из них не вернулась.

Теперь настал черед думать Косухину. Севернее Шекар-Гомпа — звучало не очень определенно. Впрочем, заинтересовало другое.

— Шекар-Гомп, как мне известно, научный центр. Чем он вам мешает, господин Волков?

— Научный? — Краснолицый зло усмехнулся. — Спросите Степана, он вам объяснит. Но вы правы, Косухин, благодаря Шекар-Гомпу Агасфер стал сильнее, и такие, как вы и я, ему уже не нужны. Мы все-таки были когда-то людьми... Пока Агасфер не решается по-настоящему меня тронуть, но это только пока... Знаете, до сих пор жалею, что в 21-м не решился помочь вашему отцу и взять Агасфера за глотку. Тогда еще было можно... Кстати, у вашего отца был один американский знакомый, археолог, так он в последнее время что-то зачастил на Тибет. Проконсультируйтесь у него, может, подскажет... Все, хватит с вас! Надеюсь, Иван Косухин, мы больше не увидимся...

В голосе краснолицего Чифу почудилась не угроза, а хорошо скрываемое облегчение. На миг представилось, что они поменялись местами. Да, краснолицый боится. Кажется, он и в самом деле сидит рядом со Смертью. А если... Слово «князь» — не иголочка ли для Кощея?

Косухин переборол искушение. Те, кто мог противостоять Агасферу, важнее, чем гибель этого упыря.

— Последний вопрос. Ваш заместитель сказал, что «СИБы» — жертвы особой болезни. Это действительно так?

— Ему так объяснили, — устало проговорил Волков. — Версия не хуже прочих. Можете поискать правду, если не страшно...

На улице уже стемнело, и пустое Головинское шоссе показалось особо неуютным. Всю дорогу Чифу чудилось, что чьи-то глаза внимательно следят за ним, хотя вокруг не было ни единой души. Впрочем, это уже не смущало. Главное сделано — в Теплый Стан они попадут. То есть не они. Этим займется Бен, а вот ему, Джону Косухину, самое время связаться со старым отцовским приятелем, известным американским археологом Тэдом Валюженичем...

ГЛАВА 11

ЗА ГРАНЬ

Партсобрание закончилось поздно. На улице давно стемнело, с черного низкого неба беззвучно падали мокрые снежинки, кружась в свете уличных фонарей. Огромный город медленно затихал. Людской поток схлынул, в полупустом автобусе было тихо и уютно, хотелось ехать как можно дальше, до конечной, не выходя на знакомую с детства улицу. Домой не тянуло — может, впервые в жизни.

Ахилло все же пересилил себя и вышел на своей остановке. Отец уже наверняка начал волноваться, хотя новости, принесенные Михаилом, едва ли успокоят старого актера.

Дела были плохи — хуже некуда. На собрании должен был выступить Ежов, но он почему-то отмолчался, передоверив эту ношу новому заместителю. Все началось обычно, но затем, процитировав в должном количестве вождей, докладчик спокойно, будто речь шла о вещах обыденных, сообщил, что в стенах Главного управления действует вражеская нелегальная организация, известная как «Вандея». Некоторое время Ахилло еще надеялся, что дело закончится общими словесами, но докладчик начал называть фамилии. Кое-кто уже был осужден, попав в члены подполья как бы посмертно, но вот прозвучало имя Фриневского, затем полковника Альтмана, и, наконец, — старшего лейтенанта Пустельги. Что последует дальше, Михаил уже знал. Новый заместитель перешел к «соучастникам» и тем, кто «потерял бдительность», работая с врагами. Фамилий называлось много, из всех отделов, даже из неприкосновенного — Иностранного. Капитан ждал: если он окажется «соучастником», то ему не дадут даже выйти из здания. Став лишь «потерявшим», можно было прожить еще неделю-другую.

Михаил немного ошибся. Его скромной персоне был уделен отдельный пассаж, из которого капитан узнал, что проявил «по-

дозрительную слепоту», «доверчивость на грани предательства», «непрофессионализм», допустив вдобавок «игнорирование указаний руководства». Стало ясно, что Ежов не простил ему «слепоты», проявленной в Теплом Стане. На миг Ахилло ощутил нечто, похожее на злорадство: все-таки припек этого карлика с блеклыми глазками! Впрочем, это был не тот случай, когда он мог посмеяться последним.

Это было приговор. Докладчик упомянул, что чрезвычайные партсобрания состоятся послезавтра. На одном из них и будет решена судьба «матерого двурушника» Ахилло. Впрочем, исключения из партии часто происходили уже после ареста.

Михаил стоял у подъезда, докуривая папиросу. Страшно не было, скорее он ощущал тупое безразличие. Конечно, можно еще побарахтаться. Сообщи он об убежище в Доме на Набережной, а заодно о некоторых делах Теплого Стана, чашу могли пронести мимо. Но вскоре заклание повторится. Тянуть время? А, собственно говоря, зачем? Ахилло помнил, как подследственные сходили с ума в ожидании ареста. Лучше сразу...

По улице торопились поздние прохожие, снег продолжал падать, желтые окна в доме напротив дышали покоем и уютом. Сегодня Михаил еще мог вернуться домой, увидать отца. В последний раз? В предпоследний? Какой-то сосед, заходя в парадное, вежливо поздоровался. Михаил кивнул, не задумываясь. Может быть, именно этого пригласят в понятые... Плохо, если арестуют дома: отец может не вынести. Бежать? Но куда? Никто не поможет, он теперь чумной. Даже Карабаев не подошел к капитану после собрания...

Пора было идти домой. Михаил по давней привычке оглянулся, и тут слух зафиксировал еле слышное гудение — где-то в начале улицы двигалась мощная машина. По позвоночнику пробежала дрожь: это могли ехать за ним. Если так, пусть берут здесь!

Мелькнул свет фар. Сознание автоматически фиксировало: «ЗиС», уже не новый, за рулем некто в штатском. Значит, не за ним, «свои» разъезжают по-другому. Михаил уже собрался уходить, как вдруг замер на месте. Старый «ЗиС», черный или темно-синий, одинокий шофер! Конечно, это могло быть совпадением, подобных машин в Столице немало. Сейчас она проедет мимо, можно будет спокойно идти домой...

Автомобиль снизил скорость и начал тормозить. Открылась дверца. Высокий человек в сером плаще шагнул на тротуар. Из-под большой плоской кепки выбивались пряди белых волос. Седой неторопливо огляделся, заметил Михаила, немного подождал, а затем поднес руку к кепке:

— Товарищ Ахилло? Добрый вечер... Я вам звонил, но вы еще не вернулись...

Голос был спокойный, словно речь шла об обычном деловом свидании. Лицо незнакомца скрывала тень, но было заметно, что он совсем не стар, а седой парик лишь не особо удачная маскировка.

— Чем обязан? — вздохнул капитан. — Явились с повинной?

Седой покачал головой:

— Речь не обо мне, речь о вас. Товарищ Ахилло, Ежов завтра подпишет ордер на ваш арест. Что будет дальше, объяснять не буду. Я предлагаю иной выход...

— Дом на Набережной, четвертый подъезд? — усмехнулся Михаил. — Клетку с канарейкой брать?

— Знали? — В голосе Седого мелькнуло удивление. — Знали — и молчали?

— Знал. И молчал. Кстати, ваша конспирация никуда не годится. Любой хороший оперативник раскроет вас за неделю.

— Благодарю за предупреждение. — Послышался негромкий смех. — Но у Ежова не осталось хороших оперативников. Значит, молчали? Выходит, те, кто рекомендовал вас, не ошиблись.

Ситуация была дикой, нелепой, и вдруг Ахилло сообразил, что это и есть спасительный выход. Забрать отца, сесть в машину и исчезнуть. Пусть ищут! Пусть кусают локти с досады!..

— Гражданин Седой, но ведь «Вандея» не спасает таких, как я, «малиновых». За что такая честь?

— Вам объяснят, — Михаилу показалось, что Седой улыбается. — Мы не судьи, мы лишь спасаем тех, кого еще можем...

С каждым словом капитан чувствовал, как на душе становится легче. Его не бросили! В этом страшном мире есть еще Бог, в которого он, Микаэль Ахилло, осмеливался не верить! Да, Бог есть! Его спасут. Гонимые, затравленные люди выручат «малинового» волка...

— Нет...

Слово вырвалось неожиданно, само собой. Михаил глубоко вздохнул и повторил:

— Нет, не поеду... Спасибо вам, но... Я не имею права. Мы — враги. Я служил этой власти. Вы — боролись...

— Почему вы думаете, что мы враги? — удивился подпольщик. — Я член партии с 17-го, никогда из нее не выходил и не выйду. Мы верим, что эти искривления когда-нибудь кончатся и партия во всем разберется. Но для этого нужны живые, а не мертвые! Вы — тоже нужны, Михаил Александрович...

Ахилло кивнул. Да, кто-то обязан уцелеть, выжить. Наверняка он понадобится подполью. Но...

— Нет, — повторил он. — Не имею права. Пусть я не пытал, не насиловал, не грабил, но я из той же стаи. *Мне не было больно*, когда они творили зло. Я должен получить свое...

Седой задумался, качнул головой:

— Это — буржуазный индивидуализм, товарищ Ахилло. Вы коммунист и должны быть выше интеллигентских слабостей. Ваша жизнь важнее...

Михаил отвернулся. Чья жизнь? Волка? Полицейской ищейки?

— Спасибо. Если можно, помогите отцу... И еще... У вас в Доме на Набережной, в последнем подъезде, живет семья Шаговых — отец и дочка. Не забудьте их...

Седой бросил на капитана внимательный взгляд:

— Шаговы? Вчера мы их переправили. Но, может, вы все же...

Ахилло почувствовал: еще секунда — и он согласится. Но чувство справедливости взяло верх. Он выбрал свою дорогу и обязан пройти ее до конца. Он не сможет пожать руку тому, кого выслеживал. Он грешен, а за грехом следует воздаяние. Умирать страшно, но тем, кто погиб по его вине, было еще страшнее...

Отец встретил Микаэля недоуменным взглядом, ожидая пояснений, но капитан не стал ничего рассказывать. Мелькнула мысль немедленно посоветовать отцу скрыться, но Ахилло знал, что старый актер не уйдет, не бросит сына...

За ужином Ахилло-старший еще раз попытался расспросить о делах, но Михаил сослался на усталость и, даже не выпив чаю, ушел в свою комнату. Закрыв дверь на задвижку, он быстро пересмотрел бумаги. Капитан помнил старое правило: разведчик, заботящийся о своем архиве, — самоубийца. Он сжег в пепельнице несколько писем и старых фотографий. Взгляд упал на стопку бумаги. Несколько дней назад Ахилло думал написать о Доме на Набережной, затем — о Теплом Стане. А что, если написать сейчас? И не в Большой Дом...

Михаил сел за стол. Рука быстро вывела: «Я, капитан Ахилло, считаю необходимым сообщить о некоторых важных фактах...» Он отложил ручку, перечитал незаконченную фразу и отодвинул листок в сторону. Писать было некому, а главное — не поможет. Подполье бессильно, им надо думать не об опытах Тернема, а о собственной безопасности. Передать сведения на Запад? Эмигрантам, в парижские газеты? Но как? Да и не поверят, сочтут очередной «уткой» из страны большевиков. Если бы найти нужных людей здесь, спокойно все обдумать, наметить план. Но — поздно, он никуда не напишет и никому ничего не скажет. Поздно...

Ахилло лег на диван, не раздеваясь, чтобы не стоять перед незваными гостями в подштанниках. Странно, но он заснул сразу и спал крепко, без сновидений. Разбудил отец. Было утро, а под окном ждала черная машина, присланная из Теплого Стана.

Михаил совсем забыл об этом, хотя еще вчера созвонился с

капитаном госбезопасности, который в эти дни замещал Волкова. Требовалось оформить очередную кипу бумаг о пребывании ЗК Гонжабова в ведомстве «лазоревых». Совсем недавно ему казалось очень важным узнать что-то новое о пребывающем в секретной командировке бхоте, но теперь любопытство исчезло, дела бывшего коминтерновца его уже не касались. «Умирай спокойно, капитан», — сказал на прощание узкоглазый убийца. Но покоя не будет. Он, Михаил Ахилло, действительно послужил тому, неведомому, кого бхот называл Владыкой. И от этого умирать будет еще тяжелее.

Все же капитан решил ехать. Так было лучше, иллюзия дела позволяла на время забыть о неизбежном. Глядя на мелькавшие за окнами автомобиля дома, Ахилло пытался рассуждать спокойно. В конце концов, еще не все потеряно: он жив, здоров, свободен и даже вооружен. Надо быть совершенным фанатиком или полным дураком, чтобы, подобно кролику, ждать приближения удава. Вчера он поступил верно и не поехал с Седым, но капитана хорошо учили, он знает, как прятаться, как менять внешность, доставать документы. Он может перейти границу, затаиться... Будут, конечно, искать. Большой Дом бросал на поиски таких беглецов все силы, не спасали ни опыт, ни осторожность. Этим летом пытался скрыться нарком Украины Успенский — инсценировал самоубийство, одновременно пустив слух, что собирается бежать в Чехословакию, а сам залег на «дно» где-то в Сибири. Не помогло! Выследили, доставили в Столицу... Но ведь были другие, удачливые. Ведь скрывается уже который год неуловимый Владимир Корф!

...И все-таки, это тоже не выход. Бежав, Ахилло станет изменником — настоящим, а не «липовым». И тогда в последний свой час он не сможет честно смотреть смерти в глаза...

В Теплом Стане царила странная тишина. Коридоры были пусты, даже охраны стало поменьше. Очевидно, в эти дни здесь произошло нечто важное, и теперь все решили слегка перевести дух. Невольно зашевелилось любопытство: что тут было? Новый эксперимент Тернема? Впрочем, спросить было некого, да никто и не собирался отвечать на подобные вопросы. Уже знакомый Михаилу капитан госбезопасности предложил присесть и долго объяснял, какие именно бумаги требуются, как их писать и в скольких экземплярах. Ахилло кивал, прикидывая, что работа может занять целый день. Тот, похоже, понял и, усмехнувшись, достал из толстой папки готовый комплект — документы какого-то зэка, уже оформленные по всем правилам. Оставалось побла-

годарить, пообещать никому не рассказывать и направиться в свой кабинет, дабы приняться за дело.

...Все это время Михаила не покидала одна и та же мысль: если за ним приедут из Большого Дома, то будут ли брать прямо на объекте или «коллегам» придется сторожить у входа? Последнее, несмотря на безнадежность ситуации, почему-то развеселило: «малиновые» будут мерзнуть под холодным ноябрьским снежком, не решаясь переступить границу чужой «епархии»! Не попроситься ли здесь переночевать, хотя бы в камере Гонжабова?..

Некоторые документы требовались в нескольких экземплярах, и Ахилло попросил принести ему в кабинет пишущую машинку. Печатать пришлось самому, поскольку на каждой бумаге стоял гриф «Совершенно секретно». Работа шла медленно, приходилось следить, чтобы не попасть по соседней букве. Капитан постарался сосредоточиться и даже не услыхал, как дверь начала медленно отворяться...

...В комнате кто-то был. Ахилло провел ладонью по лицу, устало оглянулся...

— Бросайте эту ерунду, Михаил!

Комбриг Волков стоял посреди комнаты в своей обычной серой шинели с саперными петлицами. На боку болталась командирская сумка — краснолицый явно куда-то собрался.

— Я работаю, товарищ комбриг...

Волков покачал головой, придвинул стул и сел рядом. Красная, словно ошпаренная, рука легла поверх бумаги.

— Не валяйте дурака! Приказ о вашем аресте подписан, за вами приедут часа в три пополудни. Решили брать здесь — меньше шуму...

— Спасибо, что предупредили.

Холод сковал руки. Значит — все...

— Не за что! — Волков дернул щекой. — Не изображайте философа, Михаил, у вас плохо получается! Имейте в виду, Ежов почему-то на вас особенно зол...

Ахилло пожал плечами. А если и не особенно? Какая разница?

— И что думаете делать?

Капитан внезапно понял, что краснолицый пришел не зря, не только для того, чтобы понаблюдать за обреченным.

— Вчера мне предложили бежать..

— Коллеги или подполье? — По пунцовому лицу промелькнула усмешка.

— Подполье.

— Отказались? Разумно: стать крысой не лучший выход, как и пуля в висок. Вы контрразведчик, а не гимназист, проигравшийся в карты. Слушайте... Мне придется уехать. Сначала на Дальний Восток, а там и подальше. Я зашел за вами, Михаил!

— Зачем я вам?

Вопрос показался лишним, пустым. Значит, понадобился. Разве дело в этом?

— Будет интересная работа, — комбриг оскалился. — Вам понравится. Это не девочкам иголки под ногти загонять! Собирайтесь, поехали...

— А как же Ежов?

Ахилло вдруг почувствовал, что начинает поддаваться. Это был выход — и куда лучший, чем пуля в висок. Главное — вырваться, переждать страшное время...

— Николай? — В голосе комбрига было легкое презрение. — Да катился бы он к чертям! Его скоро спишут в расход, но до этого он успеет наломать дров. Не беспокойтесь, Михаил, в моем хозяйстве вас не тронут. Если что, обращусь к товарищу Иванову — не откажет. Слыхали о таком?

Ахилло кивнул: слыхал. Иванов, он же Салин, он же Чижиков, он же Коба, от же Сталин... Высоко летает товарищ Волков!..

— Договорились? — Комбриг встал, холодная рука слегка коснулась плеча Михаила. — Тогда собирайтесь, пора...

Ахилло уже хотел было согласно кивнуть, но внезапно замер. Он отказался уйти с Седым — для того, чтобы служить Волкову? Вот, значит, чего стоят его принципы. Запахло смертью, и он, Микаэль Ахилло, готов на все...

Михаил тоже встал — теперь они стояли лицом к лицу.

— Прошу прощения, товарищ майор госбезопасности. У меня срочная работа. Если вы не возражаете...

В пустых светлых глазах мелькнуло удивление.

— Вы не умрете героем, Михаил! Даже если прострелите себе висок, они найдут вас и на том свете.

Горло пересохло. Ахилло понимал, что краснолицый говорил правду.

— Знаю... И все равно — с вами не хочу. Уходите!

Их глаза встретились, на миг Михаилу стало холодно, словно его обдало ледяным ветром, но Волков первым отвел взгляд:

— Как хотите, капитан. Что ж, каждому свое...

Дверь захлопнулась, Ахилло рухнул на стул и закрыл глаза. Он чуть не поддался. Но Михаил понимал: достаточно сделать лишь шажок, пусть самый маленький, а дальше придется идти до конца. А что там, в конце, он знал...

...Уже полгода Ахилло искал неуловимого Генриха, раскинувшего агентурную сеть по всей Столице. Осторожный разведчик не оставлял следов, арест отдельных агентов не мог разрушить всей паутины. Но летом 36-го Михаилу, тогда еще лейтенанту,

повезло. Захваченный с поличным шифровальщик Генерального штаба начал давать показания. Резидента он не знал, но среди прочих назвал фамилию одного из завербованных «Ниловым», помощником Генриха. Тот, будучи арестованным, поспешил признаться. Он действительно был связан с «Ниловым», более того, он знал его настоящую фамилию и адрес. Опергруппа помчалась на квартиру, но обнаружила на дверях сургучные печати. Случилось то, что вполне могло произойти в эти месяцы. «Нилов» был арестован, но не за шпионаж, а как «тайный троцкист» и «двурушник». Ахилло, просмотрев следственное дело и узнав, что тот получил причитавший ему «червонец», совершенно успокоился и написал рапорт, прося доставить осужденного в его распоряжение. И только ставя подпись, он обратил внимания на несущественную мелочь. «Нилов» был осужден не просто на десять лет, а на десять «без права переписки». Что это означало на практике, лейтенант Ахилло хорошо знал...

Он бросился к начальству, надеясь успеть, но было поздно. Группу «контрреволюционеров-троцкистов», куда попал «Нилов», только что отправили для «спецобработки».

Ахилло добился приема у замнаркома, получил нужную визу и, взяв машину, помчался куда-то на окраину Столицы. В местах «спецобработки» бывать еще не приходилось, и лейтенант поневоле чувствовал неуверенность и страх. Успокаивало одно: «Нилов», почуяв неизбежную гибель, тоже станет сговорчивее.

Шофер привез его к небольшой заброшенной часовне. Подоспевшие караульные, увидев подпись на рапорте, козырнули и провели лейтенанта через пустой подвал к большой металлической двери. Разводящий повернул ключ в замке. На Михаила дохнуло холодной сыростью — за дверью был вход в подземелье. Ему выделили сопровождающего, молодого сержанта с фонарем. Шли быстро, ориентируясь по значкам, нанесенным масляной краской прямо на мокрых стенах. Каждую секунду Ахилло ожидал отдаленного эха выстрелов, но вокруг стояла странная, глухая тишина, лишь вдалеке слышался легкий стук — где-то капала вода. Михаил, боясь опоздать, прибавил шагу. Сержант отставал, лейтенант оглянулся и увидел, что молодого паренька трясет от страха.

Вскоре они оказались в небольшой, вырубленной прямо в скале комнатке, где стоял старый стол, два стула и несгораемый шкаф. Тут было пусто, но за дверью, которая вела куда-то в глубь подземелья, горел неровный, трепещущий свет. Сержант козырнул и, не дожидаясь разрешения, поспешил обратно. Ахилло невольно поежился, достал свой рапорт с резолюцией замнаркома, поправил на всякий случай портупею и открыл дверь.

Здесь было не так темно. В уши ударил странный звук, будто

где-то поблизости били доской о доску. Лишь пройдя несколько метров, лейтенант сообразил, что это удары ладоней. Там, за поворотом, аплодировали — мерно, в такт, отбивая странный неровный ритм. В глаза ударили лучи света: несколько фонарей висели на стенах или были поставлены прямо на землю. В небольшом четырехугольном зале вдоль стен стояли десятка два крепких парней в одинаковых черных куртках. Ладони отбивали такт, под который в центре зала танцевали двое — мужчина и женщина. Их лица терялись в полутьме, но Михаил сразу же отметил, что танец был какой-то странный. Неуверенно переступали ноги, не в такт дергались руки, голова женщины была закинута назад. «Черные куртки» били в ладоши, и тут Ахилло почувствовал, как к горлу подступает ком: на груди женщины он разглядел большое пятно. Кровь уже успела свернуться, в лучах фонаря она казалась черной...

— Чего тебе, лейтенант? — Широкоплечий верзила недружелюбно глядел на непрошеного гостя. В холодных неживых глазах горела ненависть.

— Вот...

Спасительная бумага явно удивила верзилу. Он бегло проглядел ее, буркнул: «Жди тут» — и неторопливо направился куда-то вглубь, где темнела еще одна дверь.

Танец продолжался. Сомнений не было, эти двое давно мертвы. Пули пробили женщине грудь, прострелили мужчину насквозь, но мертвецы двигались, неведомая сила заставила их танцевать на потеху нелюдям в черных куртках. Тем было весело: смех то и дело переходил в гогот, на красных, налитых кровью лицах блуждали ухмылки...

— Отставить! — Негромкий голос донесся откуда-то из глубины. Аплодисменты стихли, «черные куртки» замерли, а те, что танцевали, медленно, с глухим деревянным стуком опустились на пол. Рука мужчины легла на голову его спутницы, словно пытаясь защитить от поругания. В дальнем проходе стоял кто-то высокий, широкоплечий. Резкий жест рукой, и «черные куртки» выстроились в два ряда вдоль стены. Широкоплечий бросил быстрый взгляд на лежавшие посреди зала трупы и шагнул вперед.

— Слушаю вас, лейтенант!

Говорить не было сил. Ахилло протянул бумагу. Светлые глаза скользнули по гостю, на пунцовом лице мелькнула усмешка:

— Первый раз здесь?

Михаил кивнул. Краснолицый повертел бумагу в руках:

— Поздновато!.. Ну пойдемте, Михаил...

Они прошли мимо трупов, перешагнули невысокий порог и оказались в еще одном зале — на этот раз огромном. Несколько

фонарей освещали лишь небольшую его часть, остальное заливала тьма.

— Что с вами? — Краснолицый явно почувствовал, что лейтенанту не по себе.

— Н-ничего, — выдавил из себя Ахилло.

— Привыкайте! Папиросу?

От первой же затяжки стало легче, увиденное сразу же показалось дурным сном.

— Не обращайте внимания! Ребята решили немного повеселиться... Ну, где наш шпион?

Он направился к дальней стене. Луч фонаря упал на неподвижную груду тел. Их убили недавно, в воздухе еще плавал сырой запах крови. Многие умерли не от пуль — кровь запеклась на огромных рваных ранах. Ахилло прикрыл глаза...

— У вас есть его фото? Давайте...

«Нилова» нашли быстро, он лежал сбоку, придавленный чьим-то трупом.

— Вот что, — решил краснолицый. — Возвращайтесь в Главное Управление. Завтра я составлю рапорт и перешлю. На чье имя?

— На имя Фриневского...

Все было бесполезно. Михаил опоздал, и рапорт был нужен лишь для подтверждения этого невеселого факта.

— Что вы хотели из него вытрясти?

Ахилло пожал плечами:

— Он знал резидента. Настоящую фамилию, адрес, явку... Да что теперь!..

Назавтра лейтенант собрал группу, чтобы начать все сначала, но внезапно его вызвали к замнаркома. Вскоре в руках Михаила оказался рапорт командира спецотряда «Подольск» комбрига Всеслава Игоревича Волкова. Там было все: фамилия Генриха, его адрес и даже место тайника, который группа искала уже второй месяц. Ахилло не поверил своим глазам, но тут же вспомнил тех, плясавших под мерный удары ладоней. Осужденный и расстрелянный «Нилов» не смог отмолчаться даже после смерти...

Теперь, когда собственная гибель уже стояла у порога, Михаил понял: его не оставят в покое. В смерть не уйти. Живой ли, мертвый, он расскажет все: номер подъезда, где прятали спасенных, подробности их встречи с Карабаевым, с его «земелей». Его не отпустят — как не отпустили Веру Лапину. Теперь он начал догадываться, что случилось с Сергеем Пустельгой...

Ахилло достал револьвер и несколько раз провернул барабан. Патронов хватало. Можно уйти сейчас, неожиданно, добраться до ближайшей железнодорожной станции, затеряться где-нибудь

в глухой деревеньке. Нет, найдут и там! Агента «Вандеи» капитана Ахилло настигнет железная рука советского правосудия... Привычная, глупая формулировка вдруг показалась чем-то реальным: холодная ладонь впивается в горло, останавливает дыхание...

Капитан спрятал револьвер и вдруг подумал, что настоящий агент «Вандеи» употребил бы оставшееся у него время с куда большим толком. Он еще жив, а значит, имеет шанс уйти, хлопнув дверью. А хлопнуть можно громко, очень громко! Испортить аппаратуру, устроить пожар... убить Тернема!..

Мысль показалась страшной — и одновременно пугающе-доступной. Тернем — человек, ради которого воздвигался этот центр! Все остальные способны лишь выполнять приказы, даже воля товарища Сталина не может заменить ум зэка в белом халате. Да, дверью можно хлопнуть, это будет месть настоящего профессионала!..

Михаил быстро опомнился. Тернем — беспомощный, слабый человек, уже успевший пережить арест, следствие, годы «тюрположения». Он жертва той же стаи, к которой принадлежит капитан Ахилло. Но он не просто обычный человек — он гений. Таких убивать нельзя. Он, Ахилло, — не Нарак-цэмпо.

Но мысль о Тернеме не уходила. Трогать физика нельзя, но поговорить... Спросить — и заставить ответить, узнать, что готовится за стенами объекта в Теплом Стане. Это будет неплохим завершением карьеры контрразведчика Михаила Ахилло.

В коридоре никого не оказалось, даже охранник куда-то исчез. Капитан прошелся по этажу и уже собрался повернуть туда, где находился кабинет ученого, но передумал. У кабинета обязательно будет охрана, его остановят. Но есть другой путь — через переход, в лабораторный зал. Сейчас день, ученый вполне может быть там. Правда, у зала тоже пост...

Михаил осторожно заглянул в знакомый коридор. Странно, там тоже не было ни души. Дверь в зал была прикрыта, но, подойдя ближе, капитан заметил небольшую щель. Итак, там кто-то есть, возможно, охранник зачем-то заглянул внутрь...

Михаил оглянулся, неслышно протиснулся в дверь и прижался спиной к большому ящику, стоявшему неподалеку от входа. Где-то в глубине зала разговаривали. Прислушавшись, Ахилло понял, что узнает голос Тернема. Он осторожно выглянул и никого не заметил. Зал казался пустым и мертвым. Не горели лампы на огромной, похожей на шкаф, приборной панели, молчал мощный генератор, увитый толстыми разноцветными кабелями. Не работало и то, что, вероятно, и было здесь главным — странный, похожий на прозрачную призму прибор, помещенный в металли-

ческую сферу, от которой по всему залу тянулись провода. Наверняка это и есть загадочное «Ядро-Н»...

Оставалось узнать, с кем разговаривает ученый. Голоса приблизились, и Михаил сумел разобрать сначала отдельные слова, а потом и целые фразы.

— ...разве что в объеме гимназии. Для меня это — китайская грамота...

Судя по голосу, собеседник Тернема был молод, не старше Михаила.

— Вы преувеличиваете. Впрочем, если упростить до невозможности... Когда-то нам так объяснял покойный Семирадский — мне и Семену Аскольдовичу... Представьте себе, что мы живем на поверхности кристалла, на одной из его граней, но нам доступны не три, как сейчас, а лишь два измерения. То, что за гранью, для нас просто не существует. Но достаточно овладеть третьим измерением, и мы обойдем весь кристалл. Наш мир — лишь одна из граней...

Трудно сказать, понял ли неизвестный, но Ахилло сообразил без труда. Речь явно шла об опытах, проводившихся в этом зале. «Параллельное измерение» — как выразился один белохалатник.

— И ваша установка?.. — Тот, с молодым голосом, тоже догадался.

— Пытаюсь, — в голосе физика послышалась усмешка. — Пока я могу лишь убрать объект с нашей грани, а вот куда он попадает и попадает ли вообще... Понадобятся годы, возможно, десятилетия...

— Тем более вам надо уезжать! Большевики превратят ваше открытие в оружие. Это может быть очень опасно, господин Тернем!

Ахилло едва не присвистнул. Выходит, «лазоревые» — такие же портачи, как и «малиновые». Вражеский агент в Теплом Стане! Ай да служба безопасности!

— Нет, я останусь, — твердо ответил ученый. — Хотелось, конечно, увидеть Богораза, поглядеть, как там у вас, но нет... Я нужен тут. Дело в том, Бен, что я один смогу если не остановить, то сдержать эту свору. «Пространственный Луч» они не получат, а моя «Тропа» будет иметь радиус всего несколько тысяч километров. Такое уже делается в Америке. Так что опасности для вас я не вижу. А эта установка не будет готова и через двадцать лет, ручаюсь...

— Но излучатель, господин Тернем! Энергия «Голубого Света»!

Михаил весь обратился в слух. Значит, не он один чувствовал опасность!

— Вы не правы, Бен! «Голубой Свет» положительно влияет на человеческий организм, я сам видел результаты опытов...

Вот даже как? Ахилло не поверил. Орденоносец Гонжабов

менее всего походил на филантропа. Кажется, тот, кого назвали Беном, тоже был не столь наивен.

— Они что-то делают с излучением, господин Тернем! Пропускают через какой-то кристалл, в результате свойства резко меняются...

— Я не знал... — чуть помолчав, ответил физик. — Значит, меня обманули и в этом. Что ж, тем более я нужен здесь! Сделаю, что смогу...

Голоса стали удаляться, говорившие прошли в глубь зала. Ахилло осторожно выглянул из своего укрытия. Тернем и тот, второй, стояли возле сферы, под которой была спрятана прозрачная призма.

— А эти... грани, они одинаковые? — донесся голос Бена. — Другие миры такие же, как наш?

Тернем рассмеялся:

— Если бы я знал, то незачем было бы и стараться. Посмотрим... Теоретически они подобны, различия могут быть в мелочах. Плюс-минус несколько лет, несущественные отличия в истории...

— А если я сейчас стану туда, — продолжал его собеседник, указывая на платформу, сверкавшую светлым металлом. — И вы включите установку?

— Надеюсь, вы шутите? Если я включу установку, вы увидите вспышку — и все! От вас не останется даже пепла. Ведь это только передатчик, приемника пока нет...

— И никаких шансов?

Тернем покачал головой.

— Теоретически? Одно из двух: если количество «граней» конечно, то шансов нет. Но если их бесчисленное множество, то, по теории вероятности, где-нибудь в этот момент будет включена подобная же установка, только на прием. Так что пятьдесят на пятьдесят. Практически — значительно меньше, аппаратура еще несовершенна...

Теперь они говорили тихо, Тернем что-то объяснял, а молодой человек кивал, соглашаясь. Затем оба направились к выходу, и капитан поспешил укрыться в своем убежище.

— Удачи вам, Бен! Кланяйтесь нашим...

Молодой человек ответил на каком-то неизвестном Михаилу языке, кивнул и, осторожно оглянувшись, вышел из зала. Тернем постоял у двери и не спеша вернулся обратно.

Ахилло перевел дух. Вот ему и ответили на все вопросы! Интересно, откуда этот парень? По виду русский — не иначе из эмигрантов. Чья же разведка добралась до Теплого Стана? Выходит, ЗК Тернем вовсе не так прост, его не сломала тюрьма, он не превратился в послушного исполнителя приказов Корифея Всех

Наук! Ахилло вспомнил о револьвере, о своей нелепой мысли — и ему стало стыдно. Великий ученый лучше него знал, что надлежит делать...

Вот и все! Можно было возвращаться, подставлять запястья под стальные браслеты — или разнести себе череп из табельного оружия. Ахилло окинул взглядом лабораторный зал, странные, неведомые приборы, сферу, таинственное «Ядро-Н». Блеснул металл квадратной площадки. Значит, не останется даже пепла?

Михаил горько усмехнулся. Вспышка — и все! Что ж, это лучше, чем красные рожи ублюдков из катакомб...

Капитан оправил гимнастерку и шагнул вперед.

— Гражданин Тернем!

— Слушаю вас... — Физик недоуменно оглянулся, его взгляд наткнулся на револьвер

— Мне... поднимать руки?

— Это лишнее. Достаточно того, что вы включите установку.

— Я... я не понял вас!

— Конечно, поняли, — вздохнул Ахилло. — Я слышал ваш разговор с Беном. Если меня арестуют — погибнем вместе. Так что вам лучше отправить меня за пределы... нашей грани, так кажется? Если спросят — скажите правду, вам угрожали оружием...

— Ах вот оно что...

Тернем нерешительно потянулся к небольшому рычажку. Его движение не понравилось капитану:

— Стойте! Имейте в виду, это не проверка. Мне терять нечего. Или погибнем вместе, или я исчезну, а вы останетесь и продолжите ваше дело. Так что не делайте глупостей!

Рука, протянутая к рычажку, опустилась. Ученый задумался, затем решительно мотнул головой. Щелчок — лампы на пульте загорелись, откуда-то снизу, из-под пола, донеслось мощное гудение. Краем глаза Ахилло заметил, как засветилась прозрачная призма под металлической сферой.

— Нет, не могу! — Тернем резко обернулся. — Кто бы вы ни были, гражданин капитан, вы погибнете! Ваша смерть...

— Вы говорили, что шансы — пятьдесят на пятьдесят...

— Но это же теория! На практике вы просто сгинете, от вас ничего не останется...

Михаил усмехнулся:

— Это тоже подходит...

Страха не было, напротив, капитан чувствовал невиданное, охватывающее всю душу волнение. Он перешагнет грань — первый! В любом случае, это не худший финал... Генератор уже гудел, мигали лампы, призма горела белым огнем...

— Скорее, гражданин Тернем!

Следовало спешить, в зал в любой момент могла ворваться охрана.

— Готово... Если не раздумали, становитесь посреди той площадки.

Ахилло выбрал место как раз в центре. Наверное, сейчас следовало помолиться, но капитан не верил в Творца. Хотелось одного — чтобы скорее все кончилось, пока не вернулся страх.

— Сейчас. Вот...

Тернем что-то набросал на листке бумаги.

— Если вам очень повезет... Это бланк Наркомата госбезопасности. Я написал, что вы — участник научного эксперимента...

Об этом Михаил не подумал. Кажется, физик соображал куда быстрее, чем он сам. Ведь там, за гранью, если даже Михаил уцелеет, его не будут ждать пионеры с цветами. Там тоже какой-то научный центр, свои «лазоревые», «малиновые» и бог весть кто еще.

Ахилло спрятал оружие и уложил бумагу в нагрудный карман.

— Включайте!

— Погодите, молодой человек! — Рука, уже протянутая вперед, к горящему лампами пульту, отдернулась. — Так нельзя. Я буду отвечать за вас, за вашу гибель! Если не перед властями, то перед богом...

Ахилло внезапно рассмеялся:

— Нет, гражданин Тернем, в любом случае виноваты не вы...

Конечно, ученый, который через минуту превратит Михаила в яркую вспышку света, не виноват. И даже те, что готовят ему пытки и смерть, — даже они не виновны. Виноват он сам — сейчас, в эту секунду, Ахилло понял это с полной, окончательной ясностью. Он выбрал волчью тропу, и тропа привела его сюда...

— Глаза! Закройте лицо ладонями!..

Михаил зажмурился, прижал руки к лицу...

...Плеснуло беспощадное пламя. Он еще успел подумать, что таков, наверное, адский огонь.

ГЛАВА 12

«ВЕТЕР ЗАПАДНЫЙ ТРЕПЛЕТ ЗНАМЕНА...»

Старый, цвета крепкого чая, коньяк был налит в маленькие плоские рюмки. В комнате стояла полутьма, поблескивали золотом корешки старинных книг, негромко тикали большие настенные часы.

— У вас озабоченный вид, друг мой! — Бертяев взял со столика рюмку, грея коньяк в руке.

— В самом деле? — Бен неуверенно улыбнулся.

— В последнее время вас что-то беспокоит. Надеюсь, не личное? Вы уж извините за этот доморощенный психологизм...

Бертяев был во все той же «профессорской» куртке, при галстуке-бабочке, но на сей раз без монокля. Вечер выпал спокойный, как раз для неторопливой беседы. Никто не мешал, достойная супруга драматурга еще не вернулась от портнихи.

— Вы правы, Афанасий Михайлович. Все время ссорюсь со своим приятелем. А вчера вообще...

Он не договорил и, вздохнув, умолк. Бертяев усмехнулся:

— Кастор ссорится с Полидевком? Не поделили жезл базилевса?

— Да нет же! — Молодой человек скривился. — Мне это фюрерство абсолютно не нужно, просто... Мы перестали друг друга понимать. Представляете, обращаемся друг к другу по имени-отчеству! А вчера... Я написал один документ, нечто вроде обзора здешней обстановки. А он заявил, что это — взгляд марсианина.

— Вот как? — коротко бросил Афанасий Михайлович, то ли сочувствуя, то ли удивляясь.

— Он считает, что я слишком равнодушен, что мне *не больно*...

Бертяев бросил на гостя короткий быстрый взгляд.

— Александр, не в обиду будет сказано... Может, он в чем-то прав? Заметьте, вы сказали: «у вас», а не «у нас».

— И вы тоже! — Бен отхлебнул из рюмки, даже не ощутив вкуса. — А что я должен чувствовать? Любовь к товарищу Сталину? Преданность к этому вампиру Ежову и его банде?

Он быстро оглянулся — сказывалось знакомство со здешними нравами, но единственным свидетелем столь крамольной фразы оказался большой черный кот, гревшийся у батареи.

— Левиафан! — позвал Бертяев. Кот, неторопливо прошествовав к креслу, одним прыжком оказался на коленях у хозяина. Афанасий Михайлович почесал Левиафана за ухом, тот потянулся и негромко мурлыкнул.

— Кроме названных вами лиц, Александр, есть еще и другие. Их приблизительно сто пятьдесят миллионов.

— Ах, другие! — Молодой человек повысил голос, вызвав удивленный взгляд Левиафана. — А где они были двадцать лет назад, когда нужно было не страдать, а действовать! Сколько ушло с Корниловым? Сколько было с Юденичем? А остальные — эти самые миллионы? Хотели социализма — и получили! «К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь» — так, кажется, у вашего Пушкина? Да, за них мне не больно! Мне больно за таких, как вы, как этот художник, как...

Он чуть было не назвал фамилию Тернема, но вовремя сдержался. Бертяев слушал невозмутимо, время от времени поглаживая разнежившегося Левиафана.

— Знаете, Афанасий Михайлович, у нас все старики были уве-

рены, что Сталина вот-вот прикончат — как Марата. Но на все сто пятьдесят миллионов не нашлось Шарлоты Корде! Чего же ждать от этого народа?

Бертяев ответил не сразу. Он осторожно опустил на пол кота, вызвав у того недовольную мину, слегка пригубил коньяк и откинулся на спинку кресла.

— Вы процитировали Пушкина. «Вашего», как вы изволили выразиться... Да, стадам не нужна свобода. Но это не овцы — это люди. А человек слаб. Мы привыкли повторять это не задумываясь, но человек действительно слаб. «Не судите, да не судимы будете», — помните?

— «Милосердия ищу, а не жертвы», — кивнул Бен. — Интересно, что сказал бы Христос, побывав в Эс-Эс-Эс-Эр?

Ненавистное название он произнес, тщательно выделяя каждый слог.

— Я не теолог, но, насколько я помню, Господь даровал людям свободу воли. Они могли сделать со своей жизнью что угодно — и решили жить в Большевизии. Разве они жертвы? Честное слово, начинаешь верить, что здесь в самом деле провели сплошную лоботомию...

— А если это так? — Бертяев говорил негромко, в голосе ощущалась глубокая, скрытая боль. — Для лоботомии не обязательно вскрывать череп... К тому же многим не просто вскрыли череп — им снесли головы. То, что происходит «у нас», как вы говорите, не фарс, Бен. Это — трагедия, страшная, еще невиданная. Дело не в Сталине и даже не в большевиках. Самое ужасное, что мы пока не можем даже понять причину всего этого. И дай бог, чтобы потоп не затопил и ваш... Марс. Поэтому я никуда не уеду. Конечно, многих надо вывозить немедленно — таких, как Стрешнев. Кстати, спасибо вам за него. Эта милая девушка, которая так похожа на вас...

— Сестра, — улыбнулся Бен, — Люба. А если точнее — Лу.

— Что за имена? — Драматург удивленно развел руками. — Вы — Бен, Люба — Лу, ваш друг...

— Джон, он же Чиф, — подсказал его собеседник. — Ну... Нам это нравится. Может, мы на Тускуле действительно становимся новым народом?

— И вам *не больно*... — тихо договорил Бертяев. — Хорошие, воспитанные мальчики и девочки...

В этот вечер Лу задержалась у больного. Вышло это неожиданно. Каша была сварена, укол сделан, и «патронажная сестра» уже надевала пальто, когда в дверь постучали и на пороге появился улыбающийся Володя Синицын.

— Ага, все в сборе! — заявил он, пожимая руку девушке. — Вячеслав, я тебе принес фейхоа. Вкус — необыкновенный и полезное до невозможности... Да ты, смотрю, повеселел!

Действительно, Вячеслав Константинович выглядел теперь бодрее. То ли помогло чудодейственное лекарство из плесени, то ли подействовало простое человеческое участие, но художник заметно ожил, начал поговаривать о работе и даже время от времени брал в руки карандаш, набрасывая что-то на обрезках альбомных листов. Синицын забегал почти каждый вечер, принося гостинцы и стараясь поднять настроение. Кто он такой, Люба так и не поняла. Художник знал его давно, но о прошлом в ее присутствии друзья никогда не заговаривали.

Володя отказался от чая, и они принялись за фейхоа. Лу слушала очередные столичные сплетни, которыми щедро делился гость, думая о том, что больного нужно как можно скорее уложить в настоящую больницу. Бен уже послал просьбу в Сент-Алекс, ответ должен был прийти в ближайшие часы...

— Люба, что невеселы? — обернулся к ней Синицын. — Надеюсь, на работе все в порядке?

Упоминание о мифической больнице, где якобы числилась «патронажная сестра», сразу же заставило насторожиться.

— Ей достается,.— усмехнулся художник. — Такие больные, как я, удивительно капризны!.. Володя, ты о чем-то рассказывал?

— А! — кивнул тот. — Точно... Ты своего однокурсника помнишь? Неркулова?

Вячеслав Константинович улыбнулся.

— Знаете такого, Люба?

Девушке оставалось сослаться на провинциальное происхождение. Володя поразился:

— Не знать Неркулова? Да это сейчас главный ваятель по части вождей! Лениных отгрохал уже не меньше дюжины...

— Четырнадцать, — уточнил больной.

— Вот-вот. Сейчас Дом Советов строится — знаете? Так там намечается скульптура вождя — сто двадцать метров! Этакий Колосс Родосский!

— Со смотровой площадкой на лысине, — добавил Стрешнев совершенно равнодушным тоном.

Лу хотела спросить: «А зачем?», но удержалась. Очевидно, гражданам СССР такое должно быть понятно и без пояснений.

— У него, говорят, в мастерской товарищ Ленин стоит в полный рост и, так сказать, а-натюрель...

— Правда, — кивнул художник. — Изучает натуру. Все-таки профессионал...

— А недавно заказали ему бюст Кутузова. Сам Ворошилов заказал. Неркулов стараться не стал — отдал помощникам, а сам

поехал в Крым отдыхать. Слепили, Неркулов вернулся, привезли Ворошилова...

Стрешнев не удержался и хмыкнул.

— Появляется Неркулов, нарком к нему, а тот еле жив. Лицо такое, будто лимон съел, а главное — левый глаз открыть не может. Ворошилов, добрая душа, давай расспрашивать. А тот и говорит, что пострадал из-за Кутузова. Настолько вжился в образ, что пришлось месяц ходить в повязке. В результате — нервный тик. Маршал давай его утешать... Выпили, закусили, бюст, конечно, Ворошилов одобрил, и только потом... Люба, догадайтесь.

— Н-не знаю, — растерялась Лу. — Бюст не понравился?

Володя расхохотался.

— Неркулов сообразил, что у Кутузова не было не левого, а правого глаза, — закончил вместо Володи художник. — Я об этом слыхал, еще когда был студентом, но рассказывали не о Неркулове и Ворошилове, а об Антокольском и генерале Драгомирове.

— Неужели врут? — огорчился Синицын. — Жаль!

— Ну почему врут? — не согласился Стрешнев. — Фольклор! Знаете, по-моему, Неркулов просто издевается над этими «меценатами». Лепит им чудищ! А выходит, между прочим, талантливо — действительно, памятники эпохи. Вроде половецких идолов...

Люба с удовольствием послушала бы еще о неведомых ей нравах столичной богемы, но Володя уже откланивался, пообещав заглянуть завтра. Стрешнев подождал, пока на лестнице затихнут шаги, а затем негромко проговорил:

— Люба! Вы хотели о чем-то меня спросить? Я не ошибаюсь?

Девушка кивнула. Надо было поговорить о возможной эвакуации больного художника, но Лу никак не могла решить, с чего начать. И в самом деле, не показывать же карту звездного неба, тем более что звезды, называемой на Тускуле попросту «Солнцем», на этой карте не было.

— Вы, кажется, не доверяете Володе, — продолжал Стрешнев. — Я знаю его много лет, Люба. Поверьте, он не из тех, кто приходит в гости по долгу службы. Не смотрите, что он такой веселый, ему пришлось очень много пережить...

— И вы считали его погибшим? — не удержалась девушка, вспомнив их первую встречу с Синицыным.

— Да... И слава богу, мы все ошиблись...

Итак, Лу не зря обратила внимание на улыбчивого парня с явно вымышленной фамилией. Стрешнев намекал, что Володя не имеет отношения к НКВД. Значит...

Лу собралась, плотно застегнула пальто, предчувствуя уличный холод, и надела жуткого вида берет. Оставалось попрощать-

ся, но внезапно по лестнице загремели шаги. Вначале она решила, что это Синицын, но тут же сообразила, что это кто-то другой. Вернее, другие...

— Что это? — Стрешнев приподнялся с лежака и тут же горько усмехнулся. — Кажется, понял. Не бойтесь, не за вами — это за мной...

Лу застыла, не в силах двинуться с места. Попалась! Первый же обыск сразу же раскроет ее несложную конспирацию. Достаточно жетона-пропуска, спрятанного на поясе пальто, не говоря уже о медицинских приборах. На коробках с ампулами так и стояло: «Свято-Александровскъ». Заклеить или содрать этикетку Люба просто не догадалась.

В дверь уже стучали — властно, нетерпеливо. Девушка растерянно взглянула на Вячеслава Константиновича. Тот ободряюще улыбнулся...

...Четверо — дюжие мордатые здоровяки в серых шинелях с малиновыми петлицами. Девушку отшвырнули в сторону, кто-то рванул сумку из рук, рявкнув: «Стой на месте!» Двое уже держали художника за плечи, третий деловито обыскивал больного.

— Где он? Где?

Стрешнев развел руками, и тут же получил короткий сильный удар по лицу. Лу охнула.

— Опоздали, во блядь! — Один из «малиновых» быстро обошел скромное жилище больного, заглядывая в каждый угол. Картина, прислоненная к стене, отлетела в сторону от удара сапогом.

— Ушел, курва! — добавил другой. — Ну, Стрешнев, колись, где он?

— О ком вы, товарищи? — глухо спросил художник, бросив на Лу быстрый незаметный взгляд. Все стало ясно. Володя Синицын!..

— А тамбовский волк тебе, бля, товарищ! Забыл, как обращаться положено, сука! — «Малиновый» взмахнул кулаком, но другой энкавэдист, высокий, с неприятными пятнами на лице, перехватил руку.

— Не спешите, сержант! Ладно, Стрешнев, будем разбираться... Значит, так: Стрешнев Вячеслав Константинович, вы арестованы по подозрению в укрывательстве врага народа Владимира Корфа. Что вы можете сообщить по этому поводу?

— Покажите ордер, — спокойно проговорил художник. Лу между тем старалась вспомнить, где она встречала эту фамилию. Кажется, что-то говорил Бен...

Пятнистый, очевидно старший, достал сложенную вчетверо бумагу и ткнул прямо в лицо Стрешневу. Тот медленно развернул.

— Читай, читай, сука! — бросил другой «малиновый». — Мы законы знаем...

Художник так же молча вернул бумагу пятнистому.

— Итак, гражданин Стрешнев? — спросил тот.

— Владимир Михайлович Корф умер несколько лет назад, — вздохнул Вячеслав Константинович. — Укрывать его не имею ни малейшей возможности...

— Во гад! — вздохнул второй «гость». — Измывается!

И тут Лу вспомнила. Брат рассказывал о вечере у Бертяева. «Вандея» — таинственная подпольная организация, и ее вождь Корф! Владимир Михайлович Корф, сын белого офицера, бежавший из лагеря...

— Ладно, — резюмировал пятнистый, — все равно скажете! Гражданин Стрешнев, согласно ордеру мы уполномочены произвести у вас обыск...

Художник пожал плечами.

— Приступайте! — Энкавэдист не спеша оглядел мастерскую, затем обернулся к Лу. — Сюда, гражданка!

— Она медицинская сестра, — быстро проговорил Стрешнев. — Я болен, она делает мне уколы...

— Разберемся!

«Малиновые» принялись с шумом и грохотом обыскивать мастерскую. Почему-то особенно их раздражали картины. Один из энкавэдистов с неожиданной яростью принялся разламывать рамы, остальные срывали шторы, опрокидывали нехитрую мебель, рылись в вещах.

Лу подошла к пятнистому. Тот косо взглянул на девушку, затем повернулся к сержанту:

— Что у нее нашли?

Тот подал старшему сумку. Пятнистый вывалил содержимое на стол. Лу затаила дыхание. «Малиновый» брезгливо перебрал вещи, не обратив внимания на ни этикетку, ни на коробку с индивидуальными шприцами, затем поднял взгляд на девушку:

— Документы!

Лу протянула паспорт — неважно выполненную «липу».

— Баулина Любовь Леонтьевна... Что вы здесь делаете?

— Я медсестра, — Лу чуть не сказала «сестра милосердия», но вовремя спохватилась. — Меня прислали из районной больницы. У Вячеслава Константиновича... у больного тяжелая форма туберкулеза...

— Вавилов! — Пятнистый обернулся. Один из «малиновых», тот, что крушил рамы, подошел ближе.

— Вот чего, Вавилов, внизу есть телефон, позвони в районную больницу. Баулина Любовь Леонтьевна...

«Малиновый» кивнул и вышел, гремя сапогами.

— Гражданка Баулина, должен предупредить, что за дачу ложных показаний вы будете привлечены к уголовной ответственности. Вы поняли?

Лу кивнула, отчаянно пытаясь сообразить, что ей делать. Сейчас этот Вавилов вернется...

— Вы видели здесь или около дома этого человека?

На фотографии Володя выглядел немного иначе — совсем молодой, с худой тонкой шеей, стриженый. Впрочем, узнать «Синицына» не составляло труда.

— Нет... Не видела...

— Подумайте, Баулина. Это — опасный враг народа!..

— Товарищ капитан, дайте я сам с этой блядью поговорю! — вмешался громила-сержант, успевший уже опрокинуть мольберт и выбросить на пол небогатый запас продуктов. Девушка почувствовала, как у нее вспыхнули щеки. Отвечать было нельзя, но вдруг заговорил Стрешнев:

— Товарищи! Граждане! Люба делала мне уколы. Как вы смеете!..

Сержант лениво взмахнул рукой, и художник без звука упал на лежак.

— Итак, Баулина? — продолжил пятнистый. — Будете говорить?

Лу молчала. Происходящее казалось чем-то нереальным, кошмарным сном, который должен вот-вот кончиться. О таком она читала еще в детстве: чекисты врываются в квартиру, громят все вокруг, хватают ни в чем не повинных людей. Потом — страшный подвал, взвод китайцев или латышей, сырая, выщербленная пулями стенка...

И тут пятнистый ударил ее — несильно, слегка двинув рукой. Девушка охнула и осела на пол.

— Что вы делаете! Как вы смеете! — кричал художник, не обращая внимания на сержанта, схватившего его за плечи и пытавшегося заткнуть рот.

— Встать!

Лу медленно поднялась. По всему телу разлилась боль — удар пришелся в живот.

— Вспомнили?

— Я никого не видела, — еле слышно проговорила девушка. — Я никого...

— Товарищ капитан!

На пороге стоял Вавилов. Пятнистый подошел к нему, они о чем-то пошептались, после чего пятнистый хмыкнул, проговорил: «Вот как?» — и вновь повернулся к Лу.

— Вот, значит, как, гражданка Баулина? Так где это вы работаете? В какой больнице? А ну-ка, где ее паспорт?

Сержант поспешил подать документ. Капитан присвистнул:

— Ого! Видите?

— Хреново сделано, — согласился громила-сержант. — Ах ты, блядь! Да она из их кубла!

Надеяться было не на что. Теперь они обратят внимание на

вещи... Если б удалось уничтожить пропуск — просто выкинуть маленькую пластинку куда-нибудь за окно!..

— Ну-ка, Стрешнев, колись, — пятнистый подошел к художнику. — Откуда эта баба? Ее прислал Корф?

— Она медсестра, — повторил Вячеслав Константинович, — медсестра из районной больницы...

Сильный удар опрокинул его на пол. Били вдвоем — пятнистый и сержант. Лу закричала, рванулась, Вавилов крепко держал ее, зажав огромной лапищей рот.

— Вставай, сволочь!

Художник застонал, пытаясь приподняться. Сержант нетерпеливо ухватил его за ворот:

— Не нравится, сука? Это еще, бля, цветочки! Где Корф? Кто эта баба? Говори, гад!

— Будьте вы прокляты... — вырвалось у Стрешнева. Новый удар — и он откинулся на подушку.

— Хватит, лейтенант, еще сдохнет. Ладно, перекурим!..

Многотрудная работа явно утомила «малиновых». Все четверо достали папиросы и с удовольствием принялись пускать кольца дыма. Лу, которую временно оставили в покое, без сил присела на один из ящиков. Рука потянулась к поясу, чтобы выбросить пропуск, но энкавэдист стоял рядом, не спуская с нее глаз.

— Соседей опросили? — Капитан взглянул на Вавилова. Тот кивнул:

— Так точно! Эта баба здесь не в первый раз. Больше никого не видели.

— Странно, — удивился капитан. — Надо и соседями подзаняться. Ну гнездо! Сержант, чего нашли?

— А ни хрена, товарищ капитан! Одна эта долбаная мазня! Троцкисты-авангардисты, мать их всех...

— Баулина! — Капитан повернулся к девушке. — Будьте благоразумны! Если вы из подпольного Красного Креста, получите «червонец» — и все. Но только если поможете следствию...

— Да она хитрая штучка, товарищ капитан! — вмешался громила. — Если эта блядь из Красного Креста, на кой ляд ей ксива? Давайте я ее чуток поспрошаю. Страсть как люблю таких сучек раскалывать...

Холод сковал тело. Девушка затравленно оглянулась. Их четверо. Даже до окна не добежать...

— Стрешнев, а может, сами скажете? — Капитан повернулся к художнику. — Пожалеете дамочку?

— Я ничего не знаю, — с трудом выговорил Вячеслав Константинович. — Отпустите ее, она меня лечила...

— Ясно! Значит, так, сержант, займись бабой — но чтоб жива

осталась. Вавилов, обойди-ка соседей еще раз. Может, сознательные попадутся...

Верзила угукнул и вышел из мастерской, пятнистый принялся за бумаги, выброшенные из ящиков, а лейтенант вместе с еще одним «малиновым», широкоплечим парнем с большим шрамом на левой щеке, подошли к девушке.

— Ну вот и я, сучка! — Лейтенант положил ручищу ей на плечо. — Ну, колись, покуда не поздно!

Удар по лицу. Голова девушки дернулась, новый удар... Из разбитой губы потекла кровь. Лу застонала.

— А ну, врежь ей, Павлюк, — кивнул сержант. Парень со шрамом медленно, словно нехотя, поднял руку... Дыхание перехватило, раскрытый рот тщетно ловил воздух. Лу пошатнулась, но сержант не дал ей упасть.

— Стой ровно, блядь! Ну, надумала?

Наконец-то удалось вдохнуть. Слезы текли по лицу, но страх куда-то исчез. Осталась ненависть. Животные, холопы, взбесившаяся протоплазма!..

Вновь удар по лицу, на этот раз со всей силы. Голова заныла от боли...

— Колись, сука!

— Scelerat! — девушка уже не соображала, что говорит по-французски. — Le cochon!..

— Эге! — От удивления сержант даже отошел на шаг назад. — Ты глянь, Павлюк, да она ж шпионка!

Лу поняла, что это ошибка. Очередная — и, вероятно, последняя.

— Ну все, сучка! — Сержант сунул в рот папиросу и щелкнул зажигалкой. — Проговорилась-таки! Товарищ капитан, эта блядь не по нашему чешет!..

— Жидовка, что ли? — откликнулся пятнистый.

— Не, я жидов за километр чую. Кажись, немка!

Капитан, продолжавший рыться в бумагах, неохотно повернул голову:

— Не увлекайтесь! Вы уже однажды поймали шпиона, помните?

— Теперь не ошибусь! — прошипел «малиновый». — А вот сейчас проверим. Держи-ка ее, Павлюк!..

Верзила схватил девушку за плечи, не давая двинуться. Лейтенант затянулся дымом, хмыкнул и рванул ворот платья.

— А вот щас!..

Он еще раз затянулся, аккуратно сбил пепел и начал медленно подносить окурок к шее. Лу закрыла глаза. Только бы не закричать...

...Боль почему-то показалась не такой страшной. Противно пахло горелым мясом, шея онемела, осталась лишь маленькая точка, где пульсировал злой острый огонек...

— Не сдохла? — лейтенант затоптал окурок сапогом. — Как, Павлюк?

— Да живее всех живых! — гоготнул тот. — Они, бабы, как кошки, хоть веслом бей!

— А ну-ка... — лейтенант прикурил следующую папиросу. — Сейчас мы ей фотку испортим!

Девушка попыталась рвануться, но лапищи Павлюка держали крепко. Щеку пронзила боль, горящая папироса уткнулась в кожу...

— Кричи, дрянь, кричи! — хрипел энкавэдист. — Щас закричишь, блядь!

Лу молчала. Боль залила голову, в глазах потемнело, но сознание работало четко. Руки, державшие ее, слегка разжались... Она приоткрыла глаза. Покрасневшая от возбуждения рожа сержанта была рядом. Огромная туша наклонилась, из пасти доносилось легкое хрипение...

Удар в пах — так, как учили ее на тренировках. Рывок — и она свободна. Сержант взвыл. Второй удар пришелся по сонной артерии...

— Ах, сволочь!

Павлюк бросился к ней, Люба поднырнула под занесенную руку, попытавшись добежать до двери. Но сзади уже слышалось громкое сопение. Ее ударили в затылок — и доски пола рванулись навстречу...

— ...Жива, гадина!

Голос донесся откуда-то издалека, и тут же вернулась боль. Лу лежала на полу, рот был полон крови, ныли ребра, правая рука одеревенела.

— Поднимите!

Голос пятнистого... Ее поставили на ноги, кто-то несильно ударил по лицу. Лу открыла глаза.

— Зырит, товарищ капитан!

— Вижу. Наручники!

Вокруг запястий защелкнулись стальные браслеты. Лу с трудом повела головой. Все четверо «малиновых» были тут: трое стояли рядом, а сержант сидел, скорчившись, чуть в стороне. Как видно, удар не прошел даром. Стрешнев лежал на полу.

— Машину вызвали? — поинтересовался капитан.

— Так точно! Майор Ковалев подъедет...

— Хорошо. Тут будет засада. А эту — увозите...

Вавилов потянул девушку за плечо, но пятнистый остановил его.

— Слушай, Баулина, — в голосе «малинового» звенела ненависть. — Ты ударила сотрудника НКВД! Можешь считать, что «вышку» заработала, но учти, спокойно умереть тебе не дадим. Лейтенант тебе, гадине, каждый ноготок плоскогубцами выдерет!

Корфа твоего все равно найдем и всех вас вместе живьем в топку сунем. Поняла?

Хотелось ответить, но сил не осталось. Вавилов потащил ее к выходу. «Пропуск, — мелькнуло в голове, — они найдут пропуск! А как же ребята?..» Лестница, уходила из-под ног, каждый шаг давался с болью. Энкавэдист торопил:

— Шагай, шпионочка! Зря ты сержанту врезала, плохо помрешь. Он из твоей шкуры абажур сделает!..

Ныли скованные запястья. Люба понимала, что выхода нет. Сейчас ее бросят в машину и увезут куда-то в подвал. Как называются такие машины: «Черный грач»? «Ворон»?

На улице сразу же стало холодно: берет и шарф остались наверху. Заныла изуродованная щека. Вавилов тащил девушку к автомобилю, в котором дремал шофер. «Малиновый» постучал по стеклу.

— Открывай! Шпионку повезем!

Шофер зевнул и с интересом поглядел на девушку.

— Во изукрасили! А девка ничего. Слышь, Вавилов, чего добру пропадать, отъедем в сторонку. Не все ж лейтенанту с такими баловаться!

«Малиновый», открыв дверцу, повернулся к шоферу, собираясь ответить, и тут совсем рядом что-то негромко хлопнуло — как будто открыли бутылку с шампанским. «Малиновый» открыл рот, захрипел и начал сползать на асфальт. Шофер уже вытаскивал револьвер, но шампанское вновь хлопнуло, и он без звука ткнулся лицом в стекло.

— Люба, с вами все в порядке?

Вопрос был задан по-французски. Лу попыталась ответить, но слова застревали в горле. Пришлось ухватиться скованными руками за дверцу, чтобы устоять на ногах.

— Да что с вами?

Сильная рука подхватила девушку. Володя «Синицын» улыбался, пряча за пояс пистолет с глушителем. Лу попыталась повернуться, и тут он увидел ее лицо.

— О господи! Какие звери...

Он помог Любе опуститься на сиденье, быстрым движением выкинул труп шофера из машины, ткнул ногою тело Вавилова.

— Что им было надо?

— Они... они искали Корфа, — выдохнула Лу. — Вячеслав Константинович еще там. Они вызвали вторую машину...

Володя задумался.

— Идти можете?

— Руки... — девушка кивнула на наручники.

— Ах да! Поднимите их вверх. Выше, пожалуйста... Не двигайтесь!

Хлопок, легкий удар — и руки вновь стали свободны. Пуля разбила сталь. Володя поглядел наверх. Девушка поняла.

— Дайте мне револьвер. Там их только трое...

— Стрелять умеете? — по загорелому лицу «Синицына» пробежала усмешка.

— Не волнуйтесь, не промахнусь.

Они говорили по-французски. Володя покачал головой:

— На чем вас раскрыли, на больнице? Я тоже проверил. Грешным делом подозревал, особенно когда увидел ваш шприц... Значит, говорите, меня искали?

— Если вы Корф...

— Владимир Михайлович, — последовал короткий вежливый поклон. — К вашим услугам, Люба...

— Бенкендорф.

«Синицын», он же Корф, подмигнул:

— С такой фамилией — и в Красной Столице? Ну что, Люба, пошли выручать Славку?

В руке Лу оказался револьвер. Оружие придало силы, девушка привычным движением провернула барабан и сунула «наган» в карман пальто. Корф с улыбкой следил за нею.

— Только, Володя, там есть один сержант...

— Понял. Что мы ему отстрелим первым делом?

— Александр Леонтьевич, могу я вас побеспокоить?

— Сделайте одолжение, Иван Степанович...

Чиф сидел в кресле, листая потрепанный французско-китайский разговорник. Бен устроился неподалеку за столом, читая газету.

— Александр Леонтьевич, когда я смогу воспользоваться резервным каналом?

Бен слегка повернулся.

— Я уже имел честь вам сообщить, милостивый государь, что канал в полном вашем распоряжении...

Он поморщился — фраза чрезвычайно не понравилась. С «милостивым государем» вышел явный перебор.

— Извини, Джонни-бой... Все готово. Только знаешь, твой китайский...

Чиф пожал плечами:

— На уровне «моя-твоя» разберусь. Главное, мне там помогут...

Бен вновь поморщился и наконец не выдержал.

— Слушай! Ну, мое мнение тебя не интересует — ладно! Но дядя Генри тоже против. Это даже не авантюра, это черт знает что! А если Волков солгал? Ну, пусть не солгал, все равно — иголка в стоге сена. Кто-то с кем-то когда-то воевал... В конце концов, пусть Казим-бек шлет подмогу!..

Внизу хлопнула дверь. Бен удовлетворенно кивнул и потер руки:

— Ага, кажется, Лу. Наконец-то! Самое время ужинать. Что-то она задержалась у нашего больного!..

...Девушку уложили на диван. Растерянный Бен держал в руках аптечку, а его приятель осторожно прикладывал к ране тампон с мазью.

— Осторожно, Джонни-бой, — Бен взглянул на лицо сестры и, не выдержав, отвернулся. — Господи, что же это!..

— Красиво, да? — Лу постаралась улыбнуться. — Чиф, там еще на шее... А потом посмотришь, у меня, кажется, ребро сломано...

— Погляжу, — кивнул Косухин. — А вообще-то нужно в госпиталь — и срочно!

— Не вздумайте! — Девушка встала, прижимая тампон к лицу. — Бог с ним, не возьмут замуж, зато мы, кажется, вышли на настоящее подполье!

— Корф... Корф... — негромко проговорил Чиф. — Да, это интересно. Что ты ему рассказала?

— Я? — удивилась Люба. — Ничего, конечно! Мы лишь договорились о встрече. Он возьмет с собой Стрешнева. Завтра я...

— О чем ты! — Брат резко взмахнул рукой. — К черту все! Эти папуасы тебя пытали! Я их... Этих животных, грязных хамов...

— Александр, что за мелодрама? — поморщилась девушка. — Меня выручил тоже... папуас. К тому же, можешь не мстить за меня, я это проделала сама. Почему-то казалось, что стрелять в живых людей труднее... Так что никуда вы меня не отправите, я теперь здесь террористка номер один!..

Свет потушили, и молодые люди перешли в аппаратную, где на пульте управления беззвучно светились разноцветные лампы. Бен рухнул в кресло и обхватил голову руками:

— Джон... У нее с лицом... Как думаешь, можно сделать пластическую операцию?

Чиф, присев рядом, легко коснулся плеча приятеля:

— Может, и не понадобится. В крайнем случае, останется шрам. Надо поговорить с Казим-беком, только, боюсь, он тут же отзовет всю группу.

— Еще бы! — кивнул Бен. — Будет жалко...

— Жалко, — согласился Косухин. — Считай, ничего пока и не сделали... Ладно, включай!..

Бен нажал клавишу. Экран вспыхнул, высветив карту мира. Пальцы пробежались по пульту, карта увеличилась, за пределы экрана ушли Америка, Австралия, Европа... Теперь там оставалась лишь Азия. Бен вновь нажал клавишу, и на экране появилась карта горной местности, пересеченной узкими извилистыми реками.

— Вот твой район, Джон. Интересно, как там сейчас?

— Холодно. Средненоябрьская — плюс один. А в общем, плохо...

— Война?

Чиф всмотрелся в карту, нажатием клавиши чуть увеличив изображение.

— Да. Война...

...Пещера была вырублена в мягкой скале. В углу неярко светила керосиновая лампа, позволявшая разглядеть нехитрое убранство подземного жилища. Стол, два кресла, радиоприемник, небольшая железная печка...

На столе стояла початая бутылка голландского джина, глиняные рюмки и миска с красным перцем. Тут же была пепельница, заваленная окурками, и полупустая пачка «Честерфилда». Чиф сидел в одном из кресел. Второе пустовало. Хозяин стоял возле входа, глядя куда-то в черное звездное небо. Негромко звучали отрывистые короткие слова — человек читал стихи.

В Сент-Алексе Чиф два года изучал китайский, но там преподавали нанкинский диалект, а стихи были на совершенно непохожем — хунаньском. Слова нехотя, не спеша, всплывали в памяти... Гора Кунлунь, ушедшая в небо, рой нефритовых драконов, сметенных весенним половодьем черепахи... Смысл ускользал.

— Что-нибудь поняли, товарищ Хо?

Человек подошел ближе. Он был высок, широкоплеч и слегка сутул. Немолодое, смуглое лицо казалось бесстрастным, но темные глаза светились дружелюбием. Одет был просто — в старую ватную куртку-даньи, которые носили в этих краях крестьяне. Чиф был одет так же, только его даньи перетягивал ремень, с которого свисала кобура револьвера. Впрочем, он уже не был Чифом — Косухин превратился в Хо Сушина, или просто «товарища Хо».

— Не расстраивайтесь, товарищ Хо, — человек в даньи закурил «Честерфилд» и присел в кресло. — Эти стихи, к сожалению, трудны для понимания. Я написал их в старой традиции — в так называемом жанре «цы», на мотив стихотворения «Няньнуцзяо». Сейчас так писать уже нельзя, но я, к сожалению, человек старого воспитания. Товарищ Лу Синь недаром провозгласил революцию в литературе. Мы — странное государство, товарищ Хо. Странное — и древнее. У нас революция начинается прежде всего в литературе, аграрный вопрос решается во вторую очередь. Товарищу Сталину этого не понять...

Человек в даньи негромко рассмеялся. Мысль о Великом Вожде Всех Времен и Народов его явно позабавила.

— Эти стихи, товарищ Хо, я сочинил после нашей первой встречи. Хотелось написать о вашей планете, о людях с Небес, которые надеются построить социализм среди звезд. Но написал я о горе Кунлунь...

Снова послышался смех. Любитель старинной поэзии плеснул в рюмки джин и пододвинул миску ближе к гостю.

— Вы едите красный перец, товарищ Хо? Каждый революционер должен обязательно есть красный перец! Смотрите, надо класть его не на язык, а ближе к гортани — и глотать...

Чиф попробовал — в рот словно попала горячая головешка. Растерявшись, он глотнул джина и закашлялся.

— Привыкайте, товарищ Хо!.. Я думал, почему написал не о вас, а о горе Кунлунь? Наверное, потому, что Кунлунь — символ всего великого в нашем мире. А наша встреча, товарищ Хо, — великая встреча. Сталин не понял...

На смуглом лице мелькнула улыбка.

— И не поймет... А ведь первая встреча Земли и Неба — это великий поворот. Вы, на Тускуле, боретесь за социализм. Долг нашей партии помочь вам. И не потому, что мы ждем от вас ответной помощи, нет!.. Революция на Земле и революция на Небе — не это ли начало перемены мира?

Человек в даньи помолчал, затем покачал головой:

— Интересно все же, как вы решаете аграрный вопрос? Коллективизацию уже провели?

Это была шутка, но Косухин попытался ответить:

— Мы смотрим на учение Маркса иначе, чем большевики в России. Для нас главное не цитаты, а основная идея: общество без частной собственности и эксплуатации...

По-китайски выходило плохо, но человек в даньи понял.

— Да, товарищ Хо, такой смелости с классиками мы себе позволить еще не можем. Вы — люди Неба, вы смотрите издалека. У нас еще любят цитаты... Товарищ Сталин и его Коминтерн хотят, чтобы мы строили их социализм с лагерями и продразверсткой. Они не правы. Нам не нужна их диктатура — нам нужна социалистическая, новая демократия...

Он прошелся по пещере, затем вернулся к столу, бросил окурок и тут же закурил новую сигарету.

— Впрочем, сейчас важнее ваши дела. Вернее, наши — ведь партии небезразлично, что происходит на Тибете. Вы уже обдумали, что вам надо?

— Да, — заторопился Косухин. — Продовольствие, карты, оружие — и человек тридцать...

— Не больше? — Темные глаза блеснули. — Может, вам дать полк? Шучу!.. Вы правы, товарищ Хо, полк там не пройдет. Мы дадим вам лучших бойцов. Я попрошу товарища Пэн Дэхуэя, у него есть кадры еще с времен Великого Похода... Как вас устроили? Нормально?

— Да, спасибо, — кивнул Чиф. — Даже неловко. Мне дают мясо, а бойцы едят чумизу...

— Это ненадолго, товарищ Хо, в походе будет другой рацион. Ну и наконец... Что вам подарить? На память.

Косухин растерялся — он пришел сюда не за подарками.

— Вожди обычно дарят свои сочинения с автографами. Поскольку наш отдел пропаганды уверяет, что я — вождь, то надо следовать этому примеру. Но в поход книгу вы не возьмете, патроны важнее...

Человек в даньи помолчал, вновь усмехнулся.

— В нашей стране другая традиция. Друзьям дарят надписи. Каллиграфия — искусство не менее сложное и прекрасное, чем живопись. Если хотите, я запишу вам на память свое стихотворение. Оно небольшое, но листка вполне хватит, чтобы им разжечь костер...

Он присел к столу и взял кисточку. Лист желтоватой рисовой бумаги начал покрываться столбиками иероглифов.

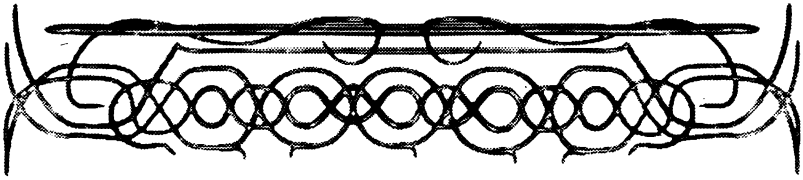
— Про это стихотворение уже рассказывают легенды, товарищ Хо. Фольклор революции! Недавно наша газета написала, будто несколько бойцов, попавших в окружение, уже готовились к смерти, но, услыхав по радио, как диктор читает эти стихи, воспрянули духом и вырвались из кольца. Это, конечно, сказка. Я запретил читать мои стихи по радио, но, говорят, бойцы действительно переписывают кое-что из моих опусов. Мои статьи, похоже, нравятся им значительно меньше. Вот, прошу... Я прочитаю вслух, медленно, вы поймете. Стихотворение называется «Люпаншань». Я написал его два года назад, когда мы прорывались на север через провинцию Ганьсу...

Человек в даньи встал, положил листок на стол и начал читать наизусть, негромко, чуть прикрыв глаза:

Там, за бледными облаками,
Гусь на юг улетает с криком.
Двадцать тысяч ли пройдено нами,
Но лишь тех назовут смельчаками,
Кто дойдет до Стены Великой!
Пик вознесся над Люпаншанем,
Ветер западный треплет знамена...
Мы с веревкой в руках решаем,
Как скрутить нам седого дракона... [1]

---

[1] Перевод М. Басманова.



КНИГА ШЕСТАЯ

ОРФЕЙ И НИКА

ГЛАВА 1

«ДЕТЕКТОР ЛЖИ»

Транит казался теплым. Апрельское солнце нагрело камень, и можно было без страха прислониться к высокому парапету бесконечной набережной, наблюдая за неслышным течением широкой реки. День выпал на славу — ясный, безоблачный. Над рекой деловито кружили птицы, где-то неподалеку играл духовой оркестр, воздух был свеж и чист...

Человек, стоявший у гранитного парапета, дернул плечами и запахнул пальто. День был теплым, но холод шел изнутри, от самого сердца. Вначале казалось, что к этому можно привыкнуть. Январь, февраль, март... Он был болен уже больше трех месяцев. Человек еще раз окинул взглядом реку. Внезапно показалось, что он уже бывал здесь, именно на этом месте. Только показалось. Январь, февраль, март — все, что он помнил. Дальше начиналась пустота.

«Сколько мне лет?» На мгновение он испугался, но память, которая теперь — с января — работала безукоризненно, тут же подсказала. Ему двадцать пять. День рождения — 15 февраля, место рождения — город Харьков...

Человек огляделся, бросив взгляд на фланирующие по набережной парочки. Зря он вышел в город! Лучше всего было запереться в номере, взять рижское издание Уоллеса, купленное на прошлой неделе на толкучке возле площади Мира, и проваляться на диване весь день. А можно вообще не читать, а просто лежать неподвижно, закрыв глаза и завесив окна шторами. Так ему становилось легче, даже холод куда-то исчезал...

«Не раскисать!» — прошептал он, словно заклинание. Не раскисать! Он болен, он потерял память, но врачи обещают, что это ненадолго, все снова вернется. Он вспомнит. Он обязательно вспомнит! А пока — не раскисать, работать, заново заучивать собственную биографию... 15 февраля, город Харьков, семья рабочего-металлиста, отец погиб на деникинском фронте в 1919-м, мать умерла через два года, беспризорник, колония имени Дзержинского... Внезапно вновь почудилось, что он помнит эту набережную, эту неспешно текущую реку и даже холод — такой зна-

комый, привычный. Да, тогда было холодно, он шел по набережной, так же подняв воротник пальто, ему было плохо... Может, уже тогда он был болен?

Человек вынул папиросу, покрутил в пальцах, бросил. Почему он курит? Может, в той, другой жизни он был заядлым курильщиком, и теперь это последнее, что осталось от него, настоящего?

Взгляд на часы — времени более чем достаточно. Можно пройтись по набережной, там дальше ЦПКО, за ним — Нескучный сад, где можно спокойно посидеть на лавочке, выпить газированной воды с мандариновым сиропом... Да, это он помнил. Он бывал здесь. Если пройти по набережной, справа будет Крымский мост, дальше — новый парк, названный именем классика пролетарской литературы. Откуда-то из неведомых глубин всплыли факты — холодные, бесстрастные. Такое было уже не впервые. Он хорошо помнил уйгурский язык, но только из собственной биографии узнал, что служил несколько лет в Средней Азии. Да, он помнил уйгурский и узбекский, то и дело всплывали китайские слова, но это было не свое — чужое, принадлежавшее кому-то, исчезнувшему без следа...

...И тут он почувствовал страх. Не собственный — чужой. Кто-то стоял рядом, и этот «кто-то»...

...Странная способность ощущать эмоции не подвела. Неизвестный стоял в двух шагах, очевидно, подойдя со стороны ближайшего переулка. Чернявый невысокий парень лет двадцати двух.

— Товарищ... товарищ старший лейтенант!

Слова прозвучали неуверенно, неизвестный сам испугался сказанного. Надо отвечать. Это был шанс — тот шанс, ради которого он и вышел сегодня на улицы Столицы.

— Здравствуйте!

Он попытался улыбнуться, но что-то вышло не так — парень растерянно моргнул.

— Извините... Я это... ошибся...

Нет, не ошибся! Они были знакомы. К нему обратились по званию, а ведь он в штатском!..

— Погодите! Мы с вами были?..

Он осекся: «Были!» Так нельзя!

— Нет. Извините, товарищ!.. Вы просто похожи...

Парень уже пятился, пытаясь скорее уйти. Почему он боится? Не выходца же с того света встретил!

Человек вздохнул, собираясь с силами.

— Я... Я Павленко Сергей Павлович, работник НКГБ. Несколько месяцев назад я получил травму, был ранен. Не помню, что было со мной до января 38-го. Полная амнезия... Если мы с вами встречались, то скажите, я вас... Я вас очень прошу!

Парень молчал, лицо стало хмурым, губы сжались, побелели. Он не верил — но не уходил.

— Амнезия... А... А разве так бывает, товарищ старший лейтенант?

«Госбезопасности» добавлено не было. Случайно? Или чернявый был знаком именно со *старшим лейтенантом?* Когда же его успели повысить в звании?

Человек подумал и достал удостоверение.

— Вот, прошу! Старший лейтенант госбезопасности... То есть, майор Ленинградского управления НКГБ Павленко. Командировочное предписание показать?

— Ну, это... Не надо, товарищ майор...

Парень вздохнул и достал из внутреннего кармана красную книжечку. Выходит, они были не просто знакомы!..

— Старший лейтенант Прохор Карабаев. Главное Управление НКВД.

Удостоверение он смотреть не стал. Старший лейтенант говорил правду, в этом не было сомнений. Значит, они служили в одном наркомате?

— А насчет потери памяти... К сожалению, бывает. Я не помню ничего. Врач сказал, что, если удастся поговорить с теми, кто меня знал раньше...

Теперь темные глаза Карабаева смотрели в упор — недобро и недоверчиво.

— Прошу прощения, товарищ майор! Я это... Действительно обознался. Вы немного похожи на моего... то есть, на одного сотрудника Главного Управления. Он исчез в ноябре 37-го. Но я ошибся...

Нет, старший лейтенант не ошибся — просто не хотел говорить. Кажется, он вообще жалел, что затеял эту беседу.

— Ну хорошо... На кого я похож? Надеюсь, это не тайна?

Чернявый быстро оглянулся и пожал плечами:

— Вообще-то тайна. Но раз вы из НКГБ, товарищ майор... Вы немного похожи на врага народа Сергея Павловича Пустельгу. Только вы не очень похожи. У вас глаза другие. И голос...

Карабаев говорил вполне убедительно, но майор верил своим ощущениям. Чернявый явно не сомневался, кто перед ним. Вот оно, значит, что! Пустельга Сергей Павлович, старший лейтенант Главного Управления НКВД, а ныне — враг народа. Пустельга — не Павленко! Он еще удивлялся, отчего это отчество совпадает с фамилией!

— И что такого совершил этот Пустельга?

— Да враг он, товарищ майор, — вздохнул чернявый. — Саботировал ход расследования, оказался замешан в уголовном преступлении. Скрылся...

Вот те на! Хорошенькая же у него биография! Но что-то было не так. Кажется, старший лейтенант Карабаев не особо верит в злодейства бывшего сослуживца.

— Вот, товарищ майор.

...Сложенное вчетверо стандартное объявление о розыске — из тех, что рассылаются Большим Домом по всем областям. Все верно — Пустельга Сергей Павлович, бывший сотрудник Главного Управления. Снимок был сделан давно, а может, он, майор Павленко, успел здорово постареть за эти месяцы...

Пальцы дрогнули. Теперь сомнений не было. Итак, старший лейтенант Пустельга, враг народа, которого разыскивают по всему Союзу.

— Здесь... Здесь сказано об особых приметах...

В горле стало сухо, слова прозвучали сдавлено, еле слышно.

— Ага, — Карабаев глядел куда-то в сторону. — Шрам на шее, слева. Я-то этого шрама и не помню. Наверное, в последние дни...

— Хотите посмотреть? — Рука уже расстегивала ворот пальто.

— Нет, не надо, — старший лейтенант по-прежнему смотрел мимо. — Вы же меня все равно не помните!..

Все стало на свои места. Парень ему не верил. Да и как в такое поверишь? Его сослуживец исчез почти полгода назад, а теперь появился под другой фамилией да еще с удостоверением НКГБ!.. Стоп! Значит, саботировал ход расследования?..

— К сожалению, не помню, Прохор...

Услыхав свое имя, чернявый дернулся, повернулся, но тут же отвел взгляд.

— ...Но, кажется, начинаю понимать! Скажите, расследование, которое мы с вами вели, было очень важным?

— Ну...

— Ясно!

Потрясение ушло, голова работала четко, камешки разбитой мозаики начали складываться воедино.

— Ясно, Прохор! Итак, в конце прошлого года вы... мы вели какое-то важное расследование. А важное расследование всегда кому-то мешает, особенно тем, кого ищут. Как я понимаю, я... Пустельга был старшим?

Карабаев молча кивнул.

— Ну вот... Старший лейтенант Пустельга внезапно исчезает, и уже задним числом его объявляют врагом народа. Расследование сорвано, да? Я прихожу в себя в больничной палате в одном из госпиталей Ленинграда. Мне говорят, что я майор Павленко, дают учить собственную биографию... Кстати, Пустельга из Харькова? Служил в Средней Азии?

— А говорите, не помните!

Кажется, чернявый все еще не верил.

— К сожалению. Уйгурский язык помню, а где и как служил — нет! Меня лечат и направляют в Ленинградское управление НКГБ. Другой город, другой наркомат... Даже биографию почти не поменяли — только фамилию. В Столицу не пускали до поры до времени, ждали, наверное, пока все утрясется. Логично?

Карабаев молчал, и майор ответил сам.

— Нет, нелогично, Прохор! Совсем нелогично! Зачем госбезопасности понадобился какой-то Пустельга? Да сейчас таких пачками к стенке ставят! Об этом думаете, да?

Вновь пожатие плеч. Впрочем, слов не требовалось.

— Ответ совсем простой, Прохор. Не знаю, что было со мною раньше, но сейчас у меня обнаружилась странная способность. Я чувствую людей — страшно им или весело, а главное, говорят ли они правду. Представляете, насколько это важно во время следствия?

Взгляд Карабаева изменился. Знал? Да, знал!..

— Так точно, товарищ майор! Михаил... Один наш бывший сотрудник, говорил, что вы... То есть старший лейтенант Пустельга, умел по фотографии определять...

— Жив человек или мертв, — кивнул майор. — Теперь поняли? Нельзя было меня к стенке ставить! Просто отшибли память и посадили работать, как какой-то детектор лжи... А заодно и сорвали вам операцию. Вот и все!

— А вы не курили раньше, товарищ старший лейтенант, — вздохнул Карабаев. — И глаза не такие. Другие...

Странно, Прохор уже второй раз упомянул о глазах. Что в них могло измениться?

— Вы сказали о каком-то бывшем сотруднике — Михаиле. Кто он?

— Трое нас в группе было, товарищ майор, — неохотно ответил Прохор. — Вы, я и капитан Ахилло. Пропал он, почти сразу после вас... Эх, товарищ майор, чего они с вами сделали?

На этот раз чернявый говорил искренно, в голосе чувствовались горечь и жалость. Майор покачал головой:

— Выходит, сделали. Голос, глаза... Что еще?

— Да говорите вы совсем по-другому. Будто старше стали лет на десять. И слова у вас какие-то... не такие.

Сказано было не особо ясно, но майор понял. Очевидно, старший лейтенант Пустельга говорил как-то попроще, да и не столь уверенно. Впрочем, чему удивляться, ведь он, майор Павленко, — не последний человек в Ленинградском управлении, к тому же — незаменимый специалист!

— Ладно, Прохор. Постарел — так постарел, что поделаешь... Значит, нас в группе было трое. Не спрашиваю, чем мы занимались...

Намек был ясен, но Карабаев пропустил его мимо ушей.

— С вами, вижу, все в полном порядке.

— Ага, третий «кубарь» кинули...

— А что случилось с капитаном Ахилло? Он, как я понял, не был арестован?

— Не могу знать, товарищ майор! — отчеканил чернявый. — Исчез он. И говорить о нем не велено.

Не требовалось каких-то особых способностей, чтобы понять — Прохор, конечно, знает, но не желает рассказывать. Логично! В конце концов, вся эта история в глазах чернявого могла быть хорошо спланированной провокацией. Оба они служат не в Красном Кресте!

— Хорошо. Как мне вас найти?

Майор почему-то думал, что Прохор затруднится с ответом, но старший лейтенант тут же назвал свой адрес — он жил в одном из общежитий Главного Управления, — а заодно и служебный телефон. Собственно, почему бы и нет? Скрывать ему нечего — ни от своего подозрительного начальства, ни от любопытных из «лазоревого» стана.

— Может, еще увидимся...

Майор спрятал блокнот, куда записал адрес, и бросил взгляд на Карабаева. Тот казался невозмутимым, но нетрудно было понять, что это — лишь маска. Старший лейтенант еле сдерживался, чтобы не заговорить. О чем? Что знал чернявый? Чем занимался он сам, бывший старший лейтенант Главного Управления?

— Спасибо, Прохор, — майор протянул руку. — Вы первый, кто мне сумел помочь. По крайней мере, теперь знаю, кем был...

— Да чего там! — чернявый коснулся его ладони и чуть не вскрикнул: — Рука! У вас рука...

Ах да! Он и забыл об этом. После выхода из больницы майор старался избегать рукопожатий.

— Что, холодная? Извините, Прохор, запамятовал. У меня сейчас обычная температура — 35 и 9. Увы!..

Теперь Прохор вновь смотрел на него с плохо скрытым страхом.

— Вы, это, выздоравливайте, товарищ майор. Чего же врачи — не помогают?

— Обещают помочь.

...Он знал, что на ощупь его рука холодна, как у трупа.

— Ну я пошел, товарищ майор...

Чернявый быстро кивнул, и майор вдруг подумал, что у Прохора такой вид, будто он действительно простился с покойником.

— Погодите, старший лейтенант! Скажите, когда мы вместе служили... Мы... не ссорились?

— Нет, — на губах Карабаева мелькнула грустная улыбка. —

Товарищ старший лейтенант Пустельга... Он был... То есть... Извините, товарищ майор!

Карабаев вновь кивнул и быстро пошел обратно, в сторону переулка. Последняя фраза ударила больно: «был»! Для Прохора Карабаева Сергей Пустельга мертв...

Майор отвернулся, бездумно глядя на равнодушную серую гладь реки. Вот он и узнал — даже больше, чем надеялся. Никакой он не Павленко, и напрасно он запоминал свою фамилию, которую и сочинили-то явно второпях. Пустельга Сергей Павлович, бывший работник НКВД, с которым что-то случилось в ноябре прошлого, от Рождества Христова 1937 года...

«Не раскисать!» — повторил он, наверное, в тысячу первый раз. В любом случае он жив, не потерял разум, а значит, способен не просто выполнять очередные приказы руководства. Майор вдруг представил, что он входит в Большой Дом на Лубянке, предъявляет удостоверение и направляется прямо... ну, хотя бы в кабинет Николая, то есть народного комиссара внудел Николая Ивановича Ежова. Интересно, что будет в этом случае? Он подумал и понял — ничего. Скорее всего внимательно изучат удостоверение, попросят немного подождать, перезвонят в НКГБ, а затем отпустят подобру-поздорову. А может, и звонить никуда не станут. К майору Павленко у НКВД нет претензий, а то, что он немного похож на сгинувшего врага народа Пустельгу, — невелика беда! В Ленинграде майор много раз заходил в управление НКВД, и никто даже глазом не моргнул, хотя объявления о розыске туда поступали регулярно. Пустельга исчез, остался не помнящий родства Сергей Павленко, незаменимый специалист, живой детектор лжи...

Майор бросил последний взгляд на реку и не спеша направился дальше, по направлению к ЦПКО. Надо было погулять, подышать воздухом, а вечером предстояла работа, из-за которой его и вызвали в Столицу. Кому-то на самом верху понадобился автомат, умело сортирующий правду и ложь, чувствующий любые колебания подследственных и даже способный определить, далеко ли находится сбежавший из ГУЛАГа враг народа. Этим вечером он вновь будет решать чью-то судьбу — безошибочный детектор, способный разоблачить самого великого актера. И это все, что осталось ему, Сергею Пустельге? Даже те, кто сгинул в лагерях, перед смертью имели возможность вспомнить свою жизнь, друзей, близких. Он был лишен и этого. Что ж, кое-что ему все же осталось. Хотя бы узнать — и о себе, и о других. Итак, в группе их было трое. Двое сгинули, остался лишь чернявый Прохор, кото-

рый не верит сотруднику НКГБ Павленко. Что ж, оставалось надеяться на следующую встречу...

Майор достал папиросы, привычным движением смял картонный мундштук и вдруг вспомнил слова Карабаева. Старший лейтенант Пустельга не курил. Ну и правильно! Сергей усмехнулся и швырнул пачку прямо в реку.

Вечером его никто не потревожил, и майор успел прочитать половину томика Уоллеса, прежде чем в дверь номера постучали. Была уже глухая ночь — часы показывали половину второго. Это не очень смутило, допросы часто проводились в эту пору. Удивило другое — машина с опущенными шторками на окнах ехала очень долго. Значит, его везут не на Лубянку и не в Наркомат госбезопасности? Интересно, куда? Впрочем, вопросы задавать было некому. Сопровождающие, крепкие ребята в штатском, казались глухими и немыми.

...Дверца открылась, и он оказался в полутемном подземном гараже. Тут уж стало совсем любопытно: такого гаража не было даже в Центральном Управлении НКГБ, куда он заезжал утром по приезде. Где это может быть? Штаб округа? Но встречавшие его были в штатском — такие же вежливые, молчаливые, похожие друг на друга словно близнецы.

Длинный пустой коридор, караульный у двери и, наконец, маленькая комнатка, стол, два стула. Еще одна странность — здесь не было света. Темнота не смущала Сергея, напротив, ночью он ощущал себя бодрее, чем днем. Но почему здесь нет ни одной лампочки? Или тот, с кем придется говорить, имеет совиные глаза?

Ждать почти не пришлось. Дверь бесшумно растворилась, пропуская высокую, чуть сутулую фигуру. Темнота не позволяла увидеть детали, но Сергею показалось, что на незнакомце надет широкий плащ.

Майор поспешил встать.

— Здравствуйте, Сергей Павлович! — Неизвестный задержался у порога, словно пытаясь рассмотреть в темноте своего гостя.

— Здравия желаю!

Человек в плаще кивнул, подошел ближе.

— Иванов. Садитесь, Сергей Павлович.

Теперь они оказались почти рядом, и Сергей понял, что не ошибся — Иванов был в плаще, более того, голову покрывал капюшон, мешавший разглядеть лицо даже в полутьме. А вот голос показался приятным — спокойным, доброжелательным.

— Да, — проговорил человек в плаще после минутного молчания. — Здорово они вас!.. Как сейчас себя чувствуете?

— Нормально, товарищ Иванов!

Уставная бодрость не скрыла растерянности. Выходит, они уже были знакомы?

— Да, вы сильно изменились, Сергей Павлович! Что такое «нормально» в вашем положении, могу догадаться. Постоянный холод, светобоязнь, сильная слабость на рассвете...

— Н-ничего, товарищ Иванов. Мне сказали, что это пройдет.

— Будем надеяться... Чтобы снять лишние вопросы, скажу сразу. Мы были знакомы еще до вашей болезни. Более того, ваши способности позволили установить одну важную деталь... Очень важную... Я смог уговорить начальство повысить вас в звании, так сказать, минуя одну ступеньку — прошлой осенью вы были старшим лейтенантом. Да, еще одно... Вам, наверное, небезразлично, от чьего имени я действую. Иванов — фамилия, как известно, популярная. Так вот, я помощник товарища Сталина. Как вы когда-то выразились — его псевдоним.

Сергей кивнул, рассчитывая, что Иванов неплохо видит в темноте. Что-либо ответить он пока не мог, слишком много пришлось узнать за эти минуты. Все действительно становилось на свои места. Интересно, знает ли товарищ Иванов, что его бывший знакомец Пустельга — беглый враг народа?

— Насколько я знаю, Сергей Павлович, ваши способности, несмотря на болезнь, нисколько не уменьшились. Ленинградские товарищи готовы носить вас на руках. Но вы нужны здесь. Для начала вы поможете мне выполнить одно поручение товарища Сталина. Сейчас я буду разговаривать с очень любопытным человеком. Вы будете присутствовать — незаметно. Вам нет необходимости видеть того, кого вы, так сказать, рентгенируете?

— Нет, мне главное слышать голос.

Поручение товарища Сталина... Подобного Сергей не ожидал. В таких верхах парить опасно! Кажется, тот, прежний Пустельга, ощутил это на собственной шкуре.

— Хорошо. Записывать разговор не надо, его зафиксируют на магнитофонной ленте. Ваша задача — слушать и следить, когда этот человек начнет лгать. И еще... Мне важно его общее состояние: волнуется ли он, боится. В общем, постарайтесь. Излишне напоминать о том, что все содержание разговора является государственной тайной?

— Излишне, — вздохнул Сергей. — Я постараюсь.

— Не сомневаюсь. А потом мы с вами побеседуем... Ну, пора!

Его провели за штору, в маленькую комнатушку, скрытую ложным окном. Здесь был стул и даже небольшой столик. Оставалось присесть и ждать. Сергей уже понял, что допрос предстоит необычный, вернее совсем даже не допрос. Это место не походи-

ло на кабинет следователя, да и товарищ Иванов явно не занимался подобными мелочами. Интересно, во время их прошлых встреч он тоже скрывал лицо под капюшоном? Но дело было не только в капюшоне.

...Точно! Сергей невольно вытер пот со лба. Как же он сразу не догадался? Он легко чувствовал эмоции собеседника, даже случайного прохожего на улице. Но за весь их разговор майору не удалось заметить даже тени того, что ощущал человек в плаще, словно товарищ Иванов был не живым существом, а говорящей статуей...

— Прошу вас, Николай Андреевич. Надеюсь, вы тут разберетесь, что к чему. Не обессудьте, у нас темно.

— Бастует электростанция?

Ага, началось! Сергей прислушался. Голос товарища Иванова был все тем же — доброжелательным, спокойным. А вот тот, второй, кого он называл Николаем Андреевичем, явно волновался, хотя и не подавал виду.

— Бастуют? — послышался смех. — Нет, думаю, товарищ Каганович такого не допустит. Так, по-моему, спокойнее. Даже если кто-то вмонтировал подслушивающее устройство, без электричества оно не сработает... Знаете, мы с вами давно не виделись, Николай Андреевич!

— Шесть лет.

Голос прозвучал холодно и даже недружелюбно. Впрочем, товарищ Иванов, похоже, не заметил.

— Неужели так много? Ай-яй-яй! Ну да, конечно, тогда у нас с вами состоялся не очень приятный разговор по поводу одного товарища... Впрочем, дело давнее, бог с ним. Увы, наша нынешняя беседа тоже не обещает быть легкой. Трудный вы человек, Николай Андреевич!

— Неужели?

...Сергей чувствовал, что собеседник Иванова еле сдерживает себя. Но теперь это было не волнение, а гнев, даже ярость.

— Да, вы трудный человек. Сотрудники наркомата жалуются, никому спуску не даете. Нельзя так с кадрами, Николай Андреевич! Кадры требуют бережного к себе отношения, они — наш золотой фонд!..

— Почему вы расстреляли Рютина?

Вопрос был настолько неожиданным, что Сергей невольно вздрогнул. Наступила тишина.

— А почему вы спрашиваете именно о Рютине? — Иванов заговорил по-прежнему мягко, словно речь шла о какой-то житейской мелочи. — Почему вы не спросите о Зиновьеве, о Ягоде, о Тухачевском или хотя бы о вашем дружке Бухарине?

— Потому что вы дали слово. Здесь, в этом кабинете. Шесть лет назад.

— Ах вот оно что!

Вновь наступила тишина. Сергей не знал, что и думать. Николай Андреевич предъявлял счет помощнику самого товарища Сталина — и за что!

— Ну что ж, раз вы заговорили о Рютине... Я мог бы сослаться на тысячу причин, Николай Андреевич. Но назову главную — Рютин наш враг. За эти годы он не изменился и не собирался меняться. Впрочем, речь пойдет не о нем. Вы, кажется, решили обвинить меня в нарушении слова, Николай Андреевич? Я знаю, вы очень смелый человек. Но вы — очень неблагодарный человек. Я расстрелял мерзавца Рютина, но спас кое-кого другого — вашего брата, например, его семью...

— А скольких не спасли?

Майору стало холодно — и это был не привычный холод, который мучил его уже четвертый месяц. Кто эти люди? Если Иванов действует от имени Сталина, то от чьего имени говорит Николай Андреевич? Он что, самоубийца?

— Не надо, Николай Андреевич! Мы не будем вести с вами общеполитическую дискуссию. Речь пойдет о другом. Начну издалека, хочу кое-что напомнить. Сразу же после окончания XIII съезда состоялось секретное заседание ЦК. Причем на нем присутствовали лишь «старики», так называемых рабочих от станка, принятых туда по совету покойного Вождя, как вы помните, не пригласили. Как кто-то тогда выразился, эти товарищи были не столько от станка, сколько из-под бильярда... Оба мы с вами там присутствовали...

— Что-то не припомню. Или вы были без капюшона?

Странно, но Николай Андреевич, похоже, не опасался товарища Иванова. Сергей ощущал его страх, но бывший рютинец боялся чего-то другого...

— Конечно, я был без капюшона! Итак, разговор начал Зиновьев, он ведь тогда лез в вожди. Этакий красный Галифе, герой Питера! Знаете, Николай Андреевич, когда его потащили на распыл, он держался несколько иначе... Ну вот, товарищ Евсей, как вы помните, прочитал целый доклад, смысл которого заключался в том, что межпартийная борьба неизбежно приведет к Термидору, а следовательно, к гильотине. А значит, руководство партии уже сейчас должно позаботиться о создании надежного укрытия для партийных кадров. Если память мне не изменяет, идея всем неожиданно понравилась...

— Не всем, — кажется, Николай Андреевич усмехнулся. — Троцкий был против.

— Ну, что вы хотите от Иудушки? Он, видите ли, считал, что

гильотина останется сухой. Этакий идеалист!.. Решение, как вам известно, было принято единогласно, но с важной поправкой. Напомните, Николай Андреевич, с какой?

Голос Иванова стал мягким, вкрадчивым, каким-то кошачьим.

— Поправка Сталина. Каждый, кто уходит в убежище, навсегда отказывается от всякой политической деятельности. Кроме того, права убежища лишаются по специальному решению Политбюро.

— Совершенно верно...

— ...И пункт третий. Центральный Комитет не берет на себя обязательства защищать убежище от тайной полиции.

— Запомнили? — Товарищ Иванов хихикнул. — Да, «тайная полиция» — прозвучало не очень удачно. Феликс даже обиделся... Ну что ж, в таком случае я имею основание обвинить вас, как ответственного за убежище, в нарушении пункта первого поправки. Пояснить?

— Поясните!

Внешне ничего не изменилось, но Сергей чувствовал, что гость весь напрягся. Кажется, именно этого он и ждал.

— К чему, Николай Андреевич? Вы же прекрасно все понимаете. К вам пришел посланец Семена Богораза, а вы вместо того, чтобы указать ему на дверь, свели его с этим... Чижиковым. Надеюсь, вы не собираетесь этого отрицать?

— Не собираюсь.

...Облегчение — невиданное, невероятное. Значит, не это его волновало? Получается, Николай Андреевич нарушил пункт первый поправки не один раз, и данное нарушение — не из самых страшных!

— Отпираться действительно не имеет смысла. Чижиков — конспиратор опытный, но кое-кто из его присных излишне болтлив... Итак, вы нарушили условие, Николай Андреевич. Теперь я имею полное право сделать из этого соответствующие выводы.

— Попробуйте!

И снова — молчание. Сергей пытался представить, что делают эти двое. Стоят, глядя друг другу в глаза? Или сидят с внешне равнодушным видом, может, даже улыбаются?

— Эх, Николай Андреевич! — В голосе Иванова промелькнула нотка сочувствия. — Кого вы защищаете? Беглых крыс? Трусов? Конечно, ваша система защиты надолго задержит ребят Ежова, но вы-то уйти не успеете! Ни вы, ни ваша семья. Я еще тогда не понимал, почему вы взяли на себя это поручение?

— Я выполнял приказ партии.

— Э-э-э, бросьте! Приказа не было. Эту работенку предложили пятерым членам ЦК, и все отказались. Никому не хотелось возглавлять подполье в собственной стране. Уже тогда, после

смерти Феликса, могли сгоряча и к стенке поставить, а уж сейчас... Вас что, Чижиков уговорил? Да он же трус! Троцкий, тот хоть не боится, книжонки пописывает. Даже Бухарин — на что слюнтяй, и то не захотел прятаться в нору! Знаете, что он сказал мне перед смертью? Что его смерть нужнее партии, чем жизнь! Кого вы спасаете, Николай Андреевич?

— Людей, товарищ Иванов.

Сергей перестал вслушиваться в ощущения собеседников. Иванов по-прежнему казался каменной статуей, с Николаем Андреевичем все уже было ясно. Кажется, он надеялся выйти из этой комнаты победителем. Лишь однажды Сергей почувствовал слабину, но разговор благополучно миновал этот риф.

— Значит, спасаете людей? Что я слышу? Бывший комиссар Стальной дивизии впадает во внеклассовый гуманизм! Как интересно! Давно хочу понять, почему такие, как вы — Смирнов, Ломинадзе, тот же ваш Рютин, — выступают против политики партии?

— Мы не выступаем против политики партии.

— Ах да, вы лишь против некоторых крайностей... Не надо! Вы что, думаете, можно построить какой-нибудь другой социализм? Хороший?

— Да. Без коллективизации, лагерей и Ежова.

Сергею стало не по себе. Рютин и Смирнов были обвинены в шпионаже и вредительстве, а дело, выходит, совсем в другом?

— Хорошая формула! А что вы думали во время гражданской? Где был ваш гуманизм, Николай Андреевич? Разве лагеря изобрел Ежов? Разве вы не ставили к стенке заложников в 18-м? Или тогда вам это нравилось?

— Нет. Не нравилось. Мы надеялись, что эта кровь — последняя, иначе незачем было все начинать. И мы думали, что гильотина останется сухой!

— Ах вот как!.. — Голос Иванова потерял обычное добродушие, в нем слышался злой сарказм. — С этого бы и начинали, Николай Андреевич! Кажется, я понял. Можно расстреливать всех, но не товарищей по партии. А я обвинил вас в гуманизме! Беру свои слова назад. Ладно...

И снова пауза. Кажется, товарищ Иванов решил слегка потомить своего собеседника.

— Итожим... Я запрещаю вам всякие контакты с людьми Богораза. Всякие! Пусть Чижиков отсиживается в своей норе, но не пытается вести внешнюю политику. Второе: я не буду выдавать вас ищейкам Ежова, но и пальцем не пошевельну, если они выйдут на ваш след! Третье, и для вас самое главное. Если я узнаю, что вы мне лжете, то вы и ваша семья немедленно попадете в подвалы Большого Дома со всеми вытекающими последствиями. Вы поняли?

— А в письменном виде можно?

Сергею показалось, что Иванов все-таки не сдержится. Ему вдруг стало страшно за Николая Андреевича. Он что, считает себя бессмертным? Или думает, что наступление — лучший вид обороны?

— В письменном? — Послышался негромкий смех. — Вы так привыкли к бюрократии? Если хотите, можем провести это решением Политбюро, когда Ежов куда-нибудь отлучится. Он-то вашего юмора не поймет!.. И, наконец, четвертое... Вы что, думаете, мне и всем остальным так по душе эти наши методы? Ежов — и тот не выдерживает, пьет горькую, сволочь, после каждого допроса, протрезвить не можем! И знаете, в чем наша ошибка? Кого мы переоценили?

Пауза... Молчал Николай Андреевич, молчал его всесильный собеседник. Сергей напряженно ждал, что будет дальше. Выходит, и на самом верху признают, что допустили ошибку? Значит, там тоже ошибаются? И не в мелочах, не в тактике...

— Мы переоценили людей! Помните, как изящно выразился столь любимый вами Троцкий: «злые бесхвостые обезьяны»? Так вот, эти злые бесхвостые обезьяны оказались не столь подготовленными к собственному будущему, как хотелось. Сопротивление идет даже не на уровне разума, заговорили инстинкты! И вот приходится пасти жезлом железным и заодно давить тех, кто этому мешает. Вот и вся истина, Николай Андреевич. А истина может нравиться, может не нравиться — но от этого не перестает быть таковой... Кстати, как там ваш дружок — товарищ Косухин? Процветает в царстве Богораза?

— Разрешите не отвечать?

Сергей перевел дух. Главное сказано, теперь речь идет о каких-то мелочах. «Злые бесхвостые обезьяны»!.. Выражение показалось омерзительным. Но ведь товарищ Иванов, похоже, согласен с Иудушкой?

— Можете не отвечать, Николай Андреевич. — Голос Иванова стал скучным и невыразительным. — Во всяком случае, вы получили ответ на запрос в ЦК по поводу вашего дружка. Кстати, он вырастил очень шкодливого наследника. Впрочем, это уже мое дело... Очень приятно было побеседовать, Николай Андреевич!

— Взаимно, товарищ Агасфер.

Агасфер? Сергей даже привстал. Выходит, Иванов — вовсе не Иванов? Впрочем, «Агасфер» — наверняка партийная кличка.

— А мне место в убежище вы приготовили?

Это была, очевидно, шутка, но Николай Андреевич ответил очень серьезно:

— Как и всем членам партии. А что, уже пора?

Стукнула дверь. Сергей откинулся на спинку стула. Слава богу, кончилось! В голове мелькали обрывки услышанных только что фраз, в висках звенела кровь, и казалось, сил не хватит даже на то, чтобы выйти из тайника. За крупицу того, что он слышал, люди пропадали без следа. Впрочем, бояться уже поздно, да и некогда...

— Выходите, Сергей Павлович.

Майор заставил себя встать и откинуть тяжелую портьеру. Иванов сидел за столом, чуть сгорбившись, в темноте его фигура походила на неровное черное пятно. Почему он даже здесь не снимает капюшона? Или — мелькнула нелепая мысль — там, под капюшоном, просто ничего нет?

— Садитесь...

— Есть!

Сергей начал приходить в себя. Он на работе, сейчас предстоит отчет — дело обычное, даже рутинное.

— Курите, Сергей Павлович. Здесь пепельница.

Курить и в самом деле хотелось, и майор пожалел, что так безжалостно поступил со своими папиросами. Но не просить же закурить у товарища Иванова!

— Спасибо. Решил бросить.

— Правда? А вы знаете, это хорошо. Те, кто болен той же болезнью, что и вы, сильно курят. Что-то вроде защитной реакции, хотя и весьма своеобразной. Выходит, ваши дела идут на поправку!

Болезнь? Но ведь у него амнезия, полученная в результате травмы головы? Впрочем, в последнем Сергей начал сомневаться еще в Ленинграде. Ему переливали кровь, брали пробы костного мозга. Какая уж тут травма!

— Ну, обменяемся впечатлениями? Или вам надо прийти в себя? Разговор, признаться, вышел трудный.

Сергей вздохнул.

— Я готов. Разрешите?

Майор вспомнил обычный порядок доклада: общая оценка личности, настроение в начале допроса...

— Объект... Николай Андреевич пришел сюда хорошо подготовленным. Во всяком случае, почти не боялся. Он вообще очень уверенный в себе человек. Вас, если не ошибаюсь, недолюбливает.

— Есть немного, — Иванов негромко рассмеялся. — Когда он особо проявил свои эмоции по отношению к моей скромной персоне?

— Когда вы говорили о Рютине. Потом напряжение разговора росло, он начал волноваться, особенно когда речь пошла о нарушении постановления ЦК.

— Поправки, — тихо подсказал собеседник. — Пункта первого поправки.

— Да, извините

И тут майор понял, что сейчас должен выдать незнакомого подпольщика. Мысль об этом показалась отчего-то омерзительной. Но ведь его и пригласили для этого! Он эксперт!

— Товарищ Иванов, этот человек ждал какого-то другого обвинения. Не в связях с Богоразом. Услыхав о Богоразе и об этом... Чижикове, он сразу успокоился.

— Значит, грешен... — Иванов помолчал. — Ай-яй-яй! А нас еще, Сергей Павлович, обвиняют в отсутствии гуманизма! Знаете, я тоже почувствовал это и, если помните, предостерег... Что ж, наши наблюдения совпадают. Считайте, что этот небольшой экзамен вы вполне выдержали. А теперь о другом, но тоже очень важном. Сергей Павлович, вы уже поняли, что с вами случилось?

Вопрос был неожиданным. Солгать? Подождать, пока ему объяснят? Однако Сергей уже начал понимать, что товарищ Иванов не хуже его самого умеет читать в чужих душах.

— Сегодня вы решили погулять по Столице, хотя вам и не рекомендовалось. Вы профессионал, мы не стали устанавливать за вами наблюдения, да и зачем? Все равно, если вы решили что-то узнать — то узнаете. Как я понял, погуляли вы с пользой.

Что было делать? Отрицать очевидное нелепо. Но признаться — значит выдать чернявого Карабаева!..

— Могу, скажем так, предположить. Просто предположить... Вы встретили кого-то из старых знакомых. В наркомат, насколько я знаю, не заходили, там все были предупреждены.

Сергей закусил губу. Неужели они проконтролировали встречу на набережной? Или даже подстроили? Но ведь Прохор не играл!..

— Итак, вы узнали свою настоящую фамилию?

— Да.

Роли переменились. Теперь ему приходилось отвечать, а человек в плаще внимательно вслушивался в каждое слово.

— Место работы, должность?

— Да.

— Причины того, что с вами произошло?

— Нет... Не до конца.

Иванов подумал, а затем решительно кивнул:

— Чем раньше, тем лучше! Хотя, пожалуй, раньше об этом говорить не стоило, ваша психика и так серьезно пострадала. То, что вы в розыске, тоже знаете? В таком случае вам пока лучше оставаться майором Павленко — в ваших собственных интересах... Ни я, ни Ежов не имели отношения к тому, что с вами произошло. Причина другая... Догадались?

Ответить «нет»? Нельзя, нельзя!..

— Я... Я был сотрудником Главного Управления НКВД. Возможно, возглавлял специальную группу...

— Верно, — перебил Иванов. — Вы руководили группой, выполнявшей важное задание правительства. Но существовало другое, так сказать, учреждение, которое решило оспорить лавры Ежова. Уточнять не надо?

Уточнений не требовалось. Он служил в НКВД и стал на дороге «лазоревым».

— Вас скорее всего просто прикончили бы или подбросили компрометирующий материал, что, в общем, одно и то же. Но о ваших способностях знали. Один достаточно влиятельный работник НКГБ захотел иметь в своем распоряжении такого незаменимого специалиста. Остальное было не так сложно...

Сергей кивнул. Выходит, он обо всем догадался сам. Почти обо всем... Жаль, Иванов не назвал фамилию этого «влиятельного»!

— Когда вы исчезли, кое-кто из окружения Ежова предпочел объявить вас врагом и преступником. Вы можете спросить, почему не вмешался я? Вмешался, Сергей Павлович! Вы оказались не у того, кто так обошелся с вами, а в ленинградском госпитале. Большего сделать нельзя, мог бы начаться слишком большой шум. НКВД и госбезопасность и так на ножах.

Это было тоже понятно. Майор вздохнул:

— И все-таки, товарищ Иванов... Что со мной сделали?

— Об этом лучше спросить у врача. Поэтому, Сергей Павлович, вы завтра же ложитесь в клинику. В этом, собственно, и состоит то задание, ради которого я приказал вас вызвать.

ГЛАВА 2

НОМЕР СОРОК ТРЕТИЙ

За эти месяцы Сергей успел привыкнуть к больничному быту. Весь январь он пролежал в госпитале, а затем каждые две недели приходилось являться на процедуры и анализы. Белые халаты успели надоесть, но майор понимал, что без этого не обойтись. Он болен, выбирать не из чего. Значит, еще одна больница...

Его отвезли туда этой же ночью. Осматривать не стали, переодели в новенький серый халат и поместили в небольшую палату на четвертом этаже. Спать не хотелось, и Сергей потратил остаток ночи для того, чтобы как следует осмотреться.

...Палата для двоих, но одна койка предусмотрительно вынесена. Микрофон где-нибудь за зеркалом. Стены недавно выкрашены, мебель — только что с фабрики, да и вся больница новенькая, словно с иголочки...

Майор уже знал, что находится в одном из самых лучших ле-

чебных заведений Столицы. Больница находилась не в самом городе, а в нескольких километрах южнее. Из окна можно было разглядеть темные пятна рощиц, пересекаемые широкой, блестевшей в лунном свете, рекой. Небольшой балкон, куда вела дверь, решетки, запирающиеся на ночь... Решетки выглядели надежно, но Сергей, не удержавшись, проверил. Да, не открыть! Все, как ему и объяснили.

Под утро он все-таки уснул. Товарищ Иванов не ошибся, на рассвете Сергей чувствовал себя особенно слабым. В такое время лучше всего было спать. Странно, но за эти месяцы он еще ни разу не видел снов. Просто мрак, безымянная чернота...

День прошел скучно, хотя и оказался наполнен событиями. После обхода Сергея долго водили по кабинетам. Снова, как и в Ленинграде, бесконечные анализы, расспросы, сочувственные кивки. Товарищ Иванов обещал, что здесь ему смогут помочь, но в это верилось слабо. Правда, тут никто не удивлялся его болезни и не заводил речь о мифической травме. Кажется, майор был здесь не первым с такой странной формой амнезии. Впрочем, суета не мешала думать. Он — не только больной. И даже не столько...

...В одной из палат, неподалеку от палаты Сергея, помещен особо опасный государственный преступник — умный, опасный, а главное, знающий некую тайну, представляющую огромный интерес для обороны страны. Вернее, знавший: несколько месяцев назад он потерял память...

Совпадение сразу же насторожило. Конечно, Сергей — майор НКГБ, а неизвестный сосед — зэк, доставленный сюда прямо из мест заключения, но ведь и сам Пустельга находится в розыске! Однако роли уже распределены: он — гончий пес, преступник — волк. Задание важное, срочное, но, в общем, не особо сложное.

Трудности были чисто технические. Зэк знал, кто он такой, к тому же палата, естественно, охранялась. Прямой допрос мог не дать результатов — преступник отказывался отвечать, ссылаясь на потерю памяти. Значит, следовало организовать встречу между двумя собратьями по несчастью. Помогли все те же решетки: имея ключ от них, можно легко переходить с балкона на балкон. Несколько дней назад одна из медицинских сестер якобы случайно оставила связку ключей так, чтобы обитатель охраняемой палаты имел возможность ими завладеть. Сделано все было, конечно, по-дилетантски, но преступник не имел оперативного опыта, и все сработало с первого же раза. К тому же ключи искали, медсестра со слезами ходила по палатам, охрана расспрашивала больных. Так что выглядело все вполне достоверно.

В первую ночь зэк выжидал, но уже на следующую вышел на

балкон, начав свое первое путешествие. Бежать не пытался, зато обошел всех ближних и дальних соседей, пытаясь завязать знакомства. Так продолжалось три дня, а на четвертый в палату, находившуюся рядом с той, где обитал потерявший память, поместили нового больного — майора Сергея Павленко.

Итак, задание не из сложных, но что-то с самого начала не понравилось Сергею. И это «что-то» было очевидным. Преступник — такой же больной, как и он сам. Но майора ожидала благодарность, может, даже награда, а неизвестного зэка в лучшем случае пожизненное заключение в стенах больницы, а скорее всего — Колыма, где он быстро превратится в лагерную пыль. Конечно, он — опасный враг, но те, что искали пропавшего Пустельгу, тоже считали его врагом народа! А что будет дальше? Товарищ Иванов действует по приказу Сталина, а у Вождя могут быть свои соображения по поводу сохранения государственных тайн. То, что миндальничать с каким-то подозрительным майором, вдобавок живущим под чужой фамилией, не станут, Сергей не сомневался. Достаточно просто позвонить дежурному в Большом Доме и сообщить, где находится беглый враг народа Пустельга. Возможно, это произойдет не сейчас, а через месяц, в крайнем случае через год, если, конечно, странная болезнь не добьет его раньше. Итак, больной охотится за больным. Враг разоблачает врага...

Вечером, когда за рощами медленно гасли последние лучи солнца, Сергею стало легче. Темнота несла с собой бодрость, холод немного отпускал, и происходящее начинало казаться не таким безнадежным. Он выкрутится! Пса пускают за волком... А если пес и волк... Да, если пес и волк поищут себе более полезное занятие, чем рвать друг друга на чужую потеху?

Время тянулось медленно, но Пустельга не спешил. Это была удача: тихая ночь, темная комната, кровать — и много, очень много свободного времени. Очень кстати! Любое дело следовало тщательно продумать. Если верить собственной биографии, когда-то Сергей Пустельга был неплохим оперативником. Не пора ли применить навыки для личной пользы?..

...Легкий стук. Сергей быстро взглянул на светящийся циферблат наручных часов. Начало второго... Началось!

Стучали в балконную дверь. Сквозь стекло можно было разглядеть чей-то темный силуэт. Стук повторился... Майор усмехнулся, вскочил и быстро подошел к двери. Неизвестный стоял на балконе, на нем был такой же серый халат, а на голове нечто, напоминающее берет. Разумно — апрельская ночь не баловала теплом.

— Гостей принимаете?

Голос показался приятным и даже веселым. Сергей кивнул и открыл дверь.

— Добрый вечер! — Неизвестный вошел в комнату, быстро огляделся, протянул руку: — Позвольте отрекомендоваться: ваш сосед, палата номер 43. Чтобы короче — просто Сорок Третий.

— Сорок Первый, — принимая правила игры, представился майор, запоздало подумав о том, что его рукопожатие будет плохой рекомендацией. Однако Сорок Третий, казалось, не обратил внимания на то, что так смутило Прохора Карабаева. Рукопожатие было крепким, рука — теплой, даже горячей.

— Ну как, сидим? — Сорок Третий усмехнулся, продолжая разглядывать палату.

— Сидим, — согласился Сергей. — Кстати, присаживайтесь.

— Благодарствую... А вас недурно устроили, уважаемый Сорок Первый. Одиночка — прямо как у меня!.. Надеюсь, мой визит вас не слишком обеспокоил. Не удержался — вы же новенький, вдобавок мой сосед и, так сказать, собрат по несчастью. Тот же диагноз, а это почти то же самое, что сесть по одинаковой статье.

— Юморок же у вас!

Зэк ему понравился, Сорок Третий явно не терялся даже в подобной ситуации.

— В самый раз, — не согласился гость. — Под петлей и шутки висельные. Впрочем, прошу прощения. Вы, быть может, пребываете в состоянии мрачной хандры? Или желаете слегка побуйствовать?

— Ни в коем случае! — Сергей невольно улыбнулся. — Просто вы появились... несколько неожиданно.

— Но вы не спали, — быстро отреагировал Сорок Третий, и майор понял, что зэк не только умен, но и наблюдателен. — Бессонница или плохо спится на новом месте?

— Вероятно, и то, и другое, — Пустельга понял, что надо переходить в наступление. — А откуда вам стало известно про мою... статью?

— А-а-а! Для пациента подобного заведения вопрос весьма разумен. Узнал просто: мой лечащий врач, милейшая Любовь Леонтьевна, мне очень сострадает и развлекает всякими новостями этого скорбного дома.

— Лечащий врач? — Сергей вспомнил тех, с кем довелось общаться прошлым днем. — Такая симпатичная девушка, высокая, немного длинноносая, со шрамом на правой щеке?

— Ну вот, только и заметили, что длинный нос и шрам, — покачал головой Сорок Третий. — Между прочим, она здесь чуть ли не единственная, кто действительно сочувствует нам, грешным. Остальные — все больше по долгу службы. А нас, спятивших, не

обмануть: сразу ясно, для кого ты человек, а для кого — кролик. Ну вот, узнать было просто, но любопытство мое еще более выросло, когда я увидел, что вы, уважаемый Сорок Первый, оказались в одиночке. У вас, я вижу, даже вторую койку вынесли!

Майор мысленно обозвал тех, кто готовил операцию, идиотами. Ну конечно, в палатах больные помещались по четверо, в крайнем случае по двое! Хоть бы койку оставили...

— Но ведь вы тоже в одиночке?

— Да. Именно что в одиночке, да еще с двумя молодыми людьми за дверью, правда, как выяснилось, не особо бдительными. Но у меня особый случай. Я, уважаемый Сорок Первый, в некотором роде злодей. Не испугались?

— Нет, — вздохнул Сергей. — Еще не вижу повода. Надеюсь, вы не старушку-процентщицу прикончили?

Сорок Третий негромко засмеялся, а затем достал из кармана халата пачку папирос.

— Вы не возражаете? Вообще-то, можно выйти на балкон, но там сегодня на диво прохладно...

— Нет, — заторопился майор. — Потом проветрим... Разрешите и мне, что-то потянуло.

— Прошу...

Щелкнула зажигалка. За короткие секунды, пока они по очереди прикуривали, Сергей постарался лучше рассмотреть соседа. Сорок Третий был старше его лет на десять, а выглядел еще старше: худое, изможденное лицо, залысины, глубокие складки возле губ. Похоже, зэку довелось немало перенести, прежде чем он попал в отдельную палату на четвертом этаже. Лишь глаза оставались молодыми — веселыми и очень внимательными.

— Так вот, насчет старушки, — глубоко затянувшись, продолжал зэк. — Старушек не изводил, зато у меня 58-я с каким-то скверным хвостом. «Четвертак» в зубы. Отсюда и такое внимание — отдельная палата, да еще с охраной. Таких, как я, тут еще двое, но оба не на нашем этаже. Есть, правда, одиночки без охраны, вроде вашей, но там сидят люди почтенные, свихнувшиеся на строительстве социализма. Стало быть, вы?..

— Свихнулся на строительстве социализма, — охотно подтвердил Сергей.

— Ага! На большого начальника не похожи, значит, инженер или конструктор?..

— Нет... — Сергей помолчал секунду, а затем решился: — Я старший лейтенант госбезопасности, по обычному счету — майор.

— Да ну! — зэк даже привстал. — Вот так встреча! Но вас-то за что? То есть, извините, а вы-то каким образом умудрились с катушек съехать?

— Честно?

— Если желаете, — усмешка погасла, глаза зэка смотрели строго и внимательно.

— Не знаю.

— Ясно, — Сорок Третий помолчал, затем пожал плечами. — А в общем, забавно! Почему мне о моем прошлом почти не рассказывают, понять можно — чтобы ненароком не спятил окончательно. А что же вам о ваших... подвигах не рассказывают?

— Чтобы ненароком не спятил окончательно, — нашел в себе силы усмехнуться Сергей. Сорок Третий удивленно поднял голову:

— Вы что, действительно так думаете?

— Да, — кивнул майор и вдруг понял, что говорит правду.

— Тогда понятно! — протянул гость. — С такими-то мыслями!.. Ну ничего, вылечат, вспомните о славном прошлом, снова станете на боевую вахту... Да, прелюбопытно! Где еще можно встретиться в такой непринужденной обстановке? Но все-таки не очень понятно. Меня держат здесь не потому, что я болен. Чтобы валить лес, уважаемый Сорок Первый, памяти не требуется. Просто они вбили себе в голову...

Зэк не закончил мысль, Сергей же не стал настаивать. Зачем торопить, когда человек сам желает выговориться?

— Вы хотите спросить, что мешает мне работать? — подхватил он. — Вообще-то говоря, оперативник без памяти не очень-то полезен. Но главное не в этом, товарищ Сорок Третий...

— Гражданин Сорок Третий, — спокойно поправил зэк.

— Гражданин Сорок Третий... Дело в том, что я действительно болен. Вначале меня уверяли, что это все последствия травмы, но... Рукопожатие вас не смутило? У меня температура ниже обычной на целый градус. Про иные мелочи не говорю.

— Ого, — зэк произнес это без особого выражения, просто констатируя факт. — Здорово это вас! Мне-то жаловаться нечего: здоровье — хоть сейчас в Нарым или куда вы нас, грешных, направляете? Не помню ничего, да, может, это и к лучшему в моем положении... Хотя нет, вру!

Он негромко засмеялся.

— Ни отца, ни матери припомнить не могу, зато могу прочитать вам любую оду Горация — на выбор. Когда я их успел выучить? И древнегреческий помню, и английский... Чушь, правда?

— Слова появляются словно ниоткуда, они какие-то чужие, — негромко добавил Пустельга.

Сорок Третий резко повернулся:

— У вас тоже? Словно кто-то подсказывает, но вы знаете, что это — уже не ваше. Словно тот, кто ушел, оставил кое-что из багажа.

Сравнение понравилось. Кое-что из багажа... Куда же ушел тот, кому багаж принадлежал?

— Знаете, — вновь рассмеялся зэк, — мне это напоминает милую беседу грабителя с домовладельцем. Помните О'Генри?

Американского классика Сергей перечитывал недавно, в феврале, когда в очередной раз лежал в госпитале.

— Там, кажется, предлагали лечиться мочой молодого поросенка?

— В этом роде, — Сорок Третий встал и расправил плечи. — Чего-то спать потянуло, пора на воздух... Ну, мочой поросенка меня не пользовали, но все прочее применяли. Ваши коллеги были весьма навязчивы. Правда, обошлось без выбитых зубов. Пока, во всяком случае...

Майор отвернулся, боясь спугнуть разговорившегося врага народа.

— Добро бы еще явки какие-нибудь узнать хотели! Так нет, подавай им каких-то дхаров. Слыхали?

— Небольшой народ, жил где-то на Урале...

Отрицать не стоило, зэк неплохо различал ложь — едва ли хуже самого Сергея.

— И вы знаете? А я вот нет. Хотя, если верить товарищам, то есть, прошу прощения, гражданам с Лубянки, я был чуть ли не главным специалистом в стране по этим самым дхарам. Ну хоть убей не помню! Ни языка, ни истории, ни заклинаний этих дурацких. Я им латинские заклинания предложил — не хотят... Ладно, пойду!

Зэк шагнул поближе и протянул руку. Сергей нерешительно посмотрел на свою неживую ладонь, но Сорок Третий улыбнулся и крепко ее пожал.

— Не падайте духом, гражданин Сорок Первый! Я завтра еще загляну, не возражаете?

— Нет, конечно! — Пустельга вскочил и запахнул халат. — Я... провожу вас.

— Вы крайне любезны.

Они вышли на балкон, и майор плотно закрыл дверь. Теперь микрофоны были не опасны.

— Холодно, правда? — Сорок Третий поежился. — А ведь скоро Пасха... Впрочем, вы-то, конечно, атеист.

— Не знаю...

Сергею бросил взгляд на пустынный ряд балконов, а затем осторожно положил руку на плечо соседа. Тот обернулся.

— Тише! Я не все сказал, товарищ Сорок Третий...

Зэк, кажется, вновь хотел ввернуть про «гражданина», но сдержался.

— Я здесь... не просто больной.

Сорок Третий удивленно пожал плечами:

— Вы что? Получили приказ за врачами следить?

— Да не за врачами! — вздохнул майор. — За вами! Наша встреча подстроена, ключи вам подброшены. Теперь ясно?

Зэк замер. Складка у рта на миг дрогнула, затем губы скривились усмешкой.

— Ну, субчики! Но какого черта?

— Я должен определить, в самом ли деле у вас амнезия. Я — эксперт.

— Вот как... — Сорок Третий дернул плечами и посмотрел вниз, на темные кроны деревьев. — Вы что, вроде ясновидящего?

— Да. Я улавливаю эмоции. Живой детектор.

Оба замолчали. Вокруг стояла тишина, лишь где-то далеко слышался крик ночной птицы.

— А я-то думал, зачем мне бороться с нашей родной советской властью? — негромко проговорил наконец Сорок Третий. — Ну что, определили?

— Да... У вас почти полная потеря памяти. Ни дхарского языка, ни дхарских заклинаний вы не помните.

— Спасибо, — зэк покачал головой. — Хорошо, хоть не ошиблись, а то забили бы раба божьего до смерти, и без всякого толку для дела диктатуры пролетариата! А спросить можно? Если б я действительно симулировал? Выдали бы?

Проще всего было ответить «нет», но Пустельга невольно задумался. Лгать не хотелось.

— Скорее всего сказал бы правду. В общем, выдал бы...

— Ну, благодарю за откровенность!

Зэк махнул рукой и быстро перебрался на соседний балкон. Майор проводил его взглядом и повернул обратно, в теплую палату. Только сейчас он понял, как замерз. Апрельская ночь и вправду была холодна.

Сергей ждал вызова к товарищу Иванову, однако следующий день прошел совершенно безмятежно. Вновь анализы, процедуры, беседы с врачами. Майору наконец и самому стало интересно. Кое-что походило на знакомый ленинградский госпиталь, но некоторые вещи насторожили. С ним беседовал психиатр, причем долго и крайне вежливо, как и следовало разговаривать с тяжелобольным. Смутила не сама встреча, все-таки он находился, как ни крути, в лечебнице, обеспокоили вопросы. Улыбающийся медик интересовался отношениями больного к курам, уткам, спрашивал о кулинарных вкусах. Любой ответ вызывал радостную усмешку, которая в конце концов довела Сергея почти до бешенства. Куры, утки, любимые сорта мяса, прожаренные и не-

прожаренные бифштексы — что за этим крылось? Впрочем, подследственные очень часто тоже не могли разобраться в совершенно нелепых на первый взгляд вопросах. Но нитка цеплялась за нитку, и к концу допроса самые искренние ответы арестованного без труда подтверждали его вину.

...Интересно, в чем вина Сорок Третьего? Майор сразу понял, что зэк явно из «бывших», знает латынь, держится, несмотря ни на что, с немалым достоинством... А что, если бы этому врагу народа, когда он очнулся в больнице, не стали говорить о том, кто он на самом деле? Сообщили бы, к примеру, что он... сотрудник НКГБ? Изменился бы человек? Превратился бы волк в ищейку? Кто знает? Ему, бывшему старшему лейтенанту Пустельге, почему-то не хотели рассказывать о его последнем задании. Из-за секретности? Или... Или из-за того, что тогда произошло нечто, после чего он... действительно стал врагом народа? Не вымышленным, не безвинной жертвой — настоящим!

Мысль вначале испугала, а затем показалась весьма правдоподобной. Собственная биография теперь виделась совсем иначе. Кто был тот, исчезнувший Пустельга? Отец-большевик, несколько лет бродяжничества, колония имени Дзержинского... Почему он стал чекистом? Насколько искренне хотел им быть? Средняя Азия — что он там делал? Что увидел? Майор помнил свежие сводки по Туркестану: бои на Памире, куда большевикам не было ходу еще с начала 20-х, аресты мусульманского духовенства и местной интеллигенции, «эксцессы» представителей власти, многие из которых в свое время успешно сменили басмаческий «маузер» на партийный билет. Каким вернулся оттуда Пустельга? Почти все ташкентское управление НКВД сменилось, старый состав «вычищен»... И наконец, Столица. Пустельга занимался чем-то действительно важным. Что он искал? Почему исчез капитан Михаил Ахилло? А что, если они успели узнать нечто, заставившее изменить прежние убеждения? Да и что нынешний Сергей знал об убеждениях того, кем был раньше? Узнать бы, что в самом деле случилось с их группой! Нет, не дадут! В лучшем случае оставят здесь лечиться, чтобы время от времени использовать его странный дар. Если, конечно, у товарища Иванова не появятся другие планы...

Майор с нетерпением ждал ночи. Придет ли Сорок Третий? Должен! Сергей представил себе, что должен чувствовать этот человек. Несколько месяцев одиночки, взаперти, с охраной у входа. И вдруг — свобода, возможность темной тенью скользить по пустынным балконам, встречаться с людьми... Так что зэк наверняка завернет на огонек. Правда, Сергею уже нет нужды что-либо узнавать, но хотелось просто встретиться... а заодно подкинуть Сорок Третьему некую идею, над которой майор думал весь вечер.

В балконную дверь постучали около полуночи. Сергей был уже одет, решив разговаривать с гостем только на свежем воздухе. Все дальше от чужих ушей!

— Все-таки пришли?

— А вы бы — нет? — Сорок Третий быстро пожал майору руку и оглянулся. — Вроде спокойно... А ваши где спрятаны? Внизу, под кустами?

— Наверное, — рассмеялся Сергей. — Пусть мерзнут, мешать не будут.

— Ну и ладно... — Зэк помолчал, а затем неожиданно осведомился: — Хотите, свожу к специалисту? Как раз по вашему профилю?

— К врачу? Но меня и так целый день обследовали! Кстати, вы правы, Любовь Леонтьевна — душевный человек.

— Ага, разглядели! — хмыкнул зэк. — А то — шрам, длинный нос!..

— У нее очень странный акцент. Еле заметный, но если прислушаться...

Сорок Третий пожал плечами:

— Это у вас, уважаемый Сорок Первый, мания преследования! Хотя я тоже заметил... — Он усмехнулся. — Нет, не скажу, а то ваши, чего доброго, и за нее возьмутся... Я вас хочу пригласить, гражданин старший лейтенант госбезопасности, не к врачу, а к биохимику. Он квартирует этажом ниже. Если не боитесь заняться акробатикой...

Майор поглядел вниз. Высоковато, но по решетке спуститься можно.

— Я быстро освоился. Ну что, сходим? Заодно торта попробуем. Этот биохимик — большая шишка, чуть ли не академик. Обожает сладкое, и его, естественно, снабжают. Вы как насчет торта?

— Положительно.

— Прекрасно. Только... — Сорок Третий замялся. — Имейте в виду, он сразу же начнет жаловаться на то, что его бросила жена. Придется выслушать, а потом уже поговорим.

— А что, жена его действительно бросила?

Зэк обернулся, посмотрел ему прямо в глаза:

— Зачем вам?

— Ну... — растерялся Сергей. — Все-таки, мы в одной лодке!

— Мы с вами не в одной лодке, гражданин старший лейтенант госбезопасности! Но ежели вам так интересно... Они с женой пытались покончить с собой. Его спасли, ее нет. Ясно?

Ясно... Сергей чуть было не спросил о причине, но вовремя сдержался. Не так давно покончили с собою Гамарник и Путна, еще раньше — Любченко, Иоффе, Скрипник...

Сорок Третий еще раз глянул вниз, кивнул и начал быстро

спускаться по решетке. Майор последовал его примеру, и через несколько секунд оба они уже стояли на балконе третьего этажа. Зэк подошел к стеклянной двери и постучал. Неярко вспыхнул свет, дверь неслышно отворилась.

— Торт еще не съели? — Сорок Третий шагнул к вышедшему на балкон маленькому сгорбленному человечку. — Добрый вечер, гражданин Тридцать Первый!

— Добрый вечер, — ответил тихий, немного дребезжащий голос. — Торт я не съел и даже согрел чаю... Заходите, товарищи!

Все трое прошли в палату, которая оказалась точь-в-точь такая же, как у Сергея — с единственной койкой, новой мебелью, и, вероятно, заранее встроенными микрофонами.

— Прошу знакомиться, — продолжал зэк. — Тридцать Первый. А это ваш сосед сверху, соответственно Сорок Первый.

В голосе звенела ирония. Кажется, подобная арифметика забавляла государственного преступника.

— Виталий Дмитриевич, — человек протянул руку. — Хотя, конечно, Тридцать Первый — это правильнее.

— Сергей.

— Простите, а полностью? Знаете, привык.

— Сергей Павлович, — майор с любопытством разглядывал того, кто предпочел номер фамилии. Виталий Дмитриевич Тридцать Первый походил на гнома, обитателя подземных глубин, а еще больше — на домового. Сморщенное, почти с кулак, личико, узкие плечи, короткие ручонки, неспособные, казалось, удержать даже авторучку...

— Проходите!

Виталий Дмитриевич засуетился, приглашая к столу. Там действительно стоял торт, а рядом с ним — чайник, накрытый полотенцем.

— Пражский? — осведомился зэк, приглядываясь к угощению. Карлик невесело рассмеялся:

— Увы, пражский! В хорошие времена я бы сам приготовил, да такой, что сам шеф-повар «Берлина» позавидовал бы...

Принялись за торт. Виталий Дмитриевич ел жадно. У Сергея почти не было аппетита, да и Сорок Третий явно не был поклонником сладостей.

— Что ж вы не едите? — карлик откинулся на стул и вздохнул. — Знаю! Вы, любезный Юрий Петрович, просто уговорили нашего новенького навестить меня. Ну, спасибо!

...Оказывается, Сорок Третьего звали Юрием Петровичем. Юрий Петрович Сорок Третий...

— Юрий Петрович наверняка вас предупредил, — Тридцать Первый повернулся к Сергею. — Здесь все считают, что я лишился ума после того, как меня бросила супруга. Смешно, правда?

Старик, похожий на какое-то чучело... Но ведь я все еще не разучился думать! Почему? Не могу понять...

Он заговорил быстро, так, что Сергей еле различал отдельные слова:

— ...Тридцать лет, тридцать лет мы жили... ни разу по-настоящему... случиться? Почему она меня... может, я чем-то... не навестила меня, не написала?.. почему?.. не говорят мне, не хотят волновать... должен узнать!..

Майор постарался незаметно отвернуться. Виталий Дмитриевич тоже не мог вспомнить прошлое, как Сорок Третий, как и он сам. Что сделали с этим безобидным человечком?

Речь Тридцать Первого стала совсем тихой, неразличимой. Наконец он затих, глаза закрылись, руки повисли... Зэк чуть заметно дернул щекой и достал папиросы.

— Курите, Сорок Первый! Мы уже ничем не поможем... Сейчас он очнется.

Действительно, не прошло и двух минут, как Виталий Дмитриевич открыл глаза.

— А? — дернулся он. — Кажется, я опять... Извините, товарищи!.. Юрий Петрович, вы говорили вчера, что наш новенький...

— Да, он, кажется, по вашей части.

Карлик вскочил со стула. Пустельга тоже встал, но решительный жест маленькой ручки остановил его:

— Сидите, сидите, Сергей Павлович! Надеюсь, Юрий Петрович все же ошибся. Если ваши с ним случаи сходны, то волноваться нечего. Сама по себе амнезия, конечно, малоприятна...

Не прекращая говорить, Виталий Дмитриевич осторожно взял Сергея за руку, пощупал пульс и замер. Сморщенное лицо дернулось.

— Ох ты!.. Сергей Павлович... любезнейший... Если можно, к свету. Я должен осмотреть глазное яблоко.

Осмотр на этот раз длился долго. Карлик хмурился, вздыхал, а затем кивнул на стул:

— Садитесь! Рассказывайте — и поподробнее.

Слушал он внимательно, время от времени кивая. Затем вздохнул и покрутил головой:

— Несколько вопросов... Только не обижайтесь.

— Ни в коем случае! — Сергей тут же вспомнил психиатра.

— У вас, как я понял, очень плохой аппетит, предпочитаете жидкое и, желательно, теплое. Так?

Майор кивнул. Сейчас должен последовать вопрос о бифштексах.

— Привкус крови во рту ощущали?

— Нет! По-моему... Нет, ни разу.

— А желание... уж извините... попробовать свежей крови?

Поразил не сам вопрос, а то, что его об этом уже спрашивали. Вот они, бифштексы!

— Нет. Даже кровяной колбасы не ем.

— Ну и хорошо.

Виталий Дмитриевич прошелся по комнате, затем опустился на стул и легко ударил ребром ладошки по дереву:

— Так... Порадовать ничем не могу, Сергей Павлович. Разве что — болезнь ваша проходит в самой легкой форме...

— Какая болезнь? — еле выговорил майор. Значит, правда? Никакой травмы на боевом посту!

— Так называемая болезнь Воронина. Открыта перед самой мировой войной на Среднем Урале. Василий Воронин был молодым земским врачом. Однажды его вызвали в одну глухую деревню... Воронин был умница, сразу понял, что перед ним нечто совершенно неизвестное науке.

Виталий Дмитриевич замолчал, поморщился.

— Василий пропал без вести в 18-м, на юге. К этому времени мы уже выделили вирус. Мне поручили создать состав, в котором возбудитель болезни Воронина мог существовать в течение длительного времени. Дело в том, что в обычных условиях он быстро погибал — и слава богу... Увы, мне это удалось. Состав назвали ВРТ — это инициалы покойного Воронина. И в том же 18-м я был вызван на Лубянку. Со мной беседовал некто Кедров, заместитель Дзержинского. Меня уверяли, что большевики чрезвычайно заинтересованы в лечении болезни, обещали новую лабораторию, сотрудников... Тогда я был еще в здравом уме, — Виталий Дмитриевич усмехнулся и покачал головой. — Да, я был в здравом уме и решил на следующий же день уничтожить все запасы ВРТ, а заодно и документацию. Увы, Кедров оказался сообразительнее... До 21-го я был в специальном лагере под Псковом...

Тридцать Первый вновь умолк, прикрыв глаза. Молчание тянулось долго, наконец он вздохнул, попытавшись улыбнуться:

— Извините... Мои личные неурядицы не имеют к данной истории прямого отношения. Кедров продолжил работы по ВРТ. Не сам, конечно, хотя он вроде как врач давал клятву Гиппократа... Естественно, речь шла не о лечении. Вы уже поняли, Сергей Павлович?

— Состав... вводили здоровым людям? — Майор вытер со лба ледяной пот. — Но зачем?! Хотя... Я, кажется, понял! Человек теряет память, его можно использовать, как какой-то... механизм!

— Если бы только это... Увы, любезнейший Сергей Павлович, сие не самое страшное. Но... лучше промолчу! Болезнь может протекать в разных формах, у вас самая легкая — и слава богу... Правда, в некоторых случаях человек не теряет памяти, но это как раз в самых безнадежных ситуациях...

— А как это лечится? — вмешался в разговор зэк. Виталий Дмитриевич покачал головой.

— Увы! В самых легких случаях, таких, как у Сергея Павловича, можно притормозить болезнь. Те же переливания крови... Но вылечить не удалось еще никого. Во всяком случае, еще год назад... Да, как раз перед тем, как я очутился здесь...

— Значит, вы продолжали заниматься болезнью Воронина? — Сорок Третий недобро усмехнулся.

— Мой грех, мой страшный грех! Лена, жена... она все время говорила... Если бы это была просто болезнь!.. Как-то я нашел в бумагах Воронина запись, которую тот сделал на Урале. Так сказать, народная версия... Там сказано, что больной умирает почти сразу, а то, что остается — лишь его видимость. Душа уходит, остается тело и дух...

— Простите, что остается? — не понял Сергей.

— Душа уходит, остается тело и дух. А потом и дух исчезает, а в тело вселяется бес...

— Кажется, сообразил! — кивнул Сорок Третий. — По народным представлениям, у человека не одна, а две души. Одна — та, что дается богом. Вторая — своеобразный человеческий двойник, он не покидает землю и после смерти. В Древнем Египте их называли Ка и Ба, на Украине — душа и доля... Душа уходит, остается дух — хранитель тела, который пользуется крохами того, что уцелело от прежнего хозяина. К моему случаю подходит в самый раз! Не помню ничего, связанного со мною лично, зато, как видите, вспомнил про Ка и Ба...

— У вас что-то совсем другое, — возразил карлик. — Может, просто последствия травмы... Кстати, Юрий Петрович, меня про вас расспрашивала девушка — ваш лечащий врач. Она вообще интересовалась болезнью Воронина и моим препаратом...

— Любовь Леонтьевна? — удивился Сергей.

— Да. Симпатичная девушка, все надеется нам, грешным, помочь. Она думает, что руководство скрывает какие-то подробности. Я, конечно, рассказал все, и о ВРТ, и о голубом излучении. На пятом этаже сейчас лежат двое — в очень тяжелой форме.

Сергей насторожился. Это было что-то новое. Значит, «голубое излучение»...

— Но самое любопытное... Представляете, товарищи, почти сразу ко мне зашли двое. В штатском, естественно, но узнать нетрудно... Они спрашивали, о чем я говорил с этой девушкой!..

Сергей и Сорок Третий переглянулись. Майор хотел переспросить, но зэк быстро поднес палец к губам.

— Благодарим за консультацию, профессор! — Юрий Петрович встал. — Или я вас понизил в чине, гражданин Тридцать Первый? Вы, кажется, академик?

— Я никто... — глухо проговорил карлик. — Никто! Я — номер Тридцать Первый... Это не вы потеряли души, товарищи. Это я продал свою... Она говорила мне!..

Узкие плечи дернулись, закатились глаза...

— Пора, — вздохнул зэк. — Уходим, гражданин майор. Пусть думает, что мы ему приснились!

На балконе сразу стало холодно, но Сергей не спешил возвращаться в палату. Зэк тоже явно не торопился.

— Что, не порадовал академик? Или вы этой байке поверили? Хотя я вас, конечно, понимаю... Держите!

Он достал папиросы. Оба закурили.

— Вы ему не очень-то верьте! Все-таки псих, как и мы с вами. Может, все выглядит не так безнадежно. Правда, если с душой и в самом деле такой форс-мажор вышел...

По тону Сорок Третьего нельзя было понять, шутит он или говорит всерьез. Майор заставил себя улыбнуться:

— На правах атеиста предпочитаю верить в микробы. Кстати, Юрий Петрович, что ж вы не представились?

— Взаимно, Сергей Павлович. Вам что, мою фамилию не назвали? Орловский Юрий Петрович, особо опасный преступник...

— Пустельга.

— Оч-чень приятно, — зэк усмехнулся. — Кстати, гражданин Сорок Первый, раз в жизни будьте человеком — не спешите с докладом, чтобы я успел предупредить Любовь Леонтьевну. Вот сволочи, ни одного хорошего человека в покое не оставят!

— Обещаю, — кивнул Сергей. — И у меня к вам совет. Профессиональный.

— Что делать, когда начнут ногами бить?

— Тут, боюсь, даже я не советчик. Дело в другом... Завтра, самое позднее послезавтра, ключи у вас отберут. Поэтому сегодня же разберите связку и все ключи бросьте вниз — по одному. Ваши сторожа решат, что вы все поняли и решили напоследок немного им досадить.

— И в чем секрет? — хмыкнул зэк.

— Один ключ вы оставьте — тот, что отпирает вашу решетку. Здесь высоко, ключи будут искать долго, если вообще станут этим заниматься. Свой вы спрячьте... На всякий случай.

— Недурно, — подумав, заметил Сорок Первый. — Только бежать-то мне некуда, так и доложите. Кроме того, палату обыщут, не дураки же они! Что связка, что один ключ — найдут.

— У вас такая же палата, как у меня?

Орловский кивнул.

— Тогда я вам покажу, где его надо спрятать. «Они», конечно, не дураки, но и не семи пядей во лбу.

— Душу думаете спасти? — Сорок Третий запахнул халат, бросил взгляд на темные кроны деревьев. — Не поздно ли, гражданин майор?

— Даже если поздно, — Сергей затоптал окурок и решительно бросил: — Пошли!

Его вызвали следующим вечером. Вновь большая темная машина с занавешанными окнами, пустой подземный гараж. И комната была той же, даже стулья стояли точь-в-точь, как несколько дней назад.

— Присаживайтесь...

Иванов, как и прежде, был в широком плаще, и у Сергея опять мелькнула нелепая догадка, что под глубоко надвинутым капюшоном нет ничего — лишь черная пустота.

— Итак, ваше мнение?

Майор был готов к разговору. Даже волнение куда-то пропало. И вправду, зачем волноваться? Задание он выполнил...

— У заключенного Орловского полная амнезия. Ни дхарского языка, ни чего-либо связанного с дхарами он не помнит. В том числе и заклинаний.

— Так...

Наступило молчание. В темноте силуэт Иванова начал расплываться, исчезать... Опять вернулся страх. Кто этот человек? Почему не решается открыть лицо? Да и есть ли у него вообще лицо?

— Не волнуйтесь!..

Тихий голос заставил вздрогнуть. Кажется, Иванов почувствовал...

— Все еще не верите мне, Сергей Павлович? Вас смущает этот антураж?

— Нет, — выдавил из себя Пустельга. — То есть... Не совсем.

— К сожалению, ничего объяснить не могу, а лгать не стану. Главное, я не обманывал вас и не обманываю теперь. Насколько я понял, вы уже успели узнать о болезни Воронина?

— Да... — Лгать не имело смысла. — Мне сказали, что у меня болезнь протекает в легкой форме. И что есть легенда...

— О потерянной душе? — В голосе Иванова мелькнула ирония. — Глас народа, как известно, — глас божий... К сожалению, вынужден кое-что добавить. Не о душе, тут я не специалист... Легкая форма болезни Воронина заканчивается тем же, что и тяжелая. И примерно в те же сроки.

Сергей отвернулся. Значит, все? Его даже не поставят к стен-

ке. Зачем? Стоит лишь немного подождать — месяц, полгода, много — год...

— А теперь слушайте внимательно! — Голос стал совсем иным, повелительным, властным. — Слушайте внимательно, Сергей Павлович, ибо от этого зависит ваша жизнь. То, что сейчас называют болезнью Воронина, не лечится современной наукой. Но раньше ее лечили...

Сергей вслушивался в каждое слово. Неужели правда? Или его хотят поманить надеждой — и бросить умирать?

— Вам следует запомнить: вас спасут в том случае, если смогут вылечить вашего нового знакомого — гражданина Орловского. Вы поняли? Спасут его — спасут и вас!

— Понял...

В голове все смешалось, секунды текли, а Сергей никак не мог опомниться. Что-то не так! Ведь у Сорок Третьего просто амнезия!..

— Ваши случаи очень сходны, поэтому предлагаю следующее. Вы поможете вернуть память Юрию Орловскому. Я помогу вам выздороветь. Но помните — все мои приказы должны выполняться быстро, точно и без рассуждений. Если это вас устраивает...

Устраивает ли это его? Ему предлагают жизнь! Жизнь!.. Но тут же вспомнились странные слова несчастного человечка, отзывающегося на «номер Тридцать Первый». «Это не вы потеряли души, это я продал свою...» А что предлагают ему, Сергею Пустельге?

Но разве у него есть выбор?

— Я согласен... — Слова прозвучали еле слышно, и он поспешил повторить: — Я согласен, товарищ Иванов! Что мне нужно делать?

— Для начала успокоиться. — Голос вновь стал прежним, мягким, добродушным. — Вернетесь в больницу, за вами будут присматривать, подлечитесь. А заодно начнете работу... Кстати, может, нам придется побеседовать с вашим лечащим врачом.

— С Любовью Леонтьевной? — удивился майор.

— Именно с ней. На редкость смелая девица! Смелая — но совершенно неопытная. Вы еще не сталкивались с тускульской разведкой?

— Нет! — странное название ни о чем не говорило. — Может, раньше...

— Раньше агентов Богораза у нас не было. Неплохо работают! Надо будет спросить, кто ее устроил в эту больницу...

Сергей вздохнул. Неужели девушку схватят, бросят в подвал... Но ведь она шпионка! Все равно — пусть уходит, скроется где-нибудь... Сорок Третий должен предупредить!

— Но это к слову... Главное ваше задание будет иным, хотя

тоже связанным с некой дамой. Завтра вам предоставят все материалы, которые удалось собрать по поводу одной особы. Задача — завербовать, причем надежно, чтобы не было никаких сюрпризов. Эта дама должна помочь нам вернуть память гражданину Орловскому.

— Она — врач?

— Да, училась в медицинском, но интересна вовсе не этим. Не спешите, Сергей Павлович, все узнаете в свой черед. Пока же запоминайте: ее зовут Виктория Николаевна. Виктория Николаевна Артамонова...

ГЛАВА 3

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

Первый выстрел ударил неожиданно. Тут же ответило эхо, и через секунду вокруг уже грохотало. Новые выстрелы рождали ответный гром, ущелье наполнилось гулом, слышным за много километров вокруг.

Чиф сидел, прижавшись спиной к огромному сырому валуну, в который раз чувствуя себя ненужным и бесполезным. Страха не было, Косухин рвался вперед, в самое пекло, но понять, где это самое «пекло», было весьма затруднительно. Грохот доносился со всех сторон, и оставалось лишь надеяться, что остальные не оплошают. Так и было. Бойцы делали свое дело — неторопливо, сноровисто, как и полагается отборным разведчикам из Особого района. Краем глаза Чиф заметил, что за соседними камнями заняли позицию пулеметчики, дальше залегли бойцы передового охранения. Немного успокоившись, он понял, что никто из отряда не стреляет. Бой вел кто-то другой, причем не здесь, а на противоположной стороне ущелья.

— Разрешите доложить, товарищ Хо? — Лю Вэйцзян, командир отряда, даже не стал садиться, а лишь пригнулся, стараясь, чтобы синее кепи не привлекло внимание чужаков. Чифу стало стыдно, он тоже привстал, но неудачно — пуля прошла над самой головой.

— Будьте осторожны! — Товарищ Лю озабоченно покачал головой. — Бойцы и так говорят, что вы излишне рискуете.

Косухин не рисковал — просто то и дело попадал в переделки, за что умудрился прослыть бесшабашным храбрецом...

— Что там, Лю?

— Около роты, — командир быстро выглянул из-за камня, указав на противоположную сторону ущелья. — Три пулемета, одно горное орудие. Форма не наша — серая. Они атакуют кого-то наверху.

Товарищ Лю был спокоен. Шел бой — привычная обстановка для ветерана Великого Похода, воевавшего в Красной Армии с пятнадцати лет. Косухин достал бинокль и осторожно выглянул. Вначале он ничего не заметил, но затем в объектив попали невысокие фигуры в серых полушубках с короткими карабинами.

— А кто это?

Молодой командир невозмутимо пожал плечами:

— Наших войск здесь нет, так что в любом случае — враги... Жду приказа, товарищ Хо.

К этому Чиф никак не мог привыкнуть. Для Лю Вэйцзяна и для его бойцов «товарищ Хо», представитель Центрального Комитета, являлся непререкаемым авторитетом, чьи решения не подлежат обсуждению. И теперь от него, Джона Косухина, зависело, станут ли бойцы атаковать или останутся за безопасными скалами. Впрочем, выбора не было. Банда преградила путь, если отряд промедлит, «серые» расправятся с теми, кто отстреливался, а потом...

— Атакуем!

— Есть! — Лю подбросил руку к козырьку кепи. — Товарищ Хо! Прошу вас на время боя оставаться здесь. Я отвечаю за вас перед Центральным Комитетом...

Спорить было некогда. Чиф вновь выглянул из-за камней.

— Держите «скрайбер»!

— Спасибо!..

Разведчик радостно улыбнулся. Любимое оружие Бена он уже успел опробовать в бою, причем неоднократно.

Итак, вновь предстояло отсиживаться за камнями. Перед каждой серьезной схваткой Лю Вэйцзян старался любой ценой не пустить Косухина в атаку. Аргумент оставался одним и тем же: без «товарища Хо» поход терял смысл. Это было правдой, но Чиф все равно чувствовал себя дезертиром. То и дело вспоминался отец. Тот во время боя за камнями не отсиживался! Правда, на вопросы о личном героизме Степан Иванович всегда реагировал весьма кисло, подчеркивая, что на войне каждый должен находиться там, где нужнее. Это немного успокаивало.

Товарищ Лю жестом подозвал связного и что-то проговорил, указывая вперед. Тот приложил ладонь к кепи и скользнул вправо. Через несколько секунд Чиф заметил, как бойцы один за другим начали перебегать вниз по склону. Итак, дело завязалось — очередной бой, которых было уже немало за эти месяцы. «Серых» в ущелье оказалось не менее сотни, да еще с пушкой в придачу, но Чиф не волновался, зная, на что способны бойцы отряда.

Еще три месяца назад их было тридцать два, считая с самим Косухиным. Осталось ровно на десять человек меньше. Трое погибли, а семерых, раненых и больных, пришлось оставить у дру-

зей. Итак, не дошел каждый третий, но и это казалось чудом. Три месяца пути, более тысячи километров по горным тропам, плоскогорьям, через бурные реки, ледники, заснеженные перевалы. Когда пешком, когда на черных яках. Отстреливаться приходилось часто. То и дело встречались мелкие банды, отряды местных, никому не подотчетных генералов, а иногда и просто упрямые пастухи, не желавшие пропускать чужаков. Китайцев в отряде было меньше половины. В основном здесь собрались горцы с восточного Тибета из племен с экзотичными названиями «и», «лоло» и «тэнг». Были и двое бхотов — молчаливые невысокие ребята, считавшиеся лучшими диверсантами. Сам Лю Вэйцзян уже воевал на Тибете, неплохо знал здешние горы и свободно изъяснялся на полудюжине местных наречий.

Бойцы быстро спускались вниз, где шумела невидимая с высоты река. «Серые», по-прежнему пытавшиеся выкурить тех, кто оборонялся на противоположном склоне, не заметили новой опасности. Конечно, не все из них были «серые». Как успел заметить Чиф, враги были одеты по-разному — и в полушубки, и в зеленые шинели, и в темные куртки. Это походило на очередную банду, если бы не оружие. Впрочем, в горах можно увидеть всякое.

Еще в Яньане, разглядывая огромную карту страны, которую предстояло пересечь, Чиф понимал, что дело он затеял почти неподъемное. Добраться от северной Шэньси, главной базы Красной Армии, до Тибетских гор можно было лишь за много месяцев. Однако никто с ним не спорил, более того, в штабе обсуждали лишь тибетский маршрут, словно остальное не представляло ни малейших трудностей. Идти действительно не пришлось. Два стареньких транспортных самолета перебросили отряд с аэродрома севернее Яньаня до самой западной базы Красной Армии — города Ганьцзы, где находилось правительство Советской республики Тибет, созданное три года назад, во время Великого Похода. В Ганьцзы «товарищу Хо», посланцу ЦК, пришлось говорить речи, посещать правительственные приемы, словом, выступать в совершенно неожиданной роли дипломата. А в это время товарищ Лю вел разведку, уточняя будущий маршрут...

Выстрелы ударили вновь, теперь уже ближе. Десяток «серых» спустились почти к самой реке, пытаясь обойти тех, кто продолжал отстреливаться, не подпуская врага к вершине. Косухин прижал бинокль к глазам, перевел взгляд на противоположный берег и заметил своих бойцов, которые уже разворачивались в цепь. Замысел Лю Вэйцзяна становился понятен. «Серые», увлеченные боем, подставляли спину. Оставалось лишь выждать нужный момент.

...Громыхнуло. Удар пришелся по барабанным перепонкам, гулко ответило эхо, над вершиной вырос черный столб разрыва.

«Серые» развернули орудие. Снова грохот — и вновь черный столб, на этот раз ниже, как раз там, откуда неизвестные вели огонь. «Серые», забыв о всякой осторожности, выбежали из укрытий, радостно крича и размахивая винтовками. Для них бой уже кончился. Орудие ударило третий раз, на миг в ущелье наступила тишина, но внезапно послышался резкий звук свистка. Чиф сразу узнал этот звук — сигнал к атаке.

Косухин выхватил револьвер и бросился вниз, догоняя бойцов. Теперь все наконец стало ясно: враг, как и положено, впереди, пулеметы — на флангах... Чиф скатился по склону и тут же угодил в воду. Ноги, обутые в ичиги, горные сапоги без подошв, скользнули по мокрому камню, но он все-таки удержался, услыхал над самым ухом свист шальной пули и одним прыжком оказался на другом берегу.

Здесь все уже было кончено. Несколько «серых» неподвижно застыли у самой воды, остальные отступали в глубину ущелья. Где-то неподалеку взорвалась граната, Джон автоматически пригнулся, но поспешил дальше. Еще один «серый» рядом с разбитым пулеметом, чей-то труп в старом порванном даньи, брошенная английская винтовка... Цепь бойцов двигалась вперед, гоня перед собою отступающих. Товарищ Лю заметил Чифа, укоризненно покачал головой, но Косухин, довольный, что на этот раз не остался в тылу, поспешил занять место рядом с молодым командиром.

— Хорошо бьет! — коротко бросил Лю Вэйцзян, кивая на «скрайбер», и на его лице вновь мелькнула улыбка. — Пулемет подбил. Думали, за камнем усидят...

Чиф кивнул: камень «скрайберу» не помеха, впрочем, как и железобетон, и двухдюймовая сталь. К счастью, на Земле это был единственный экземпляр остроумного изобретения инженера Вязьмитинова.

Цепь прошла еще с сотню метров, уже не встречая сопротивления. Стрельба постепенно стихала. «Серые», сумев оторваться, были уже далеко. Ушли не все, не менее двух десятков остались в ущелье. В первые недели вид трупов еще вызывал нервный озноб, но затем Чиф привык и к этому. На каменистом берегу безымянной речки лежали не люди — лежали враги, и чем больше их осталось здесь, тем безопаснее будет путь отряда.

Наконец Лю остановил цепь.

— Товарищ Хо! Какие будут распоряжения?

— Убитые, раненые? — Что делать после боя, Косухин уже знал.

— По-моему, обошлось... — Лю оглянулся и закинул «скрайбер» за спину. — Разрешите уточнить?

— Да... Я — к тем, на скале...

Косухин кивнул туда, где занимали оборону неизвестные. Лю Вэйцзян задумался:

— Товарищ Хо, это опасно. Может, там тоже бандиты? Возьмите с собой десяток...

Джон, не дожидаясь подмоги, решительно направился в сторону нависавшей над ущельем скалы. Туда вела узкая тропа, вдоль которой лежали трупы в серых полушубках. Дойдя до места, где тропа начинала резко карабкаться вверх, он нерешительно остановился. Если там, на скале, действительно бандиты, поссорившиеся со своими товарищами по ремеслу, то первая же пуля уложит его на месте. Чиф сорвал с головы кепи, резко взмахнул рукой, подождал. Наверху было по-прежнему тихо, но вот из-за скалы показалась высокая фигура в темной куртке и большой мохнатой шапке. Незнакомец постоял, приглядываясь, затем опустил бинокль. Воздух прорезал резкий свист. Чиф почувствовал, как сердце радостно дрогнуло. Свои!

— Дядя Тэд! Дядя Тэд! Это я — Джон Косухин!..

— Оу, Джон!

Человек забросил за спину винтовку и начал быстро спускаться. Красноармейцы, увидев, что «посланцу Центрального Комитета» опасность не грозит, присели на камни. Кто-то уже успел достать пачку трофейных папирос и чиркнуть огнивом, заменявшим в этих местах привычные зажигалки.

— Джон! Неужели ты?

По тропинке спешил высокий широкоплечий мужчина лет сорока, весь обвешанный оружием, с командирской сумкой на боку и цейсовским биноклем на шее. Несмотря на столь воинственный вид, а также на многодневную щетину, старившую моложавое, без единой морщины лицо, он весело улыбался, время от времени изумленно покачивая головой.

— Ну, Джон! Откуда ты взялся?

Человек говорил по-английски с заметным американским акцентом, столь популярным на Тускуле. Чиф шагнул вперед.

— Но мы же договорились... Здравствуй, дядя Тэд!

Сильные руки на мгновение оторвали его от земли, затем последовал мощный удар по плечу.

— Ну, рад познакомиться, Джон! Твоя армия? — Широкоплечий кивнул на бойцов, с интересом разглядывавших колоритного незнакомца. — Здорово вы им дали! А я уж подумал, последний парад. Прижали еще утром и давай обрабатывать...

— Дядя Тэд, а почему ты не подождал нас в Кэбэнчунгу?

— Расскажу. Слушай, да ты вылитый отец!

Дядя Тэд повернулся и помахал рукой. Из-за камней показались двое, столь же обильно обвешанные оружием.

— Черт, и это называется археология! — улыбнулся он, с удовольствием вдыхая пропахший порохом воздух. — Видит бог, никогда не гонялся за острыми ощущениями!..

— Товарищ Хо... — Командир Лю подошел незаметно и теперь не без опаски рассматривал вооруженного до зубов археолога. Чиф спохватился:

— Дядя Тэд! Это товарищ Лю Вэйцзян...

— Валюженич. Штат Индиана, — американец улыбнулся и протянул руку.

— Товарищ Ю Жень? — переспросил Лю без тени улыбки. — Я слыхал о вас.

— Увлекаетесь археологией?

Дядя Тэд говорил по-китайски скверно, но не хуже Косухина.

— К сожалению, нет. Но я знаю, что вы большой друг Китая. Вы подписали протест по поводу зверств в Шанхае!..

— Подписать — не заслуга, — Валюженич нахмурился. — Знаете, мистер Лю, я был здесь впервые семнадцать лет назад и попал в очень похожую передрягу. В тот раз меня выручил отец... товарища Хо. Годы идут, а здесь, похоже, все тот же ветер!..

— Да, — Лю кивнул. — Но не по вине китайского народа... Товарищи, нам лучше уйти. Бандиты могут вернуться.

— Точно! — В руках Валюженича тут же оказалась карта. — Черт, по ущелью дальше не пойдешь, еще напоремся...

Теперь карту рассматривали уже втроем.

— Вот! — Лю указал на узенькую тропку, уводившую на север. — Попробуем обойти... Товарищ Хо, у нас потерь нет. Что делать с трофеями? Пулемет сильно поврежден, зато орудие цело. Есть даже снаряды...

— Не потащим же мы его с собой! — удивился Чиф.

Молодой командир вздохнул:

— Жаль, полезная штука! Между прочим, советского производства. Здесь вообще много советского оружия...

— В Китае сейчас столько оружия... — пожал плечами археолог. — Но что это за типы?

Между тем спутники Валюженича уже успели спуститься. Один был явно из местных жителей — немолодой тибетец в старой ватной куртке и шапке-капюшоне. Второй выглядел странно: в модном осеннем пальто, шляпе и белом шарфе, он напоминал респектабельного бизнесмена.

— Господин Чжао, сотрудник шанхайского музея древностей, — отрекомендовал его дядя Тэд, — специалист по тибетскому фольклору.

Специалист по фольклору блеснул очками в золотой оправе и с достоинством поклонился. Было заметно, что вид бойцов Красной Армии не вызвал у него положительных эмоций. Тибетец, как и предполагал Чиф, оказался проводником. Он бегло взглянул на карту и поддержал предложение товарища Лю. Тропа позволяла обойти опасное место, прикрываясь грядой высоких скал.

Только через несколько часов, оставив за спиной два перевала и глубокую седловину, решили отдохнуть. Пока бойцы разводили костер, Чиф и Валюженич присели на сгруженные с яков тюки, чтобы поговорить без помех.

— Знаешь, Джон, — Тэд покачал головой, — я, как тебя увидел, так чуть не испугался. Ну, вылитый Стив! На фотографиях ты как-то меньше похож.

Вспомнились те, кого Косухин встречал в Столице. Хорошо хоть дядя Тэд не считает его отца выходцем с того света!

— Ну рассказывай! А то письма — письмами, а все равно кажется, что Тускула — просто легенда. Вроде Шамбалы, которую так мечтает найти мистер Ингвар. Как там Стив?

Слушал он внимательно, не перебивая, по загорелому небритому лицу то и дело пробегала грустная улыбка. Наконец вздохнул:

— Значит, Стиву сейчас за пятьдесят? И Наталье Федоровне тоже? Ну ее к черту, эту физику. Стоило так далеко ехать, чтобы состариться! А я вот до сих пор как перекати-поле. Ни кола, ни двора, так, кажется, по-русски?

— А почему ты — перекати-поле? — удивился Чиф.

— Оу, самое время обратиться к твоему отцу за социальной защитой! Я безработный, остается надеть на шею плакат и выйти к Белому дому. Контракт в Джонсвилле кончился, а новый предпочли не заключать...

— Так давай к нам в Сент-Алекс! — оживился Косухин. Валюженич задумался.

— Не знаю, Джон. Стив уже предлагал, но вы — будущее, а я занимаюсь прошлым. Вот и мистер Арцеулов так считает, так что нам с ним нужно оставаться здесь. К тому же Шарль, то есть мистер Карно, обещает помочь с работой. Можно поехать с профессором Робером в Анатолию, можно с Ростовцевым — в Дура-Европос... Представляешь, Джон, римский город в пустыне — целый, некоторые дома даже с крышами!...

— А отстреливаться часто приходится? — Джон вспомнил рассказы отца о мудреной науке «акэолоджи».

— Что ты, Джон! — Дядя Тэд даже рассмеялся. — Археология — наука тихая, пыльная и скучная. Два месяца копаешь, полмесяца стоишь под душем, три месяца разбираешься, что ты, собственно, накопал...

— А это? — Косухин кивнул на грозный арсенал, которым был обвешан археолог.

— Ну... это на всякий случай. Не обращай внимания!.. Кстати, эти гангстеры в ущелье были вооружены английскими одиннадцатизарядками. В горах за такую дают дюжину обычных винтовок...

— Я тебе еще «скрайбер» покажу, — пообещал Чиф. — Слыхал?

— «Скрайбер»?! Оу!

После обеда Косухин и товарищ Лю собрали военный совет, на который пригласили также Валюженича и интеллигентного господина Чжао. Все присели прямо на брошенных на землю ватниках, кроме фольклориста, притащившего маленький складной стульчик.

— О'кей, господа! — начал дядя Тэд на правах старшего. — Сперва о планах нашей фирмы... Мистер Лю, вы военный, так что вам слово.

Лю Вэйцзян вежливо кивнул:

— Благодарю, товарищ Ю Жень. Я получил в Яньане приказ, согласно которому отряду ставились две задачи. Первая — сопровождать товарища Хо, вторая — провести военную разведку Центрального Тибета. А именно...

Лю склонился над картой, остальные последовали его примеру. По сравнению с бурлящими равнинами Китая, в здешних горах было тихо. На востоке, в районе Ганьцзы, стояли войска Советской республики Тибет, на юге, вдоль границы с Непалом, заняли позиции англичане. Лхаса с окрестностями контролировалась войсками далай-ламы, а на огромных горных просторах действовали отдельные, никому не подчинявшиеся отряды. Карандаш товарища Лю указал на запад:

— Вот здесь, товарищи, полная неясность. По некоторым данным, в горах Западного Тибета действует сильная военная группировка. Ее войска дважды направлялись на север, приблизительно туда, где мы с вами находимся...

— Шекар-Гомп, — негромко вставил Валюженич, указывая в центр «белого пятна». Лю кивнул:

— Товарищ Хо рассказывал. Вполне вероятно, что центром западно-тибетской группировки является именно Шекар-Гомп...

— Эта группировка посылает войска на север, — подхватил Чиф. — Значит, надо узнать, с кем они воюют!

— Оу, грандиозно! — покачал головой дядя Тэд. — Моя задача куда как скромнее. Я был в Лхасе, где получил твою радиограмму, Джон, а теперь собираюсь в Пачанг...

Все вновь склонились над картой. Валюженич указал на маленький кружок посреди желто-серых разводов.

— Это маленький город в долине, окруженной почти непроходимыми горами. Европейцы в нем ни разу еще не бывали, а между тем там находится уникальная библиотека. Мой друг Шарль Карно финансировал экспедицию, я добрался до Лхасы, получил разрешение у далай-ламы и двинулся сюда. Мы собирались, Джон, встретиться с тобою в Кэбэчунгу, но, как раз когда мы по-

явились, там началась паника, ждали какую-то крупную банду, которая, по слухам, наступала на Пачанг. Я решил не рисковать...

— На Пачанг? — удивился Чиф. — Но зачем? Маленький городок, вокруг ничего нет...

— Понятия не имею! Вообще-то говоря, бандиты довольно странные...

Косухин и Лю переглянулись. Об этом они уже думали. Обычные разбойники не таскали с собой горные пушки.

— А вчера над ущельем кружил самолет, — добавил Валюженич. — Я почти уверен, что именно он навел на нас эту компанию.

— Что? — Лю Вэйцзян даже привстал от изумления. — Самолет?

— Причем военный, правда, какой именно — не скажу. Во всяком случае, не американский и не японский. И без опознавательных знаков. Машина небольшая, дальность полета не более нескольких сот миль. Вот я и думаю, откуда он взялся? Аэродромов-то вблизи нет... Кроме того, наш проводник узнал, что чуть западнее идет строительство дороги. Общее направление — на Пачанг...

Было над чем задуматься. Они шли по самым глухим местам Азии, по земле мифов и древних «артефактов». Но в небе кружат военные самолеты, через горы прокладывается трасса...

— Если удар наносится действительно по Пачангу, тогда все логично, — заметил Лю. — Два наступления уже отбиты, но на этот раз они решили подготовиться основательно. Получается, товарищи, что основные силы наступают на шоссе, а вокруг действует прикрытие, на которое мы и наткнулись...

Чифу стало неуютно. Одно дело — разгонять мелкие шайки, вооруженные кремневыми ружьями, совсем другое — бороться с современной армией. Даже горы не спасут, авиация легко найдет отряд...

— Пачанг — ключевая позиция на севере Тибета, примыкающая к Такла-Макану и южной Кашгарии, — продолжал товарищ Лю. — Если они там укрепятся, то легко смогут овладеть Лхасой...

— Кроме того, как я понял, Пачанг — религиозный центр, — добавил Чиф. — Может, он им нужен для престижа? Ведь Шекар-Гомп — тоже святыня бхотов...

— Оу, вероятно! — кивнул Валюженич. — Однако новая дорога не решит всех проблем, в долину Пачанга им не попасть. Туда нет пути...

— Уже нет, — негромко заговорил господин Чжао, глядя не на собеседников, а куда-то в сторону. — Еще мой отец дважды ездил в Пачанг. Маленький город, по тибетским меркам не очень старый, не древнее XII века. Монастырь, дворец местного правителя — в общем, ничего особенного. Дорога к Пачангу шла через ущелье, но несколько лет назад...

Он задумался.

— Да, это случилось в 1920 году... Сильное землетрясение, ущелье завалило, и Пачанг стал практически недоступен...

— Но тогда зачем этим, из Западного Тибета, Пачанг? — поинтересовался Лю.

— Я не военный! — нахмурился господин Чжао. — Вам легче понять, кому и зачем нужно все это варварство. В Пачанге уникальная библиотека, я давно мечтаю побывать там, но, думаю, бандитов интересует что-то другое. Но чтобы захватить город, нет нужды готовить такую армаду. Авиация, военная техника — против кого? В Пачанге около трех тысяч жителей... По-моему, наша Поднебесная начинает сходить с ума!..

При этом этнограф выразительно поглядел на товарища Лю. Ответный взгляд был не менее выразителен. Между тем Чиф напряженно размышлял. Итак, он теперь знает, с кем воюет Агасфер. Пачанг — маленький городок среди Тибетских гор. Но кто они, его защитники? Местная самооборона с кремневыми ружьями?

— Надо идти дальше, — решил он. — Мы должны добраться до Пачанга раньше, чем эти...

— Оу, — покачал головой Валюженич, — ты оптимист, Джон! Нам придется кружить по горам, а они идут напрямик. Но ты прав, надо попробовать. Правда, как я говорил, моя цель не столь грандиозна — заглянуть в библиотеку, проверить некоторые легенды.

— Какие легенды? — заинтересовался Косухин.

Глаза дяди Тэда блеснули:

— Оу! Пачанг... Маленький город, о котором написано больше, чем о Нью-Йорке!..

— Господин Валюженич, нашим спутникам это будет неинтересно. — Господин Чжао скривился. — Для них Пачанг — лишь стратегический объект...

Препираться, впрочем, не стали. Товарищ Лю и Валюженич принялись разрабатывать маршрут. Лю Вэйцзян предложил пройти правее озера Комум-цо, чтобы попасть к Пачангу с востока. Валюженич согласился, хотя и заметил, что отряду может не хватить припасов, а в пустых горах, разоренных войной, достать продовольствие сложно. Чифу, не разбиравшемуся в местной географии, оставалось лишь все это утвердить.

...И снова дорога, на этот раз узкая тропа, ведущая в самое сердце гор. Товарищ Лю спешил увести отряд подальше от ущелья. Идти было нетрудно. Весна постепенно вступала в свои права даже здесь, на высокогорье. Стало заметно теплее, к тому же выручали незаменимые яки, тащившие на себе весь груз, включая запас патронов и пулеметы.

Чиф и Валюженич шли впереди, сразу за передовым охранением. Было время поговорить. Тэд рассказывал о своих экспедициях, о поездках за «артефактами», которые приходилось искать то в джунглях Ориноко, то в песках Аравии, то в ущельях Кордильер. Для Косухина это походило на сказку, впрочем, как и для дяди Тэда его рассказы о Тускуле. Сент-Алекс, маленький город среди черных песков, сиреневая листва деревьев, гигантские волны вечно бушующего океана, ледяной холод Долины Ветров... Валюженич качал головой и лишь интересовался, не найдены ли на Тускуле «артефакты» каких-либо неведомых цивилизаций. Похоже, мысль о поездке на далекую планету все-таки запала ему в душу.

Первый самолет заметили на следующее утро. Вернее, услыхали — крылатый разведчик пролетел в стороне значительно севернее. Но уже около полудня еще одна машина появилась совсем близко. Можно было разглядеть широкие крылья, странный заостренный нос и даже номер на фюзеляже. Третий самолет, а может, и тот же самый, мелькнул уже в закатных лучах солнца. Итак, их искали, более того, аэродром находился не очень далеко. На ночь расположились под огромным каменным навесом, костры погасили, а Лю Вэйцзян приказал выставить дополнительные караулы.

На следующее утро отряд только успел сняться с места, как вновь послышался гул мотора. Мелькнула тень, и тут же раздался отрывистый треск пулеметной очереди. Бойцы, срывая с плеч винтовки, упали в истоптанный снег. Новая очередь — каменная пыль поднялась совсем рядом. Самолет, блеснув серебристыми крыльями, уходил на запад.

Оставаться на месте было опасно, и отряд начал быстро продвигаться к перевалу, откуда оставалась дорога к озеру Комумцо. Дозорные все время поглядывали на небо, но самолет не возвращался. Появилась надежда, что в горных теснинах найти отряд будет нелегко. Опытные бойцы шли спокойно, Валюженич был весел и оживлен, то и дело пытаясь беседовать с красноармейцами, исключение составлял лишь господин Чжао. Фольклорист категорически отказался идти пешком, посему пришлось усадить его на яка. На вопросы Чифа ученый отвечал коротко и без малейшей охоты, явно зачислив «товарища Хо» в число столь нелюбимых им воённых.

Несмотря на все опасения, день прошел без происшествий. К вечеру Чиф начал успокаиваться. Будь они в поле, авиация легко нашла бы горстку людей, но горы защитили отряд. Товарищ Лю, похоже, оценивал происходящее так же, во всяком слу-

чае, на ночлег остановились на открытом месте, а число часовых не стали увеличивать. Костры, конечно, погасили, яков отвели подальше, укрыв в расщелине между скал, а сами расположились возле теплых кострищ.

В эту ночь Чиф долго не мог заснуть. На душе было неспокойно. Впереди был Пачанг. Даже если они найдут тех, кто сражается с Шекар-Гомпом, что им сказать? Раньше Косухин надеялся, что Агасфер воюет с равным противником, который сможет помочь, но маленький городок защищали скорее всего лишь местные жители, укрывавшиеся за неприступными горами. Тогда весь поход бесполезен. Агасфер остается всесильным что в Столице, что здесь, в горах...

...Вот уже несколько месяцев от Бена и Лу не было вестей. Все чаще Косухин думал о том, что группа действует по-дилетантски, неумело. Пока им везет, но как долго это продлится? Следовало не оставлять группу в Столице, надо было вновь обратиться к Дяде Сэму. Свое дело ребята сделали, пусть Казим-бек присылает других, более опытных и подготовленных. А может, следовало начинать не со Столицы, создать базу где-нибудь в Париже, постепенно налаживая контакты с подпольем? Ведь действует же неуловимая «Вандея»!..

...Вначале он увидел розовую полоску над горами. Не на востоке, откуда через несколько часов должно было взойти солнце, — на северо-западе. Чиф поспешил толкнуть спавшего рядом Валюженича и молча указал на медленно расползавшийся по небу огонь. И тут горы дрогнули. Зашумели потревоженные камни, земля загудела, задрожала... Тянулись секунды, все стихло, лишь зарево над горами поднялось еще выше, начиная медленно белеть. Лю Вэйцзян, так и не заснувший в эту ночь, подошел ближе.

— Черт! — Валюженич разворачивал карту, подсвечивая себе фонариком. — Вулкан, что ли? Хотя какой вулкан на Тибете!.. Если бы я был дома, то решил, что взорвался наш анилиновый комбинат.

— Это Пачанг, — тихо ответил товарищ Лю.

Да, зарево поднималось на северо-востоке. Правда, помудрив с картой, Валюженич решил, что взрыв, если, конечно, это был взрыв, а не внезапно проснувшийся вулкан, случился южнее города, километрах в тридцати.

— Там горы, — Тэд постучал пальцем по карте. — Остается грешить на местных духов...

К полудню следующего дня отряд поднялся на ровное горное плато. Здесь царил холод, весна, завоевавшая долины и предгорья, остановилась перед этими склонами. Всюду лежал снег.

Пришлось натягивать шапки на самые уши и застегивать куртки на все крючки. Только яки, защищенные мохнатыми шубами, чувствовали себя превосходно. Холод подгонял, бойцы шли быстро, надеясь поскорее миновать ледяное царство.

Первым шум мотора услыхал Лю Вэйцзян. Он недоуменно остановился, затем резко крикнул, отдавая команду. Бойцы уже срывали с плеч винтовки, Чиф замешкался, но через мгновение до него донеслось мощное ровное гудение. Самолет!

Косухин упал в снег, сжимая в руках «скрайбер». Машина шла низко — большая, ширококрылая, непохожая ни на одну из известных Чифу моделей. Он успел подумать, что надо взглянуть на опознавательные знаки, и тут ударил пулемет. Очередь прошла совсем рядом, разбрасывая снежную пыль...

Машина уходила на новый разворот. Вокруг трещали выстрелы — бойцы открыли огонь, но попасть в летящую цель было трудно. Новая очередь, еще одна... Самолет вновь развернулся, теперь он летел низко, над самыми головами. Краешком сознания Косухин заметил черную семерку на фюзеляже и чистые, без опознавательных знаков, крылья.

...Им не уйти. Здесь, на ровном месте, отряд перебьют — постепенно, одного за другим. В крайнем случае летчик вызовет подмогу, еще одного ширококрылого с полным боекомплектом. Чиф услыхал голос Лю — командир напоминал бойцам правила стрельбы по низко летящим целям. Сейчас самолет вернется... И тут Косухин вспомнил о «скрайбере». Ведь у него есть оружие! Бойцы отряда пошли в тысячекилометровый поход, чтобы защищать его, Джона Косухина, а сам он предпочитает отсиживаться за камнями или просто лежать в снегу! На миг стало стыдно, но пальцы уже снимали «скрайбер» с предохранителя. Автоматический режим, прицел...

Самолет вынырнул из-за скал. Загорелась лампочка автоматического прицела, в небо ударил острый белый луч... Мимо! Самолет прошел над самой землей, огрызаясь свинцом, но Косухин успел перевернуться, вновь ловя цель в окуляр. Лампочка вспыхнула. Есть! Острый луч догнал врага, полоснул по крылу... Чиф затаил дыхание. Самолет, вильнув в сторону, начал заваливаться влево. На миг показалось, что летчик все-таки сумеет справиться, выровнять машину и уйти, но тут самолет дернулся, его крутануло в воздухе, бросило вниз, на покрытые снегом камни...

Взрыв ударил по барабанным перепонкам. Бойцы, вскочив, размахивали винтовками, некоторые уже бежали вперед, туда, где дымились черные обломки.

— Ну, Джон! — Валюженич качал головой, отряхивая снег со своей видавшей виды кожаной куртки. — С тобой лучше не связываться!

— Товарищ Хо, я так и знал, что вы его срежете! — одобрительно заметил товарищ Лю. — Здорово!

— Да при чем здесь я! — устыдился Чиф. — Вы его с первого выстрела достали бы. Это же «скрайбер»...

Теперь бойцы посматривали на Косухина с восхищением. Они-то хорошо понимали, как трудно попасть в летящий самолет. Но у них не было «скрайберов», и Чиф чувствовал себя почти самозванцем.

Лю Вэйцзян, подождав бойцов, осматривавших сбитую машину, приказал двигаться вперед, к темневшим вдалеке скалам. Плоскогорье кончалось, дорога вновь ныряла в каменный лабиринт. Разговаривать было некогда, и Косухин был рад возможности остаться наедине. Чувствовал он себя скверно. Да, Чиф помог товарищам, может даже, спас их, но убил человека! Стрелять приходилось и прежде, но в суматохе боя невозможно определить, чья именно пуля попала во врага. Теперь же сомнений не было. Но ведь он прибыл на Землю не для того, чтобы сбивать самолеты! Конечно, ни Бен, ни отец, ни сам Президент Сэм не осудят его, но...

Где-то через час отряд достиг ближайших скал и нырнул в узкое ущелье. Дорога вновь пошла резко вверх, впереди был перевал — последний, откуда начинался спуск на равнину. Опасность, казалось, миновала, можно было не торопиться, не поглядывать каждую минуту в предательски чистое безоблачное небо.

На ближайшем привале, когда Чиф допивал кружку ароматного зеленого чая, Лю Вэйцзян отвел его в сторону. Вид у командира был хмурым и озабоченным.

— Товарищ Хо! Бойцы нашли это в кабине...

«Это» оказалось обгоревшим удостоверением. Чиф осторожно раскрыл хрупкую, пахнувшую гарью обложку.

«Лейтенант Сомов Иван Иванович... Особая Южная группа войск...» Косухин уже собирался вернуть трофей, когда до него дошло.

— Он русский? Советский? — торопил товарищ Лю.

— Да, — с трудом выдавил из себя Косухин. — Лейтенант Красной Армии. Какая-то Южная Особая группа войск.

— Не понимаю... — Впервые за эти месяцы Чиф увидел Лю Вэйцзяна растерянным. — Товарищ Хо, вы ведь тоже из России! Разве на Тибете есть части Красной Армии?

— Я не из России...

Об этом они ни разу не говорили. Личность «товарища Хо» не подлежала обсуждению.

— Я русский, но не из России... Насколько мне известно, части Красной Армии на Тибете стоят. Они защищают Шекар-Гомп...

— Но почему? — выдохнул Лю. — Они же наши союзники!

Что ответить? Лю Вэйцзян, командир китайской Красной

Армии, не был искушен в высшей политике. Для него Советский Союз и «непобедимая Рабоче-Крестьянская» были надеждой трудящихся всего мира...

— Войска, что стоят на Тибете, не подчиняются Советскому правительству. Я не знаю, что им нужно и кто ими руководит. Для этого мы с вами и забрались в эту даль.

Лю подумал и кивнул:

— Так точно! Кажется, понял... Смотрите, товарищ Хо, это я нашел в ущелье, после боя.

...Что-то маленькое, блеснувшее красной эмалью. Чиф всмотрелся. Звездочка, но не обычная, красноармейская, а какая-то странная. Вместо серпа и молота в центре находился непонятный знак, похожий на голубого паука.

— Снял с фуражки, — пояснил командир. — Это ведь не эмблема русской Красной Армии? Я показал звездочку товарищу Гао, он бхот, как раз из мест неподалеку от Шекар-Гомпа. Товарищ Гао говорит, что видели такие — у бандитов, которые выселяли их еще в двадцатых.

Чиф вспомнил рассказ отца. Тогда, в 20-м, в Тибетских горах существовала Бхотская Трудовая коммуна, теперь — Особая Южная группа войск. Несколько дивизий, если верить краснолицему Волкову. Товарищ Лю, похоже, решил, что дело касается высших тайн революции, в которые ему вникать не положено. Но для бойцов «товарищ Хо» оставался русским, советским, посланцем всесильного Коминтерна. Что ж будет, когда они столкнутся с краснозвездными солдатами Шекар-Гомпа? Ведь каждому не объяснишь!

Подъем оказался труднее, чем думалось. Даже яки отказывались идти, пришлось снять часть груза, взвалив на собственные плечи. Господину Чжао теперь довелось идти пешком, что окончательно испортило ему настроение. Километр тянулся за километром, а дорога шла все вверх и вверх. Дышать стало труднее, в висках звенело, словно над отрядом крутился рой невидимой мошкары.

Наконец дорога выровнялась, скалы стали ниже, расступились, в лицо ударил сильный, сбивающий с ног ветер. Они были на перевале. Впереди, за белесой дымкой лежала неровная холмистая земля. Сверкнула серебристая гладь — озеро Комум-цо. Оно было у самого горизонта, но чистый воздух позволял разглядеть пологие берега и даже еле заметные точки у воды — дома, а может быть, пастушеские юрты. Тибет остался за спиной, впереди — предгорья, холмистая равнина, кольцо гор вокруг неприступного Пачанга. А дальше — пески Такла-Макана, за которыми лежит озеро Челкель. Чиф прикинул, что там сейчас, на месте бывшего эфирного полигона. Занесенная песками стартовая

площадка, проржавевшие стальные конструкции, взорванные бункера? Или полигон вновь ожил, готовя к старту серебристые стрелы ракет?

— Товарищ Хо! Товарищ Хо!

В голосе Лю — тревога. Косухин обернулся.

— Смотрите!

Вначале Косухин ничего не заметил — мешала дымка, но затем понял. Над холмистой равниной летели самолеты. Отсюда, с высоты перевала, казалось, что они идут над самой землей. Три, четыре, семь... девять! Но что-то было не так. Чиф сорвал с пояса бинокль...

...Три больших самолета, многомоторные — транспорты или бомбардировщики, а сзади... Планеры! Десантные планеры, непривычно огромные, в каждый может поместиться целая рота!..

— Джон, ты видишь? — Валюженич подбежал поближе, держа в руках свой «цейс».

— Вижу, дядя Тэд... — Чиф опустил бинокль. — Нас хотят тут запереть. Скинут десант, перекроют выход на равнину...

— Может, они не по нашу душу? — неуверенно предположил археолог, но Косухин уже не сомневался. От строя отделился один силуэт, затем другой, третий. Планеры, получив свободу, начали скользить вниз, к подножию гор...

Сзади послышался знакомый гул. Такая же девятка летела над покинутым несколько часов назад плоскогорьем. Значит, десантники пойдут навстречу друг другу, чтобы встретиться как раз на перевале, покончив с надоедливыми врагами...

— Товарищ Хо! — Лю Вэйцзян был теперь не один, рядом с ним стоял проводник-тибетец. — Он говорит, что можно не спускаться на равнину. Тут есть тропинка, мы можем подняться немного выше и пройти горами...

— А что там?

Вопрос был лишним, карту он помнил. Белое, в цвет снегов, пятно: ледник — огромный, раскинувшийся на много дней пути... На какой-то миг стало страшно, но Косухин понял, что другого выхода у них нет.

ГЛАВА 4

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

— И как тебе не холодно, Джон?

Валюженич протянул руки к спиртовке, грея заледенелые ладони. Чиф пожал плечами.

— Очень даже холодно, дядя Тэд!

— Вы сегодня весь день шли без рукавиц, — проскрипел господин Чжао, заворачиваясь в густой мех огромной шубы. — Не

смею вмешиваться, господин... красный комиссар, но так можно остаться без рук!

Косухин поглядел на свои ладони. Конечно, холодно, но не холоднее, чем дома, в Долине Больших Ветров.

— Не знаю... Наверное, привык.

Они шли уже четвертый день: Косухин, дядя Тэд, господин Чжао, красный командир Лю и семеро бойцов. Когда они ступили на холодный, предательски ровный лед, их было пятнадцать. Маленький отряд уменьшился почти на треть...

От перевала они поднялись по узкой тропе, едва сумев втащить наверх упирающихся яков. Где-то через километр дохнуло холодом — ледник был уже близко. Здесь пришлось разделиться. Яки не смогли бы пройти по леднику, да и теплой одежды хватало не на всех. Десять бойцов, прежде всего ханьцев, решили оставить здесь. С собою Косухин взял десять горцев, имевших опыт подобных походов, проводника и, после долгого спора, Валюженича вместе с товарищем Лю. Археолог категорически заявил, что не отпустит Джона одного, в чем Лю Вэйцзян оказался с ним полностью солидарен. В последний момент к группе примкнул господин Чжао. Франтоватый фольклорист переменил пальто и шляпу на более подходящее к случаю одеяние и безропотно вдел руки в лямки тяжеленного рюкзака. Винтовку все же брать не стал, ограничившись револьвером. Все остальные вооружились как следует, а товарища Лю с трудом отговорили прихватить с собой один из пулеметов.

Валюженич, бывавший в горах не один раз, заранее позаботился о темных очках. Запаса хватило для него самого, господина Чжао, Чифа и даже для Лю Вэйцзяна, который поначалу упорно отказывался от этого буржуазного изобретения. Остальные, горцы, с детства привыкли к безжалостной белизне.

Беда случилась в первый же день, под вечер. Проводник-тибетец, шедший первым, не учуял скрытой под снегом трещины и без звука исчез в черном провале. Спасти его было немыслимо, трещина уходила на неведомую глубину, куда не доставали веревки. Пришлось идти по компасу, утопая в снегу, вытаскивая друг друга из неглубоких ледяных расщелин. Отряд повел Валюженич, уверявший, что у него на опасности нюх. То ли американец действительно обладал каким-то шестым чувством, то ли ему просто везло, но отряд шел без потерь. Новая беда случилась на третий день, когда трое бойцов, все опытные горцы, вызвались сходить на разведку к подозрительному склону. Все трое ушли под снег, холодная трясина затянула их за несколько секунд. Никто даже не успел подбежать к погибающим, кинуть спасительную веревку...

Итак, их осталось одиннадцать, а впереди был долгий путь — не менее трех дней, если не обманывала карта. Поначалу Косухину казалось, что первым не выдержит он. На Тускуле приходилось ходить в зимние походы, но все же не по леднику и не по такому холоду. Однако Чиф шагал наравне со всеми, волоча рюкзак и «скрайбер», и постепенно ему начинало казаться, что идти не так уж и трудно. Конечно, он уставал, под вечер плечи начинало ломить, ноги казались свинцовыми, но Джон видел, что остальным приходится еще тяжелее. Бойцы приуныли, почти перестали улыбаться, а на привалах тут же падали в снег. Хуже всего приходилось товарищу Лю, он умудрился обморозить лицо и теперь шел, закутавшись в шарф, вдобавок мучаясь жесточайшей простудой.

Пару раз Чиф ловил себя на странной мысли: с ним что-то не так. Конечно, он молод и здоров, но организм его реагировал как-то непонятно. Чем дальше, тем легче давались ежедневные переходы. Холод стал привычен, зато пропал аппетит, а ночами мучила бессонница. Еда и сон, то, без чего не может жить человек, казались теперь чем-то не особо важным.

...«Ты такой же, как мы!» — сказал краснолицый Венцлав. Еще недавно Косухин-младший просто посмеялся бы над этим...

— ...Джон, ложись спать!

Голос Валюженича вывел его из задумчивости.

— Спать? — Чиф вдруг понял, что спать совершенно не хочется. — Я еще посижу, дядя Тэд.

Археолог возмущенно покачал головой:

— Нет здесь Стива! Ты что, решил себя заморить? Не ешь, не спишь, похудел...

Ладонь скользнула по лицу. Похудел? Пожалуй...

— Дома отосплюсь! Дядя Тэд, ты бы лучше рассказал что-нибудь.

— Нашел время! Вот приедешь ко мне в Индиану, сядем у камина, я достану фотографии... А то и мистера Арцеулова пригласим, он давно ко мне собирался.

— Это обязательно, — улыбнулся Чиф. — А сейчас... Расскажи о Пачанге.

Дядя Тэд пожал плечами:

— Я не специалист. Разве что господина Чжао попросим...

Он поглядел в сторону фольклориста, но тот уже дремал, завернувшись в мохнатую шубу.

— Ты говорил о каких-то легендах, дядя Тэд...

— Оу! — Валюженич засмеялся, откинувшись на рюкзак, слу-

живший ему подушкой. — Это точно не ко мне! Но если в самом общем виде...

Он задумался, прищелкнул пальцами:

— О'кей... Легенды о Пачанге известны с XIV века, встречаются в некоторых текстах «Калачакра-тантры». В них сказано, что первым центром учения калачакры на Тибете был именно Пачанг. Там находилась главная святыня — мандала из чистого золота. В Пачанге правили цари из династии Кальки, младшая ветвь которой позже правила в знаменитой Шамбале. В общем, Пачанг был своеобразной священной столицей Тибета, но очень недолго. В XII веке какие-то очередные завоеватели, якобы посланные правителем преисподней, осадили город и начали штурм. Что характерно, другие правители — последователи калачакры, не оказали городу помощи. Тогда царь Калька — номера уже не помню — воззвал к небу, и город исчез. В общем, весьма напоминает известную русскую легенду о Китеже. Священный город исчезает, чтобы не достаться врагам, но туда можно попасть, если ты достаточно праведен. Естественно, находились оригиналы, которые утверждали, что видели Пачанг — то ли в небе, то ли в водах какого-то озера. Ну, это для господина Чжао...

Он поглядел в сторону спящего фольклориста и усмехнулся:

— Господин Чжао собрал целую библиотеку о Пачанге. А на самом деле все куда проще. Пачанг был одним из местных княжеств, погибших в ходе очередной драчки. В дальнейшем память о нем поддерживала сепаратистов, не желавших подчиняться Лхасе. А подробности следует поискать в местной библиотеке, а заодно осмотреть окрестности...

— И все? — Косухин был несколько разочарован.

— В общем-то, все. За последние века о Пачанге писали много, появились чуть ли не целые путеводители, есть подробное изображение золотой мандалы, биографии его правителей и, конечно, инструкции для тех, кто желает попасть туда.

— Трудно попасть?

— По сравнению с нашим путешествием — не очень, — покачал головой археолог. — Обычный набор правил для ортодоксального буддиста. Правда, в самых поздних текстах, уже в XIX веке, вместо долгого самосовершенствования предлагался набор заклинаний. Впрочем, можно поступить еще проще — взглянуть в зеркало...

— Волшебное? — улыбнулся Чиф.

— Йе! Конечно. Во дворце правителя Пачанга якобы до сих пор существует каменное зеркало — единственная святыня, оставшаяся от исчезнувшего города. Зеркало, конечно, волшебное, вроде как у Диснея. «Белоснежку и семь гномов» смотрел?

— Нет. Это новый фильм? — Дисней почему-то заинтересовал Чифа больше, чем тибетские легенды.

— Оу, ты бы видел! Цветной, на два часа, мои племянники смотрели его раз десять. Там волшебное зеркало тоже играет не последнюю роль... А что до Пачанга, то рассказывают так: обыкновенный человек, то есть грешник, увидит лишь гладкий камень, монах или человек праведный сможет разглядеть собственное изображение и, увидев себя, стать мудрее. Избранные сумеют взглянуть сквозь камень и разглядеть истинный Пачанг — небесный. А пройти сквозь зеркало смогут лишь маги и, естественно, духи...

— Я в ужасе, коллега, от подобной интерпретации!

Голос исходил из недр мохнатой шубы. Господин Чжао не спеша высвободил нос, затем появилась и вся физиономия — невыспавшаяся и недовольная.

— Мало того, что вы не даете мне спать!.. Это еще полбеды, но то, как вы говорите о Пачанге...

По-английски господин Чжао изъяснялся превосходно, с чистым оксфордским произношением. На языке Шекспира его слова звучали еще более язвительно.

— Не могу одобрить моих непросвещенных земляков, именующих европейцев «заморскими чертями». Однако вы, господин Валюженич, умудрились заслужить прозвище еще более неприличное. В присутствии молодого человека не решусь повторить...

Археолог несколько смутился и стал смотреть куда-то в сторону.

— В археологии я мало разбираюсь, но предпочитаю доверять таким специалистам, как лорд Рамзей и, между прочим, ваш собственный батюшка...

— Ну, вы преувеличиваете, господин Чжао, — неуверенно возразил Валюженич. — Лорд Рамзей крайний консерватор. Весь шум из-за каких-то неувязок с документацией...

— Сотрудники Шанхайского музея древностей несколько иного мнения. После ваших так называемых раскопок храмового комплекса...

— Вы что-то хотели сказать о Пачанге? — поспешил уточнить дядя Тэд.

— Да, о Пачанге. Вы упомянули господина Диснея и его жуткие суррогаты. Ваш рассказ как раз годится как сценарий для очередного голливудского опуса. Легенды о Пачанге — сложнейший комплекс древних мифов, собранный и отредактированный оппозиционными сектами калачакры. И эти легенды выросли не из фактов средневековой тибетской истории, а из давних народных представлений об идеальном царстве...

— Мифологическая школа, как же! — не выдержал Валюже-

нич. — Будда никогда не жил, Христос — это обожествленная звезда Сириус...

— Умолкаю, — развел руками фольклорист. — Вести дискуссию на подобном уровне считаю совершенно невозможным. Однако, господин Валюженич, вы изволили допустить фактическую ошибку. Рассказ о зеркале Пачанга — не легенда. Это поэма, литературное произведение!..

— И как разница?

— Такая же, как между подлинными сказками и фильмами господина Диснея!

— Расскажите, господин Чжао, — попросил Чиф.

— Увольте, господин Хо!.. — скривился тот. — Впрочем, чтобы вы и в самом деле не воспринимали нашу историю по Диснею... Поэма написана в XVII веке. По некоторым данным, ее автор был монахом, причем явным еретиком. Поэма называется «Смятение праведного». Речь там идет о монахе-аскете, который посвятил всю свою жизнь тому, чтобы попасть в Пачанг. Когда он отправился в путешествие, в дороге к нему присоединился некий путник, с виду совсем не праведник...

Ученый задумался:

— Описание путешествия — своеобразная аллегория, очень тонкая, полная литературных и мифологических ассоциаций. Но не будем об этом... Так или иначе, они прибыли в Пачанг и стали перед зеркалом. Монах увидел, как каменная поверхность становится прозрачной. За нею показался небесный город. Он пытался шагнуть сквозь зеркало, но безуспешно. Тогда его спутник, тот самый, не похожий на праведника, без всякого труда преодолел преграду. Естественно, монах огорчился, даже обиделся и вопросил Небо. Ему был дан ответ...

Господин Чжао вновь умолк. В наступившей тишине Чифу показалось, что он слышит далекий глухой гул, будто где-то на краю неба началась гроза.

— Монах узнал, что его спутник — не человек, а дух-цха, неприкаянный мертвец. Оказывается, в Пачанге не ждут праведных монахов, там нужны духи, чтобы создать войско, которое сможет защитить город...

— Но почему? — такого финала Чиф не ожидал.

— Есть разные объяснения, — пожал плечами фольклорист. — Смысл их в том, что поэма отразила кризис традиционных представлений о царстве справедливости. Даже Пачангу нужна армия злых духов. Кстати, в это же время на Тибете записывают ряд весьма неортодоксальных сказаний, например о братьях Лха...

— Господин Чжао, а почему вы думаете, что древний Пачанг

не существовал? Ведь город мог действительно погибнуть из-за какого-то набега...

— А мудрый правитель заранее эвакуировал население, из-за чего и возникла легенда, — кивнул господин Чжао. — В свое время в Александрии греческие ученые пришли к выводу, что олимпийские боги — это древние цари. Простое объяснение — не обязательно самое верное. Пока же легенда о небесном Пачанге — всего лишь миф. Может, господин Валюженич сумеет доказать обратное, но, надеюсь, без своих особых методов...

— А что — мои методы? — обиженно проговорил Тэд. — Между прочим, вас, господин Чжао, помнится, тоже окрестили не особо...

— Слоном в этнографической лавке, — брезгливо уточнил ученый. — Мои догматики-коллеги, ни разу не бывавшие даже в пригородах Шанхая...

— А кого-то коллеги-догматики обвинили в фальсификации... — невозмутимо продолжал Валюженич.

— Ваша деликатность потрясает, коллега! Этот «кто-то», да будет вам известно, изучает живой фольклор...

Косухин с любопытством слушал перепалку ученых мужей. Похоже, они стоили друг друга.

— Могу себе представить, что я услышу, когда покажу свои последние записи! — Господин Чжао хмыкнул.

— А что вы там записали? — не удержался Чиф.

Фольклорист не счел нужным отреагировать, зато Валюженич охотно объяснил:

— В Кэбэчунгу говорили, что видели всадников Гэсэра, летевших по небу куда-то на северо-запад. Гэсэра узнали сразу — по красному халату и собольей шапке. По мнению тибетцев, Гэсэр спешил на великую битву. Между прочим, если взглянуть на карту, он спешил к Пачангу.

Господин Чжао изволил фыркнуть.

— Ну и что? — не понял Косухин. — Красивая легенда!

Из-под шубы донесся тяжелый вздох.

— Понимаешь, Джон, — пояснил археолог, — по традиционным представлениям, Гэсэр и его войско не могут летать по небу. Они должны пользоваться обычным оружием, ездить верхом на конях из плоти и крови... В общем, боюсь, коллеги господина Чжао...

Тэд покосился на шубу, но оттуда не донеслось ни звука.

— В общем, могут не поверить. Кстати, я уже слыхал легенду о летящих всадниках от мистера Арцеулова. Он был знаком с кем-то из потомков Гэсэра... Что это?

Косухин прислушался. Откуда-то издалека вновь донеслось что-то, похожее на раскаты грома.

— Дядя Тэд, здесь не бывает грозы?

— Мы слишком высоко, Джон. Может, лавина. А может...

Чиф понял. Он и сам уже успел подумать, что ни лавина, ни гроза тут ни при чем. Где-то там, у самого горизонта гремели тяжелые орудия...

Следующий день оказался куда тяжелее. Лю Вэйцзян сдал окончательно, его бил кашель, обмороженное лицо горело жаром. Идти командир еще мог, хотя и с трудом, но вещи пришлось распределить между остальными. Чифу достался карабин, плечи сразу оттянуло, но идти было все же можно. Теперь двигались медленнее, кое-кто из бойцов тоже чувствовал себя скверно. А ведь идти предстояло еще немало, как минимум два дня, и то, если повезет.

К полудню товарищу Лю стало совсем скверно, теперь его приходилось поддерживать под руки. Чиф с тревогой прикинул, что, если его надо будет нести, отряду обеспечен еще день среди льда. Между тем дальний гром, доносившийся с северо-запада, усилился. Сомнений не было: там шел бой. А затем появились самолеты. Машины шли на большой высоте, направляясь с юга в сторону Пачанга. Сначала их было девять, затем показалась еще одна девятка, потом третья. Товарищ Лю, временно забывший о своей болезни, заявил, что узнает тяжелые бомбардировщики. Через час к Пачангу ушла новая волна — двадцать семь машин. Шло время, гул, доносившийся с севера, становился все громче, но самолеты не возвращались. Валюженич предположил, что летчики действуют «челноком» — отбомбившись, идут дальше на север, где находится запасной аэродром. Куда же в этом случае они летят? В пески Такла-Макана? Или еще дальше — к Челкелю и советской границе?

Косухин понял, что они опоздали. Бой у Пачанга уже начался. На этот раз Агасфер не поскупился: десятки самолетов, тяжелые орудия... С кем же все-таки идет война? Неужели с местным ополчением? Тогда почему бой продолжается так долго?

Следовало спешить, но отряд шел очень медленно. Приходилось обходить трещины, вдобавок снег стал заметно гуще и глубже. Валюженич — и тот стал чаще останавливаться. Из всего отряда бодрыми оставались Чиф и, как ни странно, господин Чжао. Теперь они шли в авангарде. Косухин несколько раз пытался заменить дядю Тэда, ссылаясь на свой тускульский опыт, но американец отшучивался, уверяя, что Чиф заведет отряд прямиком в долину Больших Ветров. Выбирать дорогу действительно стало труднее, из-подо льда полезли огромные каменные зубья, трещин стало больше, вдобавок компас время от времени начинал вести

себя странно. Оставалось надеяться на интуицию Валюженича и на отдаленный гул, служивший самым верным ориентиром.

Вечером едва хватило сил, чтобы открыть банки с консервами. К счастью, удалось найти свободную от снега площадку между двумя огромными скальными зубьями, защищавшими от ветра. Пришлось вновь достать аптечку и заняться больными и обмороженными, и Косухин пожалел, что не захватил с собою кое-что из медицинского арсенала Любы Бенкендорф.

Бойцы быстро заснули. Чиф, завернувшись в шубу, сидел рядом с Валюженичем, прикидывая, сколько еще осталось идти. Археолог считал, что завтра — последний день их ледяного похода. Где-то после полудня, если, конечно, ничто не помешает, отряд дойдет до края ледника, откуда начинается спуск в долину. Однако сил почти не оставалось. Странное дело, но сам Чиф чувствовал себя неплохо. Он даже не особо устал, хотя теперь нес, кроме рюкзака и «скрайбера», карабин товарища Лю и кое-что из снаряжения. Косухин внезапно понял, что охотно прошелся бы ночью, чтобы к утру добраться до спуска в долину.

Валюженич задремал, Чиф хотел последовать его примеру, но вдруг понял, что не заснет. Ему незачем спать — по крайней мере еще несколько дней...

— Господин Хо...

Негромкий голос заставил вздрогнуть. Фольклорист, появившийся откуда-то из темноты, покосился на спящего Валюженича и присел рядом, пряча нос в воротник шубы.

— Господин Хо, рискну вас потревожить. Не смею вмешиваться в вопросы, так сказать, стратегии, — в голосе господина Чжао звучала привычная ирония, — но смею обратить внимание на здоровье ваших спутников...

— Вы правы, — согласился Косухин. — К сожалению, у нас нет врача.

— Зато вы набрали целую гору оружия, что весьма логично... Меня беспокоит ваш заместитель, господин Лю Вэйцзян. Ему нужны лекарства, а главное — тепло. Завтра он не сможет идти...

— Мы... мы его понесем!.. — Чиф беспомощно оглянулся, словно откуда-нибудь из черной ночи к ним могла прийти подмога. — Завтра мы уже начнем спуск, там теплее...

— Это будет не раньше, чем к вечеру. Господин Хо, вы, как я заметил, очень выносливый человек и меряете всех остальных по себе. А люди очень устали... Впрочем, что я говорю, вы думаете о великом, как и ваш тезка, знаменитый полководец Хо, о котором когда-то писал великий Ли Бо! Однако кому-то надо думать и о людях, посему рискну предложить свои скромные услуги.

— Вы врач? — обрадовался Косухин. — Что же раньше молчали?

Господин Чжао покачал головой:

— Увы, я не врач. Но в таких обстоятельствах выбирать не приходится. Я много лет изучал нашу традиционную медицину и, думаю, вполне могу заменить деревенского знахаря...

— Знахаря? — Чиф вспомнил слышанное о народной медицине. — Но ведь это — травы, заклинания...

— Не обязательно, — из глубины шубы послышался смех. — Не путайте знахаря с колдуном, господин военный! Я неплохо овладел искусством иглоукалывания. Это, конечно, не вылечит, но придаст силы. В общем, если вы не возражаете, я бы занялся господином Лю. К сожалению, он против. Господин Лю несколько путает народную медицину с феодальными пережитками...

— Пойдемте! — Чиф решительно встал, поправляя полушубок. — Он согласится.

Уговорить товарища Лю оказалось непросто. Молодой командир уверял, что чувствует себя лучше и, кроме того, не желает участвовать в магических обрядах, которые являются не чем иным, как родимыми пятнами проклятого прошлого. В конце концов Чиф попросту приказал, после чего Лю Вэйцзян сдался, и Косухин с некоторым облегчением оставил командира наедине с господином Чжао, уже успевшим достать все необходимое — таблицу, расчерченную разноцветными чернилами, и короткие костяные иглы.

Чиф вышел наружу, за черные зубцы скал. На севере, у невидимого Пачанга, не стихала канонада. Ему даже показалось, что небо у горизонта не черное, а белесое. Вспомнилось виденное несколько ночей назад зарево. Что это могло быть? Армия Шекар-Гомпа шла к Пачангу по дороге, но у города ущелье перекрыто завалом... Косухин вдруг сообразил, что землетрясение случилось в тот же год, что и захват Шекар-Гомпа «голубыми свастиками». Совпадение? Итак, дорога утыкается в завал, армия подходит к ущелью... Что сделал бы на их месте он, Косухин? Ответ несложен — если, конечно, в наличии имеется взрывчатка. Значит...

Что-то коснулось плеча. Чиф обернулся: рядом был господин Чжао.

— Вы очень долго стоите здесь, господин Хо. Не боитесь простудиться?

— Нет, не боюсь. Я слушаю.

Косухин кивнул в сторону горизонта.

— Понятно! — ученый невесело усмехнулся. — Симфония войны! «И ясному солнцу и светлой Луне в мире покоя нет. И люди не могут жить в тишине, а жить им немного лет...»

— Господин Чжао! — Чиф поморщился. — Я же не критикую ваши политические убеждения...

Послышалось возмущенное фырканье:

— Мои убеждения! У меня нет никаких политических убежде-

ний! Зато они, к сожалению, имеются у других. Четверть века назад доктор Сун Ятсен вместо того, чтобы заниматься наукой, решил открыть всем нам светлое будущее. Три великих принципа, четыре великих принципа... Последствия вы видите!..

— Но вы же носите револьвер! — усмехнулся Косухин.

— Я? А что прикажете делать? Мой коллега Валюженич, хотя он и варвар, может путешествовать по своей родной стране без арсенала за поясом... Господин Хо, я сделал, что мог. Сейчас господин Лю Вэйцзян заснул, думаю, к утру ему будет лучше.

— Спасибо...

— Пока еще не за что... Господин Хо, давайте вернемся, здесь сильно дует.

Они зашли за скалу и присели на рюкзаки, рядом с мирно спящим археологом.

— Я осмелился отвлечь вас от высоких рассуждений о стратегии, — продолжал ученый. — Причина проста: хотел бы воспользоваться правами народного целителя и осмотреть вас.

— Меня? — удивился Чиф. — Но я здоров!

— Весьма рад! Но правильнее сказать, что вы *чувствуете* себя здоровым. У нас в Китае здоровье человека можно определить не только по пульсу или температуре. У человека существует энергетическая оболочка, европейцы называют ее аурой. Мне бы хотелось взглянуть на вашу. Снимите шапку, если мороз вас не слишком беспокоит...

Пришлось подчиниться. Господин Чжао медленно поднял руки ладонями вперед, принявшись осторожно водить ими по воздуху. Косухин прикрыл глаза, в висках послышалось легкое гудение, под веками стали расплываться радужные пятна...

— Благодарю вас, господин Хо.

Чиф открыл глаза. Ученый сидел рядом, его лицо выглядело немного озабоченным.

— Шапку надевать можно?

— Да, конечно. Разрешите вопрос?

Внезапно показалось, что фольклорист не решается сказать о чем-то важном.

— Признаков болезни нет, чему я весьма рад, но... Насколько я понял, вы, несмотря на ваш род занятий, человек достаточно образованный?

— Я? — удивился Чиф. — Гимназия, три курса университета. Специальность — политолог...

Господин Чжао вздохнул:

— А здесь вы применяете знания на практике? Но в любом случае, вы человек современный, не склонный к суевериям...

— Нет, конечно!

Разговор складывался как-то нелепо.

— Тогда поясню. В древних трактатах по медицине описано много вариантов ауры, причем не только человеческой. Они различаются по цвету, форме и иным признакам. То, что я увидел у вас, подходит под один из случаев. Признаться, случай редкий...

— То есть древние китайцы имели дело с такими, как я? — понял Косухин.

— Совершенно верно! — Господин Чжао энергично закивал. — Поэтому мне бы хотелось уточнить. Вы русский? Из России?

Вот оно что! Господин Чжао решил, что древние врачи встречали русских и описали их ауру. Хотя почему бы и нет?

— Я русский. Правда, родился не в России...

— Теперь все ясно. Кроме того, конечно, почему ваших соотечественников зачислили в число духов...

— Как?! — Чиф еле удержался, чтобы не вскочить. Значит, такие, как он...

— Но... господин Хо! — Этнограф явно растерялся. — Речь идет просто о небольшой научной загадке. В трактате сказано, что духи могут принимать человеческое обличье, но их можно различить по некоторым признакам, в том числе ауре. Очевидно, ваших соотечественников принимали за потустороннюю силу, ведь для многих китайцев все иностранцы до сих пор — «заморские черти»!..

— Да, конечно, — Косухин постарался успокоиться. — А эти духи... Они — злые?

— Разные, — пожал плечами ученый. — Вы больше походите на достаточно нейтральный фольклорный персонаж, в принципе склонный и к добрым, и к злым делам. Я опишу этот случай — к очередному негодованию моих коллег. Извините, что обеспокоил...

Господин Чжао поспешил откланяться, весьма довольный своим открытием. Косухин не знал, что и думать. Может, ученый и прав. А если нет? Если древние знахари описали ауру не гостей из далекой северной страны, а кого-то... другого? Но не тускуланца же, колония на Тускуле появилась лишь двадцать с небольшим лет назад! Тогда чью?

Вокруг уже все спали, лишь караульный сидел, закутавшись в шубу и положив перед собой карабин. Выставлять посты было, конечно, бесполезно, но товарищ Лю справедливо считал, что устав не должен нарушаться. Косухин пожалел замерзшего парня и, велев бойцу спать, решил подежурить сам. Раз уж он дух, страдающий бессонницей, это свойство следовало использовать для общего блага.

Ночь походила на все прежние, разве что канонада на севере слышалась отчетливее. Чиф вновь вышел из укрытия, заметив,

что ветер стих — впервые за все дни. Что-то еще изменилось. Косухин долго не мог понять, в чем дело, пока наконец не заметил: звезды теперь светили тускло, неярко, словно небо начал окутывать туман. Стало теплее, будто весна сумела добраться даже сюда, в царство вечного мороза. Чиф постоял несколько минут, решив уже возвращаться, но внезапно его поразила тишина. Гул, доносившийся с севера, исчез. Пропала розовая полоса над горизонтом, небо затянуло серым. Откуда-то издалека донесся еле заметный шорох. Вновь тишина — гулкая, пугающая.

Косухин хотел вернуться и разбудить Валюженича, но что-то не пустило, словно происходящее касалось его одного. Почему-то подумалось, бывают ли в этих местах землетрясения...

...Лед под ногами дрогнул. Откуда-то из глубины донесся низкий мощный звук, ударил в уши, оборвался. И вновь тишина. Небо почернело, исчезли звезды, чистый горный воздух стал душным и вязким. Но вот откуда-то с востока подул легкий, теплый ветер. Чиф перевел дыхание...

Молния! Огненная полоса прошла через все небо, от края до края — но не белая, а цвета темного золота. Казалось, небо разорвалось, лопнуло. Золотая полоса становилась все шире, тьма отступала к краям горизонта, черные клочья отрывались, пропадали в золотом свечении... На земле по-прежнему было темно, словно свет, заливающий небо, исчезал, не доходя до тверди. Косухин не отрываясь глядел на золотой небосвод. Цвет был густым, словно мир и в самом деле был куполом, вылитым из темно-желтого металла. Показалось даже, что он видит неровную шероховатую поверхность, от которой исходит легкое свечение.

Но вот золотой купол затуманился. Откуда-то с юга плеснуло алым, по небу медленно, неотвратимо поползли клочья кроваво-красных туч. Они росли с каждой минутой, клубились, надвигаясь, сталкиваясь, превращаясь в огромное пузырящееся облако, внутри которого сквозь красную поверхность начала проглядывать чернота. Тучи заняли полнеба, закрывая золотую небесную твердь. И вновь что-то изменилось. Кроваво-черные облака внезапно остановили ход. На севере, возле самого горизонта, золотое свечение стало заметнее, сквозь него начали проступать смутные непонятные контуры...

Чиф перевел дыхание. Он вспомнил, что там, откуда исходит свет, находится Пачанг. Может, виной всему война, и то, что он видит, лишь отблески далеких пожаров? Он где-то читал о таком — сильный пожар вызывает необычную реакцию атмосферы... Косухин вновь поглядел на север и замер. Золотое сияние стало гуще, контуры — резче, и вот над горизонтом начали вырисовываться силуэты огромных башен, высокие зубчатые стены, крыши домов... Гигантский золотой город парил в небе, непри-

ступный, гордый своей мощью. Чиф невольно усмехнулся — Пачанг! Наверное, так представляли себе небесный город те, кто верил в красивую легенду. Но, присмотревшись, он заметил, что видение ничем не походит на известные ему китайские и тибетские горные города. Скорее оно напоминало Столицу или родной Сент-Алекс. Показалось даже, что он может различить над башнями силуэты решетчатых антенн...

Кровавые тучи росли, клубились, но не переходили невидимую грань, защищавшую золотые стены. Но вот небо дрогнуло. Из-под красной кипящей поверхности начало проступать что-то иссиня-черное, похожее на твердый кристаллический сгусток, внутри которого горел темный огонь. На миг тучи подались назад, из глубины их ударила молния, но не белая и не золотая — темно-красная, в цвет остывающего металла. Затем еще одна, еще... Молнии били по городу. Тучи сгустились, начали темнеть, черным стало небо, молнии тоже почернели, но золотой город стоял нерушимо, не обращая внимания на разразившуюся бурю. Гроза неистовствовала долго, Косухину показалось — не меньше часа, хотя счет времени он давно потерял.

Постепенно ярость ударов стихла. Последние молнии, слабые, неуверенные, безвредно разбились о золотую сферу. Наступило затишье. Фронт черных туч стоял недвижно, и все так же спокойно светился город над горизонтом — невредимый и недоступный.

Затем что-то изменилось. Черные облака завибрировали, из их глубин вылетели маленькие черные точки. Чиф сорвал с пояса бинокль, но оптика оказалась бессильна. Что-то, напоминающее рой темных мух, собиралось у самого края облаков, выстраиваясь в огромный правильный треугольник. Косухин вспомнил — именно так строились летевшие на Пачанг бомбардировщики. Он вгляделся, и вдруг небо словно приблизилось...

...Небо словно приблизилось, неровный край черных туч оказался совсем рядом. Черные птицы, отливающие блеском полированного металла, собирались в стаю, готовясь устремиться вперед. Еще секунда — и огромный треугольник тронулся с места, помчался к северу, легко миновал недоступную прежде границу, приблизился к самым стенам. Строй дрогнул, растекаясь на две равные части...

Над золотыми стенами появились всадники. Их было мало, в десятки раз меньше, чем птиц в черной стае, но при виде их нападавшие дрогнули, подались назад. Небесные всадники устремились прямо в гущу вражеского строя. Чифу показалось, что он видит их — в блистающих золотом кольчугах, острых шлемах, с огромными луками. Впереди летел всадник в красном халате, в шапке с собольей опушкой, его правая рука была поднята к небу в призывном жесте...

Косухин протер глаза. Почудилось! Бой шел слишком далеко,

глаз мог уловить лишь кружение черных точек. Кипящий рой приблизился к самым стенам, завис над ними, начал уходить назад. Невольно представилось, как всадники в золотых доспехах рубят врага, сбивают черных птиц стрелами, гонят их обратно в кипящие недра облаков...

И вновь все замерло. Тучи сгустились, придвинувшись к самой грани, за которой светился недоступный город. Строй облаков расступился, пропуская нечто, вышедшее из самых глубин. Секунда, другая — и, словно в ответ, в небе над городом сверкнула золотая искра. Джон схватил бинокль, но тут же опустил мудреное изобретение Карла Цейса. Оставалось ждать. Он стал напряженно всматриваться, и вот вновь показалось...

...Показалось, что небо стало ближе. Мелькнул край черного облака, подсвеченный из глубины красным огнем. Чиф перевел взгляд и увидел того, кто вышел на поединок. На нем не было доспехов. Он вообще не походил на воина — высокий, немного сутулый, в плаще, расшитом серебром. Длинные светлые волосы падали с плеч, в протянутой вперед руке был сжат небольшой сияющий жезл. Случайно или нет, но на том, за чьими плечами расстилалась тьма, не было ничего черного — лишь спокойный блеск серебра и неяркие краски ниспадающих одежд. Он не спешил, словно ожидая, пока тот, другой, приблизится.

Золотая искра выросла, превращаясь в человеческую фигуру. Противник светловолосого был молод. На нем тоже не было доспехов, а в руках — оружия; он не походил ни на рыцаря, ни на мудреца. Обыкновенный парень, невысокий, худой, неприметный, только лицо казалось серьезным не по годам, а волосы были совершенно седыми. В руках он держал свиток, покрытый странными непонятными письменами.

Они ждали — широкоплечий и седой, не двигаясь, не пытаясь поразить друг друга. Наконец светловолосый медленно поднял жезл, сделал шаг вперед. Седой парень не двигался. Блеснуло серебро — широкоплечий держал жезл над головой, он был уже близко, и тогда рука седого начала медленно разворачивать свиток...

...Ослепительный, невыносимо яркий свет. Чиф закрыл руками лицо, застонал и упал в снег, пытаясь спрятаться от обрушившегося с небес холодного беспощадного огня. Голова горела, сквозь стиснутые веки хлестало пламя, заливало мозг. Откуда-то издалека доносился неистовый грохот, словно небесная твердь раскололась, рухнула на землю. Это продолжалось невыносимо долго, невыносимо долго...

— Джон! Джон!

Слова звучали еле слышно, словно с другого конца мира. Косухин почувствовал, как чьи-то руки поднимают его, помогая встать.

— Джон! Да что с тобой?

Он узнал голос Валюженича и открыл глаза. Вокруг стояла ночь, все так же ярко светили холодные зимние звезды, лишь на северо-западе белело неровное, отливающее розовым пятно.

— Дядя Тэд... — слова давались с трудом. — Вы... Вы видели?

— Йе! Ну и рвануло! Еле успел глаза закрыть. Те парни у Пачанга, по-моему, не шутят!..

Косухин, не сопротивляясь, дал себя увести обратно за скалу. Здесь никто не спал, только господин Чжао по-прежнему прятался в глубине мохнатой шубы.

— Нас скалы защитили, — возбужденно продолжал археолог. — А ты, Джон, напрасно вышел, без глаз мог остаться...

— Н-ничего, дядя Тэд. — Зрение постепенно приходило в норму, исчезла боль, лишь в висках по-прежнему, не переставая, пульсировала кровь. — Что это было?

— Редкое атмосферное явление, — послышался знакомый голос. Из шубы показалась недовольная физиономия фольклориста. — Так называемый эффект золотого неба.

— Йе, потрясающе! — подхватил Валюженич. — Похоже на северное сияние! Небо засветилось, потом пошли красные пятна. А затем что-то рвануло...

Хотелось рассказать о том, что видел он сам, но Чиф понял — не поверят. Его спутники видели лишь странную игру света. Эффект золотого неба...

Утром всех поразила тишина. Канонада, ставшая уже привычной, стихла, а над горизонтом вставало огромное серое облако. Товарищ Лю, чувствовавший себя куда лучше прежнего, присмотревшись, уверенно заявил, что в районе Пачанга произошел невиданной мощи взрыв, поднявший в воздух тучи пыли и пепла. Бойцы тревожно переглядывались — такого видеть им еще не приходилось.

Идти стало легче. Воздух потеплел, из-под слоя льда все чаще стали появляться скальные гребни — граница ледника была уже близко. Все держались бодро, Лю Вэйцзян, несмотря на кашель, забрал у Чифа карабин и уверенно зашагал в голове колонны. Кажется, народная медицина не подвела.

Косухин шел рядом с Валюженичем. На душе было невесело, увиденное не укладывалось в сознании. Внешне все логично: редкое, но вполне естественное атмосферное явление, возможно, действительно вызванное взрывами и пожарами у Пачанга. Затем мощный взрыв, чуть было не ослепивший тех, кто неосторожно смотрел в небо. Но что тогда видел Чиф? Кипение черно-красных туч, золотой город, небесные всадники?.. В конце концов

Косухин не выдержал и, поравнявшись с господином Чжао, пересказал ему видение, сославшись на книгу, которую якобы довелось читать. Фольклорист слушал внимательно, затем вздохнул:

— Не знаю, где вы прочли о подобном, господин Хо. В любом случае, могу вас разочаровать — писал явный дилетант, ничего подобного в тибетских преданиях не встречается. Смею спросить, с чего это вы заговорили об этом?

— Вчера ночью, — замялся Косухин. — Увидел золотое свечение, вспомнилось...

— Понимаю! Зрелище, конечно, любопытное. Возможно, из-за подобных явлений родилась легенда о золотом небе. Не слыхали? Предание давнее, встречается у многих народов, в том числе у славян. Смысл его в том, что небо состоит из нескольких уровней. Наш, голубой, — нижний, а самый верхний, так сказать, истинный, — из чистого золота. Именно там живут боги...

— А Пачанг? Он... Тоже на золотом небе?

В ответ послышалось хмыканье:

— Легенда о Пачанге, мягко говоря, не имеет к этому преданию никакого отношения. Истинный Пачанг находится не в небесах, а вообще за пределами этого мира. Знаете, господин Хо, я бы мог порекомендовать вам кое-что из популярной литературы...

Оставалось поблагодарить язвительного фольклориста. Ясности не прибавилось, и Косухин решил выбросить пока из головы воспоминания о том непонятном, что довелось увидеть. Может, в Пачанге ему объяснят — если, конечно, в городе еще уцелел кто-то, способный объяснить.

Валюженич не ошибся. После полудня отряд подошел к гряде высоких скал, за которыми начинался спуск в долину. Здесь решили не задерживаться, всем хотелось побыстрее покинуть надоевший лед. Сразу же за скалами резко потеплело. Казалось странным, что совсем рядом лежит недвижная туша ледника. Идти стало легко, ноги сами несли вниз, приходилось то и дело останавливаться, чтобы успеть разведать дорогу.

Где-то через час тропа вывела на большую площадку, откуда открывался вид на долину. Валюженич, вооружившись картой, уверенно заявил, что они у цели. Чиф настроил бинокль и поглядел вниз.

...Пыль. Вся долина затянута белесой пеленой. Впрочем, кое-что он понял сразу: долина была пуста. До самого горизонта — ни человека, ни всадника. Пыль — и тишина. Косухин взглянул чуть дальше и увидел большое темное пятно, над которым неспешно поднимались черные клубы дыма. Пачанг... Они опоздали.

ГЛАВА 5

НИКА

Виктория Николаевна неторопливо шла по тротуару, стараясь не смотреть по сторонам. Это давалось нелегко, все время тянуло оглянуться. Сейчас будет витрина... Ника остановилась, делая вид, будто разглядывает нелепые ситцевые платья, а затем осторожно взглянула назад. Нет, ничего подозрительного. Она дважды пересаживалась с трамвая на трамвай, а потом удачно выбрала маршрут — через пустынные переулки, где любой подозрительный сразу же будет виден. Виктория Николаевна не имела опыта конспиративной работы, но прекрасно запоминала лица.

Ника посмотрела на свое отражение в витрине и покачала головой. Интересно, что сказали бы знакомые, считавшие ее первой модницей Столицы! Старая шляпка почти закрывала лицо, а пальто, позаимствованное из гардероба домработницы, уродовало фигуру, делая молодую и привлекательную женщину похожей на потертую жизнью провинциалку. Собираясь на эту встречу, Виктория Николаевна хотела подгримироваться, вспомнив давний опыт любительских спектаклей, но в конце концов поступила совершенно иначе, вообще отказавшись от косметики. Так ее узнать еще труднее. В последние месяцы приходилось долго стоять перед зеркалом, чтобы оставаться похожей на себя прежнюю.

...Когда-то Ника считала себя красавицей, ей хотелось, чтобы это замечали все. Теперь эти «все» перестали существовать, а тот, ради которого имело смысл останавливать время, не был рядом. Да, она изменилась, это читалось во взглядах знакомых, подруг. Изменилась... Ника даже про себя не могла произнести слова «постарела».

Виктория Николаевна посмотрела вперед. Газетный киоск, рядом — афишная тумба. Теперь — незаметно поглядеть на часы... Кажется, она не опоздала. Нужно обойти киоск и стать у самой кромки тротуара. Интересно, придет ли тот, другой? Обычно на свидание с нею мужчины не опаздывали, но здесь был иной случай. Человек, с которым предстояло увидеться, мог не появиться не по своей воле. Виктория Николаевна хотела вновь взглянуть на циферблат, но сдержалась. Не стоит рисковать — прохожие иногда бывают весьма наблюдательны...

Машина затормозила неожиданно и как-то беззвучно, шум тормозов утонул в уличном гуле. Щелкнула дверца:

— Садитесь!

Уже оказавшись в машине, Виктория Николаевна вспомнила, что не поглядела ни на автомобиль, ни на шофера. На миг стало страшно, но затем, быстро оглядевшись, она успокоилась. Все правильно: большой, не очень новый «ЗиС»... Когда машина тро-

нулась с места, вклинившись в поток автомобилей, мчавшихся по Ленинградскому шоссе, Виктория Николаевна наконец взглянула на того, кто был за рулем. И тут описания совпали, только она почему-то представляла этого человека старше.

— Здравствуйте! — Водитель разговаривал, не поворачивая головы. — Я Флавий.

— Ника... — Давнее прозвище прозвучало так тихо, что пришлось повторить. — Я Ника, меня прислал Терапевт.

— Хорошо...

Голос Флавия звучал холодно, даже безразлично. На какой-то миг он все-таки обернулся, скользнул взглядом. Вновь вернулся страх. Поможет ли ей этот человек? Интересно, почему он назвался Флавием? Ничего древнеримского, обычное лицо, не из тех, что нравятся женщинам. Таких, неприметных, тринадцать на дюжину. Разве что взгляд — резкий, напряженный и одновременно властный. Сколько ему лет? Спросить?

— Можно вопрос?

— Можно. — Тон был таким, что у Виктории Николаевны почти пропала охота спрашивать.

— Простите... Сколько вам лет?

Человек рассмеялся — коротко, дернув уголками губ:

— Вопрос снимается, как нарушающий конспирацию. Тридцать пять.

Да, он выглядел старше. Впрочем, не ей замечать такое...

— Увы, рядом с вами смотрюсь болотным пнем. Вы меня еще в парике не видели!

Кажется, Флавий был способен даже на комплименты. Но вот парик — зачем?

— Сейчас мы повернем налево. Там будет тише — поговорим.

Ника кивнула. Она вдруг поняла, чем может привлекать этот человек — надежностью. Это было заметно по всему: как он вел машину, разговаривал, даже усмехался...

— Как там Терапевт?

Виктория Николаевна не сразу нашлась, что сказать. Терапевт чувствовал себя в последние дни плохо. Очень плохо...

— Не очень... Его хотели уложить в больницу. Сердце...

— А почему не лег? — Флавий резко дернул плечами. — Ну, интеллигенты! А еще врач!

— Не любите интеллигентов? — обиделась Ника.

Вновь усмешка — такая же короткая:

— Узнаю! Эмоции: люблю, не люблю... Здоровье — тоже оружие. Больной — плохой боец.

— А для вас люди — прежде всего бойцы?

Флавий и на этот раз улыбнулся. Машина мчалась по шоссе,

удаляясь от центра. Скоро начнутся пригороды, там действительно будет спокойнее...

— Вы напрасно задираетесь, Ника. От жизни товарища Терапевта зависят жизни многих людей. Неужели его здоровье не имеет значения?

«Товарищ Терапевт» прозвучало настолько непривычно, что Ника не сразу сообразила, как ей ответить.

— Вы, наверное, правы... господин Флавий. Но для меня товарищ Терапевт прежде всего человек, которого я очень уважаю и очень люблю!..

— Тем более надо было уложить его в клинику!.. Насколько я понял, вы из «бывших»?

Стало тревожно. Терапевт предупреждал: Флавий — большевик, из самых твердокаменных.

— Это... будет иметь значение?

Ответа не было. Машина миновала большой парк, больницу и приближалась к Речному вокзалу. Не доезжая сотни метров, Флавий резко повернул налево. Теперь они ехали по пустой аллее. В летние дни сюда часто заходили отдыхающие, но в этот холодный апрельский день никто не пришел, чтобы прогуляться перед поездкой на речном трамвае. Авто затормозило, Флавий быстро оглянулся и удовлетворенно кивнул:

— Порядок! Отсюда не увидят... Поговорим. Так вот, насчет «бывших»... В данном случае это не будет иметь значения, поскольку за вас ручается Терапевт. Что он рассказал о нас?

— Ничего... — Внезапно Нике показалось, что она на допросе. — Он лишь сказал, что у вас есть сведения о Юрии...

— Об Орфее, — резко прервал ее Флавий. — Ника! Сейчас и в дальнейшем — никаких имен! Здесь нас никто не услышит, но имя может вырваться у вас потом, случайно...

— Извините... Об Орфее. Он еще сказал, что вы хотите поговорить со мной...

— Ясно...

Флавий на секунду задумался.

— Но сначала вот что... Мы — небольшая подпольная группа. Наша цель — спасти тех, кого еще возможно. Как программа-максимум — несколько обуздать террор. Нас мало, и мы очень разные. Терапевт, как и вы, из «бывших», абстрактный гуманист...

— Это плохо? — Стало еще обиднее. Флавий не выбирал выражений.

— Я лишь пытаюсь пояснить. Орфей просто не успел на гражданскую...

Орфей? Мысль показалась дикой, но затем вспомнились их разговоры, рассказы Юрия об отце, о брате. Тогда она не обращала внимания...

— Обо мне вы уже составили представление. Есть еще Марк — тот вообще Стенька Разин... В общем, Ноев ковчег.

Виктория Николаевна кивнула. Вот, значит, с кем работал Юрий. А она не знала, она ничего не замечала!

— Извините... Орфей давно в вашей организации?

Флавий удивленно поднял брови:

— Это имеет значение?

— Да. Очень большое.

— Четыре года...

Как же она не поняла, не увидела? Но ведь Юрий ничего особенного не делал! Правда, книга... Он написал книгу — роман об Иисусе Христе! Спросить? Нет, ей не ответят. Лучше о самом главном.

— Господин Флавий, где сейчас Орфей? Что с ним?

— Его перевели из Казанской спецлечебницы в Столицу. Точнее, в новую клинику за городом.

Дыхание перехватило: Юрий здесь, совсем рядом! Новая клиника — всего лишь полчаса на автобусе! Но Ника тут же опомнилась. Это не та больница, куда можно пройти с кульком апельсинов.

— Состояние его прежнее. Ничего не помнит, полная амнезия. Если, конечно, не симулирует, но это почти невозможно...

— Помню...

...Когда пару месяцев назад Терапевт рассказал ей, что Юрий жив, но болен, Ника вначале обрадовалась. Он в больнице, а не в шахте или на заполярной стройке! Но затем до нее дошло: Орфей потерял память. Нет, не потерял, эти сволочи с ним что-то сделали!..

— А пригласил я вас сюда не только из-за этого, — помолчав, продолжал Флавий. — Ника, вам надо скрыться. Немедленно, сейчас...

— Что?!

— Они заинтересовались вами, и очень серьезно. Это как-то связано с Орфеем...

Виктория Николаевна ответила не сразу. Вначале надо было осознать, привыкнуть. Выходит, самое страшное еще не наступило? Скрыться — куда? Уехать из Столицы не так сложно, но ее найдут и в Питере у тетки, и в Тамбове у двоюродной сестры...

— Если вы согласны, мы сейчас заведем мотор и отправимся туда, где вы будете в полной безопасности.

Это прозвучало настолько просто, что Виктория Николаевна невольно улыбнулась:

— А разве такое возможно? «От их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей»?

Флавий улыбнулся в ответ — весело и немного озорно:

— Да, Ника. В свое время Орфей просил защитить вас. Мы держим слово... У вас остались дома какие-нибудь бумаги, вещи?

Ника чуть не рассмеялась. Вещи? У нее дома полно вещей, почти все — дорогие, ценные, платьями можно набить несколько чемоданов. Драгоценности, оставшиеся от матери, золотые безделушки, подаренные мужем... А ее угораздило выйти в город, надев старое пальто, которое Наташа, их домработница, как раз собиралась отдать старьевщику!

— Нет, ничего у меня там не осталось. Бумаги я давно сожгла...

— Хорошо... — Флавий задумался. — Вашему мужу, мне кажется, ничего не будет грозить. Он ведь личный пилот Сталина?

— Он мне уже не муж...

Флавий удивленно повернулся, и Ника поспешила пояснить, хотя разговаривать на эту тему было неприятно:

— Я подала на развод. Надо было сделать это давно, ведь у Саши... у Александра Артамонова другая семья. Он не хотел разводиться из-за карьеры, боялся за свой партийный билет. А я...

...Вначале она не разводилась, еще надеясь, что Саша одумается, вернется. Потом, когда у него родился ребенок от той, другой, муж уговаривал подождать. Ника не настаивала: перспектива оказаться в коммуналке без средств к существованию не радовала.

— Хорошо, — подытожил Флавий. — Тогда все в порядке, можем ехать...

Несмотря на бодрый, решительный тон, Виктория Николаевна вдруг поняла, что этот человек думает совсем о другом. Что-то не так, он сказал еще не все...

— Господин Флавий, — ее рука легко коснулась плеча подпольщика. — Вы что-то хотели мне сообщить?

— Не знаю... — неохотно откликнулся он. — Вы — подруга Орфея, я обязан позаботиться о вас...

Виктория Николаевна кивнула:

— Да, конечно... Вы принимаете меня за избалованную светскую даму, с которой следует обращаться, словно с дорогой куклой? Велели спрятать — вы прячете. Я способна на большее, господин Флавий!

Подпольщик молчал, лицо его оставалось невозмутимым, но Ника чувствовала — ей не верят. Она заговорила вновь — быстро, боясь, что не успеет все сказать:

— Вы правы, я много лет жила без всяких забот, даже не работала, и не только потому, что Саша... Артамонов, был против. Мне нравилось — покой, свободное время, отдельная квартира. Я прожила так до тридцати лет — пусто, бессмысленно. Оказалось, что я не нужна даже собственному мужу... Но теперь я стала

другой! Я... я хочу помочь вам, Терапевту, всем остальным... И я не могу оставить Орфея. Господин Флавий, вы же должны хорошо разбираться в людях, поверьте мне...

Флавий медленно покачал головой.

— Я вам верю. Но речь о другом. Самое простое: вас арестуют и спросят обо мне, о Терапевте...

— Я буду молчать!

Подпольщик грустно улыбнулся:

— Молчать *там* вы не сможете...

Виктория Николаевна закусила губу и отвернулась, не желая, чтобы Флавий видел ее лицо. Да, правда, она не выдержит. Подпольщик прав — куклу надо прятать в сундук. Красивую куклу, правда, немного постаревшую, с непрошеными морщинками в уголках губ... Но ведь Юра выдержал!

— Скажите, господин Флавий, Орфей не выдал вас?

— Нет, никаких признаков, — ее вопрос, кажется, удивил, подпольщик ждал чего-то другого.

— А ведь ему наверняка угрожали, может быть, не только угрожали...

Флавий задумался:

— Все не так просто. Он молчал о группе прежде всего потому, что его арестовали совсем за другое. И кроме того, Орфей — очень сильный человек. Он может играть с ними на равных.

— Если смог Орфей, смогу и я. Я очень изменилась после его ареста. Я состарилась, господин Флавий! Со старостью человек умнеет, даже такой, как я...

— Нам это не грозит, — спокойно отреагировал подпольщик.

— Поумнеть?

Ника чувствовала, что Флавий колеблется.

— Нет, состариться. При нашей работе... Ладно, Ника. Терапевт ручается за вас, да и я вам верю. Слушайте...

Поверили! На миг Ника почувствовала радость. Так хорошо ей не было уже много месяцев. Она не кукла! Она сможет что-то сделать!..

— О группе *они* не знали и не знают — пока. Но ваш друг был им нужен для какого-то важного дела. Надо узнать, для чего именно. Сейчас Орфея привезли в Столицу, вероятно, чтобы попытаться вернуть ему память. Вы нужны им именно для этого. Не представляю, что они задумали, но нам очень важно установить контакт с Орфеем и постараться понять, что кроется за всем этим. Риск чудовищный, но, кроме вас, послать некого...

Ника молчала, обдумывая услышанное. Подпольщик внимательно наблюдал за нею.

— Вы думаете, я нужна им для того, чтобы вылечить Орфея? Но зачем? Я ведь все-таки окончила медицинский... Неужели встреча со мной способна вылечить? Я не настолько самонадеянна...

— Я не учился на медицинском, — спокойно ответил подпольщик. — Может, они думают, что Орфей все-таки симулирует, и хотят на него надавить. А может, что-то другое. Я знаю этих людей, они редко ошибаются. Если вы нужны им — значит, нужны...

— Ну тогда, — она секунду помолчала, затем резко выдохнула. — Согласна! Я не подведу вас. Ни вас, ни Терапевта...

— Верю... — подпольщик еле заметно улыбнулся. — На всякий случай, если они все же знают о группе и спросят вас...

Он жестом остановил Нику, пытавшуюся что-то сказать.

— Опишите меня — машину, внешность... Ну, внешность можете слегка изменить. Скажите, что меня зовут — ну, скажем... Лантенак...

— Маркиз? — От неожиданности Ника чуть не засмеялась. Флавий невозмутимо кивнул:

— Совершенно верно. Если не отцепятся, уточните, что в разговоре с вами я упоминал Фротто, Рошжаклена... Ну и так далее. Историю Франции еще не забыли?

— Вандея?

Слово показалось почему-то знакомым, причем не только из книжек. Ну конечно, ей же рассказывали, об этом говорила вся Столица!

— Вы, кажется, поняли, — кивнул подпольщик. — О «Вандее» сейчас немало болтают... а мы не станем мешать. Но это на крайний случай. Теперь...

Он быстро оглянулся, но на аллее было по-прежнему пусто.

— Я высажу вас у метро, и с этого момента действуйте одна. С Терапевтом видеться запрещаю. Когда они на вас выйдут, держитесь естественно. Не пытайтесь разыгрывать спокойствие, вы испуганы, вы волнуетесь за Орфея. Но сразу не соглашайтесь, требуйте объяснений, гарантий, пока не нажмут всерьез. Вот тут уже капитулируйте. А в дальнейшем, увы, я вам не советчик... Бойтесь человека в капюшоне, который очень не любит дневного света. Он самый опасный, ему нельзя верить ни в чем. Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ Флавий!

Она постаралась пошутить, и это удалось — подпольщик хмыкнул:

— Желаю удачи, *госпожа* Ника!

Домой Виктория Николаевна возвращалась затемно. Фонари горели вполнакала, и переулок, где она прожила столько лет, казался мрачным и неуютным. Возле ворот Ника заметила двух крепких молодых людей в одинаковых плащах и столь же похо-

жих шляпах. Мелькнула мысль о новых соседях, вышедших подышать свежим воздухом, но тут же стало ясно: это не соседи, не подгулявшая компания и даже не грабители, поджидающие поздних прохожих. Сердце упало: началось! Ход сделан — «малиновые» спешат показать, что она уже несвободна, ее сторожат, следят за каждым шагом... Пусть! Страх исчез, оставались презрение и гадливость. Вся их подлая шайка не смогла победить нескольких смелых людей! *Они* не всесильны! Сейчас *им* кажется, что *они* имеют дело с пугливой истеричкой. Ладно, увидим! Ника спокойно прошла мимо соглядатаев и даже заставила себя улыбнуться. Ближайший молодой человек отодвинулся в сторону и вежливо приподнял шляпу...

Два дня прошли спокойно, никто не звонил, не приходил навестить. В огромной квартире было пугающе пусто. Муж, как всегда, был где-то далеко. В последнее время его командировки стали особенно длительными и, как догадывалась Виктория Николаевна, опасными. Наташа, домработница, еще не вернулась из отпуска. Вначале это даже радовало. Можно было успокоиться, без помех подумать о том, что предстоит. Первый день Виктория Николаевна не выходила из дому, время от времени поглядывая в окно. Молодые люди в одинаковых плащах, сменяясь, простояли у ее подъезда до полудня, а затем исчезли. На следующее утро Ника все же решилась. Тщательно приведя себя в подобающий вид, она надела новый, недавно купленный плащ и, убедившись, что выглядит даже лучше, чем надеялась, не торопясь вышла на улицу. У подъезда никого не было, словно «топтуны» потеряли к ней всякий интерес. Впрочем, Виктория Николаевна слыхала о подобном: слежка снимается на день-другой, человек уже уверен, что беда миновала, и тут *они* вновь оказываются рядом...

Погода была превосходной, и Ника долго гуляла по Центру, заходила в магазины, внимательно приглядывалась к театральным афишам и даже заставила себя сходить на новую картину в «Арбатском». Фильм показался чудовищно глупым, и Ника порадовалась, что так редко бывает в кино...

...Слежку она заметила примерно часа через три, уже собираясь домой. Молодые люди, похожие, как близнецы, на прежних, проводили ее по Горького, через Манежную площадь и Собачью площадку. Ника постаралась держаться так, словно это никак ее не касалось. Обернулась она только возле самого дома. Пусто! «Топтуны» не стали провожать ее до подъезда. Наверняка вся эта затея нужна была не для того, чтобы выведать ее дневной маршрут. «Малиновые» намекнули: мы здесь, мы помним, мы не забыли...

В квартире стояла тишина, лишь надоедливо тикали большие

настенные часы. Ника повернула рычажок радиотарелки, висевшей на кухне. Тишина... Странно, в это время обычно передавали новости... Еще не понимая, что случилось, она подбежала к немецкому ламповому приемнику, нажала на кнопку... Мертво! Даже лампочка, подсвечивавшая декоративный рисунок на панели, не зажглась.

В случайности уже не верилось. Пока она была в городе, кто-то постарался, чтобы радио замолчало. Зачем? Испытать ее нервы? Пустая квартира, молчащее радио... Что еще может быть? Телефон? Ника подбежала к столику, где застыл большой черный аппарат. Телефон в их квартире работал без сбоев, начальство Александра Артамонова заботилось об этом в первую очередь. Уже догадываясь, что будет дальше, Ника сняла трубку...

Наконец пришел страх. Она была одна в пустой квартире, отрезанная от мира, словно замурованная в гробнице. Захотелось выбежать на улицу, уехать к кому-нибудь из подруг, а еще лучше — к Терапевту. Он ведь болен, надо справиться о здоровье... Виктория Николаевна подошла к окну: на улице пусто, никто не стоял возле дома. Вздохнув с облегчением, она уже прикидывала, что захватить с собой из вещей, когда наконец до нее дошло. Ну конечно, так она и должна поступить! Очевидно, «малиновые» остались не очень довольны. Жертва слишком много сидит дома, ни с кем не желает общаться. И вот ей снова намекнули...

Она чуть было не попалась. Еще бы немного — и Ника пошла к Терапевту, а за нею заскользили бы тени в одинаковых плащах. Неглупо! *Они* даже не поставили «топтунов» под окнами, словно приглашая: путь свободен...

Ника заставила себя успокоиться, присела в кресло, взяла с полки первую попавшуюся книгу. Она будет сидеть здесь, продуктов хватит еще на пару дней, потом выйдет на рынок — и снова домой. Она выдержит! Может, даже хорошо — нет соблазна позвонить кому-нибудь. Без радио можно и потерпеть...

Телефон ожил ночью. Такие звонки были привычны, мужа часто вызывали на очередное задание. Но, уже подбежав к столику, она остановилась. Александра не было дома, он уехал еще неделю назад. Ника схватила трубку — тихо. Не став кричать «Алло!», Виктория Николаевна осторожно положила ее на рычаг. Все ясно! Тем, кто звонил, нужен не уехавший летчик Артамонов, а она сама. Может, проверяли, дома ли, а скорее всего напоминали о себе. Мы здесь, мы не забыли...

Телефон звонил еще дважды — с перерывом в час, звонил долго, но Виктория Николаевна уже не вставала. Интересно, что *они* еще придумают? Отключат свет? Перекроют воду?

Наутро телефон вновь онемел. За окном было пусто. Ее вновь

приглашали пройтись по городу, навестить знакомых... Ника решила было не поддаваться, показать характер, но вдруг вспомнила разговор с Флавием. «Не пытайтесь разыграть спокойствие...» Подпольщик прав. Кто она для «малиновых»? Симпатичная дамочка из привилегированного круга, любящая наряды и драгоценности, терпящая измену мужа и изменяющая сама. Такая не выдержит — убежит из дому, будет жаловаться, искать помощи...

Подумав, Виктория Николаевна привела себя в порядок, поглядела в зеркало, оставшись в целом довольной увиденным, и спокойно вышла из дома. В переулке было пусто, лишь несколько случайных прохожих неторопливо шли по тротуару. Ника усмехнулась: кто-то из них был явно «не случайным». Ну что ж...

Она зашла на телефонную станцию и написала заявку о поломке аппарата. Увидев номер, дежурный крайне удивился, долго извинялся, уверяя, что в ближайшие же часы телефон заработает. Ника хотела было зайти в радиомастерскую, чтобы вызвать мастера, но решила подождать. Если телефон не починят, она пойдет в другую организацию — туда, где служит ее бывший муж. Интересно, решатся ли «малиновые» шутить с телефоном личного пилота Сталина?

Возвращаться в пустую мертвую квартиру не хотелось, как и ходить по магазинам, и Ника решила просто погулять по городу — куда глаза глядят, тем более погода вновь выдалась отменная. Попутно Виктория Николаевна решила проверить, сможет ли она заметить *их*?

Стараться не пришлось, она почти сразу же увидела знакомую парочку — молодых людей в одинаковых плащах. Они появились внезапно, словно из-под земли, и не торопясь проследовали за нею. Значит, кошки-мышки кончились... Ника заглянула в кошелек и, убедившись, что захватила с собой достаточно крупных купюр, подняла руку, останавливая такси. Краем глаза она успела заметить, что ее преследователи остановились, не пытаясь что-либо предпринять, а один из них вновь вежливо прикоснулся рукой к шляпе.

Таксист, подбодренный обещанием заплатить сверх счетчика, лихо промчался через весь Центр. Несколько раз Ника оборачивалась, но в потоке машин невозможно было различить преследователей. Да и смогут ли эти двое успеть? Не всемогущи же «малиновые»! Наверное, «топтуны» сейчас звонят по телефону, оправдываясь, что «объект» оказался не по зубам... Несколько успокоенная и даже повеселевшая, Виктория Николаевна велела таксисту остановиться у Пассажа, надеясь, что здесь ее потеряют окончательно. Щедро расплатившись с шофером, она вышла из машины... Те же двое! Улыбаются, один все так же галантно приподнимает шляпу...

В глазах потемнело. Все-таки *они* всесильны! Наверное, фокус не так сложен — проследить машину, обогнать, вежливо встретить... «Топтуны» отошли в сторонку, сделав вид, что любуются ширпотребом в витрине, а Ника все стояла у кромки тротуара, не в силах сделать и шагу. Бесполезно, все бесполезно! Пока с нею просто играют — вполсилы, без всякой злости. А что будет дальше? Флавий предупреждал! Ника впервые по-настоящему пожалела, что не приняла предложения подпольщика. Где бы ни пришлось скрываться, лишь бы не видеть этих ухмыляющихся вежливых лиц! Пока *они* вежливы, а потом? Ей не стать героиней. Ударят по лицу, раз, другой, она скажет все. И не потому, что так страшна боль, просто сопротивление не имеет смысла...

— Виктория Николаевна!

Голос показался знакомым. Ника обернулась: рядом затормозило небольшое серое авто. Из открытой дверцы выглядывал крепкий парень в форме гражданского воздушного флота. Молодое лицо улыбалось:

— Здравствуйте! За покупками собрались?

Она наконец узнала. Игорь Кобец — сослуживец мужа, летчик, летавший вместе с Чкаловым в Америку. В последний раз они виделись совсем недавно, на правительственном приеме...

— Здравствуйте, Игорь! А вы...

— Вот, обкатываю! — Летчик погладил автомобиль по теплому боку. — Из Штатов привез! Может, вас подбросить? Или вы в Пассаж?

Ника нерешительно оглянулась. «Топтуны» по-прежнему разглядывали витрину. Сумасшедшая мысль вдруг мелькнула в голове. Игорь — любимец Сталина, Герой Союза, таких, как он, «малиновые» обходят за версту...

— Игорь... — Она наклонилась к летчику. — Помогите!

— Что случилось? — Кобец недоуменно оглянулся. — Только прикажите!

Ника какое-то мгновение колебалась, затем решилась:

— За мной следят. Видите? Вон — двое...

Кобец быстро окинул взглядом тротуар, лицо его стало жестким и злым:

— Та-а-ак! Значит, уже за жену Артамонова взялись, сволочи! Вот суки, прошу прощения, Виктория Николаевна... Александр знает?

— Нет. Он в командировке...

— Ясно... — Летчик секунду подумал, затем ухмыльнулся: — Ну, сейчас будет цирк! По счету три садитесь в машину. Один, два...

Ника еще не успела хлопнуть дверцей, как мотор взревел, и серое авто помчалось по улице. Ника обернулась — «топтуны»

смотрели им вслед, и на лицах их уже не было усмешки. Кобец поглядел в зеркальце заднего вида.

— Ага! — констатировал он. — Вон, белая машина, видите?

Виктория Николаевна оглянулась, но различить в потоке нужную не смогла.

— Держитесь покрепче!

Ника кивнула, на всякий случай ухватившись за сиденье. Вовремя! На полном ходу машина свернула в переулок. Сзади послышался визг тормозов — белый «пикап» ехал следом. Кобец тоже заметил его, хмыкнул и внезапно свернул в темную подворотню. Ника охнула и закрыла глаза. Машина не снижая скорости промчалась по большому двору, распугивая домохозяек, развешивающих белье, и нырнула в ворота, выходившие в другой переулок, а затем вновь повернула, на этот раз на оживленную улицу. Ника открыла глаза, оглянулась. Белый «пикап», словно приклеенный, ехал сзади.

— Ничего! — улыбнулся Кобец. — Фокус номер два...

Машина проехала с километр и остановилась у перекрестка. Вспыхнул красный свет. Два трамвая — навстречу друг другу, начали неторопливо пересекать улицу.

— Иду на таран! — Игорь закусил губу и резко выжал газ. Ника даже не успела испугаться. Авто проскочило перед самым носом одного из трамваев. Яростный звон сигнала... Серая машина проехала сотню метров, а затем свернула на обочину.

— Пусто? — Кобец взглянул в зеркальце и покачал головой. — Нет, не верю!

Он повернул в узкий переулок, притормозил, а затем вырулил на большой, заполненный машинами проспект. Теперь они ехали обратно, в сторону Центра. Летчик, повеселев, принялся беспечно насвистывать.

— Игорь, — Ника оглянулась, но белой машины сзади уже не было. — Спасибо!.. Но вам ничего за это?..

— Мне? — Кобец хохотнул. — Да я завтра к Сталину пойду, пусть узнает, что эти гниды за Артамонова взялись. Ишь, летуны им понадобились!..

Летчик был прав, ее мужа в обиду не дадут. Но ведь они с Артамоновым, по сути, уже в разводе...

— А вы их... не боитесь?

Кобец вновь засмеялся, но ответил серьезно, без улыбки:

— Я, Виктория Николаевна, раз двадцать бился, мне на том свете, почитай, уже пятилетку прогулы ставят... Вас куда подбросить?

— Н-не знаю. — Шумный проспект отпугивал, и Ника поспешила указать на ближайший перекресток. — Здесь налево...

— Понял...

Машина свернула на небольшую тихую улицу, Кобец аккуратно притормозил у тротуара и оглянулся.

— Чисто! — удовлетворенно заметил он. — Ну что, понравилось?

— Очень! — Ника заставила себя улыбнуться. — Еще раз спасибо, Игорь.

Она открыла дверцу, собираясь выходить, но летчик придержал дверь:

— Погодите...

Он помолчал, а затем заговорил совсем другим тоном, без тени шутки:

— Мой знакомый, у которого старый «ЗиС», передает вам привет...

Ника замерла.

— Он считает, что опасность слишком велика. Если хотите, я отвезу вас к нему...

И тут Ника все поняла. Казалось, с души свалился тяжелый камень. Ее не бросили! У нее есть друзья, способные помочь даже сейчас! Хотелось немедленно сказать «да», сбежать, спрятаться и до конца дней молить Бога за большевика Флавия и Героя Союза Игоря Кобца...

— Значит, вы не случайно?

Летчик широко улыбнулся, но отвечать не стал. Ника захлопнула дверцу, уже все решив, и вдруг вспомнила: Орфей! Она уедет, а Юрий навсегда останется где-то там, больной, обреченный. Какая же она сволочь!..

— Мой знакомый сказал также, что опасность куда больше, чем думалось. Вами заинтересовались не только те, кто сегодня портил вам настроение, но кое-кто повыше...

Еще повыше? Ясно... Нике показалось, что она слышит голос Флавия. Итак, из нее не вышло героини. Три дня слежки, и она уже готова бежать куда глаза глядят. Но что она может? Последние дни сильно поубавили уверенности...

— Игорь, — она растерянно поглядела на летчика. — Понимаете... Мне надо подумать, хотя бы час...

Кобец вновь оглянулся и слегка нахмурился:

— Здесь стоять не могу. Через час — на том углу, где перекресток...

Он кивнул в сторону проспекта.

— Лучше никуда не ходите, Виктория Николаевна. Здесь тихая улица, погуляйте...

— Да, спасибо. — Она вышла из машины и внезапно обернулась: — А вы что посоветуете, Игорь?

Летчик пожал плечами:

— Раз наш общий знакомый считает, что вам лучше с ним

встретиться... Буду ждать всего минуту, если вас не увижу, значит — остаетесь...

— Да, — Ника попыталась улыбнуться. — Вы очень хороший человек, Игорь!..

У нее был целый час. Шестьдесят минут — без «топтунов» за спиной, на свободе. Итак, надо решать. Лучше всего действительно пройтись по тихой улице, где ее никто не знает и не сможет помешать...

Вначале Ника бездумно шла мимо старых пятиэтажных домов, давно нуждавшихся в свежей краске, и лишь через несколько минут сообразила, что улица ей знакома. Да, она уже бывала здесь! Года два назад они гуляли с Юрием... Ну конечно, где-то недалеко находится дом, где Орфей жил много лет! «Страна детства», как выразился он когда-то...

Вначале совпадение удивило, но затем Ника почувствовала в этом особый смысл. От ее решения, возможно, будет зависеть жизнь Орфея, и где подумать об этом, как не здесь? Жизнь Юрия... Ника заставила думать себя об этом отвлеченно, словно речь шла о ком-то постороннем. Нет, не о постороннем, а об Орфее, таком же подпольщике, как она сама, о том, кто работал вместе с Терапевтом, Флавием и Марком. Все остальное надо пока забыть...

Что она может? Нет, не так... Зачем она *им*? Вернуть Орфею память? Если попытаются применить гипноз, Ника нужна им как посредник, человек, хорошо знающий больного. Или все проще? *Они* считают, что Орфей симулирует. В этом случае ее приведут к Юрию, приставят к виску «наган»... Нет, едва ли. Орфей был в Казанской спецбольнице, там кадры достаточно опытны, чтобы распознать симуляцию. Тогда зачем?.. Но в любом случае она увидит Юрия! Увидеть, поговорить, запомнить, понять...

Ника неторопливо шла по улице, вспоминая знакомые места. За одним из домов мелькнула позолота. Купол! Ну конечно, здесь есть церковь — небольшая, старинная, о ней Юра тоже рассказывал! Ника ускорила шаг. Захотелось войти под древние своды, постоять в полутьме, глядя на неяркие огоньки горящих свечей. В церкви Виктория Николаевна бывала очень редко. Узнай об этом кто-то чужой, муж мог нарваться на крупные неприятности, и Ника как-то отвыкла. Она не бывала в церкви даже в последние страшные месяцы, хотя и часто молилась, но дома, тайком...

Виктория Николаевна свернула за угол и недоуменно остановилась. С церковью было что-то не так. Одна половинка обитых старым металлом дверей лежала на земле, другая — беспомощно

повисла на согнутых петлях, исчезла икона над входом... Ника сделала еще несколько шагов и все поняла. Значит, и этот храм тоже...

На сердце стало тяжело. Церковь, где крестили Орфея, куда он ходил ребенком... Почему-то показалось, что теперь Юрий совсем беззащитен, если даже эти священные стены не смогли устоять. Неожиданно пришла в голову страшная мысль: ее привозят к Орфею, Ника помогает ему выздороветь — а дальше? Юрий зачем-то нужен им — здоровый, помнящий. Его опять начнут допрашивать, а когда Орфей откажется говорить, револьверное дуло приставят ей к виску...

Это было настолько реально, что Ника почувствовала леденящий холод, будто смерть уже стояла рядом. Страшный ларчик открывается просто. Орфея не смогли сломать, его искалечили, лишили памяти. Теперь же им займутся более основательно, и Ника должна послужить надежным стимулом...

Она еле сдержалась, чтобы не броситься бежать — подальше, куда глаза глядят. Хорошо, что Кобец будет ждать! Она не опоздает, вот прямо сейчас она прочитает молитву и пойдет обратно...

...Но страх уже уходил. Вернулось спокойствие, а с ним — ясность. Да, и такое возможно. Ею заинтересовался «кое-кто повыше». Намек ясен, «кое-кто» — из окружения Сталина, если не сам Величайший из Великих. Может, от того, что Ника сможет узнать, будут зависеть жизни сотен людей — таких же, как она, Юрий, Терапевт, Игорь Кобец...

Виктория Николаевна нерешительно оглянулась. Захотелось зайти, хотя бы для того, чтобы после рассказать Орфею. Когда он сможет прийти сюда сам, здесь наверняка будет стоять какая-нибудь фабрика-кухня имени Челюскинской льдины. Ника подняла глаза к тому месту, где темнел след сорванной иконы, перекрестилась...

Внутри оказалось даже хуже, чем она думала. Исчез алтарь, пропали иконы, чьи-то руки изувечили фрески, от цветных оконных стекол остались лишь жалкие осколки. Ноги ступали по груде мусора — деревянных щепок, штукатурки, битых бутылок. *Они* добрались и сюда... Ника прошла к тому месту, где когда-то стоял алтарь, поглядела вверх. Фрески, украшавшие купол, уцелели. Пантократор спокойно и бесстрастно глядел с небес на разоренную, изгаженную землю. Стало горько — Всемогущий не защитил, не спас. Почему? Неужели они, Его создания, столь грешны, столь виновны? Ника опустила голову. Бесполезно! Некого просить о помощи, не к кому воззвать: защити и спаси рабов Твоих Юрия и Викторию, и всех иных, имена же их Ты сам веси...

Ника закрыла глаза, вспоминая молитву, которую она читала

давно, еще в детстве, но слова путались, не складываясь. Она забыла. Она зря зашла сюда...

Шорох... Кто-то был рядом. Ника резко обернулась.

...Возле разбитого окна, у кучи наваленных досок, стоял высокий старик в длинном темном плаще. Седые волосы касались плеч, но, несмотря на возраст, незнакомец держался удивительно прямо, не горбясь и не сутулясь. Он что-то внимательно разглядывал, держа перед глазами обломки разбитой доски. Ника почему-то не испугалась. Старик не походил на тех, кто разрушал храмы, и уж конечно, на ее «малиновых» преследователей. Мелькнула догадка — священник! Он не бросил гибнущий храм!..

Она подождала несколько секунд, а затем осторожно, стараясь не шуметь, подошла ближе. Старик медленно повернулся, на Нику в упор взглянули темные, близко посаженные глаза. Конечно же, он священник: небольшая седая борода, серебряный крест на груди...

— Здравствуйте!

Старик слегка поклонился, глядя по-прежнему строго и выжидательно. Ника заторопилась:

— Вы извините, я зашла сюда... Вы, наверное, настоятель...

— Нет... — он грустно улыбнулся. — Мой храм, как и сей, — руина ныне... Думал отца Леонида повидать, священника здешнего. Вот и пришел...

— Страшно!

Ника вновь оглядела осквернённый храм, подумав, как тяжело видеть такое тому, кто посвятил себя служению богу.

— Страшно, — согласился ее собеседник. — Но не разор страшен. Страшно то, что в душах, сотворивших сие. Вот, смотрите...

То, что было в его руках — обломки черной доски. Икона — Георгий, поражающий змия. Чьи-то руки сорвали ризу, изрезали и исцарапали краски, раскололи дерево пополам...

— Знаю икону сию, — продолжал старик. — Елена Владимировна Орловская ее храму подарила. Сын хворал, она его вымолила. Икона древняя, суздальского письма...

Ника осторожно прикоснулась к краю разбитой черной доски, и тут только поняла: Елена Орловская, мать Юрия! Конечно же, Орфей рассказывал об этом! Он тяжело болел, надежды уже не было...

— Можно?

Старик кивнул, и Ника взяла в руки то, что уцелело, два неровных обломка. Она попыталась соединить их, и на мгновение показалось, что икона цела. Георгий, божий воитель, глядел спокойно и немного устало, словно не радуясь победе. Может, знал, что ждет его дальше, — арест, пытки, казнь. Каппадокийский со-

тник, погибший за дело Христово шестнадцать веков назад, тот, кто хранит в небесах Юрия Орловского...

— Простите, отец... — Ника взглянула на своего собеседника, но тот покачал головой.

— Не служу я ныне. Зовите, как родители нарекли — Варфоломеем Кирилычем.

— Виктория Николаевна... Скажите, Варфоломей Кириллович, эту икону можно реставрировать?

— Мудреное слово, — старик улыбнулся. — Можно, Виктория Николаевна. Как-никак, памятник культуры древнерусской...

Последняя фраза прозвучала с недвусмысленной иронией. Стало немного стыдно: ее не поняли. Внезапно захотелось рассказать все, попросить совета. Ведь для этого и ходят в храм!

— Дело не в том, что она — памятник культуры. Я... Я знаю того, кому икона принадлежала. Этот человек... он мне очень дорог. Сейчас он в беде, ему нужно помочь. Но я не знаю, смогу ли...

Варфоломей Кириллович слушал, не перебивая, затем кивнул:

— И вы зашли сюда просить помощи...

Это был не вопрос — скорее констатация факта. Виктория Николаевна растерялась.

— Нет. Не совсем так... Просто я увидела церковь. Мы с ним бывали здесь... Варфоломей Кириллович, я не помощи прошу! Я просто не знаю, хватит ли сил. Мои друзья... Они думают, что я смогу...

— Отчего же им ошибаться? Верите ли вы им?

Верила ли она Терапевту? Флавию?

— Да, конечно!..

— Тогда поверьте и в этом. Кто ведает, может, они знают вас лучше, чем вы сами...

Но сомнения не исчезали. Слишком неравны силы. Несколько смелых людей — и громадная бесчеловечная машина, чудище — «озорно, стозевно и лаяй»...

— Люди слабы, — Варфоломей Кириллович как будто читал ее мысли. — Но слабы не тем, что сил не имеют. Слабы тем, что не хватает веры.

— В Бога? — чуть улыбнулась Ника. Что иное мог сказать священник?

— В себя, — спокойно возразил старик. — Потому и ждут знамения. Помните Евангелие? Без чудес даже Христу не верили. Дивно! Уже без малого двадцать веков Спаситель с нами пребывает, а мы все боимся. Не бойтесь, Виктория Николаевна!

— Я... я постараюсь.

Она понимала, что Варфоломей Кириллович по-своему прав, но одно дело — логика, другое — ужас, что творился в стране, омут, готовый затянуть ее саму...

— И вы ждете знака, — по губам старика скользнула усмешка, не злая, скорее чуть ироничная. — Неужто без этого так трудно поверить?

— Да. Трудно...

Ника поняла, что пора уходить. Она осторожно передала обломки Варфоломею Кирилловичу, и тут ей показалось, будто с ними что-то не так. Старик теперь держал икону совсем иначе, не придерживая рукой. Он повернул образ к свету, и у Ники перехватило дыхание: икона была совершенно целой, даже трещина, расколовшая ее пополам, исчезла.

— Это... — с трудом проговорила она. — Как это, Варфоломей Кириллович? Она же...

— Не ведаю, — Нике показалось, что в темных глазах блеснули веселые искры. — В ваших руках сей образ был, Виктория Николаевна!

— Но... я ничего не делала! — Ника растерянно огляделась, словно все это подстроил кто-то невидимый. — Почему?

— Говорил Спаситель: иным даже знамения мало, — покачал головой старик. — Вы женщина образованная, Виктория Николаевна, считайте сие реставрацией...

Ника не знала, что и думать. Фокус? Но зачем? Да и невозможно такое, трещина не исчезает без следа. Но... Разве дело в этом? Она спросила совета, не верила в себя, сомневалась...

— Я... я поняла, — выдохнула Ника. — Я все поняла, Варфоломей Кириллович. Спасибо вам!

Священник улыбнулся:

— Не мне. Трудно будет, позовите. Может, рядом окажусь. И главное — не бойтесь, Виктория Николаевна!..

Она кивнула и поспешила к выходу. Уже у порога, вспомнив, что не попрощалась, Ника обернулась, но старика в церкви не было. Наверное, он вышел через небольшую дверь у алтаря, которой обычно пользовались священники...

ГЛАВА 6

МРАМОРНАЯ СЛЕЗА

Виктория Николаевна подождала, пока серый автомобиль Игоря Кобца скроется за поворотом, и не спеша направилась к автобусной остановке. Уже ничего не вернуть, чашу, кем-то налитую, придется пить до дна...

Автобус подошел быстро, но Ника в последний момент решила не испытывать судьбу и пошла пешком. Так лучше думалось — не спеша, спокойно, без лишних нервов. Итак, оставалось ждать, пока *они* назначат встречу. В том, что это произойдет, Виктория

Николаевна уже не сомневалась. Надо подготовиться, собраться с мыслями...

...А может ли собраться с мыслями советский человек, знающий, что за ним следит Большой Дом? Едва ли... Подпольщик, настоящий враг народа либо исчезнет сразу, либо будет изображать полное неведение. А как должна вести себя супруга знаменитого летчика Артамонова? Испугаться? Да, конечно, в Стране Советов, где «так вольно дышит человек», *они* могут напугать кого угодно. Но Ника — не просто советская гражданка. Значит? Виктория Николаевна усмехнулась. Значит, она должна не только испугаться, ей следует возмутиться, скандалить, требовать защиты! Кобец обещал рассказать о случившемся Сталину. Едва ли получится, даже у Игоря. Но можно поступить проще...

Виктория Николаевна подошла к ближайшему телефону-автомату и набрала знакомый номер. Этот телефон дал ей муж еще два года назад, когда по Столице прокатился первый вал арестов. Следовало позвать Леонида Леонидовича. Как догадывалась Ника, двойной Леонид отвечал за безопасность специальной авиагруппы, которую возглавлял Александр Артамонов.

...Леонид Леонидович оказался обладателем мягкого баритона, который вполне подошел бы актеру, игравшему героев-любовников. Узнав, кто с ним говорит, он рассыпался в любезностях, осведомился о здоровье, успехах, а заодно о погоде. Ника терпеливо выслушала долгую тираду, представляя, как ее собеседник лихорадочно листает блокнот с записями или ищет в ящике стола необходимую папку. Скорее папку — за эти годы материалов на Артамонова и его супругу накопилось немало...

Наконец Нике удалось вставить слово. Когда-то она неплохо играла на любительской сцене, и «слово» прозвучало достаточно убедительно. Узнав, в чем дело, Леонид Леонидович умолк, причем надолго. Ника решила, что обладатель баритона просто испугался, но приятный голос вновь возник в трубке, посоветовав через пять минут перезвонить по другому номеру. Номер этот рекомендовалось ни в коем случае не записывать.

Виктория Николаевна подождала для верности не пять, а целых десять минут, после чего вновь вставила монетку в щель автомата. Трубку сняли сразу. На этот раз говоривший назвал ее «гражданкой Артамоновой», первым делом осведомившись, откуда она звонит. Получив ответ, он заметил: «хорошо» и попросил подробнее рассказать о случившемся. До конца, впрочем, слушать не стал, велев подождать. Виктория Николаевна представила, как этот неизвестный (почему-то он виделся ей высоким и худым, как жердь), закрыв трубку рукой, переговаривается с кем-то еще. Наконец в трубке прозвучало: «Вы слушаете?» — и тот же голос самым категорическим тоном заявил, что беспоко-

иться нечего, ибо все «мероприятия» имеют исключительно «профилактический характер». Сообщив эту абракадабру, говоривший распрощался, еще раз посоветовав не волноваться.

Ника осталась довольна. Пусть «малиновые» объясняются с руководством авиагруппы! Кобец прав — летчиков, подчинявшихся лично Сталину, Большой Дом предпочитал обходить стороной. Впрочем, если она будет излишне строптивой, *они* обойдутся без ареста и прочих формальностей, попросту зарезав в собственной квартире, как погубили Зинаиду Райх, супругу опального Мейерхольда...

Возле дома Нику поджидала знакомая пара — молодые люди в одинаковых серых плащах. Увидев ее, они заулыбались, в воздух вновь взлетела шляпа. Один из «топтунов» вежливо поинтересовался, хорошо ли гулялось. Стоило промолчать, но Виктория Николаевна не выдержала:

— Превосходно!

«Топтун» улыбнулся еще шире, и Ника рубанула с плеча:

— Бензин не надо экономить! Работнички...

Последовал сокрушенный вздох:

— Помилуйте, Виктория Николаевна! Чтобы для вас — и бензин жалеть! У товарища Кобца мотор фордовский, форсированный... А как вам церковь? Понравилась?

Удар был точен. «Малиновый» тут же взял реванш...

— Понравилась! — Виктория Николаевна заставила себя улыбнуться. — И включите радио, а то это уже свинство, причем мелкое!

— Всенепременно, всенепременно... — «малиновый» вновь прикоснулся к шляпе, но Ника, не пожелав больше разговаривать, быстро прошла в подъезд.

Радио работало. Даже ламповый приемник, мгновенно выздоровев, был готов ловить любую станцию мира. Ожил и телефон. Ника выглянула в окно, но «топтунов» и след простыл, словно «малиновые» и вправду устыдились своей неблагодарной работы.

Два следующих дня прошли совершенно без происшествий. Телефон исправно звонил. Никой интересовались подруги, подал весть Игорь Кобец, сообщивший, что «вопрос» улажен, а поздно ночью позвонил муж. Артамонов коротко сообщил, что находится «очень далеко», но в случае необходимости готов немедленно вылететь. Похоже, Александр уже узнал — от Кобца или от таинственного Леонида Леонидовича. Ника поблагодарила, но просила не беспокоиться. Впутывать его не имело смысла.

Их развод был делом решенным, а сыну Артамонова от той, другой женщины, шел третий год...

...Виктория Николаевна ни разу не видела эту «другую», бывшую буфетчицу на одном из сибирских аэродромов. Наверное, еще три года назад им с Александром следовало развестись. Приходилось видеться с Орфеем украдкой, большую часть времени посвящая никому не нужным встречам, вечерам, приемам. Конечно, позови ее Юрий в свой холодный флигель, Ника бы не раздумывала, но Орфей ни разу даже не намекнул на это. Ника обижалась. Иногда ей казалось, что Юрию она просто не нужна. Может, именно из-за этого ее рассыпавшийся и никому не нужный брак продлился так долго.

Теперь наконец все стало ясно. То есть почти все. Неужели Юрия арестовали из-за романа? Конечно, в эти годы человек мог погибнуть и за меньшее, но теперь, после знакомства с Флавием, Виктории Николаевне начало казаться, что Орфей писал что-то другое, еще более опасное. А жаль, если роман, о котором они столько говорили, так и не будет написан.

...Ника не могла забыть рассказы Орфея о страшных днях весеннего месяца нисана, когда по воле санхеддрина и с допущения пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата был погублен плотник из города Эн-Сарида Иешуа Га-Ноцри. Суд санхеддрина — судьи рассаживались широким кругом, дабы каждый видел глаза другого. Собирались поздно ночью, огонь зажигали лишь в центре, чтобы как следует рассмотреть обвиняемого. Такие заседания назывались «кровавыми»... Как поступили бы они, узнай, Кого убивают?

Вспомнились слова старого священника: «Иным даже знамения мало». Она не поверила тому, что видела своими глазами. Не поверила... Ее столетие не знало ни чудес, ни святых. Конечно же, старый священник просто хотел поддержать, помочь в тяжелую минуту. Наверное, Варфоломей Кириллович всю жизнь провел где-нибудь в глуши, пока до его тихого храма не добрались строители «самого справедливого в мире общества». Но старик все еще верил не только в Бога, но и в людей, Его забывших...

Ника проснулась ночью, внезапно. В квартире было тихо, все так же надоедливо тикали настенные часы, но Виктория Николаевна уже поняла: случилось! Она встала, накинула халат, достала папиросы. Курила она редко, но теперь не смогла сдержаться. Да, что-то случилось, Ника чувствовала это, и уверенность с каждой секундой крепла. Этот день, еще рождавшийся в серых сумерках зари, должен все решить. Оставалось ждать. Ника оделась, зава-

рила кофе и долго сидела на кухне, наблюдая, как бледнеет тьма за окнами. Скоро...

Телефон зазвонил в начале девятого. Ника аккуратно затушила папиросу и, удивляясь собственному спокойствию, подошла к аппарату.

— Слушаю...

— Доброе утро, Виктория Николаевна!

Голос внезапно показался знакомым.

— Да. Доброе...

...Она уже разговаривала с этим человеком — когда-то давно. Голос молодой, но какой-то странный, словно говоривший очень устал...

— Виктория Николаевна, не могли бы мы с вами встретиться?

Она хотела спросить «зачем?», но внезапно накатила злость:

— А ордер у вас имеется, молодой человек?

— А-а-а! — в трубке послышался невеселый смех. — Я не из того ведомства, что доставляло вам хлопоты. К тому же, у меня имеется рекомендация...

— О чем вы?

...«Хлопоты» — значит, он все знает. А какое именно ведомство, не так уж и важно, все одним миром мазаны!

— Я сейчас лежу в больнице. В новой клинике, на юг от города, знаете? Мой сосед по этажу вам немного знаком. Если вы желаете, мог бы рассказать...

Да, все верно. Именно так *они* должны начать...

— А мой телефон... Его вам дал он?

— Нет, конечно, Виктория Николаевна. Номер мне дали совсем в другом учреждении, равно как приказ повидаться с вами. Но с Юрием Петровичем я действительно виделся, причем не раз. Так как мы договоримся?

— Простите, а вы сами-то — тоже больной?

— Самый настоящий, — Ника вновь услыхала невеселый смешок. — Отпустили на полдня по такому поводу. Но я не буйный...

Сумасшедший? Но неизвестный говорил вполне разумно...

— Давайте встретимся в городе.

— Хорошо... Только, Виктория Николаевна, я плохо знаю Столицу.

Такого она не ожидала. Если бы не слова о приказе и «учреждении», Ника готова была поверить, что с нею действительно говорит кто-то, только что вышедший из больницы. Внезапно ей стало весело.

— Ну, Мавзолей вы знаете?

— Во всяком случае, могу найти. Но там людей много.

— Хорошо... — Ника вспомнила вечно полную народа Глав-

ную Площадь. — Александровский сад. Там есть искусственный грот, слева — скамейка...

— Понял. В десять вас устроит?

Виктория Николаевна взглянула на часы:

— Да. Как я вас узнаю?

— Я буду в форме, так что не ошибетесь. Впрочем, я вас сам узнаю. Надеюсь, фотографии не очень врут.

— Это комплимент?

Странно... Ника представляла себе этот разговор совсем по-другому: тонкие намеки, затем угрозы...

— Конечно! До встречи, Виктория Николаевна...

Ника долго сидела у стола, держа в руке замолчавшую трубку. Все оказалось просто: позвонил молодой человек с приятными манерами, пригласил на свидание... Неужели он видел Орфея, говорил с ним?..

В Александровском саду было людно, хорошая погода словно приглашала погулять. Правда, на аллее мало кто задерживался, все шли вперед, к Главной Площади, или обратно — к Манежу. Ника прошла мимо изуродованного обелиска 300-летия Романовых и поспешила вперед, к небольшому гроту, странным образом уцелевшему возле мрачной краснокирпичной стены. Две скамейки — обе пустые. На циферблате — без трех десять...

— Виктория Николаевна?

От неожиданности она вздрогнула. Похоже, они оказались в этом месте одновременно, но неизвестный был наблюдательнее.

— Значит, левая скамейка?

...Новенькая красивая форма, большие темные очки, прикрывавшие глаза. Петлицы оказались не малиновыми, а почему-то голубыми. Летчик? Но у пилотов цвет немного другой...

Они присели на скамейку. Неизвестный достал папиросы, но тут же убрал коробку.

— Нет, не буду. Постараюсь бросить.

Нике стало интересно. Зачем очки? Неужели шпионы действительно обязаны носить дурацкие черные стеклышки?

— Вас мои очки смущают? — усмехнулся он. — Извините, с глазами не все в порядке.

Очки неизвестный все-таки снял, и Ника сразу же поняла — перед нею больной. Бледное, изможденное лицо, странные неживые глаза. И все-таки лицо показалось знакомым. Ника попыталась вспомнить. Лицо — нет, но голос... Да, голос! Еще когда он говорил по телефону!..

— Простите... Вы — Сергей? Сергей Пустельга?

В пустых, тусклых глазах что-то блеснуло.

— Мы... были знакомы?

— Ну конечно! — Она даже не обратила внимание на «были». — Как же вы не помните? С вашей-то профессией!

Последнюю фразу Ника произнесла не без иронии. Сергей грустно улыбнулся:

— Вот так подготовился к разговору! А я еще думал, с чего лучше начать?.. Для профессии своей я сейчас не очень гожусь: болен. У меня то же самое, что у Юрия Петровича...

И тут Нике все стало ясно. Сергей лежит в той же больнице, что и Орфей! Амнезия, потеря памяти...

— Я не помню не только вас, но и своих родителей, Виктория Николаевна. Впрочем, вас это вряд ли заинтересует. Я обещал рассказать о Юрии Орловском...

— Да, конечно... — очнулась она. — Вы его видели?

— Видел. Он на четвертом этаже в сорок третьей палате. Палата отдельная, два человека за дверью...

Сердце отчаянно билось. Значит, правда, Орфей в Столице, почти рядом! Он болен, его охраняют. «Два человека за дверью»... Кажется, Сергей сочувствовал — или хорошо разыгрывал сочувствие.

— Как он? Изменился... сильно?

— Я не видел его раньше. Впрочем — вот...

Пустельга достал небольшую фотографию. Ника еле сдержалась, чтобы не выхватить ее из рук. Да, это он, Орфей! Похудевший, изменившийся, но живой. Слава богу, живой!..

— Снимали позавчера, — пояснил Сергей. — На здоровье он не жалуется. Только память...

— Юрий... Он... совсем ничего не помнит?

Ника, не отрываясь, разглядывала снимок. Лицо Орфея стало совсем другим. Прежде у него не было такого взгляда! Словно сквозь знакомые глаза смотрел кто-то чужой...

— Почти ничего. Стерто все, что связано с личностью. Горация помнит. И, кажется, французский...

Странно... Впрочем, Виктория Николаевна, читала о чем-то подобном. Исчезает личность. Того Орфея, которого она знала, уже нет. Есть кто-то другой, запертый в одноместной палате на четвертом этаже с охраной у дверей. Этот другой помнит Горация, но не помнит ее...

Ника сама поразилась своему спокойствию. Не закричала, не задохнулась от боли. Наверное, потому, что уже поняла: этим не помочь.

— Я — немного врач, — она заговорила негромко, без эмоций. — Вы не могли бы точнее назвать диагноз?

Пустельга покачал головой:

— К сожалению, нет. Думаю, вы сможете узнать об этом сами.

Я, как вы уже догадались, появился здесь не по собственному желанию...

Он ничего не скрывал, и эта откровенность вызывала доверие. Возможно, в этом тоже был расчет — искренность всегда ценится.

— Я сотрудник Наркомата госбезопасности. Вам велели передать следующее: болезнь Юрия Петровича очень опасна, но излечима. Требуется ваша помощь. Если вы согласны...

— Но что я могу?

— Вы сможете спросить и об этом... Кстати, должен извиниться за своих, так сказать, коллег, — Сергей поморщился. — Мы попросили посмотреть за вами, чтобы вы не исчезли из города, а они, идиоты, устроили фейерверк...

Легче не стало. Что НКВД, что госбезопасность! Волки...

— Скажите, Сергей... — нерешительно проговорила она. — Вы думаете, излечение возможно? Вы не врач, но вы же контрразведчик, должны понимать...

Пустельга еле заметно дернул плечами.

— Понимаю так: Юрий Петрович нужен начальству позарез — здоровый и невредимый. Для этого они готовы пойти на все. Тот человек, который этим руководит, обычно не ошибается.

— Ясно... А вы, Сергей? Почему используют вас, больного? Для пущей убедительности?

— Наверное, — Пустельга вновь надел черные очки и отвернулся. — Мне сказали... Мне обещали, что, если вернут память Орловскому, вылечат и меня. Иначе... В общем, мне осталось немного...

Нике стало не по себе. Вот, значит, как умеют работать эти штукари! Она взглянула на Сергея. Молодой человек сидел по-прежнему отвернувшись, нелепые темные очки закрывали глаза...

— Я... должен вам кое-что сказать, Виктория Николаевна. Вы напрасно не ушли. Я специально не сразу установил за вами наблюдение, но вы чего-то ждали. Сейчас у вас уже нет выбора. Если не поможете — Орловский проживет недолго. Поможете — он попадет к ним в руки и вряд ли уцелеет...

Ника застыла, не в силах вымолвить слова. Самое страшное, о чем она боялась и думать, оказалось правдой.

— Мы все оказались причастны к чему-то страшному. Узнав такое, живут обычно недолго. Меня им даже не придется убивать — дойду сам. Но я подумал...

— Что вы предлагаете, Сергей?

Ей показалось, что эти слова произносит кто-то другой, посторонний, кому не надо бояться, кому не придется умирать.

— Играть по их правилам. Пока. Но наступит момент — уверен в этом! — когда вы окажетесь не в их власти...

— Разве такое возможно?

— Возможно!

Очки с глухим стуком упали на асфальт, но Сергей даже не заметил. Тусклые глаза загорелись живым светом.

— Возможно, Виктория Николаевна! Не верьте им, ни одному слову! Не верьте — и ждите. Если сможете, отомстите! За всех нас...

Пустельга поднял очки и резким движением сунул их в нагрудный карман.

— Вы справитесь! Они не всесильны...

— Я постараюсь, Сергей...

Ника старалась говорить спокойно, хотя в эту секунду ей больше всего хотелось вскочить и убежать — все равно куда, лишь бы подальше от этого ужаса.

— У меня к вам есть просьба... Виктория Николаевна, расскажите, как мы познакомились?

Ника чуть было не спросила: «Зачем?», но вовремя спохватилась.

— Мы с вами впервые увиделись... Да, конечно, в конце сентября прошлого года на премьере «Кутаиса» во МХАТе. Вы посмотрели на меня, я на вас... Кажется, с моей прической было не все в порядке...

Она поглядела на Сергея. Тот даже не улыбнулся — слушал, сжав губы и прикрыв глаза, словно опасался узнать что-то страшное.

— А познакомились мы с вами тоже в театре, но уже в Большом, на «Аиде». Миша Ахилло вас тогда представил как своего начальника, а вы еще шутили, что заставляете его по утрам делать гимнастику...

Пустельга кивнул, и Ника вдруг поняла, что ему больно — невыносимо, жутко.

— И потом еще раз, в самом начале ноября. Вы шли по набережной, была очень плохая погода...

Виктория Николаевна помолчала.

— Я еще тогда удивилась. Это случилось почти в том же месте, где я когда-то встретила... одного моего хорошего друга. Странное совпадение!..

— У вас хорошая память, — Пустельга встал и машинально одернул гимнастерку. — Спасибо! Может, еще увидимся...

Ника хотела ответить, но Сергей приложил руку к козырьку и быстро зашагал в сторону больших ажурных ворот, ведущих к Главной Площади. Вновь вспомнилась их последняя встреча. Тогда Пустельга тоже выглядел невеселым, но глаза были другими — живыми, яркими. Что *они* с ним сделали? Может, дело даже не в нем, а в ней самой? Ее хотели напугать — по-настоящему, до потери воли. Это почти удалось... Неужели он прав и она сможет что-то сделать? Но ведь и Флавий тоже думает так! И даже старый священник, видевший ее в первый раз в жизни, почему-то уверен... *Они* не всесильны? Может, правда? Нет, не может — правда! *Они* не всесильны!..

Ника почему-то представляла, что за нею приедет огромная черная машина, такая, как у Флавия, но обязательно с зашторенными окошками. Там будет несколько верзил в плохо сшитых штатских костюмах с револьверами под мышкой, ее грубо возьмут за руку, возможно, даже толкнут. Потом — кабинет с портретом усатого Вождя, лампа, направленная в глаза...

Все вышло иначе. Машина действительно оказалась большой, но не черной, а белой, без всяких шторок. В ней было двое — молчаливый шофер и симпатичный молодой человек, безупречно одетый и столь же вежливый. Никто не проверял документы. Нику пригласили занять место на заднем сиденье, и сопровождающий легко тронул шофера за плечо.

Ехали, как она и ожидала, к Центру, прямо к Большому Дому. Но случилось неожиданное: авто затормозило возле Исторического музея, у одного из запасных выходов. Виктория Николаевна удивилась, но без возражений прошла в предупредительно открытую дверь. Тут же вспомнилось — здесь работал Орфей... Она ожидала увидеть пыльную лестницу, но вместо этого за дверью оказался пост охраны — трое крепких молодых людей в форме с лазоревыми петлицами, таким же, как у Пустельги. Молодой человек кивнул, не став показывать никаких документов, но этого оказалось вполне достаточно. Их пропустили без слов.

Прямо за порогом действительно была лестница, но вела она не вверх, а вниз. Не успев удивиться, Ника шагнула вперед, услыхав за спиною предупредительное: «Осторожнее, эскалатор». И тут же ступеньки двинулись — бесшумная лента заскользила куда-то под землю. Виктория Николаевна схватилась рукой за поручень, оглянулась и с удивлением поняла, что находится в метро. Все было, как положено: два эскалатора, мягкий свет фонарей и глубокая наклонная шахта. Внизу блеснул свет — приближалась платформа. Ника поискала глазами название станции и с удивлением прочла: «Исторический музей». Может, новая, только что открытая линия? Но тогда здесь бы толпилось полно народу! Между тем платформа была пуста, лишь двое аккуратных парней с все теми же лазоревыми петлицами прохаживались возле эскалатора.

Сойдя с последней ступеньки, Виктория Николаевна растерянно оглянулась, но сопровождающий уже был рядом. Вежливо улыбнувшись, он кивнул в сторону одной из платформ. Ника взглянула на табло, где обычно высвечивалось время, но вместо этого увидела большую цифру 14. Спрашивать она не решилась, но внезапно сообразила, что совсем рядом — Главная Крепость. Не оттуда ли ведет линия?

Поезд появился минуты через три. Он был похож на обычный, но имел всего два вагона. Двери бесшумно раскрылись, со-

провождающий вновь кивнул, и Виктория Николаевна поспешила войти. Она оглянулась, пытаясь найти привычные сиденья, но вместо них увидела несколько мягких кресел и небольшие столики. Ника присела, двери негромко хлопнули, поезд тронулся. Сопровождающий опять улыбнулся и, не говоря ни слова, указал на лежавшие на столике свежие газеты. И вновь Виктория Николаевна поразилась: часть газет оказалась иностранными — на немецком, английском и даже китайском. Интересно, для кого предназначался этот поезд? В большевистской Столице отнюдь не поощрялось чтение «Таймс» или «Фолькише беобахтер». Ника взяла свежий номер «Фигаро» и стала с интересом просматривать заголовки. За этим занятием прошло несколько минут, и она вдруг сообразила, что поезд идет без остановок.

Ника успела проглядеть несколько заметок о последних показах мод в Париже и прочитать статью какого-то профессора Робера о раскопках на западе Турции, когда поезд слегка качнуло. Вагон остановился. Виктория Николаевна с сожалением положила «Фигаро» обратно на столик. Сопровождающий, ничего не сказав, поднял газету и, чуть поклонившись, вручил ее Нике. Отказаться она не решилась.

Платформа была совершенно такой же, как и первая, — пустой, с двумя крепкими парнями в «лазоревой» форме на перроне. Эскалатор стоял, но, как только Виктория Николаевна и вежливый молодой человек приблизились, черная лента бесшумно заскользила вверх. Ника быстро оглянулась, надеясь заметить название станции, но так и не сумела.

Эскалатор доставил Викторию Николаевну в небольшое помещение, где сторожили уже не двое, а целых пятеро. Тут пришлось показывать документы. Нике — захваченный из дому паспорт, а молодому человеку — маленькую темно-красную книжечку. Отсюда путь вел в подземный тоннель, освещенный большими фонарями, горевшими синеватым светом. Конец тоннеля терялся где-то вдали, но долго идти не пришлось. Метров через пятьдесят молодой человек кивнул в сторону небольшой запертой дверцы в стене. Ника послушно подошла ближе, сопровождающий вынул ключ и открыл замок. За дверью оказался лифт. Викторию Николаевну удивило количество кнопок: их было не менее трех десятков, но молодой человек, чуть подумав, нажал не одну, а сразу четыре.

Она так и не поняла, куда направляется лифт — вверх или вниз. В конце концов Ника решила, что они едут все-таки вверх. Если так, то за эти недолгие минуты они должны были подняться примерно до уровня десятого этажа. Подобных зданий в Столице почти что и не было, но Виктория Николаевна сообразила: тоннель, откуда они начали путь, мог находиться глубоко под землей.

Двери кабины бесшумно растворились. За ними оказался темный, освещенный небольшими тусклыми лампочками коридор. По бокам — двери, одна за другой, высокие, обитые черной кожей. Все они казались запертыми, во всяком случае, из-за них никто не появился, пока они шли по коридору. Все вокруг выглядело глухим, тихим, словно хозяева куда-то исчезли.

...От мужа Ника слыхала, что под Столицей построен целый город, где находятся запасные центры управления на случай войны, бомбоубежища, склады и даже тайник для нетленных останков Ленина. Может, она попала в один из таких центров, пока еще пустующих?..

Они остановились возле одной из дверей, как две капли воды похожей на все остальные. Ни таблички, ни номера не было, но молодой человек даже не стал стучать, просто толкнул дверь рукой и вежливо уступил дорогу.

Виктория Николаевна нерешительно остановилась на пороге. Любопытство, сопровождавшее ее всю поездку, внезапно сменилось страхом. Куда ее привезли? Это не Главная Крепость, не Лубянка. И сможет ли она вернуться домой, если не сейчас, то вообще когда-нибудь?

Похоже, сопровождающий понял ее колебания. На этот раз улыбка молодого человека стала совершенно обворожительной. Он повторил ободряющий жест, указав вперед. Ника вздохнула и перешагнула порог.

И снова — коридор, еще более темный и пустой. Правда, на этот раз короткий, больше похожий на узкую комнату без окон. В конце оказалась еще одна дверь, уже не обитая кожей, а гладкая, из полированного дуба. Сопровождающий вновь кивнул. Виктория Николаевна взялась за массивную резную ручку и потянула дверь на себя.

На этот раз ее встретила тьма — полная, кромешная. Ника замерла на пороге, услыхав, как за спиною захлопнулась тяжелая створка. Вокруг было тихо, лишь откуда-то издалека доносилось легкое гудение — возможно, там работал вентилятор. Секунды тянулись одна за другой. Страх исчез, вновь проснулось любопытство. Ника уже поняла — ее привели в большой зал, без окон, совершенно пустой. Странно, здешние хозяева очень любят темноту!..

И тут вспыхнул свет — небольшая лампа, укрепленная слева, прямо на стене. Ника охнула и невольно подалась вперед...

Да, она была в большом зале, хотя и не в таком огромном, как показалось вначале. Лампа горела над небольшим столиком, рядом с которым стояло глубокое кожаное кресло. Но не это уди-

вило — свет падал на странную блестящую фигуру, стоявшую у стены. Она всмотрелась: скульптура, кажется, мраморная...

Ника подошла ближе. Удивление возросло, сменившись подлинным изумлением, когда она поняла, кого изваял скульптор. Христос... Спаситель был изображен сидящим, на изможденном лице застыла тревожная дума, руки бессильно лежали на коленях. Художник даже не пытался передать пропорции тела, оно выглядело необычным, словно нечеловеческим, но все же это был Он, Спаситель в терновом венце, бессильно присевший по пути на Голгофу. Ника заметила на лице мраморную слезу. Странная фантазия пришла на ум художнику: слеза выглядела так, словно она стекала снизу вверх. Перевернутая слеза... Что этим хотели сказать?

Стараясь не шуметь, Виктория Николаевна присела в кресло, рассматривая мраморное изваяние. Скульптура была необычной, но еще удивительнее то, где она находилась. Христос в тайном большевистском логове? Это выглядело насмешкой, даже кощунством...

В полутьме мраморное лицо казалось живым. Кто-то позаботился о том, чтобы светильник расположили умело, высветив главное. Ника осторожно встала и, не удержавшись, прикоснулась к камню. Он показался теплым, словно хранящим тепло рук неизвестного мастера...

— К сожалению, копия... — голос прозвучал неожиданно, мягкий, спокойный. Ника оглянулась. Показалось, что неизвестный стоит рядом, но она ошиблась, голос доносился откуда-то из глубины. Приглядевшись, Виктория Николаевна заметила темный силуэт — кто-то высокий, широкоплечий сидел в таком же кресле, но у противоположной стены, где не было света. Прекрасная акустика позволяла говорить, не напрягая голоса.

— Да, копия, правда, авторская. Подлинник — в Каунасе. Нравится, Виктория Николаевна?

— Очень! — Ника заставила себя оторвать взгляд от лица Спасителя. — А почему Он... здесь?

— Вы ожидали увидеть Карла Маркса с большой бородой? — послышался негромкий смех. — Это в другом помещении. Пусть этот зал принадлежит Христу. Здесь хорошо думается. Как вам кажется, Виктория Николаевна, эту скульптуру одобрила бы Русская православная церковь?

Вопрос был настолько неожиданным, что Ника даже забыла, где находится. Она еще раз внимательно окинула взглядом мрамор:

— Не знаю... По моему, нет. Православная церковь вообще не одобряет скульптуры. И кроме того, Христос здесь другой. Он страдающий, и ему не просто больно...

Она не нашла слов и взглянула в сторону невидимого собеседника. Тот, похоже, понял:

— Выразить трудно, но суть вы уловили. Он не просто страдает. Он потерпел поражение и знает это. Причем это не человек, это — Бог. Бог, который всесилен, но все же не может исполнить задуманное. Поэтому Его боль — особенная... Православным такие глубины непонятны. Боюсь, местоблюститель Сергий, несмотря на всю свою преданность советской власти, не одобрит этот шедевр...

Разговор начался странно. Ника уже успела опомниться от неожиданности, но решила не спешить. Эти рассуждения — неспроста, неизвестный куда-то клонит...

— Православие вообще достаточно примитивно во всех отношениях, даже в догматике. До идеи чистилища, может быть, самой великой идеи христианства, оно так и не доросло. Кроме того, здешние попы даже внешне весьма антиэстетичны. Впрочем, католики со своей философией, по сути, скатились к манихейству. Додумались уравнять бога и сатану — тоже не особо умно!..

— А что есть истина? — Ника невольно усмехнулась. Кем, интересно, воображает себя этот философ?

— Ну-у! — Говорящий был явно доволен вопросом. — Это вы хорошо подметили! Увы, даже наш молчаливый мраморный гость из Каунаса в свое время не решился дать на это ответ. Впрочем, в трудах по марксистско-ленинской философии сказано, что истина — конкретна. В этом что-то есть. Но мы несколько увлеклись беседой...

Виктория Николаевна кивнула. Да, философская прелюдия закончилась. Сейчас начнется допрос...

— Разрешите представиться. Моя фамилия Иванов. Не очень оригинально, зато вполне демократично. Я — один из помощников товарища Сталина. Мне поручено решать все вопросы, связанные с делом Орловского...

Ника вновь кивнула, не став ничего переспрашивать. Нечто подобное она и подозревала. Значит, Орфеем заинтересовался сам Усатый! Это плохо, обмануть его куда труднее, чем «малиновых» опричников...

— Вы сомневаетесь в моих полномочиях? — Иванов истолковал ее молчание по-своему.

— Нет. С какой стати? — Ника взглянула на мраморное лицо Спасителя и не выдержала: — Интересно, а как вам разрешили держать здесь эту скульптуру? Или для таких, как вы, свои законы?

— Провели специальным решением Политбюро. Видите ли, здесь действительно хорошо думается. Христос был Богом, но у Него все же не вышло. Почему? Мы тоже хотим изменить мир, так что есть повод поразмышлять. Может, Ему помешал кто-то Другой? Или люди оказались просто не готовы?

— Но вы ведь атеист! — поразилась Виктория Николаевна. — Значит, вы обманываете остальных, а сами верите? И проводите все это решением вашего Политбюро?

— «Вашего Политбюро»! — Иванов точно скопировал ее интонацию. — А я еще не понимал термина «внутренняя эмиграция»! Смелый вы человек, гражданка Артамонова!

На «гражданку» Ника никак не отреагировала, хотя намек был прозрачен.

— Я не смелая... *господин* Иванов. Я совсем не смелая! И ни один нормальный... и даже советский человек не сможет быть смелым в нашей... в *этой* стране. Просто я зачем-то вам нужна, а как я отношусь к происходящему, стукачи наверняка уже доложили!

— Ого! — Иванов, похоже, был действительно удивлен. — Признаться, мне докладывали несколько иное. Теперь кое-что становится понятнее... Но ведь еще года два назад вы были совсем другая!

— Мы что... уже были знакомы?

Ника почувствовала внезапную слабость. Она не сдержалась. Зря, зря!..

— Представьте себе, как-то виделись, на одном из приемов. Кроме того, вами, естественно, регулярно интересовались, вы ведь все-таки супруга пилота «Сталинского маршрута»! Давно ли вы так переменились?

— С тех пор, как вы арестовали Орловского! — Ника с вызовом посмотрела на темный силуэт, и ей показалось, что Иванов кивнул.

— Ясно... В таком случае, разговаривать нам с вами будет несколько проще. Но для начала я вам отвечу. Лозунг атеизма был взят давно и не нами. К сожалению, вовремя исправить это не удалось. Собственно, «атеизм» не означает неверия вообще. Люди верят — даже атеисты. Речь идет о неверии в Высшую Силу. Тут можно бы и поспорить, но есть важный нюанс. Я лично не верю, что Христос был Богом. Я *знаю* это.

Полагалось бы удивиться, но Ника промолчала. Странные вещи говорил помощник товарища Сталина! Да, весь этот разговор затеян не зря, Иванов куда-то клонит, в чем-то желает убедить...

— Я знаю и согласен с этой частью христианского учения. Ошибка христиан в другом: они решили, что их Бог — единственный. Почему-то монотеизм считается вершиной религиозной мысли, а это, по-моему, всего лишь пережитки племенной психологии, когда дикари считали себя единственными людьми на свете. Их Бог тоже единственный — просто и понятно. Собственно, монотеизм в чистом виде никогда не существовал, у Бога обязательно оказывались ангелы, святые угодники, евреи додумались даже до Мессии... Скажем так: Христос — Бог, а точнее,

один из богов, попытавшийся спасти людей. Замысел не удался, увы. Теперь мы попробуем вновь, но иначе...

— А не боитесь, что вас... с неба. Огненным мечом?

Послышался смех:

— Судьба Люцифера? Ее можно было опасаться, существуй в самом деле дантовский ад. Но ада, насколько мне известно, нет. Есть нечто иное... Но не будем больше об этом, Виктория Николаевна! Суть дела вам уже ясна. Ваш друг, Юрий Петрович Орловский, тяжело болен. Не хочу вас пугать, но без быстрого вмешательства болезнь может стать необратимой. Из своих соображений мы заинтересованы в его излечении. Вы согласились нам помочь... Остается уточнить некоторые детали...

Иванов замолчал, вероятно, ожидая ее реакции, но Ника молчала. Иванов, кажется, упивается своей силой и всеведением... Но ведь Флавий знал все заранее! Значит? *Они* не всесильны!..

— Прежде всего... Виктория Николаевна, восхищаясь вашей политической непримиримостью, все же вынужден вас разочаровать. Юрий Петрович Орловский не относится к числу яростных и непримиримых противников советской власти. Тут вы его явно перещеголяли...

Ника замерла. Куда он клонит? Они редко говорили с Орфеем о политике, но, как Юрий относится к большевикам, более чем понятно.

— Юрий Петрович действительно имел основания быть недовольным. У него не получалось с научной карьерой, кроме того, семейные дела... Но все меняется. Его арестовали, в общем-то, за ерунду. Другие могли обидеться, но Юрий Петрович понял все правильно, и мы быстро наладили с ним сотрудничество. Ведь он редкий специалист — знаток дхаров. Раньше его не ценили, а напрасно!

— Вы... хотите сказать... — Ника чуть не задохнулась от возмущения. — Что Юра... Юрий Петрович... сотрудничал с *вами*?

— Откройте папку! Там, на столе...

На столике действительно лежала папка, которую Ника сразу не заметила. Она показалась легкой и тонкой, почти невесомой. Открыв ее, Виктория Николаевна вновь удивилась — сверху лежала бордовая корочка удостоверения. Тисненная золотом надпись: «Народный комиссариат внутренних дел»...

— Увидели? — подбодрил ее Иванов. — Смотрите, смотрите...

Ника раскрыла удостоверение и почувствовала, как дыхание перехватывает. Орловский Юрий Петрович. Звание — майор, место работы — Главное Управление НКВД, Столица... Продлено до ноября 1938 года...

Она схватила папку, еле удержавшись, чтобы не вытрусить ее содержимое прямо на столик. Фотографии: Орфей в форме, стройный, подтянутый, с кобурой на широкой портупее, стоит в компании каких-то военных. Бумага — выписка из приказа о при-

своении воинского звания, внизу «ознакомился» — и подпись Юрия. Несколько листочков: знакомый почерк, на верхнем название: «Краткий очерк истории дхаров»...

Нет... Этого не могло быть! Юрия могли сломать, искалечить, даже убить, но такое... Майор НКВД! Господи, что же это? В глазах почернело, и Ника бессильно откинулась на спинку кресла...

— Не удивляйтесь! — Голос Иванова звучал по-прежнему мягко и добродушно. — Не скажу, что Юрий Петрович полностью разделял наши идеалы, но он вполне понимал, что такое государственная необходимость. Несчастье случилось с ним на Урале, во время очень важной операции...

Это совпадало с тем, что удалось узнать Терапевту. Орфея привезли в Казанскую спецлечебницу именно с Урала...

— То, что он находится на «тюрположении», вас не должно смущать, Виктория Николаевна. Вы ведь познакомились с Сергеем Павловичем?

Вначале Ника не сообразила о ком речь, но затем до нее дошло. Пустельга! Интересно, знает ли Сергей обо всем этом? Похоже, нет...

— Сергей Павлович находится во всесоюзном розыске по совершенно нелепому обвинению, что не мешает ему активно работать. Жизнь — странная штука! Когда все завершится, вы, думаю, несколько смягчите свои крайние взгляды...

Ника молчала. Отвечать было нечего. Орфей — сотрудник Большого Дома? Сломали, заставили работать? Но подневольным зэкам не присваивают высоких званий, не одевают форму, не выдают оружия... Неужели он лгал? Ей, друзьям? Хорошо законспирированный сотрудник — то скромный служащий, то бесправный зэк... Ника беспомощно оглянулась, взгляд упал на искаженное болью лицо Христа. Слеза, странная слеза, словно не желающая падать. Бог, не сумевший спасти людей...

И тут словно завеса упала с глаз. Как она могла подумать! Кому она верит? Бумажки, фотографии... Орфей, прости!..

— Хорошо, я поняла... — Ника произнесла это как можно спокойнее, хотя хотелось закричать, кинуться на этого сладкоголосого. Флавий и Пустельга предупреждали! Не верить! Ничему не верить! Как же мог Орфей быть «малиновым», если не пострадали ни Терапевт, ни Флавий, ни Марк? Или они тоже — сотрудники Большого Дома? Нет, господин Иванов, плохо работаете!..

— Я вижу, вы успокоились?

Ника действительно успокоилась, ей даже стало весело. Значит, о группе «малиновые» не догадываются! И о том, что она — одна из друзей Флавия и Терапевта, тоже, иначе не пытались бы обмануть столь грубо! Ошиблись! Товарищ Иванов дал маху! *Они* не всесильны!

— У меня к вам неожиданный вопрос, Виктория Николаевна. Фамилия вашей матушки Бартеньева? Из князей Бартеньевых?

— Да... — после всего анкетные вопросы показались странными и нелепыми.

— Бартеньевы по одной из линий были, кажется, потомками одного известного рода. Тоже княжеского.

Ника пожала плечами:

— Бартеньевы — далекие потомки Курбских. Но не той линии, к которой принадлежал князь Андрей.

— Хорошо... Виктория Николаевна, прежде чем мы подведем некоторые итоги, вынужден задать вам еще несколько вопросов. Вы по-прежнему желаете помочь Юрию Петровичу?

— Конечно! — Ника заставила себя усмехнуться. — А что, по-вашему, должно заставить меня думать иначе?

— Нет-нет, что вы... Видите ли, хотеть можно по-разному. Вы уже поняли, что ничего страшного после выздоровления Юрию Петровичу не грозит. Он продолжит свою работу, надеюсь, успешно. Но, чтобы это случилось, придется очень рискнуть. Догадываетесь кому?

— Догадываюсь, — Ника почувствовала, как забилось сердце. Что-то у Иванова припасено напоследок. Что-то особое...

— Скажу честно: вылечить Юрия Петровича возможно, но тот, кто будет этому помогать, сильно рискует. И не здоровьем — жизнью. Процент риска... — Иванов на мгновение задумался, — повыше, чем у летчика-испытателя. Подробности вы узнаете позже, сейчас скажите лишь — согласны?

Рискнуть жизнью ради Орфея? И только? Ника чуть не рассмеялась. Если бы и остальное было так просто! Вновь захотелось крикнуть, но в последний момент Ника сумела сдержаться. Спокойнее, богиня Победы...

— Вы, наверное, уже догадались, что я согласна. О каких это подробностях вы говорили?

Повисло молчание, наконец темный силуэт колыхнулся.

— Ну что ж, давайте о подробностях...

ГЛАВА 7

ЭХО И ПУСТОТА

Солнце грело почти по-летнему, и Сергей впервые вышел погулять в халате, не надевая пальто. В больничном дворе он не задержался. Хотелось побыть одному, вдали от толпы больных, скорбных главою. Выйдя за ворота, Пустельга направился вокруг здания к лесу, что рос прямо под его окнами. Здесь было спокойнее. Так и тянуло отвернуться, стать спиной к огромному много-

этажному корпусу и просто смотреть на деревья. Он достал пачку «Казбека», подумал, вновь спрятал. Тот, настоящий Пустельга, не курил...

Последние дни прошли как-то странно. Сергея обследовали, лечили, сделали переливание крови — уже четвертое начиная с января. Стало легче, холод отступил, а солнечный свет не так резал глаза. Итак, Пустельга был полноправным пациентом лечебницы, но одновременно имел в своем распоряжении кабинет с телефоном, автомобиль и двух порученцев в штатском. Все вокруг делали вид, что ничего особенного не происходит. Возможно, так оно и было, в этой больнице случалось всякое.

То, чем он занимался, вызывало у Сергея странное чувство. Что-то было не так. Не только потому, что «объекты» — и Сорок Третий, и Виктория Николаевна — вызывали симпатию. Дело обычное: сбор информации, вербовка. Но... Этих «но» было слишком много.

...Сергей много раз пытался «услышать» эмоции любителя темноты. Не получалось. Иванов вовсе не казался невозмутимым, напротив, но его чувства проявлялись как-то странно. Дикая мысль то и дело приходила в голову. Он, Пустельга, может «слышать» людей. Иванова он «не слышит». Значит?.. И еще капюшон. Вначале Сергею казалось, что Иванов — кто-то из высшего руководства, но вскоре он понял, что его новый начальник не из членов Политбюро, не из Секретариата ЦК. Не подходил — ни по росту, ни по голосу. Тайный помощник Сталина со странными причудами — или просто с изуродованным лицом? Все могло быть, но Сергею почему-то казалось, что в темноте Иванову легче и проще, словно филину, боящемуся солнца. Сравнение так и просилось для агентурной клички. Секретный сотрудник Филин...

Но дело было, конечно, не только в этом. Пустельга давно уже понял, что Иванов играет нечисто. Скорее всего и Сорок Третий, и Виктория Николаевна обречены — как и он сам, липовый майор Павленко. Значит, он, смертник, вербовал смертников? Зачем Филину с ним возиться? Пустельга и так в розыске, к тому же успел узнать много лишнего. Доброта не входила в число недостатков, характерных для руководителей первого в мире социалистического государства...

Сергей все-таки не выдержал и закурил. Табачный дым показался на этот раз не́ горьким, а просто безвкусным. Он заставил себя докурить папиросу до половины и с удовольствием растер окурок каблуком.

Свист прозвучал неожиданно — откуда-то сверху. Пустельга резко обернулся — с балкона четвертого этажа за ним наблюдал опасный государственный преступник Юрий Орловский. Пус-

тельга помахал рукой, зэк усмехнулся и кивнул в сторону балконной двери. Сергея приглашали в гости. В эти дни он несколько раз собирался зайти к Орловскому, но это оказалось не так легко. Охрана, два здоровенных мордатых парня, была начеку. Удостоверение не подействовало — сотрудник Ленинградского управления не обладал властью в Столице. Но Пустельга не отчаивался. Мало ли куда его не пускали? Если бы все трудности были такими!

Пора было возвращаться. Сергей, с сожалением поглядев на залитый солнцем лес, побрел к воротам. Больных уже звали обедать. Пустельга представил себе, что опять придется глотать больничный суп, и поморщился. В последние дни аппетит совершенно пропал, ему даже стало казаться, что можно вообще обходиться без еды — и день, и три, и больше...

Его остановила охрана. Один из «наружников», козырнув, сообщил, что «товарища старшего лейтенанта госбезопасности» ожидает посетитель. Пустельга тут же подумал об Иванове, но сообразил, что тот не станет появляться днем.

Гость стоял неподалеку от входа — высокий, крепкий мужчина лет сорока в знакомой «лазоревой» форме. Три шпалы на петлицах — капитан госбезопасности. Заметив Сергея, посетитель пригляделся и быстро направился в его сторону. Пустельга почувствовал себя неуютно. Этому еще чего надо?

— Вы — майор Пустельга?

— Я...

Сергей вовремя прикусил язык. Пустельга — враг народа Пустельга — во всесоюзном розыске.

— Прошу прощения, товарищ капитан госбезопасности. Обознались!..

— Ах да... — на немолодом, загорелом лице мелькнула улыбка. — Прошу прощения, товарищ Павленко... Разрешите представиться: полковник Фраучи, командир спецотряда ОСНАЗ «Подольск».

Кажется, командир грозного спецотряда не собирался арестовывать беглого врага народа.

— Товарищ майор, у меня к вам разговор... Личный...

— Слушаю вас, товарищ полковник!

Мелькнула догадка: они были знакомы раньше. Почему бы и нет?

— Сергей Павлович, на меня возложено некое поручение... — Фраучи замялся. — Трудность в том, что придется говорить о человеке, которого вы, очевидно, не помните...

Сергей сразу же помрачнел. Еще один кусочек его настоящей жизни. Кажется, не самый лучший...

— К сожалению, лишен возможности объяснить вам суть, сам

теряюсь в догадках. В общем, речь идет о девушке, ее звали Вера Анатольевна Лапина...

Фамилия ничего не говорила, и Сергей почувствовал себя совсем невесело. Как он должен реагировать? Не спрашивать же: «Я был с ней знаком?»

— В общем, скажу, как есть... Вера Лапина умерла два дня назад. Перед смертью она велела найти вас и передать... Точнее, не так... Она просила, чтобы вы ее простили.

— За что?

Пустельга ожидал всякого, но слова полковника все же поразили.

Тот не спешил с ответом. Достав пачку «Иры», долго выбирал папиросу и наконец закурил. Похоже, разговор давался ему нелегко.

— Я уже изъяснял вам, Сергей Павлович, что подробностей не знаю. В последние недели Вера была без сознания, бредила. Вначале мы думали, что старший лейтенант Пустельга — плод ее фантазии. Но три дня назад, за день до ее смерти, мне на глаза случайно попалось объявление о розыске. Наверняка вы изволили догадаться, чье. Остальное было несложно. Увы, что-либо пояснить основательнее не могу...

— Постойте! — совсем растерялся Пустельга. — Товарищ полковник! Я же действительно ничего не помню. Помогите мне... Пожалуйста!..

Фраучи вновь не стал торопиться с ответом. Было заметно, что он колеблется.

— Хорошо... — недокуренная папироса улетела в сторону. — Факты таковы: старшего лейтенанта Пустельгу разыскивают за измену родине, шпионаж, а также... по подозрению в убийстве актрисы Камерного театра Веры Анатольевны Лапиной...

Почему-то Сергей не удивился. Чернявый Карабаев намекал на нечто подобное. Но что за чушь?

— Из слов Веры я понял, что ее использовали, дабы вас скомпрометировать. Она не могла себе простить... Однако же обязан добавить, что действовала она, по сути, в бессознательном состоянии, не ведая...

И вновь Сергей не удивился.

— Товарищ полковник! Меня обвинили в убийстве, но ведь Вера Лапина умерла два дня назад!

Фраучи кивнул:

— Вы меня поняли. Тогда, в ноябре, ее не убили — но сотворили нечто худшее. Насколько я понял, с вами тоже...

Сергей кивнул. Все ясно — болезнь, открытая молодым земским врачом! Бессознательное состояние...

— У нее была болезнь Воронина?

— Да... Ей ввели ВРТ в очень большой дозе. Организм не выдержал, хотя, быть может... — полковник на секунду замолчал, — сие и к лучшему. Как я понял, Вера искала у вас защиты, и вы ей помогли. Посему она считала себя предательницей. Жаль, что она не потеряла память! И еще... Мне кажется, вы были ей не совсем безразличны...

Сергей не знал, что ответить. Да и надо ли?

— Спасибо, товарищ полковник! Ее... Веру Анатольевну... не в чем обвинять. Я ведь и сам не помню, что было со мной.

Фраучи кивнул:

— ВРТ, сия микстура адова, действует по-разному, но губит всех. Вы отделались легко. Пока, по крайней мере.

Сам Пустельга думал иначе. Впрочем, «пока» звучало достаточно многозначительно.

— Извините, товарищ полковник, вы врач?

— В некотором роде, — на бледных губах Фраучи мелькнула горькая улыбка. — Скажем так — имею опыт. Сейчас ваш организм быстро меняется: кровь, функции питания, нервная система. Через пару месяцев наступит кризис. К счастью, в этой больнице неплохие специалисты... Ну, желаю всего наилучшего!

Полковник приложил руку к фуражке и быстро зашагал к воротам. Сергей долго смотрел ему вслед. Все стало понятнее. Мозаика складывалась, камешек к камешку, но рисунок выходил слишком скверным...

Когда стемнело, Пустельга надел форму, поправил складки на гимнастерке и решительно вышел в коридор. Караульные у палаты номер сорок три покосились на неизвестно откуда взявшегося майора и, не особо торопясь, стали по стойке «смирно». Сергей прошел в конец коридора, где обычно находился дежурный. Заметив Пустельгу, тот вскочил. Белый халат не мог скрыть военной выправки. Оставалось показать удостоверение и потребовать ключи от балконных решеток.

...Ключи, разбросанные Сорок Третьим по двору, искали два дня. Зрелище Сергею весьма понравилось...

Как Пустельга и думал, форма вкупе с удостоверением сработали безотказно. Дежурный открыл стеклянную витрину и выдал нужную связку. Поблагодарив, Сергей велел дежурному быть на месте и никому не докладывать. Возражений не последовало.

В палате Сорок Третьего неярко горел синий ночник. Пустельга осторожно постучал. Ночник погас, через мгновение балконная дверь открылась.

— Украли ключи? — Орловский крепко пожал Сергею руку и остановился в нерешительности. — Пригласил бы вас к себе...

— Не стоит.

— Пожалуй, — зэк плотно закрыл дверь, вдохнув прохладный ночной воздух. — Весна, гражданин майор!

Тут он заметил форму, лицо его дернулось в усмешке. Пустельга поспешил поведать об эпопее с ключами. Орловский кивнул:

— Все гениальное просто. Спасибо, что зашли, а то я уже скучать начал. Сидишь, как в камере... Кстати, гражданин Сорок Первый, что с нашим врачом?

— С Любовью Леонтьевной? — Сергей наивно моргнул. — Говорят, пропала. С чего бы это?

Симпатичная длинноносая девушка действительно исчезла из больницы. Шум начался немалый, даже товарищ Иванов был обеспокоен.

— Ай-ай-ай, проморгали! И за что вам паек дают? А я вот сижу и думаю, что бы еще сделать для родной власти и ее славных органов?

Пустельга кивнул:

— Можете, Юрий Петрович.

Усмешка мгновенно погасла, сменившись недоверчивой гримасой.

— Бомбу предложите с балкона кинуть, гражданин майор?

Зэк ему не верил, но выбора не было.

— С бомбой подождем. Для начала выслушайте, только не перебивайте...

Орловский подумал, кивнул и достал папиросы. Сергей, не выдержав, тоже закурил. Предстояло рассказать все, с того январского дня, когда он очнулся в ленинградском госпитале. Ему казалось, что придется говорить долго, много часов, но история вышла всего на три папиросы. Зэк слушал, не поворачивая головы, внешне никак не реагируя.

— Все? — поинтересовался он, когда Пустельга закончил.

— Вроде...

— Артамонова... Нет, не помню. Все из головы вышибли! Сергей Павлович, вы сами видели мои... документы?

— Удостоверение, выписка из приказа, фотографии, — кивнул Пустельга. — Все подлинное, но я заметил... Там нет послужного списка, кроме того, в приказе не сказано, что вы имели какое-то звание до майорского. Просто: Орловскому Юрию Петровичу присвоить...

— Так-так... — оживился зэк. — Значит, все-таки липа?

— Не совсем. Как я понял, вас каким-то образом использовали в операции на Якше. Туда вас повезли в форме сотрудника НКВД, чтобы не возникало лишних вопросов. Одно дело зэк на секретном объекте, совсем другое — очередной «малиновый». Так часто делается, а заодно можно скомпрометировать челове-

ка. А насчет остального... Операция, насколько я знаю, закончилась полным провалом, вы попали сюда...

— Точно! — хмыкнул Сорок Третий. — Ни черта у *вас* не вышло!

— У *них*, — тихо поправил Сергей, — у *них* не вышло...

Орловский удивленно поглядел на своего собеседника.

— Хорошо, Сергей Павлович. У *них* не вышло. С вами, ясное дело, поступили по-скотски, чего и следовало ожидать. Черт вас понес в ГПУ!

Пустельга пожал плечами.

— Вы — сын генерала, Юрий Петрович, я сын рабочего-большевика.

— Уели! — зэк негромко рассмеялся. — Что-то во мне классовая непримиримость разыгралась... Рефлексировать не стоит, меня больше интересует ближайшее будущее. Значит, думаете, что после этой... операции вы, я и Артамонова пойдем на распыл?

Пустельга кивнул. Зэк хмыкнул и поглядел вниз:

— Не стерегут? По всем правилам провокации, вы должны предложить побег. Птица-тройка, верные друзья с мушкетами, укромный домик среди леса...

Пустельга не обиделся. Именно так все и делалось.

— А я бы рискнул! — Орловский вновь поглядел на темные кроны под окнами. — Как думаете, поймают?

— И очень быстро. К тому же, уходить придется вдвоем. Где сейчас Артамонова, я даже не знаю.

— Да... — зэк задумался. — То, что я ее не помню, не превращает меня в свинью. Бросать человека нельзя... Черт, ну почему она не скрылась, не спряталась?

— По-видимому, из-за вас, — тихо проговорил Сергей. Орловский резко повернулся, словно желая ответить, но в последний момент сдержался.

— У меня нет плана, Юрий Петрович. Никакого, к сожалению. Собственно, я и рассказал вам все, надеясь, что вы подскажете...

— Опираясь на мой опыт врага народа, — вздохнул Орловский. — Сергей Павлович, вы говорили, что в какой-то момент Виктория Николаевна не будет зависеть от этой банды?

— Мне так показалось, — согласился Пустельга. — Иначе с нею не стали бы так церемониться. Допустим, у нее какие-то способности, вроде как у меня. Зачем вся эта игра? Привезут и скажут: делай! Иванов работает с ней, как с ненадежным агентом, которого срочно нужно отпустить за границу. Тогда кого-то оставляют заложником и, естественно, обещают — все, что угодно...

Он замолчал. Вокруг стояла тишина, лишь где-то вдали слышался шум поезда. Дорога проходила в нескольких километрах

южнее. Внезапно представилось, как они спускаются вниз, быстро идут лесом к железке, вскакивают на грузовую платформу... Нет, ерунда, такое удается только в кино. К тому же, зэк прав: бросать Викторию Николаевну нельзя. Если они исчезнут, Иванов ее не отпустит. Что же оставалось? Пропадать всем вместе?

— А по-моему, вы решили верно, — внезапно заметил Орловский. — Пусть пока игра идет по их правилам. Хотя... Нет, шалишь! Правила мы уже нарушили. Разве нет?

Сергей кивнул. Кое-что шло явно не по сценарию Филина. Любитель темноты не предусмотрел ни Карабаева, ни разговора с Фраучи, ни этой беседы на темном балконе.

— Этот... как вы его там назвали? Агасфер?

— Агасфер.

— Агасфер уверен, что вы — толковый контрразведчик, я — опасный враг, а Виктория Николаевна способна его обыграть. Так? Почему же нам ему не поверить? Значит, еще ничего не решено? Ведь что получается? Иванов, он же Агасфер — помощник Сталина. Величина огромная, ему бы целыми наркоматами ворочать, а он чем занят? Одним зэком! Я же не Бухарин, не Тухачевский! Тогда почему?

Сергей сам думал об этом. Такое внимание к номеру Сорок Третьему — неспроста.

— Похоже, вы сумели взять его за горло...

Орловский поглядел на свою руку, резко сжал пальцы в кулак:

— Ну так почему же он думает, что я его отпущу?

— Из-за нее, Юрий Петрович, — неохотно ответил Пустельга. — На это и весь расчет. Из-за Виктории Николаевны...

По лицу зэка пробежала судорога, но он сдержался.

— Но ведь такое могли сделать и раньше! Могли — но не вышло... Знаете, Сорок Первый, я почему-то верю, что у этих гадов и дальше не выйдет. К тому же... Я очень хочу все вспомнить — и вновь стать самим собой!

— И поменять палату на камеру?

— Пусть! — зэк упрямо качнул головой. — Надоело быть половиной человека. А к стенке поставят... Знаете, я где-то слышал: лучше ужасный конец, чем ужас без конца...

— Это сказал Маркс, — улыбнулся Сергей.

— Нет, это сказал Гёте... Слушайте, гражданин майор, может, вам лучше скрыться? На черта вам эта публика? Или по работе соскучились: допросы, обыски, очные ставки?

И вновь Пустельга не обиделся — несмотря на тон, в голосе зэка сквозило сочувствие.

— Очень соскучился! Но дело не только в этом... Не хочу превращаться в упыря. Вы правы, лучше ужасный конец...

— Это Карл Маркс и Гёте правы, — скривился Орловский. —

Сергей... Простите, Сергей Павлович, а вы не переусердствовали? Упыри, ведьмы, волколаки... У вас резцы, часом, не заострились?

Пустельга задумался:

— Дело не в названии. Если человек теряет память, начинает бояться солнечного света, не может есть нормальную пищу, у него меняется весь организм... Что это? Назовите болезнью — легче не станет.

— «Горе, малый я не сильный! Съест упырь меня совсем, если я земли могильной сам с молитвою не съем...» Извините, на классику потянуло... По-моему, вас просто пугают. Больного легко испугать! А вы не боитесь другого? Вылечитесь, вернется память, и вы вспомните нечто такое... Этакое... Не зря же вас — во всесоюзный розыск! Как бы нам вдвоем к стенке не стать. Два брата-акробата...

— Зато это буду я. Настоящий! Хоть узнаю, за что придется умирать...

— Браво, майор! — усмехнулся зэк. — Подписываюсь. Слушайте, у меня появилась бредовая идея. Если эта сволочь Агасфер вам доверяет, то, наверное, вас не обыскивают...

Пустельга удивился:

— Нет... Вроде нет...

— Тогда все просто. Если удастся, захватите лишний револьвер. После гипноза — или что там со мною сотворят? — попробуйте мне его передать. По крайней мере, буду сам себе хозяин...

Пустельга задумался.

— Едва ли. Револьвер ни мне, ни вам и вытащить не дадут. Попытаюсь придумать что-нибудь получше. А пока... Хотите профессиональный совет?

— Еще один? — заинтересовался Сорок Третий. — Как с ключом?

— Совершенно верно. После того как вам дадут лекарство или после сеанса гипноза вы, вне зависимости от результата, симулируете плохое самочувствие. Если что, я смогу подтвердить — как эксперт. Вас возвращают в палату. Если память вернется — берете ключ и исчезаете...

— Недурно! — откликнулся Орловский. — Тогда уж, наверное, буду знать, куда сматываться... А вы? А Виктория Николаевна?

Сергей не ответил. Об этом думать не хотелось, по крайней мере пока. Он тоже может симулировать — и бежать вместе с Орловским. Но в этом случае Виктории Николаевне не поможет никто...

...Уже ночью, напрасно пытаясь заснуть, Пустельга поймал себя на мысли, что рассуждает как самый настоящий изменник. Даже не рассуждает — действует! Хотя кому он изменил? Стране,

которой присягал? Или этим штукарям, боящимся дневного света и убивающим невинных? Его искалечили, загнали в угол... И что? Ждут благодарности? Не дождутся!

День прошел тихо. Пустельга ждал вызова «на ковер», но стрелки часов уже приближались к полуночи, а Иванов о нем так и не вспомнил. Сергей подумывал вновь навестить Орловского, но около половины первого в дверь постучали. Дежурный, слегка волнуясь, сообщил, что «товарища старшего лейтенанта госбезопасности» срочно вызывают к телефону.

Сергея провели в один из пустых кабинетов. Трубка уже лежала на столе.

— Павленко слушает.

— Сергей Павлович, это я. Узнали?

Узнал. «Это я», вероятно, означало, что товарищ Иванов не желает, чтоб его фамилию упоминали по телефону.

— Так точно.

— Вы будете нужны. Машина уже выехала. Какая фамилия у вас в удостоверении? Павленко?

Кажется, что-то действительно случилось, иначе товарищ Иванов не стал бы спрашивать такое.

— Так точно. Павленко Сергей Павлович. Ленинградское управление госбезопасности...

— Номер, пожалуйста...

Удостоверение осталось в нагрудном кармане гимнастерки, но свой номер он, конечно, помнил. Иванов попросил назвать каждую цифру отдельно, поблагодарил и, не объясняя ничего, повесил трубку.

Оставалось вернуться в палату, сбросить халат и переодеться в форму. Зачем требовалось удостоверение, Сергей сообразил быстро — ему должны выписать пропуск. Куда же его повезут? А главное — что случилось с Ивановым? Голос его оставался прежним, ровным и спокойным, но Агасфер волновался. Пустельга наконец-то смог почувствовать что-то, похожее на человеческие эмоции...

Машина пришла быстро. Это было не обычное черное чудовище с занавесками на окнах, а маленькое светлое авто неизвестной Сергею марки. Сопровождающие тоже оказались другими — в светлой форме с малиновыми петлицами, но без обязательной эмблемы со щитом и мечом. Тут-то и понадобилось удостоверение. Его рассматривали минуты три, столько же ушло на сличение фото с оригиналом. Наконец последовало: «Пожалуйста, в машину, товарищ майор», и авто помчалось прямиком к Столице.

Окошки не занавешивали, и Пустельга мог без препятствий

изучить маршрут. Машина ехала в Центр. На Лубянку? Однако Сергей рассудил, что туда отвезли бы без излишних формальностей. К тому же вежливые ребята в светлой форме явно служили не у Ежова. Но это были и не «лазоревые»...

Переехав знакомую реку, возле которой Пустельга встретил Карабаева, авто пересекло площадь имени Железного Феликса и свернуло на одну из небольших улочек. Значит, не в Большой Дом? Тогда куда же? Ответ мог был лишь один — Главная Крепость, сердце Столицы.

Сергей не ошибся. Мелькнули высокие, освещенные прожекторами башни Исторического музея, Мавзолей, строй темных елей... Ворота Спасской башни были открыты, рядом темнели фигуры охранников. Вновь пришлось предъявлять документы. На этот раз их разглядывали не столь тщательно, зато долго сверялись со списком. Наконец старший караула кивнул, и машина неторопливо въехала в освещенный неяркими лампами проезд и вскоре затормозила у высокого четырехэтажного здания.

Пустельга еще ни разу не бывал в Главной Крепости, поэтому мог лишь гадать, куда попал. Комендатура? Главная резиденция товарища Иванова?

Парни в светлой форме проводили Сергея до подъезда, где уже ждали другие, из внутренней охраны. Удостоверение вновь пошло ходить по рукам, снова список, затем караульный снял трубку черного телефона и тщательно, по буквам, передал фамилию «майора Павленко», а также номер документа. Пустельге предложили сдать оружие и пройти наверх.

...Лестница, коридоры. Всюду охрана, похожие, слово близнецы, рослые парни в такой же форме, с петлицами без эмблем. Внезапно подумалось, что на всей территории СССР это, пожалуй, единственное место, куда нет доступа ни «малиновым» из Большого Дома, ни «лазоревым» из госбезопасности. Крепость! К кому же его ведут?

Третий этаж, длинный коридор, потертая ковровая дорожка под ногами... Возле одной из дверей сопровождающие остановились. Старший кивнул, и Пустельга, осторожно постучав, надавил на ручку.

К его удивлению, он оказался в квартире. С порога Сергей почувствовал запах тушеного мяса — где-то рядом находилась кухня. В маленьком коридоре едва помещалась вешалка, с которой свисали две одинаковые серые шинели. Тут же стояли сапоги — невысокие, с мягкими голенищами. Под небольшой лампой на стене висела цветная вырезка из «Огонька» — «Бурлаки на Волге» Репина.

Пустельга хотел было кашлянуть, но тут послышались шаги. На пороге появился невысокий широкоплечий мужчина в воен-

ном кителе без знаков различия. Редкие рыжеватые волосы, пышные усы, оспинки, покрывавшие морщинистое лицо... На Сергея в упор взглянули маленькие желтые глаза. Дыхание перехватило.

— Вы... майор Павленко?

Этот голос нельзя было спутать ни с чьим другим...

— Так точно... товарищ Сталин!

Пустельга еле смог выговорить эту короткую фразу. Вот, значит, куда он попал! Высоковато, падать будет больно...

Желтые глаза не отрываясь глядели на Сергея. Наконец последовал кивок.

— Проходите, товарищ Павленко.

Он оказался в небольшой комнате, уставленной разностильной мебелью с жестяными казенными номерками. Книжный шкаф, небольшой стол, на стенах — снова вырезки из «Огонька», на этот раз в простых деревянных рамочках.

— Садитесь...

Пустельга присел на стул с высокой резной спинкой. Глаза замечали каждую подробность, но сознание все еще отказывалось верить. Что от него хотят? Что надо Вождю Всех Народов от липового «майора Павленко»?

— Вы ужинали? — Под густыми усами промелькнула легкая улыбка. — Я поздно ужинаю, товарищ Павленко. Вы любите лобио?

— Не знаю... товарищ Сталин. Я... уже ужинал.

Слова рождались сами собой. Все вокруг происходило словно не с ним.

— Жаль, что у товарища Павленко нет аппетита! — Сталин сделал быстрый жест, как бы подчеркивая сказанное. — Мои наркомы обычно отвечают иначе. Но товарищ Павленко еще не научился необходимой гибкости. В дальнейшем, товарищ Павленко, всегда отвечайте на такие вопросы положительно.

Трудно сказать, шутил ли Вождь. Он улыбался, но глаза глядели серьезно, внимательно. Пустельга молчал. Отвечать что-либо, к примеру «так точно», было еще большей глупостью.

— Хорошо! Товарищ Павленко не любит кавказскую кухню. Мы учтем это важное обстоятельство...

Желтоглазый встал и, быстрым движением усадив вскочившего Пустельгу, неторопливо прошелся по комнате, остановившись у высокого, закрытого темной шторой окна.

— Вас рекомендовали как серьезного специалиста. Как одного из лучших специалистов в СССР. Я попросил бы вас, товарищ Павленко, оказать нам профессиональную помощь. Вы согласны?

— Так точно, товарищ Сталин!

Переспрашивать Сергей не решился.

— Хорошо...

Сталин подошел к столу и высыпал из папки несколько десятков старых пожелтевших фотографий.

— Рассортируйте их, товарищ Павленко. Живых — отдельно мертвых — отдельно. Или вы можете еще что-нибудь?

Фраза покоробила. Кажется, он попал в морг...

— Товарищ Сталин, я могу попытаться определить, где человек находится. Далеко или близко.

— Очень хорошо! — Желтоглазый удовлетворенно кивнул и пододвинул стул. — Располагайтесь, товарищ Павленко. Курить будете?

— Да...

Без папирос работалось трудно, но Пустельга вдруг сообразил, что не захватил с собою курева. Он с сожалением вздохнул, но тут широкая, покрытая рыжими волосами рука бесшумно положила рядом с ним пачку «Казбека». Сергей закурил, лишь после сообразив, что забыл поблагодарить.

Работа была знакомой: взгляд в глаза, ощущение эха, дальнего, если человек где-то на краю земли, погромче, если близко, — или звенящая пустота, когда изображенного на снимке нет в живых. Почти все лица были незнакомы, и почти все уже прожили свое. Пустельга вновь ощутил себя служителем покойницкой. Несколько раз встретились люди известные: Дзержинский, Зиновьев, Плеханов. Таких смело можно было класть в «морг», но Сергей не спешил. Он эксперт, его дело — определять. Фотографии самого Сталина встречались часто, но слишком маленькие, работать с которыми майор не умел. Такие пришлось откладывать отдельно.

Сталин стоял за спиной, не мешая и не вмешиваясь. Казалось, он наблюдает за изысканным пасьянсом: близко, далеко, мертв, мертв, мертв... Фотографий оказалось много, глаза уставали, и пару раз Сергей делал перерыв. Когда он прикрыл веки в очередной раз, та же рука поставила на стол чашку крепкого кофе. На этот раз Пустельга не растерялся и вежливо поблагодарил.

Последней в стопке оказалась фотография Сталина, часто публиковавшаяся в книгах и прессе — молодой семинарист с шарфом вокруг шеи. Следовало положить ее в «жив-близко», но добросовестность взяла верх, и Сергей внимательно вгляделся в знакомое лицо. Рука уже укладывала снимок в нужную стопку, и тут он сообразил: с фотографией что-то не так...

— Готово, товарищ Сталин!

Желтоглазый не спешил. Небрежно переворошив тех, кто был близко, он быстро перебрал находившихся вдали, а затем тщательно, не спеша, принялся разглядывать снимки из третьей стопки. Пару раз Вождь довольно хмыкал, а однажды переспро-

сил: «Вы уверены?», после чего удовлетворенно усмехнулся и погладил усы. Пустельга стоял по стойке «смирно», пытаясь понять, что не так со снимком молодого семинариста. Наконец, сообразил. Эхо! Слишком слабое эхо! Тот, кто когда-то носил шарф, был близко, но... не рядом!

...И еще одно удивило: ни на одной из фотографий он не заметил Ленина — ни на больших, ни на маленьких...

— Оч-чень хорошо, товарищ Павленко! — улыбнулся желтоглазый. — Те, кто вас рекомендовал, не ошиблись. А теперь как насчет лобио?

Пустельга понял, что совершенно не может есть. Наверное, вид у него стал совсем растерянным, поскольку хозяин смилостивился:

— Не будем превращать лобио в Демьянову уху... Товарищ Павленко, может, вам вызвать врача? Вы мне сегодня еще понадобитесь...

Пустельга понял: Вождь знает о его болезни. Может, даже больше, чем он сам...

— Товарищ Сталин, мне бы еще кофе. И посидеть в темноте...

— Вас проводят. Отдохните...

Сергей не помнил, как оказался в коридоре. Безмолвные охранники провели его в маленькую комнату, усадив в глубокое мягкое кресло. Тут же появилась большая чашка ароматного кофе, пачка «Казбека» и зажигалка...

Кофе помог. Усталость быстро прошла, только в затылке по-прежнему гудело. Собственно, работа оказалась несложной, она больше походила на небольшой «зачет» перед чем-то важным. Удивил лишь странный прокол со снимком семинариста. Если он не ошибся, бывший семинарист где-то не очень далеко, вероятно, в самой Столице. Не далеко — но не рядом. Кто же стоял за плечом «майора Павленко»? Сергей мысленно уточнил: за *левым* плечом...

Где-то через час парни в светлой форме провели Сергея в дальний угол коридора. Опять дверь — на этот раз побольше, двустворчатая, за нею — огромный кабинет, точнее, целый зал с длинным столом, покрытым зеленой материей. Охранник указал Пустельге на один из стульев. Сергей уже собирался присесть, когда заметил прямо перед собой несколько десятков фотографий. Итак, он снова понадобился.

На этот раз снимки были новые и совершенно сходные, одного размера. Сходство было и в другом: на всех фотографиях — военные в немалых чинах, от капитана и выше. Удивило то, что снимки оказались со следами клея и присохшей бумаги. Их откуда-то вырвали — с «мясом», второпях. Сергей начал неторопливо

складывать снимки в стопку, готовясь к работе, и тут его осенило: фотографии вырвали из личных дел! Если так, то в Главной Крепости действительно очень спешили.

Взгляд в глаза, ожидание — и звенящая пустота. Изображенный на первом снимке комбриг был мертв. Следующий... еще один... Из одной стопки снимки переходили в другую — живых не было.

Пустельга прикрыл глаза, ожидая, пока стихнет бешеное биение пульса. Все-таки устал: фотографиями он не занимался уже с месяц, а то и больше. Все мертвы... Вот почему его вызвали сюда! Случилось что-то очень плохое, и Вождь желает узнать, уцелел ли хоть кто-нибудь. Значит, война или крупная катастрофа? Но тогда почему только военные — разных званий, разных родов войск...

Последняя фотография легла поверх стопки. Мертвы. Все...

— Товарищ Павленко...

Он не помнил, сколько просидел за покрытым зеленым сукном столом. Голос желтоглазого заставил очнуться.

— Я, товарищ Сталин! — Сергей ответил излишне громко, поскольку Вождь поморщился, сделав резкий жест рукой. Пустельга растерянно умолк.

— Живые есть? — Голос был прежний — спокойный, но какой-то усталый.

— Нет... Никак нет, товарищ Сталин...

Он не стал договаривать. Желтоглазый кивнул и медленно прошелся по кабинету.

— Товарищ Павленко, сейчас здесь состоится совещание. Ваша задача — определить, что будут чувствовать те, с кем я буду говорить. Можете понять, когда человек лжет или боится?

— Так точно!

— Тогда приступайте...

Сталин кивнул на конец стола. Пустельга присел, молчаливый охранник тут же положил перед ним стопку бумаги и остро очиненные карандаши. Очевидно, на этом месте обычно сидел стенографист.

— Не вставайте, не поднимайте головы... — велел желтоглазый. Сергей кивнул, и тут в кабинет вошли двое — высокий, в военной форме, и маленький, в знакомом мундире НКВД. Пока Сталин здоровался, Пустельга успел разглядеть пришедших. Высокому, с нашивками командарма, было под пятьдесят, седина покрыла виски, но держался он ровно и прямо. Чувствовалась давняя, неистребимая гвардейская выправка. Сергей попытался «послушать» незнакомца и сразу же почувствовал волнение. Военному было явно не по себе. Он перевел взгляд на низенького и невольно ахнул. За столом, чуть сгорбившись и пряча взгляд, сидел сам железный сталинский нарком товарищ Ежов. Сергей подумал, что тому, вероятно, тоже не очень весело, и тут же уди-

вился. Николаю Ивановичу было, конечно, страшновато, но главным чувством, обуревавшим коротышку, оказался не страх, а радость. Точнее — злорадство, глубокое, искреннее, рвущееся наружу...

— Почему пришли вдвоем?

Вопрос прозвучал резко и неожиданно. Ежов дернулся, военный чуть приподнял голову.

— Развели коллегиальность... — Желтоглазый говорил, не глядя на собеседников, и Пустельга сообразил, что и Сталину тоже не по себе. Он сердится, но не на гостей, а на кого-то другого.

— Товарищ Сталин!.. — Военный встал, поглядел в сторону отвернувшегося Вождя. — У нас срочная информация об Особой Южной группе.

— У кого это — «у нас»? — недовольно буркнул желтоглазый.

— У Генерального штаба. Час назад связь с Южной группой прервалась. По данным авиаразведки... — он на миг замешкался. — По последним данным авиаразведки, группа перестала существовать...

Пустельга почему-то ожидал, что Вождь взорвется гневом, но он лишь бросил: «Так...» — и вновь умолк. Военный перевел дыхание:

— По этим же данным, в районе проведения операции произошел невиданной мощи взрыв... Порядка пятидесяти килотонн. Сейчас делаются попытки установить связь с теми, кто мог уцелеть...

— Садитесь, товарищ Кадочников, — Сталин медленно повернулся, кивнул коротышке: — У вас есть, что добавить по сути, товарищ Ежов?

— Да! Так точно! — «Железный нарком» вскочил, чуть не опрокинув стул. — Товарищ Сталин! Налицо явное вредительство. Преступное вредительство! Повлекшее за собою...

— Не кричите!

Нарком действительно почти кричал. Замечание желтоглазого заставило его несколько понизить голос, но не тон.

— Мы... я... предупреждали о неготовности операции. Это была явная авантюра, не вызванная интересами нашего Советского государства...

Стало ясно, отчего коротышка злорадствовал. Сейчас он назовет виновного, что для «железного наркома» важнее гибели тысяч бойцов и командиров неведомой Южной группы.

— Говорите конкретнее.

Сталин поморщился и вновь отвернулся. Ежов набрал в легкие воздуха и выпалил:

— Виновным за провал операции является лично товарищ Иванов. Именно он настоял на ее проведении, несмотря на неготовность и... и... ненужность ее для нашего государства!..

Пустельга чуть не присвистнул. Так вот почему любитель темноты волновался. Выходит, есть от чего!

— Что скажете вы, товарищ Кадочников?

Командарм встал и еле заметно пожал плечами:

— Генштаб был фактически отстранен от контроля за операцией. Я военный и не могу обсуждать политические решения, но с военной точки зрения операция подготовлена из рук вон плохо. Товарищ Иванов действительно взял на себя полную ответственность...

— Садитесь, товарищ Кадочников... — Сталин медленно прошелся вдоль стола, присел. — Подготовите подробный доклад... Как вы считаете, товарищ Кадочников, дальнейшие попытки провести подобную операцию имеют смысл?

— С военной точки зрения — ни малейшего, товарищ Сталин. Возможны, конечно, другие причины, мне лично неизвестные, но эта операция и так заставила отложить разработку Большого плана...

— Да, вы, пожалуй, правы... — Желтоглазый достал пачку «Казбека» и не торопясь закурил. — Большой план не может ждать, товарищ Кадочников... Но может быть, все-таки еще попробуем?

— Нет, товарищ Сталин. — Сергей почувствовал, что командарм ощущает огромное облегчение, точно сбросив с плеч тяжелый ненужный груз. — Генштаб считает, что скрытую мобилизацию необходимо начать уже через полтора года, осенью 39-го. Мы должны развернуть минимум триста стрелковых дивизий, три десятка механизированных корпусов, десять корпусов воздушного десанта. Только в этом случае Генштаб ручается за успешное выполнение Большого плана. Любые крупные операции, не относящиеся к его подготовке...

— Вы считаете? — Сталин достал маленький листок бумаги и что-то записал, вычеркнул, затем написал снова.

— Так точно! Мы должны быть готовы к концу 41-го — началу 42-го года, товарищ Сталин...

— Не позже лета 41-го... — Желтоглазый провел под написанным жирную черту. — Ориентировочно — июль. Да, времени мало, поэтому мы уже в этом году начнем скрытый перевод экономики согласно мобилизационному плану. Но об этом мы поговорим на Политбюро. Товарищ Кадочников, вы меня убедили... Скажите, как идут работы над проектом «Иванов»?

Знакомая фамилия заставила Пустельгу удивиться. Ежов вскочил, но тут же поспешил вновь присесть. Кажется, с нервами у карлика было не все в порядке.

— Комиссия считает, что необходимым требованиям отвечает машина конструктора Сухого. После доработки самолет можно запускать в серию. Мы рассчитываем на пятьдесят тысяч машин...

— На сто тысяч, — поправил Сталин. — А лучше — сто двад-

цать. Летчиков мы подготовим. Наши «Ивановы»... — он засмеялся и поправил сам себя: — Наши советские «Накадзимы» должны нанести сокрушительный удар...

— При условии чистого неба, — негромко добавил командарм.

— Мы обеспечим самолету товарища Сухого чистое небо, — кивнул Вождь. — Удар будет внезапным, как и следует из нашей военной доктрины... Товарищ Ежов, вы можете ручаться, что к моменту осуществления Большого плана в стране не возникнет непредвиденных осложнений?

— Так точно! — голос Ежова фальцетом резанул по ушам. — Можете быть уверены, товарищ Сталин, наши чекисты с вашим именем на устах...

Резкое движение руки — Сталин приказывал наркому замолчать. Пустельга уже заметил, что ежовский крик выражал не уверенность, а страх, растерянность, почти отчаяние.

— Лучше скажите, как долго вы будете ловить «Вандею»?

О неуловимой подпольной организации Сергей немало слышал в Ленинграде. Намекали даже, что именно из-за нее был снят начальник областного управления НКВД.

— Расследование по делу «Вандеи» успешно завершается. Следствие выявило широкую сеть заговорщиков внутри Главного Управления и в областных центрах. В настоящее время враги народа...

— НКГБ считает иначе... — Сталин махнул рукой и усмехнулся. — Как видите, товарищ Ежов, польза от параллельных структур очевидна... Слушайте приказ: следствие по делу «Вандеи» прекратить. Как поняли?

На Ежова было жалко смотреть. Он словно стал еще меньше, рискуя свалиться со стула на пол. Маленькое личико побелело, затем пошло синевой.

— Доигрались! — Сталин покачал головой. — Десяток умных врагов два года водит вас за нос! Пинкертоны хреновы...

В кабинете стало тихо. Сталин, несмотря на ворчливый тон, почему-то не выглядел недовольным. Военный оставался спокоен, что же чувствовал товарищ Ежов, было понятно и без особых способностей «майора Павленко».

— Можете идти, — наконец бросил Сталин. — О Большом плане поговорим на следующем Политбюро. С Южной группой спешить не будем — подождем, что скажет разведка...

Сталин ждал, пока за гостями закроется дверь. Пустельга тем временем пытался привести мысли в порядок. Итак, произошла крупная военная неудача. И командарм и Ежов обвиняют в ней товарища Иванова, но Николай Иванович при этом еще и злорадствует. Большой план очень по душе военному, Ежов же думает совсем о другом — боится, что его аппарат подведет, не справится...

— Докладывайте, товарищ Павленко...

Пустельга вскочил и, сбиваясь, стал пересказывать свои впечатления. Сталин слушал не перебивая, и Сергей вдруг понял, что настроение Вождя начинает быстро улучшаться.

— Садитесь...

Сергей послушно сел. Желтоглазый прошелся по кабинету и вновь открыл пачку «Казбека».

— Курите... Итак, товарищ Ежов не любит товарища Иванова и радуется его неудаче... Товарищ Павленко, в вас не говорит ревность? Вы же сотрудник НКГБ!

Похоже, Вождь шутил, и Сергей решился ответить тем же:

— Я в госбезопасности меньше четырех месяцев, товарищ Сталин. Не успел проникнуться нужным духом...

Вождь усмехнулся и неожиданно резко шагнул к Пустельге. Сергей поспешил вытянуться по стойке «смирно».

— Товарищ Павленко... — Голос желтоглазого стал мягким и вкрадчивым. — Вы в последнее время работаете вместе с товарищем Ивановым. Имеются ли у вас данные, подтверждающие мнение товарища Ежова? Ваши сведения могли бы очень пригодиться правительству. Товарищ Иванов действительно стал часто ошибаться...

Сергей почувствовал, как его бросает в жар. У него есть что рассказать Вождю! Пусть нет прямых доказательств, но то, что он знает, крайне подозрительно. Вождь должен разобраться! В любом случае, Иванова отстранят, значит, можно будет действовать спокойнее, без оглядки на смертельную опасность...

Но радость тут же прошла. Вспомнились слова Агасфера: «Я — псевдоним товарища Сталина». Чего от него ждут? Доноса? Или... саморазоблачения?

Пустельга взглянул прямо в желтые глаза Вождя:

— Никак нет, товарищ Сталин. Ни малейших сведений у меня нет. Товарищ Иванов — преданный партии и Родине работник!

Лицо Сталина стало скучным, он поморщился и, не говоря ни слова, протянул Сергею широкую короткопалую ладонь.

ГЛАВА 8

ЧАСОВНЯ СКУРАТОВЫХ

Стук в дверь был громким и настойчивым. Пустельга решил, что его в очередной раз приглашают на обед, но затем понял — дело в другом. Слишком сильно, слишком нетерпеливо. Ему приходилось присутствовать при арестах: кулаки бьют в дверь, затем в ход идут приклады...

— Войдите!..

Сергей встал, зачем-то одернув халат, на мгновение ощутив страшную, небывалую слабость, но тут же пришло спокойствие. Сорок Третий прав, лучше ужасный конец... В палату ввалились двое ражих детин в серой форме. Пустельга заставил себя усмехнуться...

— Павленко? — Парень с сержантскими петлицами шагнул вперед. — А ну, документик!

Сергей не торопясь подошел к шкафу, где висела форма. Подумалось о револьвере, но он отогнал искушение. С двоими не справиться, а дырявить собственный висок еще рано.

— Стой! Сами достанем!..

Пустельга пожал плечами и отошел в сторону. Детина кивнул, второй парень, шагнув к раскрытому шкафу, принялся, сопя, копаться в карманах гимнастерки. Стало противно, но Сергей решил подождать. Почему-то на арест это не походило. Слишком топорно. Его могли взять в столовой или на прогулке, когда оружие оставалось в шкафу. К тому же, Пустельга заметил в петлицах незваных гостей скрещенные топорики. Саперы? Им-то что здесь нужно?

Парень извлек из кармана удостоверение и, не открывая, передал сержанту. Тот, скривившись, раскрыл его, поднес к глазам.

— Точно! — Книжечка полетела на стол. — Собирайся, майор, поедешь с нами.

Сергей понял — это не арест. Просто «саперы» привыкли к подобному. Будь он Маршалом Советского Союза, с ним разговаривали бы не лучше.

— Не поеду!

Внезапно он почувствовал злость. Если это очередная затея Иванова, то пошел бы он к черту! Пусть сначала разберется с желтоглазым. Напортачил, Филин!..

— Еще как поедешь! — ухмыльнулся сержант, и тут их взгляды встретились. Сергей удивился — глаза «сапера» показались странными, неживыми и одновременно знакомыми. Вначале Пустельга решил, что уже встречал нахального парня, но тут же понял: такие же мертвые неподвижные глаза он видел каждый раз, глядя в зеркало.

«Сапер» удивился еще больше. Нахальное выражение мгновенно исчезло с физиономии, руки рванулись к воротнику, застегивая крючок...

— Товарищ старший лейтенант госбезопасности! Докладывает сержант Рыбин. Имею приказ доставить вас на... объект.

«Сапер» секунду подождал, перевел дыхание.

— Так что прощения просим, товарищ майор. Не знали. Вы уж не серчайте!..

Пустельга понял: мертвоглазые признали в нем своего.

— Кто приказал? — Вопрос был лишним, но Сергею стало интересно, что ответит «сапер».

— Капитан госбезопасности Рощин, — отчеканил Рыбин. — Приказано немедленно...

Пустельга кивнул. Кажется, костоломы знать не знали товарища Иванова. Странно, почему Агасфер послал на этот раз не своих обычных порученцев — вежливых, немногословных, тактичных? Или после визита «майора Павленко» в Главную Крепость к нему следовало приставить кого-то понадежнее обычных сотрудников НКГБ?

Пустельга быстро надел форму, застегнул ремень и нерешительно взялся за кобуру. Обычно, отправляясь к Иванову, он не брал оружия, но теперь обстоятельства изменились. Сергей, решив, что револьвер не помешает, пристегнул кобуру к поясу и сунул в карман запасную пачку патронов.

У палаты Орловского, как и обычно, скучали двое «лазоревых». При виде Пустельги в полной майорской форме они неторопливо начали распрямляться. Внезапно один из них, вздрогнув, толкнул второго. Тот недоуменно оглянулся и замер. Теперь парни стояли по стойке «смирно», стараясь не дышать. Пустельга удивился, но затем понял: «лазоревые» узнали «саперов». Кто же они такие? Сотрудники НКГБ не боялись ни «малиновых», ни военнослужащих РККА. Кто же мог их напугать? Сергей невольно усмехнулся: сколько же их, хранителей покоя советского народа! Пауки в банке...

Во дворе стояла машина — синяя «эмка» с номерами военного округа. Сергея усадили на заднее сиденье, сержант скомандовал: «Двигай!» — и шофер, в такой же серой форме, нажал на газ.

Вскоре Пустельга понял, что они едут в Столицу. Неужели Филин полюбил солнечный свет? Или просто спешит? Вновь вспомнилась вчерашняя ночь. Да, любая иностранная разведка дорого заплатила бы за подобную информацию! В Главной Крепости раскол, товарищ Иванов сцепился с «железным наркомом», неведомая Южная группа погибла... Все это было крайне любопытно, но вот только майору Павленко такое знать не полагалось. Если его не ликвидирует Иванов, об этом позаботится сам Вождь...

Итак, в Главной Крепости неладно, и Агасфер заторопился. Пустельгу вызвали средь бела дня, причем не «лазоревые», а наглые «саперы», от вида которых у «гэбэшников» дрожат поджилки. А в самом деле, кто они? Пустельга, покосившись на сидевшего рядом детину, решил рискнуть:

— Товарищ сержант...

Тон был выбран подходящий. Рыбин быстро повернулся, пустые глаза испуганно моргнули.

— Я хотел бы обратиться к вашему командованию. Где вы служите?

Да, «сапер» боится. Но что мог ему сделать Сергей? В крайнем случае, написать рапорт. Неужели этот бравый молодец испугался двух нарядов вне очереди?

— Группа «В» отряда ОСНАЗа «Подольск», — быстро проговорил сержант. — Товарищ майор, я... Извините, не знал, кто вы!..

Успокаивать его Пустельга не стал — пусть помучается, авось повежливее станет. Да, ребята из ОСНАЗа церемониться не любят, особенно те, что из «Подольска». Выходит, товарищ Иванов распоряжался и этими? Сергей был уверен, что в СССР только один человек мог свободно вмешиваться в дела карательных наркоматов, а заодно и прочих секретных структур. Получалось, таких людей двое — желтоглазый и... товарищ Агасфер, он же Иванов, он же Филин, он же «псевдоним товарища Сталина»! Вспомнился тяжелый, внимательный взгляд Вождя. Пустельга чуть было не поверил, не пустился в откровенность. «Железный нарком», кажется, так и не раскусил всей игры, надеясь свалить Иванова. Ну и пусть получит свое!

Майор поглядел на замершего на сиденье Рыбина, попытавшись понять логику этого недалекого костолома. Сержант был нагл и хамоват, пока не понял, что Сергей... болен! У «майора Павленко» болезнь Воронина. «Сапер» знал, что это такое. И не просто знал. Наверняка он принял Пустельгу за «коллегу» из Питера!

Сергей поглядел в окно, автоматически отметив, что они уже в самом городе. Маршрут напомнил тот, каким его везли в Главную Крепость. Значит, снова туда? Едва ли... Тогда в Большой Дом или в Главное Управление НКГБ?

— Товарищ майор!.. — Голос сержанта звучал жалко и неуверенно. — Вы уж не докладывайте. Мы обычно своих всегда узнаем, а тут обмишулились!..

— Успокойтесь. Не доложу!

Пустельге стало противно. Выходит, ОСНАЗ комплектуют такими, как Рыбин? По виду явный штрафник, а то и уголовник, к тому же больной. Впрочем, и тут есть резон — «саперу» терять нечего. Беспамятная машина для «спецобработок» и терактов...

Впереди показался мост, за которым возвышались башни Главной Крепости. Автомобиль, не доезжая, свернул влево и помчался вдоль реки. Промелькнул силуэт огромного дома. Пустельга сообразил: это и есть знаменитый Дом на Набережной. Откуда он знал? Видел фото в газете? Или это тоже часть «багажа», оставшегося от него, прежнего?

Через несколько минут автомобиль затормозил. Проезд оказался закрыт. Асфальт на дороге был сорван в нескольких местах, за крепким барьером возились рабочие в темных спецовках. Сергей решил, что придется ехать в объезд, но произошло неожиданное. Двое рабочих резво оттащили в сторону ограждение, авто проехало несколько метров и вновь остановилось. Рыбин открыл дверцу.

— Прошу, товарищ майор!

Пустельга вышел из машины и огляделся. Прямо перед ним темнело забранное толстой решеткой отверстие водостока, справа стоял черный автомобиль с занавешанными окнами, а перед самой решеткой нетерпеливо переминались с ноги на ногу несколько военных в саперной форме. Увидев Пустельгу, один из них, высокий, крепкий, с глубоким шрамом на щеке, шагнул вперед.

— Майор Павленко?

— Так точно, товарищ... — Сергей бросил взгляд на петлицы, — полковник.

— Удостоверение, пожалуйста.

Внимательно осмотрев документ, «сапер» кивнул, затем подбросил руку к фуражке.

— Капитан госбезопасности Рощин. Товарищ майор, вам пакет. Распишитесь и ознакомьтесь.

Уже ничему не удивляясь, Сергей поставил подпись на сопроводительном листке и разорвал конверт. Он почему-то ожидал приказа на официальном бланке, но вместо этого внутри оказался небольшой листок, исписанный аккуратным, красивым почерком. Сергей взглянул на подпись... Ясно!

Сергей Павлович!

Надо спешить, посему прошу Вас:

1. Спуститься в катакомбы и разыскать подземную церковь, известную как «часовня Скуратовых». Для этого к вам будет направлен специалист.

2. Осмотреть часовню и составить ее подробное описание.

3. Соблюдать осторожность, в подземелье возможны сюрпризы.

4. Об исполнении доложить через полковника Рощина.

Заранее благодарен.

Ваш Иванов.

Пустельга аккуратно сложил письмо и хотел положить его в нагрудный карман, но вмешался Рощин:

— Товарищ майор, документ следует уничтожить. У вас есть зажигалка?

Пришлось заняться еще и этим. Как только письмо обратилось в пепел, «сапер» удовлетворенно кивнул.

— Имею приказ оказывать вам всяческое содействие. У вас есть вопросы?

Пустельга пожал плечами. Все ясно: спуститься, найти, осмотреть и доложить. А зачем — спрашивать бесполезно.

— Мы доставили нужного вам человека, — подсказал полковник.

Ах да! «Специалист»!

— Кто он, товарищ капитан госбезопасности?

Рощин заглянул в записную книжечку:

— Профессор Белин, архитектор. То есть бывший профессор. Его нам «малиновые» одолжили. Вражина оказался...

Шрам на щеке дернулся — Рощину было смешно. Трудно сказать, что его развеселило, — то, что «малиновым» пришлось уступить свою жертву, или превращение профессора во «вражину».

Полковник махнул рукой. Дверца автомобиля открылась, выпуская высокого худого старика в грязной рубашке. «Вражина» с трудом держался на ногах, на изможденном бледном лице темнели кровоподтеки. «Саперы», взяв его за плечи, подтащили поближе. Старик медленно поднял голову. Открылись погасшие, равнодушные ко всему глаза. Сергей вздохнул:

— Вы профессор Белин?

— Да... Подследственный Белин, гражданин начальник...

Старик говорил тихо, почти шептал. Майор повернулся к Рощину:

— Вы полагаете, что ваш... эксперт может пройти хотя бы сто шагов?

— Пройдет! — равнодушно махнул рукой «сапер». — Ему только что сделали укол. Крепкий!..

Спорить Пустельга не стал.

— Скажите, профессор, вы знаете, где находится часовня Скуратовых?

— Я уже во всем признался, гражданин начальник... — так же тихо ответил Белин. — Я использовал подземные помещения для подготовки тайных складов оружия...

Пустельга отвернулся. Смотреть на бывшего профессора было больно.

— Давайте еще раз. Вас как по имени-отчеству?

— Игорь Аристархович, гражданин начальник...

— Так вот, Игорь Аристархович, вы не на допросе. Нам нужна ваша помощь. Вы ведь хорошо знаете столичные подземелья?

Белин молча кивнул.

— Сейчас мы спустимся вниз, — Пустельга говорил медленно,

словно беседуя с тяжелобольным. — Вы нам покажете часовню Скуратовых. Это недалеко отсюда?

Игорь Аристархович оглянулся, словно впервые заметив, где находится.

— Да, гражданин начальник. Близко.

Ему было все равно. То, что происходило, — лишь маленький эпизод на пути в ад...

Один из «саперов» подошел к решетке и принялся отпирать огромный тяжелый замок. Двое «рабочих» принесли фонари, теплые ватные куртки и резиновые сапоги.

— С вами пойдут еще трое, — сообщил Рощин. — Дорогу помечайте мелом, особенно на поворотах. Вам еще что-нибудь нужно?

Пустельга оглянулся. Трое «саперов», в том числе сержант Рыбин, уже переодевались, причем вид у них был не особо радостный. На профессора тоже накинули куртку. Железная решетка все еще не поддавалась, хотя к осназовцу присоединились еще двое.

— Мне нужна бумага — листа три. И карандаш.

Полковник кивнул, через минуту «сапер» принес все необходимое. Пустельга натянул тяжелые резиновые сапоги, накинул куртку. Замок наконец открылся. «Саперы» налегли на решетку, и та со скрипом начала отходить в сторону. Из черного отверстия пахнуло сыростью и гнилью.

— Пошли!

...Ступеньки — старые, разбитые, сложенные из потрескавшихся серых кирпичей. Лестница вела вниз, во тьму. Стало холодно, вдали слышался негромкий перезвон капель. Один из «саперов» чертыхнулся, задев головой о низкий свод.

— Мы правильно идем? — Сергей оглянулся, заметив уходящий влево темный проход.

— Нам прямо, — кивнул Белин, — до большого зала. Там свернем...

Профессору стало легче. Теперь он шел сам, держась рукой за осклизлую стену.

— Вы, товарищ майор, в первый раз сюда спускаетесь? — поинтересовался сержант.

— Наверно...

...Может, тот, настоящий Пустельга, уже бывал здесь?

— А вот я не первый. Вся наша работа тут. Только мы не здесь спускаемся. Мы вообще в эту часть не заходим.

Вот как? Чем же занимается группа «В» в столичных катакомбах?

Ступеньки кончились, впереди был широкий тоннель. По

стенам сочилась вода, на фуражку Сергея упали первые тяжелые капли.

— Игорь Аристархович, а когда эти подземелья появились? — поинтересовался Пустельга.

— Давно, — негромко ответил профессор. — Эта часть прорыта не позже XVI века...

Сергей хотел спросить «зачем», но сдержался. И так понятно. Впереди — Главная Крепость, катакомбы связывают ее с заречной частью города...

— Мы уж насмотрелись! — вмешался Рыбин. — Чего здесь только нет! Там, где мы... Ну, в общем, где наша группа работает, целый застенок имеется. При Грозном, говорят, разбирались с врагами народа...

— Да... — откликнулся профессор. — Старый застенок, рядом с ним — замурованный колодец, засыпанный человеческими костями...

— Точно! — хохотнул Рыбин. — Разбираешься, дед!

Кажется, под землей сержант чувствовал себя почти как дома. Пустельге представилось, как много веков назад вот так же по этой лестнице спускались палачи со своими жертвами...

— Сейчас будет зал, — сообщил Белин. — Осторожнее!

Сергей еле успел опустить голову, чтобы не удариться о низкий свод. Луч фонаря осветил огромное круглое помещение. Потолок уходил высоко вверх, в стенах темнели дверные проемы, уводившие куда-то вглубь.

— А ничего! — прокомментировал сержант. — Подходяще, только близко.

Не хотелось и думать, для чего считал подходящим это место «сапер» из спецкоманды.

— Я... немного отдохну... — профессор прислонился к холодной влажной стене и прикрыл глаза.

— Дохлятина! — буркнул Рыбин. — Товарищ майор, надо было бы дорогу пометить...

Пустельга кивнул, но, сделав пару шагов, остановился в недоумении. Темных проходов несколько, все совершенно одинаковые. Он повернулся к профессору.

— Сейчас... — Белин тяжело вздохнул, потер лицо ладонями. — Нам налево...

Он подошел к одному из проходов, возле которого чья-то рука выцарапала на стене восьмиконечный крест. Пустельга достал мел, изобразив рядом стрелу.

— А ты не спутал? — поинтересовался сержант. — Сусанин, мать твою...

Тот покачал головой, на белых бескровных губах впервые промелькнула улыбка.

— Нет... Вы же видите крест!

Проход оказался уже, чем тоннель, но все же по нему вполне можно было идти плечом к плечу. По бокам стали попадаться ниши, пару раз встретились узкие поперечные галереи. Внезапно луч фонаря скользнул по чему-то темному...

— Фу, черт!

Рыбин поднес фонарь ближе и вновь выругался. Из стены выступал край огромного гроба. Сергей повернулся к профессору.

— Здесь что, кладбище?

Белин осторожно подошел к гробу, провел рукой по металлу.

— Странно... Раньше этого не было. Может, обвал? Но гроб совсем новый...

— Товарищ майор, а ну его к бесу! — боязливо заметил сержант. — Пошли отсюда!

Двое осназовцев, до этого молча шедшие сзади, обогнули гроб стороной, держась поближе к противоположной стене. Пустельге тоже стало неприятно. Странные дела творились в этих коридорах...

Минут десять шли молча. Все оставалось по-прежнему — проход, ниши по бокам, шорох попадавшихся под ногами камней. Разве что стало суше. Похоже, они удалялись от реки.

— Игорь Аристархович, почему часовня так называется? — поинтересовался Сергей, решив нарушить гнетущее молчание.

— Это церковь, а не часовня, — помолчав, ответил профессор. — Есть легенда, что ее построил Скуратов-Бельский — тот самый Малюта. В ней молились опричники, бывал сам Грозный. Однако молились они... не Богу. Кажется, там и в самом деле служили черные мессы, но все же без Малюты. Церковь старая, но не XVI века...

Где-то через сотню метров коридор начал расширяться. Свет упал на серые, покрытые остатками штукатурки стены. Проход кончался, упираясь в широкую галерею.

— Чуть правее, — подсказал профессор. Сержант повернул фонарь. Луч высветил вырубленную в камне дверь, к которой вели несколько ступенек. Чуть выше темнело небольшое отверстие, где когда-то стояла надвратная икона.

— Ну че, товарищ майор? — Рыбин нерешительно повернулся. — Поглядим? А ну, гражданин Белин, иди-ка первый!

— Постойте! — Пустельга подошел поближе к ступенькам. — Сержант, вы что-то заметили?

— Да... Плохое тут место, товарищ майор! — Рыбин шумно вздохнул. — Даже для нас...

Сергею вновь стало не по себе. «Даже для нас...» Может, Рыбин просто суеверен? Пустельга пожал плечами и шагнул вперед.

— Стойте, товарищ майор!

Сержант толкнул вперед одного из «саперов», тот нехотя поднялся по ступенькам, заглянул через порог, затем неуверенно шагнул внутрь. Прошла минута, другая. Осназовец вновь появился на пороге.

— Тихо, товарищ майор. Можно заходить!

Пустельга, ожидавший чего-то необычного, был разочарован. От церкви ничего не уцелело, только на потолке сохранились небольшие фрагменты расписной штукатурки. Пыль, битый камень, глубокие трещины в стенах...

«Саперы» быстро осмотрели помещение, после чего Рыбин подошел к Пустельге.

— Товарищ майор! Мы все проверили. Полный порядок.

— А чего вы опасались? — удивился Сергей. — Мин?

— Да нет, откуда мины? — сержант поморщился. — Только хреновое место. Не чувствуете?

Пустельга прислушался. Пусто и тихо, словно в старой могиле. У «саперов» просто разыгрались нервы...

— А что там?

В стене, возле которой когда-то был алтарь, темнела еще одна дверь.

— Комнатка, — сообщил один из осназовцев. — Может, поп жил.

— Ризница, — подтвердил профессор. — Там в свое время нашли очень странную икону...

Хотелось расспросить старика поподробнее, но Сергей помнил, что времени мало. Достав бумагу и карандаш, он принялся набрасывать план церкви. Непонятно лишь, зачем Агасферу это подземелье. Хотя...

...Пустельга быстро окинул взглядом церковь, словно увидев ее впервые. Ну конечно, здесь можно спрятать все! Что бы ни делал товарищ Иванов, это останется тут, под землей. Ни услыхать, ни увидеть, ни убежать. Как в могиле... Но почему в старой церкви, не в бункере, не в подвале НКВД?

Пустельга спрятал набросок, на всякий случай осмотрел маленькое помещение за алтарем и дал команду возвращаться. Саперы выполнили ее с большим энтузиазмом. В этих стенах осназовцам было явно не по себе. Выходит, таких, как Рыбин, можно напугать не только разносом от начальства?

Обратный путь показался очень долгим. Белин совсем сдал и, несмотря на окрики конвоиров, еле мог двигаться. «Саперы» сердились, им определенно хотелось поскорее оказаться на поверхности. Гроб обошли стороной, стараясь держаться подальше от жуткого ящика. Пустельга на мгновение остановился, рассмат-

ривая находку, и вдруг почувствовал, как его охватывает невыносимый холод.

По пути Сергей несколько раз рисовал мелом стрелы, а в большом зале, прямо на стене, набросал схему маршрута. Работа выполнена, теперь сбиться с пути невозможно...

Полковник Рощин встретил их у самого входа. Узнав, что все прошло нормально, он удовлетворенно кивнул и предложил Сергею немедленно составить письменный отчет. Импровизированный стол, сложенный из нескольких досок, уже стоял поблизости. Пустельга, не став спорить, быстро изложил все увиденное и приложил к отчету составленный им план. При свете дня их путешествие стало представляться в несколько комическом свете. Сергей обстоятельно описал гроб, не преминув отметить «неадекватную реакцию личного состава». Закончив, Пустельга передал написанное Рощину. Тот поблагодарил, сообщив, что лично отвезет документ по назначению.

— Товарищ полковник, а что будет с профессором Белиным? — поинтересовался Пустельга. — Он нездоров...

— Верно подметили, товарищ майор! — Рощин жестко усмехнулся. — Сердце пошаливает у бедолаги. Не волнуйтесь, на Лубянку он не вернется...

— Погодите!...

Сергей вскочил, сообразив, что ждет старика, но полковник, козырнув, уже хлопнул дверцей черного авто. И вновь Пустельга почувствовал невыносимый холод, такой же, как возле черного гроба. В их странном путешествии к заброшенной церкви не было ничего смешного. Ничего...

...До вечера он пролежал на койке, не отвечая на вопросы встревоженных медсестер. Зашел врач, новый, заменивший исчезнувшую Любовь Леонтьевну, и, покачав головой, прописал какие-то таблетки. Сергей не возражал, покорно принимая бесполезные лекарства. К чему? Сегодня по приказу Филина убьют несчастного замученного профессора, виновного лишь в том, что он прикоснулся к краешку тайны. А чего ждать «майору Павленко»? Перед этой Силой бесполезно любое мужество, любой ум. Сомнут, раздавят — и пойдут дальше...

Ночь принесла облегчение. Пустельга заставил себя встать и одеться. Надо поговорить с Сорок Третьим! Пусть это бессмысленно, ненужно, но оставаться одному еще хуже. Майор вдруг понял, отчего его тянет к этому жесткому, язвительному человеку. Зэк не боялся. Наверное, было время, когда и Сорок Третий знал, что такое страх, но теперь переступил невидимую черту, за которой человек имеет право сказать: «Смерть, ты — не зло!»

Дежурный, даже не ожидая приказа, мигом выложил на стол связку ключей. Кажется, ночные прогулки «майора Павленко» уже становились традицией.

— Скучал, знаете ли, — сообщил зэк, извлекая из кармана пачку папирос. — Что-то вам легко ключи дают, гражданин Сорок Первый!

— Считайте, что меня посылают к вам с провокационными целями.

Они вновь стояли на балконе, подальше от чужих ушей.

— Ага! — хмыкнул Сорок Третий. — Учту. Слушайте, Сергей Павлович, что-то вы сегодня какой-то серый. Я не цвет имею в виду...

Пустельга ответил не сразу. Рассказать? Зачем? Отнять последнюю надежду?

— Просто пришлось спуститься в ад. На разведку. Думаю, скоро нас туда отправят вместе.

— Так сказать, для лечения? — понял зэк. — Ясно... И как там в аду?

— Сыро... А главное — выхода нет. Юрий Петрович, вы знаете, что такое ОСНАЗ?

— Мерзость особого назначения, которая водится в аду. Угадал?

— Угадали...

Сергей замолчал, не зная, что сказать. Что их не выпустят живыми из часовни, в которой когда-то молился Малюта?

— Прогулка в ад не добавила вам оптимизма, — усмехнулся Орловский. — А вы на что-то надеялись? Впрочем, я тоже надеялся... Знаете, отменяю свой заказ на лишний «наган». Во-первых, я не ковбой, во-вторых, там, очевидно, будет Артамонова. Может, хоть ее пощадят...

Пустельга кивнул, хотя думал иначе. Теперь молчали оба. Зэк курил, глядя на темные кроны под окнами. Сергей чувствовал себя растерянным и слабым. Почему он не в силах держаться как Сорок Третий? Может, он трус? Или у врага народа Орловского есть невидимый стержень, позволяющий сохранять достоинство даже сейчас? Для него даже в смерти есть какой-то смысл...

— Давеча перелопачивал свою память, — негромко заговорил Юрий Петрович. — Думал, может, что вспомню... В общем, ничего не вышло, но всплыла одна история. Наверное, в университете рассказали. Про Марка Регула. Слыхали?

Пустельга покачал головой.

— Давнее дело, времен Первой пунической войны. Рим высадил десант в Африке, им командовал консул Регул. Сципиона из него не получилось, десант был разбит, сам консул попал в плен. Карфагеняне отпустили его домой под честное слово, чтобы помог заключить мир. На карфагенских, естественно, условиях...

Зэк достал новую папиросу, щелкнул зажигалкой.

— Курю что-то много... Ну вот, Марк Регул приехал в Рим и сделал все, чтобы сорвать подписание невыгодного догово-

ра. А затем, несмотря на уговоры, вернулся в Карфаген. Так сказать, невольник чести... Вот я и подумал: зачем?

— Не хотел нарушить слова, — предположил Сергей.

— Нам легко рассуждать, — усмехнулся зэк. — Ерунда это все! Консул — глава государства, главнокомандующий. Карфагеняне просто идиоты, что выпустили его из рук. Ну с какой стати Регул должен был заключать невыгодный мир, когда ему самому уже ничего не грозило? Сорвал ненужные переговоры, спасся сам, обманул врага — герой! А от клятвы тогда умели легко освобождать. Может, просто дурак? Вроде нет, дураков в консулы не избирали...

— Так чего же он вернулся? — удивился Пустельга.

— Именно потому, что Регул был очень умным человеком. И очень мужественным. Если б он остался в Риме, враги лишь пожали бы плечами. Что, мол, возьмешь? Но он вернулся — на верную смерть, чтобы доказать: римляне не боятся умирать. А это очень важно — доказать врагу, что ты его не боишься. Если нет страха смерти, чем еще напугаешь?

— И... что сделали с ним?

— Распяли на кресте, — Орловский скривился, — на берегу моря, чтобы, умирая, смотрел в сторону Рима. А заодно отрезали веки, чтобы солнце выжгло глаза. Там народ тоже был изобретательный, не хуже, чем у Ежова...

На фамилию железного наркома Сергей не реагировал. В Ежове ли дело? Похоже, после ночной сцены у Вождя карлику придется туго. Ну и пусть! Даже если его прибьют к стене Лубянки, заставив смотреть в сторону Магадана...

— Юрий Петрович, зачем вы мне это рассказали? Подбодрить хотели?

— Пожалуй, — согласился зэк. — Скажите, гражданин майор, многие ли оказывают сопротивление при аресте? Можете не отвечать, догадываюсь. А когда следователь начинает издеваться, у многих хватает ума врезать ему под дых и умереть сразу, без мук? А когда вы людей к стенке ставите — часто на палачей бросаются?

— Нет... Почти никогда.

— Вот! — Орловский сжал кулаки. — Мрут, как бараны! Вот что страшно! А если бы каждого... Ну, не каждого, пусть одного из сотни, довелось бы с кровью брать? Если б перед вами были не бараны, а волки? Да ваш конвейер захлебнулся бы кровью. Сопротивление — вот что сейчас нужно! Надо показать вашему Сталину: страна не боится, есть люди, которым плевать на «малиновых», «лазоревых» и прочую банду...

— Интересно, за что вас все же арестовали? — невольно усмехнулся Пустельга. — Знаете, гражданин Сорок Третий, у нас в Ленинграде об этом иногда говорят. Шепотом, конечно, среди

своих. Но вывод прост: почти никто из арестованных не считает себя виновным. Верят родной власти.

— Да, наверное... Плохо, что мало кто задумывается об очевидной вещи. Никакая власть, даже самая «своя», не имеет права творить такое. Инстинкт самосохранения нации! Вот его, похоже, и нет. А это ужаснее всего...

Зэк помолчал, затоптал недокуренную папиросу.

— Воображаю, что вы обо мне подумали! Герой сопротивления сидит в санатории и кушает манную кашку! Знаете, когда я оклемался и понял, что к чему, была мыслишка разобраться с теми остолопами, что сторожат за дверью. Но потом решил, что это слишком просто. Раз мною такие шишки, как товарищ Иванов, заинтересовались... Нет, не дезертирую! Мне на него тоже взглянуть любопытно...

Пустельга вспомнил темный силуэт в капюшоне. Знает ли Филин, с кем придется иметь дело? Похоже, знает. Должен знать.

— Иванов тоже, как вы выражаетесь, не дурак, гражданин Сорок Третий. На подобный случай он и держит Викторию Николаевну. Сейчас вы ее не помните, она для вас — лишь имя...

— Догадываюсь, — кивнул зэк. — У вашего Иванова приемы мелких уголовников... Скажите, гражданин майор, вы собирали на Артамонову информацию? Так?

Сергей кивнул, хотя это воспоминание не доставило ему удовольствия.

— Что больше заинтересовало Иванова?

Пустельга задумался. Странно, почему это раньше не пришло ему в голову!

— Вы не поверите! Кажется... Да, точно! Его больше всего заинтересовало ее происхождение. Виктория Николаевна — прапра-пра... и так далее князя Фроата.

— Кого? — удивился Сорок Третий.

— Это по вашей части. Вернее, по бывшей вашей части, Юрий Петрович. Когда дхары были покорены русскими, дочь князя Гхела, она же внучка знаменитого дхарского вождя Фроата, попала в плен. Курбский выдал ее замуж за своего младшего сына — Ивана. От Ивана Курбского пошли Бартеньевы. Виктория Николаевна — дочь Николая Христофоровича Бартеньева, действительного статского советника. Иванов очень удивился, даже попросил копии документов...

— Видите, — усмехнулся Орловский, — опять дхары! Нет, гражданин майор, здесь не просто шантаж готовится! Тут дело в чем-то ином. Черт, даже интересно...

— Очень...

Сергей вспомнил черное подземелье, где даже осназовцев брала оторопь. Сорок Третий прав — они коснулись чего-то важ-

ного, сверхсекретного. Может, не менее важного, чем дела, занимавшие желтоглазого Вождя в Главной Крепости.

— И когда прикажете быть готовым? — поинтересовался зэк.

Пустельга задумался.

— Если Иванов действительно решил устроить прием в аду... Думаю, понадобится еще дня два...

— Для ремонта ада?

— Да, — Сергей вспомнил запустение, царившее в разоренной церкви. — Дня два, не меньше. Так что есть шанс еще увидеться... Ваш ключ на месте?

— Как последний патрон, — рассмеялся зэк. — Знаете, вспомнил еще один фактик из всемирной истории. Какой-то французский маршал всегда трусил перед боем и каждый раз повторял: «Дрожишь, скелет? Ты бы еще больше дрожал, если б знал, куда я тебя поведу!»

Сергею было не до смеха, но он заставил себя улыбнуться. «Дрожишь, скелет?» В отличие от французского маршала, он уже догадывался, куда предстоит им попасть.

Сергей ошибся — за ним пришли следующим вечером. Вероятно, Агасфер-Филин спешил, не мог ждать. Те же «саперы», но уже не Рыбин с напарником, а другие, незнакомые. На этот раз осназовцы держались вежливо. Старший, с лейтенантскими «кубарями», покосился на револьвер, который Пустельга пристегнул к поясу, но возражать не стал. Сергей собирался не спеша, стараясь ничего не забыть. Оружие, пачка патронов... Он вспомнил о промозглой сырости подземелья и захватил с собою шинель. «Саперы» не подгоняли, глядя равнодушно, даже с легкой брезгливостью, как смотрят на нелюбимых покойников.

Все повторилось почти в точности, лишь у палаты Орловского не было привычного караула. Значит, Сорок Третьего уже увезли...

Всю дорогу «саперы» молчали, и Пустельге вновь показалось, что именно так везут покойника. Тянуло спросить, что с бравым сержантом Рыбиным, но Сергей понимал: не скажут. Возможно, нахальный «сапер» просто получил увольнительную, но может, он уже отправился в свое путешествие вслед за бывшим профессором Белиным...

«Ремонт» на набережной был в самом разгаре. Площадку окружал плотный дощатый забор, «рабочие», несмотря на поздний час, активно ковыряли асфальт отбойными молотками. Машину задержали надолго, документы проверяли тщательно, подсвечивая фонарем, заглянули в багажник и даже велели открыть капот.

За забором было тоже людно. Здесь уже не таились, вместо серой саперной формы солдаты были в светлых гимнастерках

ОСНАЗа. Пустельгу провели ко входу в подземелье. Сопровождающий подбежал к машине, коротко переговорил с одним из осназовцев и тут же вернулся.

— Пойдемте, товарищ майор. Вас ждут...

Пустельга быстро оглянулся, глубоко вдохнул теплый апрельский воздух и шагнул к черному отверстию. «Дрожишь, скелет?..» Но страх куда-то исчез. Может быть, именно сейчас Пустельга перешагнул черту, за которой уже нечего бояться.

...Вместо страха он ощутил изумление. Лестница, ведущая в мокрое подземелье, была освещена, вдоль стен тянулись толстые провода, ярко горели лампы, лужи оказались заботливо присыпаны песком. «Саперы» старались не зря. Древние катакомбы теперь чем-то напоминали респектабельное столичное метро.

Спуск на этот раз показался очень коротким, может быть, оттого, что не приходилось каждый раз ощупывать ногой старые ступеньки. Сергей с интересом осматривал проход. Теперь можно было заметить все, прежде скрываемое темнотой — небольшие ниши в стенах, странные непонятные надписи. То и дело встречался знак креста, словно предки хотели остановить нечисть, не выпустив ее из-под земли.

Большой зал показался темным, даже жутковатым. Его не стали освещать, повесив лампу лишь над входом в левый коридор. Теперь Сергей шел не спеша, благо сопровождавшие не торопили. В коридоре тоже оказалось кое-что любопытное. В одной из пещерок, прорубленных в стене, можно было заметить остатки росписей, а над потолком временами попадались ржавые крючья. Вот и место, где фонарь высветил черную крышку гроба. Пустельга вновь удивился — гроб исчез. Присмотревшись, Сергей понял, что его закрыли толстой стальной плитой, привалив с боков тяжелыми камнями.

И тут свет пропал, впереди была тьма. «Сапер» включил фонарь, скользнув лучом по стенам. Выходит, все-таки не успели или у Агасфера не хватило лампочек? В темноте сразу стало неуютно. К счастью, они были уже почти у цели. Сейчас направо...

В широкой галерее было черно, но вход в часовню неярко светился. Об этом позаботились — но не только об этом. Ступеньки оказались застелены черным сукном, а по бокам неподвижно застыли часовые. Их форма тоже была черной, абсолютно незнакомой.

Его подвели к порогу. Сопровождающий легко коснулся плеча и кивнул. Пустельга мельком взглянул на караульных, заметив еще одну странность: оба были узкоглазые, с широкими скулами. Удивляться Сергей не стал. Не все ли равно, кто охраняет Филина?

...Вначале он увидел свечи. Их было немного, не больше десятка, зато все огромные, почти в рост человека. Свечи стояли

вдоль стен, освещая церковь. Впрочем, на храм божий это никак не походило. Все казалось черным — стены, занавешанные тяжелой тканью, пол, покрытый чем-то похожим на затвердевшую смолу. Слева и справа от алтаря стояли два возвышения, напоминающих надгробия. Еще одно, поменьше, вырубленное из черного камня, находилось почти в центре. Алтарь был почти не виден, но Сергей все-таки смог разглядеть большой знак, висевший над местом, где когда-то стоял престол. Пятиконечная звезда, золотая и почему-то перевернутая...

Вдоль стен застыли невысокие косоглазые парни в черной форме. Еще один, но уже в странном широком халате, стоял слева от алтаря. А справа... Там было особенно темно, Пустельга заметил лишь кресло, над которым возвышалась черная тень.

— Заходите, Сергей Павлович...

Знакомый голос донесся именно оттуда, из густой тьмы. Говоривший не напрягался, но его было прекрасно слышно; эхо гулко отдавалось в высоких сводах. Пустельга прошел ближе, остановившись у черного камня.

— ...Благодарю за хорошую работу. Вы сделали даже больше, чем я мог рассчитывать. Во-первых, узнали о дхарских предках нашей подопечной, а во-вторых, обратили внимание на весьма своеобразный саркофаг. Первое нам может помочь, второе, благодаря вам, не сможет помешать. Вас не смущает эта обстановка, Сергей Павлович?

Врать не хотелось:

— Смущает, товарищ Иванов. И даже очень.

— Меня, признаться, тоже. Люди вообще странные создания. Им не обойтись без подобной мишуры. Но даже мишура бывает полезна... Я позвал вас, Сергей Павлович, ожидая от вас некоторой помощи. Если все пойдет нормально, я надеюсь выполнить свои обещания. К утру вы забудете о болезни, зато вспомните самого себя. Не буду слишком обнадеживать, шансов мало, но они все же есть.

Слова звучали успокаивающе, но Сергей уже знал им цену.

— Товарищ Иванов, по-вашему, я переживу эту ночь?

— Не знаю. И никто не знает. Но если вы не о медицине, то опасности не вижу. Вы понравились Сталину тем, что хорошо поработали, а мне — что не стали доносить. Об остальном поговорим позже... Вам придется подождать. Там есть кресло, располагайтесь поудобнее...

Казалось, Агасфер приглашает гостя к обеду. Но Сергей вдруг ощутил: Агасфер волнуется, его спокойствие — напускное...

Один из «черных» отделился от стены и, взяв майор за локоть, проводил к двери справа от алтаря. Здесь тоже были заметны перемены: вход завешан тяжелой драпировкой, на полу горела

свеча, а у стены стояло кресло. «Черный», такой же узкоглазый и смуглый, как и все прочие, козырнул и пропал, задернув полог. Сергей присел, достав папиросы. Итак, он ничего не увидит. Может, и к лучшему, больше останется сил. Теперь уже ясно, что медицина тут ни при чем. Неужели Агасфер верит во всякую чертовщину? А если это не чертовщина, тогда что?

За драпировкой было тихо. Сергей представил, как там, в бывшем божьем храме, застыли «черные» часовые, недвижно стоит странный тип в широком балахоне, замер в своем кресле Филин. Ждут... Кто же будет первым?

Шаги. Кто-то вошел в часовню, остановился. Пустельга затаил дыхание.

— Добрый вечер, Юрий Петрович. — Голос Агасфера был превосходно слышен. — Рад видеть вас снова.

— А нас что, уже знакомили?

Зэк явно не был смущен ни местом, ни обстановкой.

— Совершенно верно. Надеюсь, весьма скоро вы сможете вспомнить это сами.

— С помощью этой ерунды? Вы что там, в Политбюро, черные мессы служите?

В ответ — смех, искренний, без тени недоброжелательности.

— Ну, сразу о политике! Вы не правы, Юрий Петрович. Вы, прежний, сразу сообразили бы, в чем суть. Вкратце поясню: в самой дикой мистике есть элементы разумного. Все это позволяет установить связь с силами, которые иногда очень полезны... Впрочем, надеюсь, мы скоро побеседуем на равных. У вас неплохие шансы — где-то половина на половину...

— А что дальше? Прямо здесь пытать будете?

Пустельга испугался. Ему показалось, что зэк просто ищет смерти.

— Юрий Петрович... — Голос Агасфера загустел, став тяжелым, низким. — Запомните: я никого... никогда... не пытал.

— Тоже мне, чистоплюй! — ничуть не смутился Орловский. — Вон — стая целая, враз по косточке растащат! А вы, значит, руки марать не хотите? Или вы их умываете?

Тишина... Пустельга представил себе Сорок Третьего, стоящего там, перед черным креслом. Да, зэк не зря рассказывал про Марка Регула, консула римского...

— Юрий Петрович, — вздохнул Иванов, — с вашей болезнью вы проживете недолго. Вы уже почти не человек, вы — тень того, кем были прежде. Неужели вы не почувствуете обыкновенной, простой благодарности, если я смогу вернуть вам душу?

— А я думал, что такие, как вы, да еще в подобной компании, души как раз отбираете. Да что за сантименты, гражданин начальник?

— Зря вы, Юрий Петрович... А сейчас — пора. Приступайте!..

Последнее относилось к кому-то другому. Наступила тишина, но вот Сергей услыхал тихий, заунывный голос. Слова странные, непонятные. Не Агасфер... Может быть — тот, в балахоне?

И вновь стало тихо. Какие-то шаги, возня, снова молчание. Наконец — легкий шум. Кто-то вошел в часовню...

— Виктория Николаевна, надеюсь, вы не испугались?

...На этот раз Агасфер был сама предупредительность.

— Немного, — голос женщины показался Сергею слабым, усталым. — Зачем это все?

— Относитесь к этому как к научному опыту. Вы готовы?

— Я? Я готова. Но где Юра... Юрий Петрович? Мне так и не дали с ним встретиться! Вы меня не обманываете?

Пустельга сжал кулаки. Помочь нечем... Чего хочет от нее Филин?

— Он близко. Скоро вы встретитесь. А сейчас — начнем...

Снова молчание, затем — невнятный голос, нараспев читающий чужие странные слова. Легкий шум, опять тишина...

Пустельга достал очередную папиросу, но понял: времени нет. Теперь — его черед. Портьера колыхнулась, пропуская «черного». Пустельга понял и вышел сам.

В церкви кое-что изменилось. Часть свечей погасла, лишь в центре остался небольшой круг света. Он оглянулся, пытаясь найти тех, с кем говорил Филин, и тут заметил, что оба постамента не пусты. На каждом из них — неподвижное тело, покрытое черной тканью.

Его подвели к черному камню. Теперь он наконец-то смог его разглядеть: неровный, грубо околотый с боков, посередине странный рисунок — черепаха с перевернутой пятиконечной звездой на спине...

— Теперь поговорим... — Черный силуэт выступил из тени. — Вы, Сергей Павлович, все-таки не поверили мне. Думали, что на балконе вас нельзя услышать? Что ваши выдумки с ключами пройдут незамеченными? Теряете квалификацию, старший лейтенант Пустельга!

Филин знает и это. Что ж, лучше ужасный конец...

— ...Но я не обижаюсь. В вас говорит болезнь. Вы неправильно воспринимаете мир, Сергей Павлович, иначе не стали бы изливать душу врагу народа, который ненавидит вас, может, больше, чем меня...

Хотелось возразить, возмутиться, но Сергей промолчал. С кем тут спорить?

— Уверен, прежний Пустельга повел бы себя иначе. Но вы работали честно и даже проявили невиданное благородство, не донеся на меня товарищу Сталину. Или, быть может, редкий ум,

что тоже похвально. Я сдержу свое слово и попытаюсь вам помочь. Но сначала о вашей болезни...

Темный силуэт дрогнул. Агасфер шагнул вперед, и Сергей наконец-таки смог его рассмотреть. Тяжелый черный плащ, глухой капюшон — даже здесь Филин скрывал свой лик...

— Это можно назвать болезнью, можно иначе. Чтобы упростить, скажем: вы потеряли душу. Ту самую, существование которой мы, материалисты, отрицаем. Остановимся на этом термине для простоты. Плохо не только то, что вы забыли самого себя. Вы даже не сможете умереть, а это пострашнее подвалов товарища Ежова. Вы станете тем, кого люди называли «не-мертвым». Но я обещал... Если повезет, вы снова станете самим собой. Если нет — умрете, как умирают люди. В любом случае, вы снова станете человеком. Согласны?

— А у меня есть выбор?

...Да, он потерял душу. Но не тогда, когда ему ввели ВРТ. Сергей потерял ее раньше, согласившись служить таким, как Филин. Что ж, умереть человеком — тоже неплохо...

— Вы уже поняли, Сергей Павлович, выбора у вас нет. Для того, чтобы продолжать этот опыт, нужна кровь — ваша. Почему — объяснять долго, да и не это главное. Не жалейте ее, она уже отравлена...

Пустельга невольно усмехнулся. Он еще боялся стать упырем! Вот они, упыри! А он служил им...

— Быть может, нам не увидеться в этом мире, Сергей Павлович. Не хочу, чтобы вы ушли ожесточенным, с ненавистью. Подумайте, я ли виноват в вашей беде? Я не пытался вас погубить, напротив, спас от гораздо худшего и, быть может, сумею помочь вновь стать человеком. Я вам не лгал...

Сергей пожал плечами. Может, и правда. Лгали другие, убедившие его защищать народ в рядах ежовской рати. Не Филин, кто-то иной приказал ввести Пустельге ВРТ. Но над всеми стоял все тот же Агасфер — неотступная тень желтоглазого Вождя...

— Я никого не виню, товарищ Иванов. Кончайте скорее!..

Тень вновь отступила куда-то вглубь, зато приблизился тот, в черном балахоне. Из-под нелепой темной шапочки недобро блеснули раскосые глаза. Странную гвардию завел себе Филин...

С него сняли шинель, поставили у самого камня, чья-то рука рванула ворот гимнастерки. Пустельга, затаив дыхание, ждал выстрела или удара ножом, надеясь не закричать, умереть молча. Но случилось иное. Узкоглазый в черном халате взмахнул рукой — легко, даже не прикасаясь. Боль, резкая, неожиданная... Кожа на груди лопнула, словно по ней полоснули бритвой. Потоком хлынула кровь. Сергей зашатался, но устоял, глядя, как окрашивает-

ся красным вырезанная на камне черепаха. Наконец его шатнуло, и он медленно осел на холодный пол.

...Пустельга был все еще жив, чувствуя, как его тело приподнимают, волокут по земле. Что-то коснулось лица. Он еще успел удивиться, но тут же понял — его накрыли черным полотном, как тех, на каменных возвышениях. Откуда-то издалека доносились странные, непонятные слова, словно его уже отпевали. Сергей вдруг ощутил, что начинает вспоминать нечто важное, совершенно необходимое, он почти у цели... Он вспомнил!..

ГЛАВА 9

«СПРОСИ ЦВЕТОК ЛОТОСА»

— Ученик спросил учителя: «Где искать святыни Пачанга?..»

Господин Чжао произнес это по-китайски, и Чифу понадобилось несколько секунд, чтобы понять сказанное. Вслед за этим должен был следовать ответ, но фольклорист не стал продолжать, угрюмо глядя в яркое весеннее небо. На Пачанг, вернее на то, что от него уцелело, смотреть не имело смысла. Чифу тоже было не по себе. Город исчез, остался лишь страшный почерневший скелет. В воздухе все еще стоял горький запах гари, сапоги ступали по пеплу и потемневшей щебенке. Даже птицы исчезли — вить гнезда стало теперь негде.

Косухин расположил свой «штаб» на главной площади, неподалеку от развалин дворца. К «товарищу Хо» то и дело подбегали разведчики, сообщая одно и то же: руины, пепел, и никого — ни живых, ни мертвых.

...До Пачанга пришлось идти два дня. Вначале двигались с оглядкой, опасаясь засады, но уже к вечеру осмелели. Равнина оказалась совершенно безлюдной, войско, штурмовавшее город, исчезло. Сгинули не только солдаты, пропали деревья, обуглились камни, землю покрыл легкий серый пепел. Чиф все время вспоминал вспышку у горизонта, пытаясь сообразить, что могло вызвать взрыв. Даже целые вагоны авиабомб не в силах сотворить такое. Не разрушить — испепелить.

К тому месту, где когда-то находился Пачанг, подошли под вечер. Над обугленными камнями еще поднимались клубы дыма, но всюду стояла страшная, оглушающая тишина. Никто не стонал, не плакал, не звал на помощь. Товарищ Лю, опасаясь подвоха, решил подождать, но, когда на следующее утро вернулась разведка, все стало окончательно ясно. Город погиб, исчезли его защитники, пропали и те, кто пытался взять священную твердыню...

Появился очередной разведчик, сообщив, что товарищ Лю находится в северной части города, но скоро собирается вернуть-

ся. Там было все то же — руины, камень, пепел, и вновь — ни живых, ни трупов. Чиф кивнул и уже хотел поинтересоваться у господина Чжао, что же ответил учитель, но тут на площади появился Валюженич. Косухин лишь головой покачал — даже издалека было заметно, что дядя Тэд черен с головы до ног, умудрившись запачкать не только одежду, обувь и руки, но и лицо. Господин Чжао тоже увидел своего достойного коллегу и саркастически улыбнулся.

— Пусто! — Археолог тяжело дышал, словно за ним долго и упорно гнались. — Я был во дворце. Хотя какой это теперь дворец!.. Чжао, я видел библиотеку...

— Господин Чжао, — спокойно поправил китаец. — Можно «мистер»... Это вы в библиотеке умудрились привести себя в подобный вид, коллега?

Тэд кивнул:

— Только пепел. Зря шли, Джонни-бой! Они оставили только пепел...

Господин Чжао отвернулся.

— Это была одна из древнейших библиотек Китая, — тихо проговорил он. — Книги привозили в Пачанг из самых далеких монастырей. Значит, теперь нет и ее... Вероятно, это то, что планирует Коминтерн для всей цивилизации, господин Хо?

Отвечать Чиф не стал. Ученый бывал несправедлив, но его чувства понятны. Косухин и сам ощущал горечь, словно был виновен в смерти города. Но он был лишь гостем на этой древней земле, его боль все же не доходила до самого сердца...

— «Где искать святыни Пачанга?» — негромко повторил господин Чжао.

— Учитель ответил: «Спроси у Будды», — отозвался Валюженич.

Фольклорист медленно повернул голову:

— Неточно цитируете, коллега. Не иначе пользовались переводом, изданным в Америке. В подлиннике учитель ответил: «Спроси цветок лотоса».

— А какая разница? — удивился Тэд. — Цветок лотоса и есть символ Будды. Хотя... Цветок лотоса...

Археолог замолчал, что-то прикидывая в уме. Чиф вспомнил, что самая популярная буддистская молитва действительно называет Будду «сокровищем в цветке лотоса».

— Господин Чжао, — поинтересовался он, — учитель имел в виду, что святыни Пачанга нематериальны?

— Вероятно, — ученый пожал плечами. — Мысль не новая, но весьма справедливая. То, что вы видите сейчас, — хороший пример.

Тем временем отряд уже собирался на площади. Последним появился товарищ Лю, тоже изрядно измазанный грязью и пеплом.

— Разрешите доложить! — Он вскинул ладонь к козырьку и надрывно закашлялся. Отдышавшись, Лю Вэйцзян принялся рассказывать. Впрочем, главное Косухин уже знал — город разрушен и абсолютно пуст.

— Мы не видели ни одного трупа, товарищ Хо. А ведь Пачанг буквально стерли с лица земли! Либо они уже успели всех похоронить...

— ...Либо заранее эвакуировать, — кивнул Чиф.

— Так точно. Более того, мне кажется, бомбили уже пустой город. Если так, то Пачанг неплохо ввел их в заблуждение.

— Кого — их? — не удержался Косухин.

— Очень странно, товарищ Хо, — согласился товарищ Лю. — Мы шли по равнине, всюду пепел, камни обуглились, но ни одной воронки, точно огонь пришел с неба!

Косухин кивнул. Он и сам думал об этом.

— Здесь совсем иное — следы бомбежки, артобстрела, осколки, битый камень. И пепел другой. В городе обычный, черный, а на равнине — серый.

— Вы хотите сказать, мистер Лю, что взрыв не затронул Пачанг? — заинтересовался Валюженич. — Но ведь это невозможно!

— Маловероятно, — вежливо поправил его Лю Вэйцзян. — За северной окраиной — снова пепел, а ведь город должен быть в эпицентре. От него осталась бы одна пыль!

— Вам мало? — резко бросил господин Чжао.

Товарищ Лю уже научился пропускать подобные реплики мимо ушей.

— Джон, пошли посмотрим дворец, — предложил Валюженич. — Главный зал все-таки уцелел. Господин Чжао, присоединяйтесь.

Фольклорист не отозвался, но все-таки пошел следом. Южная часть дворца превратилась в щебенку, но дальше стояли стены, начали попадаться целые помещения, правда, изрядно обгоревшие. Крыши не было — она рухнула, завалив обломками остатки здания. Пришлось перебираться через завалы из обгорелых камней, растаскивать бревна рухнувшей кровли. Чиф умудрился поцарапать лицо, вдобавок разорвал бок полушубка. Господин Чжао стоически молчал, но по лицу было заметно, что он весьма жалеет об этой необдуманной экскурсии.

Главный зал сохранился несколько лучше. Часть его оказалась заваленной камнями, но уцелело возвышение, украшенное искусной резьбой, где, по словам дяди Тэда, когда-то находился трон правителя. На полу лежали сброшенные взрывом скульптуры, а напротив тронного места находилась большая каменная ваза. Изображение Будды, большой, покрытый позолотой бурхан, стояло когда-то у противоположной от трона стены, но

именно в этом месте взорвалось что-то особо убойное, оставив от скульптуры лишь мелкие осколки.

Чиф обошел зал, не заметив ничего интересного. Такие же дворцы, но целые, с расписными стенами и фантастическими чудовищами из камня, он уже видел. Здешний не представлял собой ничего исключительного. Между тем господин Чжао рассматривал уцелевшие фрагменты стенных фресок, а Валюженич просто бродил взад-вперед, о чем-то крепко задумавшись.

— Что случилось, дядя Тэд? — наконец поинтересовался Чиф.

Археолог вздохнул:

— Понимаешь, Джон, из головы не выходит цветок лотоса. Ну почему надо искать именно в цветке лотоса?

— Может, аллегория?

— Знаю, знаю! Всюду мифы, аллегории, экзегетика... Но ведь прямо сказано: «Спроси цветок лотоса»!

Чиф пожал плечами:

— Если цветок лотоса — это Будда, то его уже не спросишь.

— Йе! — дядя Тэд посмотрел на разбитый бурхан. — Мистеру Гаутаме на этот раз не повезло. Ладно, пусть будет аллегория...

Он окинул быстрым взглядом зал, достал блокнот и начал набрасывать схему дворца. Господин Чжао, закончивший к этому времени осмотр фресок, покосился на американца, словно тот занялся чем-то непотребным. Дядя Тэд, нарисовав план зала, принялся вновь бродить кругами, забыв даже спрятать блокнот. Наконец, явно отчаявшись, он махнул рукой и предложил отправляться восвояси. Чиф понял, что дядя Тэд никак не может забыть о загадочном цветке.

Лагерь разбили неподалеку от города. Развалины могли легко стать ловушкой, поэтому товарищ Лю спрятал отряд в небольшой балке, выставив часовых. Но вокруг по-прежнему было пусто, лишь однажды где-то вдали послышалось гудение мотора. Самолет прошел стороной, словно стыдясь пролетать над разбомбленным городом.

Оставалось подумать о дальнейшем. Товарищ Лю, впрочем, не испытывал особых сомнений:

— Задачу мы выполнили, товарищ Хо. Теперь обстановка на Тибете более понятна, есть что докладывать Центральному Комитету. Конечно, хорошо бы побывать в Шекар-Гомпе, но для этого требуется серьезная подготовка...

— Оу! — усмехнулся Валюженич, присутствовавший на совещании на правах «большого друга Китая». — Очень серьезная подготовка, мистер Лю! Что до меня, то завтра сфотографирую

то, что осталось от Пачанга, и можно уходить. Джон, у тебя другие планы?

— Нет... — задумался Косухин. — Я хотел узнать, против кого Шекар-Гомп посылает войска. И вот...

— Зато мы узнали кое-что интересное об этих войсках, — заметил товарищ Лю. — Кроме того, товарищ Хо, кто бы не защищал Пачанг, он располагает потрясающим оружием. Из Ганьцзы надо немедленно послать шифровку в ЦК...

Молодой командир был прав. Увиденного хватило бы на целую жизнь, но ведь Чиф не ради этого шел в такую даль. Те, кто боролся с Агасфером, оставались невидимы, с ними не поговоришь, не посоветуешься.

— Если бы не война, я бы остался, — Валюженич достал план зала. — Тут есть что поискать...

— Ты опять о лотосе? — удивился Чиф.

— Должны же они где-то прятать ценности! А что, если этот текст, про ученика и учителя, говорит о дворцовом тайнике? Лотос... лотос... Ладно, ребята, не обращайте внимания, у меня, кажется, сдвиг...

Ночью не спалось. Чиф сидел возле погасшего костра, глядя в черное звездное небо. На Тускуле оно было иным. По-другому располагались созвездия, даже сама темнота чем-то неуловимо отличалась от земной. Именно сейчас, ночью, Косухин чувствовал, что остается чужим на родине предков. Наверное, Бен в чем-то прав. Зачем он, Джон Косухин, вообще вмешался в земные дела? Ему поверили, дали три десятка молодых ребят, половина из которых уже не вернется домой. И ради чего? Из-за научного любопытства? Он чужой — и в Столице, и здесь. Там, в России, людей хватают по ночам, ставят к стенке, стирают в лагерную пыль. В Китае почти двадцать лет идет война, превращая страну в один огромный Пачанг. Честнее оставаться дома, на Тускуле, или, если уж попал сюда, найти тех, кто нуждается в помощи, и взять винтовку, как когда-то сделал отец...

Кто-то коснулся плеча. Косухин резко обернулся, рука легла на «скрайбер».

— Не стреляй, сдаюсь! — дядя Тэд поднял руки. — Джон, хочешь поиграть в Бедлам?

— Как?

Что такое «Бедлам», Косухин не помнил. Валюженич засмеялся, присел рядом.

— Бедлам, Джон, — знаменитая лечебница для психов. Я сейчас направляюсь во дворец. Пойдешь со мною?

— Ночью?!

— Именно! — археолог махнул рукой. — Не вытерплю! Джон, я, кажется, понял...

— Господа, нельзя ли потише? — Из недр мохнатой шубы вынырнула недовольная физиономия господина Чжао.

— Мы сейчас уйдем, — заверил Валюженич. — Или я уйду... Джон, ты — со мной?

— Ладно!

Косухин встал. Все равно спать не хотелось, а отпускать дядю Тэда одного было небезопасно. Валюженич потер руки и тоже вскочил, нетерпеливо поглядывая на еле различимые в темноте руины.

— О'кей, пошли!

— Господин Хо! — воззвал фольклорист. — Вы, надеюсь, не разрешите моему коллеге подобную прогулку. Если он сломает ногу, я его тащить не собираюсь.

— Оу, господин Чжао! — отозвался археолог. — Присоединяйтесь! Я вам кое-что покажу.

— Да? — Китаец не спеша встал. — Вообще-то, хорошо поглядеть на ваш очередной афронт. В подобных случаях у вас бывает очень забавный вид...

Когда господин Чжао собрался, Валюженич нетерпеливо притопнул ногой и первым шагнул в темноту. Остальные поспешили следом, причем фольклорист продолжал бормотать себе под нос нечто нечленораздельное, но весьма понятное. Пробираться через развалины в темноте оказалось еще труднее, чем днем, однако Валюженич умудрился запомнить удобные проходы, находя их даже ночью. Вскоре они оказались среди руин дворца. Преодолев последний завал, археолог первым вошел в тронный зал и быстро провел фонариком по углам.

— И что вы ищете? — поинтересовался господин Чжао, перебираясь через очередную каменную глыбу. — Пачангских призраков?

— Оу, само собой! Но, кажется, здесь пусто.

— А кого вы ожидали? Не забудьте, коллега, вы обещали кое-что продемонстрировать.

— Йе! — Валюженич притопнул ногой. — Джон, мистер Чжао, прошу сюда!

Он подбежал к тронному возвышению, обернулся.

— Господа! Хочу проверить одну догадку. Так где находятся святыни Пачанга? Что ответил учитель?

— «Спроси у мистера Валюженича», — пробурчал фольклорист. — Или вы, коллега, обнаружили здесь лотос?

— Вот! — Луч фонаря упал на огромную каменную вазу. — Форма! Видите?

Действительно, при определенной фантазии, затейливое произведение неизвестного мастера могло напомнить чашу цветка.

— Коллега, я уже заглядывал внутрь, — вздохнул господин Чжао. — Кроме того, она намертво прикреплена к полу.

— Да... — Археолог, подсвечивая фонариком, принялся внимательно осматривать «лотос». — Ее, конечно, не сдвинешь. А открываться тайник должен просто и быстро...

— Поищите кнопку, — посоветовал фольклорист. — Именно так обычно бывает в ваших голливудских фильмах.

Чиф, однако, заинтересовался и начал внимательно рассматривать плиты пола.

— Они не двигались уже очень давно, — заключил он. — Много старой пыли...

— Я заметил, — Валюженич, опустившись на корточки, ковырнул землю, набившуюся между камнями. — Плиты не сдвигались, чаша не приподнималась... Черт! Джон, давай подумаем... Начинается штурм, тот, кто хранит ценности, подходит к чаше...

— Дядя Тэд, — перебил Косухин, — каким должен быть механизм, открывающий тайник?

— Самым простым. Гидравлика и все прочее могут отказать. Значит, обычная механика.

— Следовательно, хранитель тайника мог рассчитывать только на свою силу. Приподнять чашу он не мог...

— Зато мог повернуть, — негромко подсказал господин Чжао.

— Йе! — Валюженич чуть не подскочил. — Пробуем! Джон!..

Вдвоем они вцепились в края вазы и резко нажали, но «лотос» оставался неподвижен.

— Стоп! — Валюженич перевел дух. — Мы двигаем ее против солнца, а надо наоборот... Господин Чжао, помните, на некоторых изображениях лотоса в тибетских монастырях встречаются линии, идущие вокруг цветка. Они утолщены в конце...

— Символ вращения мира, — кивнул китаец. — Мир вращается, естественно, по солнцу...

— Начали!

Они вновь взялись за края каменного «лотоса». Резкий рывок, Косухин чуть не упал, еще рывок. Чаша повернулась — почти на целый оборот. Еще нажим... «Лотос», легко поддаваясь, провернулся полностью, затем снова...

— Вроде водопроводного вентиля, — без особого почтения заметил археолог. — Кажется, им недавно пользовались!..

Он отошел от чаши и принялся осматривать зал. Луч фонаря скользил по полу, но все плиты оказались на месте. Все так же недвижно стояло тронное возвышение.

— Но ведь что-то мы сдвинули... — растерянно проговорил Валюженич. — Может, тайник завалило обломками?

Фонарь осветил противоположную стену, скользнул ниже...

— Есть!

Слева от того места, где когда-то стоял трон, в стене темнело ровное четырехугольное отверстие. Тэд, чуть не зацепившись ногой о лежавший на полу обломок камня, бросился к тайнику, Чиф поспешил за ним. Фонари осветили уходящую вниз каменную лестницу.

— Понятно, почему каменная облицовка не по всему залу, а только здесь, — бормотал археолог. — В общем, я где-то уже видел такое. Кажется, в Египте... Или на Юкатане...

— Это не обязательно тайник, — заметил господин Чжао, вглядываясь в темную глубину. — Может быть, подземный ход, который ведет за город...

— Да, конечно!.. — Дядя Тэд прищелкнул пальцами. — Остается взглянуть.

Лестница оказалась не особо длинной, не больше тридцати ступенек. Дальше начиналась ровная подземная галерея, вырубленная в цельной скале. Валюженич нетерпеливо бросился вперед и тут же остановился. Путь преграждала каменная плита.

— Но почему? — Археолог в сердцах ударил кулаком по неожиданному препятствию. — Это же нелогично!

Косухин огляделся. Галерея, ровные гладкие стены, каменная плита... Ее поверхность оказалась тоже гладкой, лишь в правом углу мастер оставил странный след — вырезанный в камне отпечаток ладони.

— Плита должна отодвигаться! — твердил Валюженич, рассматривая стыки. — Легко, быстро... А черт! Принесем пару гранат, рванем...

— Неплохая будет гробница, — кивнул господин Чжао.

— А... может, она тонкая? Ну надо же! Под самый конец...

Тонкая? Чиф вдруг вспомнил то, о чем старался думать как можно реже. Он не такой, как другие. В горах ему было легче переносить холод, его аура не похожа на человеческую, а кроме того...

— Отойдите, пожалуйста...

Неизвестно, что подумали ученые, но, переглянувшись, отступили обратно к лестнице. Сняв куртку, Джон осторожно коснулся рукой поверхности плиты. Сейчас! Нужно сосредоточиться...

...Пальцы утонули в камне. Косухин на миг испугался, затем сжал зубы и чуть надавил. Рука ушла по локоть, но там, в глубине, все еще был камень. Чиф быстро освободил руку, вытер со лба внезапно выступивший пот. Плита очень толстая, такую гранатой не возьмешь... И вдруг он обратил внимание на странный след — ладонь, вырезанную в камне. А что, если?..

Ладонь легла в углубление. Неизвестный мастер почти угадал: кисть Чифа оказалась лишь ненамного меньше. Послышалось легкое гудение, словно где-то в глубине включился мощный ме-

ханизм. Косухин даже не успел испугаться — камень под рукой дрогнул, плита зашевелилась и начала медленно исчезать в стене, открывая темный проход.

— Джон! Ты что сделал? — Валюженич одним прыжком очутился рядом, светя фонарем.

...Снова лестница — очень короткая, ведущая в большое подземное помещение...

— Н-ничего, — Косухин отвернулся. — Наверное, потайная кнопка...

Объясняться не хотелось. Случившееся почему-то совсем не обрадовало. На кого был рассчитан хитрый механизм? Не на тускуланца же! Тогда на кого — на духа-цха?

— Так-так... Нечто вроде зала, какая-то стела...

Валюженич, забыв о плите, уже сделал шаг вниз, как вдруг остановился:

— Нет. Так нельзя!..

— Разумно, — господин Чжао тоже подошел поближе, — плита может стать на место в самый неподходящий момент. Так вы говорите, кнопка, господин Хо?

— Ну, не кнопка, — смутился Чиф. — Там какое-то углубление...

— Тогда подумаем... — Тэд присел на корточки. — Плита уходит в стену, нечестивцы спускаются в тайник, плита возвращается на место...

— А, с позволения сказать, «кнопка» — только с внешней стороны, — кивнул фольклорист. — Хотя и Голливуд, но весьма логично.

— Тогда... — Валюженич еще раз осмотрел проход. — Плита упирается в глухой камень. Если что-то подложить, что-то очень крепкое...

За «очень крепким» пришлось подниматься наверх. Нужный обломок нашли быстро — фрагмент каменной статуи из твердого гранита. Не без усилий его скатили вниз по лестнице, затем, переворачивая, откантовали в конец прохода.

— В правый угол, — распорядился Валюженич. — Если плита станет на место, можно будет пройти.

Наконец обломок был установлен. Археолог, еще раз оглядев нехитрое приспособление, остался весьма доволен:

— Кажется, все. Посмотрим!

Лучи трех фонарей заскользили по тайнику. Дядя Тэд не ошибся — перед ними был зал четырехугольной формы, почти квадратный, с ровными, аккуратно отесанными стенами. В глубине, у левой стены, возвышалось нечто, напоминающее пилон. Возле самой лестницы на полу стояли две стеклянные лампы.

— Опоздали, — вздохнул Валюженич. — Кажется, все успели перепрятать.

Он быстро спустился по ступенькам, за ним последовали остальные. Тут же послышалось гудение — плита дрогнула и попыталась стать на место, но гранитный обломок надежно зафиксировал ее в полуметре от края прохода.

— Вовремя сообразили, — констатировал Валюженич. — Ага, керосиновые лампы! Предусмотрительно...

Он достал зажигалку. Через мгновение неровный колеблющий свет залил подземелье. Одна лампа досталась археологу, другой завладел господин Чжао, Чифу пришлось довольствоваться фонарем.

— Значит, так... — Тэд быстро обошел зал. — Помещение четырехугольное, приблизительно семь на семь метров, стены сплошные, ни дверей, ни проходов...

Он подошел к каменному пилону.

— Ого!

Поверхность камня оказалась покрытой небольшими, похожими на странных уродливых муравьев, знаками.

— Странно, я не знаю этой письменности, — господин Чжао провел рукой по твердой черной поверхности. — По-моему, иероглифическая... Господин Валюженич, я почти уверен, что ни на Тибете, ни в Китае подобное еще не встречалось.

— Зато встречалась кое-где еще... Йе! — Тэд резко обернулся. — Вспомнил! Мне такое показывал мистер Арцеулов. Он вместе с твоим отцом, Джон, нашел несколько деревянных табличек. Очень похоже!..

— Это хранилось в тайнике, — заметил господин Чжао. — Значит, либо надпись считалась тайной, либо сам камень был реликвией... Господин Валюженич, вы ведь захватили с собой фотоаппарат?

— В лагере, — кивнул археолог. — Завтра все пересниму, заодно скопирую на восковую бумагу... Ну, я почти доволен. Мистер Арцеулов скажет нам всем большое спасибо!

— А таблички расшифрованы, дядя Тэд? — поинтересовался Косухин.

— Пока нет. Там мало текста, не за что ухватиться. Ну, теперь будет легче! Представляете, господин Чжао, таблички были найдены в Южной России! Откуда же эта надпись?

— Вопрос чисто риторический, коллега, — пожал плечами Чжао. — Но в любом случае, поздравляю. Это — находка...

— И, пожалуй, единственная... — вздохнул археолог.

Они прошлись по залу, но ничего больше обнаружить не удалось. Правда, в левом углу Чиф увидел еще один камень, на этот раз вмурованный в стену — черный, гладкий, грубо отесанный с боков. Особого интереса находка не вызвала, Валюженич лишь

предположил, что это очередной священный артефакт, которых в тибетских храмах полным-полно.

Чиф, однако, не спешил. Камень показался каким-то странным. Косухин провел рукой по гладкой полированной поверхности, похожей на темное стекло или загустевшую смолу. Рука нащупала какую-то щербинку. Джон поднес фонарик ближе — в полированной поверхности кто-то оставил пять маленьких углублений, расположенных веером. Их вполне можно было накрыть ладонью... Да! След ладони, такой же, как на плите, только на этот раз мастер обозначил лишь кончики пальцев. Значит, следует лишь приложить руку...

Чиф не спешил. А вдруг это ловушка? Грабители, обрадованные успехом, спешат приложить руку к поверхности черного камня...

— Йе, Джон!

Косухин резко обернулся. Валюженич стоял в центре зала, керосиновый фонарь был зачем-то поднят над головой.

— Что случилось? — господин Чжао появился откуда-то из дальнего угла. — Вы обнаружили золотой саркофаг, коллега?

Валюженич рассмеялся:

— Нет, просто вспомнил одну любопытную историю. Хотите послушать?

— Как всегда, из Диснея? — буркнул фольклорист.

— Почти. Всегда рассказываю ее студентам на первой лекции... Случилось это в Испании в 1876 году. Археолог Марселино Саутуола решил обследовать одну пещеру. Его маленькая дочка, лет шести, попросила отца взять ее с собою. Тот не возражал...

Валюженич перевел дух:

— Они спустились вниз, Саутуола, как водится, стал смотреть под ноги, нашел пару обработанных камней. А девочке стало скучно, и она стала глядеть не вниз, а...

— ...Вверх, — вздохнул господин Чжао. — Так были открыты знаменитые росписи Альтамиры, о чем я прочел приблизительно в возрасте этой девочки. И что из данного рассказа следует?

— Вот что! — Рука археолога указала на потолок.

...Красные клубящиеся тучи, закрывающие золотой небосвод, вал кроваво-красных облаков, из-под которых проглядывает черная твердь... Фреска казалась объемной, живой — и очень знакомой. Чиф включил фонарь. Да, все было именно так: слева клубящиеся тучи, занявшие полнеба, справа силуэты золотых пагод. Пачанг... Тогда, в его видении, город выглядел совсем иначе, чем изобразил его неведомый художник, но он находился там же, над горизонтом. А чуть дальше...

Валюженич, тоже заметивший силуэт золотого города, постарался поднять фонарь повыше... Всадники! Маленькие фигурки

детели по небу, навстречу кровавым молниям и черным птицам... Косухин направил луч света к краю облачного фронта. Именно здесь ему почудилась фигура старика с седыми волосами и жезлом в руке. Точно! Художник нарисовал и его, хотя выглядел старик совсем иначе, на нем был широкий черный халат, вместо жезла рука держала посох с фигурным навершием. Чиф поглядел правее и увидел того, с кем вышел на поединок носитель посоха. Он тоже выглядел совсем по-другому — воин в блистающих золотом доспехах. На длинном мече, извлеченном из ножен, светились еле заметные звездочки...

— Потрясающе! — выдохнул господин Чжао. — Тэд, вы видели что-нибудь подобное?

— Господин Валюженич, — поправил злопамятный археолог. — Можно «мистер»... Нарисовано неплохо, но сюжет неоригинальный. Небесная битва, добро и зло...

— Да что вы говорите! — возмутился фольклорист. — Вы когда-нибудь встречали именно такую композицию? Тучи, всадники, два предводителя?

— Наверно. Не уверен, конечно...

— А я уверен, — в голосе господина Чжао чувствовалось немалое волнение. — Ничего подобного не видел и не встречал. Разве что...

Он поглядел на Косухина. Тот смутился.

— Господин Хо! Вы очень меня обяжете, вспомнив ту книгу, в которой вы прочли описание небесной битвы. Если бы я мог, то лично извинился перед ее автором за столь необдуманную характеристику его труда... Господин Валюженич, мы сможем это сфотографировать?

Археолог помолчал, что-то прикидывая.

— Днем здесь будет светлее, поставим несколько фонарей. Думаю, получится. У меня есть чувствительная пленка... Ну как, господин Чжао, довольны?

Ответить фольклорист не успел. Со стороны входа послышались шаги, и через минуту в помещение вошел Лю Вэйцзян с карабином наперевес.

— Товарищ Хо? Вы здесь?

Тут только Чиф сообразил, что они ушли из лагеря, никого не предупредив.

— Часовой сказал, что вы пошли в город, — продолжал товарищ Лю. — Я немного волновался...

Он обошел подземелье, равнодушно бросив:

— Тайник? Видел такое!..

Валюженич попытался объяснить молодому командиру ценность находок, показав надпись и фреску. Лю Вэйцзян выслушал внимательно, кивнул:

— Вам виднее, товарищ Ю Жень. Зря вы только так неосторожно сюда вошли. Монахи могли мину установить, с них станется... А Зеркало Пачанга нашли?

Ученые переглянулись:

— Простите, господин Лю, — вкрадчиво проговорил фольклорист. — А какой информацией вы располагаете?..

— Как? — удивился разведчик. — Это же детская песенка, у нас в деревне ее каждый знает! Там сказано, что в священном Пачанге есть зеркало из черного камня. Разве вы не помните?

Если сможешь отразиться в Черном Зеркале Пачанга,
Ты немедля превратишься в обезьяну Сун Укуна.

— Камень! — Валюженич, хлопнув себя по лбу, бросился в дальний угол. — Черный гладкий камень! Какой же я идиот!..

— Я тоже, коллега, — бормотал господин Чжао. — Мы оба идиоты!..

Ученые обступили странную находку. Валюженич провел рукой по камню, покачал головой, достал блокнот:

— У меня здесь описание Зеркала из одной рукописи: «...И увидел я гладкий камень, на камень не схожий, теплым он был под рукой, и синева рождалась от тепла...»

— Да-да... — кивнул фольклорист. — Смотрите, вот углубления, похожие на следы пальцев...

Чиф понял, что его маленький секрет раскрыт. Господин Чжао приложил руку к поверхности Зеркала, но ничего не произошло. Косухин невольно усмехнулся и обратился к Лю Вэйцзяну.

— Товарищ Лю, вы напрасно тревожились. В городе не осталось даже собак...

Тот пожал плечами:

— Я отвечаю за вас. К тому же... Над городом кружил самолет.

— Что?!

Косухин встревожился. Он слишком быстро забыл о тех, кто осаждал Пачанг.

— Самолет шел на большой высоте, товарищ Хо, нас, думаю, не заметил. Но я бы посоветовал немедленно уходить...

Чиф кивнул, но тут же вспомнил о дяде Тэде и господине Чжао. В двух словах он пояснил разведчику, в чем дело. Тот вздохнул:

— Наука! Понимаю, товарищ Хо... Сколько нужно, чтобы все это описать и сфотографировать?

С этим вопросом пришлось обращаться непосредственно к ученым. Вначале оба самым категорическим тоном заявили, что потребуется не меньше недели. После не менее категорического совета поспешить сошлись на трех днях, но в результате долгого спора согласились управиться за сутки. Товарищ Лю остался доволен, обещав выделить двух бойцов в помощь науке.

...Под утро, когда участники похода наконец решили немного поспать, Валюженич отозвал Чифа в сторонку.

— Джон, я хотел спросить... Как ты открыл дверь?

Косухин на мгновение растерялся, но затем решил сказать правду. Выслушав его, археолог кивнул:

— Я что-то такое и подозревал. Знаешь, мне показалось, что ты даже погрузил руку в камень...

— Тебе не показалось. Я с Тускулы, дядя Тэд...

Чиф вспомнил беседу с Беном и его сестрицей, сосредоточился и заставил лежавшую рядом кружку приподняться на полметра над землей. Валюженич протер глаза.

— А... Ну да... с Тускулы... А летать вы не умеете?

— Еще нет...

Кружка с глухим стуком упала на землю. Валюженич вздохнул и начал тереть лоб.

— Только... Дядя Тэд, ты никому не рассказывай...

— Никому, — тут же согласился американец. — Знаешь, Джон, никак не привыкну. Ты, сын Стива, — инопланетянин...

Слово, сказанное в шутку, внезапно расстроило. Обижаться нечего, он, Джон Косухин, — действительно самый настоящий инопланетянин. И хорошо еще, если его необычные возможности связаны с Тускулой. На кого же рассчитан «замок» каменной двери? Вспомнилась поэма, о которой говорил фольклорист. Пачанг, небесный город, готов впустить духа-цха, а не человека. Господин Чжао приложил руку к Зеркалу, но ничего не случилось. А что будет, если...

Наутро Лю Вэйцзян отвел отряд ближе к городу, спрятав людей между сгоревших домов на окраине. Часовые с тревогой поглядывали на небо, но ничто не нарушало спокойствия. Валюженич и его китайский коллега, сопровождаемые двумя разведчиками, взяли необходимую аппаратуру и направились во дворец.

Между тем командир Лю был очень занят. Тех, кто не стоял в карауле и не помогал ученым, он направил в степь. Разведчики возвращались по одному, докладывая об увиденном. Товарищ Лю заносил данные на карту, кивал и все крепче задумывался. Наконец, решившись, он обратился к Косухину.

— Товарищ Хо, можно с вами посоветоваться?

Чиф кивнул и подошел ближе к карте.

— Допустим, противник бомбил Пачанг, те нанесли ответный удар. Но куда же исчезла армия? Неужели превратилась в пепел?

— А если так? — осторожно предположил Косухин. — Если здесь применено какое-то неизвестное нам оружие?

— Бомба неимоверной силы, — задумчиво проговорил молодой командир. — Я тоже так думал, товарищ Хо. Но как объяснить, что уцелели руины?

Ответить было нечего.

— Бойцы увидели кое-что любопытное. Как вы считаете, товарищ Хо, при подобном взрыве должна быть сильная ударная волна?

— Еще бы! — Чиф вспомнил вспышку, озарившую небо. — Здесь все должно было стереть в порошок!

— Но не стерло...

— Зонтик над Пачангом? — невольно усмехнулся Косухин.

— Да, очень похоже! — Сравнение явно понравилось разведчику. — Пусть так... Но все, что рядом, должно быть уничтожено! Зона поражения — более двадцати километров, она тянется до самых гор. Так ведь? Но в километре отсюда уцелели деревья. Обуглились, обгорели, но до сих пор стоят! А вот это уже необъяснимо...

Чиф не знал, что и сказать. Взрыв такой силы должен уничтожить все, даже бетонные укрепления, даже танковую броню. А тут — деревья! Разве что...

— Это был не взрыв, товарищ Лю! Это что-то, напоминающее... стену огня! Эпицентр был в Пачанге, пламя пошло во все стороны, но ударной волны не было!

— Поэтому устояли деревья, превратившись в уголь... — медленно проговорил Лю. — А город уцелел потому, что пламенем управляли, оно двигалось лишь в одном направлении... По-моему, это еще более невероятно, чем сказки про Сун Укуна!..

Спорить не приходилось. Армия, преодолевшая горы, взорвавшая завал в ущелье, бросившая на Пачанг все, включая современную авиацию, превратилась в серый пепел. Да, Агасфер не всемогущ. Есть кто-то иной, способный его остановить. Но город пуст, спросить некого...

Ближе к вечеру Чиф решил навестить дворец. Там кипела работа. Двое бойцов под присмотром Валюженича устанавливали освещение для съемки фрески.

— Мы уже сфотографировали надпись, — сообщил археолог. — Мистер Арцеулов останется доволен. Жаль, если фреска не получится, света все-таки маловато. Я, правда, кое-что зарисовал...

— Дядя Тэд, а... Зеркало? — решился Чиф. — Вы его смотрели?

— Угу, — кивнул американец. — Тут у нас с господином Чжао вышли разногласия...

«Неужели?» — хотел спросить Косухин, но сдержался.

— Мне кажется, что это все же не Зеркало Пачанга. Слишком просто оно выглядит, ни надписей, ни украшений. В средневековье любые священные артефакты оформляли очень пышно...

— Совершенно верно, коллега! — Господин Чжао наставительно поднял палец вверх. — В средневековье! Зеркало старше, поэтому никто не решился украшать или как-то обрабатывать его. Это же реликвия!

Валюженич пожал плечами, нисколько не убежденный.

— А это... Зеркало... Оно как-то действует? — поинтересовался Косухин. В ответ раздался дружный хохот — на этот раз ученые оказались вполне солидарны.

— Это обычный камень, — отсмеявшись, пояснил дядя Тэд. — Довольно редкий в этих местах, но встречающийся в Индии. Оттуда его, похоже, и привезли.

— А след руки? — не выдержал Чиф. — Он похож на тот, что на входной двери...

— Совершенно верно, — кивнул господин Чжао. — Но, если вы заметили, господин Хо, на Зеркале имеются лишь следы кончиков пальцев. В этом есть смысл. След ладони на двери — настоящий замок, а на зеркале — символический. Монахи поясняют его так: человек может коснуться тайны лишь кончиками пальцев, полностью она недоступна...

— Но мы проверили, — подхватил археолог. — Я держал свою руку ровно три минуты, господин Чжао — все пять...

— Четыре с половиной, — поправил фольклорист. — Исключительно для очистки совести. И вообще, Зеркало Пачанга даже в мифах не открывается грешным людям. Впрочем, если вы, господин Хо, желаете лично попытаться...

Чиф не стал спорить. Подождав, покуда Валюженич вновь займется своей нелегкой работой, он незаметно отошел в дальний угол и стал у черного камня. Всем в подземелье было теперь не до него. Археолог расставлял аппаратуру, бойцы двигали фонари, а господин Чжао сварливым голосом подавал советы. Убедившись, что на него не смотрят, Косухин провел рукой по гладкой поверхности Зеркала, нащупал углубления и быстро приложил ладонь. Ничего не случилось, камень оставался темным и немым. Косухин, облегченно вздохнув, уже хотел убрать руку, как внезапно почувствовал тепло. Камень нагрелся, в кончики пальцев, казалось, вонзились сотни маленьких иголок. Боли не было, напротив, Чиф ощутил прилив бодрости и силы. И тут из-под пальцев начали медленно проступать небольшие синие пятнышки...

Косухин оторвал руку от Зеркала и быстро оглянулся. Похоже, никто не заметил. Он отвернулся, стараясь не глядеть на вновь ставший черным камень. «...Теплым он стал под рукой, и

синева рождалась от тепла...» Рука пришельца с далекой Тускулы, открывшая путь в подземелье, оживила Зеркало...

Чиф выбрался наружу, с наслаждением вдохнув свежий весенний воздух. Ну почему получается именно так? Отправляясь на Землю, он думал устанавливать связи с подпольем, собирать информацию, исследовать странную — страшную! — политическую систему, существующую на родине предков. А пришлось столкнуться вначале с тайной могилы на Донском, с краснолицым Волковым, теперь еще и с этим... Что он расскажет дома? Бен открыл тайну Института в Теплом Стане, Лу пытается понять психологию тех, кто стал жертвой сталинской мясорубки, а чем занимается он?

Захотелось немедленно оказаться дома. Там — привычные дела. Отец проводит испытания новой техники, Центральный Комитет соцпартии готовится к избирательной кампании, боевые ребята из Совета Генерации планируют устройство первого постоянного поселка в Долине Больших Ветров... Все просто и понятно, а если и встречаются тайны, то научные, вполне объяснимые с точки зрения здравого смысла: пространственная связь, ауэрит Кента, термоядерный синтез, молекулярное копирование. Все ясно, разумно и привычно. Он — тускуланец. Бен, наверно, прав...

До ночи Косухин просидел в лагере, без возражений одобряя все распоряжение товарища Лю, готовившего отряд к завтрашнему походу. Да, пора уходить. Он вернется в Столицу, заберет Бена и Лу и отправится домой. Тайна останется тайной, Агасфер будет по-прежнему непобедим, и все пойдет своим чередом...

Уже в полной темноте вернулись Валюженич и Чжао. Ученые выглядели довольными и усталыми. Тэд сообщил, что все задуманное выполнено и теперь дело за их недоверчивыми коллегами. Фотографии и записи позволят разгромить скептиков в пух и прах.

...Все давно заснули, над Пачангом взошла тонкая молодая луна, а Чиф все еще не мог решиться. Завтра утром они уйдут и уже никогда не смогут узнать... Он шел за сотни километров ради того, чтобы получить ответ. Отвечать оказалось некому, но есть еще странное Зеркало в подземелье. Если он, Косухин, не рискнет, то станет просто дезертиром. Ведь чтобы помочь ему, погибли люди, готовые идти за «товарищем Хо» даже в ад... На душе было муторно, но Косухин заставил себя встать. Он пойдет, а там — будь, что будет!..

Чиф разбудил товарища Лю, приказав никого не выпускать из лагеря. Встревоженный разведчик предложил пойти вдвоем, но

Косухин повторил приказ. Лю Вэйцзян подчинился, хотя и без всякой охоты. Чиф взял фонарь и быстро пошел по улице, ведущей к развалинам дворца.

Уходя, Валюженич и Чжао позаботились надежно укрыть тайник, но повернуть каменный «лотос» не составило труда. Сложнее оказалось в подземелье. Камень, служивший стопором, оказался сдвинут далеко в сторону, но Чиф решил рискнуть, будучи почему-то уверен, что выберется из западни. Ладонь легла на камень, послышалось легкое гудение... Он шагнул вниз по лестнице, тут же услыхав, как за спиною захлопнулась «дверь».

Косухин не включал фонаря, но, к своему удивлению, заметил, что в подземелье не так уж и темно. Свет шел откуда-то сверху, Чиф поднял взгляд — и ахнул. Светилась фреска. Потолок словно стал небом, глубоким, бездонным. Живой, теплый блеск золота, алый неровный огонь, клубящаяся чернота... Как же они не заметили этого раньше? Или все дело в том, что тогда он, Косухин, был не один?

Чиф бросил взгляд на кипение кровавых облаков, закрывающих золотое небо, глубоко вздохнул и прикоснулся рукой к следам на черном камне.

ГЛАВА 10

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНОГО

По пальцам струилось тепло, легко покалывали невидимые иголочки. Косухину показалось, что он ощущает еле заметную вибрацию, идущую откуда-то из самой глубины монолита. И вот под рукой начала проступать синева — сначала небольшие пятнышки, затем широкий ореол вокруг ладони. Чернота исчезла, сменяясь густой лазурью, потом поверхность начала бледнеть, наконец стала матовой, засветилась. Чиф уже хотел отдернуть руку, но решил выждать. И не ошибся: бледная пелена лопнула, пошла клочьями. Перед ним было Зеркало — огромное, в полный рост, и в этом Зеркале отражался он сам.

Вид оказался не слишком героическим. Не отрывая руки, Косухин поправил сбившееся на сторону кепи, одернул ремень и подмигнул. Изображение ответило, и Чиф окончательно успокоился. Остроумная выдумка! И вдруг он заметил, что Зеркало отражает только его самого. А вот остальное...

...За спиною у Чифа была полутьма подземелья, в Зеркале же отражался день. Чиф-отражение стоял на каком-то каменистом склоне рядом с тропинкой, уводившей куда-то за край...

Косухин отдернул руку. Ничего не изменилось, отражение в точности повторило его жест. Отступив на шаг, Чиф осторожно

присел на пол. И тут ему показалось, что изображение подмигнуло. Косухин чуть было не вскочил, но сдержался. В конце концов, всякое возможно. Надо посидеть, успокоиться...

— Это правильно!

Слова прозвучали внезапно. Только через несколько секунд Чиф сообразил: говорило отражение. Губы двойника двигались беззвучно, но смысл сказанного мгновенно отпечатывался в сознании. Косухин помотал головой. Это уже не Зеркало, такое называется иначе...

— Это можно назвать и Дверью, — согласился Чиф-отражение. — Но сейчас ты смотришь в Зеркало. Впечатляет?

Похоже, двойник не прочь пошутить. Косухин вздохнул:

— Весьма...

Он произнес это вслух. Голос странно прозвучал под низкими каменными сводами.

— Ну что, адаптацию закончили? Только не спрашивай, отчего у меня день, а у тебя — ночь.

— Если б у тебя была ночь, я бы ничего не увидел, — заставил себя улыбнуться Косухин. — А насчет местности?

— Эту тропинку видел твой отец, когда побывал здесь...

Чиф замер. Такого он не ожидал.

— С кем... С кем я говорю?

Чиф-отражение удивленно поднял брови:

— А ты как думаешь? В качестве подсказки — это все-таки Зеркало...

Косухин взглянул на двойника, похоже, весьма довольного происходящим. Зеркало... Оно отражает... Оно усиливает отражение...

— Я... я говорю с самим собой?

— А зеркало помогает найти правильный ответ, — кивнул двойник. — Впрочем, если хочешь, могу назваться любым мифологическим персонажем. У вас как, на Тускуле, с народными суевериями?

— У нас, — усмехнулся Чиф, постепенно приходя в себя. — Ты ведь моя копия...

— Оптическая и плоскостная... Поправка принята. Ну, и о чем поговорим?

Чиф вдруг понял, что двойник очень точно воспроизводит не только его манеру речи, но и сами фразы.

— Обо мне. Об отце. И о Пачанге. Если можешь, помоги.

Двойник покачал головой:

— Та знаешь все, что надо. Попытайся теперь осмыслить, Зеркало для этого и предназначается. Что тебя больше интересует: эта сторона Зеркала или та?..

Чиф задумался.

— Начнем с твоей. С Пачанга.

— О Пачанге лучше спроси дядю Тэда, — усмехнулся Чиф-отражение. — Или ты веришь, что где-то в небесах существует город, где живут посредники между людьми и богами? Кажется, Свифт об этом писал. Лапута, если не ошибаюсь?

— Я серьезно...

Двойник усмехнулся и присел на камешек, точно скопировав позу Чифа:

— Это сейчас ты серьезен. А дома, вспомни? От твоего немудреного юмора изрядно страдали одноклассники. Ладно, вариант с Лапутой оставим. Как насчет райских кущ?

Чиф поморщился, двойник тоже, но с некоторым запозданием.

— Погоди! Там, за Зеркалом... Там какое-то другое измерение?..

— Состояние — так будет точнее. Измерений, насколько я знаю, три. Даже если верна теория множественности миров, в каждом их столько же. Пачанг — Дверь...

Косухин задумался. Дверь... Но ведь отец...

Двойник кивнул:

— Он был здесь, Джонни-бой. Твоя кровь — следствие этого. Ты, кажется, уже понял, что случилось семнадцать лет назад?

Вот оно! Вспомнился рассказ Иваныча, могила на Донском, слова Венцлава...

— Тогда моего отца... хотели убить. То есть его убили. И он попал... по ту сторону?

Чиф, сидевший возле тропинки, кивнул:

— Он попал сюда, но захотел вернуться. Это нелегко, но твоему отцу обещали. Все имеет свой порядок. На Земле Степан Косухин мертв. Он воспоминание, тень, призрак — назови, как хочешь. Но твой отец получил право прожить жизнь в другом мире. Побывав в Пачанге, он изменился. И у него, и у тебя — кровь Пачанга, если тебе по душе звучные названия. Ты не призрак и не дух, Джонни-бой! Кстати, тебе больше не надо искать установку «Пространственного Луча». Твоего отца переправили мы. Ну что, успокоился?

Чиф отвернулся. Успокоился ли он? Пожалуй... Но он ведь шел сюда не за этим! Вернее, не только за этим...

— Агасфер послал войска, чтобы захватить дверь в Пачанг?

— Блокировать, — поправил двойник. — Причем не в первый раз. Он вообще любит строить стены, что, в общем, неглупо. Но сейчас все кончилось очень плохо...

Чиф вспомнил зарево над горизонтом, равнину, покрытую серым пеплом. Сколько там погибло? Тысяча? Десять тысяч?

— Это не мы... — покачал головой Чиф-отражение. — Два раза армию просто не подпускали к Пачангу. Но сейчас он применил кое-что из запрещенного арсенала. Ну а дальше... Скажем

так, армия попала на минное поле — или коснулась оголенного провода. Мы предупреждали того, кого ты называешь Агасфером, пытались объяснить его людям. Нас не послушали.

Да, Пачанг сумел защитить себя. Но почему только защитить? Почему те, кто за Зеркалом, не помогут людям?

— Как? — невесело усмехнулся двойник. — Пустить огненный вал к Столице? Обрушить Луну на Землю? Или тебя больше устраивает десант из созвездия Гончих Псов? Агасфер пришел к людям, они не прогнали его, напротив. Теперь это их дело.

Слова показались жестокими и даже циничными. Агасфер, кем бы он ни был, слишком силен. Что могут люди?

— Очень многое, — вмешался Чиф-отражение. — Понимаешь, Джонни-бой, Агасфер действительно не применяет ничего из недоступного людям или другим разумным обитателям Земли. Следовательно, он не всесилен. Всесильным ему не стать, а если попытается — не позволим...

И вновь было не очень понятно. «Другие разумные обитатели»? И сам Агасфер, кто он? Почему Чиф до сих пор не спросил об этом?

— Потому, что ответа не будет. Ты этого еще не знаешь. Хватит и того, что Агасфер имеет достаточно сил и возможностей, чтобы изменить жизнь всего человечества. Сам он считает, что действует для блага людей. Если ты считаешь иначе — сопротивляйся. У Агасфера есть свобода воли, у людей тоже. Он умен — но разум сотен миллионов сильнее...

Надежда таяла. Чиф шел к Пачангу, надеясь найти помощь, ему же предлагали действовать самому. Это казалось насмешкой. Сопротивляться — как? Что мог сделать он, Джон Косухин? Искать связи с подпольем? Убить Венцлава?

— Но ты не убил его! — возразил двойник. — Ты предпочел с ним договориться, хотя смерть его была рядом.

— Рядом? — удивился Чиф. — Но ведь Венцлава даже пули не берут! Он...

— Он — правая рука Агасфера. Сейчас эта рука не в чести, но Венцлав еще способен принести немало зла. Ты мог стать его смертью, был рядом — но отпустил. Разве не удивило тебя, что этот убийца согласился помочь? Ты испугал его — вспомни...

Чиф помнил. Слова отца о молодом воине, затем то, что говорила мама. Князь Всеслав? Может, в этом дело?

— Я думал... — Косухин вздохнул. — Я думал, что узнать о Пачанге важнее.

Отражение кивнуло:

— Пусть так, но ты спрашивал, что можно сделать. Я ответил.

Чиф промолчал. Отомстить краснолицему важно, но это только начало. Надо бить в самый центр, в нервный узел! Но как его

найти? Нужны люди — знающие, смелые, преданные. Найти бы настоящее подполье! Или создать...

— Можно и так, — кивнул двойник. — Но не спеши, подумай...

...Да, подпольную группу можно создать. Но ведь придется иметь дело не только с самим Агасфером, но и с теми, кто его окружает. Одних «малиновых» за глаза хватит, чтобы справиться с любым подпольем. А если действовать как-то по-другому? Но как?

— Не спеши, — повторил тот, кто был за Зеркалом. — Подумай, чем силен Агасфер? Точнее, чем был силен, когда пришел к людям? Ведь у него не было оружия...

Вновь пришлось задуматься. Агасфер умен, но не в этом его сила. Он умеет убеждать, уговаривать, подчинять...

— Именно так, — кивнул двойник. — Главное его оружие — не тайные знания и даже не бандиты Венцлава. Его сила в людях, в тех, кто готов поддержать, кто за страх, кто за совесть. Никакой мистики, Джонни-бой!..

Косухин кивнул. Кажется, Агасфер был лишь первым камешком лавины, упавшим в нужное место и в нужный час. Но если так...

— Нужен вождь!

Чиф взглянул прямо в глаза отражению, заметив, что двойник при этих словах еле заметно прищурился.

— Нужен вождь, который объединит всех, способных бороться!

— Навстречу одной лавине пойдет другая, — согласился Чиф, сидевший у тропинки. — И тогда Агасфера можно победить его же оружием. Против слова — слово, против винтовки — винтовка. Огонь с небес не понадобится. Агасфер связался с теми, кого иногда называют нечистью, но против них тоже найдутся силы. Я ответил?

Чиф был несколько разочарован. Все оказалось проще и в то же время сложнее, чем думалось. Никакого секретного оружия и тайных заклятий. Люди должны объединиться вокруг того, кто способен победить...

— Значит, надо искать такого человека? Он уже есть?

Двойник молчал, затем поглядел на Чифа, усмехнулся:

— Не забывай, попыток может быть много. Агасфер умен, первая же ошибка погубит преступивших его закон. Есть ли такой человек? Давай подумаем, каким он должен быть? Прежде всего, наверно, он должен знать об Агасфере и быть готовым с ним бороться...

Косухин кивнул. Да, именно так. Кроме того, вождь должен уметь сплачивать людей, ему обязаны верить, и, наконец, он дол-

жен опираться на силу, неподвластную врагу, способную помочь в решающий час...

— Сформулировал? — Двойник вновь усмехнулся. — Тогда у меня есть кандидатура. Не знаю, поддержишь ли?

— Ты знаешь такого человека? — Косухин подался вперед. — Кто он?

— Все по твоей формуле, Джонни-бой! Он знает об Агасфере больше всех на Земле, ненавидит его, легко сплачивает людей. И, наконец, за его спиной не просто сила — целая планета. Догадался?

— Смеешься? — Чиф даже поморщился, настолько нелепой показалась подобная мысль.

— Можно и посмеяться, — пожал плечами двойник. — Ты спрашивал меня — я ответил. Об Агасфере знают несколько десятков людей, но только ты сразу же оценил опасность...

— Нет, — перебил Косухин. — Это отец...

— Он знал далеко не все, ты узнал больше. Чтобы узнать еще больше, ты решился отправиться за тысячи километров. Ты добрался до Пачанга, и тебе не помогали ни духи, ни колдуны. Мы лишь открыли дверь...

— Но... — Чиф совсем растерялся. — Я могу помочь, если надо — возьму «скрайбер»... Но какой из меня вождь?

— Слово можно заменить. Назови координатором, руководителем, чифом... Вспомни, кто руководил командой по бейсболу, кто возглавил первый поход в Долину Ветров? Кого назначили руководителем группы, посланной на Землю? Тебе двадцать два, Джонни-бой, но в тебе видят будущего Президента. Я не уговариваю, лишь напоминаю. Твои друзья могут ошибаться...

Чиф отвел глаза.

— ...Но, возможно, ошибаешься и ты. Проверить можно только делом, Джонни-бой. Ты, конечно, спросишь: почему я? Неужели из миллионов землян не нашлось подходящего?

Косухин уже подумал об этом. Неужели все сошлось на нем — чужаке, инопланетянине?

— Рассуди сам. Достойные есть, их немало, но первым в Пачанг пришел ты. Может, и не случайно. Твой отец был здесь, он мог возглавить остальных. Но ему уже никогда не вернуться на *эту* Землю. Так что считай это наследством, можно даже сказать — долгом...

— Я понял... — с трудом выговорил Чиф. — Я, наверное, должен...

— ...Подумать, — прервал его двойник. — Подумать, Джонни-бой. Ты сам любишь говорить, что главное качество руководителя — это...

— ...Умение предвидеть. Но ведь нельзя заранее знать, чем это кончится!

— Совершенно верно. Имеется и другая сторона медали. Мы говорили о делах Земли, но есть еще наша родина...

Тускула! Нет, Чиф не забыл о ней. Наверное, дома его не поймут — даже друзья, даже отец. Может, он уже никогда не увидит Сент-Алекс...

— Ты думаешь о себе. А теперь подумай о других. Тебе будет трудно без родины. А Тускула? Она обойдется без тебя?

Косухин даже рассмеялся — настолько мысль показалась нелепой.

— Да, смешно... — кивнул двойник. — На Земле, где живет почти миллиард, иногда без кого-то одного мир начинает лихорадить. На Тускуле нас меньше пяти тысяч. Представь, Джонни-бой, ты останешься здесь. Что будет?

— Ну, не знаю... — совсем растерялся Чиф.

— У «Генерации» не будет лидера. Начнется раскол, возможно, конфликт между радикалами и Президентом Сэмом. Будет введено чрезвычайное положение, в ответ горячие головы попытаются захватить аппаратуру «Пространственного Луча»...

— Ерунда! — не выдержал Джон. — Психов мы всегда ставили на место...

— Их ставил ты! Тебя они слушали, а Бена не будут. Через несколько лет твой отец уйдет с поста председателя соцпартии. Кто его заменит?

Косухин понял, что двойник излагает его же мысли. Чиф думал об этом, но никак не связывал опасность со своей собственной персоной.

— Но даже это не самое скверное. В будущем может возникнуть серьезная опасность. Хотя бы мятеж новых эмигрантов. Об этом ты, кажется, тоже думал? Старики к тому времени уже потеряют влияние. Нужен будет не очередной Президент, а Вождь, способный спасти нацию. А если его не найдется? Нас же очень мало!..

— Найдется, — перебил Косухин. — Обязательно! Кент, Бен... Да мало ли кто из ребят?

— А вдруг не найдется? Тускула — не Земля. Гражданской войне там нет нужды длиться двадцать лет. Хватит и недели...

— Все равно! — вздохнул Чиф. — Из-за одного человека Тускула не погибнет.

— Не погибнет, — отозвался тот, кто находился за Зеркалом. — Но ты передергиваешь, Джонни-бой. *Из-за* одного — нет, а *без* одного? Что случилось бы с Тускулой без группы «Мономах»? Колония бы не выжила.

Косухин промолчал. На главной площади Сент-Алекса уже

много лет стоял высокий белый обелиск с портретами погибших участников группы — Георгия Казим-бека, профессора Семирадского и Николая Лебедева. Надпись под рельефом гласила: «Спасителям от спасенных». Первоначально предполагалось запечатлеть в камне всех, кто помог взлететь «Мономаху», но выжившие резко запротестовали. Тогда, в годы Великой Смуты, маленькая колония на далекой планете была обречена, спасли ее несколько смельчаков, среди которых были дядя, отец и мать Косухина-младшего...

— Вот видишь, Джонни-бой. Возможно, все это ерунда, ничего на Тускуле в ближайшие сто лет не произойдет, и настанет технократический рай по заветам твоего крестного...

Чиф покачал головой. В оптимизм Президента Богораза не слишком верили ни отец, ни он сам. Термоядерный синтез и молекулярное копирование не гарантировали от потрясений. Люди оставались людьми...

— Выходит, — задумался Косухин, — я нужен и тут, и на Тускуле? Но почему я? Неужели на всей Земле не найдется кого-то другого?

— Обязательно найдется, — кивнул двойник. — Этот кто-то может оказаться куда способнее... Не обижайся, Джонни-бой. Но до этого пройдет время — год, десять, тридцать лет. Успеют погибнуть миллионы, быть может, десятки миллионов. Представляешь?

— Нет...

Десятки миллионов? Миллионов!.. Но ведь такого не может быть. На Тускуле их было четыре с половиной тысячи. Но это его родина...

— Значит, я должен выбирать?

— Ты ничего не должен, — грустно усмехнулся тот, кто был за Зеркалом. — Но, если не выберешь, за тебя выберут другие.

Чиф попытался поймать взгляд своего отражения. Это не удалось, и Косухина охватила злость. Этот оптический слишком возомнил о себе! Пифия!

— Джонни-бой, я ведь точно как ты. Я — это ты в Зеркале Пачанга, не более того. Не веришь себе, спроси других. Пачанг рядом...

— Я... могу попасть в Пачанг? — Чиф медленно встал и шагнул к Зеркалу.

— Можешь. Ты ведь давно уже думал об этом. Попробуй, камни для нас с тобой не преграда. Или тебя смущает, что сюда могут прийти лишь духи-цхун?

Косухин поморщился.

— А еще материалист! Ну подумай, Джонни-бой, подумай! Тебе ведь объяснили, что «Смятение праведного» написано в

эпоху кризиса калачкары, когда появились секты, не верящие в победу учения. А если немного пошевелишь мозгами, то догадаешься: кое-кто на Тибете уже слыхал об Агасфере. В Пачанге не нужны духи-цхун, то есть нелюди вроде Венцлава, зато они потребовались тому, кто вышел из Пачанга, прикрываясь этим именем...

— А то, что я видел ночью перед взрывом? — перебил Чиф.

— А что ты видел? Всадников, золотой город, старика с жезлом? А дядя Тэд заметил лишь золотое свечение и красные пятна, хотя вы смотрели на одно и то же небо. Ты не увидел, ты сумел разглядеть. Художник, который создал фреску, обладал зрением, подобным твоему, но запомнил битву иначе. Для него Пачанг — средневековая крепость с золотыми пагодами, для тебя — современный город с небоскребами и радиоантеннами. Каждый представляет себе Пачанг, Шамбалу, Острова Блаженных, Китеж или Елисейские поля по-своему...

— Ты еще Эмпедокла вспомни, — не выдержал Чиф. — Если бы быки умели рисовать, то боги у них тоже стали бы быками...

— Это не Эмпедокл, — хмыкнул Чиф-отражение. — Плохо учил историю философии, Джонни-бой! Вижу, ты злишься на самого себя. Ну что ж... Попробуй поговорить с кем-нибудь поумнее.

Чиф закрыл глаза и осторожно поднес руки к каменной поверхности. Он сможет! То, что казалось аномалией, даже пугало, теперь должно помочь... Пальцы прошли сквозь камень, Косухин подождал секунду, затем чуть нажал. Руки ушли в Зеркало по локоть...

Пора! Он закусил губы и прислонился лбом к холодному камню. Главное не бояться... И тут Чиф ощутил, что лицо не касается камня. На мгновение вернулся страх, но тут же пришло облегчение. Получилось!.. Он нагнул голову и с наслаждением вдохнул прохладный свежий воздух, так не похожий на сырой затхлый дух подземелья. Он прошел, он уже...

...В глаза словно плеснули кипятком. Что-то неимоверно яркое, ярче солнца, проникло сквозь опущенные веки, заливая мозг серебристым холодным пламенем. Свет, невыносимый, беспощадный, толкнул назад сквозь только что пройденную каменную стену. Чиф упал, закрыв лицо ладонями. В глазах все еще горело серебристое пламя...

...Где-то совсем рядом послышались шаги, затем — знакомый голос:

— Джон! Ну слава богу...

— Дядя Тэд? — Чиф пошевелился и с трудом разлепил веки. В подземелье плавал серый сумрак, каменная «задвижка» была

открыта, в руках археолога темной сталью поблескивала английская одиннадцатизарядка...

— Дядя Тэд! — растерянно повторил Косухин. — Как ты сюда попал? Ведь дверь...

— Йе! — Валюженич удивленно покачал головой. — Открылась, как только я подошел. Джон, надо спешить...

— А-а, уже утро, — понял Чиф. — Мы же выступаем...

Валюженич энергично закивал:

— Уже утро, Джон, мы все за тебя очень волнуемся, но выступить, боюсь, не сможем. Нас обнаружили.

— Что?!

Чиф вскочил. Его качнуло, и он еле удержался, схватившись за стену. Стало ясно, отчего дядя Тэд захватил с собою оружие.

— Над городом кружит самолет. На нем русские звезды, но мистер Лю на всякий случай приказал занять оборону. Он сказал, что ты ушел еще ночью, я решил, что ты здесь...

— Да... Пойдем, дядя Тэд.

Все остальное могло подождать. Их нашли, отряд в ловушке. По голой степи уходить некуда, достаточно бросить взвод парашютистов...

— ...Не очень понимаю, отчего мистер Лю так опасается русских, — продолжал Валюженич, пока они выбирались наружу. — Вы же вроде союзники. Самолет крупный, но на бомбардировщик не похож...

Дорогой Валюженич пытался расспросить Чифа о целях его ночного путешествия. Косухин сплел байку о желании еще раз взглянуть на фреску и надпись. Археолог взглянул на него весьма подозрительно, но переспрашивать не стал. Чифу захотелось рассказать дяде Тэду обо всем, но он сдержался. То, что произошло, касалось только его, Чифа. Для него открылась дверь в подземелье, для него ожило Черное Зеркало. И решать придется ему одному.

Самолет он увидел сразу, как только вышел из дворцовых руин. Большая серебристая машина пролетела совсем рядом. Чиф успел заметить красные звезды на крыльях и надпись на борту. Бойцы уже заняли оборону. Товарищ Лю лично определял секторы обстрела, с тревогой поглядывая на небо. Заметив Косухина, он подбросил руку к козырьку кепи и доложил обстановку. Разведчик опасался десанта — серебристая машина, по его мнению, вела разведку, чтобы затем вызвать подкрепление.

Чиф взял в руки «скрайбер». Уходить было поздно, значит, следовало ждать и готовиться к бою. Их осталось только одиннадцать, включая господина Лю, который, впрочем, тоже актив-

но готовился к сражению, приводя в порядок свой револьвер. Косухин невольно успокоился. Теперь задача ясна. Он командир, его дело — вести бой и не уходить с позиций. Сразу стало легче. Будущее наконец-таки определилось.

— Товарищ Ю Жень, — между тем предложил Лю Вэйцзян. — Вы и господин Чжао берите вещи и уходите к дворцу. Там вы сможете переждать.

— Ослов и ученых — в середину, — пробормотал дядя Тэд по-английски, затем, перейдя на свой хромой китайский, добавил: — Мистер Лю, стреляю я не хуже вас. Может, нам лучше всем отойти? Вдруг не заметят?

Лю Вэйцзян задумался и покачал головой:

— Нет. Пока они в поле, у нас преимущество! Плохо, если атакуют с нескольких сторон...

Шум моторов... Самолет вновь появился над городом. Машина кружила, спускаясь все ниже и ниже. Мелькнула надпись на серебристом борту. Косухин схватил бинокль, но опоздал. Самолет опять ушел к югу, затем развернулся и начал снижаться.

— Заходит на посадку, — прокомментировал Лю Вэйцзян. — Хорошо, что здесь. Если высадятся — встретим...

Машина, снижая скорость, мчалась над самой землей. Колеса коснулись серого пепла, гул моторов стих, винты, покрутившись вхолостую, замерли. Самолет остановился в полукилометре от южной окраины, как раз перед позицией, которую заняли разведчики.

— Удачно, — заметил Лю Вэйцзян. — Подставляются...

Чиф согласно кивнул, но тут же в голову пришла неожиданная мысль. Те, кто в самолете, знают, где искать отряд! Косухин настроил бинокль, прильнул к окулярам...

...Люк открылся, изнутри опустился металлический трап. Кто-то высокий, без оружия, спрыгнул вниз, подождал, затем повернулся к люку...

— Не стрелять! — Командир Лю тоже наблюдал за происходящим. — Подпустим ближе.

Высокий постоял минуту, чего-то ожидая, и тут по трапу спустился еще один, чуть пониже и поменьше. На обоих были летные костюмы и короткие полушубки — очевидно, машина стартовала из холодных краев. Гости о чем-то переговорили, затем не спеша направились к городу. Высокий шел без оружия, у того, что пониже, с плеча свисал карабин. Парламентеры? Если их двое, опасности, конечно, нет, но в машине может прятаться еще десяток головорезов...

Чиф ждал. Кто знает, вдруг это не враги? Может, краснозвездный сел на вынужденную, и эти двое идут за подмогой... Тот, кто пониже, внезапно остановился. Высокий последовал его приме-

ру. Мелькнул белый платок — гости подавали знак, в смысле которого нельзя было усомниться...

— Пусть идут, — рассудил Косухин. Товарищ Лю кивнул, но не стал прятать оружия. Между тем Чиф пытался сообразить, кто их гости. Может, машину прислали из Яньаня? Если так, все сложится лучшим образом. Отряд вернется обратно, не нужен будет многомесячный рейд по горам до Ганьцзу...

...Ветер донес крик. Слов разобрать было нельзя, но голос показался странно знакомым. Косухин прижал бинокль к глазам. Тот, что пониже, остановился, подавая знаки платком...

— ...Джон! Косухин! Джон!..

Еще не веря, Чиф вскочил. Не может быть! Откуда? Его заметили. Тот, что кричал, махнув рукой, побежал навстречу...

— Товарищ Хо! Не надо! — Лю Вэйцзян тоже встал, не зная, что ему делать.

— Не стреляйте!

От волнения Косухин скомандовал по-английски. Сделав несколько шагов, он взялся за бинокль, но понял, что в изобретении Цейса уже нет никакой необходимости.

— Чиф! Джон! Это я!..

— Лу?!

Косухин отбросил «скрайбер» и побежал. Он ждал всякого, но все же не появления сестрицы Бена вблизи Пачанга. Но удивление тут же уступило место радости. Лу здесь! Что бы ни случилось, она жива, с ней все в порядке...

— Чиф!

Девушка налетела на Джона, чуть не сбив его с ног. Звонкий поцелуй прямо в нос. Лу улыбалась, светлые волосы выбились из-под летного шлема, а новенький «скрайбер» грозно оттягивал плечо.

— Ты... Слушай... Но почему?

Ничего более связного Чиф высказать не смог, да и то не на русском, а на привычном англо-американском суржике. Девушка вновь рассмеялась, ткнула Косухина кулаком в плечо.

— Мы за тобой, Джон. Тебе срочно надо в Столицу...

Косухин только головой помотал. Люба Бенкендорф на советском самолете прилетела в Пачанг, чтобы везти его в большевистскую Столицу!..

— Только не спрашивай, как мы тебя нашли, Джонни-бой. Ты всегда был недогадливый, поэтому объясняю сразу: Бен налепил тебе радиомигалку на ремень и еще одну — на «скрайбер». Мы шли, как по маяку, и не промахнулись. Кстати, познакомься...

Тот, кто вышел из самолета вместе с Любой, уже был рядом. Чиф поглядел на него не без удивления. Высокий, крепкий, загорелый — прямо герой из голливудской ленты...

— Артамонов, — последовало могучее рукопожатие. — Все-таки нашли вас, лапа медвежья! Ну чисто иголка в сене!..

— Джон Косухин... То есть Иван Степанович, — Чиф не без труда перешел на русский.

Тем временем бойцы, увидев, что бой откладывается, подошли поближе. Пришлось объяснить, что краснозвездный самолет прибыл за товарищем Хо из самой Красной Столицы. Это вызвало радостные улыбки. Разведчики окружили Артамонова, с восторгом поглядывая на богатыря, которому большинство едва доставало до плеча. Между тем Чиф представил девушку. Валюженич и господин Чжао приветствовали сестру Бена с утонченной вежливостью интеллигентов, давно не бывавших в приличном обществе, а бесстрашный Лю Вэйцзян несколько растерялся, особенно узнав, что Люба, то есть «Лу» — его «тезка». Вдобавок он отчего-то решил, что гостья — сестра товарища Хо. Чиф не стал разочаровывать молодого командира ни в первом, ни во втором. Наскоро извинившись, он отвел Лу в сторону.

— Ждешь объяснений? — усмехнулась девушка. — Еще не понял? Догадайся!

— Знаешь, уже играл в угадайку. Чуть ли не всю ночь... — Джон вздохнул. — Ладно, самолет советский, да еще какой-то особый...

— «Сталинский маршрут», — подсказала Лу. — Артамонов — личный пилот Усатого. Теперь понял?

— Вдобавок, ты не арестована... Мы помирились с большевиками?

— Уже теплее. Ладно, не буду мучить. Тускула устанавливает дипломатические отношения с СССР...

— Что?!

Наверное, он ослышался. Или оговорилась Люба. Или они оба спятили.

— Подробнее тебе объяснит Дядя Сэм, он тебе письмо передал на десяти страницах. Не знаю, что там, потом расшифруешь. Но если коротко...

Девушка помолчала, собираясь с мыслями, затем заговорила совсем иначе — деловито, без всяких эмоций:

— До прошлой недели все шло без изменений. Мы переправили уже нескольких человек. Я контактировала с Корфом, Бен — с Бертяевым. Мне даже удалось ненадолго устроиться в одну серьезную клинику. Материал — я тебе скажу! Но об этом отдельно... Меня едва не арестовали, спасибо, нашлась добрая душа, предупредила. Казим-бек уже собирался отзывать меня, а заодно и Бена, чтобы выслать смену, но тут мы получили срочную телеграмму лично от Дяди Сэма... В общем, у нас дома не очень хорошо...

— На Тускуле?!

Косухин вздрогнул. Кажется, то, о чем он боялся подумать, все-таки случилось.

— К сожалению. Все началось еще зимой, нас просто не спешили информировать. Правые подняли крик по поводу нашей группы. Богораза обвинили в том, что он посылает под пули детей...

— Кого?

— Нас. Без знания обстановки, условий работы и так далее. Шум вышел изрядный. Дядя Генри держался молодцом, а наша с Беном маман, признаться, не выдержала. В общем, пошел разговор о том, что Богораз нарочно подставляет лучших представителей «Генерации» под чекистские пули, чтобы скомпрометировать идею помощи жертвам большевизма...

— Постой, постой! — Косухин помотал головой. — Где же они были раньше?

— Оппозиция заявила, что Казим-бек и Дядя Сэм держали подробности операции в тайне и дезинформировали Думу. Шум с трудом улегся, нас срочно наградили Знаками Отличия... Кстати, поздравляю, это уже второй у тебя и у Бена.

— Взаимно, — вздохнул Чиф. — Бен заслужил, а вот я...

— Ну, это не самое страшное... В общем, началась новая дискуссия по поводу нашей внешней политики. И в самый ее разгар Сэм сделал ход конем. Он заявил, что посылка группы — действительно большой риск, поэтому для защиты наших интересов и помощи жертвам режима надо установить прямые отношения со Сталиным.

Чиф задумался. В том, что делал Президент Богораз, всегда была логика. Но отношения с большевиками...

— Насколько я помню, — осторожно начал он, — все прежние годы контакты с СССР запрещались в связи с вероятной опасностью вторжения.

Лу кивнула:

— Совершенно верно. Но после того, как Бен установил, что у Сталина нет «Пространственного Луча», опасность была признана преувеличенной. Мы можем достать до Земли, Сталин до Тускулы — нет. Поэтому ему придется идти на уступки...

Да, и здесь чувствовалась железная логика Дяди Сэма. Но ведь СССР — это не только Сталин и послушный ему народ! Есть подводная часть айсберга — база на Тибете, Венцлав с его бандитами и, наконец, Агасфер...

— И Дума согласилась?

— С трудом. Правые были, естественно, против, кадеты поддержали Сэма больше от полной растерянности, чем по убеждению, соцпартия раскололась. Дядя Генри был за и остался в

меньшинстве. Но Богораз сумел всех убедить. Недаром Бен говорит, что Дядя Сэм — мудр. Он доказал, что, во-первых, Сталин будет вынужден разрешить эмиграцию на Тускулу в обмен на прекращение нашей нелегальной деятельности, а во-вторых, официальный статус позволит нашему представителю не только собирать информацию, но и влиять на события в СССР...

Чиф пожал плечами. Короткий опыт пребывания в стране победившего социализма не настраивал на оптимистический лад.

— В Думе тоже сомневались, — поняла Лу. — Даже кадеты заявили, что существует большой риск, поэтому очень важно, кто именно проведет переговоры и составит проект соглашения. Но Сэм предложил кандидатуру, которая всех устроила.

— Себя? — вяло отреагировал Чиф. Иного придумать он не мог, слишком большую ответственность придется брать тому, кто подпишет пакт со Сталиным.

— Вторая попытка, — усмехнулась Лу, и эта усмешка Косухину почему-то очень не понравилась. — Кажется, догадался. Тебя, Джонни! Своего крестника, социалиста, одного из руководителей Генерации и, как считают, — она отвернулась, — жениха Сью Барятинской. Ты подходишь всем — и левым, и правым, вдобавок единственный, кроме нас с Беном, кто знает об СССР не по книгам и фильмам.

Косухин все еще не верил. Он должен вежливо обсуждать государственные проблемы с Вождем Всех Народов, этим убийцей, предателем истинного социализма? Вести переговоры с Агасфером, встречаться на приемах с комбригом Волковым?

— В дальнейшем ты будешь первым нашим послом в СССР. Агреман уже получен. Сталин заявил, что будет рад сотрудничать с сыном своего старого товарища Степана Косухина. Дядя Сэм велел срочно найти тебя и вернуть в Столицу, Сталин послал мистера Артамонова. Лететь надо прямо сейчас. Все...

— Спасибо...

Чиф отвернулся. Неужели Люба не понимает? Пакт с большевиками, со Сталиным — невозможен! Даже если будет обеспечена безопасность Тускулы, он немыслим из моральных соображений. А как же приказ Президента? Внезапно в голову пришла мысль, сразу же успокоившая.

— Не выйдет, Лу. Я пришел сюда не один. Мне надо вернуть этих ребят в Яньань.

— А сколько нужно времени? — растерялась девушка.

— Месяца три, может, даже больше. С нами дядя Тэд и мистер Чжао, их тоже надо доставить в безопасное место. Думаю, Президент меня поймет.

Девушка задумалась, а затем поспешила к Артамонову, который оживленно общался с разведчиками, пользуясь международ-

ным языком жестов. Кажется, он рассказывал о Столичном метро. Косухин с усмешкой наблюдал, как девушка отзывает летчика в сторону, что-то объясняет ему, кивая на Чифа, тот хмурит лоб... Все верно, бросать отряд нельзя. Будет время подумать, чем заняться по возвращении. Отправиться на Тускулу, чтобы навести порядок в соцпартии и руководстве «Генерации» — или все-таки добраться до красной Столицы, найти подполье, рассказать об Агасфере, о Волкове, о Шекар-Гомпе... Пусть он не станет вождем, камешком, вызывающим лавину, но сможет помочь, посоветовать. А если надо — будет стрелять! В «скрайбере» осталось всего две батареи, значит, он возьмет винтовку...

Беседа Любы с Артамоновым затянулась. К ним присоединился Валюженич, затем, к удивлению Чифа, и Лю Вэйцзян. Оставалось только догадываться, на каком языке они говорят. Летчик достал карту, товарищ Лю — тоже... Наконец все четверка направилась к Косухину.

— Товарищ Хо!

Рука Лю Вэйцзяна была, как положено, у козырька.

— Мы обсудили ситуацию. Разрешите доложить результаты?

— Разрешаю...

Джон решил не спорить, но в любом случае остаться с отрядом. Пусть переговоры ведет Бен, пусть присылают Кента...

— Товарищ Хо, если мы пойдем по равнине, то через два дня будем на перевале. Там заберем остальных и через шесть дней придем в Кабэчунгу.

Косухин кивнул. Теперь, когда можно не бояться удара с воздуха, дорога обещала быть нетрудной.

— Товарищ Артамонов, — Лю Вэйцзян выговорил трудную фамилию по слогам, но абсолютно правильно, — обещает через десять дней прилететь в Кэбэчунгу и доставить нас оттуда прямо в Яньань.

Услыхав знакомое слово, летчик кивнул:

— Без проблем, товарищ Косухин! Возьму на борт всех, подзаправлюсь в Ганьцзы и довезу, как на такси. Товарищ Сталин предусмотрел такой вариант. Он сказал, что отряду товарища Косухина нужно помочь.

Вот даже как! Усатый позаботился и об этом. Кажется, он хочет поскорее встретиться с сыном своего «старого товарища».

— Все в порядке, Джон! — улыбнулась Лу. — Вылетаем через полчаса...

— Постой! — Чиф заговорил шепотом, боясь, что услышат остальные. — Неужели ты не понимаешь? Какой из меня дипломат, Лу? С кем вести переговоры? Со Сталиным? Ведь ты же сама...

— Джон... — Тонкая ладонь легла ему на плечо. — Я все понимаю. Сталин — мерзавец и сволочь, но ведь все страны уже име-

ют отношения с СССР! Дядя Сэм прав, эмоции тут ни при чем. Он сказал, что намерен тебя постоянно инструктировать. То, что ты ненавидишь Усатого, — это хорошо, не поддашься его обаянию. Подумай, теперь мы сможем многих вытащить из лагерей! Сэм договорился, мы сами будем отбирать людей...

Все это было правильно. Наверное, дядя Семен, как всегда, не ошибся.

— А почему не назначили кого-нибудь постарше? Лорда Бара или Казим-бека?

Девушка вздохнула:

— Джон, как ты не понимаешь? Все наши старики — эмигранты. В СССР они вне закона. Сталин бы не принял никого из беглецов. Нужен кто-то из «Генерации»...

...Да, верно. Тускула — земля эмигрантов.

— Да что с тобой? Очнись, Джон! Это ведь такой шанс! Теперь мы докажем старикам, что Тускула принадлежит тускуланцам. Мы победим на выборах не через двадцать лет, а через десять, через пять! Мы тебя сделаем Президентом!..

У девушки горели глаза. Она уже видела будущее — победу «Генерации», колонистов в Долине Ветров, морские десанты на недоступные острова. А главное — Тускула будет в безопасности. Тускула — да. А Земля?

— Прекрати! Немедленно прекрати!

Лу отшатнулась и поспешила отойти в сторону. Валюженич и Лю Вэйцзян, терпеливо ожидавшие конца разговора, недоуменно переглянулись. Косухину стало стыдно. Он зря обидел девушку. Она ведь ничего не знала — ни о Черном Зеркале, ни о выборе, который он никак не мог сделать. Чиф понял, что надо лететь в Столицу — хотя бы для того, чтобы выйти на связь с Тускулой, посоветоваться с отцом... Впрочем, нет, отца спрашивать нельзя. Придется думать самому, поговорить с Беном. Странно, Лу ничего не сказала о брате...

Артамонов, закончив оживленную беседу с красноармейцами, пожал всем руки и поспешил к машине, сообщив, что через десять минут включает двигатели. Чиф кивнул. Вот и все...

Моторы гудели, корпус машины мерно подрагивал, но «Сталинский маршрут» еще не трогался с места. За окном лежала покрытая серым пеплом степь, дальше чернели руины города. Прощай, Пачанг!

...Проводы получились короткими, но бурными. Лю Вэйцзян построил бойцов, и отряд прокричал «Ван суй!» в честь бесстрашного представителя Коминтерна товарища Хо. Самолет из Столицы окончательно превратил Чифа в легендарную личность. Косухин подарил Лю Вэйцзяну «скрайбер» вместе с двумя бата-

реями и, по просьбе бойцов, прочитал хранившееся в нагрудном кармане стихотворение, подаренное высоким сутулым человеком в старом даньи. Он заметил, что у некоторых разведчиков на глазах блеснули слезы. Стало не по себе. Эти ребята будут воевать за свободный Китай, а он наденет фрак и научится говорить любезности палачу с большими усами...

С Валюженичем прощались ненадолго. Дядя Тэд обещал в следующем году обязательно навестить Тускулу и прочитать курс лекций в университете Сент-Алекса. Господин Чжао еще раз попросил «господина Хо» сообщить через Валюженича название уникальной книги, в которой имеется описание небесной битвы. Косухин обещал, решив написать этнографу правду — позже, когда самому все станет ясно...

Лу сидела рядом в глубоком кожаном кресле, глядя куда-то в сторону. Девушка явно обиделась. Чиф осторожно притронулся к ее руке:

— Лу... Люба, извини! У меня что-то нервы... Ты — молодец!..

— Это ты молодец, Джонни! — Она улыбнулась, потерлась носом о его плечо. — Ты справишься! Только не женись на этой Сью, ладно? Пусть на ней Кент женится...

Чиф так и не понял, шутила ли она. Внезапно вспомнился Бен.

— Ты ничего не сказала о брате...

— Ты с ним должен поговорить, — девушка нахмурилась. — С Сашей что-то не так, совсем не так... В общем, ты нужен нам всем. Понял наконец?

Косухин кивнул. Между тем машина, вздрогнув, начала медленно выруливать на взлет. Вдали промелькнул неровный силуэт сгоревшего дворца. Чиф покачал головой. Кажется, он действительно нужен. Надо подумать, надо решить...

И вдруг он понял: раздумывать нечего. Он уже решил — в тот момент, когда согласился лететь в Столицу. Он тускуланец, его судьба — на Тускуле. На Земле Чиф так и останется чужаком. Люди не пойдут за ним, Зеркало ошиблось... Перед глазами всплыло незнакомое лицо — молодое, спокойное, с тонкими сжатыми губами. Лицо того, кто заслонил собой небесный город — седого юноши со свитком в руке. Кто станет этим Вождем? Жаль, что ему не узнать.

За иллюминатором медленно плыли острые полупрозрачные облака, так похожие на тускульские, а Чиф уже прикидывал, чем следует заняться в первую очередь. Вначале — письмо Дяди Сэма... Нет, вначале Бен. Группу в Столице следует сделать легальной, расширить, обеспечить контактами...

Он понял, что справится. А то, что не довелось, сделает кто-то другой. Внезапно Иван Степанович Косухин почувствовал слева под ребрами незнакомую ноющую боль. Странно, у него никогда еще не болело сердце...

ГЛАВА 11

ВОРОБЬИНЫЙ ЛЕС

— Виктория Николаевна! Вы меня слышите?

Ника открыла глаза. Вокруг стояла тьма, свечи погасли, черный мрак не позволял увидеть даже собственную руку. Она привстала, опираясь на твердый холодный камень. Когда она успела заснуть? Вспомнился долгий путь по подземелью, часовня, затянутая черной тканью, перевернутая звезда над алтарем... Неужели ее усыпили? Но зачем?

— Виктория Николаевна!..

Голос доносился глухо, но Нике показалось, что говоривший находится совсем близко. Вглядевшись, она заметила, что темнота рядом с нею казалось более густой. Нике даже почудился неясный размытый силуэт...

— Да, я слышу. Что происходит?

— Все в порядке, Виктория Николаевна. Вы ничего не забыли?

Странно, у Иванова изменился голос. Ника не узнала бы его, если б не знакомая интонация.

— Я не забыла. Но зачем эта темнота?

— Здесь нет темноты, свечи горят, и я вас прекрасно вижу. Итак, еще раз... Сейчас вы отправитесь в путь. Не знаю, что именно вы увидите, это не так и важно. Главное — вы попросите тех, кто вас встретит, отпустить Юрия Петровича. *Отпустить*, а не вылечить, иначе вас не поймут.

— Запомнила. — Сейчас, в черном мраке, Нику уже ничто не удивляло. — Вы уверены, что я смогу добраться?

— Да. На всякий случай, если вас почему-то задержат, упомяните, что ваш предок — князь Фроат. Все, я открываю дверь...

— Погодите! — Ника оглянулась. — Я так и не встретилась с Юрием Петровичем. Где он? Вы обещали...

— Не волнуйтесь. Теперь все зависит от вас, Виктория Николаевна. Обещаю: ни ему, ни вам, когда вернетесь, не причинят никакого вреда...

Она почувствовала — Иванов лжет. Раньше Ника просто не верила «человеку в капюшоне», как назвал его Флавий. Теперь, слушая глухой, изменившийся голос, Виктория Николаевна всем телом, всей душой ощутила эту ложь. Иванов не пощадит Орфея, не верит, что она вернется...

Темнота начала редеть, сменяясь странным голубым сумраком. Обозначились неясные колышущиеся контуры. Дверь... Но ведь в стене часовни не было никакой двери! Или ее спрятали за черной тканью?

— Смелее, Виктория Николаевна...

Дверь оказалась совсем рядом — узкая, но высокая, освещенная голубым сиянием. Порог, ступеньки, ведущие вниз...

Уже спускаясь, Ника сообразила, что находится в глубоком подземелье. Куда же ведет лестница? Впрочем, ей велели не удивляться. «Не знаю, что именно вы увидите...»

Лестница оказалась длинной, наверняка не меньше, чем у десятиэтажного дома, но ни одной лестничной площадки по пути не встретилось. Пусто, очень чисто... Стук каблуков звучал странно, Ника удивилась, крикнула: «Эй!» Эха она не услышала.

Лестница кончилась обыкновенной дверью, какие бывают в подъездах. Виктория Николаевна взялась за новенькую медную ручку, потянула на себя. В лицо ударил ветер — за дверью была улица.

Здесь оказалось тепло, куда теплее, чем бывает в апрельскую ночь. Поразила пустота. Огромный проспект, застроенный многоэтажными домами, но ни один поздний прохожий не шел по тротуару, не горели окна. Странно, она не узнавала этих мест, хотя и прожила в Столице всю жизнь...

Из-за угла беззвучно вынырнуло черное авто, тут же затормозив. Открылась дверца. Ника подошла ближе. За рулем сидел шофер в кожаной куртке и больших мотоциклетных очках. Виктория Николаевна смело произнесла: «Добрый вечер!» — и села на заднее сиденье. Ехали быстро, но очень плавно, и Ника сообразила, что почему-то не слышит шума мотора. За окном мелькали силуэты огромных зданий. Да, город был незнаком. Почему-то подумалось, что происходящее — все-таки сон, хотя все вокруг казалось совершенно реальным.

Ехали недолго. Через несколько минут проспект остался позади, авто въехало на огромную площадь, за которой возвышалось гигантское здание с двумя мощными башнями. Вокзал... Ника поняла это сразу, хотя вокруг стояла тишина, не нарушаемая ни паровозными гудками, ни шумом спешащей толпы. Присмотревшись, она заметила несколько таких же черных машин, стоявших или отъезжающих от кромки тротуара. Авто остановилось, шофер открыл дверцу. Ника, вежливо поблагодарив, вышла наружу. Да, привокзальная площадь, несколько черных машин, неясные черные силуэты возле огромных колонн у входа...

Она не успела даже осмотреться. Из темноты вынырнул некто в такой же черной кожаной куртке и фуражке. Рука взяла под козырек, затем вежливо указала куда-то вперед. Ника оглянулась, заметив в темном небе над площадью непонятное движение. Там кружили птицы, сотни, даже тысячи, но отчего-то беззвучно, безмолвно...

Ника решила, что они направляются к зданию вокзала, но сопровождающий повел ее левее, мимо бокового фасада. Шли бы-

стро — мимо огромных контейнеров, мимо молчаливых часовых с примкнутыми штыками и дальше, через открытые железные ворота, над которыми бледным зеленоватым огнем горел фонарь.

Перрон... Здесь уже собирались пассажиры и стоял поезд, обычный, но с погашенными огнями. Сопровождающий нетерпеливо кивнул в сторону ближайшего вагона. Кондуктор, тоже в черном, бросил на Нику равнодушный взгляд и, не подумав осведомиться о билете, проводил к одному из купе. Еле слышно хлопнула дверь, Виктория Николаевна осталась одна. Почти сразу она ощутила легкий толчок — поезд тронулся...

Только сейчас Ника почувствовала растерянность и легкий страх. Ей велели не удивляться — что ж, она не будет. Правда, она не узнавала ни города, ни вокзала, но если в Столице существует тайное метро, то почему где-то совсем рядом не быть целому городу? За окном вагона было темно. Отчего-то показалось, что состав движется с огромной, невиданной скоростью, хотя вагон почти не качало, а стук колес доносился глухо, еле слышно. Виктория Николаевна, откинувшись на мягкую спинку сиденья, закрыла глаза. Странно, что ее отпустили. Пустельга прав, она наконец-то оказалась свободной. Она вырвалась...

Спать Нике совершенно не хотелось, но внезапно ее охватило странное оцепенение. Мысли путались. Казалось, время остановилось или, напротив, пустилось в дикий, невозможный бег. Вокруг нет ничего, ни поезда, ни железной дороги, она не едет — летит сквозь черную пустоту. И это уже не она, а лишь тень, бесплотная, бессильная... Ника хотела очнуться, но забытье накатывало, уносило вдаль, осталась лишь бездонная черная пропасть, куда она падала....

Толчок... Ника открыла глаза, облегченно вздохнув. Кажется, она все-таки задремала... Виктория Николаевна оглянулась и поняла: кое-что изменилось. За окном вместо черной мглы вставало серое утро. Ночь кончилась, небо побледнело, хотя ни солнца, ни зари заметить было нельзя. Нике почему-то почудилось, что за окном не утро, а поздний вечер. Сколько она ехала? Несколько часов? Сутки? Уже ничему не удивляясь, Ника взглянула на часы. Стрелки стояли. Это почему-то не огорчило, хотя часы были новые, подаренные мужем меньше года назад.

За окном темнел лес, огромный, бескрайний. Черные, еще не покрытые листвой кроны ели заметно покачивались от ветра. В небе то и дело проносились птицы, их было много, целые стаи. Ника вгляделась и поняла, что это обычные вездесущие воробьи. Но почему их так много? Разве воробьи живут в лесу? Впрочем, не это казалось самым странным. Удивил лес. В нем не было обычных просек, он стоял глухой, тихий, какой-то чужой. Все деревья одинаковой высоты, ни молодого подлеска, ни кустов.

Что-то еще было не так. Ника сообразила: вдоль дороги не стояли привычные телеграфные столбы...

За окном промелькнул высокий полосатый шест. Кажется, станция! Поезд начал сбавлять ход, бесконечный лес отступил, сменившись широким гладким пустырем. Будки, металлические фермы, ряды пустых товарных вагонов... Вновь поразила тишина — ни гудков, ни свистка паровоза. Наконец показался перрон, шеренга солдат в одинаковых темных шинелях, тускло блеснули штыки...

Вагон качнуло, негромко взвизгнули тормоза. Дверь купе медленно отъехала в сторону, на пороге стоял молчаливый проводник. Ника встала. Проводник вежливо кивнул в сторону коридора. Она заторопилась, но, выйдя из купе, удивленно замерла — вагон оказался пуст. Виктория Николаевна быстро сбежала по ступенькам железной лесенки на перрон и оглянулась. Из соседних вагонов выгружались пассажиры. Их было много, но ничто не нарушало тишины. Люди беззвучно сходили на перрон, так же молча шли мимо цепи солдат к пропускному пункту. Еще одна странность бросалась в глаза — все были без вещей, даже женщины не держали в руках привычных сумочек. Ника посмотрела вперед. За пропускным пунктом людей собирали в огромную колонну. Солдаты в темных шинелях с черными звездами на фуражках быстро и четко формировали группы, выстраивая их одну за другой. Чуть дальше за пустырем начинался лес, через который вела широкая грунтовая дорога.

Виктория Николаевна подождала, пока схлынет основной поток, а затем направилась вдоль перрона. Тут только она вспомнила, что не захватила документы. Правда, как Ника успела заметить, пассажиров пропускали без проверки. Осмелев, она пристроилась вслед небольшой группе мужчин и женщин в странных одинаковых робах. Но как только Ника поравнялась с проверяющими, один из них, до этого глядевший куда-то в сторону, внезапно заступил дорогу, глядя на нее пустыми остановившимися глазами. Виктория Николаевна шагнула вперед.

— Извините, мне нужно!..

Звук собственного голоса почему-то испугал. Проверяющий опустил руку, на неподвижном лице промелькнуло что-то похожее на удивление. Двое солдат сняли винтовки с плеч. Проверяющий на мгновение задумался, достал из нагрудного кармана свисток...

— Виктория Николаевна!

Живой человеческий голос прозвучал настолько неожиданно, что она вначале не поверила. Но ей не показалось. Проверяющий сделал шаг назад, на лице вновь проступило удивление.

— Проходите, Виктория Николаевна, вас не тронут.

Солдаты отошли в сторону, и Ника неуверенно шагнула вперед. Человек в темной форме приложил руку к козырьку, вежливо уступая дорогу. Впереди было несколько ступенек. Ника сбежала вниз, оказавшись на пустыре. Слева конвойные строили колонну, подгоняя опоздавших. Справа не было ничего, лишь голый пустырь до самого леса.

— Добрый вечер...

Она обернулась. Рядом стоял высокий старик в темном плаще. Ника вздрогнула от неожиданности:

— Варфоломей Кириллович? Вы? Откуда?

На бледных губах мелькнула улыбка:

— Подумал я, пособить вам должно. Не ошибся?

Виктория Николаевна облегченно вздохнула:

— Спасибо! Я совсем растерялась...

Хотелось тут же спросить обо всем, что довелось увидеть, но она не решилась. Вспомнились слова старика, сказанные на прощание. «Трудно будет, позовите...» Так и вышло. Она действительно просила помощи, правда, молча, не сказав ни слова...

Варфоломей Кириллович провел Нику мимо равнодушных солдат с черными звездами на фуражках к небольшому зданию. Возле запертой на замок двери стояла простая крестьянская телега, запряженная неказистой гривастой лошаденкой. Старик кивнул:

— Подвезу вас немного. Идти далеко, да и хлопотно.

— А... нас пустят? — Ника неуверенно поглядела на солдат, выравнивавших выстроившуюся на пустыре колонну. — Меня чуть не арестовали!

— Пустят... — Варфоломей Кириллович ловко забрался на край телеги, взял в руки вожжи. — Тут всех пускают. Дорога широкая, идти легко...

Прибывшие тем же поездом пассажиры уже были выстроены. Солдаты заняли места вдоль и впереди строя, какой-то начальник в такой же темной форме быстро пересчитал своих подопечных, и колонна дружно, без всякой команды, двинулась к просеке. Телега ехала медленно, и Ника смогла разглядеть тех, кто шел под конвоем. Мужчины, женщины, дети, большинство в обычной одежде, кое-кто в уже виденных робах, все без вещей. Все шагали спокойно, не переговариваясь, не пытаясь посмотреть в сторону...

— За что их?

Старик ответил не сразу:

— Как обычно, Виктория Николаевна. Вины у многих и нет.

Ника кивнула. Странно лишь, что никто не думал сопротивляться, не пытался бежать...

— Некуда, — понял ее Варфоломей Кириллович. — В сей лес человеку не попасть.

Лес и в самом деле был странным. Огромные деревья поросли седым старым мхом, между стволами плавали клочья сизого тумана, земля была покрыта слоем гниющей ломкой листвы. По небу мелькнула тень — огромная стая воробьев беззвучно пролетела над дорогой.

— Воробьи...

Старик обернулся:

— Дивно?

Конечно, стаи серых птиц — не самое странное в безмолвном мире, но Нику удивило именно это. Разве городские воробьи живут в лесу?

— Еллины птиц сих «психопомпами» называли, — подсказал Варфоломей Кириллович. — Не забыли?

Слово показалось знакомым. Да, Орфей рассказывал! Древние греки относились к этим смешным пичугам с большим почтением. «Психопомпы» — проводники душ. Птицы, сопровождающие умерших...

— Значит, все-таки правда! — Ника поглядела в серое тусклое небо и произнесла то, о чем подумала сразу, как только очнулась в сумраке подземелья: — Я... умерла?

Варфоломей Кириллович молчал. Телега не спеша обогнала колонну и теперь ехала по просеке. Слева и справа тянулся лес, такой же безмолвный, затянутый туманом. Нике показалось, что где-то далеко промелькнул небольшой синий огонек, за ним — другой.

— Я... я не думала, что это будет так...

Страха почему-то не было. Он остался где-то позади, далеко отсюда...

— И что вам дивно?

— Поезд, охрана, конвой. Будто и здесь — лагеря!..

Варфоломей Кириллович обернулся.

— Каждый видит край сей по-своему, Виктория Николаевна. Мы ведь и мир божий по-разному представляем. Вы увидели так, другой — иначе. Не сие важно...

Вновь вспомнилось: «Не знаю, что именно вы увидите...» Товарищ Иванов знал и об этом... Но почему? Ведь Орфей жив!

— Не бойтесь, Виктория Николаевна, — тихо проговорил старик, — не бойтесь...

— Я не боюсь, — поспешила ответить Ника, но все же не сдержалась: — Но я не могу понять. Объясните, Варфоломей Кириллович! Я думала, Орфей... Юра... Он просто болен. Мне сказали, его можно вылечить, я поверила...

— Верьте и сейчас. Не тому, кто сказал вам. Себе верьте...

— Мне сказали, что меня встретят, — заспешила Ника, — я

должна буду попросить кого-то, чтобы Юру... Юрия Петровича... отпустили. Это правда?

— В том есть правда...

Ника вновь поглядела на мертвый лес, на круживших над головою птиц, на огоньки среди поросших мхом стволов.

— А разве это возможно? Ведь отсюда нельзя вернуться!

Старый священник обернулся. Темные, близко посаженные глаза взглянули в упор. Ника, не договорив, замолчала.

— Возможно. Невозможного в мире мало. Чего ждали вы от того, кто вас послал сюда? Пощады? Милосердия?

— Нет... — Ника грустно усмехнулась, — только не этого.

Она вспомнила слова Пустельги и добавила:

— Я надеялась, что здесь буду свободна и смогу что-то придумать. И... мне помогут.

— Вы свободны. Вам помогут...

Голос старика звучал твердо и властно. Ника не нашла, что ответить. Постепенно растерянность исчезла, сменяясь твердой, окончательной решимостью. Сожалеть поздно, она уже здесь, в мертвом Воробьином лесу. Не уйти, не вернуться, остается выполнить то, за чем пришла.

Телега догнала еще одну колонну. Покорные молчаливые люди, равнодушные конвойные... На телегу никто не обратил ни малейшего внимания, лишь старший, шедший сбоку, скользнул по ней быстрым взглядом.

— А кто... кто меня встретит? Как мне говорить с ним?

Варфоломей Кириллович еле заметно пожал плечами:

— Имен у него много. Зовите Владыкой.

— Как епископа? — удивилась Ника.

— Похоже, — улыбнулся старик. — Пасет он паству свою жезлом железным... Но не спешите соглашаться, Виктория Николаевна. Ждите. Разговор может долгим быть — молчите и слушайте.

— Молчать? — Ника поразилась. — Но я ведь должна просить его...

— Ни о чем не просите! Молчите. Как только заговорите, все кончится. Ваше слово — последнее. Поздоровайтесь и слушайте.

Виктория Николаевна задумалась. Не просить? Но ведь те, кто ее встретит, могут отказать или даже не захотят разговаривать...

— Захотят, — старик словно читал ее мысли. — И будут предлагать всякое.

— Но... — вспомнились слова Иванова, — мне объяснили, что я должна сама попросить...

— Тот, кто объяснял вам, о своем печется. Что велел он? Просить, чтобы отпустили Юрия Петровича?

Ника кивнула.

— А вы, Виктория Николаевна? С вами что будет?

— Не знаю... Наверное, придется остаться, — Ника попыталась улыбнуться. — Но я уже решила...

Она не договорила. Внезапно стало ясно — назад не вернуться. Сердце сжалось от боли. Ей не увидеть солнца, не поговорить с друзьями. Она даже не узнает, что станется с Орфеем...

— Тому, кто прислал вас, все равно, — покачал головой старик. — Недобр он и недоброе задумал. Обманул вас, обманет и Юрия Петровича. Скажет, что больны вы, а для излечения вашего тайна некая требуется. И вновь обманет...

Ответить было нечего. Вокруг по-прежнему тянулся безмолвный лес, только деревья теперь росли погуще и прибавилось синих огней в глубине. Еще одна колонна, молчаливый конвой...

— Выходит, он меня обманул, — негромко проговорила Ника. — Сначала пообещал мне жизнь Юрия, затем пообещает Юрию мою.

— Да. Посему оставаться здесь резону нет. Да и не захочет друг ваш такой дар принять, за вами вернется.

Об этом она даже не подумала. Ведь Орфей может не согласиться! И что тогда?

— Посему — молчите. Молчите, пока Владыка не скажет: «Быть тому». Тогда соглашайтесь.

— Спасибо, — Ника вздохнула. — Я поняла... Варфоломей Кириллович, почему вы мне помогаете? Вы же меня не знаете...

— Знаю немного, — на бледных губах вновь промелькнула улыбка. — И разве один я, многогрешный, вам помогаю? Да и не сделал я ничего важного. Советы все горазды давать.

Ника хотела возразить, но не стала, задумавшись над сказанным. Старый священник прав. Ей пытались помочь многие — Терапевт, Флавий, Игорь Кобец, Сергей Пустельга. Этот старик решился прийти даже сюда...

— Варфоломей Кириллович! А вы? Вы-то сможете вернуться?

— За меня не бойтесь, — покачал головой священник. — Вернусь! И вы вернетесь. Да только, Виктория Николаевна, под солнцем вас и Юрия Петровича не только друзья ждут. Ад — не здесь...

Да, это все: лес, просека, молчаливые конвойные — никак не походило на преисподнюю. Ад был там, под небом бывшей России. Но именно туда предстоит вернуться им с Орфеем. Зачем? На муки? На смерть? Может, лучше остаться?

— Что же мне делать, Варфоломей Кириллович? Вернуться... в ад?

— Никто не принуждает вас, — пожал плечами старик. — И тут можно остаться. Но у каждого — свой путь, и должно пройти его

до конца. Да пребудет с вами Тот, в Которого вы так мало верите! Вспомните о Нем, когда и в самом деле беда придет...

Вновь, как когда-то в разрушенной церкви, стало стыдно. Старый священник прав, Ника не могла с чистым сердцем сказать, что верит в Творца. Виновна ли она? Жизнь в растоптанной, расстрелянной стране выжгла веру и не у таких, как она...

— Я уже ничего не понимаю, Варфоломей Кириллович! В детстве мне говорили, что есть в небесах добрый Бог, помогающий праведным и карающий грешников. Потом начался этот кошмар... Если Бог добр, отчего Он допустил такое?

— Иов в давние годы о том же печалился, — улыбнулся старик. — Сие теодицией зовется — вопрос, отчего Господь не карает зло. Мог бы я поведать, как сам понимаю, да ни к чему это. Сами до истины дойдете, Виктория Николаевна...

— Может быть... — вздохнула Ника. — Варфоломей Кириллович, но если Он есть, Он — не с ними? Ведь наша церковь говорит, что нет власти не от Бога...

— Он не с ними, Виктория Николаевна. Не верьте Лжехристам — им не победить!..

Вспомнилась мраморная слеза Спасителя. Иванов говорил, что у Христа не вышло, и теперь *они* попытаются вновь... Эти убийцы и лжецы смеют сравнивать себя с Ним! Нет, не получится! *Им* не победить!

— Да воскреснет Господь и да расточатся врази Его! — негромко проговорил Варфоломей Кириллович. — Так и будет, Виктория Николаевна, иначе и жить незачем... Ну, приехали вроде...

Лес остался позади. Они были на берегу широкой тихой реки, за которой до самого горизонта тянулись покрытые туманом болотистые луга. Рядом находилась небольшая, сбитая из старых досок пристань, к которой как раз приставал паром. Очередная колонна, окруженная конвоем, стояла тут же, ожидая переправы.

— К реке не ходите, — Варфоломей Кириллович остановил телегу и помог Нике сойти. — Направо вам, там костер горит. Возле него сядьте и ждите.

— Спасибо... Не знаю, чем отблагодарить вас, Варфоломей Кириллович...

— Меня? — удивился старик. — Не за что. Но если уж о том речь — вернитесь живой. И постарайтесь выжить в том аду, куда попасть доведется.

Ника кивнула. Воробьиный лес, медленная река, туманные луга на другом берегу — еще не ад. Настоящий ад впереди. Почему-то вспомнилась старая церковь...

— Варфоломей Кириллович, помните икону? Георгия-Змееборца?

Старик усмехнулся.

— Объясните! Ведь такого не могло быть!

— Не могло, — кивнул Варфоломей Кириллович. — Никак не могло, ежели считать образ лишь доской, что олифой да краской покрыта. Так и человек — что он? Лишь плоть грешная... Да только плоть еще не человек, а доска — не икона, а лишь основа, на коей образ воплощен. Вот и решайте, возможно ли сие. А за икону не беспокойтесь, не пропадет она. Такие не исчезают.

Сухая широкая рука поднялась в благословляющем жесте. Ника опустила голову. Вновь стало стыдно. Священник верит — и ему легко. Если бы так верила она!..

Берег оказался покрыт мелкими сухими щепками, словно где-то поблизости работала лесопилка. Впереди блеснул бледный, неровный свет. Костер! Ника ускорила шаг. Огонь был необычный — лиловый, бледный, словно горело не дерево, а болотный газ. Рядом лежали срубленные стволы, очищенные от коры и сучьев. Виктория Николаевна подошла к костру, протянула руки. Пальцы ощутили холод. Удивившись, она дотронулась пальцами до трепещущих лиловых языков. Боль... Холодный огонь не грел, но обжигал. Ника оглянулась и, никого не заметив, присела на огромный старый ствол.

...Она глядела на равнодушные языки холодного пламени, пытаясь думать лишь о том, что предстоит. Сейчас ее встретят. Надо поздороваться и ничего не говорить, пока не услышит слов неведомого Владыки. Все казалось простым и понятным, словно детская игра в молчанку...

Ника оглянулась в сторону переправы. Паром, полный пассажиров, был уже на середине реки. Остальные покорно ожидали своей очереди на пристани. Интересно, что там, за рекой? Наверное, возврата оттуда нет. Здесь, на этой стороне, еще есть надежда, река уносит ее навсегда...

Внезапно она услыхала шум — где-то гудел мощный мотор. Ника удивилась, но тут же заметила странное облачко, похожее на клок тумана. Звук шел оттуда. Туман густел, наливался чернотой, сквозь него ударили лучи мощных фар... Огромная темная машина неторопливо выехала из рыхлого облака и, переваливаясь на ухабах, двинулась в сторону костра. Ника встала. Автомобиль затормозил в нескольких шагах от лежавших у огня бревен. Погасли фары, передняя дверца отворилась, оттуда выскочил кто-то маленький, юркий, в сером пальто и такой же шляпе. Быстро взглянув в сторону Ники, он кивнул и поспешил открыть заднюю дверцу.

Из машины вышла высокая черноволосая женщина в черном

кожаном пальто. Небрежно отстранив юркого в сером, она направилась прямо к костру. Следом за нею появился другой — невысокий, широкоплечий, в таком же пальто, но не простоволосый, как его спутница, а в кожаной фуражке. Маленький подскочил к нему, что-то шепча на ухо, но широкоплечий нетерпеливо дернул рукой и шагнул к огню.

Ника ждала, не двигаясь, стараясь даже не дышать. Все трое присели прямо на бревна: широкоплечий посередине, женщина — слева, юркий — справа. Теперь их разделял костер. Кажется, все трое чего-то ждали.

«Поздоровайтесь...» Ника сглотнула, боясь, что откажет голос, посмотрела широкоплечему прямо в глаза...

— Добрый день, Владыка! Добрый день всем...

Широкоплечий и черноволосая молча кивнули. Отозвался юркий:

— И вам добрый день, глубокоуважаемая Виктория Николаевна. Хотя, признаться, «день» в данном случае звучит анахронично. Но традиция есть традиция... Итак, добрый день, и всех вам благ. Владыка и его светлейшая спутница приветствуют вас, равно как и я, недостойный. Зовусь я Ермий, но можете называть как угодно, хоть Семен Семеновичем...

Ника кивнула в ответ. Ермий, он же Семен Семенович, глубоко вздохнул, вбирая воздух для следующей тирады. В его руках откуда-то появилась черная кожаная папка.

— Вот-с, вот-с, многоуважаемая Виктория Николаевна. Надеюсь, вы не можете пожаловаться, что вас задержали. Хотя случай, надо сказать, сложный... Вернее, случай как раз простой, но выполнить ваше желание будет, признаться...

Не договорив, он извлек из папки какую-то бумагу и передал Владыке. Широкоплечий быстро просмотрел документ и, не сказав ни слова, отдал обратно.

— Итак, вопрос простой... — Ермий потер руки. — К сожалению, с такими просьбами к нам обращаются часто. То есть не часто по обычным меркам, Виктория Николаевна, но все же чаще, чем хотелось бы. Люди весьма настойчивы! Вот вы, Виктория Николаевна, прибыли сюда издалека, рисковали дорогой. Знаю, знаю, вы хотели нас просить. Но видите ли... Вас, к сожалению, обманули.

Ника почти не слушала беглой скороговорки Ермия. Она смотрела на широкоплечего. Лицо его казалось молодым, на лбу и щеках нельзя было заметить ни единой морщинки, только кожа поражала странной бледностью. Выдавали глаза, глубокие, светлые, равнодушные — глаза того, кто видел все, что могло случиться на свете.

— ...Да-с, увы, — продолжал юркий. — Видите ли, Виктория

Николаевна, у нас тут строгий порядок. Тот, за кого вы просите, уже переправлен на ту сторону с полным соблюдением формальностей. Вот, извольте видеть...

Папка исчезла. В руках Ермия появилась огромная книга, тоже черная. Зашелестели страницы.

— Вот-с, Орловский Юрий Петрович... Так что, увы, помочь ничем не можем. Остается лишь посочувствовать и проводить вас обратно.

Ника не ответила. Отказ почему-то не испугал, она ожидала чего-то подобного. Наступило молчание, Ермий полистал книгу, захлопнул.

— Вы нам не верите, Виктория Николаевна? Наверное, начитались разных сказок, притч. Какой-то певец упросил Владыку отпустить его даму. Читывал, читывал... Но ведь вся соль в чем? В том, Виктория Николаевна, что из данной затеи, увы, ничего не вышло. К тому же, это даже не миф, а его поэтическая обработка. Что взять с поэта? Так что, не обессудьте, дело ваше решено, сейчас подадим транспорт...

Ермий привстал, словно собираясь позвать невидимого шофера. Ника не двинулась с места. Юркий удивленно взглянул на нее, спрятал книгу, что-то зашептал на ухо широкоплечему. Тот кивнул.

— Мы понимаем, вы очень надеялись, — Ермий развел руками. — Ну что вам сказать? Вас, увы, обманули. Более того! Тот, кто послал вас сюда, поступил жестоко. Дело в том, что ваш собственный срок и так скоро. Вот, извольте видеть...

В руках Ермия вновь появилась черная книга.

— Не смей! Люди не должны знать такое! — Рука черноволосой легла на раскрытый том. Ермий замер.

— Конечно, конечно! — Книга вновь исчезла. — Уточнять не буду, но, поверьте, этот срок близок...

Ника поверила. С чем бы она ни вернулась, Иванов ее не выпустит. Холод подступил к самому сердцу. Что же — конец?

— Так вот, — юркий улыбнулся, — еще не случившееся изменить легче. В порядке небольшой компенсации, Виктория Николаевна... Вы сейчас вернетесь обратно, а мы слегка... Скажем, передвинем этот срок. Лет на десять... Да чего там, на целых сорок! Владыка согласен.

Ника взглянула на широкоплечего. Тот вновь кивнул. Итак, ей предлагают жизнь. Сорок лет... У нее есть шанс пережить Сталина, Ежова, всю эту банду. Она сможет увидеть Россию свободной, глотнуть вольного воздуха. Впрочем, зачем заглядывать столь далеко? Она просто выживет, вырвется из черного подземелья, увидит солнце...

Но Ника тут же опомнилась. От нее хотят откупиться столь просто? Сорок лет — без Орфея? Зачем?

Она оглянулась. Паром уже возвращался. Похоже, им никто не управлял, он шел сам, поднимая легкую рябь по гладкой недвижной воде. Те, кого переправил паром, уже строились на другом берегу, готовясь идти дальше...

— Ну, Виктория Николаевна, будьте благоразумны! — В голосе Ермия прозвучало легкое раздражение. — Это максимум, поймите, максимум того, что мы можем! Вы, кажется, уже поняли, что с того берега вернуться нельзя. Вас послали наобум, надеясь уж не знаю на что!..

Это тоже походило на правду, но Ника по-прежнему молчала. Что с ней сделают? Отправят назад силой? Значит, Варфоломей Кириллович ошибся? Перед глазами встало спокойное лицо старого священника. Нет, он не зря предупреждал!

Прошла минута, две. Никто не произнес ни слова. Наконец Ермий нерешительно взглянул на широкоплечего, затем на Нику:

— Ну... Если вы столь упорны, Виктория Николаевна, мы могли бы постараться, как бы это сказать... Несколько улучшить положение не только ваше, но и ваших друзей. Многое, конечно, не можем, но в пределах нескольких лет...

Ника отвела взгляд, стараясь, чтобы Владыка не увидел ее лица. Ей снова предлагали подачку, но на этот раз речь шла о тех, кто оставался там: о Терапевте, о Флавии... Терапевт болен, врачи считают положение серьезным, Флавий смертельно рискует — каждый день, каждый час. И есть еще Сергей Пустельга — искалеченный, обреченный. Искушение было невыносимым, но Ника все же опомнилась. Перед глазами встало холодное, бесстрастное лицо Флавия. «Я вам верю...» Все они надеялись, что она поможет Орфею. Ведь это нужно не только ей! От того, что она сможет узнать, зависят другие жизни. Что сказал бы Терапевт, если б ему предложили еще пару лет существования в обмен на отказ от борьбы? О Флавии не хотелось и думать. Ника представила себе презрительную усмешку этого железного человека... Даже Пустельга думал не о пощаде, а о мести.

Ника смотрела в огонь. Лиловые языки пламени подрагивали, и она вновь ощутила странный холод, идущий от костра...

— Вы же видите, она не согласится, — негромко проговорила черноволосая. — Она не уйдет без него.

— Хорошо...

Голос прозвучал неожиданно — низкий, густой. Ника поняла — Владыка! Сердце радостно дрогнуло, но тут же вспомнилось: «Быть тому...» Этого она еще не услышала.

— Ну если так... — Ермий вздохнул. — Тогда начинаются сложности, но что поделаешь...

В его руках опять оказалась папка. Пальцы ловко извлекли густо исписанный лист.

— Вот, извольте видеть... Согласно этому документу мы можем отпустить вышепоименованного Юрия Петровича Орловского. Все уже заполнено, не требуется даже подписи. Ну, понятно, вместо него должен остаться кто-то другой — порядок есть порядок...

Этого Ника ждала с первой минуты. Жизнь за жизнь... Что ж, она готова, иного выхода, кажется, нет. В этом туманном краю нелепо ждать милосердия.

— Конечно, речь не идет персонально о вас, глубокоуважаемая Виктория Николаевна, но выбор весьма невелик. Конечно, практика, так сказать, заложничества несколько антигуманна, но мы и так идем на серьезное нарушение. Так что решайте...

Ника закрыла глаза, собираясь с силами. Сейчас надо сказать «Да». Только в эту минуту она поняла, насколько это страшно.

— Убери свои бумаги, Ермий!

Голос был мужской, но говорил не Владыка. Ника удивленно оглянулась. Возле костра появился еще кто-то. Странно, она и не заметила, когда он успел подойти — высокий, жилистый, русоволосый, с небольшой бородкой, в которой уже пробивалась седина. На незнакомце был пурпурный плащ, заколотый золотой фибулой. Яркие цвета странно смотрелись тут, в царстве серого и черного.

Ермий нерешительно поглядел на Владыку, но тот промолчал, даже не двинув бровью. Незнакомец присел на одно из бревен и протянул руки к костру, словно холод лилового пламени мог его согреть.

— Я... я очень извиняюсь... — Юркий вновь поглядел на молчавшего Владыку и, похоже, осмелел. — Смею вам заметить, гэгхэн, что ваше присутствие в этом месте...

— Я здесь, чтобы защитить мой народ, — надменно произнес человек в плаще. — И тех, кто мой народ защищает!

— Но светлейший Фроат!..

Имя показалось знакомым. Фроат — так, кажется, звали ее далекого дхарского предка! «Гэгхэн» — наверное, титул. Князь Фроат...

— Светлейший Фроат, мы не вмешиваемся в дела дхаров, и я крайне удивлен, что вы позволили себе... Виктория Николаевна — человек, она...

— Она дхарской крови. Моей крови! — Гэгхэн откинулся назад, словно сидел не на бревнах, а на троне. — Кроме того речь идет о другом человеке, о том, кто спас мой народ. Сейчас вы хотите погубить их обоих.

Ника растерянно поглядела на Владыку, затем на черноволо-

сую. Смысл сказанного с трудом проникал в сознание. Кто спас дхаров? Неужели Орфей? Но о чем говорит Фроат? Она останется здесь, а Юрий...

— Не торопитесь, Фроат-гэгхэн! — Низкий голос Владыки заставил дрогнуть пламя костра. — Подумаем и об этом в свой черед. Но сейчас мы еще не решили.

— Да, да! — подхватил Ермий. — Речь идет о принципиальном согласии. Конечно, если бы кто-нибудь, имеющий на это право, согласился остаться тут вместо Юрия Петровича, это решило бы большинство вопросов. Виктория Николаевна могла бы защитить и себя, и Юрия Петровича, но я не вижу выхода. Не знаю даже, что и придумать...

— Сие нетрудно.

Ника оглянулась — рядом с нею сидел Варфоломей Кириллович. Старого священника заметила не только она. Лицо Владыки дрогнуло, а Ермий вскочил, поспешив снять с головы шляпу.

— Сие нетрудно, — повторил Варфоломей Кириллович. — Я останусь вместо Юрия Орловского. Мои права вам ведомы.

Дыхание на миг перехватило. Ника глядела на старого священника с недоумением и даже страхом. Кто он? Откуда у старика такая власть? Впрочем, это сейчас не главное, он нашел выход...

— Досточтимый Варфоломей Кириллович, — Ермий осторожно присел, держа шляпу по-прежнему в руке, — ваши права общеизвестны и не подлежат обсуждению. Но смею напомнить, что как только вы, так сказать, переправитесь через реку, ваше положение изменится. И очень сильно.

— К чему многоречие, Ермий? — Старик еле заметно улыбнулся. — Я уже сказал...

Нике стало легко. Сейчас все решится — неожиданно и так удачно. Она вернется вместе с Юрием, князь Фроат поможет им, и...

...Она вернется, им с Юрием помогут, а старый священник... Господи, как она могла даже подумать? Платить чужой жизнью! Какая она все-таки...

— Ну что ж, — Владыка пожал плечами. — Быть...

— Нет! — Ника вскочила, боясь, что опоздает. — Стойте! Не смейте! Я запрещаю!..

Она перевела дыхание, собираясь с силами. Ее слово — последнее, сейчас все кончится. Надо успеть...

— Я запрещаю! Слышите? Никто не останется здесь, кроме меня! Юрий бы никогда не позволил. И я тоже...

Никто не произнес ни слова, не двинулся с места. Все ждали.

— Варфоломей Кириллович... Князь Фроат... Спасибо вам, но

это дело касается лишь меня и Орфея... Юрия Петровича... А сейчас я хочу поговорить с Владыкой. Можно?

Широкоплечий секунду помедлил, затем кивнул.

— Владыка! Я не осуждаю ваши законы, я не дома. Вы можете сделать со мною что угодно. Это нетрудно, меня и Юрия ждет смерть и здесь, и на земле. Но есть еще другой закон...

Ника на мгновение умолкла, пытаясь понять, имеет ли право на такие слова. Кто она, в конце концов? Но ведь Тот, Кто когда-то приходил к людям, обещал помочь всем, даже таким, как Ника.

— Вы судите здесь, Владыка. Кто-то другой судит на земле, не знаю, справедливо или нет. Но вы — не высший суд. Есть Тот, Кто над вами, Кому подвластны и земля, и ад. Его именем, именем Господа, я требую...

Она испугалась собственных слов. Что может она требовать? Она — пылинка, унесенная ураганом...

— Я требую... — Ника глубоко вздохнула, — справедливости! Я не могу просить о милости, о снисхождении, вы вправе отказать. Но справедливость выше вас! Разве люди виновны в том, что с ними сделали? Разве виновны, что ими правит нечисть? Что их обманывают и убивают? Разве виновны я и Орфей? Почему вы не спросите с того, кто отвечает за это?

Ника умолкла, сообразив, что сказала совсем не то, а главное — не так. Кого она обвиняла? Большевиков? Сталина? Его черную тень — «товарища Иванова»? Или кого-то, еще более могущественного?

— Виновны ли люди? — Владыка нахмурился, покачал головой. — Виновны, Виктория Николаевна...

— Но не все, — прервал его Варфоломей Кириллович. — Судят не всех, судят каждого. А совратителя судят особо.

— Юрий Орловский отвел смерть от моего народа, — князь Фроат встал и шагнул к костру. — Если мое слово еще значит что-нибудь, я тоже требую...

— Виктория Николаевна не пожалела жизни ради любимого и ради друзей, — черноволосая подняла ладонь к серому небу. — Именем Того, о Ком здесь сказано, я тоже требую...

— Я не могу требовать, — Варфоломей Кириллович встал рядом с Никой, — но я прошу...

— Это нарушение закона, — пробормотал Ермий. — Явное нарушение! Но наши законы столь негибки, Владыка. Может, все же учтем...

— Хорошо, — тяжелый голос широкоплечего заставил его умолкнуть. — Я слышал. Сядьте...

И вновь тишина. Нике показалось, что она слышит стук собственного сердца.

— Мне незачем напоминать о справедливости. Вы правы, Виктория Николаевна, я не имею возможности миловать и прощать. Это право Того, Чьим именем вы ко мне обратились. Впрочем, всегда есть выход. Ермий!..

Юркий выхватил папку, замелькали исписанные листы...

— Вот... Вышеупомянутый Юрий Орловский прибыл сюда по собственной воле, но его тень все еще на земле. Случай может быть оспорен. Его можно признать тяжелобольным, временно потерявшим память. Прецедент когда-то был...

— Быть тому, — кивнул широкоплечий. — Юрий Орловский, известный также как Орфей, и Виктория Николаевна, называемая еще Никой, с этой минуты свободны. Это в моей власти. Но большего мне не сделать. Можно помочь кому-то одному, но вместе их путь скоро закончится. Так записано, и записано не мной. Ермий, я не ошибся?

— Увы, нет, Владыка, — вместо папки в руках юркого вновь оказалась черная книга. — Вот эта страница. Все уже решено, мы не в силах переписать...

— Вырви страницу, Ермий! — черноволосая протянула руку. — Пусть все решится заново!

— Но... сиятельнейшая... — Юркий вскочил, прижимая черный том к животу. — Это ничего не изменит, к тому же эти бумаги не горят!

— У них будет еще один шанс. Жги!

— Я... Я не могу, — Ермий растерянно поглядел на Владыку. — Огонь не уничтожит... Я не смею...

— Тогда я сама.

Черноволосая забрала книгу, перелистала страницы. Резкое движение руки — послышался скрежет, как будто лопалась жесть. Через секунду страница полетела в огонь. Лиловые языки жадно потянулись к бумаге и отступили.

— Я же говорил, говорил... — бормотал Ермий. — Они не горят...

Ника, не отрываясь, глядела в огонь. «Гори! Пожалуйста! — она сама не понимала, кого просит. — Гори!..»

...Край страницы потемнел, бумага начала желтеть. Секунда — и листок охватило пламя...

— Теперь они свободны, — спокойно проговорила черноволосая.

— Но не в безопасности, — перебил Фроат. — Мы обязаны что-то сделать...

— Это не в моей власти, — покачал головой широкоплечий, — и не в твоей, гэгхэн.

— Отправь с нею послание, — негромко предложил Варфоломей Кириллович. — Посланца могут пощадить.

Владыка задумался:

— Тот, кто прислал ее, не посчитается с обычаем. Но все же попробуем... Виктория Николаевна, нам предстоит выполнить одно поручение.

Ника молча кивнула, еще не опомнившись от всего случившегося. Неужели удалось? Но что дальше? Что она сможет сделать?

— Тот, кто зовет себя Ивановым, Агасфером, Вечным, а также иными именами, желает завладеть старым секретом, который известен вашему другу. Этот секрет очень опасен — точнее, был таким. Скажите Юрию Орловскому, что он сможет назвать Иванову «мэви-идхэ». Теперь «Ключ» неподвластен людям, а если его применит кто-то другой, его встретят.

— Передай: последнее слово — «горг», — добавил Фроат. — Твой друг поймет...

— Тому же, кто прислал вас, скажите так... — Владыка задумался, затем проговорил медленно, чеканя каждое слово: — «Видим дела твои. Остановись. Шлем второй Рубин, третьего не будет».

В руке широкоплечего что-то сверкнуло.

— Возьмите, — на ее ладонь легла светящаяся густым кровавым огнем призма, грани которой были покрыты непонятными, похожими на муравьев знаками. — Этот камень вы покажете, и вам поверят. Но не отдавайте. Тот, у кого будет Рубин, неподвластен врагу. Не выпускайте его из рук...

— Он не даст полной защиты, — вновь вмешался Фроат. — Стрела или пуля не пощадят владельца, но колдовство и обман обойдут стороной.

— Спасибо... — Камень переливался на ладони, Ника сжала руку. — Он поможет только мне? Или я могу передать его?

— Можете, — кивнул Владыка. — Он принадлежит вам. Распорядитесь им так, как подскажет сердце... Больше мы ничего не сделаем.

— Сделаю я, — князь Фроат улыбнулся и, подойдя к Нике, положил ей на плечо широкую тяжелую ладонь. — Правнучка! Дхары гордятся тобой! Когда ты и Юрий Орловский вновь окажетесь тут, мы не дадим отправить вас за реку. Вы останетесь на этом берегу, с дхарами, и вместе с нами вернетесь обратно, когда настанет час. И хотел бы я видеть того, кто помешает мне...

Он посмотрел на Владыку, словно ожидая возражений, но широкоплечий молчал. Фроат погладил Нику по щеке, как гладят ребенка, и вновь улыбнулся. Все встали. Виктория Николаевна растерянно оглянулась, все еще не веря.

— Спасибо! Что бы ни случилось со мною после — спасибо...

— Иди с миром, дочь людей и дхаров, — ответил Владыка.

— Да пребудет с тобою Господь... — добавил старый священник.

— И да поможет тебе Высокое Небо... — закончил Фроат.

...И тут все исчезло. Пропал костер, берег, старые бревна и все те, кто находился рядом. Нике почудилось, что лопнула завеса, скрывавшая от глаз истинный облик мира. Ни берега, ни реки — бездонное, черное, как антрацит, небо. Огромные живые звезды покрывали его, их свет был теплым, густым, казалось, его можно тронуть рукой. Светила горели по всему небосводу, им не было конца, и Ника чуть не задохнулась от этой неслыханной красоты. Видение продолжалось недолго, долю секунды, но она успела понять: это и есть настоящее, истинное. Ника потянулась вперед, к теплому свету звезд...

ГЛАВА 12

КРОВАВЫЙ РУБИН

...Сначала вернулась боль — тягучая, растекшаяся по всему телу. Ника почувствовала, как ноет затылок, как давит в спину твердый камень. Она застонала, попыталась двинуться, но что-то мешало. Где-то совсем рядом говорили. Виктория Николаевна узнала голос Орфея и тут же успокоилась. Он рядом, значит, все в порядке. Слов она не разобрала, лишь поняла, что Юра отчего-то встревожен. Ника вновь попыталась привстать и наконец сообразила, что с ног до головы укрыта чем-то, похожим на тонкое одеяло...

— Ну вот, Юрий Петрович, как видите, правила изменились. Теперь все зависит от вас...

Ника вспомнила, что говоривший как-то связан с нею и Орфеем, но это не успокоило, напротив, встревожило. Что-то не так. Почему волнуется Орфей? Где они? Она лежит на камне, ее накрыли покрывалом. Это больше похоже не на спальню, а на гробницу. На каменное надгробие, которое ставят в церквах или часовнях...

Часовня! Орфей! Она рванулась, дернулась, запутавшись в плотной ткани...

— Ника! Ника!

Наконец ей удалось отбросить с лица край покрывала. В глаза ударил неяркий огонь горящих свечей.

— Ника!

Орфей стоял в двух шагах, руки были скованы наручниками, двое охранников держали его за плечи, третий спешил стать между ними. Да, так и должно быть... Правая рука сжала Рубин, левой она отбросила страшное траурное покрывало и одним движением оказалась на земле.

— Все в порядке, Юра. Тебя обманули, я жива!

Какую-то долю секунды Орфей молчал, затем лицо его дерну-

лось судорогой, и, наконец, на нем отразилось облегчение, невиданное, непередаваемое словами.

— Я жива, Юра! — Ника заставив себя улыбнуться. — Со мною все в порядке и с нашими друзьями тоже...

Юрий закусил губу и усмехнулся в ответ. Растерянность прошла, Орфей вновь стал прежним.

— В порядке? *У всех?*

Ника поняла. Надо отвечать быстро, пока не перебили.

— Roma locuta, causa finita...

«Рим высказался, дело сделано». Орфей поймет! Юрий на мгновение задумался, глаза блеснули:

— Cognosco stilum romanae!

«Узнаю римский стиль». Он понял...

— Хватит! — В голосе Иванова слышалось столь непривычное раздражение. — Юрий Петрович, убедительно советовал бы помолчать.

Охранники оттащили Орфея в сторону, черная тень дрогнула — товарищ Иванов сделал шаг вперед.

— Ну что ж, Виктория Николаевна, поздравляю с возвращением!

— Благодарю вас, господин Агасфер. — Странное прозвище, упомянутое Владыкой, всплыло в памяти.

— И об этом узнали? — Голос Иванова стал прежним, спокойным и уверенным. — Вам очень повезло, Виктория Николаевна. Вернулись сами и, как видите, сумели помочь Юрию Петровичу. Признаться, думал, вас придется выручать...

— И уже начали шантаж?

Она все-таки сдержалась. Криком не поможешь, сейчас будет самое трудное...

— Мы еще поговорим... Юрий Петрович, давайте закончим наше небольшое дело. Правила действительно изменились. По некоторым причинам у меня нет больше времени. Итак, сейчас вы напишете текст «мэви идхэ», после чего возвратитесь в камеру, где спокойно отбудете остаток срока, который уменьшится, как я и обещал, до десяти лет. Надеюсь, мне не надо намекать, что будет в противном случае...

Ника оглянулась. Орфей стоял бледный, неподвижный, и в неровном свете стало заметно, как изменилось его лицо. Он не постарел, скорее высох, острые скулы, казалось, вот-вот разорвут кожу, глаза запали, втянулись щеки. Но он был жив, он снова стал прежним...

— Стойте! — Она шагнула вперед, и тут же двое в черном преградили дорогу. — Господин Иванов, правила действительно изменились. Вам нужно дхарское заклинание?

Черная тень молчала. Ника вновь повернулась к Орфею.

— Юра! Последнее слово — «горг», мне его назвал гэгхэн Фроат. Отдай «Ключ», это уже неопасно.

— Ника! — Орфей дернулся, но «черные» держали его, не отпуская. — Ты не понимаешь!..

— «Ключ» теперь неподвластен людям, а этого упыря там встретят...

— Ты уверена? — Глаза Орловского недоверчиво сузились.

— Конечно! Все в порядке, Юра! Вот увидишь...

— Присоединяюсь к данной просьбе, — Агасфер стоял совсем рядом, неподвижный, в длинном темном плаще. — Закончим это дело, Юрий Петрович...

— Ладно! — Голос Орфея прозвучал звонко, почти весело. — Снимите наручники!

Черная тень кивнула. Один из охранников достал ключ, другой положил на каменный постамент лист бумаги и ручку. Орловский размял затекшие кисти и быстро набросал несколько слов.

«Сейчас, — подумала Ника, — пока он будет читать...»

Нужно было несколько секунд, чтобы подойти к Юрию и передать Рубин. Однако Иванов оказался предусмотрителен. Охранник вновь надел Орфею наручники, другие стали между ними, не давая увидеть друг друга. Еще один «черный» подбежал к Агасферу, неся бумагу.

— Так... — слово прозвучало равнодушно, буднично. — Как просто!..

Агасфер поднес листок ближе к черному капюшону, Ника успела заметить длинные, почти по локоть, перчатки. Под сводами зазвучали незнакомые слова: «мвэри... эйсо... идхэ... хоги... ранэ... атурх... горг...»

Еще не зная, что будет дальше, Ника зажмурилась. Вовремя! Даже сквозь прикрытые веки свет показался невыносимо ярким. Подземелье дрогнуло. Послышался странный звук, похожий на смех и одновременно на гневный окрик, порыв горячего ветра толкнул, едва не сбил с ног...

...Виктория Николаевна открыла глаза. В часовне все осталось по-прежнему, но черные охранники не стояли, а лежали на полу, закрывая глаза ладонями. Это был ее шанс. Ника бросилась вперед, к Орфею. Оставалось добежать какой-то метр, но тут сильный удар сбил ее с ног. В дверь вбегали новые охранники, спеша заменить тех, кто временно ослеп.

— Удачно... — Иванов словно и не был обескуражен. — Ну, Виктория Николаевна, нам придется объясниться.

Ее подтащили ближе к алтарю. Агасфер стоял рядом — высокий, недвижный, укрытый тенью.

— Вы оказались опаснее, чем я думал. Ну, говорите!..

Сзади послышался крик, шум борьбы — Орфей пытался справиться с «черной» охраной. Ника на миг закрыла глаза. Она не успела. Что ж...

— «Видим дела твои. Остановись. Шлем второй Рубин, третьего — не будет...»

В протянутой ладони кровавым огнем засветился камень. Агасфер молчал. Секунды тянулись, прошла минута, две...

— И что вам обещали за это? — В голосе звучала злая насмешка. — Жизнь? Свободу? Неужели вы не знаете, Виктория Николаевна, что гонцов, несущих злые вести, ждет беда?

Отвечать она не стала. Теперь уже все сделано. Оставалось одно — пройти остаток пути достойно. Вспомнилась сгоревшая в лиловом пламени страница черной книги. Что было там написано? Наверное, именно это.

— Хорошо... — Тень еле заметно двинулась. — Приведите его...

«Черные» подтащили Орфея к алтарю. Их глаза встретились, Ника улыбнулась...

— Юрий Петрович! — Агасфер не спеша сел в кресло, став почти невидимым в затопившем алтарь мраке. — Мою просьбу вы исполнили, так что у меня нет претензий. Предлагаю следующее. В Столице создается новый дхарский центр. Вы его возглавите. Хорошая работа всегда вознаграждается. Вы сможете продолжить свои исследования...

— Для окончательного решения дхарского вопроса? — Орфей рванулся, но «черные» держали крепко.

— Да. Для окончательного решения дхарского вопроса. Могу я намекнуть, что иного выхода у вас нет?

— Вы ошибаетесь. Есть!

— У вас его нет. И не будет. Я дам вам немного подумать. Вернем вас в больницу на пару дней. Правда, ключ, который вы спрятали по совету Пустельги, мы забрали. Впрочем, он бы вам не помог...

— Ника! — Юрий резко повернулся. — Они убили Сергея!

— Как?

Она ощутила боль и бессилие. Значит, Пустельга тоже...

— Молчите! — Агасфер резко встал. — Имейте в виду, терпение может кончиться. Я дам вам три дня, Юрий Петрович. Потом мы продолжим разговор в уже знакомом вам подземелье...

В голосе Агасфера впервые слышалась откровенная угроза. Внезапно Орфей рассмеялся. Это прозвучало так неожиданно, что черный силуэт отшатнулся.

— Ну что ж, Юрий Петрович. Посмотрим, насколько у вас хватит сил... Уведите!

— Постойте! — Ника попыталась освободиться, но «черные» держали крепко. — Дайте минуту... проститься...

— Хорошо, — Агасфер вновь отступил в тень. — Но — ни одного слова. Первое же слово — смерть!

Хватка немного ослабла. Она повернулась. Орфей был почти рядом, но охранники стояли, сомкнув плечи — ни протиснуться, ни достать рукой...

Он улыбнулся, Ника тоже — из последних сил, еле сдерживаясь. Она чувствовала, как по щекам текут слезы, но боялась вытереть их. Может, Орфей не заметит... Внезапно показалось, что откуда-то доносится тихий шепот.

«...Ника! Ника! Ты слышишь меня?»

«Да! — беззвучно закричала она. — Орфей, слышу! Не бойся за меня. Они мне ничего не сделают! Ты молодец, все гордятся тобой. И я... Я тоже... Я люблю тебя...»

«Я люблю тебя, Ника! Извини, не могу поступить иначе...»

«Знаю... Но мы все равно встретимся! Все равно!..»

Орфей поднял вверх скованные руки, но «черные» уже волокли его к темному провалу двери. У самого входа Юрий на секунду остановился. Их глаза встретились...

...Нике казалось, что она уже умерла. В ушах звучал странный шум, похожий на скрежет, в лицо плеснула вода... Наконец она очнулась и поняла — еще не конец. Самое страшное случилось, но ей еще предстоит допить то, что осталось в поднесенной чаше.

— Вам лучше? — Агасфер стоял буквально в одном шаге — неприступный, холодный. — Вы взялись за страшное дело, Виктория Николаевна. Я знал, что у вас не хватит сил...

— Хватит, господин Иванов! — Кажется, голос звучал нормально, без дрожи. — Что вам еще надо?

Голова в черном капюшоне чуть наклонилась, и Ника увидела, что в лицо ей смотрит пустота.

— Зачем же так, Виктория Николаевна? Я мог бы сказать, что мне жаль вас, но это неверно. Я не жалею и не сочувствую, но испытываю к вам вполне естественное уважение. Я узнаю, кто именно вооружил вас против меня, это несложно. Но сначала решим вопрос лично с вами. Наверное, самым честным было бы просто отпустить вас, Виктория Николаевна. Этим я бы воздал добром за зло, и вы не ощутили бы радости победы...

Ника невольно поразилась. Радости? О чем он толкует? Или у Агасфера другие чувства — не такие, как у людей?

— Я выразился точно, — Иванов словно читал ее мысли. — Сейчас в вас говорят эмоции, вы боитесь за Юрия Петровича. Напрасно! Не за него следует опасаться. Он-то мне нужен, а вот вы...

— Дешевый прием, господин коммунист! — Она заставила себя улыбнуться. — Угрожать женщине...

Ника перевела дыхание. Теперь уже не страшно. Она побывала там, где беззвучно кружат стаи воробьев и течет медленная тихая река.

— Вспомнили, что вы женщина? Я не забывал этого, Виктория Николаевна. Но вспомните и о другом: вы сумели сорвать важнейшую государственную программу, рассчитанную на укрепление обороны СССР. Сантименты здесь ни при чем. Вы — мой враг и не скрываете этого...

— А вы чего ожидали? — удивилась она. — Неужели благодарности?

— Вот видите!.. Я мог бы вспомнить, что вы — слабый человек, вам страшно и, кроме того, вами кто-то неплохо управлял. Увы, на свободе вы еще более опасны. Ваши новые знакомые попытаются вновь с вами встретиться. А вот этого я допустить не могу.

Выходит, Агасфер боится — ее и тех, с кем она сидела у холодного костра! Ника не ощутила радости, скорее почувствовала что-то, похожее на презрение. Хорош всесильный! Несколько безоружных людей вдребезги разбили его замыслы. А что будет, если объединятся остальные?

— Вы меня поняли... — Черный капюшон кивнул. — Теперь о вашем Рубине. Не хочу разочаровывать, но он не поможет. Этот камень — память о далеких веках, когда еще соблюдались нелепые обычаи и условности. Но даже если играть по этим смешным правилам, он не спасет. Я не имею права вас убить, Виктория Николаевна, поскольку вы — посол, принесший весточку от моих добрых друзей. Но я не могу и не собираюсь запретить органам внутренних дел арестовать вас как опасную пособницу врага. Не я подписывал ордер на арест! А в НКВД Кровавый Рубин не поможет. Для тамбовских костоломов товарища Ежова он — обыкновенный «вещдок», который приобщат к вашему делу...

Вспомнились слова Фроата. Похоже, Агасфер говорил правду. Но почему он столь многоречив? Неужели она в самом деле сумела его так напугать?

— К сожалению, наряду со множеством достоинств у нашего первого в мире социалистического государства имеются и отдельные недостатки. Среди них, в частности, то, что приговоры порою выносят еще до ареста. Не пугаю, просто объясняю. Ордер подписал Ежов еще неделю назад. Вас ищут по всей стране...

— А вы умываете руки? — У нее еще нашлись силы, чтобы усмехнуться.

— Не без сожаления. Вас судили заочно, как пособницу опасного преступника Юрия Орловского, написавшего клеветническую книгу, порочащую общественный и политический строй СССР.

...Вот, значит, как! Теперь ясно, над чем работал Орфей дол-

гими вечерами! Да, она не зря гордилась им... Но на мгновение стало жаль, что роман, о котором они столько говорили, так и остался не написан. Роман про Иешуа из Эн-Сарида и того, кто тоже умыл руки...

— Впрочем... — Агасфер помолчал, подчеркивая значимость того, что будет сказано. — Я согласен помиловать вас... если вы меня об этом *попросите*...

Вначале Ника не поняла, затем ее охватила радость. Жить! Всего лишь несколько слов! Она никого не предаст, не подведет, просто попросит о жизни. Что может быть естественнее, понятнее? Никто не осудит — даже Флавий, даже Варфоломей Кириллович...

Агасфер ждал, не торопя. Внезапно Ника ощутила нечто странное. Ее враг волнуется, словно речь идет не о ее жизни, а о его собственной.

...И тут она поняла. Дело не в словах. Просто это будет первой просьбой, и ей не откажут. Она останется в живых и будет против собственной воли чувствовать себя обязанной. Ей не предложат сразу же выдать Терапевта или Флавия. Напротив, Агасфер предложит попросить о чем-то ином — о свободе или даже... о жизни Орфея. И вот тогда...

— Я не ищу смерти, — Ника посмотрела прямо в черную пустоту под капюшоном. — Но вас ни о чем... Слышите?.. Ни о чем просить не буду!..

— Как угодно. — Рука в перчатке чуть заметно дернулась. — Уведите!

Ее схватили за плечи, потащили к выходу. Внезапно сзади донеслось:

— Стойте! Подведите ее к камню...

«Черные» поставили Нику у странного круглого возвышения, похожего на плаху. Рядом находилось что-то, покрытое темным покрывалом. Один из охранников отбросил ткань в сторону. Ника вскрикнула — на земле лежал Пустельга. Грудь, шея, руки — все было в засохшей крови, но лицо каким-то чудом осталось чистым. Смерть обошлась милостиво с Сергеем, он словно помолодел, исчезли морщины на лбу, разгладились глубокие складки у рта...

— Хвастаетесь... палаческой работенкой?..

Вспомнились слова Орфея. Выходит, он знал Пустельгу? Значит, этот парень пытался помочь и Юрию?

— Не спешите... — Агасфер подошел ближе. — Не судите поспешно, Виктория Николаевна.

Ника отвернулась. Интересно, о чем еще будет разглагольствовать этот краснобай? Убеждать в том, что Сергея следовало непременно «ликвидировать»?

— Именно так...

Она поняла — Агасфер действительно читает ее мысли. Но не испугалась. Пусть...

— Только не «ликвидировать». Я подарил ему смерть — настоящую, человеческую смерть. Порою это очень ценный дар. Проще было оставить его нелюдем, он бы служил мне — даже против воли. Я поступил честно, но этот человек мне нужен. Я очень надеялся, что какой-то счастливый случай поможет вернуть его, как вы вернули Юрия Орловского. Шансы были один на миллион, но, представьте себе, я не ошибся. Итак, Виктория Николаевна, у вас есть выбор. Слушайте!..

Агасфер шагнул вперед, протянув над мертвым телом затянутую в черную кожу руку:

— Этот человек — ваш враг, Виктория Николаевна. Он сочувствовал вам, но служил мне. Сочувствие — дело легкое, к тому же в нем говорили обида и болезнь. Теперь он мертв, и никто на свете не вернет его. Никто — кроме вас...

Ника не отреагировала. Сказанное показалось грубой ложью, очередным издевательством.

— Не верите? Но вы же спасли Орловского! Одна, без моей помощи. А теперь у вас имеется то, что не защищает вас, но может выручить другого. Ваш Рубин...

Ника разжала ладонь. Камень засветился в полумраке, золотом вспыхнули буквицы-муравьи.

— Это вещь из другого мира, Виктория Николаевна. Я уже говорил, она не для вас. Но сила, заключенная в Рубине, поистине неимоверна. Она не сокрушит врагов, зато спасет тех, кто болен — даже смертельно. Еще не поздно — положите камень ему на грудь, туда, где сердце...

Камень горел на ладони. Она думала передать его Орфею. Те, кто дал ей Рубин, надеялись, что кристалл поможет ей.

— Но не спешите. Подумайте! Его отберут у вас, но кто знает, вдруг Рубин даст вам шанс даже в подвалах Ежова? Не уверен, конечно, но чудеса случаются. С другой стороны, вы можете спасти человека. Но не просто человека, с которым вы были знакомы. Сергей Пустельга — опытный чекист, в НКВД с семнадцати лет, у него две медали, масса благодарностей. За что — можете догадаться. Если спасете его, я получу ценного, незаменимого помощника, а ваши друзья — еще одного умного и очень опасного врага...

— Зачем вы это говорите?

Вспомнился разговор на скамейке в Александровском саду. И другая встреча — на холодной, залитой дождем набережной...

— Любопытно, как вы поступите. Дело в том, что хозяйка Рубина — только вы. Он слушается вас, чужая рука не принесет спа-

сения. Мне интересно, что вы решите. Признаться, до сих пор с трудом понимаю человеческие поступки.

— У вас это никогда не получится, Агасфер!

Ника склонилась над неподвижным телом Пустельги, положила светящийся камень на окровавленную гимнастерку и поправила сбившиеся на лоб русые волосы.

— Но почему? — В голосе Иванова звучало искреннее удивление. — Он ваш враг! Вы помогли мне, а не своим друзьям!..

Ника не стала отвечать. Все сделано, осталось немного, а силы нужны для каждого шага...

«Черные» вывели ее в полумрак подземной галереи. К ним подошли трое в обычной светлой форме с малиновыми петлицами. Старший, с двумя «кубарями», что-то спросил. Она не поняла, и тут же ее ударили по лицу. Ника пошатнулась, едва устояв на ногах. Странно, она еще чувствовала боль...

— Артамонова?

— Да... — губы с трудом двигались. — Я — Виктория Артамонова...

— Чего не отвечаешь? — Лейтенант достал из нагрудного кармана какую-то бумажку. — Согласно постановлению Особого Совещания... А, все равно темно, поверишь на слово!

— Наручники? — поинтересовался кто-то особо старательный.

— На хрена? — удивился старший. — Куда ей бежать? Ну, двигай!...

Толчок в спину... Виктория Николаевна вновь чуть не упала, еле заставив себя выпрямиться. Вот, значит, как начинается дорога в ад... Вокруг стояла тьма, но внезапно Нике показалось, что она снова видит теплые сияющие звезды, такие чистые и близкие. И Ника рванулась к ним, не останавливаясь, становясь с каждой секундой все сильнее и сильнее, так, что даже Смерть, казалось, начала отставать...

Бен появился на Патриарших без пяти семь. Добирался он, как обычно, пешком. За эти месяцы молодой человек неплохо изучил Столицу и теперь старался прокладывать маршруты напрямик, через скопище кривых улочек и узких переулков, надеясь на чутье, не подводившее и раньше, в дальних походах на Тускуле. Вечер был теплый, и Бен снял плащ, неся его переброшенным через руку. В последнее время он научился одеваться вполне в местном духе, походя теперь не на иностранца из посольства, а скорее на преуспевающего журналиста или молодого художника.

В небольшом парке, несмотря на теплый вечер, народу оказалось неожиданно мало, почти никто не пришел посидеть на ла-

вочке в этот предзакатный час. Не спеша подойдя к тихой глади пруда, Бен полюбовался оранжевыми отблесками уходящего солнца в окнах дома напротив и, словно ненароком, взглянул на скамейки, что стояли на ближайшей к Большой Бронной аллее. Лишь две из них были заняты. На одной сидели два гражданина, ведущие какой-то весьма оживленный спор, на второй же он заметил того, кто назначил встречу. Ошибки быть не могло: расстегнутый серый плащ с темно-красной подкладкой, короткая военная стрижка и, о чем он также был предупрежден, огромный черный пес, смирно сидевший у ног хозяина. Дождавшись, пока стрелки на часах, местных, купленных не так давно вместо привычных тускульских, показали без одной минуты семь, Бен медленно направился к нужной скамейке. При его приближении пес поднял большие острые уши, вопросительно взглянув сначала на Бена, затем на хозяина. Последовало негромкое: «Сидеть, Бара!» Остроухий, немедленно успокоившись, отвернулся в сторону. С уважением поглядев на пса, Бен осторожно присел, постаравшись оказаться подальше от умного зверя. Человек в сером плаще окинул соседа по скамейке спокойным взглядом:

— Добрый вечер. Насколько я понимаю — товарищ Бен?

— Так точно... — Ответ показался почему-то глупым, и Александр поспешил исправиться. — То есть — да. Вы — господин Флавий?

— Совершенно верно. Заметил вас еще на Бронной. Впрочем, мы, кажется, виделись. На Новодевичьем...

Бен кивнул. Да, он уже видел того, кто назвался Флавием. Это было вчера, на Новодевичьем кладбище, где хоронили известного драматурга и бывшего военного врача Афанасия Михайловича Бертяева.

— Я тоже пришел туда, — вздохнул Флавий. — Пришлось нарушить все правила конспирации, но...

По жесткому холодному лицу скользнула судорога боли. Это продолжалось какую-то долю секунды, затем человек в сером плаще вновь стал прежним.

— Вы дали согласие на работу, товарищ Бен. Афанасий Михайлович поручился за вас, поэтому не могу вам не верить. Будете подчиняться непосредственно мне. Напоминаю: от выполнения или невыполнения приказов будут зависеть человеческие жизни, и прежде всего ваша.

— Да... — кивнул Бен.

— Здесь можно сказать: «Так точно», — Флавий улыбнулся. — Впрочем, вы, как бывший руководитель нелегальной группы, не нуждаетесь в инструкциях. Какую подготовку вы прошли на Тускуле?

— Четыре месяца специальных курсов, господин Флавий.

— И полгода подполья в Столице... — задумчиво проговорил человек в сером плаще. — Кое-что... Надеюсь, разговорную речь освоили?

— Уже легче, — вздохнул Бен. — Но все равно порою трудно. Иногда просто язык не поворачивается. Называть даму — «гражданкой»!.. Я и не думал, что за два десятка лет язык может так измениться.

— Не только язык, товарищ Бен. Обратите внимание на манеру держаться, на мимику... Ну, поскольку вам известен мой номер телефона, конспирировать бессмысленно. Я — Лунин Николай Андреевич, заместитель наркома тяжелой промышленности. С товарищем Терапевтом сотрудничал пять лет.

— Граф Бенкендорф Александр Леонтьевич, — Бен привстал. — С господином Бертяевым, то есть с Терапевтом, познакомился в ноябре прошлого года.

Он украдкой взглянул на своего собеседника, но замнаркома Лунин отреагировал на «графа» удивительно спокойно.

— Товарищ Терапевт отзывался о вас очень хорошо. Чем-то вы ему особо понравились.

— Я? — удивился Бен. — Мы виделись с Афанасием Михайловичем очень редко. И теперь, когда уже поздно...

Он не закончил фразы. Перед холодным невозмутимым большевиком не тянуло на подобную откровенность. Но Лунин, кажется, понял:

— Я очень ценил товарища Бертяева. Мы с ним не сходились ни в чем — ни в политике, ни в эстетике, но мне будет не хватать его не только как товарища по подполью...

Флавий тоже не стал продолжать. Похоже, эти слова — максимум того, что он мог позволить себе.

— А почему он называл себя Терапевтом, господин Флавий? Ведь Афанасий Михайлович — хирург по образованию.

Человек в сером плаще пожал плечами:

— Была такая раннехристианская секта. Впрочем, он как-то говорил, что сейчас в обществе невозможна хирургия, необходимо медленное, постоянное лечение. Может, поэтому... Товарищ Бен, обстоятельства вашего появления в Столице вынуждают меня задать вам несколько вопросов. Какой ваш нынешний статус?..

— Неопределенный, — улыбнулся Бен. — С точки зрения НКВД — я бродяга с поддельными документами. Для Тускулы же я злостный невозвращенец. Не исключено, что меня лишат гражданства.

— Почему вы решили остаться в СССР?

Голос Лунина оставался столь же бесстрастным и требовательным. Бен собрался с мыслями, ответить было не так-то легко...

— Во-первых, я не могу одобрить пакта со Сталиным. Этому

бандиту не верил и не верю. Президент Богораз ошибся, более того, этим он обрек на гибель сотни тех, кого мы могли спасти. В организованную эмиграцию не верю, нам подкинут шпионов и вредителей. В общем, я решил, что здесь смогу быть полезным и для России, и для Тускулы...

— А товарищ Терапевт считал, что в вас проснулась русская кровь! — В голосе Флавия чувствовалась хорошо скрытая ирония.

— Я по происхождению немец. Считаю себя тускуланцем и русским уже никогда не стану. Но дело не в национальности. Совершена ошибка, более того — подлость. Богораз бросил людей без помощи — все равно, русских, китайцев или готтентотов. По-моему, ваш Маркс называет это чувство интернационализмом. Я бы рискнул назвать это совестью. Кроме того, — он попытался улыбкой смягчить слишком высокие слова, — защищать Тускулу можно и в России...

— Исчерпывающе... — Николай Андреевич задумался. — О Тускуле мы еще поговорим. Впрочем... Представителем Богораза назначен Иван Косухин. Это ваш друг?

— Мы с ним плохо поговорили напоследок, — Бен отвернулся. — Боюсь, он меня не понял.

— Мне он понравился... — Лунин вновь улыбнулся. — Он так похож на Степана! Когда я впервые увидел его, то подумал, что брежу. Я же не знал, что его отец жив... Итак, вы, бывший руководитель разведгруппы Богораза, готовы сотрудничать с антисталинским подпольем?

— Я не очень готов, господин Флавий, — честно ответил Бен. — Вы мне намекнули, что я даже не слишком похож на советских граждан. Мне легче представиться иностранцем, чем каким-нибудь свердловчанином.

— Из вас получится превосходный иностранец, — Лунин вновь улыбнулся. — Слыхал отзывы.

— И еще.... Я хочу вам передать одну... вещь. Вот...

Бен вынул из кармана нечто небольшое, но необыкновенно тяжелое. Закатное солнце блеснуло на гладкой желтой поверхности слитка.

— Спасибо! — Флавий одобрительно кивнул. — За это можно выкупить человеческую жизнь. Может быть, даже несколько...

— Вы не поняли, — заторопился Бен. — Несколько лет назад мой друг Иннокентий Богораз открыл на Тускуле новый полиметалл, так называемый «ауэрит». Его можно использовать для получения золота из свинца. Установка очень простая, я ее смонтировал в одном надежном месте. Вы не думайте, господин Флавий, я ее не похищал, Кент, то есть Иннокентий Богораз, дал согласие...

— За что ему и вам огромная благодарность. — Подпольщик

отдал Бену слиток. — Если уж пошла речь о ваших возможностях, то в дальнейшем могут понадобиться знакомства в Париже. У вас ведь там есть родственники?

— Сколько угодно. И не только среди эмигрантов.

— И это тоже ценно, особенно после потери контактов, которые поддерживал Афанасий Михайлович через своего брата. Но прежде всего, товарищ Бен, вы нужны здесь. У меня к вам поручение, причем срочное...

— Слушаю вас!

Молодой человек облегченно вздохнул. Ему поверили!

— Меня переводят на Дальний Восток. В Столицу буду теперь наведываться редко. Поручение, товарищ Бен, состоит в том, что именно вам придется возглавить группу.

— Что?!

Наверное, он ослышался. Возглавить группу? Ему, инопланетянину?!

— У нас нет другого выхода, — грустно улыбнулся Лунин. — Впрочем, «группа» — сильно сказано. Сейчас нас осталось трое — вы, я и товарищ Марк. Товарищ Марк не сможет руководить группой в силу специфики своей работы. Остаетесь вы. Я передам вам все связи, их немного. Есть несколько, так сказать, сочувствующих... Итак, возражений нет?

— Нет, господин Флавий, — Бен постарался, чтобы голос не отразил охватившей его растерянности. Николай Андреевич искоса взглянул на собеседника.

— В самом общем виде... Первое — переправка на Запад материалов о терроре в СССР. Вам придется наладить новые каналы взамен потерянных. Раньше этим занимался Терапевт.

Бен кивнул.

— Сталин боится гласности, наши публикации несколько сдерживают НКВД... Второе — операция «Убежище», о ней подробнее в следующий раз. Третье — работа Марка, о ней поговорите непосредственно с ним. Имейте в виду — товарищ Марк сотрудничает с нами скорее по необходимости, чем по убеждению. У него свои цели и планы...

— Он не большевик? — не удержался Бен.

— Марк — непримиримый и решительный враг советской власти. Мы сотрудничаем, его помощь порою незаменима, но методы борьбы не одобрял и не одобряю. Впрочем, у него свои счеты... Это основное. Теперь некоторые частности...

Пес Бара, удивленный длительным невниманием со стороны хозяина, встал, выразительно взглянув на Флавия. Тот усмехнулся и погладил остроухого по загривку, после чего успокоенный Бара вновь вернулся на место.

— Нарушаем режим, — Лунин кивнул на пса. — Он у меня —

как часы, привык... Итак, о частностях. Прежде всего операция прикрытия. Два года назад мы почувствовали опасность, НКВД стал подбираться очень близко. Тогда Марк предложил провести хорошо продуманную дезинформацию. Главная цель — заставить ведомство Ежова пойти по ложному следу и, как сверхзадача, принудить скорпиона укусить себя за хвост. Кое-что удалось, но об этом поговорите с товарищем Марком...

Флавий задумался.

— Еще к одной просьбе прошу отнестись с особым вниманием. Надо узнать, что случилось с нашими товарищами. Их псевдонимы — Орфей и Ника. Впрочем, с Никой вы, кажется, знакомы.

— Ника?

Вспомнился вечер у Бертяева, женщина с именем богини Победы...

— Виктория Николаевна?

— Да. Она вызвалась исполнить очень опасное поручение. Мы должны сделать все — абсолютно все, товарищ Бен, чтобы узнать о ней и о товарище Орфее! И, если живы, — помочь.

Бен вновь вспомнил свою случайную спутницу. Неужели и она попала в подвалы Большого Дома?

— Не сомневайтесь, товарищ Флавий. Я все сделаю...

Непроизносимое слово «товарищ» на этот раз выговорилось легко, само собой. Трудно сказать, заметил ли эту несущественную деталь подпольщик. Впрочем, Николай Андреевич был не из тех, кто упускает мелочи.

— Далее. Вам придется встречаться с неким товарищем Чижиковым. Предупреждаю, это очень сложный человек...

— Оу, тот, что без усов!

Флавий невозмутимо кивнул:

— Тот, что без усов. На вашего друга он не произвел приятного впечатления, более того, кто-то из окружения этого безусого оказался излишне болтлив... Встречаться с ним будете только один на один. По-моему, вы договоритесь, товарищ Чижиков теряется при разговоре с аристократами.

Ирония могла относиться к кому угодно — к Бену, к товарищу Чижикову или к ним обоим.

— Господин Флавий, кто из них настоящий — с усами или без?

— Оба липовые! — Николай Андреевич недобро рассмеялся. — Тот, что с усами, опаснее, но, если их поменять местами, ничего не изменится. Больше, товарищ Бен, ничего не скажу. Партийная тайна, не обижайтесь.

Бен не обиделся, но любопытство только выросло. Все-таки он попытается раскусить этот ребус! Обязательно попытается...

— С этим осторожнее, — понял подпольщик. — Не спешите, сейчас не это главное. Итак, задача, думаю, ясна. Будет нелегко,

товарищ Бен. Я знал, что рано или поздно меня отправят из Столицы подальше, но очень надеялся на Терапевта...

Бен молча кивнул. Да, без Афанасия Михайловича будет трудно. До сих пор не верилось, что этого человека нет в живых.

— Господин Флавий, вы говорили, что были с ним не согласны. Ну, политика — это понятно. Но вы упомянули эстетику...

Лунин развел руками:

— Увы, никогда не был поклонником его творчества. Пьесы товарища Терапевта могут нравиться «бывшим», но не такой серой кости, как я. Знаете, я пошел воевать в октябре 17-го и нагляделся на благородных полковников и сентиментальных поручиков. Тут товарищ Терапевт меня никогда не убедит... Вы знаете, незадолго до смерти он закончил роман.

— В самом деле? — удивился Бен. — Вы читали? О чем он?

— Читал, — Николай Андреевич задумался, — Афанасий Михайлович почему-то интересовался моим мнением... О чем — сказать нелегко. В общем, мрачная интеллигентская мистика. Христос, Пилат, фантазии в духе Гёте, всяческие видения... Правда, кое-что он взял из нашего, так сказать, бытия. Даже нарушил конспирацию — рассказал об одном реальном случае из жизни группы. В общем, я не в восторге.

— Все равно! — Бен покачал головой, нимало не убежденный. — Я хотел бы прочесть! В любом случае это надо напечатать.

— Когда-нибудь, — кивнул подпольщик. — Когда всех нас уже не будет в живых. Может, вы и правы, товарищ Бен, этот роман еще принесет сюрпризы... Впрочем, нам пора.

Бен удивленно оглянулся. Действительно, уже совсем стемнело. Патриаршие опустели, вокруг стояла тишина, только со стороны Бронной еле слышно доносился трамвайный звонок.

— Пойдем, Бара!

Пес радостно вскочил, даже подпрыгнув от нетерпения. Лунин потрепал его за уши, вызвав тем новый приступ радости, затем повернулся к своему спутнику.

— Вы уходите первым. Обо всем остальном — послезавтра, здесь же в это время. Удачи вам, Александр Леонтьевич.

— Спасибо, Николай Андреевич.

Возле турникета, отделявшего сквер от пыльного уличного асфальта, Бен оглянулся. Человек в сером плаще с красным подбоем и остроухий пес стояли неподвижно, глядя ему вслед...

...Пустельга очнулся, словно от толчка, сразу же почувствовав опасность. Тело напряглось, но Сергей заставил себя успокоиться. Торопиться нельзя. Не спешить, не выдавать себя, лежать неподвижно... Он глубоко вздохнул и понял, что не ранен, лишь

очень слаб. Правда, на руках и груди чувствовалась какая-то неприятная корка. Кровь? Но на нем нет даже пореза! Он лежит где-то в сыром помещении на чем-то жестком, руки и ноги не связаны, левая рука прижимает к груди какой-то предмет, похожий на призму...

Оставалось вспомнить о том, что случилось. Итак, ночью он почему-то проснулся, затем в дверь позвонили, он открыл... Вера! Вера Лапина! Он впустил ее, она оглянулась, он еще успел удивиться — у девушки были такие странные глаза! И тут...

Все стало на свои места. Интересно, куда его спрятали? Сквозь прикрытые веки проникал неяркий свет, откуда-то доносился непонятный шум, похожий на стук костей. Итак, он здесь не один, кто-то рядом, и этот «кто-то» едва ли из числа друзей. Однако его не связали — и зря! Кое-что показать своим тюремщикам он еще сможет...

На миг Сергей ощутил злой азарт, но тут же вернулась тревога. Он упустил что-то очень важное, даже страшное... Да, конечно, ему снился странный сон! Он не Пустельга, а какой-то Павленко, смертельно больной, умирающий...

Пустельга глубоко вздохнул, по-прежнему не открывая глаз. Слава богу, приснилось! Не иначе, накачали наркотиком... Ему еще привиделось, будто он разговаривает с самим товарищем Сталиным, затем какая-то часовня, черные тени в углах, его подводят к каменной плахе, кровь — его кровь...

...По телу прошла волна боли, в глазах вспыхнуло темное тяжелое пламя...

Он *вспомнил.*

Наверное, Сергей застонал, поскольку тот, кто находится рядом, замер. Пустельга понял, что притворяться дальше не имеет смысла.

— Очнулся, майор?

Голос показался незнакомым, со странным акцентом, Пустельга открыл глаза...

...Часовня, та же, что и несколько дней назад. Исчезли черные драпировки, звезда над алтарем, камень с резной черепахой. Даже пол стал прежним — неровным, в глубоких выбоинах. Сергей лежал на досках, рядом горела свеча, а в ногах у него сидел человек в черном балахоне и такой же шапочке. Они уже виделись — этот узкоглазый в шутовской одежде стоял слева от Агасфера, именно он взмахнул рукой, разрубая ему грудь... Пустельга дернулся и медленно сел. Узкоглазый не отреагировал, лишь руки начали перебирать длинные четки. Вот, значит, откуда шел стук!

Сергей оглянулся, заметив у входа какую-то тень. Стерегут, не уйти...

— Успокоился? — человек в балахоне встал, держа в руках большую темную чашу. — Выпей!..

Сергей подчинился. По телу разлилась горячая горечь. Сразу же стало легче, слабость отступила.

— Спасибо...

Послышался негромкий смех:

— Спасибо скажешь не мне, майор! Я только сидел возле тебя и смотрел, как гаснет Кровавый Рубин. Мало кто видел такое. Сидеть пришлось долго...

Пустельга провел ладонью по лицу. Кажется, он не брился не меньше недели. Рубин? Ну конечно, призма! Он разжал левую руку. И это знакомо, точно такой лежал в разбитом гробу на Донском. Тогда Рубин напугал самого Волкова...

— Я что — умер?

Узкоглазый вновь засмеялся, и Сергей поспешил исправиться:

— Я... я хотел спросить... Я был мертвым?

— Нет, — смех оборвался. — Будь ты мертвым, даже ваш пророк Иса не воскресил бы тебя. Ты умирал, майор, ты прошел полпути до царства Ямы, но тебя вернули. Агасфер разрешил мне побыть с тобою. Не каждый день дух-цха вновь становится человеком!

Да, он уже не был болен. Наверное, Сергей стал первым, кто победил болезнь Воронина. Но как? Неужели кристалл?

Узкоглазый поднялся и протянул руку. Пустельга неохотно отдал камень.

— Кто вы такой?

— ЗК Гонжабов. — Человек в балахоне хмыкнул. — Статья 58-я, гражданин майор, «четвертак». У тебя есть еще вопросы?

— Есть! — Пустельга тоже встал, слабость окончательно пропала. — Что это за Рубин?

Гонжабов покачал головой:

— Ты не поймешь... Могу сказать, что он — капля крови царя Ямы, и его сила перешла в тебя, изгнав из тела демона. Я не умею говорить на языке, понятном тебе, майор. Спроси Агасфера...

Да, Филина стоило бы спросить — и о Рубине, и о Венцлаве, и об Орловском. А еще — о смерти Веры, о Микаэле Ахилло, о Виктории Николаевне...

— Ты увидишь его. Но не сейчас. Слушай, он приказал передать...

Узкоглазый помолчал и заговорил совсем по-другому — негромко, без всякого акцента. Сергею показалось, что он вновь слышит голос Иванова:

— ...Я выполнил свое обещание, Сергей Павлович. Вы мне нужны, но я не могу вам верить. Поэтому я дам вам время подумать. Захотите мне служить — позовете...

Сергей усмехнулся. Где ему предстоит думать? В ежовских подвалах?

— Значит, я арестован?

Гонжабов пожал плечами:

— Чем ты лучше меня, майор? Агасфер обещал, что нас поселят рядом. Еще увидимся...

Это тоже было понятно. Даже если Сергей даст согласие, его будут держать на «тюрположении». Живой детектор нуждается в надежной охране.

— Иди, майор! — Человек в балахоне кивнул в сторону выхода. — Ты не звал меня в советчики, но все же выслушай напоследок: соглашайся сразу, иначе позавидуешь своему дружку капитану Ахилло...

Пустельга промолчал. Не время! Но он запомнит... Уже у самого выхода Сергей оглянулся. Гонжабов стоял, скрестив руки на груди, недвижный, словно каменный идол. Майор вспомнил о Рубине, пожалев, что так легко отдал камень.

— Кто дал мне Рубин?

— Зачем тебе? Хочешь сказать спасибо? — Узкоглазый покачал головой. — Ты опоздал. Его дала тебе женщина, которую ты знал. Рубин мог помочь ей самой, но она оказалась недальновидной...

На душе стало горько. Виктория Николаевна! Зачем она так поступила?

— Она... она жива?

В ответ послышался смех — злой, торжествующий. Пустельге захотелось тут же, на месте убить этого негодяя, но он вновь приказал себе успокоиться. Не дадут, а силы надо беречь.

...В галерее его встретили двое — огромный верзила и невысокий парень. Темнота не позволяла разглядеть не только лица, но и форму, и Сергей так и не понял, кто пришел за ним. Впрочем, какая разница? ОСНАЗ, «малиновые», «лазоревые» — все едино...

— Гражданин Пустельга?

На запястьях защелкнулись наручники, Сергея легко подтолкнули в спину. Дорогу он помнил, хотя освещение уже не горело, подземные коридоры были черны и безмолвны. Пустельга шел почти не глядя, не открывая глаз. Пусть о дороге думают конвоиры! Справа повеяло холодом, и Сергей сообразил, что они прошли место, где из стены выступал край черного гроба. Проснулось любопытство: чего боялся Агасфер? Впрочем, этого уже никто не скажет.

Наконец пахнуло свежим воздухом. Они были в круглом зале, теперь путь вел направо — вверх по галерее, но конвоиры почему-то не спешили. Вспыхнул фонарь, луч упал на противоположную стену...

— Сюда? — неуверенно поинтересовался верзила. Тот, что был пониже, прошептал что-то ему на ухо. Парень хмыкнул и выключил фонарь. Пустельгу взяли за локти и быстро провели через зал к проходу, ведущему куда-то в противоположную сторону от набережной. Сергей не сопротивлялся. Может, его решили просто ликвидировать? Но Пустельга не чувствовал опасности, напротив, конвоиры сами волновались. В чем дело?

Они прошли с полкилометра, затем фонарик вновь вспыхнул. Невысокий, который был здесь явно старшим, кивнул на боковой коридор. Здесь своды были пониже, верзиле приходилось то и дело наклоняться. Наконец фонарь высветил небольшое помещение с тремя темными входами.

— Стой! — Верзила облегченно вздохнул, и в ту же секунду Пустельга почувствовал, как с него снимают наручники. — Передохнем?

— Можно...

Голос невысокого прозвучал неожиданно. Сергей чуть не вскрикнул.

— Узнали? — Карабаев включил фонарь и кивнул на кучу камней в углу. — Так что присядем, товарищ майор. В ногах правды нет.

Пустельга послушно сел. Прохор достал спички и пачку «Казбека».

— Курите, товарищ майор. У вас, наверно, забрали.

— Спасибо...

Пустельга взял папиросы, но тут же вспомнил, что не курит. Курил майор Павленко, смертельно больной человек, которому никотин помогал прогнать подступивший к сердцу холод... Сергей засмеялся:

— Я же не курю, Прохор! Я и дыма не выношу, забыли? Мы ведь пепельницу для Микаэля держали!

— Пепельницу? — Прохор замялся. — Так вы...

— Я вспомнил! Я здоров, Прохор Иванович! Понимаете? Хотите, скажу, как я с вами познакомился? Я разговаривал с Айзенбергом, тут вошли вы и сказали, что звонят по поводу Корфа...

— Слава богу! — Сергей с удивлением увидел, что Карабаев перекрестился. — Так вот чего за вас взялись, товарищ майор! Вовремя мы с земелей сообразили. Да, товарищ майор, познакомьтесь...

— Евлампий я, — верзила протянул огромную лапищу. — Ну, а чтобы проще — Женя... Прохор, я чего думаю, ко мне идти надо. Товарища майора переодеть следует.

— Нет, — Карабаев задумался, — ты, Евлампий, уходи сейчас. Я тебя сам найду. Дорогу помнишь?

Парень провел фонариком по стенам.

— Ага... А ты?

Прохор не ответил. Евлампий засуетился, выбросил наручники в темный угол, сорвал с петлиц эмблемы со щитом и мечом.

— Не спеши! — остановил его Карабаев. — Иди в форме, так безопаснее.

— Ага. Так точно...

Евлампий покорно кивнул, и Пустельга окончательно убедился, кто именно тут руководит. Он пожал руку «земеле», и тот, пожелав удачи, шагнул в темный коридор.

— Подождем, товарищ майор, — Карабаев расположился поудобнее, словно сидел не на камнях, а в кресле. — Сейчас еще светло, часок посидим.

Пустельга не ответил. Слишком многое свалилось на него за эти полчаса. Итак, Агасфер решил отправить его в подвалы Большого Дома, чтобы строптивый «детектор» осознал свое место, но Сергея встретили не конвойные волки, а старший лейтенант Прохор Карабаев вкупе с «земелей» по имени Евлампий...

— Прохор! Вы понимаете, что вы сделали? Я — враг народа! Вас же отдадут под трибунал!

— Да ну? — Карабаев усмехнулся. — Удивили вы меня, товарищ майор. Я-то думал, орден дадут, как товарищу Ахилло.

— Вы не понимаете! — Пустельга вскочил. — Вас могут расстрелять!

— Да расстреливали меня, — спокойно ответил старший лейтенант. — Этим-то уже не напугают.

— Как?!

От неожиданности Пустельга отшатнулся. Что с Карабаевым? О чем это он?

— Просто расстреливали. Меня, батю и брата старшего. Отвели за село, к лесу, поставили на опушке... Батю сразу убило, а братан еще стонал, его Прошка добил. Он и в меня стрелял, да промазал, пуля у виска в землю вошла. Пьяный был Прошка... Мне руку пробило, я, как стемнело, в лес уполз, отлежался, потом добрые люди выходили...

— Постойте... Ваш отец погиб на гражданской!..

Карабаев пожал плечами.

— Не-а, это у Прошки батя партизанил. Мой у Семенова служил. Да чего там, служил — мобилизовали, не спросили. Вот Прошка и не мог простить, ждал, чтобы достать батю-то. Дождался...

— Прошка?

У того, кто сводил счеты с семьей старшего лейтенанта, почему-то оказалось знакомое имя.

— Ну, Прошка. Прохор Карабаев, братан двоюродный. Участковым у нас был. В тридцатом, как колхоз стали организовывать, он семью нашу в первую категорию записал.

Первая категория? Сергей вспомнил: раскулачиваемые делились на три разряда. Первый — особо опасные, их судили на месте.

— Он не только нас сгубил, Прошка-то! Восемь семей разорил. Кого постреляли, кого отправили на кулички. Мамку и сестру сослали — так и не нашел... Лютовал Прошка, выслуживался!..

— Выходит, этот Прохор — ваш двоюродный брат?

Пустельга никак не мог поверить. Он догадывался, что в тридцатом бывало всякое, но эта простая история все же поразила.

— Ну, я и говорю, — кивнул Карабаев. — Его батя и мой — родные братья, только его — Иван, а мой — Игнат.

— Так вы... не Карабаев?!

— Карабаев я, — сибиряк усмехнулся. — Только не Прохор — Марк Игнатович. Марк — это в честь евангелиста, я в его день родился. Батя хотел Иваном назвать, да поп уперся: раз в день Марка, значит, так и крестить надо.

Теперь все наконец становилось понятным. Здорово же его водили за нос!

— Айзенберга — вы?

— Я, конечно, — кивнул Марк. — Он, гад, умнющий был, сразу учуял, что в группе чужой. Стал копать, да не успел. Пришлось рискнуть...

Сергей почему-то не удивился. Ведь они так и думали, что в группе чужак. Об этом говорил ему сам Карабаев — прямо в лицо!

— А как вы, Прохор, то есть, простите, Марк, в НКВД попали?

— Да просто. Полгода в тайге отсиживался, а потом Прошку в Омск вызвали — в спецшколу. Выслужился!.. Ну, я его и встретил дорогой. Даже фотографию менять не пришлось. Батяни наши близнецами были, так что и нас с Прошкой спутать можно.

Пустельга молча кивнул. Ну и нервы же у этого парня!

— Меня зачем выручили?

Сибиряк не ответил, и Сергей заторопился:

— Марк, я вам, конечно... То есть без всякого «конечно», я вам на всю жизнь благодарен, но я не враг советской власти. Я не могу, не буду сотрудничать с «Вандеей»! Если вы действовали по приказу подполья, то лучше дайте револьвер. Застрелюсь — и точка...

— Чего с оружием баловать? — удивился Марк. — Товарищ майор, ну вы, извините, как интеллигент какой-то... Враг — не враг... Да и нет никакой «Вандеи»! Мы же вам с товарищем Ахилло прямо говорили, а вы не верили...

Господи! А ведь действительно. Ну и слепым же он был!

— Операция прикрытия? Дезинформация?

Пустельга вспомнил толстую папку с «вандейскими» документами.

— Это что, вы придумали?

— Ну, не только я... — Марк хмыкнул. — Вы бы, товарищ майор, и сами до правды дошли, да не успели. А Ежов не сообразит. Дурной он, хотя и злобы неимоверной. Ну и пусть! Он как «Вандею» искал, половину Главного Управления на распыл пустил, да и областные поразгонял. Сами себя душить начали, сволочи! И Ежов, думаю, не усидит — схарчат! Ему, говорят, нового зама готовят — Берию с Кавказа. Он его и приголубит...

Пустельга кивнул. Да, сработано неплохо. Очень хорошо сработано! Но ведь они враги? Однако Сергей не ощущал ненависти, скорее чувствовал восхищение и профессиональную зависть.

— Прохор Иванович... Извините, Марк. Поделитесь опытом! Значит, ваши люди подбросили информацию агентуре НКВД в Париже и Харбине?

— Угу, — кивнул сибиряк, — сразу вцепились. Им только дай намек, а уж факты сами найдут! Чтоб достовернее было, я из сводок, что к нам поступают, выписывал все аварии, пожары...

— Для «группы Фротто», — понял Пустельга. — Да, все верно. Ежов — не Ягода, сразу же начал изменников в Главном Управлении искать. Постойте... А Дом на Набережной? Беглецы? Ведь это правда?

— А вот это — правда, — кивнул Марк. — Для того все и затеяно, чтобы туда не совались.

— А Корф?

Карабаев пожал плечами:

— Ни разу не встречал. Не знаю даже, жив ли. Его уже без нас к делу приплели. Вот Лантенак, Фротто, Кадудаль — это уж точно. Придумали! Помните, вы мне роман приказали прочесть?

...А он еще посмеивался над малообразованным парнем, впервые открывшим книгу Виктора Гюго!

— Ну, спасибо, Марк, просветили! Только я не понял, зачем вы мне это рассказали? Хотите завербовать?

— А чего вас вербовать-то, товарищ майор? Вас уже без нас завербовали. Разве нет?

Сергей задумался. Да, все верно... Значит, работать на врага? Но ведь он и так «враг народа»? Нет, неправда! Пустельга не враг народа, он враг Агасфера, Ежова, «малиновых», «лазоревых», враг Волкова и его «саперов». Он враг желтоглазого...

— И какое у меня будет задание, товарищ Марк?

— А это начальство определит, — спокойно ответил Карабаев. — В подполье, как в НКВД: дисциплина — первое дело. Только, может, у вас, товарищ майор, свои соображения имеются?

Да, у Сергея были соображения. То, о чем думал в последние недели, что казалось неосуществимым, — узнать, как погибла Вера Лапина, как исчез Микаэль Ахилло, что случилось с Юрием

Орловским, с той, что отдала ему Рубин... Но Пустельга понял, что это не главное.

— Марк, вы должны рассказать своим товарищам. Это важно!.. В руководстве СССР имеется группа, которую возглавляет некий Иванов, он же Агасфер. Этот Иванов называет себя помощником товарища Сталина. То, что он делает, очень опасно.

— Помощник Сталина, — Марк недоверчиво покачал головой. — Что мы можем сделать?

— Я, кажется, кое-что придумал, — усмехнулся Пустельга. — Слушайте!..

Шторы в кабинете были опущены, горела лампа, и трудно было даже определить, день или ночь сейчас на дворе. Вероятно, для тех, кто работал здесь, этот вопрос не представлялся важным. В этот день — или в эту ночь — огромный кабинет, где мог разместиться целый взвод, пустовал. Никто не сидел за тяжелым, покрытым зеленым сукном столом, люстры были включены, по углам сгустились уродливые тени. Но один человек здесь все-таки присутствовал. Он удобно устроился в кресле, поставив лампу на небольшой столик. Там же находился сифон с газированной водой, несколько карандашей и незаконченный рисунок. Человек листал пухлую папку, с интересом перечитывая один лист за другим.

Открылась боковая дверь, и в кабинет вошел некто, совсем не походивший на сидевшего в кресле. Тому было едва за тридцать, он носил изящный штатский костюм и казался похожим на спортсмена. Вошедший же был немолодым, лысоватым и худосочным альбиносом, светло-зеленая форма с большими звездами в петлицах сидела на нем мешковато, словно с чужого плеча.

Альбинос подошел к креслу, осторожно взяв со столика незаконченный рисунок.

— Узнали? — Читавший даже не поднял головы.

— Ну конечно, Арвид! Карадаг! Подарите?

— Эту мазню? Впрочем, ежели хотите...

Вошедший взял стул и присел рядом. Молодой человек дочитал лист, аккуратно вложил его в папку и принялся завязывать тесемки.

— Ну как? — поинтересовался альбинос. — Понравилось?

Арвид не спешил с ответом. Затем, прикрыв глаза, неторопливо проговорил:

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю.
И грозное «баюшки-баю»
Кулацкому баю пою...

— Так и знал, что понравится! — воскликнул альбинос. — Я приказал сделать копию — специально для вас.

— Я оценил, Василий Ксенофонтович, — кивнул молодой человек. — Сколько ему дали?

— Не помню. От него уже не осталось даже лагерной пыли.

— Загубили, — без всякого выражения проговорил тот, кто походил на спортсмена. — Идиоты. Лебедевы-Кумачи. Исаковские...

— А также Бедные, Голодные и прочие Бездомные, — подхватил альбинос. — А здорово он написал: «Хорошо умирает пехота...»

— «...И поет хорошо хор ночной....» Ну, отечество!

— Не критиканствуйте, товарищ майор! — Василий Ксенофонтович отложил папку в сторону, достал пачку «Герцеговины». — Избаловали мы вас... Кстати, Арвид, у вас как с памятью? Имя свое еще помните?

— Помню. — Вопрос ничуть не удивил «спортсмена». — Прикажете забыть?

— Увы! Прикажу. Агента Иностранного отдела майора Арвида больше не существует. Он осужден специальной коллегией военного трибунала и расстрелян аккурат две недели назад.

Тот, кого расстреляли, на этот раз замолчал надолго, наконец поинтересовался:

— И все-таки — за что?

— За многое, за многое! — Альбинос всплеснул руками. — Майор Арвид был агентом-двойником, вредителем, а заодно покровительствовал некоторым крайне сомнительным личностям, даже просил за них у руководства. Например, он интересовался судьбой некоего Орловского...

— Вы что? Расстреляли Юрия?! — На загорелом лице разведчика впервые что-то дрогнуло.

— Забудьте, забудьте! — улыбнулся Василий Ксенофонтович. — Не было никакого Юрия и никакого Арвида. Есть вы — враг народа и беглый лагерник Владимир Михайлович Корф. И учтите, ни по каким бумагам, кроме как по розыскным, вы не проходите, о нашем сотрудничестве знают, кроме меня, еще двое, включая товарища Сталина. Теперь все ясно?

— Зачем меня приплели к «Вандее»? — поинтересовался бывший майор Арвид.

— Что вы, Володя, это не мы, — усмехнулся Василий Ксенофонтович. — Это идиоты из ежовских выдвиженцев. Но ведь это не помешало, правда?

— Да. Тургул поверил сразу. Было даже неинтересно...

— Ну, не скромничайте! — Альбинос вновь улыбнулся. — Работа ваша признана отличной, жаль, орден вручать некому... Какие имеются рекомендации?

Владимир Корф задумался:

— Ищите возле Бертяева. Уверен — его идея. Жаль, ушел — как чувствовал! Ему помогал кто-то очень осведомленный. Может, даже двое: один — из партийных верхов, второй — из Большого Дома.

— Учтем, — кивнул Василий Ксенофонтович. — Ну что ж, еще раз поздравляю, ребус вы решили блестяще... Кстати, два дня назад видел наш новый «Су-2». Скоро пустят в серию.

— «Накадзима»? — Корф оживился. — Значит, все-таки решились! Удар на Западе?

— Да! Германия! Отныне наша основная работа — обеспечение операции «Гроза».

— Я готов, товарищ комиссар госбезопасности! — Корф подтянулся, глаза блеснули, как у охотника при виде долгожданной дичи.

— Не спешите, не спешите, Володя! — Альбинос покачал головой. — Экий вы нетерпеливый! Германией займутся другие, ваша цель прежняя — Тускула. И теперь вам уже не придется ехать в Абердин...

— Да, теперь проще, — согласился молодой человек. — Но, Василий Ксенофонтович, объясните! Ведь у нас пакт с Богоразом?

— Совершенно верно! — Комиссар госбезопасности хмыкнул и даже подмигнул. — Пакт с Тускулой — блестящее достижение советской дипломатии. Теперь барьера нет. Наши люди смогут проникать туда без малейших помех. И тогда...

— И тогда... — без всякого энтузиазма согласился Корф. — Мне записаться в число эмигрантов?

— Нет, нет, ни в коем случае! — Василий Ксенофонтович перешел на шепот. — Там тоже есть умные головы, могут заподозрить. Вы должны попасть туда нелегально, как герой антисоветской борьбы! Надеюсь, Любовь Леонтьевна это сможет устроить?

— Без проблем. Она мне уже не раз предлагала.

— Вот и отлично. Кстати, вы не могли закрепить ваши отношения? Ее семья весьма уважаема в Свято-Александровске. Вы же, так сказать, ее спаситель!

— У Любы другие планы, — усмехнулся Корф. — Ей хочется стать мадам президентшей.

— Ай-яй-яй, — вздохнул альбинос. — Такое честолюбие в ее возрасте! Ну, это уже детали. Итак, ваша цель — Тускула. Попасть, закрепиться и действовать!

Корф задумался, Василий Ксенофонтович не торопил, продолжая жадно курить. Покончив с первой папиросой, он тут же полез в пачку за следующей.

— Ну что ж, — Корф кивнул. — Итак, агентурная разведка на Тускуле?

— Нет! — Альбинос победно улыбнулся. — Ваша цель — в другом. В то время, как наши товарищи готовят операцию «Гроза», вы будете работать над тем, чтобы поднять красное знамя над Президентским дворцом Свято-Александровска!

— Ого! — Молодой человек откинулся на спинку кресла. — Не слишком?

— Это задание товарища Сталина! — отчеканил Василий Ксенофонтович. — Мы взяли Тускулу за руку и уже не отпустим. Именно вам поручается основная работа. Методы, способы — это уже на месте. В общем, можем устроить соцсоревнование: кто раньше поднимет красный флаг — наша армия над Берлином или вы — над Тускулой.

Молодой человек, не приняв шутки, вновь замолчал, глядя куда-то в сторону.

— Ясно. Когда прикажете приступать?

— Вы уже приступили...

Альбинос прошелся по кабинету, затем вернулся и заговорил совсем другим тоном:

— Знаете, вспомнил... В двадцатом у нас по одному делу проходил какой-то учитель из Калуги. Я его напоил чаем, он, бедняга, расчувствовался и принялся изливать душу. Оказалось, он, ко всему, еще и философ. Так вот, он считал, что очень скоро человечество начнет заселять космос. Не планеты — нет, именно космос, возникнет гигантская сфера, населенная людьми...

— Его тоже расстреляли?

— Не помню, — покачал головой Василий Ксенофонтович. — Наверное. Но идея мне понравилась. То, что делают на Тускуле, по-моему, лишь первый шаг. Скоро мы увидим остальное. Так вот, Володя, очень важно, **кто** *построит эту сферу. Понимаете?*

— Вы предлагаете мне пост наркома межпланетного НКВД? — поинтересовался Корф, и оба, не выдержав, рассмеялись.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ТРИЛОГИИ
1994—1995 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга четвертая
ТЫ, УСТАВШИЙ НЕНАВИДЕТЬ

Глава 1. ПОРАЖАЮЩИЙ ЗМИЯ 12
Глава 2. НОВОЕ МЕСТО СЛУЖБЫ. 28
Глава 3. КОНВЕЙЕР 45
Глава 4. ГРУППА «ВАНДЕЯ». 62
Глава 5. ЗЭК СО ЗНАНИЕМ ДХАРСКОГО 81
Глава 6. ПРЕМЬЕРА 99
Глава 7. КНИГА УЧИТЕЛЯ 115
Глава 8. «АИДА». 131
Глава 9. ОСОБЫЙ РАЙОН 147
Глава 10. ВЕРА ЛАПИНА 170
Глава 11. «СПРЯЧЬ ДУШУ». 188
Глава 12. ТЕМ, КТО ВЕРНУЛСЯ, НЕ ВЕРЬ. 203

Книга пятая
МНЕ НЕ БОЛЬНО

Глава 1. КОМАНДИРОВКА. 221
Глава 2. ЧИФ 238
Глава 3. ЯЙЛА 254
Глава 4. ШЕСТНАДЦАТЫЙ С КРАЮ 272
Глава 5. ХРАНИТЕЛЬ 287
Глава 6. АФАНАСИЙ МИХАЙЛОВИЧ 304
Глава 7. «НЕ НАВРЕДИ!». 320
Глава 8. ГОСТИ БЕРТЯЕВА 339
Глава 9. ТЕПЛЫЙ СТАН 352
Глава 10. «СИБЫ» 368
Глава 11. ЗА ГРАНЬ 386
Глава 12. «ВЕТЕР ЗАПАДНЫЙ ТРЕПЛЕТ ЗНАМЕНА...» . . 400

Книга шестая

ОРФЕЙ И НИКА

Глава 1. «ДЕТЕКТОР ЛЖИ» 419
Глава 2. НОМЕР СОРОК ТРЕТИЙ 435
Глава 3. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 452
Глава 4. ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД 467
Глава 5. НИКА 484
Глава 6. МРАМОРНАЯ СЛЕЗА 501
Глава 7. ЭХО И ПУСТОТА 518
Глава 8. ЧАСОВНЯ СКУРАТОВЫХ 536
Глава 9. «СПРОСИ ЦВЕТОК ЛОТОСА» 556
Глава 10. СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНОГО 573
Глава 11. ВОРОБЬИНЫЙ ЛЕС 591
Глава 12. КРОВАВЫЙ РУБИН 609

Литературно-художественное издание

Андрей Валентинов

ОКО СИЛЫ

Вторая трилогия

1937—1938 годы

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Л. Перовская*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.07.2001.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 8000 экз. Заказ 929.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@ eksmo.ru

Книга — почтой: **Книжный клуб «ЭКСМО»**
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@ eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1
Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.
М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.
т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО». Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ООО «ПРЕСБУРГ», «Магазин на Ладожской». Тел.: 267-03-01(02)
Москва, ул. Ладожская, д. 8 (рядом с м. «Бауманская»)

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Любите читать?
Нет времени ходить по магазинам?
Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

Тогда каталоги Книжного клуба "ЭКСМО" – то, что вам нужно!

Раз в квартал вы БЕСПЛАТНО получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**
Телефон "горячей линии" **(095) 232-0018**
Адрес в Интернете: **http://www.eksmo.ru**
E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

Издательство ЭКСМО представляет

СЕРИЮ

Нить времен

Золотой фонд философского боевика

«Нить времен» ведет по лабиринту пространства и времени.

Клубок разматывается, нить запутывается, заводит то в непроходимые дебри, то на бескрайние равнины.

Найдите выход из этого лабиринта, но не забывайте – у каждого он свой...

НОВИНКА ЛЕТА'2001:

А. Валентинов "Око силы"

Первая трилогия. 1920-1921 гг.

Вторая трилогия. 1937-1938 гг.

Третья трилогия. 1991-1992 гг.

Все книги объемом 500-650 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000. Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: http://www.bookclub.ru

Издательство ЭКСМО ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

«НАШИ ЗВЕЗДЫ»

Классика современной российской фантастики

Здесь – встреча далекого будущего и реального настоящего.
Здесь решаются судьбы галактических цивилизаций и всей Вселенной.
Мастера фантастики ведут читателя навстречу звездам Вселенной.
И звезды обязательно будут нашими!

НОВИНКИ ЛЕТА'2001:

А. Калугин "Точка статуса"

Все книги объемом 500-750 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:
101000, Москва, а/я 333, Книжный клуб "ЭКСМО"
Наш адрес в Интернете: http://www.bookclub.ru

ISBN 5-04-008325-4